

Клайв Баркер
Таинство

Аннотация

Фотограф Уилл Рабджонс, сделавший карьеру на снимках исчезающих видов дикой природы, попадает в лапы белого медведя. В результате серьезной травмы Уилл погружается в кому, и его сознание возвращается к дням юности, трагическому событию, перенесенному молодым Рабджонсом и загадочной супружеской паре — Розе Макги и Якобу Стипу, ставшими его друзьями. Выйдя из комы и поправившись, он отправляется в Англию, чтобы разыскать тех, кто дал ему свою любовь и знания. Во время своего путешествия Уилл узнает загадку Домус Мунди, а также понимает, как его судьба связана с судьбой остальных существ, населяющих нашу планету.

Клайв Баркер

ТАИНСТВО

Я — человек, а люди — такие животные, которые рассказывают истории. Это дар Божий. Он создал нас словом, но конец истории оставил недосказанным. И эта загадка не дает нам покоя. А как могло быть иначе? Только нам кажется, что без концовки нельзя осмыслить прошлое — нашу жизнь.

И потому мы сочиняем собственные истории, лихорадочно пытаюсь подражать Творцу, завидуя Ему и надеясь, что однажды нам все-таки удастся рассказать то, что недоговорил Господь. И тогда, закончив нашу историю, мы поймем, для чего родились.

Часть первая

ОН СТОИТ ПЕРЕД ЗАПЕРТОЙ ДВЕРЬЮ

I

У каждого часа своя тайна.

На рассвете это загадки жизни и света. В полдень — головоломки очевидности. В три часа, в самый разгар дня, уже высоко стоит призрак луны. В сумерки — воспоминания. А в полночь? Ну, полночь — это секрет самого времени, дня, уходящего в историю, пока мы спим, дня, который не вернется больше никогда.

Когда Уилл Рабджонс появился у видавшей виды деревянной лачуги на окраине Бальтазара, была суббота. Теперь время уже перевалило на воскресенье, и поцарапанный циферблат часов Уилла показывал два часа семнадцать минут. Час назад он допил остатки бренди из фляжки, поднимая ее в честь северного сияния, блиставшего и мерцавшего далеко за Гудзоновым заливом, на берегах которого стоит Бальтазар. Уилл бесчисленное количество раз стучал в дверь лачуги, призывая Гутри уделить ему всего несколько минут. Два или три раза создавалось впечатление, что Гутри вот-вот отзовется. Уилл слышал, как он что-то бубнит за дверью, а однажды даже повернулась дверная ручка. Но Гутри так и не появился.

Это не испугало Уилла и даже не особенно удивило. Все знали, что старик сумасшедший. Все — это мужчины и женщины, которые выбрали местом жительства один из самых суровых уголков планеты.

«Уж если кто и разбирается в сумасшествии, — подумал Уилл, — так это они».

Что, кроме своего рода безумия, могло заставить людей обосноваться — пусть и таким маленьким поселением, как Бальтазар (всего тридцать два человека), — на лишенной растительности, обдуваемой всеми ветрами приливной зоне, которая полгода покрыта снегом и льдом, а в течение двух из оставшихся месяцев тут разгуливают белые медведи, мигрировавшие через эти места поздней осенью в ожидании, когда замерзнет залив? И уж если эти люди говорят, что Гутри сумасшедший, значит, для этого есть все основания.

Но Уилл умел ждать. По роду своей деятельности он немало времени провел в ожидании — сидел с заряженными камерами, держа уши на макушке, в укрытии, яме, вади, среди деревьев и ждал, когда появится интересующий его объект. Сколько из этих существ были, как Гутри, безумными, отчаявшимися? Конечно большинство. Звери, предпринявшие бессмысленную попытку убежать от надвигающейся человеческой цивилизации, звери, чье существование и среда обитания оказались на грани исчезновения. Его терпение вознаграждалось не всегда. Иногда, изнывая от жары или трясаясь от холода несколько часов и даже дней подряд, он был вынужден сдаться и двигаться дальше: заповедный уголок, на поиски которого он вышел, не имел будущего, однако не хотел показывать свое отчаяние перед объективом.

Но Гутри был человеческим животным. Хотя он спрятался за стенами из хрупких досок

и поставил перед собой цель как можно реже видаться с соседями (если только можно назвать их соседями: ближайший дом находился на расстоянии полумили), его наверняка одолевало любопытство: что это за тип прождал под его дверями на жутком холоде целых пять часов. По крайней мере, Уилл надеялся на это: чем дольше он проторчит тут без сна и отдыха, тем вероятнее, что любопытство одолеет этого психа и он откроет дверь.

Он снова посмотрел на часы. Почти три. Хотя Уилл и сказал своей помощнице Адрианне не ждать его и ложиться спать, но он слишком хорошо ее знал: она наверняка уже начала беспокоиться. Там, в темноте, бродят медведи, и некоторые весят по восемьсот — девятьсот фунтов, едят все подряд и ведут себя совершенно непредсказуемо. Через две недели они отправятся на дрейфующие льды — охотиться на моржей и китов. Но пока медведи вели образ жизни мусорщиков, перебивались разной вонючей дрянью на свалках Черчилля и Бальтазара и (что случалось время от времени) нападали на людей. Очень вероятно, что теперь они бродят поблизости — за пределами круга желтушного света на крыльце Гутри, чуют запах Уилла и, возможно, изучают его, пока он стоит у дверей. Эта мысль не тревожила Уилла. Напротив, его даже немного возбуждало, что сейчас какой-нибудь гость из тех мест, где не ступала нога человека, прикидывает, каким Уилл окажется на вкус. Большую часть своей жизни он фотографировал дикую природу, сообщая человечеству о трагедиях, происходивших на территориях, которые люди не могут с ней поделить. Его фотографии редко рассказывали о человеческих драмах. Нет, на них были существа из другого мира, они ежедневно страдали и погибали. Уилл стал свидетелем непрекращающейся эрозии дикой природы, и чувство протеста словно подгоняло его: преодолей барьеры, стань частью этого мира, пока он не исчез совсем.

Он стащил меховую рукавицу и достал пачку сигарет из кармана аляски. Осталась всего одна. Уилл сунул ее в окоченевшие губы, закурил. Отсутствие сигарет было пострашнее холода и медведей.

— Эй, Гутри, — сказал он, колотя в дверь. — Может,пустишь меня? Мне всего-то и нужно, что пару минут поговорить с тобой. Чего ты дурака валяешь?

Он ждал, глубоко затягиваясь и оглядываясь в темноту. В двадцати или тридцати ярдах за его джипом виднелись отроги скал. Он знал, что это идеальное укрытие для медведя. Там вроде бы что-то шевельнулось? Похоже на то.

«До чего коварные твари, — подумал он. — Выжидают время, а стоит ему направиться к машине — будут тут как тут».

— Да пошло все к черту! — буркнул Уилл.

Он достаточно тут проторчал и готов был сдаться. По крайней мере, на сегодня он отстанет от Гутри, отправится в тепло арендованного домика на Главной (и единственной) улице Бальтазара, заварит себе кофе, приготовит завтрак, а потом вздремнет часок-другой. Борясь с искушением напоследок пнуть ногой в дверь, он пошел к джипу, на ходу нащупывая ключи в кармане. Снег поскрипывал под ногами.

Где-то в глубине сознания мелькнула мысль: может, Гутри из тех упрямых стариков, которым нужно, чтобы гость сдался, — только тогда они откроют дверь. Так и вышло. Не успел Уилл выйти из круга света, как услышал за спиной скрежет двери по ледяной корке, покрывшей крыльцо. Он замедлил шаг, но не обернулся, подозревая, что в этом случае Гутри захлопнет дверь. Никто не произнес ни слова. Времени было достаточно, чтобы Уилл задумался, какие мысли этот ритуал может вызвать у медведей. Наконец Гутри устало заговорил:

— Я знаю, кто ты и что тебе надо.

— Правда? — переспросил Уилл и рискнул бросить взгляд через плечо.

— Я никому не позволяю фотографировать меня и мое жилье, — сказал Гутри, словно в его дверь каждый день стучались толпы фотографов.

Теперь Уилл медленно повернулся. Гутри стоял на некотором расстоянии от двери, внутри дома, и свет фонаря почти не доставал до него. Уилл разглядел только очень высокого человека, вернее, его силуэт на фоне сумеречного жилища.

— Я тебя понимаю, — сказал Уилл. — Если не хочешь фотографироваться, это твое законное право.

— Так какого черта тебе надо?

— Я же сказал: всего лишь поговорить.

Гутри явно навидался посетителей, чтобы удовлетворить свое любопытство: он сделал шаг назад и стал закрывать дверь. Уилл знал, что если бросится сейчас к крыльцу, то ничего не добьется. Он остался на месте и ударил единственным козырем. Это были два имени, которые он произнес очень тихо:

— Я хочу поговорить о Джекобе Стипе и Розе Макги.

Силуэт дернулся, и на какое-то мгновение показалось, что Гутри сейчас захлопнет дверь — и все. Но нет. Гутри вернулся.

— Ты их знаешь? — спросил он.

— Я повстречал их один раз. Очень давно. Ты ведь тоже знал этих двоих?

— Знал немного Джекоба. Но и этого вполне хватило. Как, ты говоришь, тебя зовут?

— Уилл... Уильям Рабджонс.

— Ну... заходи, пожалуй. А то яйца отморозишь.

II

В отличие от благоустроенных домов в поселке жилище Гутри было таким примитивным, что казалось непригодным для обитания: ведь зимы здесь случались лютые. В доме был древний электрокамин, обогревавший единственную комнату (маленькая раковина и плита служили кухней, а туалетом — по-видимому, бескрайние просторы снаружи). Мебель, судя по всему, он позаимствовал на свалке. Сам Гутри выглядел не лучше. На нем было несколько слоев грязной одежды, и он явно нуждался в хорошем питании и лечении. Хотя Уилл слышал, что Гутри еще нет и шестидесяти, выглядел он лет на десять старше: кожа местами словно кровоточила, местами была землистого цвета, волосы (те, что еще оставались и не были покрыты грязью) поседели. Пахло от него болезнью и рыбой.

— Как ты меня нашел? — спросил он Уилла, заперев дверь на три задвижки.

— Мне рассказала о тебе одна женщина на Маврикии.

— Хочешь чем-нибудь согреться?

— Нет.

— Что за женщина?

— Не думаю, что ты ее помнишь. Сестра Рут Бьюканан.

— Рут? Боже мой! Ты видел Рут. Ну-ну. У этой бабы язык что помело. — Он налил немного виски в побитую эмалированную кружку и осушил ее одним плотком. — Все монахини — болтуны. Не замечал?

— Думаю, для этого и придумали обет молчания.

Гутри ответ понравился. Он издал короткий лающий смешок и залил его еще одной порцией виски.

— Ну, так что она про меня наговорила? — спросил он, разглядывая бутылку, словно прикидывая, сколько утешения в ней осталось.

— Говорила, что ты рассказывал об исчезновении животного мира. О том, что своими глазами видел последних представителей некоторых видов.

— Я ей ни слова не сказал о Розе и Джекобе.

— Не сказал. Просто я подумал, что если ты видел одного, то вполне мог видеть и другую.

— Так-так.

Гутри обдумывал услышанное, и лицо его сморщилось. Уилл не хотел, чтобы Гутри заметил его косые взгляды: старик был из тех людей, которым не нравится, когда их изучают, и поэтому подошел к столу посмотреть, что за книги на него навалены. Из-под стола раздалось предостерегающее рычание.

— Люси, фу! — прикрикнул на собаку Гутри, и та, умолкнув, вышла из укрытия, чтобы загладить вину.

Это была крупная дворняга с примесью немецкой овчарки и чау-чау, ухоженная и откормленная получше хозяина. В пасти она держала кость, которую подобострастно положила у ног Гутри.

— Ты англичанин? — спросил Гутри, по-прежнему не глядя на Уилла.

— Родился в Манчестере. А вырос в Йоркширском Дейлсе.¹

— Англия всегда казалась мне слишком уютной.

— Ну, я бы не назвал вересковые пустоши уютными, — заметил Уилл, — Конечно, там нет такой дикой природы, как здесь, но когда туман застает тебя где-нибудь в холмах...

— Так вот где ты их встретил.

— Да, там я с ними и повстречался.

— Английский мерзавец, — сказал Гутри и наконец поднял на Уилла взгляд. — Не ты. Стип. Хладнокровный английский мерзавец.

Он произнес эти три слова как проклятие, посылаемое человеку, где бы тот ни находился.

— Знаешь, как он себя называл?

Уилл знал, но подумал, что будет лучше, если об этом расскажет Гутри.

— Убийца исчезающих видов, — сказал Гутри. — И он этим гордился. Клянусь тебе.

Он выплеснул остатки виски в кружку, но пить пока не стал.

— Значит, ты видел Рут на Маврикии? И что ты там делал?

— Фотографировал. Там обитает пустельга, и она, похоже, скоро исчезнет.

— Эта пустельга наверняка была благодарна тебе за внимание, — заметил Гутри с иронией. — Так чего тебе надо от меня? Ни о Стипе, ни о Макги я тебе ничего сказать не могу. Я ничего не знаю, а если и знал когда, то давно выкинул это из головы. Старый я, не нужна мне эта боль.

Он посмотрел на Уилла.

— А тебе сколько? Сорок?

— Почти угадал. Сорок один.

— Женат?

— Нет.

— И не женись. Это ловушка.

— Моя женитьба маловероятна, можешь мне поверить.

— Ты что — голубой? — спросил Гутри, слегка наклонив голову.

— Если откровенно, то да.

— Голубой англичанин. Ну дела. Неудивительно, что ты сошелся с сестрой Рут. Она — та, к кому нельзя прикасаться. И ты приперся в такую даль, чтобы встретиться со мной?

— И да и нет. Я здесь, чтобы фотографировать медведей.

— Ну конечно. Эти долбанные медведи.

Юмор и теплота, которые только что слышались в его голосе, вдруг исчезли.

— Большинство стремится в Черчилль. Туда вроде бы и туры есть, чтобы можно было посмотреть, что эти твари там вытворяют? — Он покачал головой. — Они вырождаются.

— Они идут туда, где легче найти еду, — сказал Уилл.

Гутри посмотрел на собаку, которая после его окрика не отходила от хозяина. Кость она по-прежнему держала в пасти.

— И ты делаешь то же самое?

Собака, счастливая оттого, что стала объектом внимания, неважно, по какому поводу, застучала хвостом по голому полу.

— Ах ты, подлиза.

Гутри протянул руку, словно собираясь забрать кость. Черные собачьи губы натянулись, обнажив клыки.

¹ Область на севере Англии. (Здесь и далее примечания переводчика.)

— Она слишком умна, чтобы укусить меня, но слишком глупа, чтобы не ворчать. Ну-ка отдай, псина.

Гутри потащил кость из собачьей пасти. Та разжала зубы. Гутри почесал ей за ухом и бросил кость на пол перед носом собаки.

— Их породе свойственна лень, — сказал он. — Мы сделали их такими. Но медведи... Господи Иисусе, не положено медведям рыться в нашем мусоре. Они должны быть там, — он сделал неопределенный жест рукой в сторону залива, — там, где могут оставаться такими, какими их создал Господь.

— Ты поэтому здесь?

— Чтобы любоваться дикой природой? Упаси господи. Я здесь потому, что в обществе людей меня тошнит. Я их не люблю. И никогда не любил.

— Даже Стипа?

Гутри смерил его презрительным взглядом.

— Что за дурацкий вопрос? — пробормотал он и, немного смягчившись, добавил: — Смотреть на них было приятно — хорошая парочка, спору нет. Я что хочу сказать: Роза — она была красавица. Я терпел все эти разговоры со Стипом, только чтобы найти подход к ней. Но он как-то раз сказал, что я для нее слишком стар.

— А сколько тебе было? — спросил Уилл, подумав, что это новый поворот.

Гутри ведь только что сказал, что знал одного Стипа, а теперь выясняется, что обоих.

— Мне было тридцать. Слишком стар для Розы. Она любила молоденьких. И конечно, любила Стипа. То есть я хочу сказать, они были как муж и жена. Или как брат и сестра. Ну, в общем, хрен его знает... как два пальца на одной руке. У меня не было шанса.

Он оставил эту тему и взялся за другую.

— Ты хочешь сделать какое-нибудь доброе дело для этих медведей? — спросил он. — Тогда иди на свалку и отрави их. Проучи хорошенько, чтобы не возвращались. Может, на это уйдет пять сезонов и погибнет много медведей, но рано или поздно они поймут.

Он наконец допил остатки виски. Алкоголь еще обжигал его горло, когда он снова заговорил:

— Я стараюсь не думать о них, но не получается...

Теперь он имел в виду не медведей, Уилл сразу это понял.

— Я вижу перед собой их обоих, словно это было вчера. — Гутри потрянул головой. — Оба такие красивые, такие... чистые.

Губы его скривились, когда он произносил последнее слово, будто речь шла о совершенно противоположном.

— Наверно, им приходилось нелегко.

— О чем ты?

— В этом грязном мире.

Гутри посмотрел на Уилла.

— Для меня хуже этого ничего нет, — сказал он. — То есть чем старше я становлюсь, тем лучше их понимаю.

Уилл не мог понять: то ли глаза Гутри увлажнились, то ли просто слезятся, как бывает у стариков.

— И уж как я себя за это ненавижу! — Он поставил пустой стакан и вдруг заявил: — Больше ты от меня ничего не узнаешь.

Гутри подошел к двери и отодвинул засовы.

— Так что можешь убираться отсюда к чертовой матери.

— Ну, спасибо, что уделил мне время, — сказал Уилл, проходя мимо старика на морозный воздух.

Гутри отмахнулся.

— Если увидишь сестру Рут...

— Не увижу, — сказал Уилл. — Она умерла в прошлом феврале.

— Отчего?

— Рак яичника.

— Вот оно как. Так и бывает, если не пользуешься тем, что дал тебе Господь, — заметил Гутри.

На порог выбежала собака и громко зарычала. Но не на Уилла, а на то, что скрывалось в ночи. Гутри не стал ее успокаивать — вперился взглядом куда-то в темноту.

— Чует медведей. Ты тут не очень-то разгуливай.

— Не буду, — сказал Уилл, протягивая Гутри руку.

Тот несколько секунд недоуменно смотрел на нее, словно забыл, зачем люди подают руку, а потом пожал.

— Подумай о том, что я тебе сказал, — напомнил он. — Насчет того, чтобы потравить медведей. Окажешь им услугу.

— Не хочу делать за Джекоба его работу, — ответил Уилл. — Я не для того родился на свет.

— Мы все делаем за него эту работу уже только тем, что живем, — возразил Гутри. — Тем, что увеличиваем мусорную кучу.

— Ну, я хотя бы не увеличу народонаселение, — сказал Уилл и двинулся от крыльца к своему джипу.

— Ни ты, ни сестра Рут, — крикнул ему вслед Гутри.

Собака вдруг захлебнулась лаем — Уилл хорошо знал эти визгливые, отчаянные нотки. Так лаяли собаки в лагере, почуяв льва. В этом лае было предупреждение, и Уилл принял его к сведению. Поглядывая в темноту направо и налево, он за несколько коротких секунд, слыша стук своего сердца, преодолел расстояние до джипа.

На крыльце у него за спиной что-то кричал Гутри: то ли звал гостя назад, то ли советовал ускорить шаг — этого Уилл не разобрал, потому что собака лаяла слишком громко. Он отключил слух и сосредоточился на том, чтобы совершить простое действие — вставить ключ в замок. Пальцы плохо слушались. Неловкое движение — и ключ упал в снег. Он присел на корточки, чтобы его поднять, и услышал, что собачий лай стал еще неистовей. Краем глаза он заметил какое-то движение, оглянулся, а пальцы тем временем пытались нащупать ключ. Увидел он только скалы, но это было слабое утешение. Может быть, сейчас зверь прячется, а через пять секунд набросится на него. Он видел, как атакуют эти зверюги — если нужно, летят, как паровоз, преследуя жертву. Он знал, как нужно себя вести, если медведь попытается напасть: опуститься на колени, закрыть руками голову, лицом прижаться к земле. Сгруппироваться и ни в коем случае не встречаться со зверем глазами. Не кричать. Не двигаться. Чем мертвее ты кажешься, тем больше у тебя шансов остаться в живых. Вероятно, эта наука далась опытом, пусть и горьким. Стань камнем, и смерть, может быть, тебя обойдет.

Пальцы нащупали ключ. Он встал, рискнув бросить взгляд за спину. Гутри по-прежнему стоял в дверях. Собака — шерсть у нее на загривке поднялась дыбом — теперь помалкивала. Уилл не слышал, чтобы Гутри ее утихомиривал, — она просто поняла, что бесполезно предупреждать этого идиота, принадлежавшего к роду человеческому, если он не встанет с земли, когда ему об этом говорят.

С третьей попытки он попал ключом в замок и распахнул дверцу. И в этот момент услышал медвежий рев. И тут же увидел зверя — он выскочил из укрытия среди камней. Его намерения не оставляли сомнений. Медведь шел прямо на него. Уилл бросился на сиденье, с ужасом чувствуя, насколько уязвимы его ноги, и, вытянув руку, дернул дверь на себя.

Рев раздался опять — совсем рядом. Он запер дверь, вставил ключ в замок зажигания, повернул. Тут же загорелись фары, затопив светом ледяное пространство до самых скал, в этом сиянии они показались плоскими, как декорации. Медведя нигде не было видно. Он бросил взгляд в сторону лачуги Гутри. Человек и собака скрылись за дверью. Он включил передачу и стал разворачивать джип. И тут снова раздался рев, а потом он почувствовал удар. Медведь, упустив добычу, от злости набросился на машину. Поднялся на задние лапы, собираясь нанести еще один удар. Уилл краем глаза скользнул по косматой белой туше.

Животина была громадная: футов девятьсот с лишком. Если он помнет джип настолько, что бегство станет невозможным, добром это для Уилла не кончится. Медведю нужен он, и у зверя есть возможность до него добраться, если только его не опередить. У этой зверюги клыки и когти такие, что он вскроет машину, как консервную банку с человеческим мясом.

Уилл поставил ногу на педаль газа и развернул джип капотом в сторону улицы. Медведь изменил тактику — опустил на четыре лапы, чтобы обогнать машину и отрезать путь к отступлению.

На мгновение он оказался в свете фар, косолая морда — прямо перед лобовым стеклом. Этот медведь не принадлежал ни к одному из жалких кланов, о которых говорил Гутри, он еще не запятнал себя любовью к мусорным свалкам. Это был настоящий дикий медведь, бросивший вызов сверкающей быстроходной машине, преградившей ей путь. За миг до столкновения он пропал с дороги настолько внезапно, что его исчезновение показалось Уиллу почти чудесным, словно это был не медведь, а видение, которое материализовалось из морозного воздуха, а потом растворилось в нем.

По дороге домой он впервые в жизни ощутил ущербность своей профессии. Он сделал тысячи фотографий в самых отдаленных уголках планеты: Торрес-дель-Пайне, Тибетское плато, Гунунг-Лейзер в Индонезии. Там он фотографировал коварных и кровожадных зверей исчезающих видов. Но ни разу ему не удалось снять то, что он видел сейчас в свете фар: медведя в полной силе, готового принять смерть, но не уступить человеку. Наверно, Уиллу это не дано, а значит, не дано никому. Он, по всеобщему признанию, был лучший из лучших. Но дикая природа ему неподвластна. Если дар Уилла в умении ждать, когда зверь появится перед объективом, то природа наделена иным даром: сделать это появление далеким от совершенства Шатуны и людоеды умирали один за другим, а тайна оставалась нераскрытой. И Уилл подозревал, что так и будет, пока не придет конец всем шатунам, всем тайнам и всем людям, над которыми потешались первые и вторые.

III

Корнелиус Ботам сидел за столом с самокруткой, торчащей из-под светлых пушистых усов, третья утренняя порция пива стояла у него под рукой, а он созерцал разобранный на части «Пентакс».

— Что с ним? — поинтересовался Уилл.

— Сломался, — ответил Ботам с серьезной миной. — Я предлагаю пробурить дыру во льду, завернуть его в трусики Адрианны и оставить там — пусть найдут грядущие поколения.

— А ты можешь его починить?

— Могу. Поэтому я и здесь. Я что угодно могу починить. Но предпочел бы пробурить дыру во льду, завернуть его в трусики Адрианны...

— Она мне неплохо послужила — эта камера.

— Мы все неплохо послужили, — заметил Корнелиус. — Но рано или поздно, если повезет, нас завернут в трусики Адрианны...

Уилл стоял у плиты — готовил себе омлет.

— Тебя заело.

— А вот и нет.

Уилл выложил омлет на тарелку, бросил сверху два ломтя черствого хлеба и сел за стол напротив Корнелиуса.

— Знаешь, что не так в этом городишке? — спросил Корнелиус.

— Ты мне давай — А, Б и В.

Уилл имел в виду популярную у этой троицы игру: выбери из трех вариантов, среди которых выдуманные кажутся достовернее истинного.

— Нет проблем, — согласился Корнелиус, отхлебнул пива и заговорил: — Значит, А. На две сотни миль тут нет ни одной хорошенькой женщины, не считая Адрианны, а это уже

попахивает кровосмешением. Ясно? Теперь Б. Порядочной кислоты тут хрен где найдешь. И наконец В...

— Ответ Б.

— Постой, я еще не закончил.

— Можешь и не заканчивать.

— Иди ты к черту! У меня такое замечательное В.

— Ответ, кислота, — сказал Уилл и подался к Корнелиусу. — Так?

— Так, так. — Корнелиус уставился на тарелку Уилла. — Это что за чертовщина?

— Омлет.

— Из чего ты его сделал? Из пингвиньих яиц?

Уилл рассмеялся и все еще продолжал смеяться, когда с мороза вошла Адрианна.

— Слушайте, у нас на свалке новые медведи, — сказала она.

Южноамериканская манера растягивать слова совершенно не соответствовала всем другим особенностям ее внешности и манер, начиная от неровно подстриженной челки до тяжелой походки.

— Не меньше четырех. Два подростка, самка и огромный самец. — Она посмотрела сначала на Уилла, потом на Корнелиуса, потом снова на Уилла. — Ну, хоть немного энтузиазма, пожалуйста.

— Дай мне несколько минут, — попросил Уилл. — Сначала нужно выпить пару чашек кофе.

— Нет, этого самца надо видеть. Ну, то есть, — она никак не могла найти нужные слова, — я такого здорового медведя в жизни не встречала.

— Может, это тот самый, которого я видел прошлой ночью, — сказал Уилл. — Точнее, мы друг друга видели. Рядом с домом Гутри.

Адрианна расстегнула куртку и села на продавленный диван, для чего ей пришлось отодвинуть в сторону подушку и одеяло.

— Долго он с тобой разговаривал, — заметила она. — Ну и что из себя представляет этот старый хрыч?

— Он, конечно, сумасшедший, но кто бы не спятил, живя в лачуге у черта на куличках?

— Он один живет?

— С собакой. Люси.

— Эй, — пробормотал Корнелиус, — уж не хочешь ли ты сказать, что у него там есть запасец?

Он ухмыльнулся, вытаращив глаза.

— Назвать собаку Люси может только человек с известными привычками.¹

— Господи боже мой! — вскрикнула Адрианна. — Как я устала от этих вечных разговоров о наркотиках!

Корнелиус пожал плечами.

— Как скажешь.

— Мы приехали сюда работать.

— И поработали, — сказал Корнелиус. — Мы сняли на пленку все мерзости, которые только могут вытворять белые медведи. Они играют вокруг канализационных труб. Трахаются посреди свалки.

— Ну, хорошо, хорошо, — сдалась Адрианна. — Мы неплохо поработали.

Она повернулась к Уиллу.

— Ты должен посмотреть на моего медведя.

— Он уже твой? — спросил Корнелиус.

Адрианна не обратила внимания на его слова.

— Ну, еще один, последний снимок, — умоляющим голосом сказала она Уиллу. — Ты не будешь разочарован.

¹ Намек на известную песню «The Beatles» «Lucy in the Sky with Diamonds», в которой зашифровано название наркотика ЛСД.

— Да елки-палки, — пробормотал Корнелиус, кладя ноги на стол. — Оставь ты его в покое. На хрен ему сдался твой медведь. Ты что, еще не поняла?

— Не суйся, — резко сказала Адрианна.

— Какая ты настырная. Это всего лишь медведь.

Адрианна вскочила с дивана и в два шага оказалась перед Корнелиусом.

— Я тебе сказала: не суй нос в эти дела, — проговорила она и с такой силой ткнула его в плечо, что он полетел на пол, свернув ногой со стола половину обреченного «Пентакса».

— Кончайте, — сказал Уилл, заглатывая остатки омлета на случай эскалации военных действий.

Если бы это случилось, то не в первый раз. Девять дней из десяти Корнелиус и Адрианна работали бок о бок, как и подобает брату и сестре. А на десятый устраивали драку, как и подобает брату и сестре. Но сегодня Корнелиус не был настроен на ругань или кулачный бой. Он поднялся на ноги, откинул с глаз длинные, как у хиппи, волосы и поплелся к двери, прихватив свою аляску.

— Пока, — бросил он Уиллу. — Пойду посмотрю на воду.

— Извини, что так получилось, — сказала Адрианна, когда он закрыл дверь. — Это я виновата. Помирюсь с ним, когда он вернется.

— Как знаешь.

Адрианна подошла к плите и налила себе чашку кофе.

— И что тебе сказал Гутри?

— Немного.

— А зачем тебе нужно было с ним встретиться?

Уилл пожал плечами.

— Так... Детские воспоминания...

— Это такая тайна?

Уилл изобразил подобие улыбки.

— Страшная.

— Так ты мне не скажешь?

— Это не имеет никакого отношения к нашему приезду сюда. Вернее, имеет и не имеет. Я знал, что Гутри живет на заливе, поэтому убил двух птиц... — голос его стал тише, — одним камнем.

— Ты хочешь его фотографировать? — спросила она, направляясь к окну.

Детишки Тегельстромов, живущих по другую сторону улицы, громко смеялись, играли в снегу. Она уставилась на них.

— Нет, — сказал Уилл. — Я уже и без того вторгся в его частную жизнь.

— Вроде как я вторгаюсь в твою?

— Я не это хотел сказать.

— Но так оно и есть? — мягко спросила Адрианна. — Мне по-прежнему не удастся узнать, каким был маленький Уилли Раджонс.

— Потому что...

— ...ты не хочешь мне рассказывать.

Она все больше проникалась чувством собственной правоты.

— Понимаешь... точно так же ты вел себя и с Патриком.

— Это несправедливо.

— Ты его с ума сводил. Он иногда звал меня — и начинался поток жалоб...

— Он мелодраматический гей, — нежно сказал Уилл.

— Он говорил, что ты молчун. Так оно и есть. Он говорил, что ты скрытный. И это тоже правда.

— Разве это не одно и то же?

— Не морочь мне голову. Это меня только злит.

— Ты давно с ним говорила?

— Ну вот, теперь ты уходишь от темы.

— Вовсе нет. Ты говорила о Патрике, и я говорю о Патрике.
— Я говорила о тебе.
— Меня от тебя тоска берет. Ты давно говорила с Патриком?
— Недавно.
— И как он?
— По-разному. Хотел продать квартиру, но ему не давали цену, которую он просил, поэтому он остается на месте. Сказал, что жизнь в Кастро¹ его угнетает. Говорит, вдовцов тут пруд пруди. Но я думаю, ему там лучше. В особенности если болезнь будет развиваться. Там у него друзья — хорошая группа поддержки.
— А этот, как бишь его, все еще там? Ну, парень с покрашенными ресницами?
— Ты знаешь его имя, Уилл, — сказала Адрианна, повернувшись и прищурившись.
— Карлос, — сказал Уилл.
— Рафаэль.
— Почти угадал.
— Да, он все еще там. И он не красит ресницы. У него красивые глаза. И вообще он замечательный парень. Я вот точно в девятнадцать лет не была такой щедрой и такой обаятельной, как он. И ты наверняка тоже.
— Я не помню себя в девятнадцать, — сказал Уилл. — Или в двадцать, если уж на то пошло. У меня очень туманные воспоминания о себе в двадцать один... — Он рассмеялся. — Но когда тыловишь такой кайф, что тебе становится уже не до кайфа, ты говоришь: хватит.
— И это случилось в двадцать один?
— Это был великолепный год для кислотных таблеток.
— Ты жалеешь об этом?
— Je ne regrette rien,² — пробормотал Уилл, посмотрев на нее своими миндалевидными глазами. — Нет, это ложь. Я много времени бездарно проводил в барах, где меня кадрили мужчины, которые мне не нравились. И наверное, я бы им тоже не понравился, если б они удосужились немного со мной поговорить.
— И что в тебе было такого, чтобы не нравиться?
— Я был слишком жалкий. Хотел, чтобы меня любили. Нет, я заслуживал того, чтобы меня любили. Вернее, считал, что заслуживаю любви. Но на самом деле ничего я не заслуживал. Поэтому я пил. Когда напивался, было не так больно. — Он задумался на несколько секунд, глядя в никуда. — Ты права насчет Рафаэля. Он для Патрика лучше, чем я: я с ним и в сравнение не иду.
— Пат предпочитает, чтобы его любовник всегда был при нем, — заметила Адрианна.
— Но он по-прежнему говорит, что ты главная любовь его жизни.
Уилл поморщился.
— Меня от этого с души воротит.
— Никуда не денешься, — ответила Адрианна. — Будь благодарен. Большинство людей проживают жизнь, ничего такого не зная.
— Если уж зашла речь о любви и поклонении — как там поживает Глен?
— Глен не в счет. Он одержим детьми. У меня широкие бедра и большие сиськи, и он думает, что я способна к деторождению.
— И когда вы собираетесь начать?
— Я ничего не собираюсь. Эта планета и без меня достаточно затрахана, каждый день появляются новые голодные рты.
— Ты и правда так чувствуешь?
— Нет. Но я так думаю, — сказала Адрианна. — А что до чувств, то я чувствую, что ужасно хочу ребенка, в особенности когда нахожусь рядом с Гленом. А потому, если у меня возникает ощущение, что я могу не устоять, я стараюсь держаться от него подальше.
— Ему это, вероятно, нравится.

¹ Район в Сан-Франциско, известный тем, что там самое крупное гей-сообщество в мире.

² Я не жалею ни о чем (*фр.*) . Слова из песни Эдит Пиаф, шлягера 1960 года.

— Это доводит его до бешенства. В конце концов он меня бросит. Найдет какую-нибудь приземленную женщину, которой просто хочется рожать детей.

— А ты не можешь как-то приспособиться? Чтобы вы оба были счастливы?

— Мы говорили об этом, но Глен исполнен решимости продолжить род. Он говорит, это его животный инстинкт.

— Дитя природы, значит.

— И это говорит человек, который зарабатывает на жизнь, играя в струнном квартете.

— И что ты собираешься делать?

— Отпустить его на свободу. Найти себе мужчину, который не озабочен продолжением рода, но не прочь трахаться, как тигр в субботнюю ночь.

— Знаешь что?

— Знаю. Мне нужно было родиться геем. Из нас бы вышла прекрасная пара. Ну, так ты поднимешь задницу? Этот чертов медведь не будет ждать вечно.

IV

1

Когда начали опускаться сумерки, ветер изменил направление — теперь он задувал с северо-востока, через Гудзонов залив, сотрясал дверь и окна в лачуге Гутри, словно кто-то невидимый и одинокий желал заполучить теплое местечко за столом. Старик сидел в старом кожаном кресле и с видом знатока прислушивался к порывам ветра. Он давным-давно отказался слушать человеческие голоса, которые распространяют сплетни и сеют рознь. По крайней мере, Гутри так думал. Если бы он больше никогда не услышал ни единого слова, то не посчитал бы себя обделенным. Для общения ему нужен был только звук, который он слышал теперь. Скорбные сетования и завывания ветра были мудрее любого псалма, молитвы или признания в любви, какие ему доводилось слышать.

Но сегодня ночью звук ветра не утешал, как обычно. И в этом был виноват посетитель, который накануне вечером постучался в его дверь. Он нарушил покой Гутри, вызвал призраки, которые Гутри старался изгнать из памяти. Джекоб Стип с глазами цвета сажи, отливающими золотом, с черной бородой и бледными руками поэта, и Роза, великолепная Роза, в волосах у которой — золото глаз Стипа, во взгляде — чернота его бороды, но при этом она чувственная и страстная настолько, насколько Стип — холодный и безразличный. Гутри имел с ними дело очень недолго, да и было это много лет назад, но он видел их мысленным взором так ясно, словно все происходило сегодня утром.

Тут как тут был и Рабджонс — зеленоглазый, изнеженный, с копной волос, вьющихся на затылке, с простым широким лицом, со шрамами на лбу и на щеках.

«Шрамов у него маловато», — подумал Гутри.

И он все еще надеялся. Иначе зачем заявился бы со своими вопросами — значит, верил, что можно получить ответы. Ну ничего, еще наберется ума, если проживет достаточно долго. Ответов не существует. Во всяком случае, таких, в которых есть смысл.

Ветер, с силой стучавший в окно, сдвинул одну из досок, которые Гутри приладил к потрескавшемуся стеклу. Он поднялся из проваленного кресла и, взяв скотч, которым крепил доски, подошел к окну. Прежде чем поставить доску на место и закрыть окно в мир, Гутри посмотрел наружу сквозь грязное стекло. День клонился к вечеру, тяжелые воды залива казались свинцовыми, вдали чернели скалы. Он смотрел, забыв, что хотел сделать, но отвлекло его не зрелище, а воспоминания: они нахлынули сами собой, не прогонишь.

Сначала слова. Бормотание. Но ничего другого ему не было нужно.

«Вот этого уже никогда не будет...»

Это говорил Стип, и голос его звучал торжественно.

«И этого... И этого...»

И по мере того, как он говорил, перед скорбным внутренним взором Гутри мелькали страницы — страницы жуткой книги Стипа. Вот идеальное изображение птичьего крыла, изысканно раскрашенного...

...и этого...

...а здесь, на следующей странице, жук, запечатленный в смерти; каждая часть задокументирована для потомства: мандибула, надкрылье, сегментированный членик.

...и этого...

— Господи милостивый, — всхлипнул он, ролик скотча выпал из задрожавших пальцев.

Ну зачем этот Раджонс его растревожил? Неужели нет в мире уголка, где человек может слушать вой ветра, где его никто не найдет, чтобы напомнить о совершенных им преступлениях?

Наверное, нет. Во всяком случае, для такого грешника, как он. Гутри не надеялся на забвение, разве что когда Господь отберет у него жизнь и воспоминания. Эта перспектива представлялась гораздо менее страшной, чем каждодневное существование в страхе, что какой-нибудь Уилл придет к его двери и начнет называть имена.

И этого...

«Заткнитесь!» — пробормотал он, обращаясь к воспоминаниям.

Но страницы по-прежнему переворачивались в голове картинка за картинкой, словно в каком-то жутком бестиарии¹. Что это за рыба, которая уже никогда не рассекает морскую воду? Что за птица, которая никогда уже не огласит песней небеса?

Страницы переворачивались, сменяя друг друга, а он смотрел, зная, что пальцы Стипа в конечном счете доберутся до листа, на котором он сам оставил метку. Не веткой или пером, а ножичком, оказавшимся под рукой.

А потом ручьями польются слезы, и уже не будет иметь значение, с какой силой дует северо-западный ветер, — ему все равно не под силу унести с собой прошлое.

2

Медведи не подвели. Когда Адрианна и Уилл добрались до места (день уже клонился к закату), звери, все еще не утратившие бывшего великолепия, крутились на свалке. Молодняк (одна из двух самок показалась им просто идеально сложенной) пожирал отходы, самка постарше исследовала ржавый остов грузовика, а самец, которого Адрианне так хотелось показать Уиллу, созерцал свои зловонные владения с вершины одной из мусорных куч.

Уилл вылез из джипа и подошел ближе. Адрианна, которая в таких случаях всегда прихватывала с собой оружие, сделала два-три шага. Она уже знала тактику Уилла; он не будет тратить пленку на общие планы — подойдет к хищникам как можно ближе, чтобы только их не потревожить, и станет выжидать. Его терпение уже стало легендой среди его коллег-фотографов, снимавших дикую природу, а для них прождать неделю ради хорошего кадра было делом обычным. Уилл и в этом, как во много другом, отличался парадоксальностью. Адрианне приходилось видеть его на вечеринках издателей, где он скрипел зубами от скуки после пятиминутного разговора с восторженным почитателем его таланта. Но здесь, в глуши, наблюдая за четырьмя белыми медведями, он готов сидеть без движения до тех пор, пока не увидит то, что захочет сфотографировать.

Было очевидно, что ни молодняк, ни самка его не интересуют. Он хотел запечатлеть старого самца. Скользя взглядом по Адрианне, Уилл молча указал на тропинку, по которой можно было пройти мимо других медведей, чтобы подобраться к самцу. Адрианна кивнула, и Уилл двинулся дальше, осторожно переступая по земле, покрытой коркой льда. И вдруг самка (такая крупная, что она могла бы, пожалуй, сбить с ног Уилла или Адрианну одним ударом) перестала изучать грузовик и понюхала воздух. Уилл замер. То же самое сделала

¹ От лат. *bestia* (зверь) — средневековый иллюстрированный сборник, где в стихах и прозе рассказывается о животных (часто несуществующих, таких как дракон, василиск и др.), главным образом с аллегорическими и нравоучительными целями.

Адрианна, приподняв ружье на тот случай, если медведица вздумает напасть. Но та, по-видимому, и прежде чуяла людей вокруг свалки, поэтому запах ее не заинтересовал. Она продолжила потрошить сиденья грузовика, а Уилл двинулся дальше — к самцу. Теперь Адрианна поняла, какой снимок нужен Уиллу, под небольшим углом снизу, от подножия мусорной кучи, чтобы медведь получился на фоне неба: царь зверей на троне из отбросов. Своей репутацией Уилл во многом был обязан подобным фотографиям. Такие парадоксальные снимки надолго оставались в памяти, словно запечатленные свидетельства встречи с Богом. Но столь редкие кадры получались только после долгого терпеливого наблюдения. Хотя изредка, как сегодня, подворачивались как подарок. И Уиллу оставалось только принять его.

Он, конечно, хотел бы подкрасться к самой мусорной куче, но, если зверь вздумает атаковать, это может плохо кончиться. Пригибаясь к земле, он нашел подходящий ракурс. Медведь или не почуял Уилла, или отнесся к нему безразлично. Зверь стоял вполоборота к Уиллу и, не обращая на него внимания, слизывал грязь с лапы. Но Адрианна знала по опыту, что такое поведение может быть опасно обманчивым. Диким животным не особенно нравится, когда за ними наблюдают, как бы осторожно ни вел себя человек. Фотографы, которые гораздо меньше рисковали, чем Уилл, теряли конечности и погибали, обманутые этим показным безразличием. И среди животных, которых фотографировал Уилл, не было ни одного с более устрашающей репутацией, чем белый медведь. Если зверь решится атаковать, Адрианне придется уложить его одним выстрелом, иначе для Уилла эта съемка станет последней.

У самого основания кучи Уилл нашел местечко, которое идеально подходило для того, что он задумал. Медведь продолжал лизать лапы, отвернув морду от камеры. Адрианна бросила взгляд на остальных. Все три зверя были погружены в свои занятия, но это показалось ей слабым утешением. На свалке могло оказаться сколько угодно медведей, рыщущих в поисках отбросов и невидимых для глаз. Не в первый раз она пожалела, что не родилась со зрением хамелеона: как было бы хорошо, если б глаза у нее располагались по обе стороны головы и двигались независимо друг от друга.

Она снова перевела взгляд на Уилла. Он немного поднялся по склону, держа камеру наготове. Медведь бросил лизать свои лапы и лениво обозревал окрестности. Адрианна хотела, чтобы он поскорее повернулся градусов на двадцать по часовой стрелке и дал Уиллу возможность сделать снимок. Но зверь просто поднял иссеченную шрамами морду и зевнул, черные бархатные губы вывернулись наружу. Пасть (как и шкура) хранили отметины, оставшиеся после многих схваток: зубы со сколами, нескольких не было вовсе, десны гноятся и кровоточат. Эта тварь постоянно испытывала боль, что не прибавляло ей дружелюбия.

Пока медведь зевал, Уилл смог переместиться на три-четыре ярда влево и оказался лицом к лицу к зверю. По его настороженным движениям было ясно, что он отдает себе отчет в нависшей опасности. Если б медведь воспользовался этими мгновениями, чтобы рассмотреть не небо, а землю, у Уилла в лучшем случае было бы всего две-три секунды, чтобы отступить на безопасное расстояние.

Но ему сопутствовала удача. Над свалкой летела шумная стая гусей, возвращавшихся домой, и медведь лениво проводил их взглядом, что позволило Уиллу занять выбранную заранее позицию и затаиться, прежде чем медведь опустил голову и мрачно обвел свалку глазами.

Наконец до Адрианны донесся едва слышный щелчок затвора и жужжание устройства, перематывающего пленку. Десяток снимков, сделанных один за другим, — и тишина. Медведь опустил голову. Неужели он почуял Уилла? Снова защелкал затвор — четыре, пять, шесть раз. Медведь захрипел. Это было предупреждение. Адрианна подняла ружье. Уилл продолжал щелкать затвором. Медведь не двигался. Уилл сделал еще два снимка и стал очень медленно подниматься. Медведь сделал шаг в его сторону, но оступился на скользком мусоре, не продвинувшись вперед.

Уилл оглянулся на Адрианну. Увидев, что она взяла ружье на изготовку, он сделал движение рукой — не надо, осторожно двинулся к ней и, только преодолев полпути, пробормотал:

— Он слепой.

Адрианна посмотрела на медведя — тот по-прежнему восседал на мусорной куче, покрытая шрамами голова раскачивалась вверх-вниз, но Адрианна не сомневалась, что Уилл не ошибся. Медведь, судя по всему, ничего или почти ничего не видел. Это и объясняло его неуверенность в преследовании добычи: он словно не чувствовал под ногами твердую землю.

Уилл уже был рядом.

— Других ты не будешь фотографировать? — спросила она.

Молодняк куда-то отправился, а медведица все еще обнюхивала грузовик. Уилл сказал: нет, он уже получил что хотел. И повернулся к медведю.

— Кого-то он мне напоминает. Только не могу вспомнить кого.

— Кого бы ни напомнил, не говори ему об этом.

— Почему? — спросил Уилл, не сводя глаз с медведя. — Мне бы это польстило.

V

Вернувшись на Главную улицу, они увидели Питера Тегельстрома перед его домом: взгромоздившись на лестницу, он прибавал к низким карнизам гирлянды лампочек к Хеллоуину. Его дети — пятилетняя девочка и сын на год постарше — радостно суетились поблизости, хлопали в ладоши и визжали, глядя, как у них перед глазами возникает ряд тыкв и черепов. Уилл пошел перекинуться несколькими словами с Тегельстромом, Адрианна последовала за ним. За последние полторы недели она успела подружиться с ребятами и предложила Уиллу сделать фотографию семейства. Жена Тегельстрома была чистокровная эскимоска, и дети унаследовали ее черты. Фотография этой довольной жизнью семьи, которая живет в двух сотнях ярдов от свалки, должна стать, как убеждала Адрианна, мощным контрастом к фотографиям медведей. Но жена Тегельстрома оказалась слишком застенчива: она не разговаривала с чужаками, в отличие от мужа, который, как показалось Уиллу, давно ни с кем не беседовал.

— Ну, вы уже все сфотографировали? — поинтересовался Тегельстром.

— Почти.

— Надо вам побывать в Черчилле. Там у них медведей куда как больше...

— И туристов, которые их фотографируют.

— Вы бы могли фотографировать туристов, которые фотографируют медведей, — заметил Тегельстром.

— Только если б одного из них жрал медведь.

Питера это здорово развеселило. Он закончил развешивать гирлянды, спустился с лестницы и включил электричество. Ребяшня захлопала в ладоши.

— Их тут и занять нечем. Меня это беспокоит. Весной мы хотим перебраться в Принц-Альберт. — Он кивнул на дом. — Жена не хочет, но детишкам нужна жизнь получше, чем здесь.

Детишки, как он их называл, согласились поиграть с Адрианной и пошли в дом, чтобы надеть маски. Теперь они появились снова, завывая и неся околесицу, чтобы напугать взрослых. Маски, как догадался Уилл, были творением застенчивой эскимоски и представляли собой не ужасные оскалы вампиров и чудовищ, а бледные лица духов, составленные из полосок оленьей шкуры, кусочков меха и картона, раскрашенных красной и синей краской. Эти маски на детских лицах навевали необъяснимую тревогу.

— Ну-ка, станьте здесь, ребята, — велел Уилл, показывая на дверь перед камерой.

— А мне где стать? — спросил Тегельстром.

— Не надо, — без экивоков сказал Уилл.

Тегельстром тактично вышел из кадра, а Уилл присел на корточки перед детьми, которые перестали вопить и замерли бок о бок на крыльце. И вдруг это мгновение обрело особый смысл. Уилл фотографировал не счастливую семью, как этого хотела Адрианна, а двух скорбных духов, застывших в сумерках под петлей из крохотных лампочек. Этот кадр устроил Уилла гораздо больше, чем любой из сделанных на свалке.

Корнелиус еще не вернулся, чего и следовало ожидать.

— Наверно, курит марихуану с Братями Гримм, — сказал Уилл, имея в виду двух немцев, с которыми Корнелиус подружился на почве общей любви к пиву и травке.

Они жили в самом шикарном доме в поселке — в нем даже имелся довольно большой телевизор. Корнелиус признался, что кроме травки у них такая обширная коллекция видео с женской борьбой, что можно писать диссертацию.

— Значит, тут мы все дела закончили? — спросила Адрианна, собираясь приготовить коктейль из водки и мартини, который они обычно пили в это время суток.

Это был ритуал, который начался с шутки в промоине в Ботсване, — они передавали друг другу фляжку с водкой, делая вид, что прихлебывают очень сухой мартини в «Савойе».

— Закончили, — сказал Уилл.

— Ты разочарован.

— Я всегда разочарован. Потому что никогда не получаю то, что хочу.

— Может, ты хочешь слишком многого.

— Мы уже говорили на эту тему.

— И я говорю опять.

— А я нет, — сказал Уилл бесстрастным тоном, хорошо знакомым Адрианне.

Она переменяла тему.

— Что, если я возьму пару недель отпуска? Хочу съездить в Таллахасси повидать маму.

— Нет проблем. Я возвращаюсь в Сан-Франциско — хочу заняться фотографиями, начну устанавливать связи.

Это было его любимое выражение — оно должно было описать процесс, которого Адрианна толком не понимала. Она видела, как Уилл это делает: разложит на полу двести или триста фотографий и несколько дней бродит между ними, перекладывает снова и снова, находит невероятные сочетания в надежде на какую-то искру, ворчит себе под нос, когда ничего не происходит, выпивает немного и сидит ночь напролет, сосредоточенно разглядывая снимки. Когда связи установлены и фотографии разложены в том порядке, который кажется ему правильным, в них вдруг возникает энергия, которой не было прежде. Но Адрианне всегда казалось, что силы, затрачиваемые Уиллом, не стоят результата. Это своего рода мазохизм, решила она: последняя отчаянная попытка — перед тем как фотографии уйдут от него в мир — найти смысл в том, что смысла не имеет.

— Ваш коктейль, сэр, — сказала Адрианна, поставив мартини перед Уиллом.

Поблагодарив, он взял стакан, и они чокнулись.

— Это не похоже на Корнелиуса — пропустить выпивку, — заметила Адрианна.

— Ты ищешь повод забежать к Братям Гримм, — отозвался Уилл.

Адрианна не стала отпираться.

— Я смотрю на Герта — вполне возможно, он очень даже ничего в постели.

— Это тот, у которого пивной живот?

— Угу.

— Забирай его себе. Только, я думаю, они идут в комплекте. Хочешь одного — бери и другого.

Уилл взял пачку сигарет и направился к двери, прихватив мартини. Включил фонарь на крыльце, отворил дверь и, прислонившись к дверному косяку, закурил. Детишки Тегельстрема ушли в дом и уже, наверное, были в постелях, но лампочки, которые повесил для них Питер, по-прежнему горели: ореол оранжевых тыкв и белых черепов вокруг дома тихо раскачивался под порывами ветра.

— Я должен сообщить тебе кое-что, — сказал Уилл. — Хотел дожидаться Корнелиуса, но... Наверное, эта книга будет последней.

— Знала, что тебя что-то грызет. Я думала, это из-за меня...

— Боже милостивый, нет, конечно нет, — возразил Уилл. — Ты, Ади, лучшая из лучших. Без тебя и Корнелиуса я давным-давно бросил бы все это дерьмо.

— Так почему теперь?

— Мне разонравилось. Как ни старайся — толку никакого. Ну, покажем мы фотографии этих медведей, а в результате только больше туристов приедут посмотреть, как они засовывают носы в банки из-под майонеза. Все это пустая трата времени — и ни хрена больше.

— И чем будешь заниматься?

— Не знаю. Хороший вопрос. Ощущение такое... Нет, не знаю.

— Какое ощущение?

— Что все сходит на нет. Мне сорок один, и я чувствую, что слишком много всего повидал, успел побывать едва ли не всюду, и все смешалось в одну кучу. Не осталось волшебства. Я пробовал принимать наркотики. Терял голову от любви. Разочаровался в Вагнере. Ничего лучше уже не будет. А то, что достигнуто, оказалось так себе.

Адрианна подошла к двери и положила подбородок на плечо Уилла.

— Мой бедный Уилл, — сказала она. — Такой знаменитый, такой известный, но как тебе все приелось.

— Смеешься над моей хандрой?

— Да.

— Я так и подумал.

— Ты устал. Тебе нужно передохнуть с годик. Посиди где-нибудь на солнышке с хорошеньким мальчиком. Совет от доктора Адрианны.

— Найдешь мне мальчика?

— О боже! Неужели ты настолько опустошен?

— Я бы не смог дойти до бара, даже если бы от этого зависела моя жизнь.

— И не ходи. Выпей еще мартини.

— Нет, у меня идея получше, — сказал Уилл. — Приготовь выпивку, а я схожу за Корнелиусом. А потом выпьем и погрустим вместе.

VI

Корнелиус до вечера пробыл у братьев Лаутербах и неплохо провел время: смотрел женскую борьбу и покурил травку на халяву. Он ушел, когда стало темно, чтобы вернуться домой и выпить пару рюмок водки, но, преодолев половину пути по Главной улице, задумался: перспектива разборки с Адрианной ему вовсе не улыбалась. Сейчас у него нет настроения извиняться и оправдываться — от этого станет только хуже. Он выудил из кармана самокрутку, которую умыкнул у Герта, и направился к заливу, чтобы ее выкурить.

Он шел между домами, а ветер приносил с залива снежинки, которые хлестали по лицу. Остановился под фонарем, между задами домов и кромкой воды, и поднял голову к свету, чтобы видеть полет снежинок.

— Трогательно, — сказал он самому себе.

Гораздо приятнее, чем медведи. Он вернется и скажет Уиллу, чтобы тот бросил диких зверей и начал фотографировать снежинки.

«Их существованию угрожает куда большая опасность», — шевельнулось в его слегка одурманенном мозгу.

Как только выглянет солнце — они исчезнут. Все их совершенство уйдет в небытие. Это настоящая трагедия.

Уилл не добрался до дома Лаутербахов. Он протопал ярдов сто по Главной улице

(каждый порыв ветра был сильнее предыдущего и приносил больше снега), когда увидел Корнелиуса. Тот крутился на месте, задрал лицо к небу. Он явно накурился, что было вполне в его духе. Именно так Корнелиус всегда распоряжался своей жизнью, а у Уилла было слишком много своих проблем, чтобы быть нетерпимым к слабостям окружающих. И все же для подобных излишеств должно быть свое время и место, а Главная улица Бальтазара сейчас, в медвежий сезон, вряд ли для этого подходит.

— Корнелиус! — закричал Уилл. — Корнелиус, ты меня слышишь?!

Ему никто не ответил. Корнелиус продолжал исполнять танец дервиша под фонарем. Уилл двинулся к нему, на ходу проклиная его привычки. Он не стал тратить силы на крики, ветер был слишком силен, но все-таки засомневался, что поступает правильно: Корнелиус перестал кружиться и исчез между домами. Уилл ускорил шаг, хотя ему захотелось вернуться домой и взять оружие, прежде чем последовать за Корнелиусом. Но так он мог потерять из виду брата Адрианны, а, судя по его неверной походке, Корнелиус вряд ли в состоянии в одиночку совершать прогулку в темноте. Уиллу стало страшно не столько из-за медведей, сколько из-за близости залива. Корнелиус направлялся к берегу. Стоит ему поскользнуться на обледенелых камнях — он окажется в ледяной воде, и у него сразу остановится сердце.

Уилл дошел до того места, где только что танцевал Корнелиус, и пошел по его следам, которые вели из полосы света на пустырь между домами и зоной прилива. Наконец он с облегчением увидел призрачную фигуру Корнелиуса, стоявшего ярдах в пятидесяти. Он больше не вертелся и не смотрел в небо, а стоял, словно окаменевший, и вглядывался в темень залива.

— Эй, приятель, — окликнул его Уилл, — Ты схватишь воспаление легких.

Корнелиус не повернулся. Даже бровью не повел.

«Каких таблеток он наглотался?» — недоумевал Уилл.

— Кон! — Уилл был не больше чем в двадцати ярдах от Корнелиуса. — Это я, Уилл! Ты в порядке? Ответь, старина!

Наконец Корнелиус заговорил. Он неразборчиво произнес одно слово, которое заставило Уилла замереть:

— Медведь.

Из рта Уилла вырвалось облачко пара. Он замер, как и Корнелиус, дождался, когда облачко рассеется, и, не поворачивая головы, обвел взглядом окрестности — сначала слева. Берег, насколько хватало глаз, был пуст. Потом справа. И там то же самое.

Он решился на короткий вопрос:

— Где?

— Пе-ре-до мной, — ответил Корнелиус.

Уилл осторожно шагнул в сторону. Обостренные наркотиком чувства Корнелиуса не обманывали. Ярдах в шестнадцати-семнадцати прямо перед ним и в самом деле стоял медведь, его очертания Уилл едва различал сквозь метель.

— Ты еще здесь, Уилл? — спросил Корнелиус.

— Здесь.

— Что мне делать?

— Отступай. Только, Кон, очень-очень медленно.

Корнелиус бросил испуганный взгляд через плечо, в одночасье протрезвев.

— Не смотри на меня, — сказал Уилл. — Следи за медведем.

Корнелиус повернулся лицом к медведю, который начал неумолимо приближаться. Это не был один из молодых медведей со свалки. И не старый слепой самец, которого фотографировал Уилл. Это была взрослая самка не менее шести сотен фунтов весом.

— Твою мать... — пробормотал Корнелиус.

— Отходи, не останавливаясь, — подбадривал его Уилл. — Все будет в порядке. Не давай ей думать, что из тебя может получиться хорошая закуска.

Корнелиус осторожно сделал три шага назад, но после танца дервиша ему трудно было удерживать равновесие, и на четвертом шаге он поскользнулся. Судорожно замахал руками,

чтобы удержаться на ногах, и не упал, но было поздно: захрипев, медведица ускорила шаг и перешла на рысцу. Корнелиус развернулся и побежал, она зарычала и бросилась следом, похожая на белое пятно. Без оружия, Уилл мог только отскочить в сторону с пути Корнелиуса и хрипло закричать в надежде отвлечь зверя. Но медведице нужен был Корнелиус. В два прыжка она вдвое сократила расстояние между ними и приближалась, распахнув пасть...

— Падай!

Уилл глянул назад, туда, откуда донесся крик, и увидел Адрианну, дай ей бог здоровья, с поднятым ружьем.

— Кон! — закричала она. — Пригни голову, мать твою!

Он понял и распростерся на обледелой земле, от его ботинок медведицу отделяло расстояние в человеческий рост. Адрианна выстрелила — пуля угодила медведице в плечо и остановила ее прежде, чем она набросилась на жертву. Зверь поднялся на задние лапы, издавая злобный рев, по белому меху заструилась кровь. Медведица по-прежнему была от Корнелиуса на расстоянии одного прыжка. Пригнувшись, чтобы казаться меньше, Уилл ползком метнулся к дрожащему Корнелиусу, схватил его и потащил в сторону. От Корнелиуса резко пахло дерьмом.

Уилл бросил взгляд на медведицу. Та все еще была на ногах и не собиралась умирать. Она рывкнула так, что затряслась земля, и двинулась к Адрианне, которая подняла ружье и выстрелила снова не больше чем с десяти ярдов. Рев мгновенно затих, и медведица снова поднялась на задние лапы, белая, с красными пятнами, громадина. Она покачнулась, отступила, как опадающая волна, и захромала прочь, в темноту.

Вся эта сцена (с той минуты, как Корнелиус сказал: «Медведь») заняла, наверное, не больше минуты, но этого вполне хватило, чтобы Уилла затрясло, как в лихорадке. Он поднялся на ноги. Снежинки кружились вокруг, как захмелевшие звездочки, и Уилл двинулся туда, где медведица окропила лед кровью.

— Ты в порядке? — спросила Адрианна.

— Да, — ответил он.

Это была полуправда. Он не ранен, но и целым не остался. Ему казалось, что увиденное вырвало из него какую-то часть, которая устремилась в темноту вслед за медведицей. Он должен пойти за ней.

— Постой! — крикнула Адрианна.

Он обернулся, стараясь не обращать внимания на рыдания Корнелиуса и просьбы о прощении, на крики людей с Главной улицы. Адрианна смотрела ему в глаза и читала его мысли.

— Не сходи с ума, Уилл, — сказала она.

— У меня нет выбора.

— Тогда хотя бы возьми ружье.

Он посмотрел на ружье так, словно это его только что начинили пулями.

— Мне оно ни к чему.

— Уилл...

Он повернулся спиной к ней, к свету, к людям и к их дурацким вопросам. И пошел по красному следу, оставленному медведицей.

VII

Сколько лет он этого ждал. Ждал и бесстрастно наблюдал, как кто-то умирает с ним рядом, а он фиксирует эту смерть, как объективный свидетель. Держал дистанцию. Сохранял спокойствие. С этим покончено. Медведица умирала, и он тоже умрет, если отпустит ее теперь, позволит ей погибнуть в одиночестве в этой темноте. В нем словно что-то замкнуло. Он не знал почему. Может быть, из-за разговора с Гутри, после чего он не мог прийти в себя от невыносимой душевной боли, или из-за встречи со слепым медведем на свалке, а может быть, просто потому, что пришло время. Он долго ждал этой минуты. И вот она наступила.

Уилл шел за медведицей вдоль берега, параллельно Главной улице, и испытывал при этом какое-то безудержное отчаяние. Он понятия не имел, что будет делать, когда догонит зверя, но знал одно: он должен быть там, когда медведица будет умирать мучительной смертью, ведь он тоже виноват в ее гибели. Это он привез сюда Корнелиуса с его привычками. Медведица поступила так, как ей и положено поступать в естественной среде обитания, когда угрожает опасность. Ее застрелили за то, что она не изменила своей природе. Он не мог смириться с мыслью, что стал пособником такого убийства.

Сочувствие животным уживалось в Уилле с инстинктом самосохранения. Он шел по следу, но если на пути попадались камни, старался их обходить, опасаясь, что за ними прячутся звери. Свет, который просачивался на околицу с Главной улицы, сюда не доходил. Различать следы крови становилось все труднее. Уиллу приходилось останавливаться и вглядываться в землю, чтобы их разглядеть, и он был благодарен судьбе за эти остановки. Ледяной воздух обжигал горло и грудь, зубы терзала сверлящая боль, ноги дрожали.

Если он испытывает слабость, подумал Уилл, то медведица должна быть еще слабее. Она уже потеряла немало крови и сейчас, вероятно, уже в агонии.

Неподалеку залаяла собака, вызвав знакомое чувство тревоги.

— Люси... — сказал себе Уилл и, всмотревшись в темноту сквозь падающий снег, увидел, что погоня привела его к хижине Гутри, до тыльной стены которой оставалось ярдов двадцать.

Он услышал крик старика, приказавшего собаке замолчать, и звук открывающейся задней двери.

Из нее пролился свет, довольно слабый по сравнению со светом уличного фонаря в полумиле отсюда, что не мешало Уиллу разглядеть медведицу.

Зверь был ближе к берегу, чем к хижине, и ближе к Уиллу, чем то и другое. Медведица стояла на четырех лапах, и ее качало, земля вокруг потемнела от крови.

— Что за хрень тут происходит? — спросил Гутри.

Уилл не смотрел на него — он не сводил глаз с медведицы (а она не сводила глаз с него), только крикнул Гутри, чтобы тот возвращался в дом.

— Раджонс? Это ты?

— Тут раненая медведица! — крикнул Уилл.

— Я ее вижу, — ответил Гутри. — Это ты в нее стрелял?

— Нет! — Краем глаза Уилл увидел, что Гутри вышел из хижины. — Возвращайся назад! Ты меня слышишь?

— Ты не ранен? — крикнул Гутри.

Прежде чем Уилл успел ответить, медведица встала на задние лапы и, повернувшись к Гутри, набросилась на него. Она взревела, и у Уилла еще было время подумать, почему она выбрала Гутри, а не его. Может быть, за те секунды, что они смотрели друг на друга, она поняла, что Уилл не представляет угрозы: просто еще одно раненое существо, попавшее в ловушку между улицей и морем. И тогда она бросилась на Гутри, одним ударом отбросив его ярдов на пять, но, наверное, благодаря мощному выбросу адреналина, через мгновение тот уже вскочил на ноги, выкрикивая что-то неразборчивое. Только теперь его тело, казалось, осознало нанесенный ему ущерб. Руки поднялись к груди, чтобы остановить кровь, которая уже сочилась между пальцев. Гутри перестал кричать и посмотрел на медведицу. Несколько мгновений они глядели друг на друга — окровавленные, пошатывающиеся. Гутри первым нарушил симметрию и упал лицом вниз.

Люси, оставаясь на пороге дома, отчаянно залаяла, но не решилась приблизиться к хозяину. Гутри был еще жив. Он попытался перевернуться, правая рука скользнула по льду.

Уилл оглянулся туда, откуда пришел, надеясь увидеть там кого-нибудь, кто поможет. На берегу никого не было — наверное, люди шли по улице. Но времени их дожидаться не было. Гутри нужна помощь. И немедленно. Медведица снова опустила на четыре лапы и, судя по тому, как она шаталась, вот-вот должна была свалиться на землю. Не сводя с нее глаз, Уилл подошел к Гутри.

Старик обессилел. Ему удалось перевернуться, и стало ясно, что рана смертельная: грудь представляла собой жуткое зрелище, да и взгляд был страшен. Но он, казалось, увидел Уилла или, по крайней мере, почувствовал его приближение и схватил за куртку.

— Где Люси?

Уилл оглянулся. Собака по-прежнему была у двери, но уже не лаяла.

— Здесь, цела.

Гутри, по-видимому, не услышал ответа, так как подтянул Уилла ближе. Хватка у него была на удивление крепкая.

— Она в безопасности, — сказал Уилл громче и сразу услышал предупреждающий рык медведицы.

Уилл посмотрел на нее. Медведицу трясло, и, судя по всему, ей, как и Гутри, оставалось жить считанные секунды. Но она не хотела умирать на месте и осторожно двинулась в сторону Уилла, обнажив зубы.

Другой рукой Гутри ухватил Уилла за плечо и снова заговорил. Уилл не понял, что означают его слова, по крайней мере в эту минуту.

— Вот этого... уже никого... не будет... — сказал он.

Медведица сделала еще шаг, раскачиваясь вперед-назад.

Уилл очень медленно попытался освободиться от хватки Гутри, но тот крепко держал его.

— Медведица... — напомнил Уилл.

— И этого... — пробормотал Гутри, — и этого...

На его окровавленных губах застыло что-то вроде улыбки. Понимал ли он в агонии, что делает — удерживает человека, который вызвал у него столь горькие воспоминания, когда тому угрожает смерть в лапах медведя?

Уиллу не оставалось выбора: если уж убираться с дороги медведицы, то придется тащить с собой Гутри. Он стал подниматься на ноги, волоча за собой тяжелого старика. Это движение вызвало стон у Гутри, и он почти отпустил плечо Уилла.словно партнер в каком-то жутком танце, Уилл сделал шаг в сторону лачуги, таща за собой Гутри. Медведица остановилась, глядя на эту нелепую сцену сверкающими черными глазами. Уилл сделал еще шаг, и Гутри вскрикнул, но тише, и неожиданно выпустил Уилла, у которого не было сил его удержать. Гутри скользнул на землю, словно его кости стали жидкими, и в это мгновение медведица приняла решение. Уилл не успел бы увернуться, а тем более убежать. Зверь в один прыжок оказался на нем, словно машина, сбившая пешехода. Уилл почувствовал, как от удара ломаются кости, а мир становится пятном боли и снега, ослепившим его своим белым сиянием.

Потом голова его ударилась о лед, и на несколько секунд он потерял сознание. Очнувшись, Уилл поднял руку и увидел красный снег. Куда подевалась медведица? Он повел глазами направо, потом налево: ее нигде не было. Одна рука неподвижно лежала под ним, но в другой еще были силы, чтобы опереться и приподняться. От этого движения тело пронзила боль, и он испугался, что снова потеряет сознание, но понемногу ему все же удалось встать на колени.

Он услышал сопение слева и посмотрел туда. В глазах помутилось. Медведица уткнулась носом в тело Гутри, вдыхая его запах. Она подняла громадную голову, и Уилл увидел, что морда у нее в крови.

«Это смерть», — подумал Уилл.

Смерть для всех нас. То, что ты столько раз фотографировал. Неподвижный дельфин, запутавшийся в сетях; обезьяна, бьющаяся в конвульсиях среди мертвых сородичей и не сводящая с него взгляда, который невозможно вынести, разве что через объектив камеры. Все они стали одним в это мгновение: он, обезьяна, медведица. Смертные существа, чье время подошло к концу.

А потом медведица снова набросилась на него, когти вспороли плечо, спину, челюсти сомкнулись на шее. Откуда-то издалека, из мира, которому он больше не принадлежал,

донесся женский голос, зовущий его, и мозг лениво отметил: «Здесь Адрианна, милая Адрианна...»

Он услышал выстрел, еще один. Почувствовал, как всем своим весом навалилась на него медведица, придавив к земле. Ее кровь бежала по его лицу.

«Неужели спасен?» — подумал он словно о ком-то другом.

По мере того как он укреплялся в этой мысли, другая его часть, у которой не было ни ушей, чтобы слышать, ни глаз, чтобы видеть, да которой это было и не нужно, тихо покидала этот мир. Органами чувств, о существовании которых Уилл и не подозревал, он созерцал звезды сквозь снежные тучи. Ему казалось, что он чувствует их тепло, что их пылающие сердца и его дух разделены лишь мыслью и что он может оказаться там, в них, познать их — стоит только пожелать.

Но что-то остановило подъем. Голос. Он знал этот голос, только не мог вспомнить, кому он принадлежит.

«Эй, ты что это надумал?» — произнес он с лукавой насмешкой.

Он пытался вспомнить лицо, но перед глазами всплывали лишь фрагменты. Шелковистые рыжие волосы, острый нос, шутовские усы.

«Тебе еще рано», — сказал пришелец.

«Но я хочу, — ответил Уилл. — Здесь столько боли. Не в умирании — в жизни».

Собеседник слышал жалобы Уилла, но не пожелал поддерживать тему.

«А ну, помолчи, — сказал голос. — Думаешь, ты первый на этой планете потерял веру? Это часть нашего бытия. Нам нужно поговорить серьезно — тебе и мне. С глазу на глаз. Как мужчина с...»

«Мужчина с кем?»

«И до этого дойдем», — ответил голос, начиная слабеть.

«Куда ты уходишь?» — спросил Уилл.

«Туда, где ты не сможешь меня найти, когда придет время, — ответил незнакомец. — А оно придет, мой потерявший веру друг. Это так же верно, как то, что Господь навесил сиски на ветки».

И, выдав эту околесицу, голос пропал.

Настало мгновение благодатной тишины, когда Уиллу вдруг пришло в голову, что, может быть, он все-таки умер и теперь уплывает в забвение. Потом он услышал Люси (бедную осиротевшую Люси), которая надрывно лаяла где-то поблизости. А затем, вслед за ее воем, человеческие голоса. Они говорят ему: «Лежи, лежи, не двигайся, все будет хорошо».

— Ты меня слышишь, Уилл? — спрашивала Адрианна.

Он чувствовал, как на лицо падают снежинки, словно холодные перышки. На брови, ресницы, губы, зубы. А потом — гораздо менее приятная, чем покалывающие снежинки, мучительная боль во всем теле и в голове.

— Уилл, — говорила Адрианна, — скажи мне что-нибудь.

— Дда-а, — сказал он.

Боль становилась невыносимой и все усиливалась.

— Все будет хорошо, — сказала Адрианна. — Мы ждем помощи. Все будет хорошо.

— Господи, какой кошмар, — сказал кто-то.

Он узнал акцент. Наверняка один из братьев Лаутербах. Герт, доктор, которого лишили права заниматься частной практикой за нарушения при выписывании рецептов. Он отдавал приказы, как старый сержант: одеяла, бинты, сюда, скорее, шевелитесь!

— Уилл?

Третий голос. Этот звучал где-то совсем рядом с его ухом. Корнелиус. Говорил он сквозь слезы:

— Это я виноват, старина. Боже мой, какая я тварь, прости...

Уилл хотел остановить Корнелиуса — от его чувства вины сейчас никакого проку, но язык не слушался и он не смог произнести ни слова. Глаза, однако, приоткрылись, вытолкнув

снежинки из глазниц. Он не видел ни Корнелиуса, ни Адрианны, ни Герта Лаутербаха. Только летящие сверху снежинки.

— Он все еще с нами, — сказала Адрианна.

— О, старина, о, старина... — рыдал Корнелиус. — Спасибо тебе, долбаный Господи.

— Ты только держись, — сказала Адрианна Уиллу. — Мы тебя вытащим. Ты меня слышишь? Ты не умрешь, Уилл. Я тебе не позволю умереть, ты понял?

Он снова позволил глазам закрыться. Но снег проникал в голову, погружая его в благодатное небытие, словно на раны положили мягкое одеяло. И боль постепенно отступала, уходили голоса, он уснул под снегом, и ему приснились другие времена.

Часть вторая **ЕМУ СНИТСЯ, ЧТО ЕГО ЛЮБЯТ**

I

В течение нескольких драгоценных месяцев после смерти старшего брата Уилл был самым счастливым парнишкой в Манчестере. Конечно, не для всех. Он быстро научился придавать лицу мрачное выражение, даже изображать готовность разрыдаться, если озабоченный родственник спрашивал, как он себя чувствует. Но все это было сплошным притворством. Натаниэль умер, и Уилл был этому рад. Золотой мальчик больше не будет главенствовать над ним. Теперь в его жизни остался только один человек, который относился к нему так же снисходительно, как отец, — и это был сам отец.

У отца имелись для этого все основания: он был великий человек. Философ — ни больше ни меньше. У других тринадцатилетних мальчишек отцы были водопроводчиками или водителями автобусов, но отец Уилла, Хьюго Рабджонс, был автор шести книг — никакой водопроводчик или водитель автобуса даже не понял бы, о чем они. Мир (Хьюго как-то сказал об этом Натаниэлю в присутствии Уилла) создавался многими людьми, но лишь единицы определяли то, как он будет развиваться. Важно было оказаться среди этих единиц, найти место, в котором ты сможешь изменить общепринятые представления с помощью политического влияния и интеллекта, а если ни то ни другое не подействует, то ненавязчивым принуждением.

Уилл приходил от отцовских речей в восторг, даже несмотря на то, что многое из сказанного оставалось за пределами его понимания. А отец любил поговорить о своих мыслях, хотя однажды Уилл был свидетелем того, как отец впал в ярость: Элеонор, мать Уилла, назвала своего мужа учителем.

— Никакой я не учитель, никогда им не был и не буду! — взревел Хьюго, его и без того всегда красное лицо налилось кровью. — Почему ты то и дело пытаешься меня унижить?

Что ответила мать? Что-то неопределенное. Она всегда говорила что-то неопределенное. Глядя мимо него куда-то в окно или, может быть, вперившись осуждающим взглядом в букеты, которые только что расставила.

— Философии нельзя научить, — сказал тогда Хьюго. — Она дается только вдохновением.

Возможно, этот разговор продолжался дольше, но у Уилла были сомнения на этот счет. Мгновенная вспышка, перемирие — таков был ритуал. А иногда — обмен ласками, но это тоже быстро заканчивалось. И каков бы ни был предмет разговора — философия или любовь, — на лице матери неизменно присутствовало рассеянное выражение.

Но потом умер Натаниэль, и даже такие разговоры прекратились.

Это случилось в четверг утром. Он переходил улицу, и его сбило такси. Водитель спешил доставить пассажира на манчестерский вокзал Пикадилли, боялся опоздать на двенадцатичасовой поезд. Удар отбросил Натаниэля в витрину обувного магазина, стекло разлетелось, и он получил множественные порезы и внутренние повреждения,

несовместимые с жизнью. Умер он не сразу. Боролся за жизнь два с половиной дня в отделении интенсивной терапии Королевской клиники, но в сознание так и не пришел. На утро третьего дня его тело перестало сопротивляться, и он умер.

По мифологизированной версии, сочиненной Уиллом, его брат, будучи в коме, принял решение не возвращаться в этот мир. Хотя Натаниэлю было всего пятнадцать, когда он умер, он успел вкушать больше радостей жизни, чем удастся большинству за отведенные им Библией семьдесят два. Его до самозабвения любили родители, Господь наделил его лицом, на которое невозможно было посмотреть и не влюбиться, но Натаниэль решил расстаться с миром, оставаясь его идиолом. Он получил свою долю восхищения и поклонения, и они успели ему наскучить. Лучше уйти, не оглядываясь.

После похорон Элеонор не выходила из дома. Она всегда любила гулять по улице, стоять перед витринами — но теперь перестала это делать. У нее был кружок приятельниц, с которыми она встречалась за ланчем не реже двух раз в неделю. Теперь она перестала подходить к телефону, чтобы не разговаривать с ними. Ее лицо утратило сияние. Рассеянность обернулась полным отсутствием интереса к жизни, и мании росли день ото дня. Она перестала открывать шторы в гостиной, потому что боялась увидеть такси. Если она и ела, то только с белых тарелок. Она не ложилась спать, пока не убеждалась, что все двери и окна закрыты на три запора. Она привыкла молиться, делала это обычно очень тихо и на французском, ее родном языке. Как-то вечером Уилл услышал ее разговор с отцом — она говорила, что дух Натаниэля находится с ней рядом неотлучно. Неужели Хьюго не видит этого по ее лицу? У них ведь одна кровь. Одна — французская.

Даже в тринадцать лет Уилл вполне прагматично смотрел на мир. Он не обманывался насчет того, что происходит с его матерью. Она сходила с ума. Такова была печальная простая истина. В течение нескольких недель мая она не могла оставаться одна дома, и Уилл был вынужден пропускать занятия (для него это было вовсе не в тягость) и оставаться с ней дома. При этом видеть его она не желала (не хотела видеть лицо, которое казалось ей неудачной копией идеальной внешности Натаниэля), но стоило ей услышать, что он открывает переднюю дверь, как она с рыданиями и обещаниями звала его назад. Наконец в середине августа Хьюго усадил Уилла и сказал, что жизнь в Манчестере для всех них стала невыносимой, и он решил, что они должны переехать. «Твоей матери нужны простор и свежий воздух», — объяснил он. Эти слова были лейтмотивом всех тех месяцев, которые прошли с того дня, когда несчастье изборозило морщинами его лицо. У него, по его словам, было лицо спорщика, словно высеченное из гранита — породы, которая плохо передает нюансы мысли и оттенки значений. Но оттенков было пруд пруди. Даже простое описание отъезда семьи из Манчестера стало лингвистическим приключением.

— Я понимаю, эти последние месяцы дались тебе нелегко, — сказал отец Уиллу. — Проявления скорби могут любого сбить с толку, и я не буду делать вид, будто до конца понимаю, почему горе твоей матери приняло такие специфические формы. Но ты не должен ее осуждать. Мы не можем чувствовать того, что чувствует она. Никто никогда не может чувствовать того, что чувствуют другие. Мы можем только предполагать. Выдвигать гипотезы. Не больше. То, что происходит здесь, — он постучал себя по виску, — принадлежит ей и только ей.

— Может быть, если бы она рассказала об этом... — осторожно предложил Уилл.

— Слова не есть абсолюты. Я уже говорил тебе об этом. То, что говорит твоя мать, и то, что слышишь ты, не тождественно. Ты ведь это понимаешь?

Уилл кивнул, хотя и понимал то, что ему говорили, лишь в самых общих чертах.

— Итак, мы переезжаем, — сказал Хьюго, довольный, что ему удалось донести до Уилла теоретическое обоснование сложившейся ситуации.

— И куда мы поедem?

— В деревню в Йоркшире. Она называется Бернт-Йарли. Тебе придется перейти в другую школу, но ведь для тебя это не будет большой проблемой?

Уилл побормотал: нет, не будет. Он ненавидел школу Сент-Маргарет.

- И свежий воздух тебе тоже не повредит. Ты все время какой-то бледный.
— И когда мы уезжаем?
— Недели через три.

II

1

Переезд получился не совсем таким, как его планировали. Через два дня после разговора Хьюго с Уиллом Элеонор нарушила собственные правила, вышла из дома утром и отправилась бродить по городу. Домой ее привели поздно вечером — нашли плачущей на той улице, где Натаниэля сбила машина. Переезд отложили, и следующие две недели она находилась под наблюдением сиделок и психиатра — выписанные им лекарства дали положительный эффект. Через несколько дней настроение у Элеонор улучшилось, она стала необычайно оживленной и с головой ушла в дела — подготовку к отъезду. Отложенный переезд состоялся во вторую неделю сентября.

Путь из Манчестера занял чуть больше часа, но поездку на двух машинах вполне можно было сравнить с перемещением каравана в другую страну. Когда промелькнули простенькие улочки Олдхэма и Рочдейла, они оказались на открытой дороге. Бескрайние вересковые пустоши перешли в холмы, на склонах которых, поросших сочной зеленью, здесь и там зияли полосы мрачного серого известняка. На вершинах холмов задувал сильный ветер, раскачивая высокий фургон, в который попросили сесть Уилла. Держа в руках карту, он, как мог, следил за маршрутом, переводя глаза с дороги, по которой они ехали, на странные названия: Киркби-Мальцеард, Гаммерсгилл, Хортон-ин-Риблсдейл, Йокентвейт, Гартвейт и Роттенстоун-Хилл. Они обещали целый неизведанный мир.

Пункт их назначения, деревня Бернт-Йарли, на взгляд Уилла, ничем не отличалась от десятков других деревень, мимо которых они проезжали. Незамысловатые кубики домов и коттеджи, возведенные из местного известняка и крытые шифером, пять-шесть лавочек (бакалея, мясная, газетный киоск, почта, паб), церковь с небольшим кладбищем вокруг и высокий горбатый мост над речушкой — не шире, чем полоска дороги. Но на окраине деревни стояли три или четыре солидных дома. Один из них, насколько было известно Уиллу, и должны были занять они — самый большой дом в Бернт-Йарли, такой красивый, что, по словам отца, Элеонор заплакала от счастья при мысли о том, что они станут в нем жить. «Мы будем здесь очень счастливы», — сказал Хьюго, словно это была не лелеемая им надежда, а наставление.

2

Первое свидетельство счастья ждало их у ворот: полненькая, улыбающаяся женщина раннего среднего возраста, которая представилась Уиллу как Адель Боттралл и пригласила их в дом с самым искренним, как ему показалось, удовольствием. Она немедленно принялась руководить разгрузкой автомобиля и мебельного фургона, командуя своим мужем Дональдом и сыном Крейгом — угрюмым шестнадцатилетним парнем с толстой шеей. Во дворе Сент-Маргарет такой тип вполне мог для профилактики наградить Уилла тумачами. Но здесь он служил рабочей лошадкой, таскал в дом коробки и мебель, и глаза у него почти все время были опущены. Миссис Боттралл дала Уиллу стакан лимонада, и он пошел бродить вокруг дома, разглядывая его со всех сторон и время от времени возвращаясь к парадной двери поглазеть на Крейга, таскающего их вещи в поте лица. День был влажный (Адель обещала, что будет гроза, которая разрядит воздух), и Крейг разделся до поношенной фуфайки, пот

катился по его лицу с узкого лба, шея и грудь шелушились от солнечных ожогов. Уилл завидовал его мускулатуре, выющейся поросли у него под мышками и клочковатым, ухоженным бачкам. Изображая озабоченность по поводу сохранности столов и ламп, которые носил Крейг, он лениво передвигался из комнаты в комнату вслед за парнем. Время от времени Крейг делал что-нибудь такое, что, по представлениям Уилла, он не должен был видеть, хотя ничего такого особенного Крейг не делал — вполне обычные вещи. Проводил языком по выющимся усикам, вытягивал руки над головой, плескал в лицо водой над кухонной раковиной. Раз или два Крейг посмотрел в его сторону — его немного забавляло внимание, которое проявлял к нему Уилл. Когда Крейг поворачивал голову, Уилл напускал на лицо подобие того безразличия, которое он так часто видел на лице матери.

Разгрузка продолжалась до раннего вечера. Дом (в котором два года никто не жил) слабо сопротивлялся вселению новых жильцов. Внутренние двери оказались слишком узкими для нескольких коробов, а изысканно убранные комнаты — слишком маленькими для мебели из городского дома. Чем ближе к вечеру, тем напряженнее становилась атмосфера. Ободранные до крови костяшки пальцев, поцарапанные подбородки, отдавленные ноги. Элеонор сохраняла величественное спокойствие, сидя перед окном в эркере, откуда открывался великолепный вид на долину, и попивала травяной чай. Ее муж тем временем принимал решения о назначении тех или иных комнат — в прежние дни она бы этого ему не доверила. Раз Крейг с коробкой в руках ободрал пальцы о стену и разразился ругательствами, которые были немедленно пресечены Аделью — она отвесила сыну подзатыльник. Уилл оказался случайным свидетелем этого происшествия и увидел, как глаза Крейга наполнились слезами от обиды. И тут Уилл понял, что, несмотря на все его мускулы и пот, Крейг был всего лишь мальчишка, и интерес Уилла к его занятиям мгновенно улетучился.

3

Была суббота. Ночь не принесла с собой грозу, как предсказывала Адель, и на следующий день воздух был липким с самого утра, еще до того, как единственный колокол Святого Луки призвал верующих на богослужение. Адель, в отличие от мужа и сына, была прихожанкой. К тому времени, когда она вернулась, ее команда уже провела два часа, орудуя коробками, как слон в посудной лавке, — они действовали так неумело, что расколотили несколько тарелок и фарфоровую вазу.

Чувствуя напряжение, повисшее в воздухе, Уилл решил держаться от всего этого подальше. Пока семейство Боттралл топало по дому, он оставался наверху в отведенной ему комнате со сводчатым потолком. Она находилась в дальней части дома, что его абсолютно устраивало. Из окна с широким подоконником открывался вид на склон холма, где не было видно ни одного дома, ни одной лачуги — только несколько согнутых ветром деревьев и изредка — стадо овец.

Он припиливал карту мира к стене, когда услышал жужжание осы — она словно почувствовала, что наступают ее последние деньки. Оса стала кружить у его головы. Уилл схватил книгу и отогнал ее, но она туг же вернулась, жужжа еще громче. Он снова попытался ее прибить, но оса увернулась от удара и, описав несколько быстрых кругов, ужалила его в шею под левым ухом. Он вскрикнул и отступил к двери, а оса совершила победный пролет над его головой. Он не попытался прихлопнуть ее в третий раз, а распахнул дверь и с воплем скатился вниз по лестнице.

Сочувствия ему никто не выказал. Отец, который недовольно выговаривал Дональду Боттраллу, смерил Уилла таким взглядом, что жалобы застряли у него в горле. Проглотив слезы, он отправился на поиски матери. Она по-прежнему сидела перед окном в эркере, на подлокотнике кресла стоял пузырек с лекарствами. Второй пузырек она открыла и, высыпав его содержимое на ладонь, пересчитывала таблетки.

— Ма, — сказал он.

Она оторвала глаза от таблеток, на лице было выражение царственного отчаяния.

— В чем дело? — спросила она.

Он рассказал, что случилось.

— Ты неосторожен. Осы осенью всегда агрессивны. Их нельзя раздражать.

Он начал говорить, что вовсе не раздражал осу, что он невинно пострадавший, но по выражению лица матери понял, что она его уже не слушает. Секунду спустя она снова принялась пересчитывать таблетки. Испытав разочарование и бессилие, он ретировался.

Место укуса распухло и пульсировало, и это распаляло его злость. Он поднялся в ванную, нашел в аптечке какую-то мазь от укусов насекомых и щедро нанес на ужаленное место. После этого сполоснул лицо, смывая следы слез. Он больше никогда не заплачет, сказал он своему отражению в зеркале. Слезы — глупость, все равно тебя никто не слушает.

Нисколько не почувствовав себя счастливее после этого решения, он поплелся вниз. Там мало что изменилось. Крейг бездельничал в кухне, набивая рот какой-то стряпней Адели. Элеонор сидела со своими таблетками, а Хьюго в саду перед домом продолжал препираться с Дональдом (который, судя по его виду, был первостатейным упрямым и ни в чем не собирався уступать). Их спор становился все жарче. Никто не обратил внимания на Уилла, который направился в деревню, а если и обратил, то всем было все равно, и никто его не остановил.

III

Улицы Бернт-Йарли были пусты, все лавочки закрыты, включая и маленькую кондитерскую, где Уилл надеялся полакомиться мороженым. Он уставился в окно, загородившись от света ладонями. Помещение оказалось таким же маленьким внутри, как и снаружи, и битком набитым товарами, часть которых предназначалась для бродяг и туристов, проходивших мимо: почтовые открытки, карты, даже рюкзаки. Удовлетворив любопытство, Уилл поплелся к мосту. Тот был невелик — пролет футов двадцать — и построен из того же серого известняка, что и домишки неподалеку. Он уселся на невысокое ограждение и стал смотреть на реку. Лето было засушливое, и внизу между камней остался лишь ручеек, а берега заросли болотными бархатцами и кустиками бальзамина, вокруг которых вились пчелы. Уилл настороженно на них поглядывал, готовый дать деру, если какая-нибудь направится в его сторону.

— Глупость все это, — пробормотал он себе под нос.

— Что глупость? — раздался голос за его спиной.

Он повернулся и увидел не одну, а две пары изучающих глаз. Голос принадлежал девчонке постарше Уилла — со светлыми волосами и белой кожей, лицо усыпано веснушками. Она стояла на мосту, а ее спутник сидел на корточках у ограждения напротив Уилла и ковырял в носу. Парнишка явно был ее брат — те же простоватые черты лица и серьезные серые глаза. Но если девчонка вырядилась в воскресное платье, то у ее братишки вид был неопрятный: одежда мягая и грязная, на губах ягодный сок. Он мрачно поглядывал на Уилла.

— Что глупость? — снова спросила девочка.

— Это место.

— Ерунда, — сказал мальчишка. — Это ты глупый.

— Тихо, Шервуд.

— Шервуд? — переспросил Уилл.

— Ну да, Шервуд, — с вызовом ответил мальчик.

Он поднялся, словно собираясь драться, ноги у него шелушились, сплошь покрытые зажившими царапинами. Его воинственность быстро иссякла.

— Я хочу поиграть где-нибудь в другом месте. — Он явно потерял интерес к незнакомцу. — Идем, Фрэнни.

— По-настоящему меня не так зовут, — вставила девочка, прежде чем Уилл успел произнести хоть слово. — Я Фрэнсис.

— Шервуд — дурацкое имя, — заметил Уилл.
— Да что ты? — притворно удивился Шервуд.
— Ну да.
— А тебя как зовут? — вмешалась Фрэнни.
— Это мальчишка Рабджонса, — сказал Шервуд.
— Откуда ты знаешь? — спросил Уилл.
Шервуд пожал плечами.
— Да так, слышал, — сказал он с озорной улыбкой, — потому что слушаю.
Фрэнни рассмеялась.
— Чего ты только не слышишь! — сказала она.
Шервуд рассмеялся, довольный, что его оценили.
— Чего я только не слышу, — нараспев повторил он за сестрой. — Чего я только не слышу, чего я только не слышу.
— Если тебе известно чье-то имя, это еще не значит, что ты такой умный, — заметил Уилл.
— Я и еще кое-что знаю.
— Например?
— Например, что ты из Манчестера и что у тебя был брат, только он умер.
«Умер» он сказал так, словно ему это доставляло удовольствие.
— А твой папа учитель. — Шервуд бросил взгляд на сестру. — Фрэнни говорит, что ненавидит учителей.
— Ну, он вовсе и не учитель, — отмахнулся Уилл.
— Кто же тогда? — поинтересовалась Фрэнни.
— Он... доктор философии.
Это прозвучало как хвастовство, и все вдруг умолкли.
— Он и вправду доктор? — наконец спросила Фрэнни.
Она словно почувствовала, что Уилл не понимает, о чем говорит. Но он сделал храброе лицо.
— Типа того, — сказал Уилл. — Он лечит людей своими книгами.
— Глупость все это! — крикнул Шервуд, повторив те же самые слова, с которых начался разговор.
Он стал смеяться над тем, что сказал Уилл.
— Мне все равно, что ты думаешь, — отрезал Уилл, отвечая Шервуду самой язвительной улыбкой, на какую только был способен. — Все, кто живет на этой помойке, просто глупцы. Как ты...
Шервуд отвернулся и стал плевать с моста. Уилл решил больше не препираться и пошел домой.
— Поймай, — услышал он голос Фрэнни.
— Фрэнни, — плаксиво позвал ее Шервуд, — ну его!
Но Фрэнни уже догнала Уилла.
— Шервуд иногда ведет себя глупо, — сказала она с важным видом. — Но он мой брат, и я должна за ним присматривать.
— Он как-нибудь получит по голове — этим все и кончится. Сильно получит. Может, и от меня.
— Он и так постоянно получает по голове, потому что люди думают, что у него не совсем...
Она замолчала, словно собираясь с духом.
— ...не совсем в порядке с головой.
— Фрэ-э-энни! — завопил Шервуд.
— Тебе лучше вернуться к нему, пока он не свалился с моста.
Фрэнни кинула на брата раздраженный взгляд.
— Ничего с ним не случится. И знаешь, здесь у нас не так уж плохо.

— Мне все равно, — ответил Уилл. — Я отсюда убегу.

— Убежишь?

— Я же сказал.

— И куда?

— Еще не решил.

Они замолчали. Уилл подумал, что сейчас она вернется к брату, но Фрэнни решила продолжить разговор и по-прежнему шла рядом с Уиллом.

— А Шервуд правду сказал? — спросила она, понизив голос. — Насчет твоего брата?

— Да. Его сбило такси.

— Ты, наверно, ужасно переживал.

— Я его не очень любил.

— И все же... Если б что-нибудь такое случилось с Шервудом...

Они подошли к развилке. Налево шла дорога к дому, а направо вела тропинка, которая терялась из виду за живыми изгородями. Уилл помедлил.

— Мне пора возвращаться, — сказала Фрэнни.

— Я тебя не держу, — ответил Уилл.

Она не шелохнулась. Уилл посмотрел на девочку и увидел в ее глазах такую боль, что не выдержал и отвернулся. В поисках чего-нибудь интересного его взгляд остановился на единственном доме у дороги, и он спросил Фрэнни, что это такое, — не из любопытства, а чтобы смягчить свою грубость.

— Все называют его Судом, — ответила она. — Но на самом деле никакой это не Суд. Его построил человек, который защищал лошадей или что-то в этом роде. Я точно не знаю.

— А кто там живет? — спросил Уилл.

Издалека дом казался внушительным. Он походил на храм из учебника истории, только храм был построен из камня.

— Никто, — сказала Фрэнни. — Там внутри ужасно.

— Ты заходила?

— Шервуд однажды там спрятался. Он знает об этом доме больше, чем я. Спроси у него.

Уилл наморщил нос.

— Не, — помотал он головой.

Они вроде как помирились, и теперь он мог уйти, не испытывая угрызений совести.

— Фрэ-э-энни! — снова завопил Шервуд.

Он забрался на ограждение моста и теперь шел по нему, как канатоходец.

— Слезай оттуда! — закричала Фрэнни и, кивнув Уиллу через плечо, побежала к мосту.

«Слава богу», — подумал Уилл и снова стал соображать, в какую сторону направиться.

Если вернуться домой, можно будет попить и что-нибудь забросить в пустой желудок. Но тогда придется терпеть их шуточки. Нет уж, лучше еще погулять, решил он, и выяснить, что же там — за поворотом и живыми изгородями.

Он оглянулся и увидел, что Фрэнни уговорила Шервуда спуститься с ограждения и он снова сидит на земле, обхватив колени, а она смотрит на Уилла. Он небрежно помахал ей и пошел по дороге, предаваясь праздным мыслям: вдруг этот маршрут окажется увлекательным и выйдет, что он не зря хвастался перед девчонкой, — он будет идти и идти, пока от Бернт-Йарли останутся одни воспоминания.

IV

Суд оказался дальше, чем Уилл думал. Он шел и шел, а за очередным поворотом дороги показывался еще один, за каждой живой изгородью, через которую он заглядывал, — еще одна изгородь, пока Уилл не догадался, что неверно определил размеры здания. Оно было гораздо дальше и больше, чем он подумал сначала. Когда Уилл поравнялся с ним и оглядел живую изгородь, отыскивая проход на поле, где стоял дом, прошло не меньше полчаса.

Погода становилась хуже, на северо-востоке, над холмистыми пастбищами, нависли тучи. Наконец-то собиралась гроза, о которой говорила Адель Боттралл, и холмы под мрачным небом потемнели.

«Пожалуй, лучше отложить это приключение на какой-нибудь другой день», — подумал Уилл.

Осиный укус на шее стал отдаваться пульсирующей болью в голове. Плевать на хвостовство — пора возвращаться домой.

Но проделать такой путь и ничего не узнать (даже рассказать потом будет не о чем) — разве это не бездарная трата времени? Еще пять минут — и он переберется через изгородь и добежит до таинственного здания. Еще пять минут — и он увидит его отсыревшие стены изнутри, после чего можно возвращаться домой. Он пойдет напрямик, через холмы, довольный, что его труды не пропали даром.

С этими мыслями Уилл стал искать проход в густых зарослях боярышника, нашел место, где ветви переплелись не так тесно, и пробрался на другую сторону. Открывшееся перед ним зрелище стоило нескольких царапин. Трава на поляне вокруг Суда вымахала Уиллу по грудь, и всюду была жизнь. Из-под ног выпархивали жаворонки. При его приближении бросились наутек зайцы, которых он слышал, но не видел. Уилл сразу забыл про боль в голове и зашагал по траве, как человек, потерявшийся на сафари. У него засосало под ложечкой от предвкушения чего-то необычного. Может быть, жить здесь — вдали от пыльных улиц и такси — не так уж плохо, тут он сможет стать другим.

Теперь до Суда оставалось несколько ярдов, и сомнения насчет того, благоразумно ли заходить внутрь, исчезли. Он поднялся по заросшим травой ступеням, прошел между колоннами (в объёме они не уступали Дональду Боттраллу) и, толкнув полусгнившую дверь, вошел.

Здесь было холоднее, чем он думал. И темнее. Хотя дождей в этом году было так мало, что река превратилась в ручеек, тут царила сырость, словно здание вытягивало влагу из земли и с ней приходили гниль и черви.

Помещение, где он оказался, было необыкновенным: что-то вроде полукруглого холла с многочисленными углублениями в стене, словно в них должны стоять статуи. На полу замысловатая мозаика, изображающая странный набор предметов, часть из которых была знакома Уиллу, часть — нет. Тут были лимоны и виноград, цветы и зубчики чеснока. Он увидел что-то похожее на кусок мяса, только из него выползали личинки, и он подумал, что ошибся, потому что никто в здравом уме не станет строить дворец вроде этого, а на полу рисовать протухший стейк. Он не стал тратить время на его разглядывание. Далекий удар грома, такой сильный, что завибрировали стены дома, напомнил о приближавшейся грозе. Надо убираться отсюда, если он еще надеется опередить ливень. Уилл поспешил по широкому коридору с высоким потолком в глубь здания (двери и проходы словно были рассчитаны на великанов) и через следующий дверной проем, с более пологой аркой, чем в первом, попал в главный зал.

Впереди с громкими хлопками метнулись какие-то тени, и сердце у него ёкнуло. Он бросился назад к двери и выбежал бы прочь (любопытство сразу куда-то улетучилось), если бы не раздалось жалобное овечье блеянье. Уилл огляделся. В середине куполообразного потолка был круглый световой фонарь, сквозь который на грязный пол проникал луч — словно яркий столб, поддерживающий всю эту великолепную конструкцию. Свет проливался и на ряд каменных сидений, расположенных по кругу, были видны и стены. Уилл увидел странные рельефы. Это были какие-то состязания: лошади, собаки, натянувшие длинные поводки.

Снова раздалось блеяние, и Уилл, повернув голову на звук, увидел жалкое зрелище. Отощавшая овца (шерсть на ней висела грязными клоčьями) забилась в нишу между двумя рядами сидений, видимо испуганная его появлением.

— Ну ты и доходяга, — сказал Уилл. — Все хорошо... Я тебе ничего не сделаю.

Он стал подходить к овце, а она злобно смотрела на него выпученными глазами, не

двигаясь с места.

— Застряла? Ах ты, дурочка. Туда смогла забраться, а выбраться не можешь.

Чем ближе он подходил к животному, тем очевиднее становилось его плачевное состояние. Ноги, голова и бока были ободраны, видимо в безуспешных попытках выбраться. Одна рана на морде была особенно ужасна: в ней роились мухи.

Уилл не хотел дотрагиваться до этой овцы. Если погнать ее в нужную сторону, она сможет выбраться на свет, а там и найти дорогу домой. Теория Уилла подтвердилась. Когда он забрался на сиденья, несчастное создание, перепуганное до смерти, торопливо выбралось из ловушки, копыта застучали по каменному полу. Уилл побежал за овцой, обгоняя ее, к входной двери. Овца в ужасе развернулась и жалобно заблеяла. Уилл уперся плечом в дверь и распахнул ее. Овца отступила к пятну света в Центре зала и стояла там, глядя на Уилла, бока у нее ходили ходуном. Уилл бросил взгляд в коридор, ведущий к двери, которая осталась широко открытой. Овца должна это видеть. Там все еще светит солнце, усиливающийся ветер раскачивает высокую траву.

— Давай! — сказал он. — Смотри! Еда!

Овца уставилась на него вытаращенными глазами. Уилл посмотрел вдоль прохода и увидел, что стена частично обвалилась и каменные блоки сдвинулись с места. Он отпустил дверь, нашел блок, который смог бы передвинуть, и, протаскивая его по полу, заклинил дверь. Потом вернулся в главный зал, обошел овцу и стал гнать ее к выходу. Она наконец поняла, чего он хочет, пустилась по коридору и дальше — через входную дверь на свободу.

Уилл был доволен собой. Он не рассчитывал на такое приключение в столь странном месте, но как будто втайне желал его.

«Может, я стану фермером», — сказал он самому себе.

И вышел в сгустившиеся сумерки.

V

Происшествие с овцой задержало Уилла в здании Суда дольше, чем он рассчитывал. Когда он вышел наружу, солнце уже скрылось за тучами, и порыв ветра, пригнувший траву к самой земле, принес первые капли дождя. Уилл понимал, что теперь не успеет обогнать грозу и придет домой мокрым, но все же решил возвращаться не тем путем, которым пришел. Он собирался пойти напрямик через поля. Подойдя к углу здания, попытался найти глазами свой дом, но его не было видно. Уилл понимал, в какую сторону нужно двигаться. Что ж, придется положиться на интуицию.

Дождь усилился, но Уилла это не беспокоило. В воздухе стоял металлический запах грозы, смягченный сладковатым ароматом трав. Жара заметно спала. На холмы кое-где еще падали пятна солнечных лучей, проникавших сквозь тучи.

Гроза шла через долину, и чувства Уилла обострились: дождь, свежий запах травы, солнечный свет, гром. Он не помнил, когда с ним было такое: он стал единым целым с окружающим миром. Хотелось кричать от счастья. Казалось, впервые природа чувствовала его присутствие.

От этого блаженного ощущения он летел, словно на крыльях, крича как сумасшедший. Трава хлестала по ногам, а тучи окончательно закрыли солнце, засверкали молнии.

Уилл старался держаться выбранного направления, но дождь быстро перешел в ливень, и он уже не видел холмов: их заволокла пелена дождя. Но дело было не только в этом. Первая попавшаяся ему живая изгородь была слишком густой, чтобы прорваться сквозь нее, и слишком высокой, чтобы перелезть, так что пришлось искать проход. Пока Уилл шел вдоль изгороди, он перестал ориентироваться. Наконец появилось что-то вроде прохода, но прошло уже много времени. Это была не калитка, а лесенка, он забрался на нее и оглянулся на здание Суда, но оно уже скрылось из вида.

Уилл не запаниковал. В долине повсюду дома фермеров, и если он потеряется, то просто постучится в ближайшую дверь и попросит показать дорогу. А пока он положился на

собственное чутье и пустился через рапсовое поле, потом через луг, на котором паслись коровы — некоторые укрылись от дождя под огромным платаном. Уилл хотел последовать их примеру, но он где-то читал, что прятаться в грозу под деревом опасно. Поэтому вышел через калитку на тропу, которая на глазах превращалась в ручей, перебрался по еще одной лесенке через живую изгородь и оказался на заброшенном поле. Дождь лил как из ведра, и Уилл уже промок до нитки. Он решил, что настало время обратиться за помощью. Он найдет дорогу и будет идти, пока она не выведет его к жилью, а там он, может быть, уговорит добрых людей отвезти его домой.

Он шел минут десять — пятнадцать, но никакой дороги или хотя бы тропинки не попадалось. Вскоре он оказался на таком крутом склоне, что пришлось карабкаться по нему наверх. Уилл остановился. Он выбрал неверное направление. Почти ничего не видя сквозь ледяной ливень, он повернул на триста шестьдесят градусов, чтобы хоть как-то сориентироваться, но не увидел ничего, кроме серой стены дождя, и двинулся в обратную сторону — стал спускаться по склону. По крайней мере, ему показалось, что он сделал именно это. Но через пятьдесят ярдов земля под ногами снова круто пошла вверх. Он увидел, что потоки воды переливаются через камни чуть выше. То, что стало холодно и он заблудился, уже было плохо, но теперь он начал бояться наступления темноты. Уже не тучи закрывали солнечный свет — на землю опускалась ночь. Через несколько минут она наступит, и станет гораздо темнее, чем на улицах Манчестера.

Его трясло от холода, зубы выбивали дробь. Ноги болели, исхлестанное дождем лицо онемело. Он хотел закричать, позвать на помощь, но быстро оставил попытки: сквозь шум дождя голос звучал слишком слабо. Надо беречь силы и дожидаться, когда кончится гроза, чтобы сообразить, где он. Это будет нетрудно, когда загорятся огни в деревне, а рано или поздно это произойдет.

И вдруг он услышал крик в шуме грозы, что-то прорвалось сквозь пелену дождя, метнулось у него перед глазами...

— Хватай его! — услышал он хриплый голос и невольно бросился на землю, чтобы схватить беглеца.

Руки вцепились во что-то тощее и пушистое, оно пискнуло и забилося в его руках, напутанное еще больше, чем Уилл.

— Держи его, парень, держи!

Говоривший навис сверху. Это была женщина, одетая в черное с головы до ног, с то и дело гаснущей лампой в руках. В ее желтоватом свете возникло лицо, прекраснее которого он не видел: бледное совершенство в обрамлении темно-рыжих волос.

— Ты настоящее сокровище, — сказала она Уиллу, поставив лампу на землю.

Она говорила как местная, но с примесью кокни.

— Подержи этого треклятого зайца еще минуту — я сейчас достану мешок.

Она стала рыться в складках плаща, а потом подскочила к Уиллу, молниеносно выхватила у него пищавшего зайца и сунула в мешок, тут же завязав его веревкой.

— Ты просто золото, — добавила она. — Не будь ты таким проворным, ходить бы нам голодными — мистеру Стипу и мне.

Она положила мешок на траву.

— Господи, ну и вид у тебя! — И она наклонилась, чтобы получше рассмотреть Уилла. — Как тебя зовут?

— Уильям.

— Был у меня однажды Уильям, — заметила женщина. — Хорошее имечко.

Лицо ее было совсем рядом с лицом Уилла, и от дыхания исходило приятное тепло.

— Вообще-то, кажется, даже двое. И оба такие милые детишки. — Она протянула руку и дотронулась до его лица. — Да ты как ледышка.

— Я потерялся.

— Это ужасно. Ужасно, — повторила она, поглаживая его по щеке. — Как могла твоя мать отпустить тебя из дома? Ей должно быть стыдно. Вот что я скажу. Стыдно.

Уилл хотел было возразить, но от пальцев женщины исходило такое тепло, что его стало клонить в сон.

— Роза? — послышался чей-то голос.

— Да? — отозвалась женщина, и голос ее вдруг стал игривым. — Я здесь, Джекоб.

— Кого ты там нашла?

— Я просто поблагодарила парнишку, — сказала Роза, отводя руку от лица Уилла. — Он поймал наш обед.

— Правда? — отозвался Джекоб. — Отойди-ка в сторонку, миссис Макги, дай мне взглянуть на парня.

— Хочешь смотреть — смотри, — ответила Роза и, подхватив мешок, зашагала вниз по склону.

За две или три минуты, что прошли с того момента, как Уилл поймал зайца, небеса потемнели, и когда он посмотрел на Джекоба Стипа, то не смог его разглядеть. Он высокий, это ясно, в длинном плаще с блестящими пуговицами. Бородатый, а волосы длиннее, чем у миссис Макги. Но черты лица Уилл разобрать не смог.

— Тебе давно пора быть дома, — сказал Джекоб.

Уилла пробрала дрожь, но не из-за холода, а из-за того, что в голосе было столько тепла.

— Парнишка совсем один — запросто может нарваться на неприятности.

— Он потерялся, — сказала миссис Макги.

— В такую погоду это с каждым может случиться. Он не виноват.

— Может, возьмем его с собой? — предложила Роза. — Ты бы зажег один из своих огоньков.

— Помолчи! — отрезал Джекоб. — Не говори мне об огоньках: парень совсем закоченел. Где твои мозги?

— Как хочешь. Меня это не касается. Жаль, ты не видел, как он поймал зайца. Бросился на него как тигр.

— Мне повезло, только и всего, — сказал Уилл.

Мистер Стип глубоко вздохнул и, к великой радости Уилла, спустился еще на пару ярдов.

— Можешь встать? — спросил он Уилла.

— Конечно могу.

Уилл встал. Мистер Стип подошел ближе, но стемнело еще сильнее и рассмотреть его черты по-прежнему не удавалось.

— Гляжу я на тебя и думаю: не предназначено ли нам было судьбой встретиться на этом холме? — тихо сказал он. — Может, нам всем повезло сегодня вечером.

Уилл все еще пытался разглядеть его лицо и мысленно соединить его с голосом, который так его тронул, но глазам это было не под силу.

— Заяц, миссис Макги, — сказал Стип.

— Что — заяц?

— Мы должны его освободить.

— После такой погони? — удивилась Роза. — Ты с ума сошел!

— Мы должны быть ему благодарны за то, что он вывел нас на Уилла.

— Я его поблагодарю, когда буду потрошить, Джекоб, и это мое последнее слово. Боже мой, до чего же ты непрактичен! Выбрасывать еду! Я этого не допущу.

Прежде чем Стип успел возразить, она схватила мешок и, заторопившись вниз по склону, исчезла из вида.

Только теперь, глядя, как она спускается, Уилл понял, что гроза почти кончилась. Ливень перешел в мелкий дождик, мрак рассеивался. Он даже увидел огоньки в долине. И конечно, испытал облегчение, но не такое сильное, как ожидал. Мысль о возможности вернуться домой была приятной, но это означало расставание с человеком, который стоял у него за спиной, положив ему на плечо тяжелую руку в кожаной перчатке.

— Ты видишь отсюда свой дом? — спросил он Уилла.

— Нет... Пока не вижу.

— Понемногу прояснится.

— Да, — сказал Уилл, который только теперь начал ориентироваться.

Он шел наугад, обогнул половину долины и теперь смотрел на деревню совсем с другой стороны. Ярдах в тридцати вниз от гребня, на котором он стоял, была тропинка. Она должна вывести на дорогу, которая привела его к зданию Суда. Если на развилке он свернет налево, то вернется в Бернт-Йарли, а там уж как-нибудь добредет до дома.

— Тебе пора, мальчик. Наверняка у такого замечательного парня любящие родители. — Рука в перчатке сжала его плечо. — Я тебе завидую, потому что своих родителей не помню.

— Мне... очень жаль, — неуверенно сказал Уилл.

Он не был уверен, нуждается ли в сочувствии такой человек, как Джекоб Стип. Однако тот благосклонно принял его слова.

— Спасибо, Уилл. Сострадание — важная черта характера мужчины. К сожалению, наш брат часто им пренебрегает.

Уилл услышал, как дыхание Стипа замедлилось, и стал дышать в такт.

— Тебе нужно идти, — сказал Джекоб. — Родители будут волноваться.

— Нет, не будут, — ответил Уилл.

— Они наверняка...

— Не будут. Им все равно.

— Не могу в это поверить.

— Это так.

— И все-таки ты должен быть любящим сыном, — возразил Стип. — Будь благодарен за то, что их лица всегда перед глазами. И когда ты их зовешь, они откликаются. Поверь, это лучше, чем пустота. Лучше, чем молчание.

Джекоб снял руку с плеча Уилла и легонько ткнул его в спину.

— Ступай, — сказал он тихо. — Будешь тут стоять, превратишься в ледышку. И тогда мы больше не встретимся.

Уилл, услышав это, воспрянул духом.

— А мы еще встретимся?

— Конечно, если ты захочешь меня найти. Но, Уилл, пойми... Мне не нужна собачка, которая будет сидеть у меня на коленях. Мне нужен волк.

— Я могу быть волком, — сказал Уилл.

Он хотел повернуть голову и через плечо посмотреть на Стипа, но подумал, что кандидату в волки не стоит этого делать.

— Тогда, как я и сказал, найди меня, — повторил Стип. — Я буду недалеко.

И с этими словами он подтолкнул Уилла, и тот двинулся вниз по склону.

Уилл не оглядывался, пока не вышел на тропинку, а когда оглянулся — ничего не увидел. По крайней мере, ничего живого. Только черную вершину холма на фоне прояснившегося неба. И звезды между туч. Но их величие было ничто в сравнении с лицом Джекоба Стипа. Лицом, которого он не видел. По пути домой Уилл создал в воображении сотни версий этого лица, каждая следующая прекраснее предыдущей. Благородный Стип, с точеными, изысканными чертами; солдат Стип со шрамами, оставшимися после сражений; волшебник Стип, чей взгляд излучает могущество. Возможно, он воплощал в себе все эти качества. А может, ни одного. Уиллу было все равно. Важно поскорее снова оказаться рядом и получше его узнать.

А тем временем из окон дома проливался мягкий свет, в камине плясал огонь.

«Даже волку хочется иногда посидеть у камина», — подумал Уилл.

Он постучал в дверь, и его впустили.

На следующий день он не пошел на холм, чтобы найти Джекоба. И через день тоже. Вернувшись домой, он выслушал поток обвинений (мать сотрясалась в рыданиях, уверенная, что он погиб, а отец побелел от ярости, будучи в такой же уверенности, что он живехонек) — и теперь боялся выйти за порог. Вообще-то Хьюго был человек не свирепый. Он гордился своей рассудительностью. Но в данном случае сделал исключение и так поколотил сына (почему-то выбрав для этого книгу), что для обоих дело кончилось слезами: Уилл плакал от боли, отец — от душевных страданий, причиной которых было то, что он потерял контроль над собой.

Его не интересовали объяснения Уилла. Он просто сказал сыну, что ему, Хьюго, наплевать: пусть Уилл бродяжничает хоть всю свою никчемную жизнь, но с Элеонор дела обстоят иначе, и разве ей выпало мало страданий?

Поэтому Уилл оставался дома, со своими синяками и злостью. По прошествии сорока восьми часов мать попыталась заключить мир: сказала, что была перепугана до смерти, боялась, что с ним случилось что-то ужасное.

— Почему? — мрачно спросил он.

— Что ты имеешь в виду?

— Почему тебя беспокоит, случилось со мной что-то или нет? Раньше тебе было безразлично...

— Ах, Уильям... — сказала она вполголоса.

В ее тоне почти не было упрека. Главным образом печаль.

— Тебя это ничуть не беспокоит, — заявил он без обиняков. — И ты сама это знаешь. Ты всегда думаешь только о нем.

Ему не нужно было объяснять, о ком именно.

— Я для тебя ничего не значу. Ты сама так сказала.

Это не вполне соответствовало действительности. Она никогда такого не говорила. Но его ложь была похожа на правду.

— Я наверняка не это имела в виду, — сказала она. — После смерти Натаниэля мне так тяжело...

С этими словами она потянулась к его лицу и осторожно погладила по щеке.

— Он был такой... Такой...

Уилл едва слушал. Он думал о Розе Макги, о том, как она прикасалась к его лицу и тихо с ним говорила. Только она при этом не вспоминала о ком-то другом. Она сказала, какое он сокровище, просто золото, такой проворный. Эта женщина, которая и имени-то его не запомнила, увидела в нем качества, которых не замечала родная мать. Это печалило Уилла и в то же время злило.

— Почему ты все время говоришь о нем? Он умер.

Рука Элеонор упала, она посмотрела на него полными слез глазами.

— Нет. Он никогда не умрет. Во всяком случае, для меня. Я не надеюсь, что ты это поймешь. Ты другое дело. Но твой брат был особенным. Настоящим сокровищем. И для меня он никогда не умрет.

И тут с Уиллом что-то случилось. Росток надежды, который зеленел в течение тех месяцев, что миновали после несчастья, мгновенно завял и обратился в прах. Он ничего не сказал — просто встал и вышел, оставив мать наедине с ее слезами.

Когда прошли два дня, в течение которых он был наказан и не выходил из дома, Уилл отправился в школу. Она была меньше, чем Сент-Маргарет, и это ему понравилось. Здания старинные, вокруг площадки для игр росли деревья, а забора не было. В первую неделю он замкнулся, почти ни с кем не разговаривал. Но однажды за завтраком, когда Уилл, как

обычно, был занят самим собой, перед ним возникло знакомое лицо. Фрэнни.

— Вот ты где, — сказала она, словно все это время его искала.

— Привет.

Уилл оглянулся: нет ли поблизости прикурка Шервуда. Нет, Шервуда не было.

— Я думала, ты убежал, как собирался.

— И убегу. Непременно.

— Я знаю, — искренно сказала Фрэнни. — После нашей встречи я все время думала: может, и мне убежать. Нет-нет, не с тобой, — поспешила добавить она. — Но настанет день, и я все равно уйду.

— Только нужно убежать как можно дальше, — посоветовал Уилл.

— Как можно дальше, — повторила Фрэнни, будто заключая с ним договор. — Тут вблизи и посмотреть-то не на что, если только не поехать... ну, ты знаешь куда.

— Ты можешь свободно говорить о Манчестере, — сказал Уилл. — Если там умер мой брат, это еще ничего не значит. Я хочу сказать, на самом деле он не был мне братом.

Уилл ощутил, как в голове у него рождается восхитительная ложь.

— Я, видишь ли, усыновленный.

— Да?

— Никто не знает, кто на самом деле мои родители.

— Ух ты! Это тайна?

Уилл кивнул.

— Так что я даже Шервуду не могу сказать?

— Лучше не говорить, — ответил Уилл, изображая серьезность. — Он может разболтать.

Раздался звонок, призывавший в классы. Грозная мисс Хартли, грудастая дама, один взгляд которой наводил ужас на ее подопечных, впиалась взглядом в Уилла и Фрэнни.

— Фрэнсис Каннингхэм! — громовым голосом гаркнула она. — Ты собираешься шевелиться?

Фрэнни скорчила гримасу и убежала, оставив Уилла на растерзание мисс Хартли.

— Тебя зовут...

— Уильям Рабджонс.

— Ах, да, — мрачно сказала она, словно уже слышала о нем и в услышанном не было ничего хорошего.

Он не шелохнулся, чувствуя себя вполне спокойно. Такая ситуация была для него необычна. В Сент-Маргарет он побаивался кое-кого из персонала, инстинктивно чувствуя, что они такие же, как его отец. Но эта женщина казалась смешной с ее тошнотворно-приторными духами и жирной шеей. В этом не было ничего страшного.

Вероятно, она почувствовала его безразличие, потому что уставилась на Уилла, скривив губы в привычной ухмылке.

— И над чем это ты посмеиваешься? — спросила она.

Уилл не знал, что на лице у него играет улыбка, пока мисс Хартли об этом не сказала. Он вдруг ощутил приступ странной эйфории.

— Над вами.

— Что?!

Уилл ухмыльнулся.

— Над вами, — повторил он. — Я посмеиваюсь над вами.

Она нахмурилась. Уилл по-прежнему ухмылялся, думая, что обнажает зубы как настоящий волк.

— Где ты... должен сейчас находиться? — спросила она.

— В спортзале, — ответил Уилл, продолжая с ухмылкой смотреть ей прямо в глаза.

И она все-таки отвела взгляд.

— Тогда тебе... пора шевелиться, ты так не думаешь?

— Если мы закончили наш разговор, — заметил он, надеясь спровоцировать мисс

Хартли на продолжение беседы.

Но этого не случилось.

— Мы закончили, — ответила она.

Уилл нехотя отвел взгляд. Ему казалось, что если он и дальше будет сверлить ее глазами, то у нее в голове останется дырка: так увеличительное стекло прожигает бумагу.

— Дерзости я не потерплю ни от кого, — предупредила она. — Тем более от новенького. А теперь иди в класс.

Уиллу ничего не оставалось, как повиноваться. Но, проходя мимо нее, он тихо сказал:

— Спасибо, мисс Хартли.

И отчетливо увидел, как ее пробрала дрожь.

VII

С ним что-то происходило. Ежедневные перемены были малозаметны. Он поднимал глаза к небу и чувствовал странный прилив восторга, словно какая-то часть его обретала крылья и воспаряла к небу прямо из его головы. Он просыпался далеко за полночь и, хотя на улице стоял жуткий холод, распахивал окно и слушал звуки мира в темноте, представляя, как течет жизнь на холмах. Два раза он выходил из дома посреди ночи, поднимался по склону за домом, надеясь встретить Джекоба, наблюдающего звезды. Или миссис Макги, которая гоняется за зайцами. Но их он так и не встретил, и хотя внимательно прислушивался к разговорам, когда приходил в деревню (купить свиные отбивные, чтобы Адель Боттралл приготовила их с яблоками для отца, или пачку журналов — мать их просматривала), но ни разу не услышал, чтобы кто-нибудь упомянул Джекоба или Розу. Он пришел к выводу, что они живут в каком-то тайном месте, и сомневался, что кто-то еще в долине знает об их существовании.

Уилл не тосковал по ним. Он знал, что придет время — и он их найдет. Или они его. Он был в этом уверен. А пока продолжались странные прозрения. Повсюду вокруг себя он видел таинственные знаки, которые подавал ему мир. В морозном рисунке на окнах, когда он вставал с постели. В том, как выстраивались пасущиеся на холме овцы. В шуме реки, которая к осени высоко поднялась из-за дождей и бурлила, едва справляясь со своей ношей.

Он чувствовал, что должен поделиться с кем-то этими тайнами, и выбрал в качестве наперсницы Фрэнни. Он остановил на ней свой выбор не потому, что был уверен — она поймет его, а потому, что никому, кроме нее, не доверял.

Они сидели в гостиной дома Каннингхэмов, рядом со складом утиля, принадлежавшим отцу Фрэнни. Дом был маленький, но уютный и аккуратный, тогда как во дворе царил хаос. Над камином — молитва в кружевной рамке, благословляющая очаг и всех, кто вокруг него собрался. Буфет тикового дерева с семейным чайным сервизом, все предметы расставлены продуманно, но не напоказ. Простые медные часы на столе и рядом с ними — хрустальная ваза с грушами и апельсинами. Здесь, среди этого традиционного уклада, Уилл и рассказал Фрэнни о тех ощущениях, которые испытывал в последнее время, о том, что все началось в тот день, когда они встретились. Поначалу он не упоминал о Джекобе и Розе (это была тайна, которой он ни с кем не хотел делиться, не сомневаясь, что они так и останутся его тайной), но рассказал о своем приключении в здании Суда.

— Слушай, я же спрашивала у мамы, — спохватилась Фрэнни. — И она рассказала мне эту историю.

— И что за история? — спросил Уилл.

— Тут, в долине, жил один человек по имени Бартоломеус, — поведала она. — Тогда здесь повсюду были шахты по добыче свинца.

— Я и не знал, что тут были шахты.

— Были-были. И он заработал на этом кучу денег. Но у него, как сказала мама, не все было в порядке с головой: он воображал, что люди плохо обращаются с животными и

единственный способ остановить человеческую жестокость — это создать суд, который будет защищать животных.

— И кто был судьей?

— Он и был. И присяжными, наверное. — Она пожала плечами. — Всю историю я не знаю, только отрывки...

— И поэтому он построил тот дом.

— Он его построил, но не до конца.

— У него что — кончились деньги?

— Мама говорит, его, наверное, отправили в дурдом из-за того, что он делал. То есть никто не хотел, чтобы он приводил животных в суд и издавал законы о том, как люди должны с ними обращаться.

— А он что — этим и занимался? — спросил Уилл, улыбаясь одними губами.

— Что-то вроде этого. Похоже, никто толком не знает. Его нет в живых уже сто пятьдесят лет.

— Печальная история, — заметил Уилл, думая о странном величии этого глупого Бартоломеуса.

— Его пришлось туда упрятать. Ради безопасности остальных.

— Безопасности?

— Ну, в том смысле, что он собирался обвинять людей в плохом обращении с животными. Мы все плохо с ними обращаемся. Это естественно.

Произнося эти слова, она стала похожа на свою мать. В общем добродушная, но бесчувственная. Это ее мнение, и она ни за что от него не откажется. Уилл слушал, и его намерение поделиться тем, что он видел, стало таять. Наверное, Фрэнни все же не сможет его понять. Еще решит, что он похож на Бартоломеуса и его тоже надо упрятать.

Но Фрэнни уже закончила рассказ о Суде.

— Так о чем ты говорил?

— Ни о чем, — ответил Уилл.

— Нет, ты начал что-то говорить...

— Наверное, это было не так уж важно, иначе я бы помнил, что хотел сказать. — Он поднялся. — Я, пожалуй, пойду.

Вид у Фрэнни был довольно озадаченный, но Уилл сделал вид, что ничего не заметил.

— Ну, до завтра, — сказал он.

— Ты иногда бываешь такой странный, — отозвалась Фрэнни. — Ты это знаешь?

— Нет.

— Знаешь-знаешь, — сказала она с легким упреком. — И думаю, тебе это нравится.

Уиллу не удалось сдержать улыбку.

— Может, и знаю.

Тут дверь распахнулась, и в комнату вошел Шервуд. В волосы у него были вплетены перья.

— Ты знаешь, кто я?

— Цыпленок, — сказал Уилл.

— Никакой я не цыпленок, — возмутился глубоко оскорбленный Шервуд.

— Но ты похож на цыпленка.

— Я Джеронимо.¹

— Цыпленок Джеронимо.

— Я тебя ненавижу, — сказал Шервуд. — И все в школе тебя ненавидят.

— Шервуд, помолчи, — оборвала его Фрэнни.

— Ненавидят! — продолжал Шервуд. — Все думают, что ты полоумный. Тебя так и называют за глаза — Уильям Полоумный.

Теперь уже смеялся Шервуд.

¹ Индейское имя Гоятлай («Тот, кто зевает», 1829—1909) — военный предводитель чирикауа-апачей, 25 лет возглавлял борьбу против вторжения армии США на земли своего племени. В 1886-м был вынужден сдаться.

— Полоумный Уильям! Уильям Полоумный!

Фрэнни напрасно пыталась его остановить — было ясно, что он будет гримасничать, пока не кончится запал.

— Мне плевать! — крикнул Уилл. — Ты настоящий дебил, а мне плевать!

Он схватил пальто и, обогнув Шервуда (который стал еще и пританцовывать), направился к двери. Фрэнни не удавалось уговорить брата. Он вертелся на месте, подпрыгивая и вопя.

Честно говоря, Уилл обрадовался Шервуду. Это был отличный предлог, чтобы убраться восвояси, что он и сделал, прежде чем Фрэнни приструнила своего братца. Не о чем волноваться. Он вышел из дома, миновал склад утиля и дошел до конца Самсон-роуд, а до него все еще доносились крики Шервуда.

VIII

1

— Мы переехали сюда, потому что ты так хотела, Элеонор. Пожалуйста, не забывай об этом. Мы приехали сюда из-за тебя.

— Я знаю, Хьюго.

— Так о чем ты говоришь? Хочешь, чтобы мы опять переехали?

Уилл не разобрал ответ матери. Ее тихие слова потонули в рыданиях. Но он слышал, что говорит отец.

— Господи, Элеонор, перестань рыдать. Мы не сможем поговорить, если ты будешь рыдать всякий раз, когда заходит речь о Манчестере. Если не хочешь возвращаться туда, я не возражаю, но я должен понять, чего ты хочешь. Так долго не может продолжаться — ты принимаешь столько таблеток, что и не сосчитать. Это не жизнь, Элеонор.

Что она ответила? «Я знаю»? Уиллу так показалось, хотя через дверь расслышать было непросто.

— Я хочу сделать так, как лучше для тебя. Как лучше для всех нас.

И теперь Уилл расслышал-таки слова матери.

— Я не могу здесь оставаться, — сказала она.

— Тогда давай решим окончательно: ты хочешь вернуться в Манчестер?

— Я знаю, что не могу здесь оставаться, — повторила она.

— Отлично, — сказал Хьюго. — Мы возвращаемся. Неважно, что наш дом продан. Неважно, что мы потратили на переезд тысячи фунтов. Мы просто возвращаемся.

Голос его становился громче, как и рыдания Элеонор. Уилл услышал достаточно. Он отошел от двери и поспешил наверх, скрывшись в ту минуту, когда дверь гостиной открылась и оттуда пулей вылетел отец.

2

Этот разговор поверг Уилла в панику. Нет, они не могут уехать именно сейчас, это невозможно. Теперь, когда он впервые в жизни что-то стал понимать. Возвращение в Манчестер было равносильно тюремному приговору. Там он зачахнет и умрет.

А какой оставался выбор? Только один — убежать, как он и хвастался Фрэнни. Он все тщательно спланирует, ничто не оставит на волю случая. Нужно запастись деньгами и одеждой. И еще надо знать пункт назначения. Последнее труднее всего. Деньги можно украсть (Уилл знал, где мать их прячет), одежду он соберет заранее. Но куда идти?

Он стал рассматривать карту мира на стене в своей спальне, сопоставляя с этими фигурами пастельных тонов те сведения, которые почерпнул из телепередач и журналов. Скандинавия? Слишком холодно и темно. Италия? Может быть. Но он не говорит по-

итальянски и не самый сообразительный ученик. Французский Уилл немного знал, и в его жилах текла французская кровь, но Франция слишком близко. Если он хочет путешествовать, надо отправиться куда-нибудь подальше, а не во Францию, до которой рукой подать. Может, Америка? Вот это, пожалуй, то, что надо. Он стал водить пальцем по штатам, с удовольствием читая названия: Миссисипи, Вайоминг, Нью-Мехико, Калифорния. У него поднялось настроение. Только нужно посоветоваться с кем-нибудь, как выбраться из страны, и он точно знал, кто такой совет может дать: Джекоб Стип.

На следующий день Уилл отправился на поиски Стипа и Розы Макги. Была уже середина ноября, и день стал совсем коротким, но он использовал его по полной: прогулял уроки в школе три дня подряд, взбираясь на холмы и стараясь отыскать хоть какой-то намек на присутствие этих двоих. Во время поисков у него зуб на зуб не попадал: снег еще не выпал, но на холмах была наледь — склоны будто укрыты шубой, а солнце появлялось совсем ненадолго и не успевало ее растопить.

Овцы уже спустились на пастбища пониже, но Уилл не был в одиночестве на холмах. Зайцы, лисы, а то и олени оставляли следы на подернутой инеем траве. Но других признаков жизни он не встречал. Что до Джекоба и Розы, то даже следы их обуви ему не попадались.

Наконец вечером третьего дня к нему пришла Фрэнни.

— Что-то не похоже, чтобы у тебя был грипп, — сказала она.

Уилл подделал записку от родителей, чтобы объяснить свое отсутствие в школе.

— Ты поэтому пришла? Чтобы проверить?

— Не тупи. Я пришла, потому что должна тебе кое-что сказать. Кое-что странное.

— Что?

— Помнишь, мы говорили о Суде?

— Конечно.

— Ну так вот. Я пошла посмотреть на него. И знаешь что?

— Что?

— Там кто-то живет.

— В Суде?

Фрэнни кивнула. По выражению ее лица было ясно: то, что она увидела, выбило ее из колеи.

— Ты заходила внутрь? — спросил Уилл.

Она отрицательно покачала головой.

— Я просто видела женщину в дверях.

— И как она выглядела? — спросил Уилл, не осмеливаясь надеяться.

— Она была в черном...

«Это Роза, — подумал Уилл. — Миссис Макги. А там, где Роза, должен быть и Джекоб».

Его возбуждение не прошло для Фрэнни незамеченным.

— Что такое? — спросила она.

— Не что, а кто.

— Ну кто. Ты ее знаешь?

— Немного. Ее зовут Роза.

— Я ее раньше не видела, — заметила Фрэнни. — А я тут всю жизнь прожила.

— Они не очень хотят, чтобы о них знали.

— Так там и еще кто-то есть?

Это знание было так драгоценно, что Уилл хотел бы его утаить. Но он подумал, что Фрэнни принесла ему весточку. Он должен хоть как-то ее отблагодарить.

— Их двое, — сказал Уилл. — Женщину зовут Роза Макги. А мужчину Джекоб Стип.

— Ни о нем, ни о ней я никогда не слышала. Они что, цыгане? Или бездомные?

— Если и бездомные, то только потому, что им так нравится, — ответил Уилл.

— Но там, наверное, ужасно холодно. Ты сам говорил, внутри ничего нет.

— Холодно.

— И они прячутся в таком заброшенном месте? — Она покачала головой. — Чудно. А ты их откуда знаешь?

— Встретил случайно. — Уилл почти не лгал. — Спасибо, что сказала. Я, наверное... Мне еще нужно переделать кучу дел.

— Ты хочешь с ними увидеться? Возьми меня с собой.

— Нет!

— Почему?

— Они не твои друзья.

— Но и не твои тоже, — заметила Фрэнни. — Просто люди, с которыми ты виделся один раз. Ты сам так сказал.

— Ты мне там не нужна.

Фрэнни поджала губы.

— Знаешь, можешь не беспокоиться на этот счет, — сказала она.

Уилл ничего не ответил. Фрэнни сверлила его взглядом, словно надеясь, что он изменит решение. Но быстро сдалась и, не сказав больше ни слова, направилась к двери.

— Ты что, уже уходишь? — спросила Адель.

Фрэнни распахнула дверь. Ее велосипед стоял у калитки. Не отвечая Адели, она вскочила на него и стала давить на педали.

— Ее что-то расстроило? — спросила Адель.

— Ничего серьезного, — ответил Уилл.

Было холодно и уже почти совсем темно. По собственному горькому опыту Уилл знал, что, выходя из дома, нужно готовиться к худшему, но сейчас, когда в висках так стучало, он не мог думать о ботинках, перчатках, свитере. Ни о чем, кроме одного: он нашел их, он их нашел.

Отец еще не вернулся из Манчестера, а мать сегодня была в Галифаксе у доктора, так что, кроме Адели, его уход никто не заметит. Адель была занята на кухне и даже не спросила, куда это он собрался. И только когда Уилл хлопнул дверью, крикнула, чтобы к семи он вернулся домой. Уилл не ответил. Он шагнул к зданию Суда по дороге, погружавшейся в темноту, и был уверен, что Джекоб его уже ждет.

IX

Тот, кто называл себя Джекобом Стипом, стоял на пороге Суда, опершись о дверной косяк. Он и миссис Макги испытывали слабость в темное время суток. И нынешняя темень не была исключением. Все его внутренности скрутил спазм, руки и ноги дрожали, в висках стучало. Один вид мрачающего неба (хотя сегодня оно выглядело необыкновенно живописно) делал из него маленького ребенка.

То же происходило и на рассвете. Их обоих в эти часы одолевала жуткая усталость: они только и могли, что стоять прямо. Но сегодня Роза не могла и этого. Она ушла в здание Суда и теперь лежала, постанывая, и время от времени звала Джекоба. Он не шел к ней. Оставался у двери и ждал знака.

В этом и заключался парадокс: когда у него упадок сил, скорее всего, и раздастся глас, призывающий исполнить свой долг. Вот почему его сердце наемного убийцы ликовало, а кровь бурлила. В этот вечер он жаждал новостей. Они уже давно торчат здесь. Пора двигаться. Но сначала он должен узнать пункт назначения, получить официальное известие — а это требует участия в тошнотворном спектакле наступления сумерек.

Он не знал, почему этот час так разрушительно действовал на них, но это еще одно доказательство того — впрочем, ему не нужны были доказательства, — что они не принадлежат к тому же виду, что остальные. Глубокой ночью, когда все люди спят и видят сны, он ликовал, как ребенок, а тело не чувствовало ни малейшей усталости. В этот час все худшее в нем достигало своего пика, он мог орудовать ножом ловчее заправского палача, а то

и просто отнять жизнь голыми руками. Даже в тех местах, где дневная жара сводит с ума, он был неутомим. Совершенный убийца, который действует внезапно и быстро. День лучше ночи, потому что при свете дня проще делать зарисовки, а как художник и как убийца он был особенно внимателен к деталям. Размах крыла, очертания морды. Тембр рыдания, зловоние блевотины. Все это вызывало у него интерес как объект изучения.

Когда тьма или свет владели миром, Джекоб обладал энергией человека, в десять раз моложе, чем он был на самом деле. И только в сумерки его одолевала слабость, и он замечал, что прислоняется к чему-нибудь, чтоб не упасть. Как он ненавидел это чувство! Однако не жаловался. Это могут позволить себе женщины и дети, но не солдаты. Ему приходилось слышать, как стонут воины. Он прожил достаточно и повидал немало войн, больших и малых, и, хотя не искал сражений, по долгу службы нередко оказывался на поле боя. Он видел, как вели себя мужчины в предсмертных муках. Как они рыдали, умоляли о сострадании, звали своих матерей.

Джекоб не испытывал ни малейшего интереса к состраданию: он никогда не просил его для себя и ни к кому не собирался его проявлять. Он отвергал мир чувств, как и подобает грубой силе. В своих поступках он не был ни добрым, ни жестоким. Он презирал утешение в молитве и забвение в мечтах. Он высмеивал скорбь и надежду. И отчаяние. Он ценил только терпение, обретенное вместе с осознанием, что все в этом мире бrenно. Солнце скоро исчезнет за горизонтом, и слабость его членов переплавится в силу. Нужно только ждать.

Из дома донесся звук. Потом послышался вздох Розы.

— Я вспомнила, — сказала она.

— Ничего ты не вспомнила.

Иногда мучения этого часа приводили ее в лихорадочное состояние.

— Нет, вспомнила. Клянусь тебе, — настаивала она. — Я вижу остров. Ты помнишь какой-нибудь остров? С широкими белыми берегами. Без деревьев. Я искала деревья, но их там нет. О-о-о...

Слова перешли в стоны, стоны — в рыдания.

— Я бы сейчас с радостью умерла.

— Глупости.

— Подойди ко мне, успокой меня.

— Не хочу...

— Ты должен, Джекоб. О-о... О Господь Всемогуший... почему мы так страдаем?

Как бы ему ни хотелось оказаться где-нибудь подальше отсюда, рыдания Розы были так безутешны, что он не мог не обращать на них внимания. Джекоб отвернулся от гаснущего дня и пошел по коридору в зал заседаний. Миссис Макги лежала на полу, закутавшись в свои одеяния. Она зажгла множество свечей, словно свет мог ослабить жестокость этого часа.

— Ляг со мной, — сказала Роза, посмотрев на Джекоба.

— От этого нам не станет легче.

— Мы можем зачать ребенка.

— И от этого нам не станет легче. И ты прекрасно это знаешь.

— Тогда ляг со мной, просто чтобы меня утешить. — Она смотрела на него глазами, полными нежности. — Это так мучительно — быть вдали от тебя, Джекоб.

— Я здесь, — сказал он, смягчаясь.

— Но недостаточно близко. — Она слабо улыбнулась.

Он подошел к ней. Встал у нее в ногах.

— Нет... еще ближе. Я чувствую такую слабость, Джекоб.

— Это пройдет. Ты сама знаешь.

— В такие моменты я не знаю ничего, кроме того, что ты очень мне нужен.

Она протянула руку и, не сводя с него глаз, потянула подол юбки.

— Что мне нужно, так это чтобы ты был со мной, — пробормотала она. — Во мне.

Он ничего не ответил.

— Ты так ослабел, Джекоб? — спросила она, продолжая задира́ть юбку. — Неужели эта

тайна так тяжела для тебя?

— Никакая это не тайна. После стольких лет.

Теперь она улыбнулась по-настоящему. Юбка поднялась уже выше колен. У Розы были красивые мускулистые ноги, кожа в мерцании свечей отливала матовым блеском. Вздохнув, она запустила руку под юбку и стала ласкать себя, выгибая бедра навстречу пальцам.

— Она глубока, мой любимый. И темна. И влажна оттого, что я хочу тебя.

Роза задрала подол до талии.

— Вот, посмотри.

Она развела ноги шире, чтобы ему было лучше видно.

— Только не говори, что она некрасивая. Идеальная маленькая киска.

Она перевела взгляд с его лица на пах.

— И тебе она нравится. Не делай вид, что нет.

Она, конечно, права. Как только Роза начала задирать юбку, его член стал набухать, требуя того, что ему полагалось. Он и так слишком слаб, а тут еще кровь отливает книзу, подчиняясь желанию, возникшему там, между ног.

— Она такая тугая, мистер Стип.

— Не сомневаюсь.

— Как девственница в первую брачную ночь. Смотри, я еле-еле могу втолкнуть в нее мизинчик. Тебе, наверно, придется приложить усилия.

Она знала, какое действие производят на него такие слова. По телу Джекоба прошла дрожь предвкушения, и он стал стягивать пальто.

— Расстегнись, — посоветовала миссис Макги надтреснутым голосом. — Дай мне увидеть, что там у тебя есть.

Он отбросил пальто в сторону и стал расстегивать ширинку заляпанных грязью брюк. Она с улыбкой смотрела, как он извлекает член.

— Нет, вы посмотрите на него, — сказала Роза не без восхищения. — Думаю, он хочет окунуться в мою киску.

— Он хочет не только окунуться.

— Правда?

Джекоб опустился на колени между ног Розы, отвел ее руку и впился взглядом в лоно.

— О чем ты думаешь? — спросила Роза.

Он стал ласкать ее пальцами, а затем поднес увлажненный член к анусу.

— Думаю, сегодня я побываю здесь.

— Ты так думаешь?

Он слегка углубил палец в отверстие. По ее телу прошла судорога.

— Позволь мне войти туда, — попросил Джекоб. — Только головкой.

— Но от этого не будет детей, — заметила Роза.

— Мне все равно. Это то, чего я хочу.

— А я нет.

Джекоб улыбнулся.

— Роза, — сказал он тихо, — ты не можешь мне отказать.

Он завел руки под ее колени и приподнял их.

— Мы должны расстаться с надеждой иметь детей, — сказал он, разглядывая темную почку между ее ягодиц. — От них никогда не бывает проку.

Она не ответила.

— Ты меня слушаешь, любимая?

Он перевел взгляд на ее лицо — на нем застыло печальное выражение.

— Детей больше не будет? — спросила Роза.

Он сплюнул себе на руку и смочил член. Сплюнул еще обильнее и смочил ее анус.

— Детей больше не будет, — подтвердил он, подтягивая ее ближе. — Это напрасная трата чувств — отдавать свою любовь тому, у чего даже нет мозгов, чтобы ответить тем же.

Так оно и было на самом деле: хотя они и производили детей дюжинами, ради самой же

Розы он отбирал их у нее сразу после рождения и пресекал их убожеское существование. Да эти негодяи и не подозревали, что такое убожество. С чувством выполненного долга он возвращался, расчленив их и избавившись от плоти, всегда с одним и тем же мрачным известием. Внешне они были приятны для глаз, но в их черепах была только кровави́стая жидкость. Ни малейшего намека на мозг. Ни малейшего.

Джекоб ввел в нее свою плоть.

— Так оно лучше, — сказал он.

Роза издала едва слышный всхлип. Он не понял — было это сожаление или удовольствие. Он напирал, чувствуя тепло ее мышц, которые плотно обхватили член. Это было великолепно.

— Значит... больше... не будет... детей... — выдохнула миссис Макги.

— Не будет.

— Никогда?

— Никогда.

Она протянула руку и, ухватившись за рубашку, потянула его к себе.

— Поцелуй.

— Думай, о чем просишь...

— Поцелуй. — Она запрокинула голову.

Он не стал отказывать. Прижался губами к ее губам и пропустил проворный язык Розы между своими ноющими зубами. Его рот всегда был суше, чем ее. Пересохшие десны и горло впитывали ее влагу, и он, бормоча благодарность ей в губы, все глубже входил в нее. В их соитии вдруг возникла какая-то безумная страстность. Она схватила его за горло, потом погладила по щекам, по спине, еще глубже вдавливая в себя. Его пальцы тем временем расстегивали пуговицы, чтобы добраться до ее груди.

— Кто ты? — спросила она.

— Любой, — выдохнул он.

— Кто?

— Питер, Мартин, Лоран, Паоло...

— Лоран. Мне нравится Лоран.

— Он здесь.

— Кто еще?

— Я забыл имена, — признался Джекоб. Роза обхватила его лицо ладонями.

— Вспомни их для меня, — попросила она.

— Был еще плотник по имени Бернард...

— Ах, да. Он был очень груб со мной.

— И Дарлингтон...

— Торговал тканями. Очень нежный. — Она рассмеялась. — Кажется, кто-то из них завернул меня в шелка.

— Неужели?

— И пролил сливки мне на колени. Ты мог бы быть им. Кто бы он ни был.

— У нас нет сливок.

— И шелка. Придумай что-нибудь еще.

— Я мог бы быть Джекобом, — сказал он.

— Думаю, мог бы, — согласилась она. — Но это не так забавно. Придумай что-нибудь еще.

— Еще был Джосая. И Майкл. И Стюарт. И Роберто...

Она двигалась в ритм словам. Столько мужчин, чьи имена и профессии он присвоил себе, чтобы распалить ее. Он становился ими на час или на день, редко дольше.

— Мне нравилась эта игра, — сказал он.

— Но больше не нравится?

— Если бы мы знали, кто мы...

— Теперь потише.

— ...тогда, может, не было бы так больно.

— Это не имеет значения. Пока мы вместе. Пока ты во мне.

Теперь они были как одно целое, так тесно прижавшись друг к другу и переплетаясь телами, что разделить их, казалось, невозможно.

Она снова стала рыдать, с каждым толчком из ее груди вырывался вздох. Имена по-прежнему срывались с ее губ, но это были только обрывки.

— Сил... Бе... Ганн...

У нее не осталось ничего, кроме блаженства, ощущения его члена, его губ. А он и вовсе умолк. Было только его дыхание, которое залетало ей в рот, словно он хотел оживить ее из мертвых. Глаза его были открыты, но он не видел ее лица, пламени свечей, дрожавшего вокруг. Это были только неясные очертания, проблески света и тьма, пульсирующая кругом, тьма наверху, свет внизу.

Это заставило его застонать.

— Что такое? — спросила Роза.

— Я... не знаю.

Это было мучительно — видеть перед собой то, что он видел, и не понимать, что это такое, — словно музыкальный фрагмент, вырванный неизвестно откуда. Будто ноты снова и снова звучали в его голове. Но, несмотря на боль, которую причиняло это видение, он не хотел, чтобы оно исчезло. В нем было нечто, вызывающее воспоминание о какой-то тайне, об этом он никогда не говорил даже с Розой. Воспоминание казалось слишком уязвимым, слишком хрупким.

— Джекоб?

— Да?..

Он посмотрел на нее, и призрак исчез.

— Мы что — уже закончили?

Ее рука нырнула в его пах, схватила член. Он быстро терял твердость, хотя половина его длины еще оставалась в ней. Он попытался снова войти в ее глубины, но член сжался гармошкой, не в силах преодолеть сопротивление ее ануса, и после двух-трех безуспешных попыток вышел наружу. Она недовольно на него посмотрела.

— И это все?

Он убрал член в брюки и поднялся.

— Пока все.

— Так что — теперь ты будешь трахать меня в рассрочку? — спросила она, опуская юбку и закрывая промежность, и села. — Я пустила тебя к себе в задницу, хотя мне этого и не хотелось, а ты даже не взял на себя труд кончить.

— Я отвлекся, — сказал он, поднимая пальто и просовывая руку в рукав.

— Это на что же?

— Точно не знаю, — отрезал Джекоб. — Послушай, женщина, о чем тут говорить? Ну недотрахались. Дотрахаемся в другой раз.

— Не думаю, — ответила она с презрением.

— Вот как?

— Думаю, нам давно пора расстаться. Если у нас не будет детей, все это не имеет смысла.

Он сверлил ее взглядом.

— Ты это серьезно?

— Да. Определенно. Серьезнее не бывает.

— Ты понимаешь, что говоришь?

— Очень даже понимаю.

— Ты об этом пожалеешь.

— Не думаю.

— Ты будешь вопить, как резаная, когда захочешь трахаться.

— Полагаешь, я так жажду твоих ласк? Господи боже мой, как ты заблуждаешься! Я

ведь с тобой играю. Делаю вид, что возбуждаюсь, но на самом деле вовсе тебя не хочу.

— Это неправда.

Она услышала обиду в его голосе и удивилась. Такое случалось редко и, как все редкое, было дорого. Роза сделала вид, что ничего не заметила, потянулась к потертой кожаной сумке и достала зеркало. Пересела ближе к свечам и стала разглядывать свое отражение.

— А вот и правда, — не сразу сказала она. — Если между нами и было что-то, теперь оно умирает, Джекоб. Может, я когда-то и любила тебя, но уже забыла, как это бывает. И, откровенно говоря, вспоминать не хочется.

— Отлично.

Она поймала отражение Джекоба в зеркале и увидела, что он расстроен. Такое случалось еще реже.

— Как тебе угодно, — пробормотала она.

— Я думаю...

— Да?

— Мне хотелось бы какое-то время побыть одному...

— Здесь?

— Если ты не возражаешь.

Он щелкнул пальцами — в воздухе возникло огненное перышко, подпрыгнуло и погасло у него над головой. Ее не интересовал этот его дар. У нее были и свои знания, усвоенные мимоходом, как Стип усвоил свои. Так подхватывают шутки или сыпь.

«Пусть побудет один, — подумала она, — поразмышляет».

— Потом поешь? — спросила она, как заботливая жена, испытывая при этом какое-то извращенное удовольствие.

— Вряд ли.

— У меня пирог с мясом, если захочешь чего-нибудь.

— Неужели?

— Несмотря ни на что, мы можем поддерживать человеческие отношения.

Он выпустил из пальцев еще одну огненную стрелу.

— Не знаю. Может быть.

Она вышла, оставив Стипа наедине с его мыслями.

Х

Пройдя половину пути от развилки до здания Суда, Уилл услышал за спиной скрип плохо смазанных колес. Он повернул голову и через плечо увидел не одну, а сразу две велосипедные фары. Выдохнув замысловатое ругательство, он остановился и стал ждать, пока Фрэнни и Шервуд с ним поравняются.

— Возвращайтесь домой, — сказал он вместо приветствия.

— Нет, — ответила Фрэнни, переводя дыхание. — Мы решили идти с тобой.

— Вы мне не нужны.

— Мы живем в свободной стране, — заметил Шервуд. — И можем идти куда хотим. Так, Фрэнни?

— Помолчи, — ответила Фрэнни и посмотрела на Уилла. — Я только хотела убедиться, что с тобой все в порядке.

— Зачем тогда ты взяла его? — спросил Уилл.

— Потому что... он сам напросился. Он не доставит хлопот.

Уилл покачал головой.

— Я не хочу, чтобы вы заходили внутрь.

— Мы живем в свободной... — начал было Шервуд, но Фрэнни его оборвала:

— Хорошо, мы туда не пойдем. Подождем тебя снаружи.

Понимая, что на меньшее она не согласится, Уилл двинулся дальше в сторону Суда, Фрэнни и Шервуд — следом. Он не обращал на них внимания, пока не добрался до живой

изгороди перед Судом. Только тогда повернулся и сказал шепотом, что если они пикнут, то все испортят, и он больше никогда не станет говорить с ними. После этого предупреждения Уилл нырнул в стену боярышника и по заросшему травой склону направился к дому. В темноте он казался больше и напоминал громадный мавзолей, но Уилл видел, что окна светятся. Когда он шел на мерцание огня по коридору, его сердце наполнилось восторгом.

Джекоб сидел в кресле судьи, рядом на столе горел огонек. Услышав скрип двери, он поднял глаза, и Уилл увидел лицо Стипа — как только он его себе не представлял! Но все домыслы были далеки от реальности. В воображении Уилла лоб Джекоба не был таким высоким и ясным, а глаза — такими глубокими. И ему даже в голову не могло прийти, что волосы Стипа, ниспадавшие, как он думал, роскошными волнами, на самом деле коротко подстрижены — словно тень легла на голый череп. Он не мог вообразить тусклый блеск его бороды и усов, изгиб губ, по которым Стип несколько раз провел языком, прежде чем его поприветствовать.

— Добро пожаловать, Уилл. Ты появился в неурочный час.

— Этим вы хотите сказать, что мне лучше уйти?

— Нет. Вовсе нет.

Он добавил к огоньку несколько кусочков трута, тот затрещал, посыпались искры.

— Я знаю, печаль принято скрывать под маской радости, когда ею и не пахнет. Но я ненавижу обман и притворство. Дело в том, что у меня меланхолия.

— Что такое... меланхолия? — спросил Уилл.

— Вот это честный мальчик, — сказал Джекоб с похвалой. — Меланхолия — это печаль, только сильнее. Это то, что мы чувствуем, думая о мире и о том, как мало мы понимаем, когда размышляем о неизбежном конце.

— Вы имеете в виду смерть и все такое?

— Одной смерти достаточно. Хотя сегодня я озабочен другим. — Он поманил Уилла пальцем. — Подойди ближе. У огня теплее.

«Слабый огонек на столе вряд ли дает много тепла», — подумал Уилл, но с радостью подошел.

— Так почему вы печальны?

Джекоб откинулся на спинку древнего стула, глядя на огонь.

— Это вопрос отношений между мужчиной и женщиной. Тебе пока не надо забивать этим голову — и радуйся. Откладывай этот вопрос как можно дольше.

Он полез в карман и вытащил еще немного трута для своего костерка. На этот раз Уилл стоял близко и смог разглядеть, что трут шевелится. Уилл недоумевал, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. Он подошел к столу и увидел, что Стип держит в руке мотылька, зажав его крылышки между большим и указательным пальцами. Когда Джекоб бросил мотылька в пламя, его лапки и усики задержались, и на секунду Уиллу показалось, что струя теплого воздуха подхватит невинную жертву и отнесет в безопасное место, но мотылек не успел подняться достаточно высоко — крылышки вспыхнули, и он рухнул вниз.

— Живя или умирая, мы питаем огонь, — тихо сказал Стип. — Вот в чем меланхолическая истина вещей.

— Только в этом случае вы совершили принудительное кормление, — заметил Уилл, удивленный собственным красноречием.

— Мы вынуждены это делать, — ответил Джекоб. — Иначе здесь воцарится темнота. И как мы сможем видеть друг друга? Позволю себе высказать предположение, что тебя бы больше устроило топливо, которое не корчится, когда ты подкармливаешь им огонь.

— Да, — сказал Уилл, — устроило бы больше.

— А ты ешь колбасу, Уилл?

— Да.

— Она тебе наверняка нравится. Слегка подкопченная свиная колбаса? Или хороший стейк и печеночный пирог?

— Да, я люблю стейки и печеночный пирог.

— А ты не думаешь о животном, которое обдывается от страха, когда его тащат на бойню? А потом висит, подвешенное за одну ногу, и продолжает лягаться, а кровь фонтаном хлещет из шеи? Не думаешь?

Уилл достаточно часто слышал рассуждения отца и понимал, что такая логика ущербна.

— Это не одно и то же, — возразил он.

— Да нет, то же самое.

— Нет. Я должен есть, чтобы жить.

— Тогда ешь репку.

— Но я люблю колбасу.

— Но и свет ты тоже любишь, Уилл.

— Для этого существуют свечи. И они здесь есть.

— А живая земля дала воск и фитиль для их изготовления, — сказал Стип. — Все рано или поздно потребляется, Уилл. Живя или умирая, мы все равно питаем огонь.

Он едва заметно улыбнулся.

— Садись. Здесь мы ровня. Оба немного меланхолические.

Уилл сел.

— Я несколько не меланхолический, — сказал он, благодарный за это подаренное слово. — Я счастлив.

— Неужели? Что ж, рад это слышать. И почему же ты счастлив?

Уиллу было неловко признаться, но Джекоб был с ним честен, и он подумал, что обязан Джекобу тем же.

— Потому что нашел вас здесь, — сказал он.

— Это тебя радует?

— Да.

— Но через час я тебе наскучу...

— Нет, не наскучите.

— ...а печаль никуда не денется, она будет поджидать тебя.

Огонек стал понемногу гаснуть.

— Хочешь подкормить огонь, Уилл? — спросил Стип.

В его словах была какая-то необъяснимая власть. Словно затухание огня означало нечто большее, чем исчезновение язычков пламени. Этот огонек вдруг остался единственным источником света в холодном, бессолнечном мире, и если кто-нибудь сейчас его не подкормит, последствия будут ужасающие.

— Ну, Уилл? — настаивал Джекоб, сунув руку в карман и вытащив еще одного мотылька. — Держи.

Уилл медлил. Он слышал, как в панике трепещут крылышки. Посмотрел поверх насекомого на его мучителя. Лицо Джекоба было абсолютно бесстрастным.

— Ну? — повторил он.

Огонек почти погас. Еще несколько секунд — и будет поздно. Зал заседаний погрузится в темноту, и внимательное симметричное лицо перед его глазами исчезнет.

Эта мысль вдруг стала невыносимой. Уилл снова перевел взгляд на мотылька — на мельтешащие лапки, шевелящиеся усики. И, задыхаясь от ужаса, словно зачарованный, выхватил его из пальцев Джекоба.

XI

— Мне холодно, — в десятый раз простонал Шервуд.

— Иди домой, — сказала Фрэнни.

— Один? В темноте? Нет, не заставляй меня делать такие вещи.

— Может, мне стоит пойти поискать Уилла? — задумалась Фрэнни. — Вдруг он как-то незаметно ушел или...

— Да почему нам просто не оставить его здесь?

— Потому что он наш друг.
— Мне он никакой не друг.
— Тогда подожди меня здесь, — сказала Фрэнни, отыскивая проход в живой изгороди. Мгновение спустя она почувствовала, как рука Шервуда скользнула в ее ладонь.
— Я не хочу оставаться тут один, — сказал он тихо.

На самом деле она вовсе не возражала против того, чтобы брат пошел с ней. Было немного страшно, и его общество устраивало Фрэнни. Вдвоем они протиснулись сквозь заросли боярышника и, держась за руки, поднялись по склону к зданию Суда. Она только раз почувствовала, как дрожь от дурного предчувствия прошла по телу брата, и, повернув к нему голову в темноте и увидев испуганные глаза, которые искали у нее поддержки и успокоения, поняла, как сильно его любит.

Мотылек был крупный, и, хотя Уилл крепко держал его за крылышки, жирное личинкообразное тельце бешено подергивалось, перебирая лапками. Мотылек вызвал у Уилла отвращение.

— Может быть, тебе нехорошо? — спросил Джекоб.
— Нет... — ответил Уилл.

Голос у него стал какой-то чужой, будто говорил не он.
— Ты ведь убивал насекомых и прежде.

Конечно убивал. Поджаривал муравьев через увеличительное стекло, прихлопывал жуков, давил пауков, посыпал солью слизней и поливал из баллончика мух. А тут мотылек и огонь. Да они просто нашли друг друга.

С этой мыслью он и совершил этот поступок. Сожаление Уилл испытал сразу, как только пламя опалило подергивающиеся лапки. Он уронил насекомое в огонь, и сожаление перешло в очарование.

— Что я тебе говорил? — сказал Джекоб.
— Живя или умирая, — пробормотал Уилл, — мы все равно питаем огонь...

У дверей Суда Фрэнни никак не могла понять, что там происходит. Она видела, что Уилл склонился над столом, разглядывая что-то яркое, и в том же свете мельком разглядела лицо человека напротив Уилла. Но больше ничего разобрать не могла.

Она отпустила руку Шервуда и прижала палец к губам: ш-ш-ш. Он кивнул, выражение его лица стало не таким испуганным, как в темноте снаружи. Потом она снова перевела глаза на Уилла. В эту минуту человек, сидящий напротив него, сказал:

— Хочешь еще одного?

Уилл даже не посмотрел на Стипа. Он не мог оторвать глаз от пламени, пожиравшего мотылька.

— И это всегда так? — пробормотал он.
— Как?

— Сначала холод и темнота, потом все отступает под напором огня, а потом снова темнота и холод...

— Почему ты спрашиваешь?
— Хочу понять.

«Ответ есть только у вас», — мог бы добавить он.

Так оно на самом деле и было. Уилл не сомневался, что у отца нет ответа на подобные вопросы, как и у матери, у школьных учителей или у кого-нибудь из тех, кто разглагольствует по телевизору. Это было тайное знание, и он чувствовал себя избранным, находясь в обществе того, кто владел этим знанием, даже если с ним и не собирались делиться.

— Так ты хочешь еще одного или нет? — переспросил Джекоб.

Уилл кивнул и взял мотылька из его пальцев.

— А не придет такой день, когда огонь больше нечем будет подкармливать? — спросил

он.

— Боже мой! — воскликнула миссис Макги, выходя из тени. — Вы только его послушайте!

Уилл не оглянулся: он был занят исследованием процесса кремации второго мотылька.

— Да, придет, — тихо сказал Джекоб. — И когда не останется ничего, на мир опустится такая тьма, какую никто из нас и представить не может. Это будет не тьма смерти, потому что смерть еще не конец.

— Игра в кости, — заметила женщина.

— Именно, — отозвался Джекоб. — Смерть — это игра в кости.

— В чем в чем, а в смерти мы разбираемся. Мистер Стип и я.

— О да.

— Дети, которых я выносила и потеряла.

Она встала за спиной Уилла и легонько провела рукой по его волосам.

— Я смотрю на тебя, Уилл, и, клянусь, отдала бы все зубы, чтобы назвать тебя своим. Ты такой умный...

— Здесь становится темно, — сказал Стип.

— Тогда дайте мне еще одного мотылька, — попросил Уилл.

— Такой нетерпеливый, — заметила миссис Макги.

— Быстрее, — заторопился Уилл, — а то огонь погаснет.

Джекоб полез в карман и вытащил еще одного мотылька.

Уилл выхватил у него насекомое, но в спешке выпустил крылышки, и мотылек вспорхнул над столом.

— Черт! — крикнул Уилл и, оттолкнув стул и миссис Макги, вскочил.

Дважды он взмахнул рукой, но оба раза поймал воздух. Уилл в бешенстве развернулся, чтобы попытаться еще раз.

За спиной раздался голос Джекоба:

— Оставь. Я дам тебе другого.

— Нет, — отказался Уилл, подпрыгивая за мотыльком. — Мне нужен этот.

Его усилия были вознаграждены — мотылек наконец оказался в горсти.

— Поймал! — воскликнул Уилл и уже собирался предать насекомое огню, когда услышал голос Фрэнни:

— Уилл, что ты делаешь?!

Он посмотрел на нее. Фрэнни стояла у двери, Уилл видел смутные очертания ее фигуры.

— Уходи, — сказал он.

— Кто это? — спросил Джекоб.

— Уходи, я сказал, — повторил Уилл, вдруг почувствовав что-то вроде приступа паники.

Он не хотел, чтобы две эти стороны жизни говорили с ним одновременно. У него закружилась голова.

— Пожалуйста, — сказал он, надеясь, что вежливое обращение на нее подействует. — Я не хочу, чтобы ты была здесь.

Свет у него за спиной стал гаснуть. Если он не поторопится, огонь потухнет. Он должен бросить топливо. Но Уилл не хотел, чтобы Фрэнни видела, что он делает. Пока она здесь, Джекоб ни за что не поделится своим знанием, которое в состоянии понять только мудрейшие из мудрых.

— Уходи! — крикнул он.

Крик не произвел на нее никакого впечатления, но до смерти перепугал Шервуда. Тот отшатнулся от сестры и побежал по коридору прочь из зала заседаний.

Фрэнни пришла в ярость.

— Правильно Шервуд говорил! — заявила она. — Ты нам не друг. Мы пришли сюда, потому что боялись, что с тобой что-нибудь случится...

— Роза, — услышал Уилл шепот Джекоба, — второй мальчик...

Краем глаза он увидел, как миссис Макги отступила в тень и последовала за Шервудом. Голова у Уилла кружилась. Фрэнни кричала, Шервуд рыдал, Джекоб шептал, но хуже всего, что пламя умирало, а с ним уходил свет...

Он решил, что свет — самое главное, и, повернувшись спиной к Фрэнни, протянул руку, чтобы предать мотылька огню. Но его опередил Джекоб. Он сунул в умирающий огонь всю руку, которая стала клеткой из пальцев. В ней был не один, а несколько мотыльков, которые мгновенно загорелись, бьющиеся крылышки раздули пламя. Сквозь пальцы Джекоба хлынул такой яркий свет, что Уилл подумал, не видит ли он нечто сверхъестественное, какое-то волшебство. Свет залил лицо Джекоба, оттенив удивительные черты, не поддающиеся описанию. Он не был похож на кинозвезду или человека с обложки: лощеный вид, белые зубы, ямочки на щеках. Казалось, в нем горит огонь ярче того, в котором сгорали мотыльки. На мгновение (и этого было достаточно) Уилл увидел себя рядом с Джекобом — они шли по улице, и кожа Джекоба всеми порами излучала свет, а люди рыдали от благодарности, что он пришел рассеять тьму. Это было слишком. Уилл рухнул как подкошенный.

XII

Шервуд побежал в холл, подальше от зала заседаний и запаха чего-то горелого, от которого выворачивало желудок. Но в сгущавшейся темноте он выбрал не то направление и не выбежал из дома, а заблудился. Попытался вернуться, но был слишком напуган, и мысли у него путались. Оставалось плестись все дальше и дальше, слезы жгли глаза, а кругом становилось темнее и темнее.

А потом вдруг замерцал свет. Это не был свет звезд — звезды не излучают тепла, он пошел туда и оказался в небольшой комнате, где недавно кто-то работал. Шервуд увидел стул и небольшой стол, а на нем — фонарь-молнию, проливавший свет на предметы. Утерев слезы, Шервуд подошел ближе. Тут были пузырьки с чернилами, может быть, целая дюжина пузырьков, несколько ручек и кисточек, и среди всего этого лежала книга размером с его учебники, только гораздо толще. Обложка заляпана, корешок поломан, словно эту книгу таскали с собой долгие годы. Шервуд протянул руку, чтобы раскрыть ее, но не успел.

— Как тебя зовут? — услышал он тихий голос.

Шервуд поднял голову и увидел, как из двери на другом конце комнаты появилась женщина, которую он видел в зале заседаний. При виде ее Шервуд почувствовал приятную дрожь. Блуза на женщине была расстегнута, и кожа светилась.

— Меня зовут Роза, — сказала она.

— А меня Шервуд.

— Ты большой мальчик. Сколько тебе лет?

— Почти одиннадцать.

— Ты не подойдешь ближе, чтобы я могла получше тебя разглядеть?

Шервуд замешкался. В том, как она на него смотрела, как улыбалась, было что-то завораживающее, и, может быть, если он подойдет ближе, ему удастся рассмотреть это место, где у нее расстегнуты пуговицы. Все неприличные слова он, конечно, уже успел узнать в школе и видел несколько захватанных фотографий, которые передавали из рук в руки. Но одноклассники не вели с ним по-настоящему непристойных разговоров, потому что считали глуповатым. Что бы они сказали, подумал он, если б узнали, что он своими глазами видел парочку настоящих голых грудей?

— Ой, да ты, я смотрю, парень не промах, — заметила Роза.

Щеки Шервуда запунцовели.

— Да ты не смущайся, — ободрила она. — Мальчики должны видеть все, что им хочется. Если, конечно, умеют оценить увиденное.

Сказав это, она расстегнула на блузе еще пару пуговиц Шервуд хотел было проглотить слюну, но не смог. Теперь он видел холмики ее грудей вполне отчетливо. Если подойти еще

ближе, он разглядит и соски, а судя по одобрительному выражению ее лица, она не против.

Шервуд шагнул вперед.

— Интересно, что бы ты смог сделать, если б я тебе разрешила? — спросила она.

Он не совсем понял, что она имеет в виду.

— Смог бы полизать мои сиськи? — продолжила она.

В висках у него стучало, а в штанах он почувствовал такое давление, что боялся, как бы не опозориться. И, словно ее слова сами по себе были недостаточно соблазнительны, она распахнула блузу, и он увидел соски, большие и розовые. Она слегка потирала их, не переставая ему улыбаться.

— Ну-ка, покажи, какой у тебя язык, — потребовала она.

Шервуд высунул язык.

— Тебе придется ой как потрудиться. Язык у тебя маленький, а сиськи у меня большие.

Шервуд кивнул. Он был в трех шагах от нее и теперь чувствовал запах ее тела. Запах был сильный — такого он раньше не вдыхал, но даже если бы она пахла навозом, его и это уже не могло бы остановить. Он протянул руки и дотронулся до ее груди. Она вздохнула. Он приник лицом к ее коже и стал лизать.

— Уилл...

— С ним ничего не случилось, — сказал человек в пыльном черном пальто. — Просто перевозбудился. Оставь его в покое и беги-ка лучше домой.

— Я не уйду без Уилла, — сказала Фрэнни, и голос ее звучал гораздо увереннее, чем она чувствовала себя на самом деле.

— Ему не нужна твоя помощь. — В голосе послышалась угроза. — Он здесь абсолютно счастлив.

Джекоб посмотрел на Уилла.

— Небольшая эмоциональная перегрузка — только и всего.

Не сводя с него глаз, Фрэнни опустила руку на корточки рядом с Уиллом и сильно тряхнула его за плечи. Он застонал — и она на миг скосила на него глаза.

— Вставай, — позвала Фрэнни.

Вид у Уилла был совершенно нездоровый.

— Поднимайся.

Человек в черном тем временем снова сел на стул и стал стряхивать на столешницу то, что было у него в руках. Полетели горящие кусочки чего-то. Уилл уже начал поворачивать голову к человеку в черном, хотя еще не успел подняться.

— Иди ко мне, — сказал тот Уиллу.

— Не ходи... — велела Фрэнни.

Пламя на столе угасало, зал заседаний погружался в темноту. Фрэнни стало страшно так, как бывает только во сне.

— Шервуд! — закричала она. — Шервуд!

— Не слушай, — сказала женщина, прижимая Шервуда к своей груди.

— Шервуд!

Он не мог не ответить на зов сестры. Тем более когда в этом голосе было столько страха. Шервуд отпрянул от горячей кожи Розы, по его лицу бежал пот.

— Это Фрэнни, — сказал он, отстраняясь.

Шервуд увидел на ее лице странное выражение, из открытого рта вырывалось частое дыхание, глаза закатились. Решимости у него поубавилось.

— Я должен идти... — начал он, но Роза схватилась за юбку, словно собираясь показать ему что-то еще.

— Я знаю, что ты хочешь увидеть, — сказала она.

Он отступил, выставив руку назад для опоры.

— Тебе надо то, что у меня там, внизу, — сказала она, задирая подол.

— Нет.

Она улыбулась, продолжая поднимать юбку. Шервуд запаниковал, запутавшись в нахлынувших противоречивых чувствах, попятился и налетел на стол. Тот перевернулся. Книга, чернила, ручки и — что хуже всего — лампа полетели на пол. Какое-то мгновение ему казалось, что пламя погасло, но оно тут же вспыхнуло с новой силой, и мусор вокруг стола занялся огнем.

Миссис Макги уронила подол.

— Джекоб! — взвизгнула она. — Господи боже мой, Джекоб!

У Шервуда было больше оснований для паники, чем у нее, когда вокруг было столько всего, что может гореть. Даже в этом полубезумном состоянии он понимал, что нужно скорее выбираться отсюда, иначе он сгорит вместе с домом. Самым простым выходом из ситуации было выйти в дверь, через которую он вошел.

— Джекоб! Скорее сюда! Ты меня слышишь?! — завопила Роза и, не удостоив Шервуда даже взглядом, бросилась прочь из комнаты.

Огонь разгорался, комната наполнилась дымом и жаром. Шервуд повернулся к двери — по телу прошла дрожь воспоминаний об излишествах этих нескольких минут, но тут на глаза ему попала книга, лежавшая на полу.

Он понятия не имел, о чем она, но подумал, что это может стать доказательством. Книга будет при нем, когда одноклассники поднимут его на смех и он покажет им ее и скажет: «Я был там. И делал все, о чем вам сказал, и даже больше».

Не обращая внимания на огонь, он нагнулся и схватил книгу. Она слегка обгорела, но была цела. Шервуд бросился по лабиринту коридоров на зов сестры.

— Шервуд!

Фрэнни и Уилла он нашел у двери в зал заседаний.

— Я не хочу уходить, — рычал Уилл, вырываясь из рук Фрэнни.

Но она крепко держала его — схватила за руку с такой силой, что наверняка останется синяк. Одновременно Фрэнни не переставала звать брата.

Джекоб поднялся со своего места за столом, встревоженный треском огня, а теперь уже и самим видом миссис Макги, которая была расстегнута, растрепана и требовала, чтобы он шел за ней немедленно.

Он пошел, только один раз оглянувшись на Уилла и коротко кивнув, словно говоря: ступай с ней, сейчас неподходящее время. Потом он исчез — ушел с Розой тушить пожар.

Потеряв его из вида, Уилл почувствовал, как на него снизошло странное спокойствие. Больше не надо бороться с Фрэнни. Он мог просто пойти с ней под открытое небо, зная, что подходящее, лучшее время еще настанет и они с Джекобом будут вместе.

— Ничего, все в порядке... — успокоил он Фрэнни. — Не нужно меня поддерживать — я могу идти.

— Я должна найти Шервуда, — сказала она.

— Я здесь, — раздался голос из дымной темноты, и появился Шервуд: лицо все в поту, перепачканное сажей и грязью.

Больше никто ничего не сказал. Они поспешили по коридору наружу, мимо колонн, вниз по ступенькам, на холодную траву. И только перебравшись через живую изгородь и выйдя на дорогу, остановились, чтобы перевести дух.

— Никому не говорите, что мы там видели, ясно? — выдохнул Уилл.

— Почему? — спросила Фрэнни.

— Потому что вы все испортите.

— Они плохие. Уилл...

— Ты о них ничего не знаешь.

— И ты тоже.

— Нет, знаю. Я видел их раньше. Они хотят, чтобы я уехал с ними.

— Это правда? — раздался дискант Шервуда.

— Помолчи, Шервуд, — оборвала его Фрэнни. — Мы не будем больше говорить об этом. Это глупо. Они плохие, я знаю, что они плохие.

Она повернулась к брату.

— Уилл может делать то, что ему нравится, — добавила она. — Я не могу его остановить. Но ты больше сюда не придешь, Шервуд. И я тоже.

Фрэнни оседлала велосипед, велев Шервуду сделать то же самое. Он молча повиновался.

— Так ты никому не скажешь? — спросил ее Уилл умоляюще.

— Еще не решила, — ответила Фрэнни таким высокомерным тоном, что он едва не вспылал. — Я должна подумать.

С этими словами она и Шервуд закрутили педали и покатали по дорожке.

— Если скажешь, я с тобой больше никогда не буду разговаривать! — крикнул Уилл ей вслед, а когда они исчезли из виду, понял, что это пустая угроза человека, который в ближайшие дни собирается уехать навсегда.

Часть третья ОН ПОТЕРЯЛСЯ. ОН НАШЕЛСЯ

I

1

— Ему снятся сны? — спросила Адрианна у доктора Коппельмана в один из дней ранней весны, когда ее посещение Уилла (а ее посещения сводились к тому, что она сидела у его кровати) совпало с обходом врача.

Со времени событий в Бальтазаре прошло почти четыре месяца, и искалеченное, помятое тело Уилла на какой-то свой, почти чудесный манер залечивало себя. Но кома по-прежнему оставалась глубокой. Ни малейших признаков движения не появлялось на его словно заledenевшем лице. Сиделки то и дело переворачивали Уилла, чтобы предотвратить образование пролежней. Отправление естественных потребностей осуществлялось с помощью отводов и катетеров. Но он не приходил в себя, не желал приходить. И нередко Адрианна, навещая его в течение этой тоскливой виннипегской зимы и глядя в бесстрастное лицо, мысленно спрашивала: «Чем же ты занят?»

Отсюда и вопрос. Обычно она терпеть не могла врачей, но Коппельман, требовавший, чтобы его называли Берни, был исключением. Полноватому Берни перевалило за пятьдесят, и, судя по желтым пятнам на пальцах (и дыханию, освеженному мятными леденцами), он был неисправимым курильщиком. Еще он был честным, и если чего не знал, то так и говорил. Это ей нравилось, хотя и означало, что ответов на ее вопросы у него нет.

— Мы пребываем в той же темноте, что и Уилл, — сказал он. — Возможно, он полностью отключен, если говорить о его сознании. С другой стороны, возможно, у него есть доступ к воспоминаниям на таком глубинном уровне, что мы не можем зафиксировать активность мозга. Я просто не знаю.

— Но он может вернуться к жизни? — спросила Адрианна, глядя на Уилла.

— Несомненно, — отозвался Коппельман. — В любую минуту. Но гарантировать я ничего не могу. В настоящий момент в его черепной коробке происходят процессы, которых мы, откровенно говоря, не понимаем.

— Как по-вашему, имеет какое-то значение, что я нахожусь с ним рядом?

— Вы были очень близки?

— Вы имеете в виду, были ли мы любовниками? Нет. Мы работали вместе.

Коппельман принялся обкусывать ноготь на большом пальце.

— Мне известны случаи, когда присутствие у постели близкого человека как будто способствовало выздоровлению. Но...

— Вы не считаете, что это такой случай.

На лице у Коппельмана появилось озабоченное выражение.

— Хотите, я выскажу вам мое мнение без обиняков? — спросил он, понизив голос.

— Да.

— Люди должны жить своей жизнью. Вы приходите сюда через день и уже сделали больше, чем смогло бы большинство людей. Вы ведь не местная?

— Нет. Я живу в Сан-Франциско.

— Да-да. Тут вроде шла речь о переводе туда Уилла?

— В Сан-Франциско тоже умирает немало людей.

Коппельман мрачно посмотрел на нее.

— Что я могу сказать? Вы можете просидеть здесь еще полгода, год, а он по-прежнему будет в коме. Вы только попусту тратите свою жизнь. Я понимаю, вы хотите сделать для него все, что в ваших силах, но... Вы понимаете, о чем я говорю?

— Конечно.

— Я знаю, слушать такие вещи тяжело.

— Но в них есть логика, — ответила она. — Просто... мне невыносима мысль о том, что я брошу его здесь.

— Он этого не знает, Адрианна.

— Тогда почему вы говорите шепотом?

Пойманный на слове, Коппельман глуповато ухмыльнулся.

— Я только хочу сказать, где бы он сейчас ни находился, существует вероятность того, что его вовсе не заботит наш мир. — Он бросил взгляд в сторону кровати. — И знаете что? Возможно, он счастлив.

2

«Возможно, он счастлив». Эти слова преследовали Адрианну, напоминая о том, как часто они с Уиллом со страстью и увлечением говорили о счастье и как ей теперь не хватает этих разговоров.

Он нередко говорил, что не создан для счастья. Это было слишком похоже на удовлетворенность, а удовлетворенность слишком похожа на сон. Он любил дискомфорт, да что там — искал его. (Как часто она сидела в каком-нибудь жалком укрытии, страдая от жары или холода, а когда бросала взгляд в его сторону, видела, что он ухмыляется во весь рот. Физические неудобства напоминали ему, что он жив. А он одержим жизнью, не уставал он ей повторять.)

Не все видели подтверждение этого в его работах. Реакция критиков на книги и выставки Уилла нередко была противоречивой. Не многие обозреватели ставили под сомнение его мастерство: у него были талант, особое видение мира и безупречная техника — все, что нужно, для того чтобы стать выдающимся фотографом. Но зачем, недоумевали они, такая безжалостность и безысходность? Зачем искать образы, которые вызывают отчаяние и мысли о смерти, когда в мире природы столько красоты?

«Хотя мы и восхищаемся постоянством видения Уилла Раджонса, — писал критик из "Тайм" о его работе "Питать огонь", — его повествование о том, как жестоко человечество обращается с природой и уничтожает ее, в свою очередь, становится жестоким и деструктивным по отношению к тем чувствительным людям, от которых он добывается жалости или действия. Перед лицом его работ зритель теряет надежду. Он смотрит на гибель природы с отчаявшимся сердцем. Ну что же, мистер Раджонс, мы покорно исполнились отчаяния. Что дальше?»

Тот же самый вопрос задавала себе Адрианна, когда сталкивалась с доктором Коппельманом во время обхода. Что дальше? Она плакала, бранилась, даже обнаружила, что

столь презируемое ею католическое воспитание позволяет молиться, но ничто не могло открыть глаза Уилла. А ее собственная жизнь уходила — день за днем.

Это была не единственная проблема. Здесь, в Виннипеге, она завела любовника (водителя со «скорой помощи» — это надо же!). Парня звали Нейл, и он был далек от ее идеала мужчины, но его влекло к ней. Адрианна пока так и не ответила на вопрос, который он задавал ей ночью: почему они не могут съехаться и жить вместе, попробовать пару месяцев, может, получится?

Она садилась у кровати Уилла, брала его руку в свои и рассказывала о своих мыслях.

— Я знаю, меня затянет в эти бестолковые отношения с Нейлом, если я останусь здесь, а он скорее твой тип, чем мой. Знаешь, настоящий медведь. Нет-нет, спина у него не волосатая, — поспешила добавить она, — знаю, ты ненавидишь волосатые спины, — он такой большой и немного глуповат — это даже сексуально, — но я не могу жить с ним. Не могу. И не могу жить здесь. Я хочу сказать, что остаюсь ради него и ради тебя, но ты теперь не обращаешь на меня никакого внимания, а он, наоборот, обращает на меня слишком много внимания, так что куда ни кинь — всюду клин. А жизнь — она ведь не репетиция. Кажется, это одна из мудростей Корнелиуса? Кстати, он вернулся в Балтимор. Не дает о себе знать, и это, наверное, к лучшему, потому что он, засранец, всегда доводил меня до белого каления. Так вот, он изрек эту мудрость о том, что жизнь — не репетиция, и он прав. Если я останусь здесь, дело кончится тем, что я съедусь с Нейлом, и только я начну жить с ним гнездышко, как ты откроешь глаза — а ты непременно откроешь глаза, Уилл, — и скажешь: «Мы едем в Антарктику». А Нейл скажет: «Никуда ты не едешь». А я отвечу: «Нет, еду». И тогда начнутся слезы. И это будут не мои слезы. А я не могу так с ним поступить. Он заслуживает лучшего.

Так вот... Что я говорила? Я говорила, что мне нужно пригласить Нейла попить пивка и сказать ему, что ничего у нас не получится, а потом придется сматываться в Сан-Франциско и приводить себя в порядок, потому что благодаря тебе, мой милый, я в таком раздразе, в каком за всю мою треклятую жизнь еще не была.

Она перешла на шепот.

— И знаешь почему? Мы об этом с тобой никогда не говорили, и если бы ты сейчас открыл глаза, то я бы ничего такого не сказала, потому как без толку. Но, Уилл, я тебя люблю. Я очень тебя люблю, и по большей части меня все устраивает, потому что мы работаем вместе, и мне кажется, ты тоже любишь меня на свой манер. Ну конечно, будь у меня выбор, я бы предпочла иной манер, но выбора у меня нет, и потому я беру что дают. И это все, что получаешь ты. А если ты сейчас меня слышишь, то должен знать, приятель, что, когда ты придешь в себя, я буду отрицать к чертям собачьим каждое сказанное сейчас слово, понял? Каждое слово. — Она поднялась, чувствуя, как к глазам подступают слезы. — Черт бы тебя драл, Уилл. Тебе только и нужно, что открыть глаза. А это не так уж трудно. Еще столько всего нужно увидеть, Уилл. Тут такой чертовский холод, но все залито ярким, чистым светом — тебе понравится. Только открой глаза.

Она смотрела и ждала, словно силой мысли могла вернуть его к жизни. Но он не шелохнулся, только грудь поднималась и опускалась.

— Хорошо. Я понимаю намеки. Я пошла. Перед отъездом еще зайду к тебе. — Она наклонилась и легонько коснулась губами его лба. — Слушай, что я тебе скажу, Уилл. Где бы ты сейчас ни находился, там гораздо хуже, чем здесь. Возвращайся и посмотри на меня, посмотри на мир. Договорились? Нам тебя не хватает.

II

На следующее утро после происшествия в Суде Уилл проснулся в жутком состоянии: у него болело все — от ног до головы. Он попытался встать с кровати, но его ноги будто вспомнили, что было накануне вечером, и он упал на пол, издав такой крик (скорее удивления, чем боли), что мать прибежала к нему в комнату и нашла его распростертым на

полу. Зубы Уилла выбивали дробь. Ему поставили диагноз — грипп — и вернули в кровать, где стали пичкать аспирином и омлетами.

Ночью пошел дождь со снегом, хлеставший в окно большую часть дня. Уилл хотел выйти на улицу. Его жар, думал он, превратит этот ледяной ливень в пар, когда тот еще не успеет долететь до него. Он вернулся бы в Суд, как один из библейских детей — тот, что, сожженный в печи, вернулся живым;¹ над ним поднимался бы пар, и он явился бы туда, где Джекоб и Роза держали свой странный совет. И он прошел бы голым, да, голым, через живую изгородь; исцарапанный, ободранный, подошел бы к двери, где его должен ждать Джекоб, чтобы научить мудрости; и Роза тоже будет ждать его, чтобы сказать, какой он необыкновенный парень. Да, он отправится в Суд, в сердце их тайного мира, где всё — любовь и огонь, огонь и любовь.

Если только сумеет подняться с кровати. Но тело не слушалось. Максимум, на что он был способен, это дойти до туалета, но одной рукой приходилось держаться за раковину, а другой — за член (который казался таким сморщенным, словно стыдился самого себя), чтобы не упасть — так у него кружилась голова. После ланча пришел доктор. Это была женщина с тихим голосом, коротко стриженными седыми волосами (хотя по возрасту ей еще не полагалось седых волос) и ласковой улыбкой. Она сказала, что все будет хорошо, только пока нельзя вставать и нужно принимать лекарство, которое она выпишет. Потом доктор заверила мать, что через неделю-другую он будет в полном порядке.

«Через неделю?» — подумал Уилл.

Он не может ждать целую неделю — ему нужно вернуться к Джекобу и Розе. Как только доктор и мать ушли, он поднялся и с трудом подошел к окну. Снег с дождем переходил просто в снег, он начал оседать на вершинах холмов. Уилл видел, как от его дыхания запотевают холодное стекло и снова проясняется, и решил набраться сил, черт побери, одной силой воли.

Начал он немедленно, не сходя с места: «Я буду сильным. Я буду сильным. Я буду...»

Он остановился на полуслове, услышав внизу, в холле, голос отца, а потом его шаги по лестнице. Уилл двинулся назад к кровати и успел забраться под одеяло, прежде чем распахнулась дверь и вошел отец. Лицо у него было мрачнее неба за окном.

— Итак, — сказал он без всякого вступления, — я хочу получить от тебя объяснение, мой друг, и лжи я не потерплю. Мне нужна правда.

Уилл ничего не ответил.

— Ты знаешь, почему я рано вернулся домой? — спросил отец. — Ну?

— Нет.

— Меня нашел мистер Каннингхэм. Этот чертов псих заявился посреди дня. Он разыскал меня — это его слова: разыскал меня, — потому что его сын в ужасном состоянии. Он все время плачет из-за того, что ты втянул его в какую-то гадость. — Хьюго подошел к кровати Уилла. — И теперь я хочу узнать, какие дурацкие истории ты втемяшил в башку этому придурку. И не надо качать головой, молодой человек, сейчас ты говоришь не со своей матерью. Мне нужны ответы — и правдивые ответы, ты меня слышишь?

— Шервуд... не совсем того... — сказал Уилл.

— Это что должно означать? — спросил, брызгая слюной, Хьюго.

— Он не имеет понятия, о чем говорит.

— Меня не интересует этот маленький засранец. Я просто не хочу, чтобы его отец разыскивал меня и обвинял в том, что я вырастил полного идиота. Именно так он назвал тебя. Идиотом! И возможно, он прав. У тебя что — ума совсем нету?

Уилл чувствовал, как слезы наворачиваются на глаза.

— Шервуд — мой друг, — пролепетал он.

— Ты говорил, что он не совсем того.

— Да.

— И что же тогда у нас получается? Если он твой друг, то кто тогда ты? У тебя что —

¹ Имеется в виду притча, рассказанная в Книге пророка Даниила (см. гл. 3).

совсем мозгов нет? Вы что там удумали?

— Мы просто гуляли, и он... испугался... вот и все.

— У тебя какие-то странные представления о забавах — внушать мальчишке всякие глупости. — Отец покачал головой. — Где ты этого набрался?

Он задал этот вопрос напоследок, уже не надеясь на ответ, хотя Уиллу и хотелось ответить. Его так и подмывало сказать: «Я ничего не выдумывал, ты, старый слепец. Ты не знаешь того, что знаю я, не видишь того, что вижу я, ничего не понимаешь из того...»

Но Уилл, конечно, не осмелился это произнести. Он просто закрыл глаза и позволил отцу обливать его презрением, пока тот не остыл.

Потом к нему поднялась мать с таблетками.

— Я слышала, отец говорил с тобой, — сказала она. — Знаешь, он иногда бывает грубее, чем хотел бы.

— Я знаю.

— Он говорит всякие слова...

— Я знаю, что он говорит и чего хочет, — ответил Уилл. — Он хочет, чтобы мертвым был я, а живым — Натаниэль. И ты тоже.

Он пожал плечами. Легкость, с какой дались ему эти слова, с какой он мог причинять боль (а он знал, что причиняет боль), бодрила.

— Нет проблем, — продолжал он. — Извини, что я не так хорош, как Натаниэль, но я с этим ничего не могу поделать.

Пока Уилл говорил, глядя на мать, видел он не ее — он видел Джекоба, который протягивает ему мотылька на сожжение и улыбается.

— Прекрати, — сказала мать. — Я не хочу это слушать. Что ты себе позволяешь? Прими таблетки.

Манера ее поведения вдруг стала какой-то отстраненной, словно она не узнавала мальчика, лежавшего в постели.

— Хочешь есть?

— Да.

— Я попрошу Адель подогреть суп. А ты не вылезай из-под одеяла. И прими таблетки.

Выходя, она бросила на сына едва ли не испуганный взгляд — так посмотрела на него тогда в школе мисс Хартли. И скрылась за дверью. Уилл проглотил таблетки. Тело по-прежнему ломило, голова кружилась, но он не собирался долго ждать, он уже (еще не успев встать на ноги и выйти из дома) принял решение. Он поест супу — нужно подкрепиться перед предстоящим путешествием, а потом оденется и пойдет в Суд. Составив план, он снова поднялся с кровати, чтобы испытать ноги на крепость. Они уже не казались такими ненадежными, как несколько минут назад. Он немного поест, и они донесут его куда надо.

III

Хотя Фрэнни и не заболела, страдала она куда больше, чем Уилл на следующий день после вечера в Суде. Они с Шервудом умудрились незаметно пробраться в дом, подняться по лестнице и вымыться, прежде чем их увидели родители, и лелеяли надежду, что никто ничего не спросит, но тут ни с того ни с сего Шервуд стал рыдать. К счастью, он нес околесицу, объясняя причину своих слез, и, хотя отец с матерью с пристрастием допрашивали Фрэнни, она тоже отвечала туманно. Фрэнни не любила лгать, в первую очередь потому, что не умела это делать, но знала, что Уилл никогда ей не простит, если она начнет распространяться о том, что ей известно. Отец Фрэнни, когда прошел первый приступ ярости, замкнулся в себе, но мать умела брать измором. Она задавала одни и те же вопросы, все больше укрепляясь в своих подозрениях. В течение полутора часов она снова и снова спрашивала Фрэнни, почему Шервуд в таком состоянии. Фрэнни говорила, что они пошли играть с Уиллом, потерялись в темноте и испугались. Мать не верила ни одному ее слову, но в том, что касалось упорства,

дочь не уступала матери. Чем дольше мисс Каннингхэм повторяла свои вопросы, тем осторожнее становились ответы Фрэнни. Наконец мать не выдержала.

— Я не желаю, чтобы ты и дальше встречалась с мальчишкой Рабджонсов, — сказала она. — Думаю, это настоящий смутьян. Он здесь чужой и оказывает на тебя дурное влияние. Ты меня удивляешь, Фрэнсис. И разочаровываешь. Обычно ты ведешь себя более ответственно. Ты же знаешь, твоему брату легко задурить голову. Я никогда не видела его в таком состоянии. Плачет и плачет — не остановишь. И я виню в этом тебя.

Этой короткой речью вопрос на некоторое время был исчерпан. Но незадолго до рассвета Фрэнни проснулась и услышала, как брат жалобно плачет. Потом в его комнату вошла мать, и рыдания стали тише, пока они обменивались негромкими словами, а затем возобновились. Мать пыталась — но безуспешно — успокоить Шервуда. Фрэнни лежала в своей комнате в темноте, борясь со слезами. Но проиграла сражение. Они потекли солеными ручьями по носу, жгли веки и щеки. Ей было жалко Шервуда: она знала, что он меньше любого другого был подготовлен к ночным кошмарам, неизбежным после приключений в Суде. Ей было жалко себя, потому что она вынуждена лгать и это воздвигло стену между нею и матерью, которую она так сильно любила. Плакала она — хотя и несколько иначе — и по Уиллу, который поначалу показался ей другом, таким необходимым, но которого она, кажется, уже потеряла.

И наконец — неизбежное. Она услышала, как повернулась ручка двери, ведущей в ее спальню, и потом — голос матери:

— Фрэнни? Ты спишь?

Она не стала притворяться — села в кровати.

— Что случилось?

— Шервуд рассказал мне нечто странное.

Он рассказал все: как они, преследуя Уилла, отправились в Суд, рассказал о мужчине в черном и женщине в кружевах. И еще кое-что. О том, что женщина была голая, а потом случился пожар. Мать Фрэнни желала знать, имеет ли это какое-нибудь отношение к действительности? А если имеет, то почему Фрэнни ничего ей не рассказала?

Несмотря на угрозу Уилла, у нее теперь не осталось выбора — она должна была рассказать правду. Да, в Суде были двое, как и говорит Шервуд. Нет, она не знает, кто они такие, нет, она не видела, чтобы женщина раздевалась, нет, она не уверена, что смогла бы узнать их, если бы увидела снова (это было не совсем так, хотя и близко к правде). Там было темно, сказала Фрэнни, и она испугалась — не только за себя, за всех троих.

— Они тебе угрожали? — спросила мать.

— Да нет.

— Но ты сказала, что испугалась.

— Испугалась. Они были не похожи на обычных людей.

— А на кого они были похожи?

Она не смогла найти подходящих слов, даже когда с теми же вопросами пришел отец.

— Сколько раз я тебе говорил, — сказал он, — не приближаться к людям, которых не знаешь.

— Я пошла за Уиллом. Я боялась, как бы с ним чего не случилось.

— Если бы и случилось, это его дело, а не твое. Он бы ради тебя такого не сделал. Можешь не сомневаться.

— Ты его не знаешь. Он...

— Не дерзи, — оборвал ее отец. — Завтра я поговорю с его родителями. Хочу, чтобы они знали, что у них сын — полный идиот.

С этими словами он вышел, оставив Фрэнни наедине с ее мыслями.

Но на этом события той ночи не закончились. Когда все звуки в доме наконец смолкли, Фрэнни услышала легкий стук в дверь, а потом в ее спальню проскользнул Шервуд,

прижимавший что-то к груди. После рыданий голос у него был хриплый.

— У меня тут есть кое-что — ты должна это увидеть, — сказал он и, подойдя к окну, раздвинул шторы.

Перед домом стоял уличный фонарь, его свет через исхлестанное дождем стекло упал на бледное, опухшее лицо Шервуда.

— Я не знаю, зачем это сделал, — начал он.

— Что сделал?

— Я, понимаешь, просто был там, а когда увидел ее, то решил взять. — С этими словами он протянул Фрэнни предмет, который держал в руках. — Это всего лишь старая книга.

— Ты ее украл?

Он кивнул.

— Откуда? Из Суда?

Шервуд снова кивнул. Вид у него был такой испуганный, что Фрэнни боялась, как бы он снова не разрыдался.

— Ничего-ничего, — сказала она. — Я не сержусь. Просто удивилась. Я не видела у тебя этой книги.

— Я сунул ее под куртку.

— И где ты ее нашел?

Шервуд рассказал о столе, чернилах и ручках, и, пока он говорил, Фрэнни взяла книгу у него из рук и подошла к окну. От книги исходил странный запах. Фрэнни поднесла ее к носу — не слишком близко — и втянула этот запах. Пахло холодным огнем от углей, оставленных под дождем. Это насторожило Фрэнни — теперь она опасалась открывать книгу, но не могла не сделать этого, зная, откуда эта книга взялась. Она зацепила большим пальцем обложку и приподняла. На первой странице был круг, нарисованный черными или темно-коричневыми чернилами. Ни фамилии автора. Ни названия. Одно это кольцо, идеально ровное.

— Это его книга? — спросила она Шервуда.

— Наверно.

— Кто-нибудь знает, что ты ее взял?

— Нет, не думаю.

Хотя бы это радовало. Фрэнни перевернула страницу. То, что она увидела, было настолько же сложно, насколько проста была предыдущая страница: строчки текста одна за другой, крохотные слова так прижаты друг к другу, что кажется, сливаются в одно. Фрэнни перевернула страницу. Та же картина — слева и справа. То же самое и на следующих двух, и на двух следующих, и на двух следующих. Она присмотрелась к тексту — можно ли понять, что там написано, — но слова были не английские. Еще более странным ей показалось то, что буквы были явно не из алфавита — изящные, замысловатые значки, выписанные так тщательно, словно их выводила рука безумца.

— Что это значит? — спросил Шервуд, заглядывая через плечо сестры.

— Не знаю. Ничего подобного я в жизни не видела.

— Думаешь, это какой-то рассказ?

— Вряд ли. Это не печатный текст, как в обычных книгах.

Она лизнула палец и ткнула в значки. Палец испачкался.

— Он это сам написал, — сказала она.

— Джекоб? — выдохнул Шервуд.

— Да.

Фрэнни перевернула еще несколько страниц, и наконец на глаза ей попала картинка. Это было изображение насекомого — какого-то жука, как ей показалось, и, как и значки на предыдущих страницах, он был скрупулезно заштрихован. Каждая деталь головы, лапок, радужных крылышек — в тусклом свете они казались реальными, словно прикоснись она к этому жуку, и он с жужжанием поднимется с бумаги.

— Я знаю, что не должен был брать эту книгу, — сказал Шервуд, — но теперь я не хочу

ее возвращать, потому что не хочу увидеть его снова.

— Тебе и не придется ее отдавать, — успокоила его Фрэнни.

— Ты обещаешь?

— Обещаю. Тебе нечего бояться, Шер. Здесь мы в безопасности: мама и папа нас охраняют.

Шервуд просунул руку ей под локоть. Фрэнни чувствовала, как дрожь проходит по его худенькому тельцу.

— Но ведь они не всегда тут будут? — сказал он пугающе невыразительно, словно об этой самой ужасной из всех возможностей можно было сказать только так — голосом, лишенным всяких эмоций.

— Да, не всегда.

— И что тогда случится с нами?

— Я буду заботиться о тебе.

— Обещаешь?

— Обещаю. Ну а теперь тебе пора возвращаться в кровать.

Фрэнни взяла брата за руку, и они вдвоем на цыпочках прошли по лестничной площадке до его комнаты. Там она уложила Шервуда в постель и сказала, чтобы он не думал о книге, или о Суде, или о том, что случилось вчера вечером, а просто попытался уснуть. Исполнив свой долг, она вернулась к себе, закрыла дверь, задвинула штору и положила книгу в шкаф под свитера. У дверцы шкафа не было замка, а если бы и был, она бы обязательно повернула ключ. Потом Фрэнни улеглась в холодную постель и зажгла прикроватную лампу — на тот случай, если жук из книги поползет по полу, чтобы найти ее еще до рассвета. А после событий вчерашнего вечера такое вполне могло случиться.

IV

1

Уилл съел суп, как послушный пациент, а после того, как Адель измерила ему температуру, собрала все на поднос и удалилась, быстро встал и оделся. Дожливый день уже начал клониться к вечеру, но Уилл был полон решимости не откладывать поход на завтра.

В гостиной работал телевизор, до него донесся спокойный, ровный голос ведущего, а потом, когда мать переключилась на другой канал, — смех и аплодисменты. Этот шум был очень кстати, он заглушал скрип ступенек, когда Уилл спускался в холл. Там, пока он надевал шарф, куртку, перчатки и ботинки, его едва не засекли: отец из кабинета крикнул Адели, что уже устал ждать чай. Может, она отправилась на поле срывать чайные листочки, черт побери? Адель не ответила, и отец понесся на кухню, чтобы выяснить, что происходит. Но Хьюго не заметил сына в сумерках холла, и, пока он выговаривал Адели за медлительность, Уилл приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы протиснуться через узкую щель, — он опасался, что приток холодного воздуха известит всех о его уходе, — выскользнул наружу и отправился в свое вечернее путешествие.

2

Роза не стала скрывать радость, когда выяснилось, что книга исчезла. Она сгорела во время пожара, и говорить было не о чем.

— Значит, ты потерял один из своих драгоценных дневников, — сказала она. — Может, теперь станешь проявлять больше сочувствия, когда я буду тосковать по детям.

— Это вещи несравнимые, — сказал Стип, продолжая разгребать пепел.

Стол превратился в обугленные доски, ручки и кисти — в прах, коробочка с акварельными красками стала неузнаваемой, чернила выкипели. Сумка, в которой лежали

дневники, не попала в огонь, так что погибло не все. Но последний отчет о восемнадцати годах непосильных трудов исчез. И попытка Розы приравнять эту утрату к тому, что испытывала она, когда он пресекал убожеское существование очередного ее выродка, оскорбила Джекоба до глубины души.

— Это труд моей жизни, — заметил он ей.

— Тогда прискорбно. Он делает книги! Прискорбно. — Она наклонилась к Стипу. — Для кого, по-твоему, ты их делаешь? Не для меня. Меня они не интересуют. Ни капельки не интересуют.

— Ты знаешь, почему я их делаю, — мрачно сказал Джекоб. — Чтобы свидетельствовать. Когда придет Господь и потребует, чтобы мы в мельчайших подробностях рассказали Ему о том, что сделано, у нас должен быть отчет. Со всеми подробностями. Только тогда мы будем... Господи Иисусе! Да с какой стати я тебе все это объясняю?

— Ты можешь произнести это слово. Ну, давай же, произнеси его. Скажи: «Прощены». Именно это ты не уставал повторять: «Мы будем прощены». — Она подошла ближе. — Но ты больше в это не веришь? — Роза обхватила его лицо ладонями и добавила неожиданно смиренно: — Будь честным, любовь моя.

— Я по-прежнему... по-прежнему верю, что наши жизни не бесцельны, — ответил Джекоб. — Я должен в это верить.

— А я не верю, — откровенно сказала Роза. — После вчерашней возни я поняла, что во мне не осталось здоровых желаний. Ни малейших. Ни одного. Детей больше не будет. Не будет дома и очага. И не будет дня прощения, Джекоб. Это точно. Мы одни и можем делать все, что хотим. — Она улыбнулась. — Этот мальчик...

— Уилл?

— Нет. Который поменьше — Шервуд. Я дала ему полизать мои сиськи. И знаешь, думала, что находить в таких вещах удовольствие — это извращение, но, господи боже мой, от этой мысли наслаждение лишь усиливалось. И когда этот мальчик ушел, я стала думать: а что еще может доставить мне удовольствие? Какие гадости я еще могу совершить?

— И?

— Мой разум стал взвешивать возможности, — сказала она с улыбкой. — Правда-правда. Если мы не будем прощены, то зачем изображать из себя что-то иное, чем мы есть на самом деле? — Она сверлила его взглядом. — Зачем я буду тратить душевные силы, надеясь на то, чего у нас никогда не будет?

Джекоб уклонился от ее ласк.

— Ты меня не искушай — не получится, — сказал он. — Так что не трать время. Я действую по плану...

— Книга сгорела, — перебила Роза.

— Я сделаю другую.

— А если и она сгорит?

— Сделаю еще одну! И еще! Эта утрата только добавила мне уверенности.

— И мне тоже.

Черты Розы утратили теплоту, и ее совершенная красота стала казаться почти трупной.

— С этой минуты я стану другой женщиной. Буду предаваться наслаждениям, как только появится такая возможность. И любыми доступными средствами. А если кто-то или что-то одарит меня ребенком, я извлеку его из себя заостренной палкой.

Эта мысль пришлась ей по вкусу. Пронзительно рассмеявшись, Роза повернулась спиной к Джекобу и плюнула на пепел.

— Я плюю на твою книгу, — сказала она и плюнула еще раз. — И на прощение. — Она плюнула снова. — И на Господа. Больше Он от меня ничего не получит.

И больше ничего не добавила. Даже не посмотрев, какой эффект все это произвело на Джекоба (она была бы разочарована: он смотрел на нее с каменным лицом), Роза вышла из комнаты. И только когда она скрылась из вида, Джекоб заплакал. Это были мужские слезы, слезы командующего перед разбитой армией или отца на могиле сына. Он скорбел не столько

о книге (хотя и о ней тоже), сколько о себе. Теперь он останется один. Роза — когда-то его любимая Роза, с которой он разделял самые заветные мечты, — пойдет своим путем, а он — своим, с ножом, пишущей ручкой и новым дневником с пустыми страницами. Ах, как это будет тяжело после стольких прожитых вместе лет, когда ему предстоит такая громадная работа и когда небеса так безмерно широки.

И вдруг пришла непрошенная мысль: почему бы не убить ее? Он может немедленно получить компенсацию за случившееся, в этом нет сомнений. Резануть ей по горлу — и конец, она рухнет, как забитая корова. В последние мгновения он утешит ее, скажет о том, как сильно ее любил, хотя и по-своему, как собирался посвящать ей свои труды до самой последней черты. Разорив очередное гнездо, опустошив очередную нору, он говорил бы ей: «Это в твою честь, моя Роза, и это, и это», пока его руки, окровавленные и утомленные, не закончили бы тяжкий труд.

Он вытащил из-за пояса нож, уже представляя, какой звук раздастся, когда лезвие вскрыет ей горло, как с хрипом будет вырываться из него дыхание, как будет пениться кровь. И направился следом за Розой в зал заседаний.

Она ждала, повернувшись к нему, со своими любимыми веревочками в руках (Роза называла их четками), — они вертелись на ее пальцах, словно змейки. Одна метнулась, как только он приблизился, и обхватила его запястье с такой силой, что у Джекоба перехватило дыхание.

— Как ты смеешь?! — воскликнула Роза.

Вторая веревочка прыгнула с ее руки и, обернувшись вокруг его шеи, стянула руку с ножом у него за спиной. Роза сверкнула глазами — хватка стала крепче — и вывернула руку с ножом прямо к его лицу.

— Ты мог бы убить меня.

— Я бы попытался.

— Я стала бесполезна для тебя в качестве чрева, так что вполне могу пойти на обед собакам, так ты решил?

— Нет. Я только... я хотел все упростить.

— Это что-то новенькое, — едва ли не с восторгом сказала она. — Какой глаз — выбирай.

— Что?

— Я хочу выколоть тебе глаз, Джекоб. Этим твоим маленьким ножичком...

Она силой воли затянула веревки. Раздался едва слышный треск.

— Так какой?

— Если ты причинишь мне вред, между нами будет война.

— А война — это мужское дело, и я проиграю. Ты это имеешь в виду?

— Ты сама знаешь, что проиграешь.

— Я о себе ничегошеньки не знаю, Джекоб. Ничуть не больше, чем ты. Я научилась всему, глядя, как женщины делают то, что делают. Возможно, из меня вышел бы прекрасный солдат. А вдруг между нами случится такая война, что ее скорее можно будет назвать любовью, только кровавой? — Она наклонила голову. — Так какой глаз?

— Никакой, — ответил Джекоб, и теперь в его голосе чувствовалась дрожь. — Мне нужны оба глаза, чтобы делать мою работу. Забери один — и можешь забирать жизнь.

— Я хочу компенсацию, — сказала она сквозь зубы. — Хочу, чтобы ты заплатил за то, что собирался сейчас сделать.

— Бери что угодно, только не глаз.

— Что угодно?

— Да.

— Расстегни ширинку.

— Что?

— Ты прекрасно слышал. Расстегни ширинку.

— Нет, Роза.

— Я хочу одно из твоих яиц, Джекоб. Либо яйцо, либо глаз. Решай.
— Прекрати, — сказал он увещательно.
— Я что — должна растаять? Ослабеть от сострадания? — Она покачала головой. —
Растегни ширинку.
Свободной рукой он потянулся к паху.
— Можешь сделать это сам, если тебе так легче. Ну? Легче?
Он кивнул. Она позволила веревочкам на его запястье немного расслабиться.
— Я даже не буду смотреть, — добавила она. — Договорились? И тогда, если ты на секунду потеряешь присутствие духа, об этом никто не будет знать, кроме тебя.
Веревочки отпустили его руку, вернулись к Розе и обернулись вокруг ее шеи.
— Давай.
— Роза...
— Джекоб?
— Если я сделаю это...
— Да?
— Ты никогда никому не расскажешь?
— О чем?
— О том, что у меня чего-то не хватает.
Роза пожала плечами.
— Кого это волнует?
— Скажи, что ты согласна.
— Я согласна. — Она повернулась к нему спиной. — Режь левое. Оно немного провисает — наверно, созрело побольше.

Она ушла, а он остался в коридоре, ощущая рукоять ножа в своей ладони. Он приобрел его в Дамаске через год после смерти Томаса Симеона и с тех пор использовал бесчисленное количество раз. Тот, кто сделал этот нож, не обладал сверхъестественными способностями, но с годами клинок становился только лучше, острее. Он с легкостью вырежет то, чего хочет эта сучка, подумал Джекоб. И на самом деле ему все равно. Теперь ему без надобности то, что лежит в его ладони. Два яйца в кожаном мешочке — только и всего. Он вонзил острие в собственную плоть и набрал полные легкие воздуха. Роза напевала одну из своих чертовых колыбельных. Он дождался высокой ноты и резанул.

V

Уилл не пытался сократить путь до Суда — он пошел через деревню. У развилки стояла телефонная будка, и Уилл подумал, что должен проститься с Фрэнни. Ему хотелось сделать это не столько из дружеских побуждений, сколько из удовольствия, которое доставляло хвастовство. Как это здорово — сказать: «Я уезжаю, как и говорил. Уезжаю навсегда».

Он вошел в будку, нащупывая мелочь в кармане, и стал искать номер телефона Каннингхэмов в потрепанном справочнике — пальцы даже сквозь перчатки ощущали ледяной холод. Но номер он все же нашел, набрал его и приготовился говорить чужим голосом, если трубку снимет отец Фрэнни. Но ответила ее мать и ледяным тоном позвала дочь к телефону. Уилл не стал ходить вокруг да около — сначала потребовал, чтобы Фрэнни покланялась, что никому ничего не скажет, а потом сообщил, что уезжает.

— С ними? — спросила она почти шепотом.
Он сказал, что ее это не касается. Он просто уезжает — и все.
— У меня есть кое-что, принадлежащее Стипу, — сказала она.
— Что?
— Тебя это не касается, — ответила она тем же.
— Ну, хорошо. Я уезжаю с ними. — В его воспаленном мозгу не было ни малейшего сомнения на этот счет. — А теперь — что у тебя?
— Только смотри — им ни слова. Я не хочу, чтобы они приходили сюда и искали.

— Никуда они не придут.

Она помедлила несколько секунд.

— Шервуд нашел книгу. Думаю, она принадлежит Стипу.

— И это все? — спросил Уилл.

Книга. Кому нужна какая-то книга? Он решил, что ей хочется оставить у себя что-нибудь на память об этом приключении. Хотя бы пустяк.

— Это не просто книга, — продолжала она. — Это...

Но Уилл уже закончил разговор.

— Мне пора, — сказал он.

— Погоди, Уилл...

— У меня нет времени. Пока, Фрэнни. Привет Шервуду.

И он повесил трубку, очень довольный собой. Вышел из почти сухой будки и направился к Суду Бартоломеуса.

Выпавший снежок подмерз, и на дороге образовалась наледь, на которую падал новый снег, по мере того как метель усиливалась. Красоту пейзажа мог оценить только он — больше здесь никого не было. Обитатели Бернт-Йарли сидели по домам у каминов, скотина загнана в сарай и хлева, куры покормлены и заперты на ночь в клетки.

Еще немного — и усиливающаяся метель превратит все вокруг в сплошное снежное пятно, но Уиллу хватило смекалки не сводить глаз с живой изгороди, чтобы не пропустить место, через которое он в прошлый раз вышел в поле. Наконец, найдя лазейку, он пробрался на другую сторону. Здания Суда, конечно, не было видно, но Уилл знал, что, если идти прямо через лужайку, рано или поздно он выйдет на ступени парадного входа. Идти было труднее, чем по дороге, и, несмотря на всю решимость, он начал уставать. Руки и ноги дрожали, и с каждым шагом Уиллом все сильнее овладевало желание сесть на снег и немного передохнуть. Но наконец сквозь метель проступили очертания Суда. Он радостно отряхнул снег с онемевшего лица, чтобы этот огонь в нем — в глазах и на коже — сразу был замечен. И стал подниматься по ступеням. Только добравшись до верхней, он понял, что Джекоб стоит в дверях: его силуэт был отчетливо виден на фоне огня, горевшего в глубине дома. Этот огонь не был похож на слабенькое пламя, которое подкармливал Уилл, — то был настоящий костер. И Уилл ни минуты не сомневался, что питает его живое топливо. Уиллу не было видно — какое, да это его особенно и не волновало. Перед ним был его идол, которого он хотел видеть, перед которым хотел предстать. Не просто предстать — Уилл мечтал, чтобы Джекоб его обнял. Но тот не шевелился. И тогда Уилла охватил страх: что, если он не так все понял, что, если здесь он нужен не больше, чем дома, откуда ушел. Он замер на предпоследней ступеньке в ожидании приговора. Но не услышал ни слова. Он даже не был уверен, что Джекоб видел его прежде.

Наконец этот человек с лицом, почти невидимым в темноте, изрек тихим хриплым голосом:

— Я вышел сюда, даже не зная, кто мне нужен. Теперь знаю.

Уиллу удалось выдавить из себя всего один звук.

— Я?

Джекоб кивнул.

— Я искал тебя, — сказал он и распростер объятия.

Уилл с радостью бросился бы в них, но тело настолько ослабело, что уже не слушалось. Он поднялся на верхнюю ступеньку, но споткнулся. Вытянутые руки двигались слишком медленно и не успели прикрыть голову, которой он ударился о холодный камень. Падая, Уилл слышал крик Джекоба, звуки его шагов по ледяной корке, когда он бросился на помощь.

— Ты жив? — спросил Джекоб.

Уиллу показалось, что он ответил, но уверенности не было. Он почувствовал, как Стип берет его на руки, ощутил теплоту его дыхания на своем замерзшем лице.

«Я дома», — подумал он и потерял сознание.

VI

1

Зимой по четвергам на обед в доме Каннингхэмов подавали сочную тушеную ягнятину, картофельное пюре и морковь, жаренную в масле. Обеду, как и всем другим трапезам, неизменно предшествовала молитва «Пусть поможет нам Господь исполниться благодарности за дары Его». В тот вечер за столом почти не разговаривали, но так случилось нередко: Джордж Каннингхэм истово верил, что всему должно быть свое время и место. Обеденный стол предназначался для обедов, а не для бесед. За обедом состоялся лишь один словесный обмен, заслуживающий этого названия, и случилось это, когда Джордж остановил взгляд на Фрэнни, которая размазывала еду по тарелке. Он резко сказал ей, что нужно есть.

— Я вообще-то не хочу, — ответила Фрэнни.

— Ты что — заболела? — спросил он. — Впрочем, после вчерашнего это неудивительно.

— Джордж, — сказала его жена, бросая сердитые взгляды на Шервуда, который сегодня тоже не отличался аппетитом.

— Нет, вы посмотрите на эту парочку, — сказал Джордж потеплевшим голосом. — Вы похожи на пару утопленных щенков, вот на кого.

Он погладил дочь по руке.

— Ну кто в жизни не ошибается! Вот и ты ошиблась, но, что касается меня и твоей матери, мы обо всем уже забыли. Если только вы усвоили урок. А теперь давайте-ка есть. И улыбнитесь папочке.

Фрэнни попыталась.

— И это все, на что ты способна? — фыркнул отец. — Ну ничего, выпишься — и придешь в себя. Домашнее задание у тебя большое?

— Не очень.

— Давай-ка иди и делай его. А мама с Шервудом займутся посудой.

Благодарная за то, что ее отпустили из-за стола, Фрэнни поднялась к себе, честно собираясь подготовиться к уроку истории, но лежавшая перед ней книга была такой же нечитаемой, как дневник Джекоба, и гораздо менее интересной. Наконец она бросила читать биографию Анны Болейн и с виноватым видом вытащила дневник из тайника, чтобы еще раз попытаться его расшифровать. Но не успела она открыть книгу, как услышала телефонный звонок, и мать, коротко поговорив по телефону, вызвала ее на лестничную площадку. Фрэнни засунула дневник под учебники, чтобы не оставлять на виду, и вышла за дверь.

— Это отец Уилла, — сказала мать.

— Чего он хочет? — спросила Фрэнни, прекрасно понимая, чего он может хотеть.

— Уилл исчез. Ты, случайно, не знаешь, куда он мог отправиться?

Фрэнни дала себе немного времени, чтобы обдумать ситуацию. В эту минуту она услышала, как порыв ветра швырнул снегом в окно на лестничной площадке, и подумала об Уилле, который идет сейчас по этому жуткому холоду. Она, конечно, знала, куда он пошел, но обещала молчать и сдержит слово.

— Не знаю.

— Он разве не сказал, когда звонил? — спросила мать.

— Нет, — не колеблясь ответила Фрэнни.

Это известие было тут же передано отцу Уилла, а Фрэнни вернулась в свою комнату. Но сосредоточиться уже не могла — ни на уроках, ни на чем-то другом. Мысли снова и снова возвращались к Уиллу, который сделал ее соучастницей своего побега. Если с ним что-то случится, то отчасти в этом будет виновата и она, по крайней мере, будет так чувствовать, а это одно и то же. Искушение рассказать то небольшое, что ей было известно, и снять бремя со

своих плеч было непреодолимым. Но слово есть слово. Уилл принял решение — он хотел бежать куда-нибудь подальше отсюда. И разве какая-то ее часть не завидовала той легкости, с которой он это сделал? У нее такой легкости, пока жив Шервуд, не будет. Когда родители состарятся или умрут, за ним кто-то должен будет присматривать, и — как Фрэнни ему и пообещала — этим кем-то будет она.

Фрэнни подошла к окну и на затуманенном стекле тыльной стороной ладони расчистила немного места. Под уличным фонарем видно было, как идет снег, похожий на хлопья белого огня, раздуваемого ветром, который гудит в проводах и громыкает по карнизам. Она целый месяц назад слышала, как отец говорил, что фермеры из «Большого ковша» предупреждают: зима будет суровая. Сегодняшний вечер — первое доказательство, что прогноз верен. Не лучшее время для побега, но его уже можно считать свершившимся. Уилл где-то среди этой метели. Он сделал выбор. Она могла только надеяться, что последствия не будут роковыми.

2

Шервуд лежал без сна на тесной кровати в своей узкой комнате рядом с комнатой Фрэнни. Уснуть ему мешала вовсе не снежная буря, а воспоминания о Розе Макги, от которых все, что он знал и видел раньше, делилось на черное и белое. Несколько раз этой ночью ему казалось, что она здесь, с ним, в этой комнате, настолько ярким было в его памяти пережитое. Он отчетливо видел ее — сиськи, лоснящиеся от его слюны. И хотя в конце она напугала его, подняв юбки, именно это мгновение он снова и снова прокручивал в уме, каждый раз надеясь продолжить ее движение на несколько секунд, чтобы юбки поднялись до пупка и он увидел то, что она хотела показать. У него возникло несколько представлений о том, что там могло быть: этакий неровный рот, волосяной кустик (может быть, зеленоватый, как травка), простая круглая дырочка. Но в любой форме оно было влажным — в этом не было сомнений, и иногда ему казалось, что он видит, как капельки влаги скатываются по внутренней стороне ее бедер.

Он, конечно, никогда никому не сможет рассказать об этих воспоминаниях. А вернувшись в школу, не сможет похвастаться перед одноклассниками тем, что у него случилось с Розой, и уж конечно не посмеет поведать об этом кому-нибудь из взрослых. Люди и без того считают, что он не такой, как все. Когда он ходил по магазинам с матерью, они пялились на него, делая вид, что заняты чем-то другим, и вполголоса говорили о нем. Но он слышал. Они говорили, что он не такой, как все, что у него с головой не порядок, что он крест для своих родителей и что, слава богу, его мать христианка. Он все это слышал. А потому воспоминания о Розе придется скрывать от всех, чтобы никто о них не узнал, иначе пойдут новые слухи, снова при виде его люди начнут покачивать головами.

Он не возражал. Напротив, ему даже нравилась мысль запереть Розу в своей голове, там, где только он сможет смотреть на нее. Кто знает, может, со временем он найдет способ поговорить с ней, убедит поднять юбку повыше, еще повыше, чтобы разглядеть тайное местечко.

А тем временем он терся животом и бедрами о тяжелое одеяло, изо всех сил прижимая руки ко рту, словно его ладони были ее грудью и он снова лизал ее. И хотя он все последнее время провел в рыданиях, слезы были забыты в свете этих трепетных воспоминаний, а в паху он ощущал необычный жар.

«Роза, — бормотал он в ладонь. — Роза, Роза, Роза...»

VII

Когда Уилл открыл глаза, огонь, который прежде пылал, превратился в маленькие язычки пламени. Но Джекоб положил гостя поближе к ним — туда, где теплее, где затухающий огонек мог согреть его продрогшие кости. Уилл сел и понял, что укутан в

пальто Джекоба, а под пальто на нем ничего нет.

— Это был смелый поступок, — сказал кто-то по другую сторону огня.

Уилл прищурился, чтобы разглядеть говорившего. Конечно, это был Джекоб. Он сидел, прислонившись к стене, и смотрел на него сквозь пламя. Уиллу показалось, что Джекоб слегка не в себе, словно из сочувствия к слабости Уилла. Но если Уилл из-за болезни быстро уставал, то Стип от своего недуга светился: бледная блестящая кожа, слипшиеся пряди на мощных мышцах шеи. Грубая серая рубаша расстегнута до пупа, а на груди поросль темных волос, которые по складкам живота доходят до пояса. Когда он улыбался, как теперь, глаза и зубы сверкали, словно сделанные из одного и того же вечного материала.

— Ты болен, но все же сумел найти дорогу в этой метели. Это говорит о мужестве.

— Я не болен, — возразил Уилл. — Ну, то есть... был болен немного, но теперь все прошло...

— Выглядишь прекрасно.

— И чувствую себя тоже. Я готов отправляться в любой момент, когда скажете.

— Куда отправляться?

— Куда скажете, — ответил Уилл. — Мне все равно. Я не боюсь холода.

— Ну разве это холод? Это не те зимы, что довелось выносить нам с этой сучкой.

Джекоб бросил взгляд в сторону зала заседаний, и Уиллу показалось, что сквозь дымок он заметил презрительное выражение, мелькнувшее на лице Джекоба. Мгновение спустя прежний взгляд снова устремился на Уилла, но в нем появилось какое-то напряжение.

— Я вот думаю, может, ты послан мне Богом или кем-то еще, чтобы стать моим спутником? Понимаешь, с этого дня я больше не буду путешествовать с миссис Макги. Мы с ней решили расстаться.

— И вы... долго с ней путешествовали?

Джекоб, теперь сидевший на корточках, подался вперед и, взяв палку, стал перемешивать угли в костре. Там еще оставалось несгоревшее топливо, и оно занялось.

— Так долго, что и вспоминать не хочется, — сказал он.

— А почему теперь вы расстаетесь?

В свете мигавшего пламени (то, что в нем сгорало, при жизни успело набрать жиру) Уилл увидел гримасу на лице Джекоба.

— Потому что я ее ненавижу, — ответил он. — А она ненавидит меня. Если бы я был попроворнее, то убил бы ее сегодня. А после этого мы с тобой разожгли бы костер, верно я говорю? Могли бы обогреть половину Йоркшира.

— И вы бы в самом деле убили ее?

Джекоб поднес к свету левую руку. Она была покрыта чем-то липким, похожим на кровь, но смешанным с хлопьями серебряной краски.

— Это моя кровь. Пролилась потому, что я не сумел пролить кровь Розы. — Он перешел на шепот. — Да. Я бы ее убил. Но потом жалел бы об этом. Мы с ней как-то связаны. Как именно — я никогда не понимал. Если бы я причинил ей зло...

— То причинили бы зло самому себе? — отважился вставить Уилл.

— Ты это понимаешь? — несколько озадаченно выговорил Джекоб и добавил спокойнее: — Господи, что же я нашел?

— У меня был брат, — ответил Уилл, пытаясь объяснить. — Когда он умер, я был счастлив. Нет, не то чтобы счастлив. Это звучит ужасно...

— Ты был счастлив — так и говори, — сказал Джекоб.

— Да, был, — продолжал Уилл. — Я радовался тому, что он умер. Но после его смерти я стал другим. В некотором роде то же самое и у вас с миссис Макги? Если бы она умерла, вы бы стали другим. И может быть, совсем не тем, кем вам бы хотелось.

— Этого я тоже не знаю, — тихо ответил Джекоб. — Сколько лет было твоему брату?

— Пятнадцать с половиной.

— И ты его не любил?

Уилл отрицательно покачал головой.

— Ну, это достаточно просто.

— А у вас есть братья? — спросил Уилл, и теперь уже Джекоб покачал головой. — А сестры?

— Нет, — сказал он. — А если и были, что вполне возможно, то я их не помню.

— Иметь братьев и сестер и не помнить?

— Иметь детство. Иметь родителей. Родиться. И ничего этого не помнить.

— Я тоже не помню, как родился.

— Нет-нет, ты помнишь. Там, глубоко-глубоко, — он постучал себя по груди, — есть воспоминания. Если бы только знать, как их найти.

— Может, они и у вас есть, — предположил Уилл.

— Я смотрел, — ответил Джекоб. — Заглядывал настолько глубоко, насколько хватало духу. Иногда мне кажется, что я их чувствую. Момент озарения — а потом все проходит.

— Что такое озарение? — спросил Уилл.

Джекоб улыбнулся, радуясь возможности побыть учителем.

— Это малая толика благодати. Мгновение, когда ты без всякой видимой причины вдруг начинаешь понимать все или чувствуешь, что можешь понять.

— Думаю, со мной такого никогда не случалось.

— Может, и случалось, только ты не запомнил. Такие моменты трудно удержать в памяти. А если они остаются, иногда это хуже, чем если бы ты совсем о них забыл.

— Почему?

— Потому что они издеваются над тобой. Напоминают, что есть вещи, стоящие того, чтобы их слышать, чтобы их видеть.

— Расскажите мне о каком-нибудь, — сказал Уилл. — О каком-нибудь из этих озарений.

Джекоб усмехнулся.

— Это приказ?

— Я не хотел...

— Не говори, что не хотел, когда на самом деле хотел, — сказал Джекоб.

— Хорошо, хотел, — согласился Уилл, начиная видеть систему в том, о чем просил Джекоб. — Я хочу, чтобы вы рассказали мне об одном из озарений.

Джекоб снова переворочил угли в костре и откинулся к стенке.

— Помнишь, я тебе сказал, что мне приходилось видеть зимы и посуровее этой?

— Да, — кивнул Уилл.

— Так вот. Одна была хуже всех. Зима тысяча семьсот тридцать девятого. Мы с миссис Макги были в России...

— Тысяча семьсот тридцать девятого?

— Никаких вопросов, — сказал Джекоб. — Или больше я не скажу ни слова. Такого холода я в жизни не испытывал. Птицы замерзали в полете и камнем падали на землю. Люди умирали миллионами, и мертвецы лежали штабелями непохороненные, потому что землю невозможно было копать. Ты не можешь себе представить... Впрочем, не исключено, что можешь. — Он улыбнулся Уиллу какой-то странной улыбкой. — Можешь это вообразить?

Уилл кивнул.

— Пока могу.

— Хорошо. Так вот. Я был в Санкт-Петербурге, притащил с собой миссис Макги. Насколько мне помнится, она не хотела, но там был один ученый доктор по фамилии Хруслов, который выдвинул теорию, что этот смертельный холод является началом ледникового периода, что акр за акром он будет поглощать землю, уничтожая душу за душой, один вид животных за другим... — Джекоб, не переставая говорить, сжал окровавленную руку в кулак, так что побелели костяшки пальцев. — Пока на ней не останется ничего живого.

Он разжал, пальцы и сдул серебристую пыль засохшей крови с ладони в затухающий костер.

— Естественно, мне нужно было услышать, что он скажет. К сожалению, ко времени моего приезда он уже умер.

— От холода?

— От холода, — ответил Джекоб, не возразив против вопроса, несмотря на свою угрозу. — Я бы сразу покинул город, но миссис Макги пожелала остаться. Императрица Анна недавно казнила несколько человек, которых народ любил, и теперь приказала соорудить ледяной дворец, чтобы развлечь недовольных подданных. Так вот, если миссис Макги что и нравится, так это всякие искусные поделки. Цветы из шелка, фрукты из воска, кошки из фарфора. И дворец этот должен был превзойти все сооружения из искусственного льда, когда-либо возведенные человеком. Архитектором был человек по фамилии Еропкин. Я был с ним шапочно знаком. Следующим летом императрица казнила его как предателя. Понимаешь, это ведь была не последняя зима на свете, но для него — последняя. Дворец простоял несколько месяцев на берегу реки между Адмиралтейством и Зимним дворцом. Еропкиным восхищались, его хвалили, он был самым знаменитым человеком в Санкт-Петербурге.

— Почему?

— Потому что создал шедевр. Уилл, я думаю, ты никогда не видел ледяной дворец? Не видел. Но принцип ты понимаешь. Из речного льда вырезают блоки, такие прочные, что могут выдержать целую армию, потом их подгоняют и укладывают — так строят и обычные дворцы...

Вот только... в Еропкина той зимой вселился гений. Словно вся его жизнь была вступлением к этому триумфу. Он велел каменщикам брать только лучший, чистейший лед, голубой и белый. По его указке из льда вырезали деревья для сада вокруг дворца: на ветвях сидели ледяные птицы, а между стволов сновали ледяные волки. У парадных дверей расположились ледяные дельфины, которые словно выпрыгивали из пенящихся вод. А на ступенях играли ледяные собаки. Помню, на пороге небрежно разлеглась сука, вылизывающая щенков. А внутри...

— Что — и внутрь можно было заходить?

— Конечно. Там был бальный зал с люстрами. Зал приемов с огромным камином, в котором горел ледяной огонь. Спальня с колоссальной кроватью под балдахином. И конечно, люди приходили десятками тысяч, чтобы посмотреть на это чудо. На мой взгляд, в темноте дворец смотрелся лучше, чем днем, потому что по вечерам вокруг зажигали тысячи фонарей и костров, а стены были прозрачные, поэтому видны были многочисленные слои этого сооружения...

— Как рентген.

— Именно.

— И вот тогда у вас и был миг... этого...

— Озарения? Нет. Это случилось позднее.

— И что стало с дворцом?

— А ты как думаешь?

— Он растаял.

Джекоб кивнул.

— Я вернулся в Санкт-Петербург поздней весной, так как узнал, что обнаружены записки мудрейшего доктора Хрушова.

Обнаружены-то они и в самом деле были, только вдова их сожгла, приняв за амурные письма доктора к любовнице. В общем, было уже начало мая, и дворец к тому времени исчез.

Я спустился к Неве (покурить или помочиться — не помню зачем), и, когда смотрел на воду, что-то зацепило меня за... я хочу сказать «за душу», если таковая у меня есть... И я подумал обо всех этих чудесах и представил, что и волки, и дельфины, и шпили, и люстры, и птицы, и деревья каким-то образом ждут в воде. Обитают там, только я не могу их увидеть...

— Он больше не смотрел на Уилла — уставился огромными глазами в догорающий костер.

— Готовые ожить. И я подумал, что если брошусь туда и утону в реке, то на следующий год,

когда вода замерзнет и если императрица Анна пожелает построить еще один дворец, буду присутствовать в каждой его части. Джекоб в птице, Джекоб в дереве, Джекоб в волке.

— Но никто из них не будет живым.

Джекоб улыбнулся.

— В этом-то и суть, Уилл. Чтобы не быть живым. Идеальное состояние. Я был там, на берегу, и радость кипела во мне, Уилл, просто... переливалась через край. Я хочу сказать, что в этот момент сам Господь не мог быть счастливее. И это — отвечаю на твой вопрос — было мое русское озарение.

Он умолк в почтительном трепете перед этим воспоминанием. Стало тихо, если не считать потрескивания умирающего костра. Уиллу была на руку эта тишина — ему хотелось обдумать услышанное. История Джекоба вызвала столько образов у него в голове. Ледяные птицы сидят на вырезанных из льда ветках и кажутся более живыми, чем замерзшие птичьи стайки, упавшие на землю с холодных небес. Люди (недовольные подданные императрицы Анны), пораженные шпильями и огнями и смилившиеся со смертью великих людей. И река следующей весной, река, на берегу которой сидел Джекоб, глядя в бегущие воды и ощущая благодать.

Если бы кто-нибудь спросил его, что все это значит, он не смог бы ответить. Но ему было все равно. Джекоб этими образами заполнил в нем некую пустоту, и Уилл был благодарен за этот дар.

Наконец Джекоб стряхнул с себя воспоминания и разворошил напоследок почти погасший костер.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что сделал для меня.

— Что хотите.

— Ты как себя чувствуешь?

— Нормально.

— Можешь встать?

— Конечно.

Уилл в доказательство своих слов встал вместе с пальто. Оно оказалось тяжелее, чем он думал, и, когда он поднялся, соскользнуло с плеч. Уилл не стал утруждаться — поднимать его. Стало почти совсем темно, и Джекоб не мог увидеть его наготу. А если бы и увидел — разве не он раздел Уилла несколько часов назад и уложил поближе к костру? Между ними не было тайн — между Уиллом и Джекобом.

— Я нормально себя чувствую, — заявил Уилл, разминая ноги.

— Возьми...

Джекоб показал на одежду Уилла, которая была разложена на просушку с другой стороны костра.

— Оденсья. Нам предстоит нелегкое восхождение.

— А миссис Макги?

— Сегодня она нам не нужна, — сказал Джекоб. — А после того, что мы совершим на холме, и вовсе будет не нужна.

— Почему?

— Потому что я перестану нуждаться в ее обществе. У меня будешь ты.

VIII

1

Бернт-Йарли — слишком маленькая деревушка, чтобы в ней был свой полицейский. В нескольких случаях, когда в долине требовалось присутствие полиции, из Скиптона присылали машину. Сегодня вызов поступил около восьми (тринадцатилетний мальчишка исчез из дома), и в половине девятого машина с констеблями Мейнардом и Хемпом

подъехала к дому Рабджонсов. Никакой информации им предоставить не могли. Парнишка исчез из своей спальни приблизительно между шестью и семью. Повышенная температура или выписанные лекарства вряд ли могли вызвать у него горячку, и на похищение тоже ничто не указывало, поэтому следовало допустить, что он ушел по собственной воле и в здравом уме. Родители понятия не имели, где он может находиться. Друзей у него почти не было, а те, что были, тоже ничего не знали. Отец, чьи высокомерные манеры отнюдь не расположили к нему полицейских, высказал идею, что мальчишка удрал в Манчестер.

— С какой стати? — поинтересовался Дуг Мейнард, который с первого взгляда почувствовал неприязнь к Рабджонсу.

— В последнее время он был не очень счастлив, — ответил Хьюго. — Мы серьезно поговорили.

— Насколько серьезно?

— Что вы имеете в виду? — хмыкнул Хьюго.

— Я ничего не имею в виду. Я задаю вам вопрос. Позвольте его конкретизировать. Вы его поколотили?

— Господи боже, нет. И позвольте заметить, что подобные инсинуации вызывают у меня негодование...

— Отложим пока ваше негодование, хорошо? — сказал Мейнард. — А когда найдем парнишку, негодуйте сколько вам угодно. Если он бродит где-то неподалеку, нам нужно торопиться: у него не так много времени. Температура продолжает падать...

— Не могли бы вы говорить потише?! — прошипел Хьюго, бросив взгляд в сторону открытой двери. — Моя жена и без того взвинчена.

Мейнард кивнул напарнику.

— Поговори-ка с ней, Фил.

— Она не знает ничего такого, что было бы неизвестно мне, — сказал Хьюго.

— Вы удивитесь, но ребенок может сказать что-то одному из родителей и не сказать другому, — заметил Мейнард. — Фил будет тактичен, я верно говорю, Фил?

— Я буду сама деликатность.

И он вышел из комнаты.

— Значит, вы его не били, — сказал Мейнард, глядя на Хьюго. — Но серьезно поговорили...

— Он вел себя как полный идиот.

— И что же он делал?

— Ничего существенного, — сказал Хьюго, отмечая вопрос. — Ушел из дома как-то днем...

— Значит, он и прежде убегал?

— Он не убегал.

— Может, это вам он так сказал.

— Он мне не лжет, — отрезал Хьюго.

— Откуда вы знаете?

— Потому что я его насквозь вижу. — И он смерил Мейнарда усталым взглядом, которым обычно удостаивал учеников-тугодумов.

— И куда же он уходил тогда днем — вы знаете?

Хьюго пожал, плечами.

— Как и обычно — никуда.

— Если вы были так же откровенны со своим сыном, как сейчас со мной, меня не удивляет, что он убежал, — сказал Мейнард. — Куда он уходил?

— Я не нуждаюсь в ваших лекциях о воспитании детей, — вспылil Хьюго. — Мальчишке тринадцать лет. Если он хочет шляться по холмам — это его личное дело. Я не спрашивал у него подробностей. А разозлился только потому, что расстроилась Элеонор.

— Вы думаете, он отправился на холмы?

— У меня создалось такое впечатление.

— Может, он и сегодня отправился туда же?
— Отправиться туда в такой вечер — для этого нужно выжить из ума.
— Ну, если он в отчаянии, то в этом нет ничего удивительного, — заметил Мейнард. — Откровенно говоря, если бы вы были моим отцом, я бы подумывал о самоубийстве.
Хьюго начал было гневную отповедь, но Мейнард уже вышел из комнаты. Фила он нашел на кухне — тот наливал чай.
— Нам предстоит поиски на холмах, Фил. Попробуй-ка выяснить, не помогут ли местные жители, — Он выглянул в окно. — Погодка не улучшается. В каком там состоянии мамочка?
Фил скорчил гримасу.
— Ни в каком, — сказал он. — Она проглотила столько таблеток, что ими можно было усыпить всю эту дурацкую деревню. А когда-то была очень даже ничего.
— Поэтому ты готовишь ей чай, — заметил Дуг, шутливо ткнув его локтем под ребра.
— Вот подожди — заложу тебя Кати.
— Возникают вопросы.
— Какие еще?
— Рабджонс, она и этот парнишка. — Фил насыпал в чай ложку сахара. — Не очень счастливое семейство.
— И что ты думаешь?
— Ничего, — сказал Фил, кидая ложку в раковину. — Просто не очень счастливое семейство.

2

Поисковую партию направляли в долину не впервые. Такое случалось раз или два в год: обычно ранней весной или поздней осенью какой-нибудь любитель побродить по холмам запаздывал, и, если были причины для опасений, созывали команду добровольцев — они помогали искать. В холмах в такое время было небезопасно. Неожиданно опускался туман, и тогда становилось невозможно сориентироваться, осыпи и валуны могли оказаться ненадежной опорой. Обычно происшествия такого рода заканчивались благополучно. Но не всегда. Были случаи — хотя и редкие, но все же были, — когда никаких следов пропавшего так и не обнаруживали: человек падал в трещину или провал и исчезал навсегда.

В начале одиннадцатого Фрэнни услышала шум машин на улице и вылезла из кровати, чтобы посмотреть, что происходит. Догадаться было нетрудно. Она увидела группу человек из двенадцати (все они были тепло одеты), сгрудившихся посреди улицы. Хотя они были далеко и всюду валил снег, некоторых Фрэнни узнала. Мистера Доннели, владельца мясной лавки, трудно было не узнать (такого живота в деревне ни у кого не было; его сынок Невил, с которым Фрэнни училась в школе, унаследовал отцовское телосложение). Еще она узнала мистера Саттона, хозяина паба, его окладистая рыжая борода так же бросалась в глаза, как и живот мистера Доннели. Она поискала взглядом отца, но не нашла. В августе, играя в футбол, отец сломал ногу, которая все еще побаливала, поэтому он и решил (или его убедила мама) остаться дома, предположила Фрэнни.

Толпа внизу стала разделяться: четыре группы по три человека и одна из двух. Фрэнни смотрела, как они направились к машинам, громко переговариваясь. Посреди улицы образовалась пробка: некоторые машины развернулись, другие ехали бок о бок — водители напоследок обменивались мнениями насчет поиска. Наконец улица опустела, звук моторов становился все тише, пока не смолк совсем, — поисковые группы отправились по оговоренным маршрутам.

Фрэнни стояла у окна, глядя, как снег замечает следы шин. Ей вдруг стало нехорошо. А если что-нибудь случится с одним из тех, кто сейчас отправился на поиски, каково ей будет — ведь она, глядя, как они уезжают в метель, знала, где нужно искать Уилла.

— Ты придурок, Уилл Раджонс, — сказала Фрэнни, коснувшись губами ледяного стекла. — Если я когда-нибудь увижу тебя еще раз, мало тебе не покажется.

Пустая угроза, конечно, но Фрэнни стало немного легче, когда она начала вымещать злость на Уилле, ведь это из-за него она попала в безвыходную ситуацию. Он ее просто бросил, а это еще хуже. Она могла держать слово и молчать, но то, что он убежал в большой мир и оставил ее здесь, хотя она так старалась, так унижалась, чтобы с ним подружиться, — этого она ему не простит.

Фрэнни уже улеглась в кровать, когда снизу донесся голос отца. Значит, он дома. Это ее немного утешило. Она не разобрала, что он сказал, но знакомый медленный темп его речи рассеял тревогу, убаюкивая, — Фрэнни стала гнать прочь дурные мысли и вскоре уснула.

IX

1

Восхождение не было трудным для Уилла, потому что рядом шел Джекоб. Если перед ними оказывался слишком крутой склон, Джекобу достаточно было слегка коснуться сзади шеи Уилла — часть силы Джекоба через кончики его пальцев переходила к Уиллу, и он шагал в ногу с Джекобом. Иногда после такого прикосновения Уиллу казалось, что он и не идет вовсе, а без всяких усилий скользит по снегу и камням.

Ветер был слишком сильный — говорить невозможно, но он несколько раз чувствовал, как разум Джекоба касается его сознания. Когда это происходило, мысли Уилла устремлялись туда, куда их направляли: вверх по склону, где время от времени мелькал пункт их назначения; вниз, в долину, которую они покинули, — иногда там, если порывы ветра стихали, становилась видна жалкая деревенька. Уилла ничуть не удивляла такая близость, соприкосновение разума с разумом. Стип не похож на других людей — Уилл понял это с самого начала. «Живя или умирая, мы все равно питаем огонь». Такой урок не каждый может преподать. Он объединил усилия с этим необыкновенным человеком, чьи тайны станут постепенно раскрываться перед ним, по мере того как они будут узнавать друг друга в грядущие годы. И не будет границ этому познанию. Последняя мысль в его голове была яснее других, и он был уверен, что Стип уже прочел ее. Уилл будет делать все, что скажет этот человек. Вот так будут обстоять дела между ними с настоящего момента. Уилл был готов и на гораздо большее ради того, кто дал ему столько, сколько не давала любая другая живая душа.

2

Роза сидела в здании Суда в темноте и прислушивалась. У нее всегда был острый слух, и нередко это ей досаждало. Случалось (это могло продолжаться днями, даже неделями), она нарочно напивалась, чтобы впасть в состояние легкой прострации (обычно в дело шел джин, но годилось и виски), чтобы приглушить звуки, которые донимали ее со всех сторон. Это не всегда помогало. Хуже того, несколько раз оборачивалось против нее и не ослабляло звуки мира, а только лишало способности контролировать мысли. То были жуткие, болезненные времена. Она бесилась, грозила сделать с собой что-нибудь (например, проколоть барабанные перепонки или выдавить глаза), если Джекоб не трахнет ее, чтобы утешить. Обычно это помогало. Придется в будущем быть осторожнее с выпивкой, подумала она, по крайней мере до того времени, пока она не найдет кого-нибудь, кто будет совокупляться с ней вместо Стипа. Жаль, что этот мальчонка такой маленький, а то она могла бы поиграть с ним какое-то время. Она, конечно, довольно быстро его уморила бы. Когда от случая к случаю она ложилась в постель с кем-то еще, кроме Стипа, то всегда испытывала разочарование. Какими бы мужественными и страстными они ни казались, никто не обладал и малой долей непреходящей силы Джекоба. Черт побери, ей будет его не хватать. Он был ей больше чем

муж, больше чем любовник, он возбуждал ее до умопомрачения, предлагая самые разные способы соития, которые она никогда не осмелилась бы допустить — а уж тем более получить от них наслаждение — с кем-то другим, будь то человек или животное.

Животное. Кстати, интересная мысль. Может быть, стоит поискать трахаря за пределами ее вида. Она подумывала об этом и прежде. Жеребцу по имени Таллис здорово повезло. Но она в этом деле не позволила себе, так сказать, полностью отпустить поводья. Тогда ей показалось, что это довольно неловкий способ обслуживать себя, не говоря уже об антисанитарии. Но теперь, когда Джекоба нет, ей придется расширить приемлемый круг. Может быть, хватит терпения найти в диком мире животное, равное ей по страсти.

А пока она прислушивалась: к снегу, который падал на крышу Суда и ступени, на траву, дорогу, дома, холмы; к лаю собак; к мычанию коров в сарае; к бормотанию телевизора; к крику детей; к глупостям, которые бормочет во сне кто-то старый и бесстрастный (она не могла разобрать, мужчина или женщина, потому что возраст стирал различия).

Потом она услышала кого-то поближе. Шаги по обледенелой дороге; дыхание, срывающееся с растресканных губ. Нет, это было дыхание не одного человека — двух, оба мужчины. Еще секунда — и один из них заговорил.

— А что насчет Суда?

Она решила, что голос принадлежит толстому.

— Наверно, стоит взглянуть, — без особого энтузиазма отозвался другой. — Если у парнишки есть хоть немного здравого смысла, он должен искать тепло.

— Если б у него было хоть немного здравого смысла, этот идиот вообще не убежал бы из дома.

Они сейчас придут сюда, подумала миссис Макги, поднимаясь с судейского кресла. Они ищут парнишку — сострадательные мужчины, ах, как она любит сострадательных мужчин! — и думают, что найдут его здесь.

Роза откинула назад волосы и пощипала щеки, чтобы вызвать румянец — минимум, который был в пределах ее возможностей. Потом она стала расстегивать на себе платье, чтобы привлечь внимание, когда они войдут. Может, ей и не придется становиться раком для совокуплений в сараях, может быть, пара мужчин сможет заменить одного ушедшего, по крайней мере, на сегодняшнюю ночь.

3

Когда Уилл и Джекоб увидели вершину холма, метель уже стихала, уходя на юго-запад. Сквозь редяющий снег Уилл разглядел деревья наверху. Листьев на них, конечно, не осталось (те, что не опали осенью, сорвал ветер), но они росли так тесно и в таком количестве, что могли укрывать друг друга, пока были маленькие, а потом подросли и стали рощицей.

Теперь, когда ветер поутих, Уилл громко задал вопрос:

— Мы сюда идем?

— Сюда, — ответил Джекоб, не глядя на него.

— Зачем?

— Затем, что нам предстоит работа.

— Какая? — спросил Уилл.

На вершину набегали облака, и Уилл, задав свой вопрос, увидел за деревьями клочок темного, усыпанного звездами неба. Словно кто-то распахнул дверь. Вид был такой красоты, что Уилл почти поверил, что это дело рук Джекоба. Но скорее всего (и это показалось еще чудеснее в некотором смысле), они просто добрались сюда именно в этот прекрасный момент. Они с Джекобом путники, осененные свыше.

— Понимаешь, в этих деревьях живет птица, — продолжал Джекоб. — Вообще-то даже две. И я хочу, чтобы ты убил их для меня, — сказал он почти ровным тоном, словно речь шла о пустяке. — У меня есть нож, и я хочу, чтобы ты сделал эту работу.

Он внимательно посмотрел на Уилла.

— Ты парень городской, а потому с птицами, вероятно, не так опытен, как с мотыльками и им подобными.

— Да, не так... — сознался Уилл, надеясь, что сказал это без тени сомнения или недовольства. — Но я уверен, что это не трудно.

— Насколько я понимаю, ты ешь птичье мясо.

Конечно, он ел птичье мясо. Ему нравились жареная курица и индейка на Рождество. Он даже пирог с голубятиной пробовал — его приготовила Адель, сказав, что это вовсе не те грязные голуби, которые знакомы Уиллу по Манчестеру.

— Я его люблю, — сказал он.

Убить птицу казалось тем легче, что он представил куриный окорочок, приготовленный на жаровне.

— А как я узнаю, каких птиц нужно...

— Не бойся, произнеси это слово.

— ...убить.

— Я их тебе покажу, можешь не беспокоиться. Это, как ты сказал, не трудно.

Разве он так говорил? Теперь надо доказать, что это не хвастовство.

— Смотри, будь с ним поосторожнее, — сказал Джекоб, передавая Уиллу нож. — Он очень острый.

Уилл бережно взял оружие. Ему показалось — или в самом деле с клинка в его костный мозг передалась какая-то энергия? Он был почти уверен. Вообще-то это очень тонкая энергия, но, когда пальцы обхватили рукоять, Уиллу показалось, что он знает этот нож как друга, словно они давно знакомы.

— Хорошо, — сказал Джекоб, видя, как Уилл бесстрашно принял оружие. — Судя по всему, ты настроен серьезно.

Уилл ухмыльнулся. Он и в самом деле был серьезно настроен совершить то, на что способен этот нож.

Они уже достигли границы рощи, а поскольку тучи рассеялись, свет звезд озарил каждую отягощенную снегом ветку, каждый пруттик. Уилл испытывал какой-то затаенный страх, дурное предчувствие в связи с тем, что ему предстояло сделать (нет, он сомневался не в своей способности убить — он не знал, хватит ли ему сноровки), но старался не показывать этого Джекобу. Он шел между деревьев, на шаг опережая своего спутника, и вдруг ощутил такую полную тишину, что даже затаил дыхание, чтобы ее не нарушить.

Джекоб шел сзади.

— Не спеши. Насладись мгновением.

Но рука Уилла с ножом испытывала какое-то странное нетерпение. Она не желала задержек. Она хотела приступить к делу немедленно.

— Где они? — прошептал Уилл.

Джекоб положил руку на шею Уилла пониже затылка.

— Смотри, — прошептал он.

Перед глазами Уилла ничего не изменилось, но стоило Джекобу сказать «смотри», как Уилл увидел — с неожиданной ясностью его взгляд проник сквозь решетку ветвей и переплетение кустов, сквозь сверкающий снег и подсвеченный звездами воздух до самого сердца этого места, вернее, до того, что казалось сердцем в эту минуту, — он увидел двух птиц, приютившихся в развилке между веткой и стволом.

У них были большие и яркие глаза (Уилл видел, как они моргают, хотя их разделяли десять ярдов). Птицы сидели, наклонив головы.

— Они видят меня, — выдохнул Уилл.

— И ты тоже смотри на них.

— Я смотрю.

— Обездвижь их взглядом.

— Я обездвиживаю.

— А теперь кончай дело. Ступай.

Джекоб легонько подтолкнул его, и Уилл так же легко пошел, словно призрак среди декораций. Он ни на секунду не отрывал взгляда от птиц. Это были незамысловатые существа. Два пучка неровных коричневых перьев с полоской матовой голубизны на крыльях.

«Ничем не примечательные, как мотыльки, которых он убивал в Суде», — подумал Уилл.

Он шел не спеша, несмотря на нетерпение в руке, чувствуя себя так, будто он по туннелю скользит к цели, кроме которой ничего больше не видит. Если бы птицы сейчас взлетели, то все равно не смогли бы спастись, в этом он был уверен. Они были в туннеле прямо перед ним, обездвиженные волей охотника. Они могут трепыхаться, клевать его, но, что бы ни делали, он заберет их жизни.

Уилл был, наверно, шагах в трех от дерева (поднимал руку, чтобы полоснуть по птичьим шеям), когда одна из птиц вдруг вспорхнула. Его державшая нож рука удивила его. Она взлетела вверх, мелькнув перед его лицом, и, прежде чем глаза успели найти птицу, нож уже пронзил ее. И хотя, строго говоря, сделал это не он, но гордость за содеянное Уилл испытывал.

«Взгляните на меня, — подумал он, зная, что Джекоб за ним наблюдает. — Разве это было сделано не ловко? Разве не красиво?»

Теперь поднималась вторая птица, пока первая билась, как тряпичная кукла на палке. У него не было времени сбросить первую жертву с лезвия. Он позволил левой руке сделать то, что несколько секунд назад сделала правая: она взметнулась вверх, как пятипалая молния, и ударила птицу уже в воздухе. Птица, перевернувшись несколько раз, упала у ног Уилла животом вверх. Его удар сломал ей шею. Несколько мгновений она слабо била крыльями, обдавая себя пометом. А потом умерла.

Уилл посмотрел на своего друга. За то время, которое понадобилось, чтобы убить вторую птицу, умерла и первая. Ее кровь, стекавшая по клинку, обжигала ему руку.

«И нисколько не трудно», — подумал он.

Несколько секунд назад птицы моргали, наклоняли головы, их сердца бились. Теперь они мертвы. Обе. Одна — пронзенная ножом, другая — со сломанной шеей. Совсем не трудно.

— То, что ты сейчас совершил, необратимо, — сказал Джекоб, подходя сзади и кладя руки на плечи Уилла. — Подумай об этом.

Его прикосновение уже не было легким.

— В этом мире не бывает воскресения. Они ушли. Навсегда.

— Я знаю.

— Нет, не знаешь, — сказал. Джекоб.

Его слова были так же тяжелы, как и руки.

— Пока еще не знаешь. Ты видишь их перед собой мертвыми, но, чтобы понять, что это означает, нужно время. — Он снял левую руку с плеча Уилла и протянул вперед. — Отдай мне мой нож. Если он тебе, конечно, больше не нужен.

Уилл стащил птицу с клинка, кровь попала и на пальцы другой руки, и бросил тельце под ноги своему другу. Вытер лезвие о рукав куртки (сделав это, как ему показалось, впечатляюще небрежным жестом) и вручил нож Джекобу с такой же осторожностью, с какой брал его.

— Что, если бы я тебе сообщил, — тихим, почти скорбным голосом сказал Джекоб, — что два эти существа у твоих ног, которых ты так умело отправил в мир иной, были последние в своем роде?

— Последние птицы?

— Нет, — снисходительно ответил Джекоб. — Не так амбициозно. Просто последние из этого вида.

— А они были последние?

— Предположим. Что бы ты почувствовал?

— Не знаю, — честно ответил Уилл. — Ведь они всего лишь птицы.

— Вот оно как, — проворчал Джекоб. — Нет, подумай-ка еще.

Уилл повиновался. И как это уже несколько раз случилось в присутствии Стипа, его мозг стал не похож на себя, заполнился мыслями, на которые не отваживался никогда прежде. Он посмотрел на свои виновные руки — на них, казалось, билась кровь, словно в ней все еще оставалось воспоминание о пульсе птиц. Глядя на руки, он обдумывал то, что сейчас сказал Джекоб.

Предположим, что они были последние, самые последние, и совершенное им деяние необратимо. В этом мире не бывает воскресений. Ни сегодня и никогда. Предположим, что они были последние, синие с коричневым. Последние, которые прыгали по-особому, пели по-особому, устраивали брачные игры по-особому, и совокуплялись, и производили на свет Божий новых птиц, которые прыгали, пели и устраивали брачные игры по-особому.

— Ну... — пробормотал он, начиная понимать. — Я... немного изменил мир?

Он повернулся и посмотрел на Джекоба.

— В этом дело? Вот что я сделал! Я изменил мир.

— Возможно... — отозвался Джекоб.

На его лице появилась едва заметная удовлетворенная улыбка: его ученик неплохо соображает.

— Будь эти птицы последними, было бы больше, чем немного.

— А они не были? — спросил Уилл. — Я имею в виду — последними?

— А ты хотел бы, чтоб были?

Уилл так этого хотел, что не мог выразить словами. Он только кивнул в ответ.

— Может быть, как-нибудь в другой раз, — сказал Джекоб. — Не сегодня. Извини, что разочаровываю тебя, но эти...

Он посмотрел на птичьи тела в траве.

— ...эти так же распространены, как мотыльки.

Уилл чувствовал себя так, будто ему сделали подарок, а потом выяснилось, что это всего лишь пустая коробочка.

— Я знаю, что ты испытываешь, Уилл. Что чувствуешь теперь. Твои руки говорят тебе, что ты сделал нечто замечательное, но ты оглядываешься, и вроде бы ничего не изменилось в мире. Верно я говорю?

— Да, — сказал Уилл.

Ему вдруг захотелось смыть бесполезную кровь со своих рук. Такие умные, такие быстрые — они заслуживают лучшего. Крови чего-то редкого, чего-то такого, чей уход будет иметь ощутимые последствия. Он наклонился и, выдрав пук травы, стал, оттирать ладони.

— И что мы теперь будем делать? — спросил он, продолжая тереть руки. — Я не хочу здесь оставаться. Я хочу...

Но он не закончил, потому что по воздуху прошла рябь, словно сама земля издала легкий вздох. Он оставил в покое руки и медленно поднялся, выронив траву.

— Что это было? — прошептал Уилл.

— Это ты сделал, не я, — ответил Джекоб.

Такого тона у Джекоба Уилл еще не слышал, и это его вовсе не вдохновило.

— Что я сделал? — сказал Уилл, оглядываясь в поисках объяснения.

Но вокруг не было видно ничего нового — все как прежде. Только деревья, и снег, и звезды.

— Я этого не хочу, — бормотал Джекоб. — Ты меня слышишь? Я этого не хочу.

Вся основательность исчезла из его голоса. И уверенность тоже.

Уилл оглянулся и увидел его ошеломленное лицо.

— Не хотите чего? — спросил он.

Джекоб обратил раздраженный взгляд на Уилла.

— В тебе больше силы, чем ты думаешь, мальчик. Гораздо больше.

— Но я ничего не делал, — возразил Уилл.

— Ты проводник?

— Кто?

— Черт побери, как же я раньше это не увидел? Как же я не увидел?

Он стал отступать от Уилла, и тут воздух сотрясся снова, причем гораздо сильнее.

— Господи милостивый. Я не хочу этого.

Боль в его голосе вызвала у Уилла панику. Он вовсе не это хотел услышать от своего идола. Он сделал все, что ему сказали.

Убил птиц, очистил и вернул нож. Даже изобразил мужественность на лице, хотя и испытывал разочарование. Так почему его избавитель бежит от него, как от бешеной собаки?

— Пожалуйста, — сказал он Стипу. — Я не хотел этого. Я не знаю, что такое сделал, но прошу прощения...

Джекоб продолжал отступать.

— Дело не в тебе. В нас. Я не хочу, чтобы твои глаза смотрели туда, где был я. По крайней мере, на него. На Томаса.

Он снова начал заговариваться, и Уилл (уверенный, что его спаситель сейчас обратится в бегство, и не менее уверенный, что, когда Джекоб исчезнет, между ними все будет кончено) протянул руку и схватил Джекоба за рукав. Тот вскрикнул и попытался вырваться, но при этом рука Уилла, искавшая что-то более надежное, чем материя, уцепилась за пальцы Джекоба. Уилл и раньше чувствовал, что, прикасаясь к нему, становится сильнее: он легко поднялся по склону холма, потому что Джекоб дотрагивался до него. Но история с ножом его как-то изменила. Он перестал быть пассивным получателем силы. Его окровавленные пальцы обрели собственные таланты, и он не мог их контролировать. Он услышал, как Джекоб снова вскрикнул. Или это был его собственный голос? Нет, голоса их обоих. Два рыдания, словно исторгаемые одной глоткой.

Опасения Джекоба были оправданны. Та самая рябь, что прошла по воздуху и отвлекла Уилла от очищения рук, усилилась в сотни раз и теперь поглотила мир, в котором они находились. Небо и земля сотряслись и в одно мгновение изменили свою конфигурацию, погрузив каждого из них в ужас. Уилл рыдал от незнания того, что происходит, Джекоб — от знания.

Х

1

Потом, когда доброго мясника Доннели уже не было в живых, Джеффри Солс, который был вместе с ним в здании Суда, рассказывал выхолощенную версию того, что произошло с ними внутри. Делал он это, чтобы защитить, во-первых, доброе имя покойного, который в течение семнадцати лет был его собутыльником и партнером по дартсу, и, во-вторых, вдову Доннели — слишком жестоко увеличивать ее скорбь, говоря правду. А правда была такова. Они поднялись по ступенькам Суда, думая, что, может быть, станут героями этой ночи. Внутри кто-то был — они это сразу поняли, и, скорее всего, этот кто-то и был беглец. Кто еще мог там оказаться? Доннели шел на шаг-другой впереди Солса, а потому в зал заседаний вошел первым. Солс услышал, как он ошарашенно пробормотал что-то, и, выйдя из-за спины Доннели, увидел не пропавшего мальчишку, а женщину, стоявшую посреди зала. Неподалеку на полу горели две или три толстые свечи, и в их мерцающем свете он увидел, что женщина полураздета. Ее груди, отливавшие матовым блеском от выступившего на них пота, были обнажены, и юбку она задрала настолько, что ее рука свободно бродила между ног, а по лицу гуляла улыбка наслаждения. Хотя у нее было упругое тело (груды торчали, как у восемнадцатилетней девушки), черты лица свидетельствовали о жизненном опыте. Нет, лицо ее не обрюзгло, его не бороздили морщины. У нее была идеальная кожа. Но в губах и глазах сквозило знание жизни, и этому как-то не соответствовали безупречные щеки и лоб. Стоило

Солсу поглядеть на эту женщину, как он понял, что она себе на уме. Ему все это очень не понравилось.

А вот Доннели совсем наоборот. Перед отъездом он пропустил пару рюмок бренди, и они развязали ему язык.

— Ишь, какая красotka, — сказал, он со знанием дела. — А тебе не холодно?

Женщина ответила именно так, как ему хотелось.

— Я смотрю, у тебя хватает жирка, — сказала она, чем вызвала у мясника смешок. — Почему бы тебе не подойти и не согреть меня?

— Дел... — предостерегающе сказал Солс, хватая друга за руку. — Мы здесь не для глупостей. Мы ищем мальчишку.

— Бедняжка Уилл, — сказала женщина. — Вот уж потерянная овечка.

— Вы знаете, где он? — спросил Джеффри.

— Может, знаю, а может, нет, — ответила женщина.

Она не отрывала глаз от Доннели, руки продолжали игру под юбкой.

— А здесь его нет?

— Может, да, а может, нет.

От этого ответа Солсу стало совсем не по себе. Это что означало — что она держит здесь мальчишку как пленника? Спаси его Господь, если так. В ее глазах светилось безумие, как и в ее манерах шлюхи. Хотя он был сильно привязан к Делберту, но теперь не мог не осуждать его. Разве женщина в своем уме стала бы таким вот образом приглашать его прикоснуться к ней: платье задрано так высоко, что аж срам виден, и ее пальцы погружаются туда по вторую костяшку.

— Я бы на твоём месте, Делберт, держался от нее подальше, — посоветовал Солс.

— Да она всего лишь хочет немного позабавиться, — ответил Дел, направляясь к женщине.

— Парнишка где-то здесь, — сказал Солс.

— Ну, так иди, поищи его, — с отсутствующим видом сказал Доннели, уже протягивая пальцы, похожие на сардельки, чтобы пощупать груди женщины. — А я тут пока буду ее отвлекать.

— Если хотите, я приму вас обоих, — предложила женщина.

Но тут Делберту изменило чувство товарищества.

— Иди-иди, Джеффри, — сказал он слепо угрожающим голосом. — Я с ней и сам разберусь. Спасибо.

Джеффри лишь раз в жизни поссорился с Делбертом (естественно, по поводу спорной партии в дартс), и ничем хорошим для него это не кончилось. Мясник мог похвастаться не столько мускулами, сколько массой, тогда как Джеффри был в весе петуха и через полминуты оказался на земле. Поскольку физически он был не в силах отодрать Делу от предмета его вожделений, у него не оставалось иного выбора, как только делать то, что сказал мясник, — отправиться на поиски мальчишки. Он торопился, чтобы не слишком долго отсутствовать в зале заседаний. С фонариком в руке он тщательно обшарил все коридоры и комнаты, выкрикивая имя мальчика, словно звал потерявшуюся собаку.

— Уилл! Где ты?! Отзовись! Все будет хорошо! Уилл!

В одной из комнат он набрел на то, что, видимо, было вещами этой шлюхи: два или три мешка, несколько потрепанных предметов одежды и всякие непонятные штучки, видимо, эротического назначения. (У него не было времени рассмотреть их внимательно. Но много месяцев спустя, когда боль той ночи отступила, перед его виноватым взором стал возникать этот хлам, который завладел его мыслями. Он пытался представить, в каких целях можно было использовать стержни с наконечниками, похожие на булаву, и шелковые веревки.) В другой комнате его взгляду предстало еще более гнетущее зрелище. Перевернутая мебель, пепел на полу, обуглившиеся обломки. Вот только мальчишку он так и не нашел — все остальные помещения (их было несколько) оказались пусты. Он с трудом мог представить себе план здания — еще и потому, что его не отпускала тревога. Он мог потеряться в этом

лабиринте комнат и коридоров, если бы не услышал крики Делберта, а может, и рыдания — да, это были рыдания — и не пошел на звуки по коридору, через комнату, где был пожар, через этот нечестивый будуар и наконец оказался в зале.

Теперь мы подходим к той части повествования, которую он, конечно, утаил, предпочитая солгать, чем опорочить друга. Делберт не лежал безвольной массой на полу и не молил о пощаде, как рассказывал позднее Солс. Да, он лежал на спине, его брюки и исподнее были где-то в районе ботинок, голова и руки закинута назад. Но в его крике не было никаких призывов, кроме разве что обращенных к женщине (которая оседлала его и руками мяла его жирный пятнистый живот) и требующих, чтобы она скакала быстрее, еще быстрее.

— Господи Иисусе, Дел.. — сказал Солс, пришедший в ужас от этого зрелища.

Маленькие глазки Делберта на потном лице горели от наслаждения.

— Уходи, — сказал он.

— Нет-нет.. — Переводя дыхание, женщина поманила пальцем Джеффри и показала на свои груди. — Я могу принять его сюда.

Доннели даже в горячке помнил о первенстве.

— Иди к черту, Джеффри! — Он повернул голову, чтобы лучше видеть соперника. — Я ее первый нашел.

— Думаю, тебе пора заткнуться! — резко сказала женщина, и только тут Джеффри заметил, что шея Дела чем-то обхвачена.

Судя по тому, что он увидел, это был всего лишь шнурок с несколькими нанизанными на него бусинами. Только он шевелился, как змейка, и ее хвост стал подергиваться между розовых грудей Дела, когда змейка сжалась, сильнее сдавив его шею. Дел захрипел, потянулся к горлу, пытаясь схватить шнурок. Его и без того красное лицо стало багровым.

— Ну, иди сюда, — сказала женщина, обращаясь к Джеффри.

Он отрицательно покачал головой. Если прежде у него и было желание прикоснуться к этому существу, то от испуга оно испарилось.

— Второй раз я повторять не буду, — сказала она и, посмотрев на Делберта, пробормотала: — Что, хочешь еще потуже?

С его губ сорвался только жалобный булькающий звук, но змейка-шнурок, казалось, восприняла это как согласие и усилила хватку.

— Прекратите! — крикнул Солс. — Вы же его убиваете!

Она уставилась на него, лицо ее было прекрасно и так же бесстрастно, поэтому он повторил — на тот случай, если эта сучка, распалившись, не соображает, что делает. Но она соображала. Теперь он понял это, увидев на ее лице наслаждение, оттого что несчастный Делберт дергал ногами и бился под ней. Он должен ее остановить. И как можно скорее — иначе Дел умрет.

— Чего вы хотите? — спросил он, приближаясь.

— Поцелуй меня, — ответила она, и ее глаза превратились в щелочки на лице, которое почему-то стало проще, чем несколько мгновений назад, словно какой-то невидимый скульптор вылепил его заново на глазах у Солса.

Он бы предпочел поцеловать тещу, чем влажную дыру на лице этой шлюхи, но жизнь Дела висела на волоске. Еще немного — и ему конец. Собрав все свое мужество, он прижал губы к ее бесстыдному рту, но она ухватила его за волосы (уж сколько их там оставалось) и оттянула назад голову.

— Не здесь! — Ее дыхание было таким сладким, таким ароматным, что он на миг забыл о своих страхах. — Там! Там!

Она прижала его лицо к своей груди, но, когда он нагнулся, чтобы выполнить ее требование, дергающиеся руки Делберта ухватились за его правый ботинок и стали тянуть. Он сделал шаг назад, чтобы не упасть, смутно осознавая, что все это больше похоже на фарс, чем на трагедию. Выброшенной вперед рукой он оцарапал нежную кожу женщины, пытаясь удержаться на ногах. Бесполезно. Он рухнул на задницу, и дыхание у него перехватило.

Джеффри поднял голову и увидел, что женщина слезает с Делберта, прижав руку к

груди.

— Посмотри, что ты сделал, — сказала она, показывая отметины в том месте, где прошлись его ногти.

Он ответил, что это вышло случайно.

— Смотри! — повторила она, наступая. — Ты меня пометил!

У нее за спиной, словно громадный ребенок, издавал булькающие звуки Делберт. Сил у него почти не осталось, и руки уже не мельтешили, ноги не дергались. Еще один шнурок скользнул к паху Дела, и Джеффри увидел, как он обвился вокруг основания члена, отчего тот встал торчком, толстый и твердый (и это сейчас, когда жизни в Деле осталось всего ничего).

— Он умирает, — сказал Джеффри женщине.

Она бросила взгляд на лежавшее на полу тело.

— Ну да, умирает. — И она снова посмотрела на Джеффри. — Но ведь он получил то, что хотел. Так что теперь нужно ответить на другой вопрос: а чего хочешь ты?

Он не хотел лгать. Не собирался говорить, что вожделеет ее. В этом случае он кончит так же, как Дел. И потому он сказал правду:

— Я хочу жить. Хочу вернуться домой к жене и детям и делать вид, что ничего этого не было.

— Ты не сможешь, — ответила она.

— Смогу! Клянусь, что смогу!

— И ты не будешь мстить мне за то, что я убила твоего друга?

— Вы его не убьете, — сказал Джеффри, думая, что переговоры имеют некоторый успех.

Она получила свое. Нагнала страху на них обоих, унизила его, превратила в дрожащую тварь, а Делберта — в живой фаллоимитатор. Что ей еще надо?

— Если вы нас отпустите, мы будем молчать как рыбы. Клянусь. Никому ни слова.

— Думаю, уже слишком поздно, — ответила женщина.

Она стояла между ног Джеффри. Солс чувствовал себя совершенно беспомощным.

— Позвольте мне хотя бы помочь Делберту, — умоляющим голосом сказал он. — Он не причинил вам зла. Он хороший семьянин и...

— Этот мир кишит семьянинами, — презрительно сказала она.

— Да бога ради, пожалейте его, он не причинил вам никакого вреда.

— О господи, — раздраженно сказала она. — Ну, помоги ему, если тебе так хочется.

Джеффри настороженно посмотрел на нее, с трудом поднимаясь на ноги и ожидая удара или пинка. Но ничего такого не последовало. Она разрешила ему подойти к Делберту, лицо которого побагровело еще сильнее, на губах пенилась слюна вперемешку с кровью, глаза закатились под подрагивающие веки. Но он еще дышал, правда, едва-едва. Его грудь вздымалась, пытаясь втянуть воздух через пережатую трахею. Боясь, что Дел уже сдался, Солс засунул пальцы под шнурок и потянул. Дел испустил слабый хриплый вздох, но он был последним.

— Наконец-то, — сказала женщина.

Джеффри подумал, что она имеет в виду смерть Дела, но, взглянув на пах мертвеца, понял свою ошибку. Умирая, Дел эякулировал фонтаном, будто слон.

— Господи Иисусе, — сказал Джеффри, чувствуя, как тошнота подступает к горлу.

Женщина подошла ближе, чтобы насладиться зрелищем.

— Ты мог бы попытаться сделать искусственное дыхание, — сказала она. — Его еще можно спасти.

Джеффри посмотрел на лицо Дела, на губы в пене, на закатившиеся глаза. Может быть, и был шанс запустить его сердце (и может быть, будь он другом получше, то сделал бы это), но ничто в этом мире не могло заставить его в этот миг приложить губы к губам Делберта Доннели.

— Нет? — спросила женщина.

— Нет, — ответил Джеффри.

— Значит, ты позволяешь ему умереть. Тебе противно прикоснуться губами к его губам, и потому теперь он мертв.

Она повернулась спиной к Солсу и пошла прочь. Джеффри знал, что это не прощение — экзекуция продолжается.

— О Святая Мария, о Богоматерь, — вполголоса стал молиться Джеффри. — Помогите мне в этот трудный час...

— Тебе сейчас не нужна девственница, — сказала женщина. — Тебе нужен кто-то другой, у кого побольше опыта. Кто-то, знающий, что для тебя сейчас лучше всего.

Джеффри не обернулся. Он был уверен, что она каким-то образом околдовала Дела, и, если он посмотрит ей в глаза, она точно так же проникнет и в его голову. Нужно попытаться выйти отсюда, не поглядев на нее. И еще нужно не забывать об этих треклятых шнурках. Тот, что удушил Дела, уже соскользнул с его шеи. Джеффри не хотел смотреть на пах Дела, не хотел знать, что произошло с другим шнурком, но ему казалось, что, сделав свое дело, этот шнурочек уже отдыхает где-то. Он знал, что у него остался единственный шанс на спасение. Если он не проявит сноровки или потеряет ориентацию и не найдет выход, ему конец. Она сейчас может сколько угодно делать вид, что занята своими делами, но позволить ему уйти она не может — после всего того, чему он тут был свидетелем.

— Ты знаешь историю этого места? — спросила она.

Радуюсь, что ее можно отвлечь разговором, он ответил: нет, не знает.

— Дом построил человек, который обостренно чувствовал несправедливость.

— Вот как?

— Мы его знали — я и мистер Стип. Это было много лет назад. Да что там — мы с ним были в близких отношениях какое-то время.

— Счастливчик, — сказал Джеффри, надеясь ей польстить.

Хотя он и мало что знал о здании Суда, но был уверен — его построили не меньше века назад. Эта женщина никоим образом не могла знать строителя.

— Я не очень хорошо помню его, — фантазировала она. — Вот только нос запомнился. Такого громадного носа я ни у кого больше не видела. Настоящий колосс. И он божился, что именно благодаря своему носу и проникся жалостью к животным...

Пока она болтала, Джеффри тайком повел глазами направо и налево, чтобы сориентироваться. Хотя он и не видел двери, которая вела к свободе, но предполагал, что она вне поля его зрения, за левым плечом. А женщина тем временем продолжала щебетать:

— Они гораздо чувствительнее к запахам, чем мы. Но мистер Бартоломеус заявлял, что благодаря своему носу воспринимает запахи скорее как животное, чем как человек. Амброзия, мирра, яд. Он классифицировал запахи, и у него имелось название для каждого. Гнилостный, мускусный, бальзамический. Другие я забыла. Вообще-то я и его забыла — ничего не помню, кроме носа. Странно, как иногда запоминаются люди. — Она помедлила. — А тебя как зовут?

— Джеффри Солс.

Это ее шаги он слышит у себя за спиной? Нужно сматываться отсюда, иначе она с ним разделается. Он поглядывал на пол — нет ли где этих ее убийственных четок.

— Без второго имени? — спросила она.

— Нет, есть и второе.

Ничего движущегося он не заметил, но это вовсе не означало, что они не лежат где-то рядом, в тени.

— Александр.

— Это гораздо красивее, чем Джеффри, — сказала она; голос ее теперь звучал ближе.

Он бросил взгляд на мертвое лицо Дела, чтобы подстегнуть себя этим веским аргументом, встал и повернулся к двери. Его догадка оказалась верной. Дверь была там, прямо перед ним. Краем глаза он увидел и шлюху, почувствовал, как ее глаза обжигают. Он не дал им возможности его заворожить. Испустив крик, которому он научился на сборах в

ополчении (этот крик должен был сопровождать штыковую атаку, а в данном случае имело место отступление, но какая, в сущности, разница, черт побери?!), он бросился к двери. Его чувства были обострены как никогда с самого детства, организм, переполненный адреналином, воспринимал малейшие нюансы. Он услышал завывание взлетевших четок, а бросив взгляд через плечо, увидел их в воздухе — они летели к нему, словно молния в бусинах. Он метнулся вправо, одновременно делая нырок, и увидел, как четки пролетели мимо и ударились о дверь. Там они поизвивались минуту-другую, но этого ему хватило, чтобы схватиться за ручку и распахнуть дверь. Собственные силы поразили его. Дверь была тяжела, но, закрипев петлями, распахнулась, ударившись о стену.

— Александр, — позвала женщина вкрадчивым голосом. — Вернись. Ты меня слышишь, Александр?

Он неся по коридору, и сладкоголосый зов его не трогал. И он знал почему. Только мать, которую он ненавидел всеми фибрами души, называла его так. Эта женщина могла призывать жертву голосом сирены, но, если она навешивала на него ненавистное «Александр», он оставался в безопасности.

Джеффри выскочил из здания, спрыгнул со ступенек в снег, бросился к живой изгороди, ни разу не обернувшись. Он нырнул в заросли, выбежал на дорогу. Легкие у него горели, сердце бешено колотилось, и его охватило такое ощущение счастья, что он едва ли не радовался тому, что вкушает его в одиночестве. Позднее, рассказывая об этом, он тихим, скорбным голосом говорил о том, как потерял друга. А тогда он кричал, и смеялся, и чувствовал себя (ах, какая извращенность была во всем этом!) тем более в радостном настроении, что он не только перехитрил эту шлюху, но еще и видел гибель Дела — доказательство того, какой смертельной опасности подвергался он сам.

Гикая и спотыкаясь, он вернулся в машину, припаркованную ярдах в пятидесяти, и, не обращая внимания на то, что дорога обледенела (теперь он мог ничего не бояться — он был неуязвим), понесся с сумасшедшей скоростью назад в деревню, чтобы поднять тревогу.

2

А Роза в здании Суда чувствовала себя глубоко несчастной. Она была вполне довольна до прихода Александра и его тяжеловесного приятеля, сидела себе, вспоминала места получше и дни поприятнее. Но теперь воспоминания оборвались, и нужно быстро принять решение.

Скоро к дверям Суда заявится толпа. Она знала, что Александр постарается. Они будут исполнены праведного гнева и наверняка, если она не скроется, попытаются сотворить с ней что-нибудь непотребное. Ей не в первый раз приходилось быть гонимой и преследуемой. Один неприятный инцидент произошел в Марокко всего год назад, когда жена одного из ее случайных ухажеров повела против нее малый джихад, что сильно развеселило Джекоба. Ее муж, как и этот тип, лежавший сейчас у ее ног, умер *in flagrante delicto*,¹ но — в отличие от Доннели — ушел в мир иной с широкой улыбкой на лице. Эта-то улыбка и привела в бешенство его жену: она не видела и намека на подобное за всю свою жизнь и от этого загорелась местью. А потом в Милане — ах, как она любит Милан! — была сцена и того хуже. Она задержалась там на несколько недель, пока Джекоб ездил на юг, и затесалась в компанию трансвеститов, которые занимались своим небезопасным ремеслом в районе парка Семпионе. Ей всегда нравились искусственные штуки, и эти красотки, которые, на мужской взгляд, были такими самодельными женщинами (местные называли их *viados*, что значит «фавн»), очаровали ее. Она чувствовала странную общность с ними и, возможно, даже осталась бы в городе, если б один из сутенеров по имени Генри Кампанелла, страдавший время от времени приступами садизма, не вызвал ее гнев. Узнав, что он с изощренной жестокостью избил одну из их компании, Роза не выдержала. Такое случалось редко, но если случалось, то неизменно заканчивалось кровью. И кровью обильной. Она удавила этого

¹ На месте преступления (*лат.*) .

негодяя, засунув ему в горло то, что считалось его мужским достоинством, и выставила тело на всеобщее обозрение на Виале Чертоза. Его брат, тоже сутенер, собрал небольшую армию из уголовников и наверняка убил бы ее, если б она не бежала на Сицилию под крылышко Стипа. И все же Роза часто вспоминала своих сестер из Милана, как они сидели, болтая об операциях и силиконе, как щипались, миловались и обжимались, изображая женственность. А вспоминая о них, она вздыхала.

Хватит воспоминаний, сказала она себе. Пора сматываться, пока за ней не пришли собаки — как дву-, так четвероногие. Она взяла свечу в свою маленькую гардеробную и упаковала вещи, то и дело напрягая слух. Она слышала вдали голоса на повышенных тонах и решила, что Александр сейчас в деревне, рассказывает небылицы, как это обычно делают мужчины.

Спешно закончив сборы, Роза попрощалась с телом Делберта Доннели и, позвав свои четки, простилась с этим местом. Она намеревалась двинуться на северо-восток по долине, чтобы как можно дальше уйти от деревни и этих идиотов. Но стоило ей ступить на снег, как ее мысли обратились к Джекобу. Отчасти она была готова оставить его в неведении относительно того, к чему привели ее игры. Но в глубине души знала, что обязана его предупредить, хотя бы из сентиментальных побуждений. Они провели вместе столько десятилетий, споря, страдая, в своей странной манере отдавая себя друг другу. Хотя его недавняя слабость ее разочаровала, она не могла его бросить, не исполнив последний долг.

Повернувшись к холмам, которые проявились после отступления метели, она быстро нашла его. Для этого ей не требовались органы чувств: в них обоих было по компасу для того, чтобы находить друг друга. Ей нужно было только отпустить стрелку и дать ей успокоиться — там его и следовало искать. Волоча мешки, она стала подниматься по склону в сторону Джекоба, оставляя след, по которому пустится погоня — в этом она не сомневалась.

«Ну и пусть, — думала она. — Придут — значит, придут. И если придется пролить кровь, то я в прекрасном расположении духа».

XI

Весна наступила внезапно. Дыхание земли пришло и ушло, а уходя, прихватило с собой зиму. Деревья чудесным образом оделись листвой и расцвели, замерзшая земля покрылась стеблями летней травы, колокольчиков, лесной ветреницы, мрачного чертополоха; повсюду плясали солнечные лучи. В ветвях устраивали брачные игры и гнездились птицы, из сгустившейся чащи появилась рыжая лиса, смерившая Уилла бесстрашным взглядом, а потом, сверкнув усами и шерстью, засемила по своим лисьим делам.

— Джекоб! — произнес пронзительный голос слева от Уилла. — Никак не думал, что увижу тебя так скоро.

Уилл повернулся на голос и в нескольких ярдах увидел человека — тот стоял, прислонившись к высокому ясеню. Дерево выглядело лучше, чем человек: заляпанная рубашка, грубые штаны и дешевые сандалии казались жалкими на фоне блестящих листьев. В остальном у дерева и человека оказалось много общего. Оба стройные и хорошо сложенные. У мужчины, однако, было кое-что, чем не могло похвастаться дерево: глаза такой безукоризненной голубизны, что казалось, в них отражается небо.

— Должен сказать тебе, мой друг, — проговорил человек, глядя не на Джекоба, а на Уилла, — если ты все еще надеешься убедить меня отправиться с тобой, то это пустые мечты.

Уилл посмотрел на Джекоба, рассчитывая получить какое-нибудь объяснение, но Джекоба не было.

— Вчера я сказал тебе правду. У меня ничего не осталось, чтобы дать Рукенау. И все эти истории про Домус Мунди меня не соблазнят...

Отшатнувшись от дерева, человек приблизился, и тут Уилл понял, что, хотя незнакомец

на несколько лет старше его и довольно высокого роста, их глаза на одном уровне, а это означало, что сам он каким-то образом стал выше на полтора фута.

— Я не хочу знать мир с этой стороны, Джекоб, — говорил человек. — Я хочу видеть его собственными глазами.

«Джекоб? — подумал Уилл. — Он смотрит мне в глаза и называет меня Джекобом. А это означает, что я нахожусь в теле Джекоба. Я смотрю на мир его глазами!»

Эта мысль не напугала его, напротив. Он слегка потянулся и почувствовал, как мышцы Джекоба обволакивают его, делают тяжелым и сильным. Он втянул носом воздух и ощутил запах собственного пота. Поднял руку и потрогал шелковистые кудряшки своей бороды. Это было необыкновенное чувство. И хотя он был здесь хозяином, но чувствовал, что овладели им, словно, находясь в Стипе, он впустил Стипа в себя.

В его чреслах и голове зрели желания, каких он не знал раньше. Он хотел уйти, оказаться подальше от этого меланхоличного юнца, испытать под этим небом свою заимствованную плоть, пуститься бегом так, чтобы легкие работали, как мехи, потянуться так, чтобы хрустнули суставы. Прогуляться обнаженным в этом великолепном теле. Да! Разве это не здорово? Есть в нем, мочиться из него, гладить его длинные конечности.

Но он не был здесь хозяином — хозяйничала тут память. У него оставалось достаточно свободы: он мог почесать в паху, поскрести бороду. Но не мог отказаться от дела, которое привело Стипа в это место. Он мог всего лишь следить за позолоченными глазами Джекоба и слушать то, что говорилось в этот солнечный день. Ему показалось, что он устроил эту встречу против воли Стипа. «Я не хочу этого», — говорил Джекоб, повторял снова и снова, но вот она состоялась, и теперь имеет собственную инерцию, и Уилл не собирается сопротивляться, потому что боится лишиться этой радости — находиться внутри Джекоба, плоть во плоти.

— Иногда, Томас, — говорил Джекоб, — ты смотришь на меня так, словно я сам дьявол.

Другой покачал головой, сальные волосы упали на лоб. Он откинул их назад рукой с длинными пальцами, испачканными чем-то синим и красным.

— Если бы ты был дьяволом, то не принадлежал бы теперь Рукунау, — сказал он. — Ты бы не позволил ему отправить тебя на поиски и возвращение беглых художников. И если бы ты пришел за мной, я не смог бы тебе противиться. А я могу, Джекоб. Это трудно, но я могу.

Он поднял руку над головой и, притянув к себе цветущую ветку, вдохнул ее аромат.

— Прошлой ночью, после твоего ухода, мне приснился сон. Мне снилось, что я на небесах, выше самых высоких облаков, что я смотрю вниз на землю, а рядом со мной кто-то есть, шепчет на ухо. Тихий голос, не мужской и не женский.

— И что же он говорил?

— Что во всей Вселенной есть только одна планета, такая совершенная, такая голубая и яркая, как эта. Такая изобильная. И что эта слава и есть сама суть Бога.

— Бог — это заблуждение, Том. Вот что он такое.

— Нет, послушай меня! Ты слишком много времени провел с Рукунау. Все, что окружает нас сейчас, это не какой-то трюк, с помощью которого Бог обманывает нас.

Томас отпустил ветку, и она вернулась на место, роняя лепестки на его голову и плечи. Он этого не заметил — слишком был поглощен рассказом о своем сне.

— Бог знает о мире через нас, Джекоб. Нашими голосами он восхищается этим миром. Нашими руками оказывает ему услуги. А по ночам Он смотрит нашими глазами в бесконечность и дает звездам имена, чтобы со временем мы могли к ним отправиться. — Он уронил голову. — Вот что мне снилось.

— Расскажи это Рукунау. Он любит находить смысл в снах.

— Но тут нечего искать, — ответил Томас, усмехаясь и глядя в землю. — Это-то и есть самое гениальное, неужели ты не понимаешь?

Он снова посмотрел на Уилла, небо в его глазах было безупречно голубым.

— Бедный Рукунау. Он так долго повторяет свои проповеди, что любит их больше, чем

истинные Святые Дары.

— А скажи мне, что они такое?

— Вот это, — сказал Томас, снимая лепесток со своего плеча. — У меня здесь святая святых, Ковчег Завета, Чаша Грааля, сама Великая тайна — вот здесь, у меня в руке. Посмотри!

Он протянул лепесток на кончике пальца.

— Если бы я мог изобразить это совершенство...

Он смотрел на лепесток словно загипнотизированный.

— ...переложить его на лист бумаги, чтоб стала видна его истинная слава, и тогда все картины в капелле в Риме, все иллюстрации во всех Часословах, все рисунки, которые я делал для этих треклятых заклинаний Рукенау, станут... — он помедлил в поисках слова, — ненужными.

Он сдул с пальца лепесток — прежде чем начать падать, тот приподнялся в воздухе.

— Но я не могу создать такую картину. Я работаю в поте лица, но меня подстерегают неудачи. Господи. Иногда, Джекоб, я жалею, что природа наделила меня пальцами.

— Ну, если тебе не к чему приложить свои пальцы, одолжи их мне, — сказал Джекоб. — Позволь мне ими воспользоваться, чтобы писать картины, и вполтину не дотягивающие до твоих, и тогда я буду счастливейшим из всех существ в мироздании.

Томас усмехнулся, смерив Джекоба ироническим взглядом.

— Ты говоришь такие необычные вещи.

— Я говорю необычные вещи? — удивился Джекоб. — Тебе стоит послушать, что говоришь ты. Сегодня или в любой другой день.

Он рассмеялся, и следом рассмеялся Томас, его поражение на миг было забыто.

— Возвращайся со мной на остров, — предложил Джекоб, осторожно приближаясь к Томасу, словно боясь его спугнуть. — Я сделаю так, чтобы Рукенау не превратил тебя в рабочую лошадку.

— Суть не в этом.

— Я знаю, он всегда хочет, чтобы было так, как надо ему, знаю, как он к тебе придирается. Я этого не допущу, Том. Клянусь.

— С каких пор ты обрел такую власть?

— С тех самых пор, как сказал ему, что мы с Розой уйдем и бросим его, если он не позволит нам немного поразвлечься. «Ты не осмелишься бросить меня, — сказал он. — Я знаю твой характер — не осмелишься. А если все-таки это сделаешь, то никогда не узнаешь, кто ты и зачем пришел в этот мир».

— И что ты ответил на это?

— О, ты будешь мной гордиться. Я сказал: «Верно, я не знаю, кто меня создал. Но я был сотворен, и сотворен любовью. И этого знания достаточно, чтобы жить в радости».

— Господи, жаль, меня там не было и я не видел его лица.

— Он вовсе не был счастлив, — хмыкнул Джекоб. — И что он мог сказать? Так ведь оно и есть.

— И так красиво сказано. Тебе надо было стать поэтом.

— Нет, я хочу рисовать, как ты. Хочу, чтобы мы работали бок о бок и чтобы ты научил меня видеть круговорот вещей так, как ты. Остров прекрасен, и живут там всего несколько рыбаков, да и те слишком робки, чтобы нам возражать. Мы можем жить как в раю — ты, я и Роза.

— Дай мне подумать, — сказал Томас.

— Еще один аргумент.

— Подожди пока.

— Нет, выслушай меня. Я знаю, ты не веришь в гностические штуки Рукенау, и, откровенно говоря, они и меня часто сбивали с толку, но Домус Мунди — это не иллюзия. Это величественно, Томас. Ты поразишься, когда поселишься там и почувствуешь, как он поселился в тебе. Рукенау говорит, это видение мира изнутри...

— И сколько опия он заставил тебя проглотить, прежде чем тебе предстало это видение?

— Нисколько. Клянусь. Я бы не стал, тебе лгать, Том. Если бы я думал, что это очередной приступ психического расстройства, то сказал бы тебе: оставайся здесь и рисуй лепестки. Но это не расстройство. Это нечто божественное, и нам позволено его видеть, только если наши сердца достаточно крепки. Господи, Том, ты только представь себе, какие лепестки смог бы нарисовать, если б сначала увидел их в зародыше. Или на побеге. Или в том соке, благодаря которому на ветке появляется почка.

— Это то, что тебе показывает Домус Мунди?

— Откровенно говоря, я не отважился заходить слишком глубоко. Но — да, Рукенау так и сказал. И если б мы были вместе, то смогли бы пойти глубоко внутрь. Могли бы увидеть зародыш зародыша. Клянусь тебе.

Томас тряхнул головой.

— Не знаю, то ли мне впасть в эйфорию, то ли бояться, — сказал он. — Если все, что ты говоришь, правда, то Рукенау имеет доступ к Богу.

— Думаю, что имеет, — вполголоса сказал Джекоб, разглядывая Томаса, который больше не мог на него смотреть. — Я не буду сейчас выжимать из тебя ответ. Но к полудню завтрашнего дня я должен знать: да или нет. Я и так пробыл здесь дольше, чем хотел.

— К завтрашнему дню я приму решение.

— И не впадай в меланхолию, Том, — сказал Джекоб. — Я же хотел тебя вдохновить.

— Может, я еще не готов для этого откровения.

— Готов, — возразил Джекоб. — Ты определенно готов к этому больше меня. Возможно, больше, чем Рукенау. Он принес в мир нечто, чего не понимает. Думаю, ты мог бы помочь ему. Ну, давай на сегодня закончим. Обещай, что не напьешься и не начнешь распускать сопли, думая обо всем этом. Я начинаю бояться за тебя, когда ты впадаешь в одно из этих своих гнусных настроений.

— Обещаю, — ответил Томас. — Я буду весел, думая о тебе, обо мне и о Розе, о том, как мы целые дни напролет разгуливаем голые.

— Хорошо, — сказал Джекоб, подаваясь вперед, чтобы прикоснуться к небритой щеке Томаса. — Завтра ты проснешься и сам себе не сможешь ответить, почему так долго ждал.

Сказав это, он повернулся к Томасу спиной и пошел прочь. Если это конец воспоминания, подумал Уилл, то трудно понять, почему Джекоб так разволновался, когда перед ним замаячила перспектива мысленно вернуться в те времена. Но прошлое еще не было распутано до конца. Сделав третий шаг, Уилл почувствовал, что мир опять делает вдох и солнечный свет внезапно мутнеет. Он поднял голову, посмотрел сквозь цветущие ветки. Еще мгновение — и небо, только что поражавшее голубизной, заволокло тучами, порыв ветра ударил ему в лицо дождевыми каплями.

— Томас? — сказал он и, развернувшись, посмотрел туда, где только что стоял художник.

Но теперь там никого не было.

«Это уже завтра, — подумал Уилл. — Он пришел за ответом».

— Томас? — снова позвал Джекоб. — Где ты?

В его хриплом голосе была тревога, а желудок свело, словно он заранее знал: что-то пошло не так.

Чаша перед ним сотряслась, появилась рыжая лиса, сегодня она была даже рыжее, чем днем раньше. Она на ходу облизывалась, длинный серый язык заворачивался вокруг морды. Потом она потрусилась прочь.

Джекоб не последовал за ней взглядом — он уставился на кусты диких роз и орешника, откуда появилось животное.

— О господи, — пробормотал чей-то голос. — Отвернись. Ты меня слышишь?

Уилл слышал, но его глаза продолжали вглядываться в чашу. За кустарником что-то лежало на земле, но пока он не видел — что.

— Отвернись, черт тебя побери! — разъярился Стип. — Ты меня слышишь, парень?

«Так это он мне, — подумал Уилл. — Парень, с которым он говорит, это я».

— Быстро! — сказал Стип. — Время еще есть!

Его ярость перешла в мольбу.

— Нам не надо это видеть. Брось это, парень. Брось.

Может быть, эта мольба должна была его отвлечь, скрыть попытку завладеть ситуацией, потому что в следующий момент голова Уилла заполнилась шорохами, и пейзаж перед ним мелькнул, а потом исчез.

В следующее мгновение он снова оказался в зимнем лесу. Он стучал зубами, ощущал во рту солоноватый вкус крови из прокушенной губы. Джекоб по-прежнему стоял перед ним, из его глаз текли слезы.

— Хватит... — сказал он.

Но отвлечь его — намеренно или случайно — удалось только на несколько мгновений. После этого мир снова сотрясся, и Уилл вернулся в дрожащее тело Джекоба, стоявшего под дождем.

Последнее сопротивление, казалось, было сломлено. Хотя его взгляд во время их краткого расставания избегал цветущих веток, Уиллу достаточно было призвать его назад к розовому кусту, и он покорно вернулся. Раздался последний, слабый звук, который, может быть, и был словом протеста. Если так оно и есть, то Уилл не уловил его, да и в любом случае не стал бы откликаться. Теперь он был хозяином этого тела: глаз, ног и всего, что между ними. Он мог поступать со всем этим как ему заблагорассудится, а сейчас он не хотел ни бежать, ни есть, ни мочиться — он хотел видеть. Уилл велел ногам Стипа двигаться, они понесли его вперед, и наконец он увидел то, что скрывалось за кустом.

Конечно, это был художник Томас. Кто же еще? Он лежал лицом кверху в мокрой траве, вокруг разбросаны сандалии, брюки, заляпанная рубашка. Тело превратилось в палитру с набором красок. Те места, что в течение многих лет подвергались воздействию солнца (лицо и шея, руки и ноги), загорели до цвета красноватой сиены. Закрытые части тела, то есть все остальные, были болезненно белыми. То тут, то там на его груди с проступавшими ребрами, ниже живота и в подмышках виднелась жидкая поросль. Но на нем были краски и куда более скандальные. Яркое, алое пятно в паху — где лиса пообедала его членом и яичками. И лужицы того же яркого цвета в блюдечках глазниц, откуда птицы выклевали его всевидящие глаза. А в боку — лоскут синеватого жира, обнаженного зубами или клювом существа, пожелавшего полакомиться печенью и легкими, и жир этот отливал такой желтизной, что ему мог позавидовать лютик.

— Ну, теперь ты доволен? — пробормотал Джекоб.

Уилл не отважился спросить, к кому обращен этот вопрос — к тому, кто завладел телом Джекоба, или к лежащему перед ними трупу. Он снова против воли Джекоба заставил его увидеть это жуткое зрелище и теперь стыдился своего поступка. К тому же тошнота подступала к горлу. Но не при виде тела. Оно не особенно его беспокоило; оно было не ужаснее, чем туша, висящая в лавке мясника. Его побуждала отвернуться мысль о том, что, возможно, так выглядел и Натаниэль, чуть лучше или хуже. Уилл всегда представлял себе, что Натаниэль и в смерти был совершенен, что его раны были залечены добрыми руками, чтобы мать могла запомнить его безупречным. Теперь он знал, что это не так. Натаниэля отбросило в витрину обувного магазина. Скрыть такие глубокие раны невозможно. Неудивительно, что Элеонор проплакала несколько месяцев и заперлась у себя. Неудивительно, что она стала есть таблетки, а не яичницу с хлебом. Он не понимал, какие душевные страдания выпали на ее долю, когда она сидела рядом с его постелью, а он умирал. Но теперь он понял. А когда понял, щеки запунцовели от стыда: каким же он был жестоким.

С него довольно. Пора сделать то, чего давно хотел Стип, — отвернуться. Но теперь они поменялись ролями, и Стип это знал.

— Хочешь рассмотреть получше? — услышал Уилл его голос, и в следующий момент Стип присел на корточки рядом с телом Томаса и стал разглядывать его раны.

Теперь передернуло Уилла, его любопытство было более чем удовлетворено. Но Джекоб не отпускал его.

— Посмотри на него, — бормотал Стип, обводя взглядом искалеченный пах Томаса. — Лисичка им потрапезничала?

В голосе Стипа слышалась нотка фальшивой шутливости. Он ощущал это так же глубоко, как и Уилл, а может, еще сильнее.

— Так ему и надо. Нужно было получать удовольствие от своего члена, пока еще он мог размахивать им направо и налево. Бедный, глупый Томас. Роза не раз пыталась его соблазнить, но он был стойкий как камень. Я ему говорил: «Если ты не хочешь Розу, у которой есть все, что только может пожелать мужчина, то ты вообще не можешь желать женщину. Ты содомит, Том». Он отвечал, что я слишком прост.

Стип подался еще ближе, чтобы пристальнее рассмотреть рану. Острые зубы лисы проделали аккуратную работу. Если бы не кровь и несколько клочков плоти, можно было подумать, что этот человек родился без члена.

— Ну и вид у тебя теперь, Томас! — сказал Стип, переводя взгляд с выхолощенного паха на ослепленную голову.

Тут был и еще один цвет, которого Уилл не заметил раньше. Синеватый оттенок на внутренней поверхности губ художника, на зубах, языке.

— Ты принял яд? — спросил Стип и наклонился к лицу Томаса. — Зачем ты сделал такую глупость? Уж наверняка не из-за Рукуна. Я бы защитил тебя от него. Разве я не обещал?

Он протянул руку и провел пальцами по щеке мертвеца, как сделал это днем раньше, когда они прощались.

— Разве я тебе не говорил, что со мной и Розой ты будешь в безопасности? О господи, Том. Я бы не допустил, чтобы ты страдал.

Он отстранился от тела и сказал громче, словно делал официальное заявление:

— Во всем виноват Рукуна. Ты отдал ему свой гений, а он отплатил тебе безумием. А значит, сделался вором. Это как минимум. Больше я не буду ему служить. И никогда его не прощу. Пусть вечно остается в своем паршивом доме, но я никогда не буду рядом. И Роза тоже. — Он встал и понизил голос. — Прощай, Том. Тебе бы понравился остров.

И он отвернулся от тела, как отвернулся вчера от живого человека, и пошел прочь.

Теперь эта сцена замигала, морозящий дождь, розы и тело, лежавшее под тем и другим, в одну секунду скрылись из вида. Но в этот момент Уилл увидел лису — она стояла на границе рощи и смотрела на него. Луч солнца пробился сквозь дождевые облака и нашел зверя, покрыв золотом его поджарые бока, заостренную морду и мотающийся хвост. Уилл встретил немигающий взгляд лисы, в котором не было угрызений совести за то, что она пообедала сегодня гениталиями. Взгляд, казалось, говорил: я зверь — и не смей осуждать меня.

Потом они оба исчезли — лиса и солнце, ее осенившее, — и Уилл вернулся в темную рощу над Бернт-Йарли. Перед ним стоял Джекоб, которого Уилл все еще держал за руку.

— Ну, тебе достаточно? — спросил Стип.

Вместо ответа Уилл отпустил его руку. Да, этого было достаточно. Более чем достаточно. Он оглянулся, чтобы убедиться: ничего из виденного им не осталось. Это его успокоило. Деревья снова стояли безлистые, земля обледенела; единственными телами были тела двух птиц — одна со сломанной шеей, другая — заколотая. Но на самом деле он даже не был уверен, что находится в той самой роще.

— Это... это случилось здесь? — спросил он, поднимая глаза на Джекоба.

Лицо, все в слезах, опухло, глаза помутнели. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы сосредоточиться на вопросе.

— Нет, — сказал он наконец. — Симеон в тот год жил в Оксфордшире...

— Кто такой Симеон?

— Томас Симеон, человек, которого ты только что видел.

— Томас Симеон...

— Это было в июле тысяча семьсот тридцатого. Ему тогда исполнилось двадцать три. Он отравился пигментами, которые сам и смешивал. Мышьяковые и небесно-голубые.

— Это случилось в каком-то другом месте, — сказал Уилл. — Почему вы вспомнили об этом?

— Из-за тебя, — тихо ответил Джекоб. — Ты вызвал его в моей памяти. И не чем-то одним.

Он отвернулся от Уилла, устремил взгляд сквозь деревья в сторону долины.

— Я узнал его, когда ему было столько, сколько сейчас тебе. Он словно был моим. Слишком нежный для мира иллюзий. Он с ума сходил, пытаясь найти путь в этом порочном мире. — Он посмотрел на Уилла острым, как его нож, взглядом. — Бог — трус и показушник. С годами ты это поймешь. Он прячется за выигрышными формами, хвастаясь совершенством Своего творения. Но Томас прав. Даже в своем жалком состоянии он был мудрее Бога.

Джекоб поднес ладонь к его лицу, отставив мизинец. Значение этого жеста было совершенно ясно. Не хватало только лепестка.

— Если б мир был проще, мы бы в нем не потерялись, — сказал Джекоб. — Мы бы не жаждали обновления. Мы бы не хотели вечно чего-то нового, вечно чего-то нового! Мы бы жили так, как хотел жить Томас, трепеща перед тайнами лепестка.

Стипу, похоже, показался слишком томным его голос, и он придал ему ледяную холодность.

— Ты совершил ошибку, мальчик, — сказал он, сжимая кулак. — Ты пил там, где глупо было пить. Мои воспоминания теперь в твоей голове. Как и Томас. И лис. И безумие.

Уиллу не понравились эти слова.

— Какое еще безумие? — спросил он.

— Ты не можешь видеть того, что ты видел, не можешь знать того, что мы оба знаем теперь, не испытывая при этом горечи. — Он приложил большой палец к темени. — Ты вкусил отсюда, вундеркинд, и теперь ни один из нас не сможет быть таким, как прежде. Не смотри так испуганно. Тебе хватило мужества дойти со мной сюда...

— Но только потому, что рядом были вы...

— С чего ты взял, что после этого мы сможем разъединиться?

— Вы хотите сказать, мы сумеем уйти отсюда вместе?

— Нет, это невозможно. Мне придется держать тебя на расстоянии — на большом расстоянии — ради нас обоих.

— Но вы только что сказали...

— Что мы не сможем разъединиться. И не разъединимся. Но это не означает, что ты будешь рядом со мной. Нас ждет много боли, и я не желаю тебе этого. Во всяком случае не больше, чем ты желаешь этого мне.

Уилл видел, что Джекоб говорит с ним как со взрослым, и это немного сгладило разочарование. Этот разговор о боли между ними, о местах, которые Джекоб не хотел видеть, — так мужчина говорит с женщиной. Он бы унизил себя в глазах Джекоба, если б ответил как капризный ребенок. И какой в этом смысл? Джекоб явно не собирался менять решение.

— Ну... и куда же вы теперь? — спросил Уилл, стараясь не выдать своих чувств.

— Буду делать свою работу.

— А что это за работа?

Джекоб несколько раз заговаривал о своей работе, но никогда не говорил о ней ничего конкретного.

— Ты уже знаешь об этом больше, чем нужно тебе и мне, — ответил Джекоб.

— Я умею хранить тайну.

— Вот и храни то, что тебе известно. Только здесь, — он прижал кулак к груди, — ты можешь прикоснуться к этому.

Уилл сложил занемевшие пальцы в кулак и повторил жест Джекоба, вызвав у него

слабую улыбку.

— Хорошо. Хорошо. А теперь... иди домой.

Уилл всем сердцем надеялся, что ему не придется услышать эти слова. А когда услышал, нахлынули слезы. Но он сказал себе, что не заплачет — по крайней мере, здесь и сейчас, — и слезы отступили. Вероятно, Джекоб заметил это усилие, потому что его строгое лицо вдруг смягчилось.

— Может, мы еще найдем друг друга где-то на пути.

— Вы так думаете?

— Это возможно. А теперь возвращайся домой. Оставь меня — я должен подумать о том, что потерял. — Он вздохнул. — Сначала книга. Потом Роза. Теперь ты. — Он повысил голос. — Я же сказал — ступай!

— Вы потеряли книгу? — спросил Уилл. — Она у Шервуда.

Уилл стоял на месте, надеясь, что эти сведения помогут заслужить отсрочку. Хотя бы еще час в обществе Джекоба.

— Ты уверен?

— Уверен! — сказал Уилл. — Не волнуйтесь, я заберу ее у него. Я знаю, где он живет. Это не составит труда.

— Только не лги мне, — предостерег Джекоб.

— Я бы ни за что не стал этого делать, — сказал Уилл, оскорбленный таким предположением. — Клянусь.

Джекоб кивнул.

— Я тебе верю. Ты окажешь мне огромную услугу, если добудешь эту книгу.

Уилл усмехнулся.

— Я и не хочу ничего другого. Только оказать вам услугу.

XII

1

В спуске не было никакого волшебства: ни ожидания, ни укрепляющей руки на шее Уилла, которая помогала бы ему переползать через обледеневшие камни. Всю помощь, которую Джекоб считал нужной, он уже оказал. Уилл был предоставлен самому себе, а это означало, что он то и дело падал. Два раза проскользил несколько ярдов на пятой точке, наставил синяков и поцарапался о торчавшие камни, когда пытался замедлить падение. Это было холодное, мучительное и унижительное путешествие. Уилл страстно желал, чтобы оно закончилось как можно скорее.

Но когда он спустился до половины, мучения достигли предела, потому что появилась Роза Макги. Она возникла из мглы, призывая Джекоба, тревога в ее голосе была такой сильной, что Джекоб попросил Уилла подождать, пока он будет говорить с ней. Роза была взвинчена. Уилл не слышал ни слова из их разговора, но увидел, что Джекоб успокаивающим жестом положил руку ей на плечо. Он кивал и слушал, потом ответил, придвинувшись к ней почти вплотную. Минуту спустя он вернулся к Уиллу.

— У Розы неприятности. Нам нужно быть настороже.

— Какие?

— Не задавай вопросов, поверь на слово. А теперь, — он показал вниз по склону холма, — нам надо торопиться.

Уилл, подчинившись, двинулся вниз. Он бросил напоследок взгляд на Розу и увидел, что она присела на плоский камень, с которого как будто смотрела в сторону Суда.

«Может, ее выгнали оттуда? — недоумевал Уилл. — Из-за этого она и подняла панику?»

Наверное, он никогда этого не узнает. Уставший и подавленный, он продолжил спуск.

Уилл увидел, что в деревне что-то происходит: несколько машин с проблесковыми

маячками, повсюду стайки людей. Двери многих домов распахнуты, хозяева стоят на пороге полураздетые, наблюдая за происходящим.

— Что тут такое? — удивился Уилл.

— Что бы ни было, нас это не касается, — ответил Джекоб.

— А они не меня ищут?

— Нет, не тебя.

— Значит, ее? — догадался Уилл, и ему сразу стала ясна причина беспокойства Розы. —

Они ищут Розу.

— Боюсь, что так, — отозвался Джекоб. — Она нашла себе приключение. Но Роза в состоянии позаботиться о себе. Давай-ка остановимся на минуту и подумаем, какие у нас есть варианты.

Уилл покорно остановился, и Джекоб шага на два-три спустился по склону. Наконец они оказались в двух ярдах друг от друга. После рожи Джекоб ни разу не подходил к Уиллу ближе.

— Тебе отсюда видно, где живет твой друг?

— Да.

— Покажи мне, где это.

— Видите, там, где припаркован полицейский автомобиль, дорога поворачивает?

— Вижу.

— За этим поворотом есть улица, она идет налево, видите?

— И ее вижу.

— Это Сэмсон-роуд, — сказал Уилл. — Они живут в доме, рядом с которым склад утиля.

Джекоб хранил молчание, изучая местность.

— Я смогу вернуть вам эту книгу, — напомнил Уилл, опасаясь, как бы он не направился туда один.

— Я знаю, — сказал Джекоб. — Полагаюсь на тебя. Но не думаю, что с нашей стороны будет благоразумно оказаться сейчас в гуще событий.

— Мы можем пройти задом.

Он показал дорогу. На это ушло бы еще около получаса, но позволило бы проскользнуть незамеченными.

— Похоже, это самое мудрое решение, — заметил Джекоб.

Он стянул правую перчатку и полез в карман за ножом.

— Не волнуйся, — сказал он, перехватив встревоженный взгляд Уилла. — Я не запятнаю его человеческой кровью без крайней необходимости.

Уилла пробрала дрожь. Час назад, поднимаясь с Джекобом на холм, он чувствовал себя счастливым, как никогда прежде. От прикосновения ножа по руке проходил трепет удовольствия, а те пустяшные смерти, причиной которых он стал, наполняли его гордостью.

Теперь Уиллу казалось, что все это было в другом мире, с кем-то другим. Он посмотрел на свои руки. Ему так и не удалось отчистить их до конца, и даже в сумерках он различал на них кровь птиц. По телу прошла судорога отвращения к самому себе. Если б он мог убежать прямо сейчас, то, наверное, так бы и сделал. Но тогда Джекоб отправится на поиски книги сам, а Уилл не хотел идти на такой риск, пока в руке Джекоба этот нож. Уилл знал по собственному опыту, как своеволен его клинок, как одержим злом.

Повернувшись спиной к ножу и своему спутнику, он стал спускаться, но теперь уже не к деревне, а в обход, чтобы никто не увидел, как они подбираются к крыльцу Каннингхэмов.

2

Когда Фрэнни проснулась, часы у ее кровати показывали двадцать пять минут шестого. Но она все равно встала, зная, что отец, который всегда был ранней пташкой, поднимется не позже, чем через пятнадцать минут.

Но она нашла его уже на кухне: полностью одетый, он наливал себе чай и курил сигарету. Отец улыбнулся ей довольно мрачно.

— Там что-то происходит, — сказал он, накладывая сахар в чашку. — Пойду посмотрю, что за дела.

— Съешь сначала тосты, — возразила Фрэнни.

Она не стала ждать ответа. Взяла батон из хлебницы, подошла к буфету за ножом, потом к плите, включила гриль, вернулась нарезать хлеб. И все это время думала, как это странно — делать вид, будто этим утром ничто в мире не изменилось, тогда как в глубине души она уверена в обратном.

Первым заговорил отец. Стоя к ней спиной, он смотрел в окно.

— Не знаю, что за дела творятся, — он покачал головой, — раньше тут было безопасно.

Фрэнни сунула в гриль два толстых ломтя хлеба и, достав из буфета свою любимую кружку, налила чаю. Как и отец, она клала много сахара. В семье они двое сладкоежки.

— Я иногда начинаю бояться за тебя, — сказал отец, повернувшись к Фрэнни. — Дела в мире идут так...

— Со мной все будет в порядке, па.

— Я знаю, — отозвался он, хотя, судя по выражению лица, не слишком верил в то, что говорил. — Со всеми нами все будет в порядке.

Он раскрыл объятия, и она подошла к нему, крепко прижалась.

— Но только становясь старше, — продолжал отец, — ты увидишь, что в мире больше зла, чем добра. Поэтому-то и нужно работать с утра до ночи, чтобы твои близкие жили в безопасности. В таком месте, где можно запереть дверь.

Он покачал ее в объятиях.

— Ты моя принцесса, ты это знаешь?

— Знаю, — ответила Фрэнни, улыбаясь.

Мимо проехала полицейская машина с включенной сиреной. Выражение счастья исчезло с лица Джорджа Каннингхэма.

— Сейчас намажу маслом тосты, — сказала Фрэнни, погладив отца по груди. — Сразу настроение улучшится.

Она вытащила из гриля ломти хлеба и перевернула их.

— Хочешь мармелада?

— Нет, спасибо, — сказал он, глядя, как она суетится — к холодильнику за маслом, потом назад к плите, достает горячие тосты и кладет их на тарелку.

Фрэнни намазала масло толстым слоем — знала, что ему так нравится.

— Держи, — сказала она, подавая тост отцу.

Он стал есть, одобрительно бормоча.

Теперь нужно только молока к чаю. Картонная упаковка оказалась пустой, но молочник, наверное, уже приходил, и Фрэнни направилась к двери. Оба запора — верхний и нижний — были закрыты. Она не могла припомнить, чтобы когда-то так было. Родители явно беспокоились, когда шли спать. Фрэнни открыла верхний запор, нагнулась, чтобы отпереть нижний, и наконец распахнула дверь.

Никаких признаков дня еще не было — ни просвета. Впереди был один из тех зимних дней, когда свет едва успевает появиться и тут же исчезает. Но снег идти перестал, и в свете фонаря улица была похожа на застеленную постель. Пухлые белые подушки привалились к стенам, на крышах и мостовых лежали лоскутные одеяла. Это зрелище ласкало глаз. Оно напоминало о близости Рождества, когда все будут петь и смеяться.

На ступеньке ничего не было: молочник сегодня запаздывал.

«Ну и ладно, — подумала Фрэнни, — попью чай и так».

А потом она услышала скрип чьих-то шагов. Подняла голову и увидела кого-то на другой стороне улицы. Она не знала, кто это: человек стоял там, куда не доходил свет фонаря, но оставался там лишь несколько мгновений. Понял, что его увидели, и вышел из серой тени на свет. Это был Уилл.

XIII

1

Роза ждала на камне, чутко прислушиваясь. Они скоро будут здесь. Ее преследователи. Она слышала каждый скрип их ботинок, облепленных снегом, — они шли по склону холма в ее сторону. Один — всего их было четверо — курил на ходу (она видела огонек сигареты, который светился ярче, когда он затягивался). Другой был молодой и дышал легче, чем его спутники. Третий время от времени прикладывался к фляжке с бренди, а когда предложил выпить товарищам, она отчетливо услышала, что он глотает звуки. Четвертый вел себя тише остальных, но иногда, если Роза прислушивалась изо всех сил, ей казалось, она слышит, как он бормочет что-то себе под нос. Но бормотание было слишком невнятным, чтобы его разобрать, и она подумала, что это молитва.

С Джекобом у нее состоялся откровенный разговор. Она сразу сказала, что сделала в Суде, и посоветовала ему поскорее убраться отсюда, иначе толпа их растерзает. Он ответил, что пока не собирается покидать эти места, что у него еще дела в деревне. Когда она спросила какие, он ответил, что не желает делиться тайнами с женщиной, которую, скорее всего, еще до рассвета подвергнут допросу.

— Это угроза, мистер Стип? — спросила Роза.

— Наверное, ты можешь относиться к этому и так, — ответил он.

— Хочешь, чтобы я взяла их смерть на свою совесть?

— Какую совесть?

Этот ответ сильно развеселил ее, и несколько мгновений, пока она стояла на склоне холма рядом с Джекобом, ей казалось, что наступили прежние времена.

— Ну что ж, — сказала она, — теперь ты предупрежден.

— И это все, что ты собиралась сделать? Предупредить меня и убраться отсюда?

— А что ты предлагаешь?

Она улыбнулась.

— Я хочу, чтобы ты приняла меры и они не преследовали меня.

— Ну, так скажи это. Скажи: «Убей их ради меня, Роза».

Она подалась ближе. Сердцебиение у него участилось — она слышала удары, громкие и отчетливые.

— Если хочешь, чтобы они умерли, нужно только сказать об этом. — Ее губы были так близко от его уха, что почти касались его. — Никто не будет об этом знать, кроме нас.

Он молчал, а потом смиренно пробормотал слова, которые она хотела услышать:

— Убей их ради меня.

И они с мальчишкой отправились дальше.

Теперь Роза ждала, чувствуя себя гораздо счастливее. Хотя он всего несколько часов назад и хотел ее убить, она все больше склонялась к мысли, что лучше бы им помириться. Она отомстила за неудавшееся покушение на ее жизнь и теперь хотела забыть об этом происшествии, если только можно все исправить. А это возможно, она не сомневалась, нужно только постараться быть терпеливой. Может быть, они уже никогда не будут такими, как прежде (попыток завести детей больше не будет — она хоть и скрепя сердце, но согласилась с этим), однако крепкий брак — это не скала. Он изменяется, углубляется, становится зрелым. Так что их отношения с Джекобом могут постепенно наладиться. Они заново научатся уважать друг друга, найдут способы не предавать свою половину.

Эта мысль вернула ее к цели бдения на этом камне. Разве есть более убедительный способ доказать свою любовь, чем совершить ради него убийство?

Она задержала дыхание и напряженно прислушалась. Человек, глотавший звуки,

жаловался, что ему тяжело подниматься, говорил, что не может идти дальше. Он должен остаться, а они пусть идут без него.

«Нет-нет», — тихонько сказала она себе.

Роза готова была забрать четыре жизни, и именно так она и поступит. Извинения не принимаются.

Пока мужчины спорили, она приняла решение: хватит ждать. Если они собираются увильнуть, она сама к ним спустится. Глубоко вздохнув, Роза поднялась с камня. С почти девчоночьим предвкушением она двинулась по своим следам вниз, туда, где остановились ее жертвы.

2

Вид у Уилла был ужасный. Серое лицо, разорванная и промокшая одежда, он прихрамывал, а выглядел, подумала Фрэнни, как мертвец. Мертвец, который среди ночи пришел проститься.

Она выбросила глупости из головы. Уиллу нужна помощь — все остальное сейчас не имеет значения. Фрэнни была босиком, но перешагнула через порог и двинулась к Уиллу, утопая ногами в снегу.

— Иди скорей в тепло, — сказала она.

Он покачал головой.

— Нет времени.

Голос у него был такой же больной, как и вид.

— Я пришел за книгой.

— Ты сказал ему?

— Да. Пришлось, — ответил Уилл. — Это его книга, Фрэнни, и он хочет ее вернуть.

Она остановилась, вдруг осознав свою наивность. Уилл пришел не один. С ним Джекоб Стип. Невидимый, где-то в темноте, за границей пятна от фонаря, но неподалеку.

«Может быть, поэтому у Уилла такой больной вид, — подумала она. — Может, Стип избил его или еще что-то с ним сделал?»

Не шелохнувшись, она повела глазами: нет ли движения в тени за его спиной? Нужно как-то заманить Уилла в дом, но при этом не вызвать подозрений у Стипа.

— Книга наверху, — сказала она как можно небрежнее. — Заходи, я ее принесу.

Уилл отрицательно покачал головой, но сделал это не сразу и как-то неуверенно, так что ей показалось, что он не откажется войти в теплый дом, если она будет настаивать.

— Идем, — повторила она, — Всего на пару минут. Я дам тебе чай. И тост с маслом.

Она понимала, что это всего лишь простые домашние радости против того влияния, которое имеет на него Стип. Но ничего другого у нее не было.

— Я не хочу... заходить, — сказал Уилл.

Она безразлично пожала плечами.

— Как знаешь. Тогда пойду за книгой.

Фрэнни повернулась к нему спиной, спрашивая себя, что она будет делать, вернувшись в дом. Оставить ли дверь открытой в надежде заманить Уилла за порог или закрыть, защищая свой дом и свою жизнь от человека, который стоит в тени?

Она нашла компромиссное решение: оставила дверь приоткрытой на случай, если Уилл передумает. Потом, отбивая дробь зубами, двинулась вверх по лестнице. Из кухни раздался голос отца:

— Ты молоко принесла?

— Я сейчас спущусь, па, — откликнулась Фрэнни и поспешила в свою комнату.

Она точно помнила, где спрятала книгу, и через секунду та была у нее в руках. Фрэнни прошла уже половину пути вниз по лестнице, когда услышала голос Шервуда:

— Ты что делаешь?

Она подняла глаза на лестничную площадку, стараясь держать книгу так, чтобы он

спросонок ее не увидел. Но опоздала.

— Куда ты ее несешь? — спросил брат, приближаясь к лестнице, чтобы спуститься вслед за сестрой.

— А ну, не смей сюда идти! — приказала она, подражая самому суровому голосу матери. — Я это серьезно, Шервуд.

Ее строгий тон не остановил его. Хуже того — из кухни вышел отец и попытался ее утихомирить:

— Тихо, Фрэнни, маму разбудишь...

Он перевел глаза на дверь, распахнутую порывом ветра.

— Неудивительно, что тут такой сквозняк! — сказал он и направился к двери.

Фрэнни охватила паника, и она бросилась вниз по лестнице, чтобы его опередить.

— Я закрою! Можешь не спешить!

Но она опоздала. Отец оказался у двери раньше и, выглянув на улицу, увидел Уилла.

— Что тут, черт побери, происходит? — сказал он, поворачиваясь к Фрэнни, которая уже была рядом. — Ты знала, что он здесь?

— Да, папа...

— Господи милостивый! — сказал он, повышая голос. — У вас, ребята, мозгов совсем нет? Уильям! Ну-ка, заходи. Ты меня слышишь?!

Фрэнни через плечо отца видела Уилла. У нее вдруг появилась надежда, что тот подчинится. Но Уилл отступил на несколько шагов.

— А ну иди сюда! — потребовал Джордж, выходя за порог.

— Па, не надо... — начала было Фрэнни.

— Замолчи! — отрезал отец.

— Он не сам по себе, па.

Этого оказалось достаточно, чтобы его решимость куда-то подевалась.

— Что ты такое говоришь?

Фрэнни вышла на крыльцо.

— Пожалуйста, оставь его.

И тут сдерживаемый гнев отца прорвался наружу.

— А ну в дом! — завопил он. — Ты меня слышишь, Фрэнсис?

Она была уверена, что его слышали все соседи. Теперь только вопрос времени, когда они высыпят на улицу и станут задавать вопросы. Для всех будет лучше, если она вручит книгу Уиллу, чтобы он передал ее Стипу. Книга была собственностью Стипа. Всем будет лучше, если она вернется к хозяину.

Но прежде чем Фрэнни успела пренебречь приказом отца и выйти из дома, ее перехватил Шервуд.

— Кто это там? — спросил он.

Утром у него изо рта дурно пахло, руки были потные.

— Только Уилл, — солгала она.

— Ты врешь, Фрэнни. Это они?

Он вглядывался мимо нее в темноту. Потом сказал: «Отдай книгу» — и попытался выхватить ее из рук Фрэнни. Но та не выпустила ее, изо всех сил пихнула брата в грудь, заталкивая его назад, в холл. По лестнице уже спускалась миссис Каннингхэм, спрашивая, что там происходит, но Фрэнни предпочла не заметить ее и выскочила на снег, когда отец схватил Уилла, у которого, кажется, уже не осталось сил отступать. Его серое лицо было безвольным, тело не слушалось.

— Не смейте, — услышала Фрэнни голос Уилла, когда ее отец схватил его.

Но едва мистер Каннингхэм коснулся Уилла, ноги у мальчика подкосились, а глаза закатились под трепещущие веки.

Фрэнни не стала смотреть, что с ним. Она быстро прошла мимо отца, который подхватил безжизненное тело Уилла, стараясь не упасть вместе с ним, а потому не мог остановить ее. Она выскочила на середину улицы и подняла дневник высоко над головой,

чтобы его мог видеть Стип.

— Вот что вам надо, — сказала она едва слышно. — Подойдите и возьмите.

Она круто развернулась, ожидая, что он даст знать о себе. На крыльце стояла мать, требуя, чтобы Фрэнни немедленно вернулась в дом. Соседка миссис Дейвис стояла у калитки, рядом таял ее терьер Бенни. Из своего фургона с недоуменным выражением на лице выходил молочник Артур Ратбон.

И тут, разворачиваясь в другую сторону, она увидела Стипа. Он приближался уверенным шагом, уже протягивая руку в перчатке, чтобы взять свою вещь. Фрэнни хотела, чтобы расстояние между врагом и крыльцом ее дома было как можно больше, а потому не стала ждать, когда он подойдет, а двинулась навстречу, к противоположной стороне улицы. Как ни странно, она ощущала лишь слабые уколы страха. Эта улица была частью ее мира: ворчащая мать, таяющая собака, молочник... Здесь Стип бессилен, даже в темноте.

Их разделяли два-три ярда, и теперь она смогла разглядеть его лицо. Он был счастлив, а его взгляд — прикован к книге в ее руке.

— Хорошая девочка, — пробормотал он и выхватил книгу — она и глазом моргнуть не успела.

— Он не хотел ее брать, — крикнула она на тот случай, если Стип вынашивает планы относительно Шервуда. — Он не знал, что она такая важная.

Стип кивнул.

— А она ведь важная? — спросила она, надеясь и в то же время понимая всю тщетность этой надежды, что он даст ей хоть какое-то представление, пусть и самое туманное, относительно содержания книги.

Но если он и понял ее намерение, то не собирался выдавать никаких тайн.

— Скажи Уиллу, пусть поостережется Господина Лиса.

— Господина Лиса?

— Он поймет, — сказал Стип. — Теперь он тоже часть этого безумия.

С этими словами он развернулся и двинулся по улице — мимо склада ее отца, мимо Артура Ратбона, который предусмотрительно посторонился, мимо почтового ящика на углу и исчез из вида.

— Фрэнни!

Голос матери.

— Ты вернешься в дом наконец?!

Даже теперь, когда Стипа уже не было видно, Фрэнни не могла отвернуться.

— Фрэнни! Что я тебе говорю?!

Она нехотя перевела взгляд на дом. Отцу удалось отчасти донести, отчасти волоком дотащить Уилла до крыльца, где стояла мать, обнимавшая Шервуда.

«Ну, сейчас начнется, — подумала Фрэнни. — Вопросы, вопросы, и ни малейшего шанса что-то утаить. Хотя после сегодняшнего это вряд ли имеет значение. Уилл вернулся, его приключения закончились, так и не начавшись, и больше нет нужды лгать во спасение. Остается только сказать правду, какой бы странной она ни была, и принять последствия».

С тяжелым сердцем и пустыми руками, она двинулась к крыльцу, где, уткнувшись в грудь матери, рыдал Шервуд — рыдал так, словно не собирался останавливаться.

XIV

Три часа спустя, когда занялся хмурый день и подошел второй фронт метели, Джекоб и Роза встретились на Скиптон-роуд, в нескольких милях к северу от долины. Они не назначали место встречи, но все же пришли сюда (Джекоб из долины, Роза с камня в холмах) с разницей в пять минут, словно условились о randevu.

Роза всегда напускала тумана, когда заходила речь о том, что она сделала со своими преследователями, но все же выяснилось, что была настоящая погоня, в которой она знала толк.

— Один из них бежал и бежал, — сказала она. — И я была так зла, когда догнала его, что...

Она замолчала и нахмурилась.

— Я знала, что это ужасно, потому что он был как ребенок. Ну, ты знаешь, какими они бывают. — Она рассмеялась. — Мужчины как дети. Не все, конечно. К тебе это не относится, Джекоб.

Порыв ветра со снегом принес вой приближающихся полицейских сирен.

— Нужно двигаться, — сказал Джекоб, поглядев на дорогу сначала в одну, потом в другую сторону. — Ты куда хочешь?

— Туда, куда ты, — ответила она.

— Хочешь, чтоб мы шли вместе?

— А ты — нет?

Джекоб тыльной стороной руки в перчатке вытер нос: с него капало.

— Пожалуй, я не против. По крайней мере, пока они не прекратят погоню.

— Да пусть приходят, — сказала Роза с мрачной улыбкой. — Я не прочь порвать им глотки, им всем.

— Ну, всех не убьешь, — заметил Джекоб.

— Неужели? — спросила она с улыбкой, словно ребенок, выпрашивающий игрушку у взрослого.

Джекоб едва не рассмеялся против желания. Она всегда устраивала такие сценки, чтобы его развлечь: Роза-школьница, Роза-грубиянка, Роза-поэтесса. Теперь перед ним была Роза-живодер, настолько погрязшая в убийствах, что даже не помнит, что сделала и с кем. Если он не хочет путешествовать в одиночку, разве найдешь спутницу лучше, чем эта женщина, которая знает его так хорошо?

И только на следующий день, читая «Дейли телеграф» в кафе Абердина, они разобрались, что же натворила Роза, хотя в газете было как никогда мало подробностей. Два из четырех тел, найденных на холме, были расчленены, а некоторые части одного из них так и не были обнаружены. Джекоб не стал спрашивать, съела она их, закопала или разбросала по дороге, уходя, чтобы порадовать диких зверей. Он просто прочел заметку и передал газету Розе.

— У них есть хорошее описание нас обоих, — заметил он.

— Это детишки наболтали.

— Да.

— Нужно вернуться и прикончить их, — сказала она нараспев и добавила, брызгая слюной: — В их кроватях.

— Мы сами виноваты. Ну, да это не конец света. — Он усмехнулся в кружку с «Гиннесом». — А может, и конец.

— Я предлагаю двигаться на юг.

— Не возражаю.

— Сицилия.

— Есть какие-то конкретные причины?

Она пожала плечами.

— Вдовы. Пыль. Не знаю. Просто мне пришло в голову, что это хорошее место, где можно затаиться, если у тебя это на уме.

— Ненадолго, — сказал Джекоб, ставя на стол пустую кружку.

— У тебя предчувствие?

— У меня предчувствие.

Она рассмеялась.

— Ужасно люблю, когда у тебя предчувствие, — сказала она, накрывая его руки своими. — Я знаю, мы наговорили друг другу много жестоких слов в последние дни...

— Роза...

— Нет-нет, выслушай меня. Мы говорили жестокие слова, и говорили их от души. Давай будем честны: мы говорили их от души. Но... я тебя очень люблю.

— Я знаю.

— Я спрашиваю себя, знаешь ли ты, как сильно я тебя люблю, — сказала она, подаваясь к нему. — Потому что я ведь тебя не люблю.

Он недоуменно посмотрел на нее.

— То, что я чувствую к тебе, — очень глубоко во мне, очень далеко уходит в мою душу, в самую мою суть, Джекоб.

Она вперилась в него взглядом, и он тоже смотрел на нее не мигая.

— Ты понимаешь, о чем я говорю?

— То же самое чувствую и я...

— Не говори, если нет.

— Клянусь, что чувствую, — продолжал Джекоб. — Я понимаю это не больше, чем ты, но мы принадлежим друг другу. Я признаю это.

Он поцеловал ее ненакрашенные губы. У них был вкус джина. Но сквозь алкоголь чувствовался другой вкус, какого не было ни у каких других губ в мире — только у его Розы. Если бы кто-нибудь сказал ему сейчас, что она не само совершенство, он убил бы эту сволочь на месте. Она была настоящее чудо, когда он смотрел на нее вот так, незамутненным взглядом. А он — счастливейший из мужчин, потому что идет по земле бок о бок с нею. Ну и пусть на его работу уйдет еще столетие — ерунда. Рядом с ним Роза, непреходящий знак того, что ждет его в конце пути.

Он жадно приник к ее губам, и она ответила на его страстные поцелуи с не меньшей страстью, и наконец они сплелись телами так, что никто из посетителей кафе не смел кинуть взгляд в их сторону, чтобы не покраснеть.

Потом они пошли на пустырь рядом с железнодорожными путями. И там, когда сумерки, сопровождаемые снегопадом, опустились на остров, завершили совокупление, начатое в здании Суда. На сей раз страсть накрыла их с головой, так что пассажир какого-нибудь поезда из тех, что промчались мимо, увидев их в грязи, мог решить, что перед ним не два существа, а одно: единое безымянное животное, залегшее рядом с железнодорожными путями в ожидании, когда можно будет перебраться на другую сторону.

XV

1

Уилл знал, что спит. Все это ему снилось, хотя он и лежал в своей кровати, и это вроде бы была его комната (он слышал голос матери, доносившийся откуда-то снизу). Доказательства? Его мать не говорила — она пела. Пела по-французски грубоватым, но приятным голосом. Сушая нелепица. Его мать ненавидит звук собственного поющего голоса. Она лишь беззвучно двигала губами, когда в церкви пели псалмы. Но было и еще одно доказательство, более убедительное. Свет, проникавший сквозь неплотно сдвинутые шторы, был такого цвета, какого он не видел прежде: сиреневый с золотистым блеском, от которого все, на что он падал, начинало подрагивать, словно пело на языке света собственную песню. А там, куда свет не попадал, царили полная неподвижность и тени какого-то таинственного оттенка.

— Очень странные сны, — сказал кто-то.

Он сел в кровати.

— Кто здесь?

— Правда? Сны внутри снов. Они всегда самые странные.

Уилл взгляделся в темноту в изножье кровати, откуда шел голос. Прищурился, чтобы разглядеть говорившего. На нем было что-то рыжее.

«Может, шуба, — подумал Уилл. — Остроконечная шапка?»

— Но я думаю, это похоже на русские матрешки, — продолжал человек в шубе. — Ты знаешь, о чем я говорю? Они делают одну куклу в другой, одну в другой. Ну, ты-то, конечно, знаешь. Человек с таким жизненным опытом. Столько всего повидал. Что до меня, то я не выходил за пределы вересковой пустоши площадью пять квадратных миль. — Он помолчал, пережевывая что-то. — Извини, что чавкаю, но я чертовски голоден... Так о чем я говорил?

— О матрешках.

— Ах, да. Матрешки. Ты понимаешь мою метафору? Эти сны похожи на матрешек. Они сидят один в другом. — Он умолк и пожевал еще. — Но вот в чем фокус. Это действует в двух направлениях...

— Кто вы? — спросил Уилл.

— Не прерывай меня. Думаю, тут есть натяжка, но представь, что мы существуем в некоем параллельном мире, в котором я переписал все законы физики...

— Я хочу видеть, с кем говорю, — гнул свое Уилл.

— Ни с кем ты не говоришь. Тебе это снится. Я переписал все законы физики, и любая матрешка помещается в другую, невзирая на размеры.

— Это глупо.

— Кого ты называешь глупым? — возмутился незнакомец и в гневе вышел из тени.

Это не был человек в шубе или остроконечной шапке — это был лис. Снящийся ему лис с блестящим мехом, длинными усами и черными глазами, которые сверкали, словно черные звезды на изящной длинномордой голове. Лис легко стоял на задних лапах, подушечки передних были слегка вытянуты, напоминая короткие пальцы.

— Ну, теперь ты видишь меня, — сказал лис.

Уилл заметил единственное свидетельство того, что это существо когда-то было диким зверем: брызги крови на белом треугольничке на груди.

— Не волнуйся, — сказал лис, опустив глаза на кровавые пятна. — Я уже поел. Ты ведь наверняка помнишь Томаса.

Томаса...

...труп в траве со съеденными гениталиями...

— Только не будь таким нетерпимым, — с упреком сказал лис. — Мы делаем то, что должны делать. Если ты находишь пищу, ты ее ешь. И начинаешь с самых лакомых частей. Нет, вы только посмотрите на него. Поверь, у тебя во рту побывает немало пипок — это время не за горами. — И снова смех. — Вот в чем прелесть круговорота вещей, понимаешь? Я говорю с юнцом, а слушает меня мужчина. И это наводит на мысль: уж не видел ли ты эти сны на самом деле много лет назад? Разве это не головоломка? Видел ли ты в одиннадцать лет сны, в которых я рассказывал о мужчине, каким ты со временем станешь? О мужчине, который когда-нибудь будет лежать в коме и видеть сны о том, как ты спишь в своей кровати и видишь сон о лисе? — Он пожал плечами. — И так далее? Ты следишь за ходом моих мыслей?

— Нет.

— Это всего лишь домыслы. Твой отец, вероятно, был бы не прочь порассуждать на эту тему с лисом, и не думаю, что все это улеглось бы в его систему взглядов. Что ж... это его проблема.

Лис подошел к кровати, нашел место, где свет золотил его мех.

— Удивляюсь я тебе, — сказал он, внимательно разглядывая Уилла. — На труса ты не похож.

— Я не был трусом. Я бы сам передал ему книгу, вот только ноги...

— Я говорю не с мальчишкой, каким ты был, — сказал лис, строго глядя на него. — Я говорю с мужчиной, каким ты стал.

— Я не мужчина, — слабо возразил Уилл. — Пока еще.

— Да прекрати бога ради. Не утомляй меня. Ты прекрасно знаешь, что ты взрослый человек. Не можешь же ты вечно цепляться за прошлое. Поначалу это может казаться

удобным, но рано или поздно это тебя прикончит. Пора проснуться, дорогой друг.

— Я не понимаю, о чем ты.

— Господи Иисусе, до чего ты упрям! — резко сказал лис, забывая о манерах. — Не знаю, куда тебя заведет твоя ностальгия. Значение имеет только будущее.

Он приблизился к Уиллу, и теперь они смотрели в глаза друг другу.

— Ты меня слышишь?! — крикнул он.

Из пасти у него воняло, и зловоние напомнило Уиллу о том, что сожрал лис, каким довольным он выглядел, семена прочь от тела Симеона. Он знал, что все это сон, но страх от этого не становился меньше. Если лис появился на запах той малости, что была у Уилла между ног, то он так просто не сдастся, но шансов на победу маловато. Истечь кровью в собственной кровати, пока лис будет жрать его живьем...

— О господи, — сказал лис. — Я понимаю, что принуждение ничего не даст.

Он отошел от кровати на пару шагов и потянул носом.

— Позволь, я расскажу тебе анекдот. Впрочем, разрешения не нужно, я тебе расскажу его в любом случае. Как-то раз я встретил собаку, она лежала на моей охотничьей территории. Обычно я не вожусь с домашними животными, но тут мы разговорились, как это бывает иногда с людьми, и она сказала: «Господин Лис (так она меня называла: Господин Лис), иногда я думаю, что мы, собаки, совершили ужасную ошибку, доверившись им». Он имел в виду ваш вид, мой друг. Я спросил: «Почему? Тебе не приходится питаться отходами, как мне, и спать под дождем». Она ответила, что с точки зрения мироздания это не важно. «Ну-ну», — рассмеялся я. То есть я подумал, с каких это пор собак интересует мироздание. Но нужно отдать должное этому псу, он и в самом деле был в некотором роде мыслителем.

«Мы сделали наш выбор, — сказал он. — Мы охотились для них, охраняли их стада, сторожили их выродков. Господь знает, мы помогли им построить цивилизацию. А ради чего?» Я сказал, что не знаю, что это за пределами моего понимания. «Потому что, — сказал он, — мы думали, будто они знают, как вести дела. Как наполнить мир мясом и цветами».

«Цветами? — спросил я. (Собачье притворство я могу выносить только до определенных пределов.) — Не говори ерунды. Мясо — да. Ты хотел, чтобы они кормили тебя мясом, но с каких это пор собак интересует запах цветущей вишни?»

Ну, собака, услышав это, этак высокомерно на меня посмотрела и сказала, что наш разговор окончен. Встала и потрусила прочь.

Теперь лис вернулся в изголовье кровати Уилла.

— Ты понял, о чем речь? — спросил он.

— Вроде того.

— Просыпайся, Уилл. За окном мир, которому нужна помощь. Сделай это ради собак, если уж на то пошло. Только просыпайся. Передай это человеку, который есть в тебе. Скажи ему, чтоб проснулся. А если ты этого не сделаешь, — Господин Лис склонился над спинкой кровати и прищурил горящие глаза, — я вернусь посреди ночи и отгрызу твои нежные части. Ты меня понял? Я вернусь, и это так же верно, как то, что Господь навесил сиськи на ветки.

Его пасть приоткрылась. Уилл ощутил запах дыхания.

— Ты меня понял?

— Да, — сказал он, стараясь не смотреть на лиса. — Да! Да!

Да!

— Уилл.

— Да! Да!

— Уилл, у тебя ночной кошмар. Проснись. Проснись.

Открыв глаза, он увидел, что лежит на кровати у себя в комнате, вот только Господина Лиса нет, как нет и невероятного света. Вместо них он увидел человека рядом с кроватью — доктора Джонсон, которая и разбудила его, встряхнув. У двери с гораздо менее сочувственным выражением лица стояла мать.

— Что это за сны тебе снились? — спросила доктор Джонсон, прижимая ладонь к его лбу. — Не помнишь?

Уилл покачал головой.

— Да, дружок, у тебя сумасшедшая температура. Неудивительно, что ты видишь странные сны. Ну ничего, поправишься.

Доктор вытащила из саквояжа бланк рецепта и что-то на нем черкнула.

— Он должен оставаться в кровати, — сказала она, вставая. — Три дня минимум.

2

На этот раз Уилл не стал противиться предписаниям врача, потому что был настолько слаб, что не смог бы покинуть дом, даже если б захотел. А он не хотел. Теперь, когда Джекоб оставил его, у него не было причин куда-то идти. Хотелось одного: засунуть голову под подушку и закрыться от мира. А если он задохнется там, под подушкой, что с того? Цели в жизни у него теперь не было, если не считать прием таблеток, обмена колкостями с родителями и сны о Господине Лисе.

Ситуация представлялась мрачной, когда он проснулся, но два-три часа спустя она стала еще мрачнее: заявили двое полицейских — у них имелись к нему вопросы. Один был в форме. Он сел в углу спальни и стал прихлебывать чай из кружки, поданной Аделью. Другой — усталого вида человек, от которого исходил затхлый запах пота, — сел на край кровати Уилла. Он представился как детектив Фаради и сразу стал донимать Уилла вопросами.

— Прежде чем отвечать, сынок, прошу тебя хорошенько подумать. Проще говоря, мне не нужна ложь или выдумки. Это не игрушки, сынок. Погибли пять человек.

Этого Уилл не знал.

— Вы хотите сказать... что их убили?

— Я хочу сказать, что их жестоко убила женщина, которая была с похитившим тебя мужчиной.

Уилл хотел сказать, что его никто не похищал, что он пошел сам, потому что хотел. Но придержал язык и позволил Фаради продолжать.

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне все, о чем он тебе говорил, все, что делал, даже если он требовал, чтобы ты сохранил это в тайне. Даже если... если кое о чем из того, что он сказал или сделал, говорить нелегко.

Фаради понизил голос, словно чтобы заверить Уилла, что сохранит услышанное в тайне. Несколько секунд Уилл колебался, но потом сказал, что ответит на любой вопрос.

Именно это он и делал в течение следующего часа с четвертью, а Фаради и констебль записывали то, что он рассказывал. Уилл знал: часть того, что он говорит, может (чтобы не сказать больше) показаться странным, а кое-что, в особенности рассказ о сжигании мотыльков, может выставить его в плохом свете. Но он все равно рассказывал, зная в глубине души, что эти серые людишки, что бы он им ни говорил, все равно не найдут Джекоба и Розу. Он не знал, где живут Стип или Макги или куда они направились. Одно только знал наверняка, об одном переживал: его с ними не было.

Два дня спустя состоялся еще один допрос. На этот раз пришедший к нему человек хотел поговорить о некоторых историях, рассказанных Уиллом детективу Фаради, в особенности его интересовала история Томаса, живого или мертвого. Допрашивавшего звали Парсонс, но он попросил Уилла называть его Тим, что Уилл упорно отказывался делать. Полицейский все время ходил вокруг да около, желая узнать, как именно Джекоб к нему прикасался. Уилл ничего не скрывал. Он рассказал, что, когда они поднимались по склону и Джекоб положил на него руку, он почувствовал прилив сил. Потом он пояснил, что позднее, в роще, прикасался уже не Джекоб к нему, а он к Джекобу.

— И тогда ты почувствовал, что находишься в шкуре Джекоба?

— Я знал, что это не по-настоящему, — сказал Уилл. — Мне это снилось, хотя я и не

спал.

— Видение, — сказал Парсонс, обращаясь отчасти к самому себе.

Уиллу понравилось слово.

— Да, — подтвердил он, — это было видение.

Парсонс записал что-то в блокнот.

— Вам нужно подняться туда и посмотреть, — сказал Уилл.

— Думаешь, у меня тоже может возникнуть видение?

— Нет, — сказал Уилл. — Но вы найдете там птиц, если их не съели... лисы или еще кто...

Он увидел настороженный взгляд Парсонса. Нет, не пойдет он на тот холм, чтобы искать мертвых птиц. Ни сегодня и никогда. Пусть он смотрит понимающими глазами и говорит ласковым голосом, но ему не нужна правда. Почему? Да потому что он боится. То же самое можно сказать и о Фаради. И о констебле. Обо всех.

На следующий день доктор объявила, что он может вставать и ходить по дому. Сидя перед телевизором, Уилл смотрел репортаж об убийствах в Бернт-Йарли. Репортер стоял на улице перед мясной лавкой Доннели. Отовсюду сюда приехали любопытные, им даже плохая погода нипочем — так хочется увидеть место, где пролилось столько крови.

— На обледенелые улицы этой деревушки, — говорил репортер, — за последние четыре дня съехалось больше гостей, чем побывало летом за столетия.

— И чем скорее они разъедутся по домам, — сказала Адель, появляясь из кухни (она несла Уиллу поднос с овощным супом, сыром и сэндвичами с кетчупом), — тем скорее мы вернемся к нормальной жизни.

Она поставила поднос на колени Уилла, предупредив, что суп очень горячий.

— Извращенцы какие-то, — заметила она, глядя, как репортер берет интервью у одного из приезжих. — Приехать сюда, чтобы посмотреть такой ужас. Неужели люди потеряли понятие о благопристойности?

С этими словами она удалилась на кухню, где пекла пирог с говядиной и почками. Уилл продолжал смотреть телевизор, надеясь, что скажут что-нибудь о нем, но прямой репортаж из деревни закончился и ведущий сообщил, что по всей Европе ведутся поиски Джекоба и Розы. Есть свидетельства, что пара, подходящая под описание, имеет отношение к совершенным за пять лет преступлениям в Роттердаме и Милане, а последнее сообщение пришло из Северной Франции, где Роза Макги была замешана в убийстве трех человек, включая и совсем юную девушку.

Уилл знал, что стыдно испытывать удовольствие (а он его испытывал), когда слышишь о таких преступлениях. Он научился у Джекоба не скрывать правду, но теперь не скрывал ее только перед одним человеком: перед собой. А что было правдой? Даже если Роза и Джекоб окажутся самой преступной парой в истории, он не жалел, что их пути пересеклись. Они связывали его с чем-то большим, чем та жизнь, которую он вел, и он будет хранить память о них, как о даре Божьем.

Из всех людей, которые с ним говорили, пока он выздоравливал, одна мать, как это ни удивительно, прекрасно понимала, что он чувствует. Словами она это никак не выражала — ее контакты с ним были краткими и деловыми. Но в выражении глаз (которые до этого времени были затуманены безразличием) теперь появились живость и внимание. Она больше не смотрела на него невидящим взглядом, как прежде. Мать пристально его изучала (несколько раз Уилл ловил ее на этом, когда она думала, что он не смотрит), и в глазах ее появлялось что-то необычное. Он знал, что это. Фаради и Парсонс боялись тайн, о которых он говорил. А мать боялась его.

— Как бы все это не вызвало у нее плохие воспоминания, — сказал ему отец. — Дела шли прекрасно, и вдруг это.

Он вызвал Уилла к себе в кабинет, чтобы перемолвиться с ним парой слов. Однако разговор, как всегда, перешел в монолог.

— Все это, безусловно, абсолютно иррационально, но у твоей матери есть очевидное

средиземноморское свойство.

До этого момента он лишь раз взглянул на Уилла — смотрел в окно на дождь со снегом, погружившись в свои мысли.

«Как Господин Лис», — подумал Уилл и мысленно улыбнулся.

— Но ей кажется, будто каким-то образом... ах, не знаю... смерть последовала за нами и сюда.

Он вертел в пальцах карандаш, но на этих словах швырнул его на безукоризненно прибранный стол.

— Такая глупость, — фыркнул он. — Но она смотрит на тебя и...

— Она винит меня.

— Нет-нет, — сказал Хьюго. — Не винит. Связывает. Вот в чем дело. Ты понимаешь? Она видит эти... связи. — Он покачал головой, его рот кривился. — Это у нее рано или поздно пройдет. Но пока нам придется терпеть. Одному Богу известно...

Наконец он повернулся в кожаном кресле и посмотрел на Уилла между кипами бумаг.

— А ты постарайся ее не раздражать.

— Я ничего...

— Ты ничего не делаешь. Я знаю. И когда вся эта трагическая чушь закончится и забудется, она выздоровеет. Но пока она очень чувствительна.

— Я буду внимательнее.

— Да, — сказал Хьюго.

Он снова устался в хмарь за окном. Полагая, что разговор закончился, Уилл встал.

— Надо бы нам подробнее поговорить о том, что с тобой случилось, — сказал Хьюго.

Рассеянный тон свидетельствовал о том, что он не видит необходимости сделать это немедленно. Уилл подождал.

— Когда поправишься, — сказал Хьюго, — мы поговорим об этом.

3

Этот разговор так никогда и не состоялся. Когда Уилл поправился, никто ни у кого уже не брал интервью, телевизионщики уехали в другой уголок Англии, а вслед за ними исчезли и любители жареного. К Рождеству Бернт-Йарли снова принадлежал самому себе, и короткая минута славы Уилла закончилась. В школе его, конечно, донимали шутками, иногда довольно жестокими, но он, как это ни удивительно, был к ним совершенно равнодушен. А когда всем стало ясно, что прозвища и слухи его не трогают, Уилла оставили в покое.

Единственным источником боли было то, что Фрэнни держалась от него на расстоянии. За все время до Рождества она говорила с ним только раз, да и это был короткий разговор.

— Меня просили передать тебе кое-что, — сказала она.

Уилл поинтересовался кто, но она отказалась назвать имя.

Однако когда Фрэнни передала ему слова, источник сразу стал ясен. Да и сведения эти запоздали: Господин Лис уже посетил его. Уилл знал, что на всю оставшуюся жизнь этот гость будет частью его безумия.

Что касается Шервуда, то он вернулся в школу только на третьей неделе января, но все еще пребывал в подавленном состоянии. В нем словно что-то сломалось, какая-то его часть, которая прежде трансформировала умственную отсталость в своего рода странное врожденное свойство. Он стал бледным и безжизненным. Когда Уилл пытался заговорить с ним, Шервуд замыкался в себе или на глазах у него появлялись слезы. Уилл быстро усвоил этот урок и оставил Шервуда в покое — пусть себе выздоравливает в том темпе, который определила ему природа. Он был рад, что Фрэнни присматривает за мальчишкой. Она яростно бросалась на защиту брата, если кто-то пытался над ним подшутить. Ребята быстро поняли, что с ней лучше не связываться, и оставили их в покое, как и Уилла.

Это медленное восстановление было в некотором роде не менее странным, чем события, ему предшествующие. Когда шумиха улеглась (даже йоркширская пресса забыла об

этой истории к началу февраля: сообщать было больше не о чем) и жизнь вернулась в нормальное русло, могло показаться, что ничего важного не произошло. Конечно, время от времени о тех событиях вспоминали (в основном в форме грязных шуток, ходивших по школе), и во многом деревня изменилась (начать с того, что не стало мясника, а по воскресеньям в церкви теперь собиралось больше народа), но за долгие зимние месяцы (а в этом году морозы были лютые) люди либо успели похоронить свою скорбь, либо умерить, разговаривая обо всем за дверями, заваленными сугробами. Когда метели стали тише, со скорбью было покончено и люди готовились начать жизнь с чистого листа.

Двадцать шестого февраля погода изменилась так неожиданно, что это сочли предзнаменованием. В воздухе повис странный аромат, и впервые за девяносто дней ночью не было мороза. Это ненадолго, говорили пессимисты в пабе: если какое-нибудь растение поддастся на обман и высунет нос, то тут же его и лишится. Но следующий день был не менее теплым, а потом и следующий. Небеса неуклонно прояснялись, и к концу первой недели марта над долиной голубело безбрежное небо, в котором резвились птицы. Пессимисты притихли.

Наступила весна — спортивный сезон. Хотя Уилл одиннадцать весен прожил в городе, прожитые весны были лишь слабым подобием того, что он увидел в этом месяце. Скорее даже не увидел, а почувствовал. Его органы чувств переполнялись впечатлениями — нечто похожее он испытал, когда впервые оказался перед зданием Суда, ощущая свое единение с миром. Угнетение нескольких месяцев наконец прошло.

Не все было потеряно. В его голове осталось множество воспоминаний, и среди них — намеки на то, как следует жить дальше. Много такого, чему никто другой в целом мире не мог его научить, как не смог бы и понять.

Живя или умирая, мы все равно питаем огонь.

А что, если они были последние?

Джекоб в птице. Джекоб в дереве. Джекоб в волке.

Намеки на озарения.

Теперь придется искать их самому. Находить собственные мгновения, когда мир повернется, а он останется на месте и словно будет видеть глазами Господа Бога. А до этого времени он будет заботливым сыном, как просил Хьюго. Он не скажет ни одного слова, которое расстроит мать, ничего такого, что напугает ее о том, как смерть шла за ними по пятам. Но его сочувствие будет притворным. Он не принадлежит им — даже в самой малости. С этого времени они станут его временными опекунами, от которых он сбежит, как только сможет идти своим путем в этом мире.

4

В Пасхальное воскресенье он сделал то, что откладывал с того самого дня, как погода перевернулась к лучшему. Снова проделал тот путь, которым они шли с Джекобом: от Суда к роще, где он убил двух птиц. Здание Суда было предметом болезненного интереса экскурсантов, а потому его отгородили забором. На проводах висели объявления, предупреждавшие нарушителей, что они могут подвергнуться преследованию в судебном порядке.

У Уилла возникло искушение пробраться под забором и осмотреть здание, но день был слишком хорош, и он не хотел проводить его под крышей, а потому начал восхождение. Порывами дул теплый ветер, гнавший вдоль долины белые облачка, не обещавшие дождя. На склонах паслись одуревшие от весны овцы, они без страха смотрели на него и бросались прочь, только если он начинал кричать. Само восхождение оказалось нелегким (ему не хватало руки Джекоба на шее), но каждый раз, когда он останавливался, чтобы оглянуться, горизонт становился шире, холмы уходили вдаль.

Он помнил эту рощу со сверхъестественной ясностью, словно (несмотря на болезнь и усталость) его зрение в ту ночь необыкновенно обострилось. На деревьях стали появляться

почки, каждая веточка напоминала нацеленную вверх стрелу. Под ногами сквозь снежный покров пробивалась яркая зелень.

Уилл направился прямо к тому месту, где убил птиц. От них не осталось и следа. Ни единой косточки. Но даже стоя на этом самом месте, он испытал такой прилив томления и печали, что дыхание у него перехватило. Он тогда так гордился тем, что совершил здесь. («Разве это было сделано не ловко? Разве не красиво?») Но теперь его одолевали сомнения. Сжигание мотыльков, чтобы сдержать тьму, было одно дело, но убивать птиц только потому, что тебе это нравится? Сейчас, когда на деревьях набухали почки, под бесконечным небом, этот поступок уже не представлялся ему таким смелым.

Теперь это воспоминание казалось грязным, и он тут же, на этом самом месте, поклялся себе, что больше никогда не станет рассказывать эту историю. После того как Фаради и Парсонс заполнили свои протоколы и забыли о них, можно считать, что ничего этого не было.

Он опустился на корточки, чтобы в последний раз поискать останки убитых птиц, но, еще не успев присесть, понял, что нашел приключение на свою голову. Он почувствовал легкую дрожь в воздухе — вдох — и поднял голову. Уилл увидел, что роща не изменилась ни в чем, кроме одного. Неподалеку он заметил лиса, который внимательно его разглядывал. Он стоял на четырех лапах, как обычная лиса, но что-то в его взгляде вызвало у Уилла подозрение. Он уже видел этот вызывающий взгляд из сомнительной безопасности собственной кровати.

— Уходи! — закричал Уилл.

Но лис смотрел на него, не мигая и не двигаясь с места.

— Ты меня слышишь? — крикнул Уилл как можно громче. — Пошел вон!

То, что мгновенно действовало на овец, не оказывало на лиса никакого эффекта. По крайней мере, на этого лиса.

— Слушай, — сказал Уилл, — одно дело, когда ты приходишь ко мне во сне. Но тут тебе не место. Это реальный мир.

Лис потряс головой, сохраняя иллюзию, будто все происходит в реальности. Любой человек, кроме Уилла, сказал бы, что лис просто прогоняет с уха блоху. Но Уилл-то понимал: лис с ним не согласен.

— Хочешь сказать, что и это мне только снится? — спросил он.

Зверь даже не опустил голову, просто разглядывал Уилла вполне дружески, пока тот сам искал ответ на свой вопрос. И теперь, размышляя над странным поворотом событий, он вдруг вспомнил кое-что, сказанное Господином Лисом в его бредовых рассуждениях. Как он говорил? Что-то о русских матрешках? Нет, другое. Байку о разговоре с собакой? Нет, и это не то. Его гость говорил что-то еще. Какое-то послание, которое он должен передать. Но какое? Какое?

Лис уже собирался на него плюнуть. Он перестал смотреть на Уилла и принялся: не появился ли в воздухе запах его следующего обеда?

— Постой-ка, — сказал Уилл.

Минуту назад он хотел прогнать лиса. А теперь боялся, что тот убежит по своим делам, прежде чем он разрешит загадку его присутствия здесь.

— Подожди пока уходить. Я вспомню. Дай мне шанс...

Слишком поздно. Лис потерял к нему интерес. Он засеменил прочь, хвост мотался из стороны в сторону.

— Постой, — сказал Уилл и поднялся, чтобы пойти следом. — Я стараюсь вспомнить изо всех сил.

Деревья стояли тесно одно к другому, и он, преследуя лиса, задевал за стволы, ветки хлестали его по лицу. Но ему было все равно. Чем быстрее он бежал, тем чаще билось сердце, а чем чаще оно билось, тем больше прояснялась память...

— Вспомнил! — закричал он. — Эй, подожди-ка меня!

Послание вертелось на кончике языка, но лис двигался быстрее, с удивительной

ловкостью петляя между деревьями. И в мгновение ока пришло двойное откровение. Первое: он преследует вовсе не Господина Лиса, а обыкновенную лису, которая бежит от него, спасая свою покусанную блохами шкуру. И второе: послание было призывом пробудиться, пробудиться от снов о лисах, Господи милостивый, нет, пробудиться в мир...

Теперь он бежал с такой скоростью, что деревья сливались. А впереди, где они стояли реже, был уже не холм, а усиливающийся свет, не прошлое, а что-то более мучительное. Он не хотел туда, но уже не мог замедлить бег, а тем более остановить его. Деревья уже не были деревьями, они стали стеной туннеля, по которому он неся — прочь от воспоминаний, прочь из детства.

Из дальнего конца туннеля доносились чьи-то голоса. Он толком не мог разобрать, о чем они говорили, но это слова одобрения, подумал Уилл, словно он — бегун-марафонец, которому говорят, что до финиша рукой подать.

Прежде чем Уилл добежал — прежде чем вернулся в место пробуждения, — он должен был в последний раз обернуться на прошлое. Оторвавшись от яркого света впереди, он повернул голову и через плечо несколько драгоценных секунд вглядывался в мир, который покидает. Он увидел рощу, сверкающую в свете весеннего дня, где каждая почка обещала зазеленеть. И лиса он увидел! Господи, да вот же он, трусит по своим утренним делам. Уилл напряг зрение, вгляделся, зная, что у него осталось лишь несколько мгновений, и глаза подчинились ему: Уилл смотрел туда, откуда пришел, — вдоль склона на деревню. Еще секунда напряженного ожидания — взгляд фиксирует все до мельчайших подробностей. Сверкающая река. Суд, разруха. Крыши домов в деревне, выстроившиеся черепичными террасами. Мост, почта, телефонная будка, из которой он звонил Фрэнни в ту далекую ночь, чтобы сказать, что убегает из дома.

И вот он убегает. В собственную жизнь, где больше никогда не увидит все это, такое прекрасное, такое совершенное...

Они снова звали его из настоящего.

— Вернись, Уилл, — говорил кто-то вполголоса.

«Постойте», — хотел он ответить.

Не зовите меня пока. Дайте мне еще на секунду погрузиться в этот сон. Звон колоколов — кончилась воскресная служба. Я хочу увидеть людей. Их лица, когда они выйдут на солнце. Я хочу увидеть...

Голос зазвучал снова, на этот раз настойчивее:

— Уилл, открой глаза.

Времени у него не оставалось. Он добрался до финишной черты. Яркий свет поглотил прошлое. Река, мост, церковь, дома, холм, деревья и лис исчезли, все исчезло — и глаза, которые это видели, ослабевшие за годы, но такие же голодные до зрелищ, открылись, чтобы увидеть то, что стало.

Часть четвертая

ОН ВСТРЕЧАЕТ НЕЗНАКОМЦА В СВОЕЙ ШКУРЕ

I

1

— Для того чтобы встать и снова научиться ходить, вам понадобится какое-то время, — сказал Уиллу доктор Коппельман через несколько дней после того, как он вышел из комы. — Но вы еще относительно молоды, относительно живучи. И были в неплохой форме. Так что для вас процесс пойдет быстрее.

— И что же это будет за процесс? — спросил Уилл.

Он сидел в кровати и пил чай.

— Процесс? Боюсь, он будет не очень приятным. А отчасти жестоким.

— Отчасти — а в остальное время?

— А в остальное — просто ужасающим.

— У вас кладбищенский юмор, доктор. Вам это известно?

Коппельман рассмеялся.

— Вам это понравится.

— Кто так сказал?

— Адрианна. Она говорит, что у вас ярко выраженные мазохистские черты. «Он любит дискомфорт», — сказала она. Вы были счастливы, только стоя по шею в болоте.

— Больше она вам ничего не говорила?

Коппельман улыбнулся Уиллу почти озорной улыбкой.

— Ничего такого, чем вы не могли бы гордиться, — сказал он. — Она настоящая леди.

— Леди?

— Боюсь, я старомоден. Кстати, я еще не порадовал ее последней новостью. Подумал, лучше вы сделаете это сами.

— Пожалуй, — сказал Уилл без особого энтузиазма.

— Хотите сегодня?

— Нет, оставьте мне ее номер. Я ей позвоню.

— А когда вам станет немного лучше... — У Коппельмана был несколько смущенный вид. — Не могли бы вы оказать мне услугу? Сестра моей жены, Лаура, работает в книжном магазине. Она обожает ваши фотографии. Узнав, что вы мой пациент, она практически пообещала прикончить меня, если я не поставлю вас на ноги, сделаю здоровым, счастливым и готовым к работе. Если я принесу книгу, вы оставите на ней свой автограф для нее?

— С удовольствием.

— Вот это приятно видеть.

— Что?

— Эту улыбку. У вас есть основания быть счастливым, мистер Раджонс. Я не делал ставку на то, что вы выкарабкаетесь. Вы не торопились.

— Я... бродяжничал, — ответил Уилл.

— И помните, по каким местам?

— Их много.

— Если хотите поговорить об этом с одним из наших психотерапевтов, я организую.

— Я не доверяю психотерапевтам.

— Есть основания?

— Я как-то встречался с одним. Он был самым забубённым типом из всех, с кем мне приходилось сталкиваться. И потом, ведь они, по-моему, должны избавлять от боли? А на кой черт мне это нужно?

Когда Коппельман ушел, Уилл стал обдумывать их разговор, вернее последнюю его часть. Он сто лет не вспоминал Элиота Камерона, психотерапевта, с которым у него случился роман. Это была короткая связь, и началась она за закрытыми дверями в номере отеля, снятом на вымышленное имя по настоянию Элиота. Сначала такая скрытность приятно щекотала нервы Уилла, но таинственность вскоре начала приедаться, чему немало способствовал и стыд Элиота за собственную сексуальную ориентацию. Они часто спорили, нередко у них доходило и до мордобоя, страстные объятия неизменно сопровождались рукоприкладством. Потом вышла первая книга Уилла — «Трансгрессии», коллекция фотографий, объединенных одной темой: бродячие животные, вторгающиеся в человеческие владения, и их наказание. Книга не заинтересовала ни одного критика и, казалось, была обречена на безвестность, если бы не обозреватель из «Вашингтон пост», который использовал ее как наглядную иллюстрацию того, что художники-геи готовы извратить любую дискуссию в обществе.

«Использование экологических трагедий в качестве политической метафоры

попахивает безвкусицей, — писал автор. — И это вдвойне верно в данном конкретном случае. Мистеру Рабджонсу должно быть стыдно. Он попытался подать эти документы как иррациональную и демонстративную метафору того места, которое занимают гомосексуалисты в Америке; но своим поступком он лишь принизил собственное искусство, собственную сексуальную ориентацию и (что самое непростительное) животных, чьи предсмертные муки и разлагающиеся трупы он изобразил с таким нарочитым натурализмом».

Статья эта вызвала противоречивые отклики, и не прошло и двух суток, как Уилл оказался в центре ожесточенной дискуссии, в которой участвовали экологи, защитники прав геев, художественные критики и политики, нуждавшиеся в пиаре. Вскоре стал очевиден странный феномен: глядя на Уилла, каждый видел в нем то, что хотел. Для одних он был колесом, разбрызгивающим на жеманных эстетов грязь из придорожной канавы. Для других — просто плохим мальчиком с хорошим лицом и чертовски странным выражением глаз. Для третьих — аутсайдером, чьи фотографии нарушали общественное табу в меньшей степени, чем его личная жизнь. По иронии судьбы (хотя у него и в мыслях не было того, в чем его обвиняли), эти дебаты сделали то, что, согласно статье в «Пост», он делал с объектами своих фотографий: превратили его в метафору.

Он тогда отчаянно нуждался в простых отношениях, и вот ему подвернулся Элиот. Но Элиот решил, что в результате может оказаться втянутым в этот скандал, а потому бежал в Вермонт. Когда Уилл нашел его, пройдя по всем лабиринтам, которые Элиот расставил, чтобы запутать следы, тот сказал, что будет во всех смыслах лучше, если Уилл забудет о нем на какое-то время. На самом деле, объяснил он в своей неподражаемой манере, они не были любовниками. Так — трахарями, но не любовниками.

Шесть месяцев спустя, когда Уилл отправился снимать в Рувензори,¹ какими-то окольными путями ему пришло приглашение на свадьбу Элиота, с приложенной запиской, нацарапанной рукой жениха. В ней он писал, что прекрасно понимает — Уилл не ответит на приглашение, но ему, Элиоту, не хочется, чтобы Уилл чувствовал себя забытым. Уилл, которого подвиг на это какой-то извращенный героизм, побыстрее свернул съемки и полетел в Бостон на свадьбу. Закончилось все пьяной разборкой с шурином Элиота, тоже психотерапевтом, во время которой Уилл громко и внятно смешал с грязью всех представителей этой профессии. Он сказал, что они проктологи души, проявляющие болезненный интерес к экскрементам других людей. Неделью спустя последовал загадочный телефонный звонок от Элиота, который предупреждал Уилла, чтобы тот держался от него подальше, и на этом отношения Уилла с психотерапевтами закончились. Хотя не совсем так. У него была короткая интрижка с тем самым шурином, но это уже совсем другая история. С тех пор он не виделся с Элиотом, хотя от общих друзей ему было известно, что брак не распался. Детей, правда, нет, но зато есть несколько домов.

2

— Сколько на это уйдет времени? — спросил Уилл у Коппельмана, когда тот снова появился в его палате.

— На то, чтобы встать и начать ходить?

— Встать и выбраться отсюда.

— Это зависит от вас. От вашего упорства.

— О чем идет речь — о днях, о неделях?..

— Не меньше шести недель, — ответил Коппельман.

— Я сокращу этот срок вдвое, — сказал Уилл. — Через три недели я уберусь отсюда.

— Скажите это вашим ногам.

— Уже сказал. У нас состоялся серьезный разговор.

— Кстати, мне звонила Адрианна.

¹ Горы на границе Уганды и Конго, с уникальной для Экваториальной Африки флорой и фауной.

— Черт! И что вы ей сказали?

— У меня не было выбора — только правду. Но я сказал, что вы все еще чувствуете слабость и пока не готовы звонить друзьям. Правда, ее это не убедило. Но лучше вам с ней помириться.

— То вы были моим доктором, а теперь стали моей совестью.

— Это уж точно, — мрачно ответил Коппельман.

— Я позвоню ей сегодня.

Она заставила его смутиться.

— Я тут в депрессии, оттого что ты лежишь в коме, а ты — здравствуйте вам! Уже оклемался, но нет времени позвонить и сообщить, что пришел в себя?

— Мне стыдно.

— Ничего тебе не стыдно. Тебе никогда в жизни ни за что не было стыдно.

— Я себя хреново чувствовал. Ни с кем не говорил.

Молчание.

— Мир?

Снова молчание.

— Ты меня слышишь?

— Слышу.

— Мир?

— Я слышала и в первый раз. Ты эгоист, настоящий первостатейный эгоистичный сукин сын, ты это знаешь?

— Коппельман сказал, что ты считаешь меня гением.

— Я никогда не говорила «гений». Может быть, я использовала слово «талант», но думала, что ты сдохнешь, а потому была щедрой.

— Ты плакала.

— Нет, на такую щедрость я не способна.

— Господи, до чего с тобой трудно.

— Ну хорошо, я плакала. Немного. Но я больше не повторю этой ошибки, даже если ты скормишь себя к хренам собачьим целой стае белых медведей.

— Ты мне напомнила. Что случилось с Гутри?

— На кладбище. В «Таймс» даже некролог был — хочешь верь, хочешь не верь.

— Некролог Гутри?

— Он был известный человек. Ну... так когда ты встанешь на ноги?

— Коппельман пока не говорит ничего определенного. Может, несколько недель.

— Но ты приедешь в Сан-Франциско?

— Еще не решил.

— Здесь есть люди, которым ты небезразличен. Тот же Патрик. Он все время спрашивает о тебе. Потом я. И Глен...

— Ты вернулась к Глену?

— Не меняй тему. Но я действительно вернулась к Глену. Я открою твой дом, все приготовлю, чтобы у тебя было настоящее возвращение домой.

— Такие возвращения — для людей, у которых есть дом, — сказал Уилл.

Ему никогда не нравился дом на Санчес-стрит. Строго говоря, дома ему вообще не нравились.

— Ну, тогда сделай вид, — сказала Адрианна. — Дай себе время прийти в себя.

— Я подумаю об этом. Кстати, как дела у Патрика?

— Я встретила его на прошлой неделе. За то время, что мы не виделись, он накопил немного жирку.

— Ты не позвонишь ему от моего имени?

— Нет.

— Адрианна...

— Звони сам. Ему это понравится. Очень. Ты даже сможешь загладить свою вину передо мной — позвонить Патрику и сказать, что с тобой все в порядке.

— Ну у тебя и логика.

— Это не логика. Так я воспитываю в тебе чувство вины. Научилась у матери. У тебя есть телефон Патрика?

— Вероятно.

— Нет, отговорки не принимаются. Запиши. Ручка есть?

Он нащупал авторучку на прикроватном столике. Она продиктовала номер, и Уилл покорно его записал.

— Я буду разговаривать с ним завтра, Уилл, и если ты ему не позвонишь — жди неприятностей.

— Я позвоню ему. Позвоню. Господи Иисусе!

— Рафаэль его бросил, так что не упоминай этого козла.

— Я думал, он тебе нравится.

— Ну, он умеет обаять, — сказала Адрианна, — но в глубине души любит развлекаться и ничего больше.

— Он молодой. Ему можно.

— Тогда как мы...

— ...старые, мудрые и надутые.

Адрианна хохотнула.

— Мне тебя не хватало, — сказала она.

— Ну, это объяснимо.

— У Патрика, кстати, теперь есть гуру — Бетлинн Рейхле. Она учит его медитировать. В этом есть что-то ностальгическое. Теперь, когда я встречаюсь с Патом, мы садимся, скрестив ноги, на полу, курим косячки и подаем друг другу знаки мира.

— Что бы Патрик ни говорил, он никогда не был хиппи. Лето любви не добралось до Миннеаполиса.

— Он что — из Миннеаполиса?

— Откуда-то оттуда. Его папаша великий фермер-свиновод.

— Что? — спросила Адрианна в напускном гневе. — Он сказал, что его отец — пейзажист...

— И умер от опухоли мозга? Ну, это он всем говорит. Его папашка жив-здоров, обитает где-то в центре Миннесоты по колено в свином дерьме. И, могу добавить, зарабатывает кучу денег на беконе.

— Пат — гнусный врунишка. Ну подожди, я ему скажу.

Уилл усмехнулся.

— Только не жди, что заставишь его краснеть, — сказал он. — Этого с ним не случается. Как дела у тебя с Гленом?

— Да так, живем потихоньку, — сказала она без особую энтузиазма. — Лучше, чем у большинства. Ну, нет вдохновения — не велика беда. Я всегда хотела великой любви. Взаимной, конечно. Теперь, думаю, уже поздно. — Она вздохнула. — Господи, услышь меня!

— Тебе нужен хороший коктейль — только и всего.

— Тебе уже разрешили пить?

— Спрошу у Берни. Не знаю. Кстати, он не пытался тебя соблазнить?

— Кто? Коппельман? Нет. А с чего ты взял?

— Мне кажется, он в тебя влюбился. Послушать, как он о тебе говорит...

— Так какого черта он мне ничего не сказал?

— Может, ты его напугала?

— Это я-то? Нет. Я же как котенок, ты прекрасно знаешь. Хотя это не значит, что я бы дала согласие, если б он предложил. Я хочу сказать, у меня есть определенная планка. Пусть и низкая, но есть, и я горжусь этим.

— Ты никогда не думала стать комиком? — не без удивления спросил Уилл. — Возможно, сделала бы неплохую карьеру.

— Это означает, что ты говорил серьезно там, в Бальтазаре? О том, что собираешься бросить все это?

— Думаю, все как раз наоборот, — сказал Уилл. — Это фотография от меня отвернулась, Ади. Мы повидали достаточно кладбищ — на одну жизнь хватит с избытком.

— И что теперь?

— Закончу книгу. Отдам в печать. И буду ждать. Ты же знаешь, как я люблю ждать. Наблюдать.

— Ждать чего, Уилл?

— Не знаю. Чего-нибудь необыкновенного.

II

1

На следующий день, вдохновленный разговором с Адрианной, он занялся физиотерапией с таким энтузиазмом, к какому его тело не было готово, а потому почувствовал себя хуже, чем в любой из дней после выхода из комы. Коппельман прописал ему болеутоляющее, и оно оказалось достаточно мощным, вызвав приятное головокружение. В этом состоянии он и сделал обещанный звонок Патрику. Трубку взял не Патрик, а Джек Фишер, чернокожий парень, который последние пять лет то появлялся в кружке Патрика, то исчезал. Если память не изменяла Уиллу, прежде Джек был танцором. Гибкий, длинноногий и невыносимо сообразительный. Голос его звучал устало, но доброжелательно.

— Я знаю, он хочет с тобой поговорить, но сейчас спит.

— Ничего, Джек. Позвоню в другой раз. Как у него дела?

— Оправляется после пневмонии, — ответил Фишер. — Ему уже лучше. Но еще не слишком — сам понимаешь. Я слышал, тебе досталось.

— Я поправляюсь, — сказал Уилл.

Он в этот момент летал. Болеутоляющее вызвало легкую эйфорию. Он закрыл глаза, представляя себе человека на другом конце провода.

— Я приеду недели через две-три. Может, выпьем пива.

— Конечно, — сказал Джек, хотя после этого приглашения в его голосе появилось недоумение. — Уж выпить-то мы можем.

— Ты сейчас присматриваешь за Патриком?

— Нет, просто заглянул к нему. Ты же знаешь Патрика. Он любит, когда вокруг люди. А я прекрасно делаю массаж ног. Ой, знаешь что? Я слышу голос Патрика. Отнесу ему телефон. Рад был с тобой поговорить, братишка. Звони, когда вернешься в город. Эй, Патрик, ну-ка, догадайся, кто это.

Уилл услышал приглушенный обмен словами, потом снова раздался голос Джека:

— Даю его, братишка.

Уилл услышал, как передается трубка, а потом голос Патрика:

— Уилл, неужели это и в самом деле ты?

— Это и в самом деле я.

— Господи, вот это совпадение. Я сидел у окна, дремал, и, могу поклясться, мне снился ты.

— Мы с тобой получали удовольствие?

— Мы ничего особенного не делали. Просто ты был здесь... со мной в комнате. И мне от этого было хорошо.

— Ну, я появлюсь во плоти довольно скоро. Я Джеку уже говорил — потихоньку встаю на ноги.

— Я прочел все статьи об этом происшествии. Мать вырезала их для меня и присылала по почте. Белые медведи — опасные звери.

— Ну, эта медведица полакомиться мной не успела, — сказал Уилл. — Расскажи, как у тебя дела.

— Да вот, торчу здесь. Потерял несколько фунтов, но теперь понемногу снова набираю вес. Знаешь, это нелегко. Иногда я ужасно устаю и думаю: не слишком ли это большой геморрой?

— И думать об этом не смей.

— Думать — это все, на что я теперь способен. Спать и думать. Так когда ты сюда?

— Скоро.

— Поторопись. У нас будет вечеринка. Как в былые времена. Посмотреть, кто еще остался...

— Мы еще остались, Патрик, — сказал Уилл.

Печаль, подспудно присутствовавшая в их диалоге, превратила эйфорию, в которой он пребывал после приема лекарства, в нечто мечтательно-элегическое.

Они жили в мире смертей, ранних и неожиданных прощаний. Этот мир не слишком отличался от того, в котором он недавно пребывал. Уилл ощутил тяжесть в груди и вдруг испугался, что расплатится.

— Ну ладно, давай прощаться, — сказал он, не желая расстраивать Патрика. — Я еще позвоню до приезда.

Но Патрик не хотел так быстро его отпустить.

— Так ты будешь на вечеринке? — спросил он.

— Конечно...

— Отлично. Тогда я начну строить планы. Хорошо, когда есть к чему стремиться.

— Всегда, — сказал Уилл.

Горло у него перехватило, и это все, что он сумел выговорить.

— Ну, хорошо, приятель, я тебя отпускаю, — сказал Патрик. — Спасибо, что позвонил. Наверно, все дело в том, что я спросонья.

— Наверно.

Последовала пауза, и Уилл понял, что Патрик услышал сдерживаемые слезы в его голосе.

— Все будет хорошо, — тихо сказал Патрик. — Уже оттого, что мы поболтали. До скорого.

Он отсоединился, и Уилл еще какое-то время слушал гудение в трубке, потом отпустил ее, и она соскользнула от уха — слезы так неожиданно завладели его существом, что он утратил способность себя контролировать. Но ощущение было благостное, так как приносило облегчение. Он просидел минут десять — пятнадцать, рыдая как ребенок. Время от времени переводил дыхание, думая, что все закончилось, но тут накатывала новая волна слез. Он плакал не только о Патрике, обронившем скорбное: «Посмотреть, кто еще остался», кого можно пригласить. Он плакал, и о себе, о мальчике, которого встретил в коме, о том Уилле, который все еще жил где-то внутри его и не мог найти себе места.

Никуда не делись и те небеса, что видел когда-то тот мальчик, и холмы, и лис, запечатленные в его памяти. Что же это за головоломка такая: в нынешний век вымирания видов (уход некоторых он задокументировал) его память в такой идеальной неприкосновенности хранила книгу его дней, что стоило ему уснуть, как эти дни возникали перед ним, словно и не канули в вечность. Словно (как он смел поверить в это?) уход вещей, дней, животных и людей, которых он любил, был всего лишь жестокой иллюзией, а память — ключом к открытию этой истины.

На следующий день он был, пожалуй, еще безжалостнее к себе, чем раньше. Лис оказался прав. В мире оставалось много дел (нужно увидеть множество людей, разгадать немало тайн), и чем скорее он, преодолевая себя, приведет свое тело в нормальное состояние,

тем скорее отправится в путь.

Его упорство вскоре стало приносить плоды. День за днем, занятие за занятием, конечности обретали силу, росла выносливость: он начал чувствовать себя восстановившимся и помолодевшим. Несмотря на легкий скептицизм Коппельмана, Уилл заказал кое-какие гомеопатические лекарства в дополнение к уже прописанным и не сомневался, что они внесли немалый вклад в его реабилитацию. Коппельману пришлось признать, что ничего подобного он в своей практике не видел. Прошло десять дней — и Уилл уже строил планы возвращения в Сан-Франциско. Звонок Адрианне — он попросил ее открыть и проветрить дом на Санчес-стрит (что, впрочем, она уже сделала до его звонка). Звонок в Нью-Йорк редактору — он известил ее о скором переезде. И конечно, второй звонок Патрику. На этот раз трубку взял блудный Рафаэль, вернувшийся и, видимо, прощенный. Нет, Патрика нет дома, сказал он Уиллу, он сейчас в больнице — сдает анализы крови. Вернется позднее, когда — он не знает. Он все запомнит и передаст Патрику. «Только обязательно», — сказал Уилл, на что Рафаэль резко ответил: «Я не идиот». И швырнул трубку.

— Вы меня поразили своим выздоровлением, но вам все еще надо беречь себя.

Такой была прощальная речь Коппельмана. В течение нескольких месяцев никаких поездок в Антарктику. Никаких стояний по шею в болотной воде.

— А чем же я буду развлекаться? — насмешливо спросил Уилл.

— Размышляйте о том, какой вы везунчик, — сказал Коппельман. — Да, кстати, моя свояченица...

— Лаура.

Коппельман просиял.

— Вы запомнили? Я принес книгу, чтобы вы оставили автограф. — Он пошарил в сумке и извлек экземпляр «Границ». — Я ее просмотрел вчера вечером. Мрачная штука.

— Ну, с тех пор все стало еще хуже, — сказал Уилл, вытаскивая ручку из нагрудного кармана Коппельмана и забирая у него книгу. — Некоторые из этих видов уже проиграли сражение.

— Вымерли?

— Как птица дронг.

Он открыл титульную страницу и черкнул несколько слов.

— Что вы написали?

— Лауре. С наилучшими пожеланиями.

— А эта закорючка внизу? Ваша подпись?

— Угу.

— Чтобы я знал, что ей сказать.

2

Два дня спустя он уехал. Прямых рейсов в Сан-Франциско не было, и пришлось лететь с пересадкой в Чикаго. Но это было забавное неудобство, и он испытывал такое счастье, снова оказавшись в толпе людей, что даже серость чикагского аэропорта О'Хара показалась приятной. Ближе к вечеру Уилл уже сидел у иллюминатора в самолете, который должен был доставить его на Запад. Он заказал виски, чтобы отпраздновать это событие. Во рту у него не было ни капли алкоголя в течение нескольких месяцев, и выпитое сразу ударило в голову. Небеса впереди потемнели, и он, довольный и счастливый, погрузился в объятия сна.

Когда Уилл проснулся, день давно закончился, и впереди сверкали огни города у залива.

III

Сан-Франциско был не первым прибежищем Уилла по прибытии в Америку. Эта честь досталась Бостону, куда он попал в девятнадцать лет, решив, что цели, которые он перед собой ставил, не могут быть достигнуты в Англии. Он обнаружил, что и Бостон для этого не годится. Но за шестнадцать месяцев, что он там прожил, родился новый Уилл, сначала неуверенный в себе, но потом — раскрепощенный до бесстрашия. О своей сексуальной ориентации он узнал задолго до того, как покинул Англию. В нескольких случаях он даже действовал, прислушиваясь к своим желаниям, хотя ни разу — будучи совершенно трезвым. Но в Бостоне он научился быть счастливым и не скрывать собственных сексуальных предпочтений, он переосмыслил себя в свойственной ему особой манере. Он не был пышущим здоровьем американским красавцем, не был мачо в ковбойке, не был стильной королевой,¹ не был парнем в коже.² Он не был похож ни на кого, и его желали и преследовали именно поэтому. Свойства, которые остались бы незамеченными в каком-нибудь манчестерском баре (некоторые — вполне очевидные, как акцент, другие — столь незаметные, так что он и сам не мог бы их назвать), здесь оказались редкими и привлекательными. Он быстро понял природу своего преимущества и бессовестно ею пользовался. Не идя на поводу у моды (кроссовки, джинсы в обтяжку, белые футболки), он одевался как нищий англичанин, каким и был на самом деле. Он редко возвращался в пустую кровать, если только сам хотел этого, и за несколько месяцев у него было три романа, два из которых он завершил по собственной инициативе. Последний стал его первым и горчайшим опытом безответной любви, предметом которой был некий Лоренс Мюллер, телевизионный продюсер, на девять лет старше Уилла. Светловолосый, холеный и сексуально искушенный, Ларри закрутил с Уиллом головокружительный роман, но уже через шесть месяцев бросил партнера — эта его привычка была широко известна. Уилл с разбитым сердцем горевал о своей утрате половину лета, заглушая боль средствами, которые, вполне вероятно, убили бы его пять лет спустя. В сексуальных заведениях Боевой зоны³ и в темноте Фенвей-парка,⁴ где по вечерам в уик-энд не прекращалась сексуальная вакханалия, он разыграл все сексуальные сценарии, какие только могло вызвать в его воображении либидо, чтобы забыть о том, что его отверг Ларри.

К сентябрю боль утихла, но только после того, как ему было откровение, которое тоже пришло не само по себе — после косячка. Он сидел в сауне, медитировал, размышляя о своей горькой судьбе, как вдруг понял, что уход Ларри разбудил в нем подобие той же боли, какую он испытал, простившись со Стипом. Обдумывая это откровение, он просидел, потев в облицованном кафелем помещении, дольше, чем следовало, игнорируя руки и взгляды, делавшие ему знаки. Что это означало? Неужели то, что в основе его привязанности к Джекобу лежали сексуальные ощущения? Или что, приходя на полночные встречи в парк, он лелеял надежду встретить человека, который выполнит обещания Стипа и заберет его из этого мира в страну видений? Наконец он покинул сауну, заполненную любителями оргий, в висках у него так стучало, что он плохо соображал. Но вопросы никуда не делись, они мучили. Он избавлялся от них самым простым из известных ему теперь способов. Если подходивший к Уиллу человек был хоть чем-то похож на его воспоминания о Стипе (цвет волос, форма губ), Уилл отвергал его с бесчеловечной жестокостью.

2

Из Бостона его погнала не история с Ларри Мюллером, а очень холодный декабрь. Выйдя из ресторана, где он работал официантом, навстречу массачусетской метели, он

¹ Так на сленге называют женоподобных гомосексуалистов.

² Субкультура в гей-сообществе, представители которой внешне напоминают байкеров: носят одежду и украшения из черной кожи — атрибуты «кожаного мужчины», который любит сильные ощущения (связывание, порку, опасный секс и т. п.)

³ Название района в Бостоне, где находится увеселительный центр для взрослых.

⁴ Бейсбольный парк в Бостоне.

решил: хватит, он уже достаточно померз в своей жизни, пора направить стопы в места потеплее. Сначала он хотел поехать во Флориду, но вечером, перебирая варианты с барменом в «Дружках», он услышал призывную песнь Сан-Франциско.

— Я только раз был в Калифорнии, — сказал бармен, чье имя (Дэнни) было вытатуировано у него на руке на случай, если кто забудет, — но, старина, я там чуть было не остался. Это настоящий рай для геев. Правду тебе говорю.

— Если только там тепло.

— Ну, есть места и потеплее, — признался Дэнни. — Но если тебе нужна жара, поезжай в чертову Долину смерти. Что, не хочешь? — Он наклонился к Уиллу и понизил голос. — Если бы не моя вторая половина (давний любовник Дэнни — Фредерико, та самая вторая половина, — сидел в пяти ярдах), я бы туда вернулся, чтобы жить и жить. Нет вопросов.

Разговор этот оказался судьбоносным. Две недели спустя Уилл собрал вещички и покинул Бостон. Мороз в тот день стоял такой, что Уилл едва не пожалел о своем решении: город был удивительно красив. Но в конце пути его ждала красота иного рода — город, который очаровал его, превзойдя все ожидания. Он нашел работу в одной из местных газет и в один памятный день, когда отсутствовал фотограф, который должен был дать материал к его тексту об этом городе, который стал для него родным, позаимствовал у кого-то камеру, чтобы сделать снимки самому. Это не была любовь с первого взгляда. Фотографии оказались такими дерьмовыми, что негодились. Но ему понравилось держать камеру в руках, вписывать мир в границы объектива. А его героями стали представители того племени, среди которого он жил: королевы, гомосексуалы-проститутки, лесбиянки, трансвеститы и кожаные ребята, чьи дома, бары, клубы, магазины и автоматы-прачечные тянулись от пересечения Кастро и 18-й на север к Маркету и на юг к Коллингвуд-парку.

Он обучался своему искусству и одновременно учился быть страстным в постели. В конце концов он приобрел репутацию великолепного любовника. Теперь Уилл редко искал удачу, как безвестный мальчик, хотя мест для этого было множество. Он жаждал глубоких чувств и находил их в постелях и объятиях десятков мужчин, и хотя его сердце не принадлежало ни одному из них, все они возбуждали его чувственность, каждый по-своему. Он знал Лоренцо, сорокалетнего итальянца, который оставил жену и детей в Портланде, чтобы стать тем, кем он был и в день свадьбы, что не являлось для него тайной. Он знал Дрю Данвуди, атлета, который какое-то время был влюблен в Уилла не меньше, чем в собственное отражение в зеркале. Он знал Сандерса — если у Уилла когда и был папик, то это Сандерс, пожилой человек (он вот уже пять лет говорил, что ему сорок девять), который дал ему в долг, чтобы заплатить за первые три месяца аренды однокомнатной квартирки неподалеку от Коллингвуд-парка, а потом и на первый взнос за подержанный «харлей-дэвидсон». Он познакомился с Льюисом, страховым агентом, который в компании не произносил ни слова, но за закрытыми дверями излил Уиллу свою лирическую душу, а впоследствии стал хоть и не великим, но поэтом. Он знал Грегори, прекрасного Грегори, который умер от случайной передозировки в двадцать четыре года. И Джэла. И наркомана Майка. И парня, который представлялся Дерриком, но позднее выяснилось, что он дезертировал из морской пехоты и зовут его Дюпон.

В этом очарованном кружке Уилл возмужал и закалился. Чума еще не добралась до них, и, оглядываясь назад, они говорили, что это время было подобием Золотого века гедонизма и излишеств, в которые Уилл (сохраняя чувство меры, что до сих пор его удивляло) сумел погрузиться, не перейдя при этом черту. Вскоре — хотя он об этом не знал — пришла смерть, указывая своим роковым перстом на многих из тех, кого он фотографировал, отбраковывая красавцев, интеллектуалов и любящие души. Но в течение семи необыкновенных лет, прежде чем тень заслонила солнце, он ежедневно купался в этой чудной реке, полагая, что ее воды будут катиться вечно.

Первым о животных с ним заговорил Льюис, страховой агент, который стал поэтом. Сидя на заднем крыльце дома Льюиса в Кумберленде, они смотрели, как енот вылизывает банки на помойке. В итоге они завели разговор о том, каково это — побывать в шкуре животного. Льюис тогда уже писал о тюленях, и этот предмет так его занимал, что тюлени, как он рассказывал, снились ему каждую ночь.

— Большие гладкие черные тюлени, — говорил он. — Бродят и бродят.

— По берегу?

— Нет, по Маркет-стрит, — сказал Льюис, ухмыляясь. — Я знаю, это глупо, но, когда я вижу их во сне, они словно на своем месте. Я спросил у одного, что они тут делают, и он ответил: изучают местность, чтобы быть готовыми к тому времени, когда город поглотит океан.

Уилл смотрел, как ловко енот управляется с отбросами.

— Когда я был мальчишкой, мне снился говорящий лис, — тихо сказал он.

Может, тут сыграл свою роль гашиш, которым его угостил Льюис, — еще не было такого случая, чтобы Льюису не удалось найти хороший товар, — но воспоминания были четкие.

— Господин Лис, — добавил Уилл.

— Господин Лис?

— Господин Лис. Напугал меня до смерти, но тогда он был такой смешной.

— А чем он тебя напугал?

Уилл никогда ни с кем не говорил о лисе, и даже теперь — хотя он любил Льюиса и доверял ему — почувствовал какое-то внутреннее сопротивление. Господин Лис был частью очень серьезной тайны (главной тайны его жизни), и Уилл не хотел ни с кем ею делиться. Но Льюис требовал объяснений.

— Так поведай мне, — сказал он.

— Он съел кое-кого. Вот что меня напугало. Но, помню, он рассказал мне эту историю.

— О чем?

— Вообще-то это даже не история. Это его разговор с собакой.

— Ну да? — рассмеялся Льюис, заинтересовавшись.

Уилл пересказал суть разговора Господина Лиса с собакой, удивляясь, с какой легкостью он все вспомнил, хотя с того времени, как он видел этот сон, прошло полтора десятка лет.

«Мы охотились для них, охраняли их стада, сторожили их выродков. А ради чего? Мы думали, что они знают, как вести дела. Как наполнить мир мясом и цветами...»

Льюису понравилось.

— Я мог бы сделать из этого поэму, — сказал он.

— Я бы не стал рисковать.

— Почему?

— Он может заявиться к тебе за своей долей прибыли.

— Какой прибыли? — недоумевал Льюис. — Это же поэзия.

Уилл не ответил. Он наблюдал за енотом, который закончил рыться на помойке и поспешил прочь со своими трофеями. Наблюдая, он думал о Господине Лисе. И о художнике Томасе, живом и мертвом.

— Хочешь еще? — спросил Льюис, протягивая косяк. — Эй, Уилл, ты меня слышишь?

Уилл устал в темноту, мысли его металась, как енот. Льюис прав. В истории, рассказанной Господином Лисом, была своеобразная поэзия. Уилл не был поэтом. Он не умел рассказывать истории словами. У него были только глаза. И конечно, камера.

Он взял погасший косяк у Льюиса и снова зажег его, втянул едкий дым глубоко в легкие. Травка была довольно сильной, а он уже выкурил больше обычного. Но в тот вечер ему хотелось еще.

— Ты думаешь о лисе? — спросил Льюис.

Уилл обратил на него затуманенный взгляд.

— Я думаю о том куске жизни, что у меня остался, — ответил он.

Согласно сочиненной им самим легенде, именно в тот вечер на крыльце Льюиса с косячка, енота и истории о Господине Лисе началось его путешествие в самые глухие места планеты — туда, где погибали животные того или иного вида за единственное совершенное ими преступление: за то, что они жили там, где, как им казалось, и должны жить. Конечно, это было упрощение. Его уже утомляла роль хроникера Кастро, и он задолго до этого вечера был готов к переменам. Что касается направления, куда следовало податься, в ходе разговора оно так и не прояснилось. Но в течение нескольких недель в мыслях он несколько раз лениво возвращался к этому разговору. Уилл стал отворачивать камеру от язв Кастро, направляя ее на животных, которые жили в городе параллельно с людьми. Первые его эксперименты были не амбициозны. В лучшем случае, поздние «пробы пера». Он фотографировал скопления морских львов в районе 39-го пирса, белок в Долорес-парке, соседскую собаку, которая регулярно останавливала движение, присев посреди Санчес-стрит, чтобы справить нужду. Но путешествие, которое в один прекрасный день уведет его очень далеко от Кастро, от белок, тюленей и испражняющихся собак, уже началось.

Свою первую книгу, названную «Трансгрессии», он посвятил Господину Лису. Это было самое малое, что он мог сделать.

IV

1

Адрианна пришла без предупреждения на следующее утро после его возвращения в город. Принесла фунт кофе французской обжарки с сырзавода Кастро, цукотто,¹ торт Сен-Оноре от Певерелли на Норт-Бич, куда она переехала с Гленом. Они обнялись и поцеловались в холле, оба при этом прослезились.

— Господи, как же я скучал без тебя, — сказал Уилл, взяв в ладони ее лицо. — Ты прекрасно выглядишь.

— Я покрасила волосы. Хватит седины. У меня теперь и в сто лет будут такие волосы. Ну а ты как?

— С каждым днем лучше, — сказал Уилл, направляясь в кухню, чтобы сварить кофе. — Еще скриплю немного, когда встаю по утрам, и шрамы ужасно зудят после душа, но в остальном я снова в форме.

— У меня были сомнения на твой счет. И у Берни.

— Ты думала, я потихоньку окочурюсь?

— Мне приходило это в голову. У тебя был такой умиротворенный вид. Я спросила у Берни, видишь ли ты сны. Он ответил, что не знает.

— Это были не то чтобы сны. Скорее возвращение назад во времени. Я снова стал мальчишкой.

— Ну и как, было забавно?

Он покачал головой.

— Я рад, что вернулся.

— У тебя есть куда возвращаться — прекрасное место, — сказала она, пройдя по кухне и осмотревшись в холле.

Ей всегда нравился этот дом — по правде говоря, больше, чем Уиллу. Его размеры вкупе с замысловатой планировкой (не говоря о чрезмерно просторных и стильно пустоватых комнатах), на ее взгляд, придавали дому определенный статус. Большинство домов в этом районе в свое время, конечно, повидали фаллическую символику, но сюда наведывались не

¹ Итальянский холодный десерт.

только призраки из лучших времен. В этих стенах было и многое другое: неистовство Уилла, когда ему не удавалось завести интрижку, и его радостные крики, когда удавалось. Шум возбужденных голосов вокруг географических карт, где было так мало дорог, что голова шла кругом. Вечера, проведенные в спорах о деградации цивилизации и пьяных разговорах о судьбе, смерти и любви. В городе, разумеется, были дома и получше, но ни один из них — она готова была поспорить — не слышал столько полуночных мудростей, как этот.

— Я чувствую себя взломщиком, — сказал Уилл, наливая им обоим кофе. — Словно проник в чужой дом и живу в нем чужой жизнью.

— Ничего, еще несколько дней — и ты вернешься в колею, — сказала Адрианна, взяв чашку.

Она прошла в большую комнату, где хранился архив и где Уилл раскладывал свои фотографии. Одна стена представляла собой доску объявлений, на которой он в течение многих лет вешал примеры ошибок в экспозиции или печати, которые бросились ему в глаза; фотографии, слишком темные или переэкспонированные, но в то же время притягивающие взгляд. Его «чахоточники», как называл он эти снимки; не раз — обычно в пьяном виде — Уилл замечал, что именно это он видел, когда представлял себе конец света. Размытые и невнятные формы в зернистом мраке при отсутствии какого-либо смысла и деталей.

Попивая кофе, она лениво их разглядывала. Многие из этих фотографий повисели на стене долгие годы, и без того нечеткие образы выцвели на свету.

— Ты собираешься с ними что-то сделать? — спросила она.

— В смысле — сжечь? — уточнил Уилл, остановившись рядом.

— Нет, в смысле — опубликовать.

— Это брак, Ади.

— Вот об этом я и говорю.

— Книга джунглей деконструктивиста?

— Думаю, она привлечет внимание.

— К черту внимание, — сказал Уилл. — Наелся я этим вниманием. Я всему миру сказал: «Посмотри, что я сделал, папочка», и теперь мое эго формально удовлетворено.

Он подошел к доске и стал сдирать фотографии, кнопки отскакивали и падали на пол.

— Осторожнее — порвешь!

— Ну и что? Знаешь, я испытываю от этого кайф!

На полу выросла целая куча фотографий.

— Так-то лучше, — сказал он, отступая и окидывая взглядом пустую стену.

— Можно, я возьму одну на память?

— Одну.

Адрианна стала разглядывать фотографии, выискивая ту, что ей нравилась. Наклонившись, подняла старый, заляпанный снимок.

— Что ты выбрала? Покажи, — попросил Уилл.

Она показала снимок. Он напоминал фотографию спиритуалиста¹ девятнадцатого века бледные пятна эктоплазмы,² в которых легковверные различали очертания покойника Уилл сразу вспомнил, что это за фотография.

— Провинция Бегемдер, Эфиопия. Это горный козел валяя.

Адрианна повернула снимок к себе.

— Откуда, черт возьми, ты это знаешь?

Уилл улыбнулся.

— Я не забываю ни одного лица, — сказал он.

2

¹ Последователь учения, согласно которому наряду с материальным миром признается существование совершенно независимую от него мира духовного.

² В оккультизме и парапсихологии — вязкая (как правило, светлая) субстанция загадочного происхождения, которая якобы выделяется (через нос, уши и т. д.) организмом медиума и служит основой для дальнейшего процесса материализации (конечностей, лиц, фигур).

На следующий день он отправился к Патрику — в его квартиру в верхней части Кастро. Хотя почти четыре года из шести, проведенных вместе, они жили на Санчес-стрит, Патрик никогда не расставался с этой квартирой, да Уилл этого и не требовал. Его дом своей просторной функциональностью был выражением натуры Уилла, не склонного к украшательству. Квартира же, напротив, отражала характер Патрика. Теплая, роскошная, уютная — утрата ее для Патрика была равносильна утрате части тела. Там, на вершине холма, он потратил большую часть денег, заработанных внизу, в городе (где он до недавнего времени был инвестиционным банкиром), свивая гнездышко, откуда он и несколько избранных сибаритов могли наблюдать, как наползает и рассеивается туман. Он был крупный, широкий, красивый человек, его греческие корни были так же очевидны, как и ирландские: тяжелые веки и грустные глаза, разбойничий нос, большой рот под густыми черными усами. В костюме он был похож на телохранителя, в женском платье на Марди Гра¹ — на кошмар фундаменталиста, в коже служил образцом безукоризненности.

Сегодня, когда Рафаэль (который явно покался и вернулся домой) проводил Уилла в гостиную Патрика, тот сидел у окна, одетый в мешковатую футболку и льняные штаны на завязках.

Выглядел он неплохо. Волосы были подстрижены седеющим ежиком, и он стал не таким тучным, как прежде. Однако его объятия не утратили былой крепости.

— Нет, вы только посмотрите на него, — сказал он, отстраняясь от Уилла, чтобы получше его разглядеть. — Наконец-то ты начинаешь походить на свою фотографию.

Это был сомнительный комплимент и шутка с бородой, уходившая корнями в те времена, когда Уилл для обложки своей второй книги выбрал нелицеприятную фотографию, аргументируя это тем, что так он выглядит авторитетнее.

— Давай-ка садись, — сказал Патрик, показывая на стул, стоящий у окна напротив того, на котором сидел он сам. — Куда, черт побери, запропастился Рафаэль? Хочешь чаю?

— Нет, спасибо. Как он тут за тобой приглядывает — ты доволен?

— Мы понемногу притираемся друг к другу, — сказал Патрик, опускаясь на стул.

Только теперь, увидев, как тяжело далось Патрику это движение, Уилл понял, как все плохо.

— Ну, ты же знаешь, мы спорим...

— Я об этом слышал.

— От Адрианны?

— Да, она говорила...

— Я ей рассказывал всякие гадости, — сказал Патрик. — Она не знает, какой он лапочка все остальное время. Как бы там ни было, за мной ухаживает столько ангелов, что мне становится стыдно.

Уилл оглядел комнату.

— У тебя тут, я смотрю, какие-то новые штуки.

— Мне достались кое-какие фамильные ценности покойных королей, — сказал он. — Хотя большинство этих вещей практически ничего не стоит, если не знать их историю, а это печально, потому что когда меня не станет, не станет и историй.

— А Рафаэлю это не интересно?

Патрик покачал головой.

— Для него все это — старческий бред. Вот у этого столика очень необычное происхождение. Его сделал Крис Пауэлл. Ты помнишь Криса?

— Мастер на все руки с великолепной задницей.

— Да. Он умер в прошлом году, и когда вошли в его гараж, там обнаружилось множество столярных поделок. Он делал стулья, столы, деревянных лошадок.

— На заказ?

¹ Марди Гра, или «жирный вторник» (*фр.*) , — вторник на Маслений неделе, последний день перед началом Великого поста у католиков, народный праздник в ряде стран.

— Судя по всему, нет. Просто делал их в свободное время для собственного удовольствия.

— И сохранял?

— Да. Выдумывал, вырезал, красил, а потом запирали в гараже.

— У него был любовник?

— Спрашиваешь! У такого души — «синего воротничка»?¹ Да у него их были сотни. — Прежде чем Уилл успел возразить, Патрик продолжил: — Я понимаю, о чем ты спрашиваешь, и ответ — нет, никого постоянного у него не было. Все эти замечательные штуки нашла его сестра, когда убиралась в доме. Она пригласила меня — не захочу ли я взять что-нибудь на память, и я, конечно, сказал: да, хочу. Вообще-то я хотел взять лошадку, но не решился попросить. Она такая чопорная маленькая особа откуда-то из Айдахо. И ей явно не до наследства брата — симпатяги гомосека. Одному Богу известно, что она нашла у него под кроватью. Можешь себе представить?

Патрик перевел взгляд на город за окном.

— Я уже столько слышал таких историй. Родители приезжают посмотреть, куда уехало жить их чадо, потому что теперь он умирает, и, конечно, попадают в гей-сити, единственную сохранившуюся фаллократию.

Он задумался.

— Что должны чувствовать эти люди? Я хочу сказать, мы здесь при свете дня делаем такие вещи, до которых они в своих айдахо никогда бы не додумались.

— Ты так считаешь?

— А ты вспомни Манчестер. Или как там называется это местечко в Йоркшире?

— Бернт-Йарли?

— Вот-вот. Замечательно. Бернт-Йарли. Ты ведь был единственным гомиком в Бернт-Йарли? И сбежал оттуда, как только представилась возможность. Мы все сбегали. Сбегали, чтобы почувствовать себя дома.

— Ты чувствуешь себя дома?

— Именно. С самого первого дня. Я шел по Фолсому и думал: вот где я хочу жить. Потом зашел в «Щель», и там меня подцепил Джек Фишер.

— А вот и нет. С Джеком Фишером ты познакомился вместе со мной на арт-шоу в Беркли.

— Черт! Мне тебе даже не соврать.

— Нет, соврать ты можешь, — великодушно позволил Уилл. — Просто я тебе не поверю. Кстати, Адрианна решила, что твой отец...

— ...умер. Да-да. Она тут устроила мне концерт. Спасибо тебе. — Он надул губы и проворчал: — Я уже начинаю думать, а стоит ли устраивать эту вечеринку. Если ты будешь всем рассказывать правду, на хрена мне все это нужно. Да, я знаю, что вечеринка в твою честь, но если мне не будет на ней хорошо, то никому не будет хорошо...

— Нет, давай уж ничего не отменять. Я тебе пообещаю не опровергать ничего, что ты будешь говорить, пока не начнешь клеветать на кого-нибудь.

— Уилл, я бы никогда не смог клеветать на тебя, — сказал Патрик с напускной искренностью. — Я могу направо и налево говорить, что ты мерзкий, эгоистичный сукин сын, который меня бросил. Но чтобы клеветать на тебя — главную любовь моей жизни? Даже не думай об этом.

Закончив спектакль, он подался вперед и положил ладонь на колено Уилла.

— Мы уже прошли через эту фазу, ты забыл? Ну, по крайней мере, я прошел... Когда мы думали, что будем первыми гомиками в истории, которые никогда не состарятся? Нет, это неправда. Может, мы и состаримся, но очень, очень медленно, и когда нам будет по шестьдесят, нас при хорошем освещении будут принимать за тридцатидвухлетних. Все дело в костях, как говорит Джек. Но чернокожие в любом возрасте хорошо выглядят, так что он не в счет.

¹ Представитель рабочего класса.

— Ну и в чем суть? — улыбнулся Уилл.

— Суть? В нас. В том, что мы сидим здесь, как два парня, к которым мир был не слишком добр.

— Я никогда...

— Я знаю, что ты скажешь: ты никогда об этом не думаешь. Нет, ты уж подожди, пока не начнешь выходить. Увидишь множество атлетически сложенных мальчиков, которые будут рады назвать тебя папиком. Знаю это по собственному опыту. Я думаю, это такой обряд посвящения для геев. Гетеросексуалы начинают чувствовать себя старыми, когда отправляют детишек в колледж. Королевы-гомосексуалы начинают чувствовать себя старыми, когда какой-нибудь из этих студентов подходит к ним в баре и говорит, что хочет, чтобы его отшлепали по попке. Если уж об этом зашла речь...

— О шлепании студентов по попке?

— О гетеросексуалах.

— Ах, это!

— Адрианна собирается в субботу привести Глена. Ты не должен смеяться, ему сделали операцию на ушных раковинах — выравнивали их, поэтому теперь у него забавный вид. Я этого прежде не замечал, но у него остроконечная голова.

И думаю, это было незаметно из-за торчащих ушей: они отвлекали внимание. Так что не смейся, пожалуйста.

— Не буду, — заверил Уилл, абсолютно уверенный, что Патрик говорит все это просто из озорства. — Ты от меня ждешь чего-нибудь в субботу?

— Просто приходи и будь самим собой.

— С этим нет проблем, — сказал Уилл. — Ну, ладно. Я пошел.

Он подался вперед и легонько поцеловал Патрика в губы.

— Сам найдешь выход?

— С закрытыми глазами.

— Скажи, пожалуйста, Рафаэлю, что мне пора принимать лекарства. Он сейчас в своей спальне — болтает по телефону.

Патрик не ошибся. Рафаэль лежал на кровати, телефонная трубка словно приклеилась к уху. Говорил он по-испански. Увидев в дверях Уилла, сел и зарделся.

— Извини, — сказал Уилл, — дверь была открыта.

— Да-да. С другом болтаю, — сказал Рафаэль.

— Патрик говорит, ему пора принимать лекарства.

— Я знаю. Как раз собирался. Вот только договорю с другом.

— Оставляю вас вдвоем.

Он не успел закрыть дверь, как Рафаэль подхватил нить своего амурного разговора, пока она еще не успела остыть. Уилл вернулся в гостиную сообщить Патрику, что поручение выполнено, но через минуту после его ухода Патрик заснул и теперь мирно похрапывал на своем стуле. Предвечерний свет смягчал черты его лица, но уничтожить следы, оставленные прожитыми годами, скорбями и болезнью, было невозможно. Уилл подумал если считать обрядом посвящения то, что тебя начинают называть папиком, то уж, наверно, в эту категорию попадает и это — смотреть на человека, в которого влюбился в другой жизни, и знать, что любовь еще не прошла, что она не менее сильна, чем прежде, но ее изменили время и обстоятельства, сделали чем-то неуловимым.

Он бы с радостью пробыл здесь дольше, умиротворенно разглядывая знакомое лицо Патрика, но не хотел, чтобы его застал за этим занятием Рафаэль, а потому пошел прочь из квартиры, вниз по лестнице и на улицу.

Почему, недоумевал он, при том, что на тему любви исписано больше бумаги, чем на любую другую (включая свободу, смерть и Всемогущего Господа), он даже в первом приближении не может объяснить сложность того, что чувствует к Патрику?

Тут было много шрамов с обеих сторон, в гневе и разочаровании они говорили и делали жестокие вещи. Были мелкие предательства и измены — и тоже с обеих сторон. Были общие

воспоминания о бешеной страсти, и шумных гулянках, и временах безмятежной влюбленности, когда взгляд, прикосновение, та или иная песня казались нирваной. А потом настало сегодня. Чувства, оторванные от прошлого и вплетенные в узор, которого никто из них не предвидел. Да, они знали, что постареют, что бы там ни помнил Патрик. Они полушутливо говорили о том, что зачахнут, превратятся в счастливых алкоголиков в Ки-Уэсте или переедут в Тоскану и купят оливковую рощу. О чем они не говорили (потому что это казалось маловероятным), так это о том, что, дожив до средних лет, все еще будут здесь и станут разговаривать как старики: вспоминать умерших ровесников и поглядывать на часы — не наступило ли время принимать лекарства.

V

1

— Ты у него не видел мистическую Бетлинн Рейхле? — поинтересовалась Адрианна, когда Уилл рассказал ей о Патрике.

На следующий день они сидели за бранчем в «Кафе Флор» на Маркет-стрит: омлет со шпинатом, картофель по-домашнему и кофе. Уилл ответил отрицательно: этой женщины он не видел, и имя ее не упоминалось.

— Джек говорит, Патрик встречается с ней чуть ли не через день. Джек думает, все это пахнет туфтой. И конечно, за час своего драгоценного времени она берет громадные деньги.

— Не могу представить, что Пат купился на что-то, далекое от реальности.

— Не знаю. У него свои ирландские бзики. Как бы там ни было, она научила его этим песнопениям, и он должен повторять их четыре раза в день. А Джек клянется, что они на зулусском языке.

— Что может Джек знать о зулусском языке? Он родился и вырос в Детройте.

— Он говорит, это расовая память. — Уилл скорчил презрительную гримасу. — Глен, кстати, придумал отличное новое слово, по-моему, оно подходит для этого случая. Андроидиот. Так он называет людей, которые говорят слишком быстро и на первый взгляд кажутся вполне нормальными...

— ...а на самом деле идиоты. Мне нравится. Где он его взял?

. — Это его. Сам придумал. Слова рождают слова. *Cri du jour*.¹

— Андроидиоты, — с удовольствием повторил Уилл. — И она одна из них?

— Бетлинн? Конечно. Я ее не видела, но, должно быть, так и есть. Да, кстати... вообще-то я не должна тебе об этом говорить, но Пат просил узнать: если он закажет торт в форме белого медведя, это не будет дурной вкус?

— И что ты сказала?

— Я сказала, да, это будет дурной вкус.

— И он сказал: «Отлично».

— Именно.

— Спасибо, что предупредила.

2

Вечером около одиннадцати он решил опередить таблетку от бессонницы и отправился выпить. Была пятница, поэтому на оживленных улицах нигде было шагу ступить, и за пятиминутную прогулку по Санчес до 16-й он заметил столько оценивающих взглядов, что, возникни у него желание, он мог бы стать счастливым на эту ночь. Однако самоуверенность отчасти покинула его, когда он вошел в «Гештальт» — бар, который, по

¹ Последний крик моды (*фр.*) .

словам Джека (которого он предварительно расспросил по телефону), открылся два месяца назад и этим летом стал горячим местечком. Он был почти битком набит. Часть клиентов из местных — зашли выпить кружечку пива с друзьями, но большинство разогревались и заводились на уик-энд. В прежние времена в Кастро существовали определенные условности: у кожаных ребят были свои забегаловки, у наркоманов — свои; начинающие не собирались в местах, где сходились старики; королеву, особенно в годах, нельзя было увидеть в баре для черных и наоборот. Но здесь были представители всех кланов — и даже больше того. Кто там в резиновом костюме потягивает бурбон у барной стойки — мужчина или нет? Да, мужчина. А парень, ждущий очереди у бильярдного стола, с пирсингом в носу, волосы выстрижены кругами — он любовник этого латина в хорошо сшитом костюме, который направляется к нему по кратчайшей прямой? Судя по их улыбкам и поцелуям — да. В этой толпе было и немало женщин. Как показалось Уиллу, и несколько девушек традиционной ориентации — пришли строить глазки гомикам и их бойфрендам (занятие сомнительное: бойфренд, если он принял дозу, обычно надеялся, что его оттрахают коллективно на бильярдном столе), и лесбиянки (и опять всех мастей — от кисок до усачей). Его немного пугало уже одно это смешение, но он был слишком увлечен вуайеризмом, чтобы уйти. Уилл протолкался через толпу к стойке и нашел свободное место в дальнем углу, откуда мог видеть большую часть зала. Приняв две кружки пива, он немного расслабился. Если не считать нескольких взглядов, никто не обратил на него внимания.

«И это меня вполне устраивает, — сказал он себе, — вполне».

А когда заказывал третью кружку (последнюю в этот вечер, решил он), кто-то оказался у стойки с ним рядом.

— Я выпью то же самое. Нет, пожалуй, нет. Выпью чистую текилу. А платит он.

— Я? — переспросил Уилл, поворачиваясь к человеку лет на пять моложе его, незадачливое выражение лица которого было ему смутно знакомо.

Узкие карие глаза смотрели из-под приподнятых бровей, улыбка, ямочки на щеках — он ждал, когда же его узнают.

— Дрю? — наконец выговорил Уилл.

— Черт! Надо было побиться об заклад. Я был с этим парнем...

Он оглянулся в зал на рослого парня в кожаной куртке — тот махнул рукой: явно ждал, когда его пригласят присоединиться. Дрю снова перевел взгляд на Уилла.

— Он сказал, ты меня не узнаешь: столько лет прошло. А я говорю: вот увидишь. И ты узнал...

— Но не сразу.

— Да. Что ж... волосы стали реже, — сказал Дрю.

Полтора десятка лет назад, когда между ними завязалась короткая интрижка, Дрю носил кудрявую копну золотисто-каштановых волос, нависавших надо лбом, самые дерзкие локоны щекотали переносицу. Теперь ничего этого не было.

— Ты не возражаешь? — спросил Дрю. — Я про текилу. Сначала я даже не был уверен, что это ты. Ну, то есть я слышал... Сам знаешь, какие бывают слухи. В половине случаев сам не знаешь, чему верить, а чему — нет.

— Ты слышал, что я умер?

— Да.

— Как видишь, — сказал Уилл, чокаясь пивной кружкой с налитой до краев рюмкой текилы в руке Дрю, — я жив.

— Хорошо. — Дрю сделал ответное движение. — По-прежнему живешь в городе?

— Только что вернулся.

— Купил дом на Санчес? — Их роман предшествовал покупке, а отношения, охладившись, не перешли в дружбу. — Все еще живешь там?

— Все еще живу там.

— Я тут встречался кое с кем на Санчес, и он показал мне твой дом. «Вот, — говорит, — тут живет этот знаменитый фотограф».

Глаза Дрю расширились, когда он цитировал приятеля.

— Я, конечно, не знал, о ком речь, но когда он мне объяснил, я сказал...

— ...«а, этот».

— Нет-нет, я почувствовал гордость, — сказал Дрю с подкупающей искренностью. — Я не очень-то интересуюсь искусством, так что даже не связал это с тобой. Ну, то есть я знал, что ты фотографируешь, но помнил только тюленей.

Уилл прыснул от смеха.

— Господи, тюленей!

— Ты помнишь? Мы вместе ходили на тридцать девятый пирс? Я думал, мы надеремся и будем смотреть на океан, но ты ошалел от этих тюленей. Я так разозлился. — Он одним глотком ополовинил рюмку. — Забавно, как всякие глупости остаются в памяти.

— Кстати, твой дружок тебе машет, — заметил Уилл.

— О господи. Печальный случай. У меня с ним было одно свидание, а теперь стоит мне сюда прийти — он тут как тут.

— Тебе нужно к нему возвращаться?

— Вовсе нет. Если только ты не хочешь остаться один. Ну, я имею в виду, выбрать кого-нибудь из ребят.

— Хочу.

— Ты по-прежнему в прекрасной форме, — сказал Дрю. — А я стал вроде как беременный.

Он опустил глаза на свой живот, который уже не был похож на стиральную доску, как в былые годы.

— Целый час джинсы натягивал. А чтобы снять, понадобится вдвое больше времени.

Он посмотрел на Уилла.

— Ну, это если без посторонней помощи, — сказал он и погладил себя по животу. — А помнишь, ты меня фотографировал?

Уилл помнил: жаркий и влажный полдень, гора мышц и детское масло. Дрю тогда был настоящим атлетом — хоть на соревнования посылай. И гордился этим. Может, слишком гордился. Они расстались в ночь на Хеллоуин, когда он увидел, как Дрю, раздетый донага и весь покрытый золотой краской, стоит в окружении поклонников на заднем дворе дома на Хэнкок-стрит, словно фаллический идол.

— У тебя сохранились эти фотографии? — спросил Дрю.

— Да, конечно. Где-то лежат.

— Я бы не прочь их посмотреть... когда-нибудь.

Он пожал плечами, словно это не имело особого значения, хотя они оба поняли две минуты назад, когда он говорил о джинсах, что сегодня Уилл поможет ему из них вылезти.

По пути домой Уилл спрашивал себя, не совершил ли он ошибку. Дрю говорил практически непрерывно и все в довольно мрачном ключе — о его работе в «Кроникл», где он продавал рекламные места, о надоевшей связи с Элом, о приключениях его неудачно кастрированного кота. Но за несколько ярдов от дома остановился на полуслове.

— Меня несет. Извини. Наверно, просто нервничаю.

— Если тебя это может утешить, я тоже, — сказал Уилл.

— Правда? — недоверчиво спросил Дрю.

— У меня не было секса уже восемь или девять месяцев.

— Господи, — сказал Дрю с облегчением. — Ну, тогда мы можем делать это медленно-медленно.

Они уже были у двери.

— Это хорошо, — сказал Уилл, впуская Дрю. — Медленно — это хорошо.

В прежние времена секс с Дрю был настоящим шоу: множество поз, похвальбы и силовых упражнений. В эту ночь все было проще. Никакой акробатики, ничего рискованного.

На самом деле и ничего особенного, кроме удовольствия лежать нагишом друг подле друга в большой кровати Уилла, где слабый свет с улицы заливал их тела, обнимать и чувствовать, как тебя обнимают. Жажда острых ощущений, которая прежде обуяла бы Уилла в такой ситуации, потребность до конца испытать все радости секса казались теперь такими далекими. Но они никуда не исчезли — еще одна ночь, может быть, другое тело (которого он не помнил в лучшие времена) — и, возможно, прежняя одержимость вернется. Но сегодня — малые радости, спокойные удовольствия. В один из моментов, когда они раздевались и Дрю впервые увидел шрамы на теле Уилла, их встреча грозила стать несколько более бурной.

— О боже-боже, — сказал Дрю, и голос его перехватило от восхищения. — Можно я их потрогаю?

— Ну, если действительно хочешь.

Дрю потрогал — не пальцами, а губами, проведя ими по следу, оставленному медвежьим когтем на груди и животе Уилла. Потом опустил на колени и прижался головой к нижней части живота Уилла.

— Я могу оставаться здесь хоть всю ночь.

Он завел руки за спину Уилла и явно был готов к тому, чтобы Уилл связал их там, если это взбредет ему в голову. Уилл провел пальцами по волосам Дрю, испытывая искушение ему подыграть. Связать, пусть целует его шрамы, называет «сэр». Но он принял иное решение.

— В другой раз, — сказал он и, подняв Дрю, повел его к кровати.

3

Он проснулся под звуки дождя, молотившего по световому фонарю наверху. На улице все еще было темно. Он посмотрел на часы — четверть пятого, перевел взгляд на Дрю, который лежал на спине, слегка похрапывая. Уилл не знал, что его разбудило, но теперь, проснувшись, решил встать и опорожнить мочевого пузыря. Но, выскальзывая из кровати, он уловил — или ему показалось, что уловил, — какое-то движение в погруженном в темноту дальнем углу комнаты. Он замер. Неужели кто-то проник в дом? Он вглядывался в тьму, пытаясь разглядеть или расслышать какие-то новые свидетельства того, что в доме незваный гость, но ничего не заметил. Темнота была пуста. Он посмотрел на своего любовника. Дрю во сне чему-то улыбался, поглаживая обнаженный живот. Уилл несколько секунд смотрел на него, зачарованный этим зрелищем. Из всех людей, кто мог бы устроить ему разговор после сексуального поста, Дрю был, пожалуй, самым маловероятным — этот мальчик-атлет, потерявший былые формы.

Дождь неожиданно усилился, теперь он выбивал по крыше барабанную дробь. Это подняло Уилла с постели, и он зашагал в туалет — этим путем он мог бы пройти и не просыпаясь. Из спальни через дверь, потом первый поворот налево на холодный кафель, три шага прямо, потом направо, и можно мочиться с изрядной долей уверенности, что попадешь в унитаз. Он с удовольствием опустошил мочевого пузыря и пошел назад в спальню, на ходу думая о том, как хорошо будет спать в объятиях Дрю.

Сделав два шага от двери, он опять краем глаза уловил движение. На этот раз успел увидеть тень незваного гостя — тот метнулся к лестнице.

— Эй! — крикнул он и бросился следом, подумав, что во всем этом есть что-то подозрительно игривое.

По какой-то причине присутствие незнакомца не встревожило его, он словно заранее знал, что опасности нет. Когда он добежал до нижней ступеньки и бросился по коридору в архив за тенью, то понял почему: он видит это во сне. А что могло быть более верным подтверждением этого, чем зрелище, которое предстало его глазам, когда он добрался до этой комнаты. Там в двадцати футах от себя на фоне забрызганного дождем стекла он увидел силуэт небрежно прислонившегося к подоконнику Господина Лиса.

— Ты голый, — заметило это существо.

— И ты тоже, — ответил Уилл.

— С животными все по-другому. Нам удобнее в нашей шкуре. — Он наклонил голову.
— Шрамы тебе идут.

— Мне уже об этом говорили.

— Тот парень, что лежит у тебя в кровати?

— Угу.

— Ты не можешь позволить ему ошиваться здесь, ты это понимаешь? Когда дела пошли так, как пошли. Тебе придется избавиться от него.

— Странный какой-то разговор, — сказал Уилл, поворачиваясь, чтобы уйти. — Я иду в постель.

Он, конечно, и без того был в постели, но даже во сне больше не хотел оставаться здесь ни минуты, чтобы болтать с лисом. Это животное принадлежало другой части его души, той, от которой он сегодня с помощью Дрю начал удаляться на безопасное расстояние.

— Постой-ка, — сказал лис. — Посмотри сюда.

В его словах слышался такой бодрый энтузиазм, что Уилл невольно оглянулся. В комнате стало светлее, чем несколько мгновений назад, но источником света были не уличные фонари, а фотографии, его несчастные «чахоточники», которые так и лежали на полу, куда он их побросал. Отойдя от окна, Господин Лис прошел, ступая между снимками, на середину комнаты. В странном свете, излучаемом фотографиями, Уилл увидел сладострастную улыбку на лисьей морде.

— Они стоят того, чтобы уделить им минутку, тебе не кажется? — сказал лис.

Уилл посмотрел. От фотографий исходил неясный свет, и не случайно. Яркие размытые формы на снимках двигались — мелькали, подрагивали, словно их пожирал медленный огонь. И Уилл узнал их — этих мучеников. Висящий на дереве лев с содранной кожей. Прискорбный шатер из слоновьей шкуры, висящей прогнившими лоскутами на костях животного. Стадо безумных бабуинов, забивающих камнями своих детишек, фотографии мира, сошедшего с ума, уже не обездвиженного и далекого, но судорожно дергающегося, сверкающего и врывающегося в комнату.

— Разве ты не хочешь, чтобы они так выглядели, когда на них смотрят люди? — спросил лис. — Разве мир не изменится, если все увидят эти ужасы?

Уилл бросил взгляд на лиса.

— Нет, — ответил он, — ни одна из этих фотографий не изменит мир.

— Даже эта? — сказал зверь, глядя на фотографию, лежавшую между ними.

Она была темнее остальных, и поначалу Уилл не мог понять, что на ней изображено.

— А что это?

— Нет, это ты мне скажи, — велел лис.

Уилл опустил на корточки и пригляделся. На этой фотографии тоже что-то двигалось: поток мерцающего света падал на некую форму в центре.

— Патрик? — пробормотал он.

— Возможно, — ответил лис.

Это и в самом деле был Патрик. Он сидел, развалившись на стуле у окна, только крыши на доме не было, и внутрь лил дождь, струи текли по его голове и телу, блестели на лбу, на носу и на слегка натянутых губах, обнаживших зубы. Он был мертв. Уилл знал это. Мертв под дождем. И чем сильнее хлестали по нему струи, тем больше разбухало и покрывалось синевой тело. Уиллу захотелось отвернуться. Это была не обезьяна, не лев, это был Патрик, его возлюбленный Патрик. Но он здорово натренировал глаза. Они продолжали смотреть, как подобает хорошим свидетелям, а лицо Патрика тем временем расплывалось под натиском дождя, стирались черты того, кем и даже чем он был.

— О боже... — пробормотал Уилл.

— Он ничего не чувствует, если тебя это может как-то утешить, — сказал лис.

— Я тебе не верю.

— Тогда отвернись.

— Не могу. Теперь это у меня в голове. — Почувствовав внезапный приступ бешенства,

он двинулся на лиса. — Чем я, черт побери, заслужил это?

— Это вопрос из вопросов, — сказал лис, которого нисколько не тронул гнев Уилла.

— И?

Он пожал плечами.

— Господь хочет, чтобы ты увидел. Не спрашивай меня, для чего. Это между тобой и Богом. Я всего лишь посредник.

Сбитый с толку этими словами, Уилл снова бросил взгляд на фотографию Патрика. Тело растворилось, исчезло в дожде.

— Иногда человек не в силах это вынести, — продолжал лис обыденным тоном. — Господь говорит: «Посмотри на это» — и люди теряют разум. Надеюсь, с тобой этого не случится, но никаких гарантий дать нельзя.

— Я не хочу его потерять, — пробормотал Уилл.

— Тут я тебе ничем не могу помочь, — ответило животное. — Я всего лишь посланник.

— Хорошо, тогда передай от меня Господу... — начал Уилл.

— Уилл? — раздался откуда-то сзади еще чей-то голос.

Он бросил взгляд через плечо — в дверях стоял Дрю, от поясницы и ниже замотанный в простыню.

— С кем ты говоришь? — спросил он.

Уилл повернул голову, и на мгновение (хотя теперь-то он не спал) ему показалось, что он видит силуэт животного на фоне стекла. Потом видение исчезло, а он остался стоять голым на холоде. Сзади подошел Дрю и набросил ему на плечи свою простыню.

— Ты весь в поту, — сказал Дрю.

Так оно и было: по телу Уилла струился холодный пот. Дрю обхватил его руками сзади, прижался головой к шее.

— Ты часто ходишь во сне?

— Случается, — ответил Уилл, глядя на фотографии на полу.

Он все еще надеялся увидеть мерцающий свет на одной из них. Но теперь там ничего не было.

— Вернемся в кровать? — предложил Дрю.

— Нет, я хотел бы остаться здесь ненадолго, — сказал Уилл.

Хватит снов на одну ночь.

— Ты спи, а я приготовлю себе чай.

— Я могу остаться с тобой, если хочешь.

— Я в порядке, спасибо, — сказал Уилл. — Немного поброжу тут.

Дрю пожертвовал простыню Уиллу и стал подниматься по лестнице, оставив его заваривать «Эрл Грей». Ему не особенно хотелось, чтобы те образы, которые его только что посетили, вернулись, пока он сидит тут, прихлебывая чай. Но он ничего не мог с собой поделать — воображал ту необъяснимую жизнь, которой зажили разбросанные им фотографии. Они словно имели свой смысл, который он не хотел видеть или понимать, а потому донесли до него этот смысл во сне. Но какой? Что смерть ужасна? Он знал это лучше, чем большинство людей. Что Патрик умрет и Уилл ничего не может с этим поделать? И это он тоже знал. Он возвращался к этому снова и снова, но так и не мог нащупать суть пережитого. Возможно, он искал смысл там, где его не было. Насколько можно доверять сну, в котором выступает говорящий лис, заявляющий, что он посланник Господа? Вероятно, доверие это близко к нулю.

Но разве не было в конце того краткого мгновения, когда Дрю позвал его и он проснулся, когда лис задержался, словно нащупывая границы своей юрисдикции и готовясь шагнуть туда, где он не мог находиться?

Наконец он вернулся в постель. Дождь пронесся над городом и ушел, и теперь в комнате было слышно только мирное дыхание Дрю. Уилл осторожно проскользнул под простыню, чтобы его не разбудить, но тот, не просыпаясь, почувствовал, что любовник вернулся, так как потянулся к Уиллу с закрытыми глазами, а дыхание оставалось ровным. Он

прижался к Уиллу, точно повторяя очертания его тела. Уилл не сомневался, что не уснет, но уснул. И спал без задних ног. Больше никаких визитов не было. Господь и его посланник больше не тревожили его в ту ночь, а когда он проснулся, его ждали солнце и поцелуи.

VI

Патрик выполнил свое обещание: в центре буфетной стойки разместился большой торт в форме дородного медведя с рядом мощных клыков и сластолюбивым розовым языком. Это неизбежно вызывало вопросы, которые Патрик переадресовывал Уиллу, и тот был вынужден десять раз рассказывать историю о напавшей на него медведице, с каждым повтором сокращая ее, пока она не отшлифовалась до впечатляюще непринужденной: «Ну, пожевал меня немного медведь».

— Почему ты мне ничего не сказал? — спросил Дрю, когда эти сведения дошли и до него. — Я думал, у тебя шрамы после автокатастрофы. Но господи боже мой — медведь! — Он не смог не улыбнуться. — Вот это история.

Уилл отобрал у Дрю кусок курицы и шмат пиццы с артишоками и доел их.

— Ты этим хочешь что-то сказать? Мол, хватит есть? — спросил Дрю.

— Нет.

— Думаешь, я слишком разжирел? Признайся.

— Я думаю, ты в полном порядке, — терпеливо сказал Уилл. — Я даю тебе разрешение съедать все куски пиццы, до которых дотянутся твои загибающиеся руки.

— Ты бог, — сказал Дрю и вернулся к буфетной стойке.

— Вы вдвоем начали с того места, на котором остановились?

Уилл оглянулся и увидел как: всегда изящного Джека Фишера рядом с задумчивым белым парнем. Последовали объятия и приветствия, после чего Джек представил своего друга.

— Это Каспер. Он не верит, что я тебя знаю.

Каспер пожал Уиллу руку и произнес несколько неуклюжих слов восхищения.

— Я мальчишкой смотрел на вас как на бога, — сказал он, — то есть на ваши фотографии. Они такие реальные, черт возьми. Отображают все как есть, я прав? Мы ведь в глубокой заднице?

— Каспер — художник, — объяснил Джек. — Я купил у него «Малую эрекцию». Он рисует только члены, верно я говорю, Каспер?

У парня был несколько смущенный вид.

— Рынок невелик, — подтвердил Джек, — но довольно стабилен.

— Я бы с удовольствием... показал вам некоторые мои работы, — сказал Каспер.

— Почему бы тебе не принести нам выпить? — спросил Джек.

Каспер нахмурился — он явно не хотел играть роль официанта.

— А я постараюсь убедить Уилла купить какую-нибудь из твоих картин.

Каспер нехотя пошел за выпивкой.

— Вообще-то у него классные картины, — признался Джек. — И он не лукавит, когда говорит, что ты был для него богом. Симпатичный парень. Я серьезно подумываю взять его с собой в Луизиану и там обосноваться.

— Ты этого никогда не сделаешь, — заметил Уилл.

— Понимаешь, я этим долбаным городом уже сыт по горло, — устало сказал Джек и понизил голос. — Дело в том, что меня тошнит от тошнотворных людей. Я понимаю, как это звучит, но ты же меня знаешь, я говорю то, что думаю. И в моей записной книжке столько вычеркнутых адресов, что и не сосчитать.

— Сколько лет Касперу? — спросил Уилл, глядя, как тот пробирается к ним с двумя стаканами виски.

— Двадцать. Но он знает все, что нужно знать, — заговорщицки усмехнулся Фишер, но Уилл не смотрел на него.

Он не хотел куражиться насчет этого парня, который, невзирая на покровительственные речи Джека, через месяц, оттраханный и забытый, будет вынужден зарабатывать на жизнь собственной задницей.

— Ты должен заглянуть в его студию, — сказал Джек, возвращаясь к восторженному тону, когда Каспер оказался в пределах слышимости. — Он собирается сделать целую серию рисунков, изображающих эякуляцию...

— О-па, — пробормотал он и замер на полуслове, глядя в сторону двери, в которую вошла необычного вида женщина за пятьдесят, одетая в серое платье свободного покроя.

Она величественным взглядом обвела три десятка гостей и, увидев Патрика, направилась к нему. Тот оставил Льюиса, который воспользовался вечеринкой, чтобы распространять тоненький томик своих стихов, и двинулся ей навстречу. Она забыла о царственных манерах, когда Патрик обнял ее, поцеловала его в щеку и громко рассмеялась.

— Это Бетлинн? — спросил Уилл.

— Угу, — сказал Джек. — И я не в настроении, так что ты давай сам по себе. Только не позволяй ей заморочить тебе голову.

Сказав это, Джек с хитровой улыбкой удалился, Каспер последовал за ним.

Уилл как зачарованный смотрел на Бетлинн, болтавшую с Патриком, который ловил каждое ее слово, — это было видно. Его жесты выдавали нетипичное для него смирение. Он кивал время от времени, но глаза были устремлены в пол — он внимательно слушал, впитывая крупницы ее мудрости.

— Значит, вот она какая. — Адрианна подошла к Уиллу и теперь незаметно поела эту пару глазами, одновременно скусывая глазировку с белого медведя. — Наша Хрустальная Леди.

— Она хоть кому-нибудь нравится?

— До сих пор никто из нас ее не встречал. Не думаю, что она часто спускается на грешную землю, хотя Льюис утверждает, будто видел, как она покупает баклажаны. — Она, прикрывшись ладонью, захохотала, представив себе эту картину. — Конечно, Льюис — поэт, так что его свидетельство не в счет.

— А где Глен?

— Блюет.

— Объелся тортом?

— Нет. Он нервничает, когда вокруг много людей. Думает, что они смотрят на него. Раньше он думал, что люди смотрят на его уши, но после операции думает, что они пытаются понять, что в нем изменилось.

Уилл старался подавить смех, но ему это не удалось — он рассмеялся так громко, что Патрик поднял глаза и посмотрел в его сторону. В следующий момент он уже вел Бетлинн к Уиллу через всю комнату. Адрианна придвинулась ближе, чтобы принять участие в церемонии знакомства.

— Уилл, — сказал Патрик, сияя как мальчишка, — я хочу представить тебя Бетлинн. Это замечательно. Два самых важных человека в моей жизни...

— А меня, кстати, зовут Адрианна.

— Извини, — сказал Патрик. — Бетлинн, это Адрианна. Она работает с Уиллом.

Вблизи Бетлинн выглядела гораздо старше, ее скуластое, почти славянское лицо избороздили тонкие морщинки. Ладонь, когда она обменялась с Уиллом рукопожатием, была холодна, а когда заговорила, голос оказался таким низким и хриплым, что Уиллу пришлось приблизиться, чтобы разобрать слова. Но и тут он сумел уловить только:

— ...в вашу честь.

— Вечеринка, — подсказал Патрик.

— Пат всегда был большим мастером по устройству праздников, — сказал Уилл.

— Это потому, что он от природы жрец радости, — ответила Бетлинн. — Редкое качество.

— Я не знала, что теперь устройство вечеринок — занятие, освященное свыше, —

подала голос Адрианна.

Бетлинн ее как будто не слышала.

— Таланты Патрика с каждым днем разгораются все ярче. Я вижу, как это проявляется.
— Она оглядела Патрика. — Сколько мы уже работаем вместе?

— Пять месяцев, — ответил Пат, продолжая сиять, как служка, получивший благословение.

— Пять месяцев, и с каждым днем горение становилось ярче, — повторила Бетлинн.

Уилл неожиданно для себя услышал собственный голос.

— Живя или умирая, мы все равно питаем огонь.

Бетлинн нахмурила лоб, прищурилась, словно прислушиваясь к отзвуку слов Уилла, чтобы убедиться, что правильно их поняла.

— Какой огонь вы имеете в виду?

Уилл хотел замять сказанное, но если человек, который отчеканил эту фразу, и научил его чему-нибудь, так это тому, как важно отстаивать свои убеждения. Беда, однако, была в том, что он не знал ответа на вопрос Бетлинн. Эта фраза, преследовавшая его вот уже три десятилетия, на самом деле не имела простого объяснения, может быть, поэтому и была такой привязчивой. Но Бетлинн ждала ответа. Она смотрела на Уилла большими серыми глазами, а он искал выход из ситуации.

— Это всего лишь фраза, — сказал он. — Не знаю. Думаю, она означает... Ведь огонь есть огонь?

— Нет, это вы мне скажите.

В ее внимательном взгляде было отчетливо заметно самодовольство, которое раздражало Уилла. Однако, вместо того чтобы спустить все на тормозах, он сказал:

— Нет, это вы специалист по яркому горению. У вас, наверно, на сей счет есть теория получше, чем у меня.

— У меня нет теорий. Мне они не нужны, — парировала Бетлинн. — Я знаю истину.

— Ну, тогда это моя ошибка, — ответил Уилл. — Я думал, вы, как и все мы, бесполезно топчетесь на одном месте.

— Вы так циничны. Очень разочарованы?

— Спасибо за ваш анализ, но...

— Очень ущемлены. Признать это вовсе не стыдно.

— Ну, я-то ни в чем никогда не признаюсь, — ответил Уилл.

Она попала в его самое больное место и знала это. На ее лице появилось блаженное выражение.

— Почему вы такой колючий?

Уилл воздел руки к небу.

— Что бы я ни сказал, вы все оборачиваете против меня...

— Но не против кого-то, — ответила она.

Патрик наконец вышел из своего блаженного умопомрачения и попытался вставить хоть слово, но Бетлинн не обратила на это внимания. Подавшись к Уиллу, она, словно утешая его своей близостью, сказала:

— Вы навредите себе, если не научитесь прощать. — Она положила ладонь на его предплечье. — На кого вы так сердитесь?

— Я вам расскажу.

Она улыбнулась в ожидании — вот сейчас он раскроет ей душу.

— Понимаете, тут этот лис...

— Лис? — переспросила она.

— Он сводит меня с ума. Я знаю, что должен поцеловать его в покусанную блохами задницу и сказать, что прощаю его вмешательство в мою жизнь.

Она мельком взглянула на Патрика, что он воспринял как знак увести ее.

— Но с лисами это не так-то просто, — продолжал Уилл. — Потому что я ненавижу этих долбанных тварей.

Бетлинн начала отступать.

— Ненавижу, ненавижу, ненавижу...

И она исчезла в толпе, сопровождаемая Патриком.

— Миленькое отступление, — заметила Адрианна. — Тихое, элегантное. Миленькое.

— Мне нужно выпить, — сказал Уилл.

— Пойду поищу Глена. Если его все еще тошнит, отвезу домой, так что если больше не увидимся — наслаждайся вечеринкой.

— Что за хрень ты нес? — поинтересовался Джек, когда поравнялся с Уиллом и бутылкой виски.

— Да ерунда.

— Мне понравилось выражение ее лица.

— Ты видел?

— Все видели.

— Надо бы извиниться.

— Слишком поздно. Она только что ушла.

— Не перед ней — перед Патриком.

Он нашел Пата в дальней комнате, где они когда-то устроили что-то вроде теплицы. Теперь это было помещение, в котором хранились вышедшие из моды украшения, старая мебель и росли несколько кустов марихуаны. Сидя среди них и уставясь в стену, Пат курил толстую самокрутку.

— Это было глупо, — сказал Уилл. — Я начудил и раскаиваюсь.

— Ничего ты не раскаиваешься, — не поверил Патрик. — Ты считаешь, что она завзятая мошенница, и хотел дать ей понять, что о ней думаешь.

Голос его звучал мрачно. В нем не было гнева, даже недовольства — только усталость.

— Хочешь затануться? — сказал он, глянув на Уилла и протягивая косяк.

Глаза у него были красные.

— Господи Иисусе, Пат... — сказал Уилл.

Ему захотелось разрыдаться, когда он увидел, как несчастен Патрик.

— Так хочешь или нет?

Патрик шмыгнул носом. Уилл взял самокрутку и глубоко затянулся.

— Сейчас мне нужна Бетлинн, — продолжал Пат. — Могу догадываться, что ты чувствуешь по отношению к ней, и я, возможно, чувствовал бы то же самое, будь я на твоём месте. Но я не на твоём. Я на своём. А ты — там. Между нами мили и мили, черт побери.

Он коротко, почти судорожно вздохнул.

— Я умираю. И мне это не нравится. Я не умиротворен. Я не примирился...

Он повернулся, чтобы взять самокрутку у Уилла.

— Я еще... не закончил с этой жизнью. Даже... в первом приближении. Не закончил.

Он еще раз затянулся марихуаной и протянул косяк Уиллу, который и докурил его до конца. С легкими, полными дыма, они посмотрели друг на друга, каждый без труда выдержал взгляд другого. Потом Патрик, выдыхая дым, заговорил:

— Меня никогда так не интересовало то, что происходит за этими стенами, как сейчас. Я был вполне счастлив, имея немного марихуаны и прекрасный вид из окна. Ты возвращался со своими фотографиями, и я думал: какого черта — не хочу я видеть мир, если он такой. Ну его к чертям, это исчезновение видов. Оно меня угнетает. Все согласны, что смерть угнетает. Я просто уберу ее из жизни. Но ничего не вышло. Она все время рядом. Прямо здесь. Во мне. Я не заперся от нее. Я запер ее в себе.

Уилл шагнул к нему — расстояние между их лицами сократилось до фута.

— Я хочу извиниться перед Бетлинн, — сказал он. — Что бы я о ней ни думал, но вел я себя как распоследний сукин сын.

— Договорились.

— Она меня примет, если я паду перед ней ниц?

— Может, и нет. Но ты мог бы ей позвонить. — Патрик улыбнулся. — Я буду счастлив.
— Это самое главное.
— Ты правда так считаешь?
— Ты знаешь, что я так считаю.
— Ну, пока ты такой щедрый, позволь попросить тебя еще кое о чем. Делать это прямо сейчас не обязательно. Это скорее просьба на будущее.
— Слушаю.
Патрик посмотрел на него окосевшими глазами — они у него всегда косили под кайфом — и, протянув руку, поймал пальцы Уилла.
— Я хочу, чтобы ты был здесь, со мной, — сказал он, — когда для меня настанет время... уйти. Я имею в виду — навсегда. Рафаэль — он замечательный. И Джек тоже. И Адрианна. Но они — это не ты. Никто никогда не мог сравниться с тобой, Уилл. — Его глаза печально блестели. — Обещаешь?
— Обещаю, — ответил Уилл, больше не сдерживая слезы.
— Я тебя люблю, Уилл.
— Я тебя тоже люблю. И это не изменится. Никогда. Ты это знаешь.
— Да. Но мне все равно приятно это слышать. — Он сделал героическую попытку улыбнуться. — Думаю, нам пора идти раздавать косячки страждущим.
Он взял со стола оловянную банку.
— Я скрутил штук двадцать. Как по-твоему, этого хватит?
— Да ты все спланировал, старина, — сказал Уилл.
— Я — жрец радости, — сказал Патрик, направляясь в гостиную раздавать свои дары.
— Ты разве не слышал?

VII

Почти все были под кайфом, кроме Джека, который по собственному праведному почину год назад (после двух десятилетий химических излишеств) стал трезвенником, и Каспера, которому запрещалось курить травку, потому что этого не делал Джек. Дрю под воздействием марихуаны стал демократически легкомысленным, но потом, поняв, где его надежды будут вознаграждены в полной мере, последовал за Уиллом на кухню, где подробно объяснил, что хочет сделать, когда они вернутся на Санчес-стрит.

Но, как выяснилось, когда вечеринка подошла к концу, Дрю так набрался пива и накурился травки, что, по его словам, ему надо было поскорее добраться домой и выспаться. Уилл снова пригласил его к себе, но Дрю отклонил приглашение. Он сказал, что не хочет, чтобы кто-нибудь, а в особенности Уилл, видел, как его рвет в сортире, поскольку это приватный ритуал. Уилл отвез его домой, убедился, что он добрался до дверей, и поехал к себе. Но от вербальных упражнений Дрю у него пробудились желания, и он поглядывал, не подвернется ли кто среди публики, направляющейся в заведение «Кающийся грешник». Правда, мысль о том, что для достижения цели в столь поздний час нужно активизировать поиски, охладила его. Сон ему нужнее, чем чужая рука. А завтра Дрю протрезвеет.

И опять он, казалось, проснулся, разбуженный сиренами на Маркет или криками с улицы. Казалось, проснулся и, казалось, сел и оглядел погруженную в темноту улицу, как это было две ночи назад. Но на этот раз Уилл с большей мудростью отнесся к сюрпризам, которые преподносил ему спящий разум. Сопротивляясь желанию пройти во сне до туалета, он остался в кровати, дожидаясь, когда иллюзия рассеется.

Но прошло, казалось, несколько минут, и он утомился. Тут есть некий ритуал, понял он, его подсознание требует, чтобы этот ритуал был исполнен, и, пока он не выполнит условий игры, ему не будет позволено забыться сном. Смирившись с этими условиями, он поднялся и вышел на лестничную площадку. На этот раз на стене не было никакой тени, которая заманила бы его вниз, но он все равно спустился туда, следуя тем же маршрутом, что и в

компании с Господином Лисом: по коридору в архив. Сегодня, однако, фотографии на полу не светились. Животное явно хотело вести разговор в темноте.

— Можем мы покончить с этим поскорее? — сказал Уилл, шагая во мрак. — Ведь есть сны и получше, чем...

Он остановился. Воздух вокруг него шевелился из-за движения в комнате. Что-то шло ему навстречу, что-то гораздо более крупное, чем лис. Он начал отступать, услышал шипение, увидел мощную серую форму, которая возвышалась над ним, громаду головы с разинутой пастью, прикидывающуюся темнотой, от которой начинал светиться мрак...

Медведь! Господи милостивый. Только это был не просто медведь. На него наступала медведица-подранок, из ее ран текла кровь, он ощущал на лице зловонное горячее дыхание.

Уилл инстинктивно сделал то, что сделал бы в реальности: упал на колени, опустил голову, чтобы казаться как можно меньше. Половицы под ним заходили от веса и ярости зверя; его шрамы вдруг зажглись огнем в память о том, кто их оставил. Больше он ничего не мог сделать, чтобы не закричать, хотя и понимал, что это всего лишь идиотский сон. Все, что он мог, — это умолять медведицу остановиться и оставить его в покое. Но он хранил молчание, прижав ладони к половикам, и ждал. Прошло время, и пол перестал ходить ходуном. Но Уилл оставался неподвижен. Досчитав до десяти, он приподнял голову на дюйм или два. Никаких признаков медведицы не было. Но в другом конце комнаты, как и в прошлый раз, небрежно опершись о подоконник, стоял Господин Лис.

— Из этого можно извлечь массу уроков, — сказал он, — но в первую очередь на ум приходят два.

Уилл осторожно встал на ноги, пока лис делился с ним своей мудростью.

— Итак, когда ты имеешь дело с духами животных, — а именно с этим, Уилли, ты и столкнулся, нравится тебе это или нет, — нужно помнить, что все мы — одна большая счастливая семья, и если я здесь, то, вполне вероятно, я не один. Это первый урок.

— А второй?

— Прояви ко мне хоть какое-то уважение! — твякнул лис. И вдруг перешел к разумным речам. — Ты пришел сюда со словами, что хочешь покончить с этим как можно скорее. Это оскорбительно, Уилли.

— Не называй меня Уилли.

— Попроси вежливо.

— Да иди ты в задницу!.. Пожалуйста, не называй меня Уилли.

— Так-то лучше.

— Мне нужно выпить. У меня в горле пересохло.

— Иди, налей себе чего-нибудь, — сказал лис. — Я пойду с тобой.

Уилл пошел на кухню, лис на мягких лапах последовал за ним, дав Уиллу совет не зажигать огня.

— Я предпочитаю мрак, — промолвило животное. — Он обостряет мои чувства.

Уилл открыл холодильник и достал пачку молока.

— Хочешь чего-нибудь?

— Меня жажда не мучит, — сказал лис. — Но спасибо.

— Чего-нибудь перекусить?

— Ты знаешь, чем я люблю перекусывать, — ответил лис, и перед мысленным взором Уилла с тошнотворной ясностью возник мертвый Томас Симеон в траве.

— Господи Иисусе, — пробормотал Уилл, захлопывая холодильник.

— Брось, — сказал лис. — Где твое чувство юмора?

Он вышел из мрака в пятно тусклого света, льющегося из окна. Уиллу показалось, что вид у лиса более злобный, чем в прошлый раз.

— Я думаю, ты должен серьезно спросить самого себя, — сказал лис, — хочешь ли рухнуть в эту яму. И если хочешь, то каковы будут последствия для окружающих. В особенности для твоего нового любовника. Я хочу сказать, что он человек не слишком устойчивый.

— Ты имеешь в виду Дрю?

— Верно. Дрю. Я почему-то думал, что его зовут Брад. Думаю, по справедливости ты должен его отпустить, иначе утащишь за собой. Он свихнется из-за тебя или попытается вскрыть себе вены. Или то, или другое. И ответственность ляжет на тебя. Не хочешь же ты нести такой груз. У тебя и без того хватает всякого дерьма.

— Ты не мог бы конкретизировать?

— Это не его война, Уилл. Она твоя и только твоя. Ты стал ее участником с того дня, когда позволил Стипу отвести тебя на холм.

Уилл поставил молоко на стол и схватился за голову руками.

— Жаль, ты не знаешь, чего тебе надо, черт побери, — сказал он.

— В отдаленной перспективе, — ответил лис, — я хочу того, чего в глубине души хочет каждое животное (может быть, кроме собаки), — хочу, чтобы ваш вид исчез. Улетел к звездам, если вам это удастся. А скорее — чтобы прекратил существование и сгнил. Нам все равно. Мы только хотим, чтобы вас здесь не было.

— И что потом?

— А ничего, — ответил лис, пожимая плечами и переходя на мечтательный шепот. — Планета и дальше будет вращаться вокруг своей оси. Когда светло — будет день, когда темно — ночь, и не будет конца простой благодати бытия.

— Простой благодати бытия, — повторил Уилл.

— Красивая фраза. Кажется, я позаимствовал ее у Стипа.

— Тебе будет не хватать всего этого, если мы исчезнем...

— Ты имеешь в виду — слов? Ну, может быть, и будет — день-другой. Но это пройдет. Через неделю я забуду, что такое стоящий разговор, и снова стану блаженной душой. Каким был, когда Стип увидел меня впервые.

— Я знаю, все это мне только снится, но пока ты здесь... скажи, что ты знаешь о Стипе.

— Только то же, что и ты, — сказал лис. — В конце концов, в немалой степени ты — это он. Посмотри как-нибудь на себя хорошенько.

Теперь лис приблизился к столу и понизил голос до вкрадчивого шепота:

— Неужели ты и в самом деле думаешь, что не потратил бы большую часть жизни, снимая погибающих в мучениях диких зверей, если б он не вложил нож в твои руки? Он создал тебя, Уилл. Он поселил в тебе надежды и разочарования, чувство вины и томление.

— И в то же время поселил тебя?

— Уж не знаю, плохо это или хорошо. Понимаешь, я ведь не имею особого значения. Я всего лишь невинный лис, который съел лакомые части Томаса Симеона. Стип увидел, как я убегаю, и решил, что я негодяй. С его стороны, кстати, это было очень несправедливо. Я сделал только то, что сделал бы любой лис с пустым желудком, увидев еду. Я ведь не знал, что ем что-то важное.

— А Симеон был важен?

— Для Стипа — несомненно. Я хочу сказать, Джекоб и в самом деле принял близко к сердцу эту историю с отъеденным членом. Он бросился за мной так, словно хотел оторвать мне голову. И тогда я побежал, так далеко и так быстро...

Уилл помнил эти события иначе, ведь он видел их глазами Стипа, но Господин Лис оседлал своего конька, и Уилл не решился его прервать.

— И он все время преследовал меня. Убежать от него было невозможно. Понимаешь, я ведь был в его памяти. Перед его мысленным взором. А я тебе скажу, что его мысленный взор почище стальной клетки. Как только я там оказался, удрать было уже невозможно. Даже смерть не могла убрать меня из его головы.

Из груди лиса вырвался тяжкий вздох.

— Я вот что тебе скажу, — сказал он. — Это совсем не то, что быть перед твоим мысленным взором. То есть психика у тебя наперекосяк, тут сомнений нет, но до него тебе далеко. Ох как далеко.

Уилл умел отличать наживку от добычи, но ничего не мог с собой поделать. Он

польстился на наживку.

— Расскажи мне, — попросил он.

— Каким он был? Ну... если моя голова — это дырка в земле, а твоя — жалкая лачуга (ничего личного), то у него — настоящий собор. Со всеми шпилями, хорами и контрфорсами. Невероятно.

— Давай к вопросу о благодати бытия.

— Какой ты шустрый, — с похвальной ноткой в голосе сказал лис. — Как только увидишь слабину в аргументах, тут как тут.

— Значит, голова у него была как собор?

— Ну, это слабо сказано. На самом деле не так. Это разложение год за годом, день за днем. Там становится темнее и холоднее, и Стип не знает иного способа поддерживать в себе жизнь, кроме как убивать, но это уже не действует так, как прежде.

Пальцы Уилла помнили бархат крылышек мотылька и жар огня, который скоро их поглотит. Хотя он и не высказал это вслух, лис все равно его услышал.

— Ах да, ты же знаком с его методологией. Я стал забывать об этом. Ты видел его безумие своими глазами. Это значит, ты вооружен против него. По крайней мере, хоть немного.

— А что случится, если он умрет?

— Я покину его голову, — сказал лис. — И стану свободен.

— Ты поэтому преследуешь меня?

— Я тебя не преследую. Преследуют призраки. А я не призрак. Я... Кто я? Я воспоминание, превращенное Стипом в маленький миф. Животное, Которое Пожирало Людей. Вот кто я. На самом деле я не представлял интереса как дикий или садовый лис. Поэтому он дал мне голос. Поставил на задние лапы. Назвал Господином Лисом. Он создал меня так же, как создал тебя. — Это было горькое признание. — Мы оба — его дети.

— А если он тебя отпустит?

— Я тебе говорил: я стану свободным.

— Но в реальном мире тебя нет в живых уже несколько веков.

— И что? У меня при жизни рождались дети. Три помета как минимум. И у них были дети, и у их детей были дети. Я в той или иной форме все еще присутствую в мире. Кстати, тебе бы тоже стоило посеять свое семя, даже если тебе это против шерсти. Ведь у тебя есть для этого все, что нужно. — Он посмотрел на пах Уилла. — Я бы с такой штукой посеял помет особей на пять.

— Мне кажется, наш разговор подошел к концу.

— Я определенно чувствую себя гораздо лучше, — ответил лис, словно они были два враждующих соседа, между которыми состоялся сердечный разговор.

Уилл поднялся.

— Это значит, что я могу проснуться? — спросил он.

— А ты и не спишь, — ответил лис. — Ты в последние полчаса и глаз не сомкнул...

— Это не так, — ровным голосом сказал Уилл.

— Боюсь, так оно и есть. Ты открыл маленькую дырочку в своей голове в ту ночь со Стипом, и теперь туда может проникать ветер. Тот самый ветер, что дует в его голову, свистит и в твоей лачужке...

Уилл выслушал больше чем достаточно.

— Хватит! — сказал он, двигаясь к двери. — Я не позволю тебе играть со мной в интеллектуальные игры.

Поднимая передние лапы и изображая шутливую сдачу, Господин Лис отошел в сторону, а Уилл шагнул в коридор. Лис последовал за ним, когти клацали по паркету.

— Ах, Уилл, — заскулил он, — мы так хорошо беседовали...

— Я сплю.

— Нет, не спишь.

— Я сплю.

— Нет!

У нижней ступеньки Уилл развернулся.

— Хорошо, не сплю! — закричал он. — Я спятил! Я свихнулся ко всем чертям!

— Неплохо, — спокойно сказал лис. — Мы сдвинулись с мертвой точки.

— Ты хочешь, чтобы я восстал против Стипа в смирительной рубашке?

— Нет. Я просто хочу, чтобы ты избавился от части своих благоразумных предположений.

— Каких, например?

— Я хочу, чтобы ты принял мысль, что ты, Уильям Рабджонс, и я, полумифический лис, вполне можем сосуществовать и уже делаем это.

— Если я соглашусь, меня признают невменяемым.

— Ну хорошо, попробуем иначе. Ты помнишь русских матрешек?

— Не начинай с них...

— Да нет, это очень просто. Все укладывается во все...

— Боже мой... — пробормотал Уилл.

Теперь его угнетала мысль, что если это и в самом деле сон — а это сон, иначе и быть не могло, — то все, что было раньше с той минуты, как он вышел из комы, тоже было сном. Что он все еще лежал на больничной койке в Виннипеге...

Он начал дрожать.

— Что случилось? — спросил лис.

— Да заткнись ты! — крикнул Уилл и стал подниматься по лестнице.

Враг следовал за ним по пятам.

— Что-то ты бледный. Не заболел? Завари себе мятного чаю. Это успокоит желудок.

Разве он не сказал этой твари еще раз, чтоб она заткнулась? Он не был уверен. Его чувства то включались, то выключались. В какой-то момент Уилл начал падать на звезды, потом практически прополз по лестничной площадке, ввалился в туалет, где его вырвало, а лис болтал без умолку у него за спиной, говорил, что нужно поберечь себя, потому что умственное состояние Уилла оставляет желать лучшего (словно ему это было неизвестно) и он подвержен самым разным психозам.

Потом он оказался в душе, его рука, которая странным образом представлялась какой-то далекой, попыталась ухватиться за кран. Пальцы ослабли, как у младенца, потом кран внезапно повернулся, и на него хлынула ледяная вода. Слава богу, нервные окончания, в отличие от мозга, функционировали отлично. Две секунды — и он покрылся гусиной кожей, в висках застучало от холода.

Несмотря на панику (а возможно, благодаря ей), мысли сменяли друг друга с невероятной скоростью, мгновенно перенося его в те места, где он когда-то замерзал от холода. Это было, конечно, в Бальтазаре, когда он лежал раненый на льду. И в холмах над Бернт-Йарли, когда он потерялся под дождем. И на берегах Невы той зимой, когда был построен ледяной дворец...

«Постой-ка, — подумал он. — Это не мое воспоминание».

..мертвые птицы падают с небес...

«Это часть жизни Стипа, не моей».

...река, как камень, и Еропкин... несчастный обреченный Еропкин... строит свой шедевр из света и льда...

Он бешено затряс головой, прогоняя чужие воспоминания. Но они не уходили. Обездвиженный, замороженный ледяной водой, он мог только беспомощно стоять, пока противные его нутру воспоминания Стипа затопляли сознание.

VIII

Он стоял на заполненной людьми улице Санкт-Петербурга, и если у него еще не перехватило дыхание от холода, то это должно было случиться от открывшегося зрелища:

перед ним был дворец Еропкина, стены которого поднимались кверху на сорок футов. Сооружение сверкало в свете факелов и костров, горевших повсюду. Они были жаркие, эти огни, но из дворца не выступило ни капли воды, потому что жар огня не мог преодолеть студёный воздух.

Он оглянулся на толпу, напиравшую на ограждение из гусаров, которые сдерживали самых смелых ударами сапога и угрозами. Боже милостивый, как они воняют сегодня. Зловонные тела, зловонные одежды.

— Чернь, — пробормотал он.

Слева от Уилла уродливая девчонка с похожим на репу лицом вопила, сидя на плечах отца, под носом у нее замерзли сопли. Справа крутился в пляске пьяница с грязной клочковатой бородой, за его руку цеплялась женщина еще более жалкого вида.

— Ненавижу этих людей, — сказал над его ухом чей-то голос. — Вернемся сюда позже, когда все успокоится.

Он оглянулся на говорившего и увидел Розу с порозовевшим от холода точеным лицом, обрамленным меховым капюшоном. Ах, как она прекрасна сегодня, когда в ее глазах мелькают языки пламени.

— Пожалуйста, Джекоб, — сказала она и потянула его за рукав, как потерявшаяся маленькая девочка, зная, что это действует почти безотказно. — Сегодня мы можем сделать ребеночка, Джекоб. Правда, я чувствую, что можем.

Она была совсем близко, и он уловил ее дыхание: аромат французских духов не смог бы с ним сравниться. Даже здесь, в тисках ледяной зимы, вокруг нее пахло весной.

— Положи руку мне на живот, Джекоб, — сказала она и потянула его за руку. — Разве он не теплый?

Он был теплый.

— Ты не думаешь, что сегодня мы сможем сотворить новую жизнь?

— Может быть, — сказал он.

— Так давай уйдем от этих животных. Пожалуйста, Джекоб. Пожалуйста.

Ах, она могла быть убедительной, когда у нее было это игривое настроение. А ему, честно говоря, нравилось ей подыгрывать.

— Ты говоришь: животных?

— Они ничем не лучше, — ответила она презрительно.

— Ты бы хотела, чтобы они умерли?

— Все до единого.

— Все-все?

— Кроме нас с тобой. А из нашей любви родится новая раса идеальных людей, чтобы мир стал таким, каким его хотел видеть Бог.

Услышав это, он не мог сдержаться и поцеловал ее, хотя улицы Санкт-Петербурга не были похожи на улицы Парижа или Лондона, и любое проявление чувств, в особенности таких, неизбежно должно было вызвать порицание. Но ему было все равно. Она его вторая половина, без нее он не был бы самим собой. Он взял ее прекрасное лицо в ладони, прижался губами к ее губам, ее дыхание благоуханным призраком парило между их лицами. Слова, несомые этим дыханием, все еще удивляли его, хотя он слышал их бесчисленное количество раз.

— Я тебя люблю, — сказала она. — И буду любить, пока жива.

Он поцеловал ее снова, зная, что на них смотрят завистливые глаза, но оставаясь к этому безразличным. Пусть толпа глазеет, пусть кудахчет, покачивая головами. За всю свою бесполезную жизнь они не испытают того, что он чувствует сейчас с Розой: высочайшее единение душ.

В разгар поцелуя шум толпы стих, а потом умолк. Он открыл глаза. Они больше не стояли на краю улицы у заграждений — теперь они были на пороге дворца. Дорога у них за спиной опустела. За время одного вздоха прошло полночь. Теперь уже было далеко за полночь.

— И никто за нами не будет подглядывать? — спросила Роза.

— Я заплатил всем стражникам, чтобы они пошли и напились до бесчувствия, — сказал он. — У нас есть четыре часа, до того как с утра пораньше снова придут зеваки таращиться на все это. Мы можем заниматься здесь чем хотим.

Она сбросила с головы капюшон и провела по волосам — они волнами рассыпались по плечам.

— А здесь есть спальня? — спросила она.

Он улыбнулся.

— О да, тут есть спальня. И большая кровать с балдахином. И все это высечено из льда.

— Отведи меня туда, — сказала она, беря его руку.

И они пошли по дворцу — через приемную с камином и прекрасной мебелью, через огромную бальную залу со сверкающими сталактитовыми люстрами, через гардеробную, где стоял ледяной шкаф, набитый плащами, шляпами и туфлями, вырезанными из льда.

— Это невероятно, — сказал Джекоб, поворачиваясь к входной двери. — Я имею в виду то, как отражается свет.

Хотя прошли они уже далеко внутрь, факелы вокруг дворца горели все так же ярко, сверкая сквозь прозрачные стены. Любой другой смотрел бы на это, раскрыв рот от изумления, но Джекоб пребывал в расстроенных чувствах. Что-то в этом дворце вызвало в нем смутное воспоминание, которое он даже не мог как следует описать.

— Я уже был в похожем месте, — сказал он Розе.

— В другом ледяном дворце?

— Нет, во дворце, который внутри сияет так же, как и снаружи.

Она несколько мгновений обдумывала его слова.

— Да, я видела такое место, — сказала Роза, отошла в сторону и провела ладонью по ледяной стене. — Только там все было сделано не из льда. Уверена, что нет...

— Из чего же тогда?

Она нахмурила лоб.

— Не знаю. Иногда пытаюсь вспомнить и теряюсь.

— И я тоже.

— Почему так?

— Может, Рукенау постарался?

Услышав это имя, Роза плюнула на пол.

— Не говори о нем.

— Но это связано с ним, детка, — сказал Стип. — Клянусь тебе.

— Не хочу о нем слышать, Джекоб.

И Роза поспешила прочь. Ее юбки шуршали по ледяному полу.

Он пошел следом, говоря, что не скажет больше ни слова о Рукенау, если это ее так тревожит. Роза рассердилась (ее гнев всегда был внезапным, а иногда и жестоким), но Джекоб готов был утешить ее не только ради своего спокойствия, но и ради нее самой. Как только он уложит ее в постель, его поцелуи растопят эту злость. С легкостью. Он откроет ее теплое тело холодному воздуху и вылижет ее плоть так, что она захлебнется рыданиями. Ее тело в состоянии выдержать мороз. Роза, конечно, жаловалась на холод и требовала, чтобы он купил ей меха, иначе она замерзнет, но это сплошное притворство. Она слышала, как другие женщины требовали того же у своих мужей, и играла в эту вздорную игру. И так же, как ее женская природа заставляла ее надувать губы, топтать ножкой и убегать от него, устраивая скандал на пустом месте, так и его природа требовала, чтобы он пускался за ней следом, останавливал и в конце концов брал (силой, если было необходимо), пока она не признавала, что единственными его ошибками были ошибки любви и что она обожает его за них. Это была нелепая канитель, и они оба это знали. Но если они хотели называться мужем и женой, то должны были разыгрывать эти ритуалы так, словно все происходило само собой. И, по правде говоря, нередко так оно и было. Как в этот раз, когда он поймал ее и крепко прижал к

себе, убеждая не капризничать, иначе ему придется оттрахать ее самым жестоким образом. Она извивалась в его объятиях, но попыток вырваться и убежать не делала. Только повторяла: будь жестоким, самым что ни на есть жестоким...

— Я тебя не боюсь, Джекоб Стип, — говорила она. — Ни тебя, ни твоего хера.

— Что ж, это хорошо, — сказал он, взял ее на руки и понес в спальню.

Кровать была точной копией настоящей, вплоть до вмятины на подушке, словно кто-то нечувствительный к холоду, выпавшись, только-только с нее поднялся. Джекоб осторожно положил Розу, ее волосы разметались по припушенной снегом подушке, и стал расстегивать на ней одежду. Она, кажется, уже простила ему упоминание Рукенау. А возможно, просто забыла об этом, охваченная желанием почувствовать в себе плоть Стипа, таким же неожиданным, как и гнев, а подчас и таким же жестоким.

Он обнажил ее груди, приник губами к соску, втянул его в свой жаркий рот. Она задрожала от удовольствия, прижала к себе его голову. Стала стаскивать с него рубашку. Он был жестким, как кровать, на которой они лежали. Отбросив неясности, задрал на ней юбку, нашел место, куда стремился его член, и сунул туда пальцы, нашептывая ей в ухо, что она лучшая сучка во всем христианском мире и заслуживает, чтобы с ней обращались соответствующим образом. Она обхватила его лицо ладонями и попросила, чтобы он сделал с ней все самое худшее. После таких слов он извлек из нее пальцы и пустил в дело член, сделав это так резко, что ее жалобный крик огласил стеклянные своды.

Он не спешил, хотя она и просила его ускорить события. Приближаясь к концу, он навалился на нее всей тяжестью своего тела. Он был уже близок к завершению, ее крики наслаждения возвращались к нему, отраженные от потолка и стен, и тут его снова настигло ощущение, которое он испытал в коридоре: он уже был в каком-то месте, с которым этот дворец, несмотря на все его великолепие, не мог сравниться.

— Так ярко, — сказал он, снова видя перед собой сияние.

— Что ярко? — выдохнула Роза.

— Чем глубже мы уходим, тем ярче оно становится...

— Посмотри на меня, — сказала она. — Джекоб! Посмотри на меня!

Он продолжал двигаться механически, но его эрекция больше не могла служить ее наслаждению и даже его собственному, она лишь подпитывала видение. Чем выше он поднимался, тем ярче горел огонь, и возникало ощущение, что когда он прольет свое семя, то окажется в самой сердцевине этого величия. Женщина извивалась под ним, но он не обращал на нее внимания, просто качал и качал, а свет становился все ярче, а с ним росла и его надежда, что он понемногу вспомнит это место, назовет его, поймет.

Этот момент был уже близок. Зарево узнавания обретало определенность. Еще несколько секунд, еще несколько заходов в ее чрево, и откровение снизойдет на него.

Но тут она оттолкнула его изо всех сил. Он сопротивлялся, желая досмотреть до конца, но она не собиралась ему потакать. Какими бы громкими ни были ее стоны и рыдания, она только играла в покорность (так же, как в потерявшуюся девочку или восплававшую страстью жену), а теперь, желая избавиться от него, полагалась только на свою силу. Едва ли не с презрением она вытолкнула его из своего лона, сбросила с себя на студеную кровать. И вместо того чтобы пролить семя в высшей точке откровения, он побрызгал слабыми струйками, а ее бешеный отпор не позволил уловить видение, нисходившее на него.

— Опять ты думал про Рукенау! — закричала она, соскальзывая с кровати и засовывая груди в корсаж. — Я ведь тебя предупреждала. Я говорила, что не буду в этом участвовать!

Джекоб закрыл глаза, надеясь хоть мельком увидеть то, что от него ускользнуло. Он подошел так близко, очень близко. Но видение исчезло, словно погасший в небе фейерверк.

И в темноте — звук воды, льющейся на него. Он открыл глаза и понял, что лежит в ванне, а ледяная вода продолжает молотить по его черепу.

— Господи... — пробормотал он, неуверенно поднял руку и выключил воду.

Потом, дрожа и прерывисто дыша, он лежал в спадающей воде. Что с ним, черт побери,

такое? Сначала сны внутри снов. Теперь видения внутри видений? Либо у него нервный срыв, что по меньшей мере отвратительно, либо... А что — либо? Что Господин Лис прав? Возможно ли такое? Существует ли хоть малейшая вероятность того, что, кем бы ни было это животное — симптомом или духом, — оно изрекало некую метафизическую истину, и все, что находилось в его черепной коробке, как русская матрешка, в свою очередь было и где-то еще. Или скорее, что воспоминания его разума, содержавшие картинку со Стипом и лисом с окровавленной мордой, парадоксальным образом являются частью чужих воспоминаний. Стип знакомит его с собственной мифологией, в которой лис с окровавленной мордой возводится в дворянское достоинство.

— Ну, хорошо, — сказал он животному, не в силах продолжать этот спор. — Предположим, ради душевного спокойствия и мира я соглашусь с тем, что ты говоришь. Означает ли это, что мне больше не нужно думать об этой сучке Розе? Потому что... ты уж меня извини, но это никак не укладывается в мои представления о веселенькой ночи и вихре удовольствий. Ты меня слушаешь?

Ответа от лиса не последовало. Уилл поднялся на ноги, взял полотенце и намотал на свое дрожащее тело. Вода все еще капала с него, но он поплелся на лестничную площадку. Там было пусто. Он спустился по лестнице. Ни в архиве, ни в фотолаборатории, ни в кухне никого не было. Лис исчез.

Он сел за кухонный стол, где все еще стоял пакет молока, из которого он только что пил. И вдруг на него ни с того ни с сего напал беззвучный смех. Это было нелепо: он провел ночь, обмениваясь метафизическими мудростями с лисом, чья единственная цель, похоже, состояла в том, чтобы втемяшить в его, Уилла, голову мысль о том, что он, лис, реален. Что ж, он своего добился. Спал ли он или снился кому-то, Стип ли был в его голове или он в голове Стипа, был ли лис мифом, шуткой или покусанным блохами доказательством его, Уилла, безумия, все это составляло часть путешествия, которое он вынужден был совершить независимо от своего желания. Принятие этого факта странным образом успокаивало. Он исходил столько диких мест за свою жизнь и в итоге потерял веру в путешествия. Но возможно, все они были предприняты для того, чтобы он вернулся домой и подготовился к путешествию, о котором и помыслить не мог, пока не разочаровался во всех, уже совершенных.

Он допил молоко и (продолжая улыбаться самому себе при мысли об абсурдности и простоте происходящего) пошел в кровать. Простыни были настоящей роскошью после ледяной постели во дворце Еропкина, и, натянув одеяло, он погрузился в спокойный сон.

IX

С веранды того, что когда-то было резиденцией португальского военачальника в оманском Сохаре, Джекобу открывался великолепный вид через залив на Джаск и вдоль берега — на Ормузский пролив. С тех пор как завоеватели оставили страну, миновали века, и скромный особняк пришел в запустение. Тем не менее они с Розой чувствовали себя здесь вполне комфортно в течение последних двадцати двух дней. Хотя город после империалистических завоеваний был заброшен, в нем осталась одна достопримечательность. По улицам бродила группа трансвеститов, которых здесь называли ксанитами. Они утверждали, что одержимы духами малых женских божеств. Роза обычно чувствовала себя лучше в присутствии мужчин, делавших вид, что они принадлежат к ее полу, и, узнав об этих людях, потребовала, чтобы Стип вместе с нею отправился на их поиски — ведь она шла ему навстречу в последнее время и была рядом, когда он устраивал бойню. Ему предстояло перенести в дневник записи, которые он наскоро делал на месте забоя, но он согласился пойти с ней, напомнив, что когда он возобновит работу, чтобы завершить свой великий труд, то будет рассчитывать на ее помощь. В последнее время дела его шли неплохо. За прошедшие семь месяцев дюжина стопроцентных ликвидаций видов, хотя восемь из них были всего лишь маловажными формами южноамериканских насекомых, но его молох перемалывал

всех. А теперь нужно сделать их легендой.

Но сегодня его успехи казались такими далекими. Он не прикасался к чернилам: пальцы слишком сильно дрожали. Он мог только думать об Уилле Рабджонсе.

— Какого черта ты, будто одержимый, все время о нем думаешь? — спросила Роза, увидев Джекоба, который со скорбным видом сидел на веранде.

— Все наоборот. Я о нем очень долго даже не вспоминал. Но он постоянно думал обо мне.

— Помнится, ты где-то читал, что он убит? — сказала она, беря дольку мандарина с его отставленной тарелки и выедая ее до горькой корочки.

— Не убит. На него напал медведь.

— Ах, да. Он делает фотографии мертвых животных. У тебя есть его книга. — Она отшвырнула мандариновую корку и взяла другую дольку. — Это наверняка твое влияние.

— Несомненно, — отозвался Джекоб.

Эта мысль не доставила ему удовольствия.

— Беда в том, что влияние — вещь двусторонняя.

— Значит, ты подумываешь о том, чтобы стать фотографом? — усмехнулась она.

Джекоб смерил ее таким взглядом, что корочка показалась Розе сладкой.

— Я не хочу, чтобы он присутствовал в моих мыслях, — сказал Джекоб. — А он там. Поверь мне.

— Я тебе верю, — ответила Роза и после паузы добавила: — Позволь мне спросить... Как он туда попал?

— Между ним и мной есть нечто, о чем я тебе никогда не говорил.

— В ту ночь на холме? — спросила она как-то вяло.

— Да.

— И что ты с ним сделал?

— Вопрос в том, что он сделал со мной...

— И что же это было? Расскажи, пожалуйста.

— Он медиум, Роза. Он заглянул глубоко в мою душу. Глубже, чем мне хочется заглядывать туда самому. Он повел меня к Томасу...

— О господи, — устало сказала Роза.

— Только не закатывай свои паршивые глазки!

— Хорошо-хорошо, успокойся. Мы легко можем разобраться с мальчишкой.

— Он уже больше не мальчишка.

— По нашим меркам, он еще дитя, — заметила Роза своим самым ласковым голосом.

Она подошла к стулу Джекоба, слегка развела его колени и опустила между ними на корточки, с нежностью на него глядя.

— Ты иногда делаешь из мухи слона. Ну, хорошо, порыскал он у тебя в голове...

— Санкт-Петербург, — сказал Джекоб. — Он вспоминал Санкт-Петербург. Нас во дворце. И это было не просто воспоминание. Он словно пытался отыскать во мне слабинку.

— Не помню, чтобы у тебя в ту ночь была какая-то слабина, — проворковала Роза.

Ее лесть не успокоила его.

— Не хочу, чтобы он и дальше был соглядатаем.

— Давай убьем его, — предложила Роза. — Ты знаешь, где он сейчас?

Джекоб покачал головой, на его лице появилось почти суеверное выражение.

— Ну, найти его будет не трудно — в чем проблема? Нужно просто вернуться в Англию и начать поиски с того места, где мы впервые его увидели. Как называлась эта вонючая дыра?

— Бернт-Йарли.

— Да, конечно. Это там Бартоломеус построил свой идиотский Суд.

Она устремила взгляд куда-то перед собой, глаза у нее заблестели.

— Ну и носище у него был — как у ястреба. Просто боже мой.

— Да, выглядел он карикатурно, — согласился Джекоб.

— Но с такой нежностью относился ко всему живому. Как этот мальчик.

— В Уильяме Рабджонсе нет ничего нежного, — пробормотал Стип.
— Правда? А как же фотографии в его книге?
— Какая это нежность. Это вина. И толика извращенности. У этого человека жестокое сердце. И я хочу, чтобы оно остановилось.
— Я сделаю это сама, — сказала Роза. — С удовольствием.
— Нет. Это придется сделать мне.
— Как скажешь, любимый. Давай сделаем это и забудем о нем. Ты можешь включить его в одну из своих книжиц, когда он будет мертв и исчезнет.
Она взяла его последний дневник и стала листать, пока не нашла чистую страницу.
— Вот сюда. Уилл Рабджонс. Ликвидирован.
— Ликвидирован, — пробормотал Стип и улыбнулся.
Да. Ликвидирован. Ликвидирован. Ликвидирован. Это было похоже на мантру: пустота, куда уйдет мысль, уйдет жизнь.
— Я, пожалуй, пойду попрощаюсь, — сказала Роза и, оставив Джекоба на веранде, отправилась в город, чтобы провести последний час в компании ксанитов.
Она вернулась в особняк, не сомневаясь, что найдет Джекоба в раздумьях на том же стуле. Однако Роза ошиблась. За время ее отсутствия он не только собрал вещи, но и вызвал машину, которая ждала у калитки и должна была доставить их по побережью в Мускат — первый отрезок пути назад, в Бернт-Йарли.

Х

1

Уилл спал как убитый до начала десятого, но проснулся с удивительно ясной головой. Он встал и несколько секунд соображал, стоит ли принять душ. Наконец с вызовом включил холодную воду и шагнул под струи. Никаких видений не последовало, и, выдержав минуту этого мазохизма, он добавил немного горячей воды и стал растирать тело губкой.

Он вытерся, оделся и за второй чашкой кофе позвонил Адрианне. На звонок гнусавым голосом ответил Глен.

— У меня какая-то аллергия, — сказал он, — Постоянно течет из носа. Ты хочешь поговорить с Адрианной?

— Если можно.

— Не получится, потому что ее здесь нет. Она поехала узнать насчет работы.

— Где?

— В департаменте развития города. На вечеринке у Патрика я познакомился с этой женщиной — она сказала, что у нее есть вакансия, и вот Адрианна поехала.

— Тогда я перезвоню позже, — сказал Уилл. — А ты лечись от своей аллергии.

Потом он позвонил Патрику, который первым делом спросил:

— Как ты себя чувствуешь с утра?

— Вполне. Спасибо.

— Никаких сожалений? Черт, этого я и боялся. Вся эта затея была обречена на провал.

Уиллу потребовалась минута или две, чтобы убедить Патрика, что если никто не выпал в осадок или из окна — это еще не значит, что вечеринка не удалась. Патрик неохотно согласился, сказал, что по утрам, когда он сидит среди мусора, у него паршивое настроение, но в прежние времена вечеринка даже не считалась состоявшейся, если кто-то не трахнулся в ванной под восторженный хор из «Аиды», исполняемый остальными гостями.

— Видимо, я пропустил тот конкретный вечер, — сказал Уилл, но Патрик ответил, что они там были оба, а тощая память Уилла совсем высохла, пока он стоял на солнце, делая семейные портреты буйвола.

— Поехали дальше... — попросил Уилл.

— Ты хотел знать, как найти Бетлинн, — напомнил Патрик.

— Да, пожалуйста.

— Она живет в Беркли, на Сирус-стрит.

Уилл записал, как туда добраться, снова выслушал предупреждение не пытаться ей сначала позвонить, потому что она, услышав его голос, наверняка бросит трубку.

— Она не любит негативную атмосферу вокруг себя, — объяснил Патрик.

— А я — мистер Негатив?

— Посмотри правде в глаза, мой милый, никто, глядя в твои книги, не думает: ах, на какой прекрасной планете мы живем. На самом деле — и послушай, Уилл, я не хочу, чтобы ты возбуждал по этому поводу, — Бетлинн взглянула на одну из твоих книг и сказала, чтобы я не держал ее в своей квартире.

— Что-что она сделала?

— Я тебе сказал, чтобы ты не сходил с ума. Она так считает. Она видит вещи в свете плохих и хороших вибраций.

— Так значит, в Кастро имело место сожжение книг.

— Нет, Уилл...

— Что еще пошло в огонь? «Голый завтрак»?¹ «Король Лир»? Уж в «Лире»-то точно плохие вибрации, старина, так что лучше выбрось его от греха подальше!

— Замолчи, Уилл, — мягко сказал Патрик. — Я же не сказал, что согласился с ней. Я просто говорю тебе, что у нее в голове. И если ты и в самом деле хочешь с ней помириться, тебе придется принять это.

— О'кей, — сказал Уилл, немного успокаиваясь. — Я постараюсь быть пай-мальчиком. Может, предложу ей сделать книгу о подсолнухах, чтобы компенсировать плохие вибрации. Большие желтые подсолнухи на каждой странице, а внизу — цитата из «Бхагавадгиты».²

— Ты можешь поступить и хуже, мой дорогой, — заметил Патрик. — Людям теперь нужен путеводный свет.

«Что ж, в моих фотографиях есть свет», — подумал Уилл, вспоминая, как они мерцали у ног лиса — глаза загнанных зверей и кости, которыми они стали и которые белели у него на виду.

В его фотографиях много света. Только Бетлинн не станет размышлять над иллюминацией такого рода.

2

Позже, когда такси везло его к мосту, он оглянулся на окутанные туманом холмы в солнечной дымке и впервые за много лет подумал, как чудесно приспособлен для жизни этот город. Одно из немногих оставшихся на земле мест, где человеческий эксперимент все еще продолжается в условиях подчеркнутой цивилизованности.

— Вы не местный? — спросил водитель.

— Нет, местный. А что?

— Вы все время оглядываетесь, будто никогда не видели город прежде.

— Такое сегодня ощущение, — сказал Уилл, и этими словами настолько сбил с толку водителя, что тот на протяжении всего пути и рта не раскрыл.

Но как бы это ни звучало, его слова соответствовали действительности. У него было ощущение, что глаза видят четче, чем когда бы то ни было. Как в буквальном, так и в переносном смысле. Он не только с кристальной ясностью видел городской пейзаж, он получал удовольствие от созерцания тех мест, которых прежде даже не замечал. Куда бы Уилл ни смотрел, всюду он улавливал нюансы цвета, радовавшие глаз. В кедровых деревьях,

1 Роман Уильяма Берроуза (1959), запрещенный к публикации в США до 1962 года, поскольку его содержание по тогдашним меркам считалось неприличным.

2 Одна из частей «Махабхараты», памятника древнеиндийской культуры. Считается, что «Бхагавадгита» может служить практическим руководством как в духовной, так и в материальной сфере.

в витринах магазинов, в потрескавшейся кожаной обивке сиденья. И на тротуаре мелькали лица, каких он больше никогда не увидит, и каждое из них было прекрасно. Он не знал почему, но ему казалось, что большую часть жизни он смотрел на мир сквозь грязный объектив и так привык к этому, что теперь, когда стекло вдруг очистилось, это стало для него откровением. Не это ли имел в виду лис, говоря о простой благодати бытия?

Он решил выйти из машины в двух кварталах от дома Бетлинн, отчасти для того, чтобы насладиться этим ощущением перед встречей с нею, а отчасти для того, чтобы подготовить примирительную речь. Но, сделав первый шаг, он забыл о второй цели. Салон такси ограничивал его жадный взгляд. Теперь, когда он стоял на тротуаре, мир устремлялся от него во все стороны и одновременно возвращался к нему, накренившись, чтобы показать свои чудеса. Над головой плыли облака, которые ветер наделил рюшами и мишурой, ветхие доски дома на другой стороне улицы радовали глаз удивительным рисунком отшелушившейся краски. Стайка голубей, расклевав кусок брошенной им пышки, исполнила изящный танец, то вспархивая, то приземляясь, потом птицы поднялись в воздух и, красиво работая крыльями, полетели прочь.

Нет, в таком виде он не мог предстать перед Бетлинн, но если она правильно поймет улыбку, которую он не мог согнать с лица, то, может быть, его состояние и не покажется ей неприличным. Если она и в самом деле так чувствительна, как говорит Патрик, то должна понять: его эйфория подлинная. Хотя сосредоточиться на таком простом деле, как пройти два квартала до ее дома, было нелегко. Куда бы Уилл ни посмотрел, все его отвлекало. Стена, крыша, отражение в окне — все требовало, чтобы он остановился и смотрел. Сколько дней, недель, месяцев своей жизни он ждал в промоине или на ветвях дерева на другом континенте, чтобы увидеть то, что хотел запечатлеть на пленке, и как часто уходил из засады с пустыми руками — тогда как все это время здесь, на улицах в десяти милях от его дома, существовало это немыслимое великолепие, сгоравшее от желания быть увиденным? И если бы он потратил все это время на то, чтобы заставить камеру видеть глазами, которыми видел сейчас, — передал бы ей хоть крохотную частицу того, что доступно его зрению, — разве не обратил бы он к добру каждого, кто увидел бы его фотографии? Разве не удивились бы люди, разве не сказали бы: неужели это наш мир? А поняв, что так и есть, разве не стали бы они его защитниками?

Господи, ну почему лис не открыл ему глаза пятнадцать лет назад, чтобы он не тратил время понапрасну?

Почти час ушел у него на то, чтобы пройти два квартала до крыльца скромного бунгало Бетлинн, но, когда он преодолел это расстояние, здравый смысл вернулся к нему, и он готов был перестать улыбаться и изображать раскаявшегося грешника. Но она не сразу ответила на стук, а он восхищенно изучал замысловатые трещины на ступеньках. Наконец она открыла дверь, Уилл поднял к ней лицо, на котором застыла глуповатая ухмылка.

— Чего вы хотите? — спросила Бетлинн.

— Я пришел извиниться, — пробормотал Уилл.

— Правда?

Выражение ее лица не обещало ничего хорошего.

— Я разглядывал... трещины в ступеньке на вашем крыльце, — сказал он, пытаясь объяснить свою улыбку.

Она вгляделась в него пристальнее.

— Вы здоровы?

— Да... и нет, — ответил он.

Она смотрела на него с выражением, которое Уилл не мог понять. Явно заметила что-то — но совсем не то, что он хорошо почистил зубы сегодня утром. И что бы это ни было — его аура, вибрации, — она, казалось, доверилась тому, что чувствовала.

— Мы можем побеседовать в доме.

Сделав шаг назад, Бетлинн пригласила его войти.

XI

Внутри было совсем не похоже на то, что он ожидал увидеть. Здесь не было ни астрологических карт, ни кадил для благовоний, ни целебных кристаллов на столе. В большой комнате, куда Бетлинн его провела, почти отсутствовала мебель, но царила атмосфера уюта. На стенах спокойных бежевых тонов не висело ничего, кроме единственной семейной фотографии. Еще одним украшением оказалась ваза с камелиями на подоконнике. Окно было приоткрыто, и легкий ветерок приносил аромат их лепестков.

— Садитесь, пожалуйста, — сказала Бетлинн. — Хотите что-нибудь выпить?

— Немного воды было бы здорово. Спасибо.

Она пошла за водой, оставив его устраиваться на удобном диване. Не успел он сделать это, как огромный полосатый кот прыгнул на подлокотник (легкость, с которой он это сделал, не соответствовала его размерам) и заурчал в предвкушении ласки.

— Бог мой, какой ты красавец, — сказал Уилл.

Кот подставил голову под его руку и прижался к ладони.

— Чингис, не приставай, — сказала Бетлинн, вернувшаяся с водой.

— Чингис — в смысле Чингисхан?

Бетлинн кивнула.

— Бич христианского мира. — Она поставила стакан Уилла на стол и отпила из своего. — Язычник до мозга костей.

— Кот или хан?

— Оба, — сказала Бетлинн. — Не обольщайтесь. Он ко всем так пристаёт.

— Очень мило с его стороны. Слушайте, что касается вечеринки у Пата... Виноват. Я иногда впадаю в такие настроения — всё не по мне. Приношу свои извинения.

— Одного вполне достаточно, — сказала Бетлинн, и голос ее был теплее, чем слова. — Мы все составляем представление о человеке. Я, признаюсь, составила свое о вас, и оно не было более лестным, чем ваше обо мне.

— Из-за моих фотографий?

— И некоторых статей. Может быть, вас выставили в ложном свете, но должна сказать, что, судя по статьям, вы казались законченным пессимистом.

— Нет, меня не выставили в ложном свете... Я стал таким... из-за того, что видел...

Хотя он изо всех сил старался согнать с лица идиотскую улыбку, которую увидела Бетлинн, открыв дверь, она снова появилась. Даже в этой просто убранной комнате его глаза находили откровения. Солнечный луч на стене, цветы на подоконнике, кот на коленях — все сияло, мерцало, переливалось разными цветами. Он силился держать себя в руках, чтобы не оборвать нить разговора с Бетлинн и чтобы не начать, как малый ребенок, рассказывать о том, что открывалось и открывалось его глазам.

— Я знаю, вы, вероятно, думаете, что многое из того, чем я занимаюсь с Патриком, — сентиментальная чушь, — говорила Бетлинн, — но целительство для меня не бизнес, это мое призвание. Я делаю то, что делаю, потому что хочу помогать людям.

— Вы думаете, в ваших силах их исцелить?

— Нет. В медицинском смысле — нет. У него вирусная инфекция. Я не могу сделать так, чтобы вирус ужаснулся и погиб. Но я могу наладить отношения больного Патрика со здоровым. С тем Патриком, который никогда не заболит, потому что он часть чего-то, неподвластного болезни.

— Часть Бога?

— Если хотите, можете использовать это слово, — сказала Бетлинн. — Для меня оно немного отдает чем-то ветхозаветным.

— Но вы имеете в виду Бога.

— Да, я имею в виду Бога.

— А Патрик знает, что происходит? Или думает, что он на пути к выздоровлению?

— Не нужно спрашивать об этом у меня. Вы знаете его гораздо лучше. Он очень умный

человек. И если он болен, это еще не значит, что он обманывает себя.

— При всем уважении, — заметил Уилл, — я спрашивал не об этом.

— Если вы спрашиваете, лгала ли я ему, отвечаю: нет. Я никогда не обещала, что он выйдет из этой передраги живым. Но он может выйти и выйдет цельным.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, что когда он найдет себя в вечности, то не будет бояться смерти. Он будет принимать ее как должное. Как часть процесса. Ни больше ни меньше.

— Если это часть процесса, то какое имеет значение, видел он мои фотографии или нет?

— Я все время думала, когда мы дойдем до этого, — сказала Бетлинн, откидываясь на спинку стула. — Я просто... не считала, что они оказывают на него положительное влияние, только и всего. Сейчас он очень чувствителен, реагирует на любое влияние, плохое или хорошее. Ваши фотографии оказывают очень мощное воздействие, тут нет сомнений. Они меня едва не загипнотизировали, когда я увидела их впервые. Я бы даже сказала, что они представляют собой некую форму магии.

— Это всего лишь фотографии животных, — сказал Уилл.

— Гораздо больше, чем просто фотографии. И если вы меня простите за эти слова, хотя, возможно, и нет... и гораздо меньше.

В другой день, в ином душевном состоянии Уилл, вероятно, ринулся бы защищать свои работы. Но сейчас он слушал с некоторой отстраненностью.

— Вы не согласны? — спросила Бетлинн.

— Что касается магии — да, согласен.

— Когда я говорю о магии, я не имею в виду нечто сказочное. Я говорю о воздействии, изменяющем мир. Ведь ваше искусство ставит перед собой именно такие задачи? На мой взгляд, это попытка инициировать изменения — попытка ошибочная, но абсолютно искренняя. Вы, конечно, можете сказать, что любое искусство ставит перед собой такую цель. Может, так оно и есть, но вы знаете силы, с которыми заигрываете. Вы в поисках чего-то более действенного, чем фотографирование Золотых ворот. Иными словами, я думаю, у вас инстинкты шамана. Вы хотите быть посредником, каналом, чтобы передавать племени некое видение, которое человек не в силах охватить собственным взором... Возможно, это божественное видение, возможно — сатанинское, я не уверена, что вы понимаете разницу. Вам мои слова внушают доверие или вы просто сидите и думаете, что я говорю слишком много?

— Я вовсе так не думаю, — сказал Уилл.

— С вами кто-нибудь говорил об этом?

— Да. Один человек. Когда я был мальчишкой. Он был...

— Молчите, — перебила Бетлинн, быстро поднимая руку перед собой, словно отталкивая информацию. — Я бы предпочла, чтобы вы не делились со мной этим.

— Почему?

Она встала и подошла к окну, легким касанием отщипнула увядший лист с камелии.

— Чем меньше я знаю о том, что вами движет, тем лучше для всех, кто в этом заинтересован, — ответила она с деланным равнодушием. — У меня достаточно своих призраков, чтобы позаимствовать еще и ваши. Так бывает, Уилл. Это как вирус.

Не слишком удачная аналогия.

— Неужели все так плохо? — спросил Уилл.

— Думаю, вы сейчас пребываете в необыкновенном состоянии. Я смотрю на вас и вижу человека, способного творить великое добро или... — Она пожала плечами. — Возможно, я упрощаю. Может, это не вопрос добра и зла.

Она оглянулась на него, на ее лице застыла маска невозмутимости, словно она не хотела, чтобы он разгадал ее истинные чувства.

— Вы клубок противоречий, Уилл. Думаю, это можно сказать о многих геях. Они хотят чего-то отличного от того, чему их учили, и это... я не знаю подходящего слова... это каким-то

образом пятнает их.

Она внимательно смотрела на Уилла, продолжая сохранять маску на лице.

— Но с вами происходит нечто другое. Говоря по правде, я не знаю, что вижу, когда смотрю на вас, и из-за этого нервничаю. Может быть, вы святой, Уилл. Но я почему-то сомневаюсь в этом. Что бы ни двигало вами... Если быть до конца откровенной, что бы ни двигало вами, оно пугает меня.

— Пожалуй, стоит закончить этот разговор прямо сейчас, — сказал Уилл, снимая с колен Чингиса и вставая. — Пока вы не начали изгонять из меня дьявола.

Она усмехнулась, но не слишком уверенно.

— Я, безусловно, рада была поговорить с вами, — сказала она подчеркнуто вежливо, тем самым давая понять, что больше ничего не раскроет.

— Вы продолжите работать с Патриком?

— Конечно, — сказала она, провожая Уилла к двери. — Не думали же вы, что я оставлю его из-за того, что мы обменялись несколькими нелицеприятными словами? Моя обязанность в том, чтобы делать то, что в моих силах. Не только ради него — ради себя. Я совершаю собственное путешествие. Вот почему меня немного выбивает из колеи, когда я встречаю кого-нибудь вроде вас.

Они дошли до двери.

— Желаю удачи, — сказала она, пожимая ему руку. — Возможно, мы скоро встретимся.

С этими словами Бетлинн выпроводила Уилла на крыльцо и, не дожидаясь ответа, закрыла дверь.

XII

1

Большую часть обратного пути он шел пешком. Это заняло почти пять часов. Уилл подкрепился шоколадками «Херши» и пышками, запивая их молоком из пакета. Или он постепенно привыкал к тому, что видел теперь, или его мозг (возможно, ради его же блага) научился отбрасывать часть информации, которую получал. Какой бы ни была причина, Уилл не чувствовал потребности останавливаться, он делал мысленные снимки того, что привлекало его внимание, и шел дальше. Из разговора с Бетлинн он узнал гораздо больше, чем надеялся, а по дороге снова и снова прокручивал услышанное. Есть в Патрике некая божественная часть, которая никогда не заболеет и не умрет, или нет, Бетлинн искренна в своем убеждении, и если эта вероятность утешает Патрика (она говорила об этом, накладывая еду в кошачью миску), то от нее нет никакого вреда. То, что Бетлинн сказала об Уилле, другое дело. Похоже, она интуитивно вынесла о нем суждение, основываясь отчасти на том, что слышала от Патрика, отчасти на его статьях, которые прочла, отчасти на работах. Уилл — человек с темным сердцем, решила она, человек, который хочет и других запятнать этой темнотой. Пока все понятно. Права она или нет, в этом нет ничего такого, что не мог бы объяснить разумный индивид, не лишенный воображения. Но в ее теории было и кое-что еще, и Уилл подозревал, что этим она не собирается с ним делиться. Он невежда шаман — это, по крайней мере, она смогла ему сказать. Он инициировал перемены, вызывал видения. И почему?

Потому что кто-то в прошлом (кто-то, кого она даже не позволила ему назвать) посеял семя.

А этим кто-то мог быть только Джекоб Стип. Что бы ни сделал Джекоб, доброе или злое, он был первым человеком в жизни Уилла, который дал ему — пусть всего на несколько часов — ощущение, что он не похож на других. Что он не жалкая замена погибшего брата, не ком глины рядом с ангелом Натаниэлем, а избранное дитя. Сколько раз за три десятка лет, что прошли с той ночи на вершине холма, он посещал тот зимний лес, сколько раз оружие пело в

его руке, когда он подбирался к своим жертвам? И видел, как течет их кровь? И слышал, как Джекоб у него за спиной шепчет ему на ухо:

— Предположим, они были последние, самые последние?

Его жизнь до этого дня была лишь развернутым примечанием к той встрече — попыткой получить какую-то идиотскую компенсацию за те маленькие убийства, что он совершил с подачи Стипа. Точнее, за чистую радость от идеи создать свой мир по такому принципу.

Если в нем и было скрытое желание стать чем-то больше, чем просто свидетелем вымирания (как сказала Бетлинн, инициатором изменений), то лишь потому, что Стип внедрил в него это желание. Сделал он это намеренно или нет — совсем другой вопрос. Может быть, это посвящение должно было превратить его в подобие того человека, которым он стал? Или Джекоб желал сделать из ребенка убийцу, и этот процесс просто был приостановлен, и получилось нечто размазанное, незаконченное, неясное даже для самого Уилла? Скорее всего, он никогда этого не узнает. И тут его история совпадала с историей большинства людей, которые в этот день бродили по Фолсому, Полку и Маркету. Люди, чьи матери и отцы (какими бы любящими, какими бы свободомыслящими они ни были) никогда не поймут их так, как понимали своих гетеросексуальных детей, потому что сыновья-геи оказались генетическим тупиком. Люди, которые будут вынуждены создавать семьи с друзьями, любовниками, примадоннами. Люди, которые плохо или хорошо, но сотворили себя сами, создали стили и мифологии и то и дело отказывались от них с непреодолимым нетерпением душ, обреченных никогда не найти то, что их бы устроило. Если в этом и была печаль, то была и какая-то нечестивая радость.

Он почти жалел, что Стипа нет рядом и он не может показать ему все эти виды. Не может пригласить в «Гештальт» и угостить пивом.

2

Когда Уилл добрался домой, было почти шесть часов. На автоответчике он нашел три послания — одно от Дрю, одно от Адрианны, одно от Патрика, который сообщал, что у него только что состоялся «занимательный» разговор с Бетлинн.

«Я не мог понять, понравился ты ей или нет, но впечатление ты на нее точно произвел. И она несколько раз подчеркнула, что между мной и ею нет никакого разлада. Так что ты хорошо поработал, дружище. Я знаю, как трудно тебе было это сделать. Но спасибо. Для меня это важно».

Прослушав автоответчик, Уилл пошел смыть пот, насухо вытерся полотенцем, пошел в спальню и лег. Несмотря на усталость, он испытывал радость от физического комфорта, какого не знал много месяцев, а может, и лет, еще до событий в Бальтазаре. Мышцы слегка подрагивали, а в голове было едва ли не благоговейное спокойствие.

Он казался себе настолько спокойным, что тут же пришла извращенная мысль, нарушившая это состояние.

— Где ты, лис? — позвал он очень тихо.

В пустом доме слышались звуки усыхающего дерева, как в любом деревянном доме, но в этом потрескивании не было ничего, что указывало бы на присутствие лиса. Ни цоканья когтей по половицам, ни ударов хвоста о стену.

— Я знаю, ты где-то здесь.

Это было так. Он верил в это. Лис дважды проходил по границе между миром сна и миром бодрствования, и теперь Уилл готов был присоединиться к нему в этом месте и посмотреть, какой оттуда открывается вид. Но сначала животное должно заявить о себе.

— Перестань скромничать, — сказал Уилл. — Мы с тобой как нитка с иголкой.

Он сел.

— Я хочу быть с тобой. Звучит сексуально. Может, так оно и есть.

Он закрыл глаза и попытался вызвать перед глазами образ лиса, не поднимая век. Его

отливающий матовым блеском мех, блестящие зубы, самоуверенность и бахвальство. Этот лис его, Уилла? Сначала его мучитель, потом его правдурб, поедатель членов и мастер *bons mots*.¹

— Где ты, черт тебя побери? — спрашивал Уилл.

Но лис не появлялся.

«Что ж, — подумал он, — вот идеальный маленький парадокс».

Он столько времени отвергал мудрость лиса и когда наконец пришел к пониманию того, какое место занимает этот зверь в его жизни, он взял и исчез.

Уилл встал с кровати, чтобы попытаться счастья в другой комнате, как вдруг зазвонил телефон. Он услышал голос Дрю.

— Что с тобой случилось? — спросил тот. — Я звоню и звоню.

— Я ездил в Беркли — бил поклоны Бетлинн. Потом шел назад пешком, это было так здорово. А теперь говорю с тобой, и это еще замечательнее.

— У тебя приподнятое настроение, приятель. Принимал что-нибудь?

— Нет. Просто мне хорошо.

— Как насчет сегодняшней ночи — готов оттянуться?

— В каком смысле?

— В том, что я приду к тебе, мы запрем дверь и займемся любовью по-серьезному.

— С удовольствием.

— Ты ел?

— Шоколад и пончики.

— Вот почему у тебя выросли крылья. Сахарный кайф. Я принесу что-нибудь поесть. Устроим вечер любви.

— Это что-то декадентское.

— Так оно и будет. Гарантирую. Я буду через час.

— Это значит — через два.

— Как хорошо ты меня знаешь, — сказал Дрю.

— Нет-нет, мне еще столько нужно узнать, — выдохнул Уилл.

— Например?

— Например, какое ты делаешь лицо, когда я тебя трахаю так, что ты забываешь, как маму звали.

Адрианна перезвонила, когда он готовил себе ритуальный мартини. Уилл спросил, как у нее прошло собеседование. «Хреново», — ответила она. Не успела она войти в офис этой конторы, как поняла, что свихнется, проработав тут неделю.

— Когда мы торчим где-нибудь в болоте и нас кусают насекомые, я мечтаю о хорошей, чистой работе в хорошем офисе с видом на Бей-бридж. Но сегодня я поняла: мне это не подходит. Все очень просто. Кончится тем, что я размозжу кому-нибудь голову пишущей машинкой. Так что не знаю. В конечном счете я найду что-нибудь, что меня устроит, но с тобой это все равно не сравнится. Что там у тебя звякает?

— Делаю мартини.

— А это навевает воспоминания, — вздохнула она и добавила: — Помнишь, ты говорил в Бальтазаре о том, что чувствуешь, когда все надоедает. Теперь я понимаю, что ты чувствуешь.

— Это пройдет, — сказал он. — Найдешь еще что-нибудь.

— Ага, значит, депрессия прошла? И кто же причина таких перемен? Дрю?

— Не совсем...

— Он умеет напиваться, а я всегда считала это хорошим знаком. О черт, опаздываю на обед. — Она крикнула Глену, что уже идет, и прошептала в трубку: — Мы обедаем с этим струнным квартетом. Клянусь, если они за супом начнут рассуждать о четырехголосном складе, я его брошу. Пока, моя радость.

¹ Острых словечек (*фр.*) .

Закончив разговор, он понес мартини в архив и наконец подобрал фотографии, разбросанные на полу, — он откладывал это с тех пор, как Господин Лис вызвал в них призрачную жизнь. Это было обычное дело, но, как и многое, что он видел и делал сегодня, оно показалось ему важным, словно исполненным скрытого смысла. А может, не такого уж скрытого. Здесь, с этих фотографий, началось посвящение в тайны его нового существования. Они тогда были, так сказать, картой территории, которую он собирался исследовать. Теперь эту карту можно убрать. Путешествие началось.

Собрав фотографии, он поднялся в ванную побриться и там, в зеркале, получил подтверждение того, что ощущения, которые он испытал внизу, существуют на самом деле. Он не помнил лица, которое смотрело на него из зеркала. Нет, физиономия была его, это точно (скулы, шрамы, морщины), но смотрел он на себя (а потому и оглядывался назад) немного по-другому, а для мужчины «немного» означает все, если речь идет о том, что он видит. Перед ним было редчайшее существо во вселенной: огромное животное, которое до этого было слишком далеко от него, оставалось невидимым за ближней рощей, за холмом. На самом деле он, вероятно, только делал вид, что поиски эти нелегкие, — просто страх мешал их вести. Теперь ему хотелось узнать почему. В этом не было ничего ужасного. Мальчик стал мужчиной, волосы поседели, а кожа огрубела, потому что слишком долго подвергалась воздействию полуденных лучей.

Он подумал о лисе, который расхваливал блага гетеросексуальности, говорил о своих детях, которые производили на свет своих детей, а те — своих. Уиллу не суждено найти утешение в потомстве. У него не будет отпрыска, который унесет это лицо в вечность. Его вид состоит из одной особи.

«Предположим, что этот был последний».

Что ж, так оно и есть. И в этой мысли было что-то пронзительное и мощное, в мысли жить, умереть и исчезнуть в жаре собственного очистительного огня.

«Да будет так», — сказал он и начал бриться.

XIII

Дрю опоздал всего на тридцать пять минут, что было более очевидным свидетельством его энтузиазма по поводу грядущих радостей, чем наруганные щеки и штаны в обтяжку. Он притащил не меньше шести пакетов с продуктами — сначала из магазина в такси, потом из такси до парадной двери. Уилл предложил помощь, но Дрю сказал, что не доверяет ему (он обязательно заглянет внутрь), поцеловал его в щеку, сдерживая страсть, сказал, чтобы он отправлялся смотреть телевизор, а он сам все приготовит. Уилл, не привыкший, чтобы им помыкали, был совершенно очарован и безропотно подчинился.

Телевизор не показывал ничего такого, что привлекло бы его внимание дольше, чем на двадцать секунд. Он смотрел, почти убрав громкость и надеясь расшифровать звуки подготовки на кухне и в спальне наверху, как ребенок, пытающийся через оберточную бумагу угадать, что же за рождественский подарок он получил. Наконец Дрю вернулся. Он принял душ (волосы все еще были прилизаны) и надел более соблазнительную одежду: свободный, но хорошо скроенный жилет, из которого торчали его мощные руки и плечи, бежевые льняные брюки на завязках, которые словно специально были сшиты для облегченного доступа.

— Идем со мной, — сказал он и повел Уилла вверх по лестнице.

К этому времени за окном уже стемнело, и спальня освещалась несколькими продуманно расставленными свечами. Кровать оказалась расстелена и обложена всеми имеющимися в доме подушками, а на свежих белых простынях, устилавших пол, Дрю разложил привезенную из магазина снедь.

— Тут еды достаточно, чтобы накормить пять тысяч человек. И без всяких чудес, — сказал Уилл.

Дрю засиял.

— Излишества, если не злоупотреблять ими, полезны для здоровья, — сказал он, обнимая Уилла за талию. — Это хорошо для души. И потом, мы это заслужили.

— Неужели?

— Ну, ты-то точно. Я здесь всего лишь мальчик-раб. На эту ночь в твоём полном распоряжении.

Уилл прижался ртом к щеке Дрю, потом ко лбу, подбородку, губам.

— Сначала пир, — возразил мальчик-раб. — Я купил груши, персики, клубнику, чернику, киви (винограда нет, это клише), немного холодных омаров, немного креветок, бри, шардоне и, конечно, хлеб, шоколадный мусс, морковный пирог. Да, если хочешь, есть великолепная говядина, а к ней острая горчица. Что я пропустил? — Он оглядел разложенную еду. — Наверняка имеется что-то еще.

— Мы найдем, — сказал Уилл.

Этим они и занялись. Возлегли среди еды, как римляне, и стали есть, целоваться, потом поели еще и разделись, поели еще. Тек сок, рты были полны, аппетит утолялся и рос. Вино слегка ударило им в голову, и беседа потекла свободно. Дрю изливал душу, рассказывая о своих разочарованиях последнего десятилетия. Его повествование не было исполнено жалости к самому себе. Он остроумно и иронично описывал, как умерялись его амбиции, короче говоря, как он хотел иметь весь мир у своих ног, а оказался банкротом с пивным животом.

— Не думаю, что геи добры по отношению друг к другу, — заметил он ни с того ни с сего посреди рассказа. — А следовало бы быть повнимательнее. Ведь мы все заодно? Но как послушаешь, что говорят в баре, — свихнуться можно. «Я ненавижу черных». Или: «Я ненавижу атлетов». Или: «Я ненавижу трансвеститов, потому что они безмозглые тупицы». И я думаю: какого черта весь мир нас ненавидит?..

— Но не в Сан-Франциско.

— Это же гетто. И потому не в счет. Я приезжаю в Колорадо, и моя семейка достает меня денно и нощно, талдычит о том, что Господь хочет, чтобы я был нормальным, и если я не одумаюсь, то отправлюсь прямиком в ад.

— И что ты им отвечаешь?

— Вы с таким же успехом можете убеждать меня перестать дышать, потому что я гей вот здесь, — он ткнул себя пальцем в грудь, — душой и сердцем. Знаешь, чего я хочу?

— Чего?

— Я бы хотел, чтобы моя родня могла увидеть меня и тебя вот сейчас. Как мы бездельничаем, разговариваем, никого из себя не корчим. — Он помолчал, глядя в пол. — Ты счастлив?

— Вот сейчас?

— Да.

— Конечно.

— И я счастлив. Думаю, счастливее я никогда не был. А память у меня длинная. — Он рассмеялся. — Я помню, как увидел тебя в первый раз.

— Нет, не помнишь.

Дрю поднял на него взгляд, нежный и протестующий.

— Нет-нет, я помню, — сказал он. — Это было у Льюиса. Он давал бранч, и я пришел с Тимоти. Ты помнишь Тимоти?

— Смутно.

— Такой здоровенный старый трансвестит. Он взял меня под свое крылышко. Он привел меня с собой («Это малютка Дрю Данвуди из Мухосранска, что в Колорадо»), наверное, чтобы похвастаться. А я так нервничал, потому что там были все эти королевы, завсегдатаи вечеринок, которые знали всех и каждого...

— Или говорили, что знают всех и каждого.

— Верно. Они так часто сыпали именами, словно град шел, и время от времени кто-нибудь оценивающе поглядывал на меня, словно я кусок мяса. Я помню, ты опоздал.

— Вот оно что, — сказал Уилл. — Значит, привычку опаздывать ты перенял у меня.

— Я все у тебя перенял. Все, что хотел. Ты дарил мне свое внимание, словно ничто другое не имело значения. До того момента я не был уверен, что останусь. Думал, это все не для меня. Я чужой здесь, среди этих людей. Собирался следующим самолетом улететь домой и сделать предложение Мелиссе Митчелл, которая тут же вышла бы за меня и позволила бы делать у нее за спиной все, что мне взбредет в голову. Так я планировал, если здесь у меня ничего не получится. Но ты заставил меня поменять решение.

Уилл нежно погладил Дрю по лицу.

— Нет, — сказал он.

— Да, — ответил Дрю. — Может, тебе запомнилось это по-другому, но ты ведь не был в моей голове. Именно это и произошло. Мы даже в постель улеглись не сразу. Тимоти этак презрительно сказал, что ты плохой парень.

— Правда?

— Он сказал, ну, я не помню точно, что ты псих, что ты англичанин, что ты зажатый, что ты показушник.

— Я-то как раз не был зажатый. Остальные — может быть.

— Как бы там ни было, ты мне не позвонил, а я тебе звонить боялся, чтобы не разозлить Тимоти. Я вроде как зависел от него. Он оплатил мой билет, я жил в его квартире. А потом ты позвонил.

— А остальное — уже история.

— Не иронизируй. У нас были прекрасные моменты.

— Это я помню.

— И конечно, когда мы расстались, вернуться в Колорадо я уже не мог. Я был на крючке.

— А что случилось с Мелиссой?

— Ха. Тебе это понравится. Она вышла замуж за того парня, с которым мы драчились друг другу, когда учились в школе.

— Так у нее склонность к гомикам, — сказал Уилл, слегка изменив позу, и Дрю снова прижался к нему.

— Может быть. Я иногда вижусь с ней, когда приезжаю домой. Ее детишки ходят в ту же школу, что и дети моего брата, и мы сталкиваемся, когда я прихожу за ними. Она все еще хорошо выглядит. Вот...

Он запрокинул голову и поцеловал Уилла в подбородок.

— Это история моей жизни.

Уилл крепче прижал его к себе.

— А что случилось с Тимоти? — спросил он. — Мы перед ним в долгу.

— Ну, он умер вот уже лет семь или восемь. Кажется, когда он заболел, его любовник бросил его, и он умер в одиночестве. Я узнал об этом после Рождества, а он умер на День благодарения. Его похоронили в Монтерее. Я езжу туда время от времени. Кладу цветы на могилу. Говорю, что все еще думаю о нем.

— Это хорошо. Ты хороший человек, ты это знаешь?

— А это важно?

— Да, я начинаю думать, что важно.

Потом они занимались любовью. Нет, это было не горячее, не знающее никаких преград соитие их первой любви, как восемнадцать лет назад, и не слегка боязливая встреча, как несколько ночей назад. На сей раз они сошлись не в соревновании и не в трюкачестве, они сошлись как любовники. Неторопливо отдавались своей чувственности, с ленивой непринужденностью обмениваясь поцелуями и прикосновениями, но воспаляясь с каждой минутой. Каждый по-своему становился все более требовательным, каждый по-своему — более уступчивым. Они играли, возносясь на гребень волны и падая вниз, настойчиво двигаясь к пункту назначения, который они обсудили и запланировали. Уилл не трахал,

никого в течение четырех лет, а Дрю, хотя прежде и был жаден до секса, дал зарок им не заниматься, поскольку это сопряжено с таким риском. Данное действие никогда, даже в менее сложные времена, не было естественным, несмотря на все разговоры фермеров со Среднего Запада про слюну и немного похоти. Это было сознательное, обусловленное страстью деяние, в особенности в разгар чумы, когда под рукой нужно было держать презерватив и смазку, а избавиться от слабой, но одолевавшей тебя тревоги (как и от эрекции) было невозможно. И вот теперь они нежно совокуплялись в гнезде из подушек и к удовольствию обоих.

Когда они закончили, Дрю отправился в душ. Мистер Чистюля — так называл его Уилл. Это не было чем-то новым: Дрю нужно было немедленно отмыться от последствий секса, когда тот заканчивался. Он говорил, что в нем живет церковный служака, на что Уилл отвечал: «Только что был англичанин. Сколько же в тебе разных людей?»

Дрю, рассмеявшись, отправился в ванную и закрыл дверь. Уилл слышал приглушенные звуки душа, плеск струй по плитке на полу, потом звук изменился — вода ударяла по плечам и спине Дрю. Он прокричал что-то, но Уилл не разобрал слов. Он потянулся, испытывая двойную роскошь усталости и сытости, сознание помутилось.

«Мне бы тоже нужно помыться, — подумал он, — я весь сальный, потный и вонючий. Дрю не ляжет со мной в постель, пока я не помоюсь».

Поэтому он изо всех сил боролся со сном, хотя это было нелегко. Два раза Уилл погружался в неглубокую дремоту. В первый раз он проснулся, когда душ выключился и Дрю стал напевать что-то немелодичное, вытираясь полотенцем. Во второй раз — услышав, что Дрю топает вниз по лестнице.

— Я пошел попить, — крикнул он. — Тебе что-нибудь надо?

Уилл, преодолевая головокружение, сел. Зевнул и посмотрел на преступника у себя между ног. «Пришлось тебе потрудиться?» — сказал он, взяв член в руку и помахав им туда-сюда. Потом сбросил ноги с кровати, перевернув одну из свечей. «Мать твою», — пробормотал он, наклоняясь, чтобы поставить ее на место. Запах погасшего фитиля резко ударил в ноздри. Когда Уилл выпрямился, комната запульсировала. Решив, что сделал это слишком быстро, он закрыл глаза. Белые пятна бились и под веками. Он вдруг ощутил приступ тошноты. Постоял, покачиваясь, в изножье кровати, ожидая, когда это ощущение пройдет, но оно, напротив, усилилось, волны тошноты поднимались из желудка. Он снова открыл глаза и двинулся к холлу, не желая закончить вечер, заблевав комнату, в которой он только что с такой нежностью занимался любовью. Он отошел от кровати не больше чем на ярд, как от боли в желудке сложился пополам. Упал на колени среди остатков пиршества, все его чувства обострились. Он ощущал запах подгнивающих фруктов, которые были свежими три часа назад, сыра, сметаны, которая теперь начала сворачиваться, словно жар этой комнаты и того, что в ней происходило, ускоряли гниение. Дурной запах был слишком силен. Его начало рвать, живот схватило судорогой, белые точки загорались перед глазами, затопляли комнату...

И в разгар этого сияния возникли образы прошедшего дня: небо, стена, Бетлинн; Дрю одетый, Дрю обнаженный; кот, цветы, мост — все это прокручивалось перед ним, как фрагмент фильма, который кто-то швырнул в пекло его головы, в этот мерцающий белый огонь, находившийся в конце всего.

«Господи, помоги мне», — попытался он сказать, уже больше не опасаясь, что в таком состоянии его увидит Дрю, теперь он хотел, чтобы Дрю пришел и погасил этот огонь...

Он поднял голову и сквозь свет посмотрел прищуренными глазами на дверь. Дрю не было видно. Уилл пополз к лестничной площадке, по пути перевернув две из трех оставшихся свечей. Пожар в его голове продолжал бушевать, вспыхивали и пожирались огнем воспоминания, похожие на крылышки мотыльков, мельтешащие, мельтешащие...

...воды Залива, подгоняемые ветром; цветы на окне Бетлинн Рейхле; вспотевшее, искаженное страстью лицо Дрю...

А потом огонь вдруг погас, его не стало в одну секунду. Он стоял на коленях в трех или четырех ярдах от двери; темнота была серой, свет — серым, еда, среди которой он стоял на коленях, лишилась цвета, его руки, ноги, член и живот — все лишилось цвета, все посерело. Это было странно приятно после приступа болезни — оказаться в прохладной камере и лишиться органов чувств. Его разум, полагал Уилл, просто пришел к выводу, что ему достаточно, и отключил все, кроме минимума внешних воздействий. Запахи гнили и свернувшейся сметаны больше его не волновали, даже липкие остатки еды вокруг не трогали.

Тошнота тоже отступила, но он не хотел рисковать и решил не двигаться, пока не придет уверенность, что она прошла совсем. Поэтому Уилл оставался на том месте, где оказался, когда это прошло, — стоял на коленях в свете единственной свечи. Он подумал, что очень скоро сюда поднимется Дрю. Увидит Уилла и пожалеет его, подойдет, утешит, обнимет. Ему нужно только проявить терпение. Он умел быть терпеливым. Он мог сидеть, не меняя позы, в течение нескольких часов. Это нетрудно. Нужно только ровно дышать и выбросить из головы бесполезные мысли. Изгнать их и ждать.

И вот — пожалуйста. На стене появилась тень. Дрю уже поднимался по лестнице. Тридцать секунд — и он будет на лестничной площадке, еще мгновение — и он поможет Уиллу вернуться в нормальное состояние. Вот он идет со стаканом воды в руке, брюки едва держатся на бедрах, тело испещрено следами поцелуев, оставленными Уиллом. Кожа вокруг сосков покраснела. Отметины от зубов на шее и щеках, аккуратные, как швы портного. Лицо в пятнах. Дрю поднял голову — ах, как медленно (в этом сером мире все происходило неспешно), — посмотрел в сторону двери, и на его лице появилось недоуменное выражение. Он, казалось, не мог разглядеть лица Уилла во мраке, а если и мог, то ему было непонятно, что же он видит. Но запах блевотины он почувствовал — это было ясно. На его лице появилось выражение отвращения, обеспокоившее Уилла. Он не хотел, чтобы его спаситель смотрел на него таким взглядом. Ему хотелось сострадания, нежности.

Дрю помедлил. Теперь он смотрел в открытую дверь. Отвращение перешло в страх. Его дыхание участилось, а когда он заговорил («Уилл?» — сказал он), голос был едва слышен.

«Черт бы тебя подрал, — подумал Уилл, — не стой ты там. Входи сюда. Да бога ради, тут нечего бояться. Входи».

Но Дрю стоял, не двигаясь. Уилл, разочарованный, оперся рукой об пол, попав в собственную жижу, и поднялся. Он попытался произнести имя Дрю, но из горла вырвался какой-то гнусный звук, скорее похожий на лай.

Дрю выпустил стакан из рук — он разбился у его ног.

— Господи! — крикнул он и бросился вниз по лестнице.

«Что это еще за ерунда?» — подумал Уилл.

Ему нужна помощь, а Дрю куда-то удирал. Он, пошатываясь, двинулся к двери, пытаясь снова позвать Дрю, но горло опять подвело. Ему удалось только добраться до лестничной площадки, до света, где Дрю мог его увидеть. Однако ноги были не надежнее, чем голосовые связки. У двери они подогнулись, и Уилл свалился бы в битое стекло, если б не схватился за косяк. Он развернулся и поплелся на площадку, вдруг осознав, что в этот неподходящий момент его безмозглый член снова стоит торчком, ударяя его по животу.

И теперь в свете, проливающимся на лестничную площадку из холла внизу, Дрю увидел своего преследователя.

— Господи Иисусе, — сказал он, страх на его лице перешел в недоумение, и он выдохнул: — Уилл?

На этот раз Уиллу удалось произнести одно слово:

— Да.

Дрю тряхнул головой.

— Что это за игры? — сказал он. — Ты меня напугал.

Босыми ногами Уилл стоял на битом стекле, но ему было все равно. Нужно остановить Дрю, не дать ему уйти. Он ухватился за перила и начал трудный путь к лестнице. Тело не

слушалось, мышцы словно пытались переориентироваться. Ему хотелось снова упасть на колени, чтобы облегчить движение, хотелось двигаться быстрее в погоне за животным, которое было перед ним. Он терпелив. Он ждал в тени, пока жертва не обнаружила себя. Теперь пришло время погони...

— Прекрати, Уилл, — говорил Дрю. — Бога ради! Я серьезно!

От страха голос его стал пронзительным. Это было комично, и Уилл рассмеялся. Коротким резким смешком. Скорее собачье тявканье, а не смех.

Этот звук Дрю уже не мог вынести. Остатки мужества покинули его, и он попятился вниз по лестнице, крича что-то неразборчивое и хватая пиджак. Он был босиком и без рубашки, но это его не волновало — он хотел поскорее выбраться из дома, все остальное — мелочи. Уилл был теперь на верхней ступеньке и начал спускаться. Но осколки стекла в подошвах причиняли мучительную боль, и, миновав две ступеньки (и понимая, что не в состоянии настигнуть добычу), он сел. Дрю тем временем пытался отпереть дверь. И только когда она распахнулась и Дрю увидел перед собой улицу, он повернулся и крикнул:

— Иди ты в задницу, Уилл Рэбджонс!

И он исчез, растворился в ночи.

Уилл несколько минут посидел на ступеньке, наслаждаясь порывами прохладного ветерка через открытую дверь. Гусиная кожа ничуть не уменьшила его эрекцию. Член покачивался между ног, напоминая, что для многих наслаждения ночи только начинаются. А если для других, то почему бы и не для него?

XIV

1

На Фолсоме был клуб «Кающийся грешник». В свои лучшие времена в середине семидесятых он назывался «Змеиный зуб» и был для Сан-Франциско тем же, что «Шахтный ствол» для Нью-Йорка: клуб, где ничто не *verboten*,¹ если есть желание. В буйные ночи, двигаясь по улицам Кастро, серьезная толпа кожаных ребят пересчитывала храмы наслаждений на костяшках одного грязноватого кулака, и «Зуб» неизменно оказывался одним из пяти. Чака и Жан Пьера, владельцев клуба, давно уже не было на свете, они умерли с разницей в три недели в первые годы после прихода чумы, и некоторое время помещение пустовало, словно в память о людях, которые ушли. Но в 1987 году «Сыновья Приапа», группа онанистов, которые возвели мастурбацию в статус уважаемого занятия, заняли здание, чтобы по понедельникам проводить там вечерние сеансы групповой мастурбации. Призраки, обитавшие в здании, улыбались, видя это, потому что слухи о царящей здесь атмосфере способствовали быстрому увеличению числа «сыновей». Они организовали второй сеанс на неделе, по четвергам, а когда оказалось, что клуб не вмещает всех желающих, то и третий. В мгновение ока здание превратилось в храм, посвященный демократии пятерни. В четверговые и пятничные сборища постепенно проник элемент фетишизма (понедельничные проходили без всякой экзотики), а вскоре вожди «сыновей» превратились в бизнесменов, взяли здание в аренду и оказались во главе самого успешного секс-клуба в Сан-Франциско. Чак и Жан Пьер гордились бы, знай они, что происходит. Так появился «Кающийся грешник».

2

Нельзя сказать, что клуб был переполнен. По вторникам там обычно было тихо, и этот день не стал исключением. Всего-то три десятка посетителей бродили по залам «Грешника» среди кирпичных стен, или болтали за стойкой бара с соками (в отличие от задних

¹ Запрещено (нем.) .

помещений здесь проводились безалкогольные вечеринки), или лениво сидели в телевизионной гостиной, где показывали порнофильмы, вызывавшие чисто исторический интерес, и ничто не предвещало, что этот день чем-то запомнится.

Около половины двенадцатого в холле появился человек, чью внешность по-разному описывали люди, которые впоследствии рассказывали о событиях этого вечера. Приятной наружности, при этом наружности человека бывалого, повидавшего мир. Волосы прилизанные или редкие, в зависимости от того, кто рассказывал. Глаза темные, глубоко посаженные или невидимые за солнечными очками, опять же, смотря кто рассказывал. Никто толком не запомнил, во что он был одет. (Но он не был голым, в отличие от нескольких клиентов-эксгибиционистов, в этом сходились все.) Но и не был одет для какого-то определенного развития событий. Он не был ни кожаным парнем, ни гомосексуалом-проституткой, не косил ни под работягу, ни под полицейского. У него не было ни весла, ни хлыста. Узнав все это, слушатель известной разновидности неизбежно спрашивал: «Так какого же черта ему было надо?» На что рассказчики все как один отвечали: секса. Впрочем, не все как один. Более претенциозные могли бы ответить: телесных радостей, более грубые — мяса. Но смысл был один — этот человек (который за полтора часа поднял такую мощную волну, что в течение одного дня эта история вошла в местную мифологию) воплощал собой дух «Кающегося грешника»: существо, охваченное вождением, готовое совокупляться с любым, кто смог бы соответствовать ярости его желаний. В этом шпажном братстве нашлось всего трое или четверо членов, готовых ответить на его вызов, и — вовсе не случайно — они были единственными гуляками в тот вечер, кто впоследствии ничего не рассказывал о пережитом. Они хранили молчание и свои фантазии, предоставляя другим болтать о том, чего они не видели и не слышали. Откровенно говоря, не более шести человек из всех остались сторонними наблюдателями. Как это частенько случалось в стародавние времена, а теперь стало редкостью, одно ничем не стесненное воображение в толпе стало сигналом к общему раскрепощению. Люди, которые прежде приходили в клуб только смотреть, в эту ночь осмелились на прикосновения и даже на большее. Завязались два романа, и оба успешные; четверо подхватили лобковых вшей, а один утверждал, что заработал гонорею, потеряв контроль над собой на обтруханном диване в телевизионной гостиной.

Что касается человека, который стал инициатором этой оргии, то он приходил и уходил несколько раз, а совокупления продолжались до самого закрытия. Несколько человек утверждали, что он заговаривал с ними, хотя и ничего не сказал. Один заявлял, что знает его, что это бывшая порнозвезда, что он отошел от дел и переехал в Орегон. Согласно этой версии, он вернулся в свои охотничьи угодья по сентиментальным причинам, чтобы затем скрыться в глуши, которая всегда забирает профессионалов секса.

Отчасти так оно и было. Человек исчез и больше никогда не возвращался, хотя все тридцать клиентов, которые были в «Кающемся грешнике» той ночью, невзирая на лобковых вшей и гонорею, пришли сюда опять (большинство на следующий же вечер) в надежде снова его увидеть. Когда он не появился, несколько человек поставили себе цель непременно обнаружить его в какой-нибудь другой дыре, но человека, которого ты видел в желтоватом свете тусклой лампы в некоем тайном месте, не так легко узнать при свете дня. Чем больше они думали и говорили о нем, тем более расплывчатыми становились их воспоминания, и неделю спустя после этого события не нашлось бы и двух свидетелей, которые сошлись бы в подробностях.

Что касается самого этого человека, то для него события того вечера остались словно в тумане, и он был благодарен за это Господу.

После встречи на лестнице Дрю унесся к себе домой и, вскрыв пачку сигарет, которую он держал на всякий случай (хотя видит Бог, он и представить себе не мог такого случая),

сидел и курил до головокружения, размышляя о том, что ему пришлось пережить. Время от времени из его глаз текли слезы или его охватывал такой приступ дрожи, что приходилось подтягивать колени к подбородку. Он знал, что до завтрашнего утра бесполезно пытаться дать трезвую оценку тому, что случилось, и на то были причины: прежде чем отправиться к Уиллу, он принял таблетку экстази (по крайней мере, ему сказали, что это экстази), чтобы усилить ощущения. В начале вечера, до того как таблетка начала действовать, он испытывал некоторое чувство вины из-за того, что не сказал о таблетке Уиллу, но он с таким апломбом выдавал себя за человека, для которого наркотики остались в прошлом, что опасался испортить вечер, сказав правду. Потом благодаря экстази напряжение спало, и чувство вины исчезло вместе с потребностью ее загладить.

Так что же случилось потом? Какая-то отравка в таблетке внезапно начала действовать, и его стало колбасить. Это точно.

У него случился какой-то дурной кайф. Но этот ответ был половинчатым, по крайней мере так подсказывала интуиция. Дурные кайфы бывали у него и раньше. И не раз. Он видел, как размягчаются стены, взрываются жуки, летает одежда. Но сегодняшнее видение чем-то отличалось от прежних, вот только в данный момент он и сказать толком не мог — чем. Может быть, завтра он сумеет это выразить: ему показалось, будто Уилл в заговоре с ядом в его крови и дополняет психоз в венах Дрю собственным безумием. И завтра он, может быть, поймет, почему, когда человек, с которым он только что занимался любовью, вышел из спальни с опущенной головой, обливаясь потом, и вдруг на мгновение (нет, больше, чем на мгновение) лицо его исказилось, белки глаз исчезли, а зубы стали острыми, как гвозди. Почему, короче говоря, Уилл потерял сходство с человеком и на несколько секунд в его обличье появилось что-то звериное? Слишком дикое, чтобы назвать его собакой, но недостаточно — чтобы волком. На какое-то мгновение он стал похож на лиса, который заходится от смеха в предвкушении замышляемой проказы.

XV

1

Хьюго никогда не был сентиментальным. Неотъемлемая обязанность философа состояла, по его утверждению, в том, чтобы отвергнуть дешевые эмоции и оценивать реальность, забыв о чувствах, которые мешают объективности. Это не означало, что время от времени он не проявлял слабость. Когда — теперь уже двенадцать лет тому назад — Элеонор оставила его, он обнаружил, что подвержен воздействию всякого рода пустозвонства, которое в любое другое время совершенно его не трогало. Он стал остро осознавать, как сильно поп-культура пропитана томлением песни о любви и сердечной утрате на радио, истории трагических несовпадений характеров в мыльных операх, за просмотром которых он заставлял Адель по вечерам. Да что говорить — даже люди его уровня отдавали дань таким тривиальностям. Мужчины и женщины его возраста и репутации изучали семиотику рыцарского романа. Такие явления ужасали его, а то, что он сам, готов им поддаться, вызывало оторопь. А потому он еще сильнее ожесточал свое сердце против бывшей жены. Когда она в следующем январе (ушла она в июле) предложила помириться, он ответил отказом, испытывая отвращение, которое в немалой степени подпитывалось злостью на собственную слабость. Любовные песни оставили на его сердце шрамы, и он ненавидел себя за это. Он никогда больше не будет ранимым.

Но память по-прежнему восставала против доводов разума. Когда каждый год в конце августа появлялись первые признаки осени — холод по вечерам, дымный запах в воздухе, — он вспоминал, как они жили с Элеонор в их лучшие годы. Как он гордился тем, что она рядом, как был счастлив, когда появились плоды их супружества, когда он стал отцом двух сыновей, которые, как он думал, вырастут и будут его боготворить. В первые годы их брака

они сидели бок о бок с Элеонор по вечерам, планируя свою жизнь. Он получит кафедру в одном из престижных университетов, будет пару дней в неделю читать лекции, а в остальное время писать книги, которые изменят направление западной мысли. Она тем временем будет воспитывать их сыновей, а потом — когда дети станут духовно независимы (что произойдет довольно быстро при родителях с такой сильной волей), — она вернется к области своих интересов, а именно — к генеалогии. Она тоже, вполне вероятно, напишет книгу и получит свою долю славы.

Такова была мечта. А потом погиб Натаниэль, и в один день все их планы пошли прахом. Нервы Элеонор, которые и без того никуда не годились, требовали все больше и больше лекарств; книги, которые собирался написать Хьюго, никак не могли найти путь из его головы на бумагу. А переезд из Манчестера (казавшийся тогда блестящим рациональным решением) принес новый урожай неприятностей. Худшей была первая осень, тут сомнений не было. Хотя и позднее случались плохие времена, именно безумие того октября и ноября лишили его оптимизма. Натаниэль, в котором воплотились все добродетели родителей (сострадательность и изящество Элеонор, жесткий прагматизм и верность истине Хьюго), умер. А Уилл стал бедокуром, его выходки и скрытность только усиливали уверенность Элеонор в том, что все лучшее покинуло этот мир, а потому нет ничего плохого в том, что она доводит себя до протрации.

Мрачные воспоминания, о чем ни думай. И все же, когда он размышлял об Элеонор (а делал он это часто), сентиментальные песни по-прежнему находили путь к его сердцу, и он ощущал прежнюю тоску в горле и в груди. Нет, он не хотел ее возвращения (после ухода жены он устроил свою жизнь, и довольно неплохо, хотя и на свой, неромантический лад), но годы, что они прожили вместе, — плохие, хорошие, никакие — ушли в прошлое, и теперь, вызывая перед мысленным взором ее лицо, он одновременно вспоминал и золотой век, когда покорение самых высоких вершин еще казалось возможным. И тогда против своего желания он томился. Не по этой женщине, и не по годам, прожитым с нею, и, конечно, не по оставшемуся сыну, а по тому Хьюго, который когда-то настолько владел собой, что верил в собственную значимость.

Теперь с этим было покончено. Он не изменит мир мысли блестяще сформулированными тезисами. Он даже не в силах изменить выражение лиц своих учеников, которые сидят перед ним на занятиях: тупомордые молодые бездельники, которых не может воспламенить его искра; да он больше и не пытался это сделать. Он перестал читать работы своих коллег (все равно большинство их книг были неудобоваримой жвачкой), и книги, что когда-то были его библиями, в особенности Хайдеггер и Витгенштейн, лежали без дела. Он их исчерпал. А точнее, исчерпал свое взаимодействие с ними. Дело было не в том, что они больше ничему не могли его научить, просто у него не осталось к этому интереса. Философия не сделала его ни на йоту счастливее. Как и многое в жизни, прежде она виделась чем-то важным (хранилищем смысла и просвещения), но на поверку оказалась пустышкой.

По этой причине после ухода Элеонор он не вернулся в Манчестер: у него не было никакого желания тревожить могилы ученых мужей, чтобы накопать материал на какую-нибудь жалкую книгу. Другой причиной была Адель. Ее муж Дональд умер от сожравшего его рака за два года до ухода Элеонор, и во вдовстве эта женщина стала гораздо более внимательной, чем прежде, к нуждам хозяйства Раджонса. Хьюго нравились ее простые манеры, простая кухня, простые эмоции, и хотя ее увядающая красота не могла сравниться с красотой Элеонор, он без всяких колебаний соблазнил ее. Возможно, «соблазнил» — слишком сильное слово. Она терпеть не могла всякого рода хитрости, и он в конечном счете уложил ее в свою постель, сказав напрямик, что ему нужно женское тепло, а ей наверняка не хватает общества мужчины. Она время от времени повторяла, что ей нужен человек, к которому она могла бы приклониться, в особенности холодными ночами. В ту неделю, когда происходил этот разговор, стоял лютый холод, и Хьюго не преминул указать ей на это. Она соблазнительно улыбнулась ему пухлым, в ямочках, лицом — и они легли вместе. Такое жизненное устройство постепенно вошло в норму. Дома она спала четыре ночи в неделю, но

по средам, пятницам и субботам оставалась у Хьюго. Когда завершился бракоразводный процесс с Элеонор, он даже предложил Адели выйти за него замуж, но она, к его удивлению, сказала, что и так вполне счастлива. У нее было достаточно мужей — хватит на одну жизнь, сказала она. Так они не связаны друг с другом, и это к лучшему.

2

Проходили дни, не оставляя никакого следа, и, несмотря на разочарования, Хьюго стал чувствовать себя в Бернт-Йарли совсем как дома — он прежде и предположить не мог, что так будет. Он не особенно любил природу (теоретически природа у него возражений не вызывала, а на практике была отвратительной и зловонной), но ему нравился сельскохозяйственный цикл, хотя в душе Хьюго был горожанин. Поля вспахивались, засеивались, обрабатывались, с них снимался урожай; рождался, выхаживался, забивался и съедался скот. Он запустил дом, который теперь был слишком велик для него. Его не волновало, что канавы нужно прокопать заново, что оконные рамы прогнили. Когда кто-нибудь в пивной говорил, что стена сада перед домом частично обрушилась, он отвечал, что рад этому: теперь овцы могут приходиться туда и пастись.

Он знал, что в деревне его всё больше считают не в своем уме, но ничего не делал, чтобы восстановить репутацию. В прежние времена в том, что касалось костюмов и другой одежды, он был настоящим павлином. Теперь же просто надевал то, что попадалось под руку, и нередко получались весьма замысловатые сочетания. В людных местах вроде паба из-за глухоты (он стал глуховат на левое ухо и гораздо сильнее на правое) он не говорил, а кричал, что лишь усиливало впечатление человека немного не в себе. Он мог часами сидеть в пабе, непрерывно попивая бренди, высказывая свое мнение по любому вопросу; послушать его в разгар ожесточенных споров — ни за что не скажешь, что перед тобой человек, разуверившийся в мире. Он горячо рассуждал о политике (под давлением Хьюго все еще называл себя марксистом), религии (конечно, это опиум для народа), расах, разоружении или французах, его умение спорить по-прежнему было на высоте и позволяло выигрывать два из трех раундов, даже если ему приходилось отстаивать позицию, в которую он не верил, а так оно и было в большинстве случаев.

Уилл — вот единственная тема, на которую он отказывался говорить, хотя репутация Уилла, конечно, укрепилась, а потому люди проявляли к нему интерес. Очень редко, если Хьюго на три-четыре порции бренди перебирал свою норму, он давал уклончивый ответ на чей-нибудь вопрос, но люди, хорошо его знавшие, скоро поняли, что отец не гордится собственным чадом. Те, у кого была хорошая память, знали почему. Мальчишка Рабджонс был замешан, пожалуй, в самом мрачном эпизоде в истории Бернт-Йарли. Спустя двадцать лет дочь Делберта Доннели в первое воскресенье каждого месяца все еще возлагала цветы на могилу отца, а вознаграждение за сведения, которые могли бы привести к аресту убийц (обещанное мясным бароном из Галифакса, у которого Делберт покупал пироги и сосиски), все еще ожидало информатора. В день своей гибели, как рассказывали, Делберт был добрым самаритянином, разыскивал в метель сбежавшего ребенка, который, по мнению тех, кто еще продолжал размышлять об этом таинственном происшествии, каким-то образом пособничал убийцам. Конечно, ничего так и не было доказано, но любой, кто следил за восхождением Уилла Рабджонса на вершину славы, отмечал извращенность его работ. Никто в деревне, кроме разве что Хьюго, никогда бы не использовал этого слова — «извращенность». Они бы сказали: «маленько странноватые», или «немного не того», или — если впадали в суеверное настроение — «дьявольское наваждение». Шляться по миру, как это делал он, чтобы выискивать умирающих животных и фотографировать их, — нет, в этом определенно было что-то нехорошее или нездоровое. Для тех, кому было не все равно, это стало еще одним подтверждением того, что Уильям Рабджонс, мужчина и мальчишка, был порченный. Такой порченный, что его отец даже не хотел признавать своего отцовства.

Но молчание Хьюго вовсе не означало, что он не думает об Уилле. Хотя он редко

говорил с сыном, а когда это случалось, разговор не отличался теплотой, тайны той зимы, со времени которой прошли уже почти три десятилетия (и участие его сына во всех этих событиях), с каждым годом злили его все больше, и на то была причина, в которой он никому ни за что не признался бы. Философия его предала, любовь предала, амбиции предали, и теперь ему светил один луч надежды — неизвестное. Оно, конечно, было повсюду. В новых физических открытиях, в болезнях, в глазах соседа. Но самое близкое столкновение с неизвестным состоялось в ту горестную ночь много лет назад. Если б он тогда понял, что происходит нечто экстраординарное, то присмотрелся бы повнимательнее, запомнил бы признаки, чтобы впоследствии найти путь к нему. Но он в то время был слишком занят другим — он трудился над тем, чтобы быть Хьюго, а потому ни на что не обращал внимания. И только теперь, когда все эти сопутствующие обстоятельства отпали, он увидел мерцающую тайну, холодную, далекую и неизменную, как звезда.

В «Ньюсуик» он прочел интервью, в котором его сын на вопрос, какие качества он больше всего в себе ценит, ответил: терпение.

«Это у него от меня, — подумал Хьюго. — Я умею ждать».

Именно так он теперь, не в Манчестере, проводил дни. Сидел в своем кабинете и курил французские сигареты — ждал. Когда приходила Адель с чаем или сэндвичем, он делал вид, что занят бумагами, погружен в какую-то глубокую мысль, но как только она уходила, снова принимался смотреть в окно, разглядывал тени от облаков на холмах за домом. Он не знал точно, чего ждет, но доверял своему разуму и был уверен, что поймет, когда это наступит.

XVI

То лето было влажным, дожди в начале августа шли не переставая, отчего большая часть урожая полегла, молотьбу пришлось начать раньше времени. Теперь, за неделю до сентября, поля все еще были залиты водой, и уцелевшее после потопа сено гнило в снопах.

— Для таких, как вы, это хоть бы что, — сказал в тот вечер в пабе Кен Мидлтон, которому принадлежал самый большой надел посевной земли в долине; слова его были обращены к Хьюго. — Вам не нужно думать о таких вещах, в отличие от нас, трудяг.

— Мыслители и есть самые настоящие трудяги, Кеннет, — возразил Хьюго. — Просто у нас пот не течет от работы.

— Дело не только в дожде, — вступил в разговор Мэтью Солс. — Тут все одно к одному.

Солс был собутыльником Мидлтона; и в лучшие времена это было мрачное сочетание.

— Даже мой старик говорит, что все идет прахом.

Хьюго уже попался в начале года — такими же речами его донимал Джефри, папаша Мэтью. Хьюго тогда согласился (хотя внутренний голос подсказывал, что делать этого не надо) сопровождать Адель на Летнюю ярмарку, где она выставила на ежегодный конкурс свой маринованный лук. Участвовала в конкурсе и жена Джефри, и, пока женщины болтали между собой (сохраняя естественную сдержанность конкуренток), Хьюго должен был выносить старика Солса. Без малейшей провокации со стороны Хьюго тот разразился монологом на тему убийства, сопровождая свое мрачное выступление подробностями недавнего убийства в Ньюкасле одного ребенка другим. Мир теперь стал совсем, совсем другим, снова и снова повторял он. То, что раньше невозможно было представить, теперь стало обыденностью. Мир стал совсем другим.

— Знаете, в чем беда вашего старика, Мэтью? — спросил Хьюго.

— У него крыша съехала, — вставил Мидлтон.

— Вот это совершенно верно, — сказал Хьюго. — Но я думал о другом.

Он допил бренди и поставил стакан на стойку бара.

— Он стар. А старики любят думать, что все идет к концу. С такой мыслью легче умирать.

Мэтью не ответил. Он просто сидел, уставясь в свое пиво. Но Мидлтон спросил:

— Говорите по собственному опыту?

Хьюго улыбнулся.

— Думаю, я протяну еще несколько лет, — сказал он. — Ну что ж, джентльмены, у меня это последний на сегодня стакан. Может, встретимся завтра.

Он, конечно, лгал. Ему не нужны были еще несколько лет, чтобы понять, как смотрит на мир отец Мэтью. Он чувствовал, как в нем формируется такой взгляд. Дурные новости доставляли ему какую-то мрачную радость. Какой человек в здравом уме, знающий, что жить ему осталось недолго, будет желать миру в свое отсутствие благополучия и процветания? Возможно, его прогнозы были бы иными, будь у него внуки, тогда среди этого потопа и эпидемии убийств он бы нашел повод для оптимизма. Но Натаниэль, который наверняка подарил бы ему превосходных внуков и внучек, вот уже тридцать лет был мертв, а с Уилла что взять — гомосексуалист. Зачем надеяться на лучшее для мира, в котором после его смерти не останется ни одного человека, которого бы он любил.

Конечно, он получал удовольствие, разыгрывая пророка Апокалипсиса. Тем вечером он шел домой пружинящей походкой (а он всегда шел пешком, даже зимой: слишком любил бренди и нередко перебирал, а потому не рисковал садиться за руль), так как разговор в пабе был не слишком оптимистичным. Размахивая тростью, которую он брал с собой больше для шика, чем для опоры, он вышел из света фонарей и двинулся по темной дороге — до дома оставалась еще миля. Он не испытывал беспокойства, шагая в темноте. Тут не было ни разбойников, ни грабителей, которые напали бы на идущего в одиночестве подвыпившего джентльмена. Да он вообще редко кого здесь встречал, на этой дороге.

Но нынешний вечер стал исключением. Пройдя где-то треть мили, он увидел двух человек — мужчину и женщину, которые шли ему навстречу. Хотя вечер был безлунный, звезды светили ярко, и он уже с двадцати ярдов понял, что их не знает. Может, это туристы, которые вышли подышать ночным воздухом? Беглецы из города, для которых зрелище темных холмов и звездного неба — нечто необыкновенное?

Но чем ближе он подходил, тем громче говорил ему внутренний голос: развернись и беги назад. Он сказал себе: не будь старым дураком. Пожелаешь доброго вечера, когда с ними поравняешься, только и всего. Он ускорил шаг и уже собирался заговорить, когда мужчина — в серебристом свете он выглядел поразительно — сказал:

— Хьюго? Это вы?

— Да, это я, — сказал Хьюго. — Мы разве...

— Мы заходили в дом, — подхватила женщина, — искали вас, но не нашли...

— И отправились на поиски, — продолжил мужчина.

— Мы знакомы? — спросил Хьюго.

— Были когда-то давно, — ответил мужчина.

На вид ему было тридцать два или тридцать три, но что-то в его внешности говорило Хьюго, что это только из-за игры света.

— Вы, случайно, не были моим учеником?

— Нет, и близко не лежало, — ответил мужчина.

— Что ж, тогда я просто теряюсь, — сказал Хьюго, начиная испытывать беспокойство.

— Мы знаем вашего сына, — объяснила женщина, — Уилла.

— Вот как. Тогда желаю вам удачи, — сухо сказал он. — Хорошая ночь.

И с этими словами двинулся прочь.

— Где он? — спросила женщина, когда Хьюго прошел мимо.

— Не знаю, — ответил он, не оборачиваясь. — Он может быть где угодно. Он не сидит на месте. Если вы его друзья, то должны знать, какой он непоседа.

— Пойдите! — сказал мужчина и, оставив подружку, двинулся за Хьюго.

В его манерах не было ничего агрессивного, но Хьюго крепче сжал трость на случай, если придется защищаться.

— Если бы вы могли нам помочь...

— Помочь?..

Хьюго повернулся, предпочитая спровадить незнакомца, стоя к нему лицом, чем слышать шаги у себя за спиной.

— ...найти Уилла, — сказал мужчина как-то слишком развязно.

«Экая мерзость, — подумал Хьюго, — что за панибратство у нынешних молодых. Американское влияние, это точно. Минуты не поговорили — и уже дружки-приятели. Просто отвратительно».

— Если хотите написать ему письмо, — сказал Хьюго, — я бы посоветовал сделать это через его издателей.

— Вы его отец...

— Это мое горе, — отрезал Хьюго. — Но если вы его почитатели...

— Да, почитатели, — сказала женщина.

— ...то должен вас предупредить: лучше вам не встречаться с ним во плоти, чтобы не разочароваться.

— Мы знаем, что он из себя представляет, — сказал мужчина. — Мы все знаем, что он из себя представляет, Хьюго. А вы и я в особенности.

Этого умозаключения о некоем сходстве между ними Хьюго просто не мог вынести. Он помахал тростью перед лицом нахала.

— Нам абсолютно нечего сказать друг другу, — выпалил он. — А теперь оставьте меня в покое.

Он стал отступать назад, предполагая, что собеседник бросится за ним. Но мужчина просто стоял, держа руки в карманах, и смотрел, как Хьюго пятится.

— Чего вы боитесь? — спросил он.

— Абсолютно ничего, — ответил Хьюго.

— Ну уж этому я ни за что не поверю. Вы философ. И должны разбираться в таких вещах.

— Никакой я не философ, — ответил Хьюго, не поддаваясь на лесть. — Я третьеразрядный учитель третьеразрядных учеников, которых ничуть не интересует то, что я пытаюсь им внушить. Это моя судьба, а поскольку я мог бы принести и больше вреда, то я горжусь тем, что делаю. Моя жена живет в Париже с мужчиной, который в два раза младше меня, мой любимый сын умер вот уже тридцать лет назад, а другой — самовлюбленный педераст, чье самомнение превосходит все его достижения. Понятно? Вы удовлетворены? Я ясно излагаю? Короче говоря, теперь я могу идти?!

— Ах, — тихо сказала женщина, — я так вам сочувствую.

— Почему?

— Вы потеряли ребенка, — сказала она. — Мы сами потеряли нескольких. Мы с Джекобом. От такой утраты невозможно оправиться.

— С Джекобом? — пробормотал Хьюго и в ту же секунду понял, с кем разговаривает.

На него нахлынула волна чувств, в которых он не мог разобраться.

— Да, это мы, — вполголоса сказал мужчина, увидев, что их узнали.

«Облегчение, — подумал Хьюго. — Вот что я чувствую — облегчение. Ожидание кончилось. Тайна здесь, передо мной, или, по крайней мере, средства к ее открытию».

— А это, конечно, Роза, — сказал Стип.

Роза сделала комический реверанс.

— Ну так что, будем друзьями, Хьюго?

— Я... не знаю.

— О, я понимаю, что вы думаете. Вы думаете о Делберте Доннели. Это ее рук дело, и я не буду вводить вас в заблуждение. Она иногда может быть жестокой, даже опасной, если разозлится. Но мы понесли за это наказание. Мы провели тридцать лет в глуши, не зная, где на следующий день преклоним главу.

— Так почему вы решили вернуться? — спросил Хьюго.

— У нас были на то причины, — ответил Джекоб.

— Скажи ему, — добавила Роза. — Мы вернулись за Уиллом.

— Я не могу...

— Да, мы знаем, — сказал Джекоб, — вы с ним не разговариваете, и он вам безразличен.

— Верно.

— Что ж... будем надеяться, что вы ему не так безразличны, как он вам.

— Это что значит?

— Будем надеяться, что он поспешит к вам, когда узнает, что вы попали в беду.

— Надеюсь, это не угроза, — сказал Хьюго. — Потому что если это...

Удар застал его врасплох. Он не заметил ни блеска в глазах Стипа, никакого другого намека (пусть самого слабого) на то, что вежливая болтовня закончилась. Только что он улыбался, был сама вежливость, а в следующее мгновение нанес Хьюго такой удар, что тот отлетел на пять ярдов.

— Не делай этого.

— Заткнись, — сказал Джекоб и, направившись туда, где лежал Хьюго, подобрал трость, которой тот размахивал две минуты назад.

Пока Хьюго стонал у его ног, Джекоб рассмотрел трость, проведя рукой от одного ее конца до другого. Потом поднял над головой и обрушил на Хьюго — раз, другой, третий. За первым ударом последовал мучительный крик, за вторым — стон, за третьим — тишина.

— Ты его, случайно, не убил? — спросила Роза, подходя к Джекобу.

— Нет, конечно, я его не убил, — ответил тот, бросая трость рядом с ее хозяином. — Я хочу, чтобы он еще немного продержался.

Он присел на корточки рядом с лежащим без сознания человеком. С озабоченностью, которой мог бы посрамить любого врача, протянул руку и тыльной стороной ладони коснулся щеки Хьюго.

— Вы со мной, мой друг? — сказал он и потер щеку. — Хьюго, вы меня слышите?

Хьюго жалобно застонал.

— Будем считать, что это «да», хорошо? — спросил Джекоб.

Ответом ему был стон.

— План, значит, такой, — сказал Джекоб. — Мы скоро уйдем отсюда, и если не пригласим кого-нибудь вам помочь, то шансы, что вы умрете еще до рассвета, выше среднего. Вы понимаете, что я говорю? Кивните, если понимаете.

Хьюго едва заметно кивнул.

— Превосходно. Значит, все зависит от вас. Вы хотите умереть здесь, под звездами? Думаю, никто не пойдет этой дорогой до завтрашнего утра, так что это место будет принадлежать только вам.

Хьюго попытался что-то сказать.

— Извините, но я вас не понимаю. Что вы сказали?

Хьюго издал едва слышное рыдание.

— Ах, вот оно что... вы плачете. Роза, он плачет.

— Он не хочет оставаться здесь в одиночестве. Это ваша мужская беда, — посетовала Роза. — Вы часто становитесь словно малые дети.

Джекоб снова обратился к Хьюго:

— Вы это слышали? Она думает, будто мы малые дети. Она в этом мало смыслит. Она не знает, что нам приходится переживать. Вы не хотите оставаться здесь в одиночестве. Вы хотите, чтобы мы нашли телефон и позвонили кому-нибудь, чтобы за вами пришли?

Хьюго кивнул.

— Я это сделаю, мой друг, — сказал он. — Но в ответ и вы должны мне кое-что пообещать. Я хочу, чтобы вы ни единым словом не обмолвились об этом Уиллу. Вы меня понимаете? Если он придет к вам и вы скажете ему что-нибудь о нас, то ваши нынешние чувства — паника, одиночество — покажутся детскими игрушками по сравнению с тем, что мы с вами сделаем. Вы меня слышите? Детскими игрушками. Кивните, если поняли.

Хьюго кивнул.

— Прекрасно. Можете больше не думать об этом. Он... как вы его назвали? Самовлюбленный педераст? Вы явно не слишком большой его поклонник. Тогда как я... я ему предан. По-своему. Разве не странно? Я, конечно, не видел его тридцать лет, так что, возможно, мои чувства изменились...

Его голос замер. Он вздохнул и встал.

— Лежите и не двигайтесь, — посоветовала Роза. — Возможно, у вас сломаны ребра — вы же не хотите проткнуть себе легкие.

Она повернулась к Джекобу.

— Ну, ты идешь?

— Да. — Он посмотрел прямо в глаза Хьюго. — Наслаждайтесь звездами.

XVII

1

На следующее утро после любовного приступа Уилл проснулся на полу в гостиной, куда, очевидно, скатился с дивана и где устроил гнездо из одежды, которую сбросил ночью. Чувствовал он себя хуже некуда. Все тело болело, даже зубы и язык. Глаза горели в глазницах. Он поднялся — ноги держали не слишком надежно — и поплелся в ванную. Там Уилл сполоснул лицо холодной водой и посмотрел на себя в зеркало. Спокойствие и ясность, которые стали для него таким откровением накануне, исчезли. Лицо, на которое он смотрел, было неприглядно: бледная кожа, красные круги вокруг глаз, опухшие губы. Что он устроил? Уилл смутно помнил какие-то препирательства с Дрю, но понятия не имел, о чем шла речь, а тем более как все разрешилось, если только разрешилось. Он явно пустился во все тяжкие, и, судя по состоянию тела, гулянка была та еще. У него были царапины на спине и груди, следы укусов на плечах. А еще более очевидные свидетельства обнаружились между ног — член и мошонка были такими красными и кровоточащими, словно их терли наждаком.

— Вопрос номер один, — сказал он, разглядывая свой пах, — что за хренью мы занимались? И вопрос номер два кому, черт бы его драл, нужно приносить извинения?

Когда он решился наконец войти в спальню, его взгляду, конечно же, предстал хаос. В воздухе стоял запах тронутой гнилью пищи, застоялой блевотины, на полу был разбросан мусор.

Он стоял в дверях, разглядывая следы пиршества, и осколки мучительных воспоминаний о том, как закончилось празднество, складывались в его голове в нечто цельное. Вчера он полз на четвереньках по этому мусору? И блевал, как обожравшийся римлянин. Уилл вышел на лестничную площадку, где увидел кровь и битое стекло, — он порезал ногу, пробираясь сюда..

Что случилось потом? Мозг не хотел вспоминать. Уилл не искал ответы в своей памяти, он оставил эти фрагменты с мусором там, где они были, и, закрыв дверь в спальню, пошел в ванную. В этом была некая система, подумал он: спишь, пробуждаешься, принимаешь душ, пробуждаешься снова, будто цикл ежедневных дел использовал в своих целях Господин Лис. Хитроумный трюк: с помощью безопаснейших ритуалов домашней жизни вынудить его раскрыть свои мысли. Принятие душа оказалось делом довольно непростым: мыло и вода находили на его коже ссадины, которых он не заметил. Но, помывшись, Уилл почувствовал себя лучше. Он вытирался, когда услышал резкий стук в дверь. Обмотав полотенце вокруг бедер, он пошел к лестнице, стараясь не наступить на осколки. Стук повторился, и он услышал голос Адрианны:

— Эй, Уилл! Уилл? Ты дома?

— Я дома, — сказал он, открывая дверь.

— Твой телефон не работает. Я звонила беспрерывно целый час. Можно войти? — Она

оглядела его. — Ну, парень, кажется, ты погулял.

Он пошел на кухню, она следом.

— Что у тебя со спиной? — спросила она. — Нет-нет, можешь не отвечать.

— Ты хочешь кофе или?..

— Я приготовлю. Тебе нужно позвонить в Англию.

— Зачем?

— Что-то случилось с твоим отцом. Он жив, но что-то с ним случилось. Мне они не захотели рассказать.

— Кто тебе не захотел рассказать?

— Твои агенты в Нью-Йорке. Тебя, судя по всему, кто-то ищет. И этот кто-то позвонил им, они попытались найти тебя, но не смогли, поэтому позвонили мне, но и я не смогла тебя найти...

Она продолжала говорить, а Уилл вышел в гостиную, где обнаружил, что телефон отключен. Дело рук Дрю, чтобы никто не помешал им во время любовных утех. Уилл вставил шнур в розетку.

— Ты не знаешь, кто звонил?

— Кто-то по имени Адель.

— Адель?

— Слушаю.

— Это Уилл.

— Боже мой. Боже мой, Уилл. Я пыталась связаться с тобой...

— Да, я...

— Он в ужасном состоянии. Просто в ужасном.

— Что с ним случилось?

— Мы толком не знаем. То есть кто-то пытался его убить — это все, что нам известно.

— В Манчестере?

— Нет-нет, здесь. В полумиле от дома.

— Господи.

— Его безжалостно избили. У него сотрясение. Сломаны ребра и рука.

— Полиция знает, чьих это рук дело?

— Нет, но я думаю, сам он знает, только не говорит. Это странно. И это пугает меня... очень. Что, если тот, кто это сделал... — Ее голос потонул в рыданиях. — Кто это сделал, вернется... я просто не знаю, к кому еще обратиться... поэтому... я знаю, вы с ним давно не разговаривали... но, я думаю, ты должен его увидеть...

То, что она имела в виду, было совершенно очевидно, хотя она и не облекла это в слова она боялась, что Хьюго не выживет.

— Я приеду, — сказал Уилл.

— Приедешь?

— Конечно.

— Это замечательно. — Такая перспектива ее обрадовала. — Я понимаю, это может показаться эгоистичным с моей стороны, но ты снимаешь такой груз с моих плеч.

— Тут нет никакого эгоизма, — сказал Уилл. — Я сейчас же начну собираться, а как только прилечу в Лондон, позвоню вам.

— Сказать ему?

— Что я буду? Нет, думаю, не надо. Может, он и не захочет меня видеть. Пусть это будет сюрприз.

На этом разговор закончился. Уилл вкратце пересказал Адрианне то, что узнал, и попросил ее заказать билеты на самолет — ближайший рейс любой авиакомпании. Оставив ее на телефоне внизу, он пошел наверх собираться. Это, конечно, означало, что он должен вернуться в кавардак спальни, что не предвещало особого удовольствия. Он завернул остатки

еды в простыни, на которых они пиршествовали с Дрю, засунул все это в пластиковые мешки и вынес на лестничную площадку, чтобы потом унести вниз. Затем открыл окно, чтобы проветрить помещение, и, вытащив из шкафа чемоданы, стал складывать вещи.

Адрианна заказала билет на рейс из Сан-Франциско на вечер. Уилл должен был прилететь в аэропорт Хитроу на следующий день около полудня.

— Если не возражаешь, я бы хотела, пока тебя не будет, прийти и посмотреть те фотографии, что ты сорвал...

— «Чахоточники»?

— Да. Я знаю, ты думаешь, я спатила. Но из этих фотографий можно сделать книгу. Или по меньшей мере выставку.

— Бога ради. Сейчас я не хочу видеть ни одной фотографии. Они все твои.

— Ну, это, пожалуй, чересчур.

— Именно так я себя и чувствую — чересчур.

— Есть причины?

Тема была слишком серьезная, чтобы объяснять, даже если бы у него нашлись слова, в чем он сильно сомневался.

— Давай поговорим об этом, когда я вернусь, — сказал он.

— Ты надолго?

Уилл пожал плечами.

— Не знаю. Если он умирает, дождусь конца. Ведь это моя обязанность?

— Станный вопрос.

— Да. У нас странные отношения. Не забывай, мы десять лет не разговаривали.

— Но ты о нем говорил.

— Нет, не говорил.

— Поверь мне, Уилл, говорил. Обычно это были небрежные замечания, но я составила о нем достаточно полное представление.

— А знаешь, это чертовски интересная мысль. Я должен снять его. Сделать что-то такое, что сохранит его для последующих поколений.

— Человек, который был отцом Уилла Рабджонса.

— Нет-нет, — сказал Уилл, возвращаясь за камерой. — Это был не Хьюго.

А когда Адрианна спросила, кто же был его отцом, черт побери, если не Хьюго, Уилл, конечно, не ответил.

2

Перед отъездом в аэропорт он заехал к Дрю и Патрику. Перед этим несколько раз звонил Дрю, но тот не брал трубку, поэтому он взял такси и поехал к нему домой в Кумберленд. Сквозь прутья калитки он увидел на дорожке велосипед Дрю — почти стопроцентное доказательство, что хозяин дома, но сколько Уилл ни нажимал на кнопку звонка, никто не ответил. Он был готов к такому развитию событий — привез записку, которую сунул между калиткой и кирпичом. Всего три-четыре строчки, в которых он сообщал Дрю, что должен неожиданно вылететь в Англию и надеется на скорую встречу. После этого он вернулся в такси, которое должно было отвезти его на Кастро к Патрику. Здесь на звонок ответили, но не Патрик, а Рафаэль, который бешено чихал, глаза налились кровью.

— Аллергия? — спросил Уилл.

— Нет, — ответил Рафаэль. — Пат только что приехал из больницы. Плохие новости.

— Это Уилл? — раздался голос Патрика из гостиной.

— Прошу, — вполголоса сказал Рафаэль и исчез в кухне, продолжая чихать.

Патрик сидел перед окном (где же еще?), хотя города не было видно из-за тумана.

— Пододвинь стул, — сказал Патрик, и он так и сделал. — Вид испортился, ну да черт с

ним.

— Рафаэль сказал, ты был в больнице.

— Я ведь познакомил тебя на вечеринке с моим доктором? Франком Уэбстером? Такой невысокий с пузом. Злоупотребляет одеколоном. Так вот, сегодня утром я ездил к нему, и он сказал напрямик: он сделал все, что было в его силах. Я слабею, и он ничем не может мне помочь.

Из кухни донесся новый залп чиханий.

— Господи боже мой, бедняга Рафаэль. Стоит ему расстроиться, как он начинает чихать. Это продлится несколько часов. Я с ним и всей его семьей (у него три брата и три сестры) ездил на похороны его матушки, так они все чихают. Я ни слова не расслышал из того, что говорил священник.

Это все больше становилось похоже на одну из историй Патрика.

«Ну и слава богу», — подумал Уилл, потому что на лице Патрика появилась улыбка.

— Ты помнишь того хорошенького французика, с которым встречался Льюис? Мариуса? Ты с ним как-то раз перепихнулся.

— Ничего я не перепихнулся.

— Значит, ты был один такой. Но дело не в этом. Он начинал чихать, как только кончит. И чихал, и чихал, и чихал. Он у Льюиса чихнул и свалился с лестницы. Клянусь тебе.

— Ужасно.

— Ты мне не веришь.

— Ни одному слову.

Пат с ухмылкой посмотрел на Уилла.

— Итак, — сказал он, — чему я обязан удовольствию видеть тебя?

— Ты мне рассказывал о Уэбстере.

— Это может подождать. У тебя такое целеустремленное выражение лица. Что произошло?

— Мне нужно лететь в Англию. Самолет сегодня вечером.

— Неожиданно.

— У отца проблемы. Кто-то его избил.

— В день преступления ты был здесь, — сказал Патрик. — Я готов подтвердить твоё алиби под присягой.

— Его серьезно избили, Пат.

— Насколько?

— Не знаю. Выясню, когда прилечу. Вот такая у меня история. А теперь вернемся к Уэбстеру.

Патрик вздохнул.

— У меня с ним сегодня состоялся откровенный разговор. Он очень старался. Если появляются какие-то новые средства, мы всегда в курсе. Но... — Он пожал плечами. — Видимо, мы исчерпали все возможности.

Он снова посмотрел на Уилла.

— Дело дрянное, Уилл. Болезнь. Мы все на это насмотрелись и знаем, как оно бывает. Но со мной этого не случится.

Судя по всему, Патрик был готов сражаться до конца, но в его голосе сквозило, что он смирился с поражением.

— Пару ночей назад мне приснился сон. Я был в лесу, в темном лесу. И совсем раздетый. Но ничего сексуального. Просто раздетый. И я знал, что все эти штуки ползут на меня. Некоторые нацелились на мои глаза. Другие — на мою кожу. Каждый хотел получить кусочек. Проснувшись, я подумал: не допущу, чтобы это случилось. Не буду сидеть и смотреть, как меня разбирают на кусочки.

— Ты говорил об этом с Бетлинн?

— О разговоре с Франком — нет. У меня встреча с ней завтра днем. — Он откинул голову на подголовник и закрыл глаза. — Тебе будет приятно узнать: мы много говорили о

тебе. До знакомства с тобой она тебя всегда так точно чувствовала. Теперь от нее не будет пользы. Как и от всех, кто без толку пытался сообразить, что тобою движет.

— Ну, это не такая уж тайна, — сказал Уилл.

— В ближайшее время, — лениво заметил Патрик, — мне будет ослепительное откровение о тебе, и все сразу встанет на свои места. Почему мы оставались вместе. Почему расстались.

Он открыл один глаз и, прищурившись, посмотрел на Уилла.

— Ты, кстати, был вчера в «Кающемся грешнике»?

Уилл не был уверен.

— Может быть, — сказал он. — А что?

— Приятель Джека сказал, что видел, как ты выходил оттуда, и вид у тебя был такой, будто ты только что сильно напроказил. Я, конечно, защитил твою честь. Но ведь это был ты?

— Откровенно говоря, не помню.

— Ой-ой, что-то я не часто слышу такие слова в последнее время. Все стали такие чистые и трезвые. Значит, не помнишь? Уилл, ты ископаемое. Хомо Кастро образца тысяча девятьсот семьдесят пятого года. — Уилл рассмеялся. — Примитивная обезьяна с прущим наружу либидо и постоянно масляным выражением лица.

— Да, случались безумные ночи.

— Определенно случались, — грустно сказал Патрик. — Но я не хочу повторения. А ты?

— Честно?

— Честно. Со мной такое случалось, и это было здорово. Но сейчас все прошло. По крайней мере, для меня. Теперь я образую связи с чем-то другим.

— И как ты себя при этом чувствуешь?

Глаза Патрика снова были закрыты, голос звучал ровно.

— Замечательно, — сказал он. — Иногда я чувствую, что Бог где-то рядом. Подле меня.

Он замолчал — такое молчание обычно предвещает нечто важное. Уилл тоже молчал — ждал, что дальше. Наконец Патрик сказал:

— У меня есть план, Уилл.

— Какой?

— План на тот случай, если болезнь совсем меня одолеет.

И снова молчание. Уилл ждал.

— Я хочу, чтобы ты был здесь, Уилл, — сказал Патрик. — Хочу умереть, глядя на тебя. И чтобы ты смотрел на меня.

— Тогда так оно и будет.

— А может, и нет, — сказал Патрик ровным и спокойным голосом, но за опущенными веками собирались слезы и бежали по щекам. — Ты можешь оказаться где-нибудь в центре Серенгети.¹ Кто знает? Может, ты все еще будешь в Англии.

— Не буду...

— Ш-ш-ш. Позволь мне договорить. Я не хочу, чтобы кто-то тебе рассказывал, что тут было и чего не было, а ты не знал, верить или нет. Поэтому я хочу, чтобы ты знал: я собираюсь умереть так же, как жил. С удобствами. В здравом уме. Джек меня поддерживает. И конечно, Рафаэль. И, как я уже сказал, я хочу, чтобы и ты был здесь.

Он замолчал, вытер слезы со щек тыльной стороной ладоней и продолжал говорить в той же сдержанной манере:

— Но если тебя не будет... Если случится какая-то неувязка, если Рафаэль и Джек попадут в какую-нибудь историю... Мы пытаемся закрыть все юридические проблемы, чтобы ничего такого не случилось, но вероятность все равно остается... Я хочу быть уверенным, что ты все это разрулишь. Ты дока в таких делах. Тебя на мякине не проведешь.

— Я сделаю все, чтобы не было никаких проблем, не волнуйся.

— Хорошо. Ты снимаешь гору с моих плеч. — Не открывая глаз, он протянул руку и

¹ Система национальных парков в Восточной Африке.

безошибочно нащупал руку Уилла. — Ну как я держусь?

— Великолепно.

— Не люблю плакс.

— Тебе можно.

Последовала пауза. Теперь, когда вопрос был решен, уже не такая мучительная.

— Ты прав, — сказал наконец Патрик. — Мне можно.

Уилл бросил взгляд на часы.

— Мне пора, — сказал он.

— Ступай, милый. Ступай. Я не буду вставать, если не возражаешь. Я чувствую слабость.

Уилл подошел и обнял его прямо на стуле.

— Я тебя люблю, — сказал он.

— И я тебя. — Он вцепился в руки Уилла и с силой сжал их. — Ты ведь это знаешь. То есть для тебя это не пустые слова?

— Да, знаю.

— Жаль, что так мало времени, Уилл...

— И мне жаль, — сказал Уилл. — Мне о многом нужно тебе рассказать, но боюсь опоздать на самолет.

— Нет, Уилл, я хочу сказать, мне жаль, что так мало времени мы пробыли вместе. Жаль, что не узнали друг друга лучше.

— У нас еще будет время.

Патрик еще секунду не выпускал рук Уилла.

— Недостаточно.

Он неохотно разжал пальцы и отпустил его.

Часть пятая ОН НАЗЫВАЕТ ТАЙНУ

I

1

Домой в Англию на излете лета. Августовские звезды уже попадали, а скоро за ними последуют и листья. Страсть и старость торопятся одна за другой.

С возрастом ты вдруг обнаруживаешь, что годы летят быстрее, сказал ему сто лет назад Марчелло, старая мудрая королева из бара «Дружки» в Бостоне. Уилл тогда, конечно, не поверил. И только в тридцать один или в тридцать два понял, что в этом наблюдении есть зерно истины. В конечном счете время не на его стороне; оно сезон за сезоном, год за годом набирало скорость. Он и оглянуться не успел, как ему исполнилось тридцать пять, а там уже и сорок на носу; если в юности он думал, что участвует в марафонском забеге, то теперь выяснилось, что он таинственным образом стартовал на стометровку. Исполненный решимости добиться серьезных успехов, прежде чем гонка закончится, он каждую минуту жизни отдавал фотографии, но это было слабое утешение. Публиковались книги, вырезались и подшивались рецензии, а животные, которых он видел в их последние дни, попадали в руки таксидермистов. Повернуть жизнь назад невозможно. Разные вещи уходили из нее и не возвращались: виды, надежды, годы.

И все же, когда одолевала скука, он был готов с легким сердцем разбазаривать часы своей жизни. Сидя в первом классе лайнера, выполняющего одиннадцатичасовой перелет, он сто раз желал, чтобы это скорее кончилось. Он захватил целую сумку книг, включая томик стихов Льюиса, который тот раздавал на вечеринке у Патрика, но больше чем на две-три

страницы его не хватало. Одно из коротких стихотворений заинтриговало его — в основном потому, что он не мог понять, кому оно, черт побери, посвящено.

Теперь, когда от яростного братства нашего нет и следа,
я словно во вспышке молнии вижу все
те мучения, что мы могли бы принести друг другу,
продлись наша любовь еще хоть день.

Отчетливо слышался голос Льюиса. Все его любимые темы — боль, братство и невозможность любви — в четырех строках.

Прилетел он в полдень. Был душный, безветренный день, и это тоже угнетало. Он получил багаж, взял без проблем машину в аренду, но стоило выехать на дорогу, как он пожалел, что не нанял еще и водителя. После двух почти бессонных ночей все тело болело и настроение было паршивое. В течение первого часа четырехчасового пути на север он несколько раз чудом избежал столкновения, причем во всех случаях виноват был бы он. Уилл остановился выпить кофе, принять аспирин и размяться. Жара постепенно спадала, он услышал, как кто-то говорил, что за Бирмингемом собирается дождь и худшее еще впереди. Его это устраивало — хороший ливень принесет прохладу.

В машину он вернулся ожившим, и следующая часть пути прошла без приключений. Движение становилось все реже, прошел дождь, и хотя вид из окна автомобиля редко ласкает взгляд, временами он достигал истинно английского изящества. Мирные холмы, поросшие травкой или редкими деревцами, торчали над глинистой долиной; комбайны, срезая и молотя колосья, поднимали в полях охряную пыль. А время от времени возникали более величественные пейзажи: обожженная солнцем скала на фоне мрачного неба; радуга, вставшая над заливными лугами. Почему-то это напомнило ему о часах, проведенных на Спрюз-стрит, когда он делал открытия, преодолевая два последних квартала до дома Бетлинн. Здесь, слава богу, ничто не отвлекало его с такой силой, но возникло похожее ощущение, будто он стал видеть яснее, а знакомые пейзажи стали четче, чем когда-либо. Сохранится ли такое зрение, когда он доедет до Бернт-Йарли, спрашивал он себя. И очень надеялся на это. Он хотел увидеть это место обновленным, если такое возможно, а потому не позволял себе торопить события, сосредотачиваясь на том, что было перед глазами: дорога, небо, убегающий назад ландшафт.

Но когда он свернул с шоссе в холмы, делать это стало труднее. Тучи разошлись, и, словно по команде, солнце озарило склоны, свет был такой прекрасный, что слезы наворачивались на глаза. Уилла поразило, что, после того как он проложил столько дорог, отделивших его сердце от духа этого места, после того как два десятилетия подавлял в себе любые сантименты, красота этого места его все еще трогала. Тучи рассеялись, и солнце золотыми лучами осенило это лоскутное одеяло. Он проезжал мимо деревень, которые теперь были знакомы ему только по названию. Херрикстейт, Рэдлсмур, Кемпс-Хилл. Он знал серпантины и повороты дороги, знал, где она выведет туда, откуда можно будет восхититься рощей платанов, рекой и складками холмов.

Неминуемо надвигались сумерки, уходящее солнце еще освещало вершины холмов, но долины, по которым он ехал по петлявшей дороге, уже погружались в синевато-серую темноту. Это был ландшафт его воспоминаний, и час тоже был ему памятен. Ничто вокруг не имело резких очертаний. Формы были затуманены и не поддавались определению. Что это там — овца или камень? Заброшенный дом или несколько деревьев?

Единственная его уступка пророчеству была в том, что он подготовился к потрясению при въезде в Бернт-Йарли, но оказалось, в этом не было нужды. Изменения почти не затронули деревню. Почту перестроили, несколько домов подновили; там, где раньше стоял бакалейный магазин, теперь был небольшой гараж. Все остальное казалось знакомым в свете фонарей. Он доехал до моста и остановился на несколько минут. Вода в реке стояла высоко, выше, чем ему когда-либо приходилось видеть. Появилось горькое искушение выйти из

машины и немного посидеть здесь, прежде чем проехать последнюю милю. Может, даже сдать назад на три сотни ярдов и подкрепиться пинтой «Гиннеса». Но он справился с собственной трусостью (а это была трусость) и, помедлив у реки, поехал к дому.

2

Дом? Нет, это никогда не было его домом. Но каким словом можно назвать место, из которого он убежал когда-то? Возможно, это и был дом, по крайней мере для такого человека, как он: надежное, неизменное пристанище, откуда вели все дороги.

Он еще не успел выйти из машины, а Адель уже открывала дверь. Она услышала шум мотора, сказала она, и слава богу, что он приехал, ее молитвы услышаны. По тому, как она сказала это (и повторила), он решил, что Адель говорит в буквальном смысле: она действительно молилась, чтобы он побыстрее и благополучно добрался. Теперь он здесь, и у нее есть для него хорошие новости. Жизнь Хьюго вне опасности. Он идет на поправку, говорят доктора, хотя ему и придется пробыть в больнице еще не меньше недели.

— Ну, он стойкий оловянный солдатик, — с нежностью сказала Адель.

Она неторопливо хлопотала на кухне, готовя Уиллу сэндвич с ветчиной и чай.

— А вы как поживаете? — спросил Уилл.

— Несколько ночей не спала, — призналась она почти виновато, словно не имела права на бессонницу.

Выглядела Адель усталой. Она не была той энергичной, прагматичной йоркширкой, что двадцать пять лет назад. Хотя, как он думал, ей еще не исполнилось семидесяти, выглядела она старше, двигалась неуверенно, часто не могла подыскать нужные слова. Она не сказала Хьюго о приезде Уилла («А вдруг ты передумал бы в последнюю минуту», — объяснила она). Но доктору она сказала, и тот разрешил приехать в больницу и повидать Хьюго сегодня вечером, хотя часы приема уже закончатся.

— С ним было трудно, — через силу выговорила Адель. — Он сам по себе. Но умеет погладить против шерсти, здоровый или больной. Это доставляет ему удовольствие.

— Сочувствую, что вам пришлось одной с ним возиться. Я знаю, с ним бывает нелегко.

— Ну, если б это было не так, — отозвалась она почти снисходительно, — то он не был бы тем, кто он есть, и я бы его не любила. Так что с этим я мирюсь. Ведь на самом деле это все, что нам остается.

Это была простая мудрость. Не бывает безупречных отношений. Но если любишь, тянешь лямку.

Адель настояла, что сама поведет машину, — сказала, что знает дорогу и так они доберутся быстрее. Ехала она, конечно, со скоростью черепахи, и на месте они были уже почти в половине десятого. Конечно, по стандартам внешнего мира — достаточно рано, но больницы — это автономные царства со своим временем, и по здешним меркам, что половина десятого, что два часа ночи — одинаково. В пустых коридорах было тихо, палаты погружены во тьму.

Однако сестра, проводившая Уилла и Адель в палату Хьюго, оказалась разговорчивой, и ее голос звучал слишком громко в этой тишине.

— Когда я в последний раз к нему заглядывала, он не спал, но кто знает, что сейчас. От болеутоляющего может и сморить. Так вы, значит, его сын?

— Да.

— Ага, — сказала она с почти застенчивой улыбкой. — Он иногда говорит о вас. Ну, вообще-то бредит. Но он так хотел вас видеть. Ведь вы Натаниэль?

Ответа она ждать не стала — рассказала, как Хьюго перевели в палату на двоих, потом человека, с которым он лежал, выписали, так что он теперь один, и это замечательно. Уилл пробормотал, что это просто здорово.

— Ну, вот мы и пришли. — Дверь была приоткрыта. — Хотите войти и сделать сюрприз?

— Да нет, — ответил Уилл.

У сестры был несколько озадаченный вид, потом она решила, что не расслышала, и с глупой улыбкой пошла прочь по коридору.

— Я подожду здесь, — сказала Адель. — Эти минуты должны быть только вашими.

Уилл кивнул и, шагнув за порог, через двадцать один год снова оказался в обществе отца.

II

Рядом с кроватью горел ночник, слабый свет отбрасывал на стену монументальную тень Хьюго. Он с закрытыми глазами полулежал на горе подушек.

У Хьюго была ухоженная окладистая борода. Длиной добрых десять дюймов, аккуратно подстриженная и расчесанная в подражание великим покойникам: Канту, Ницше, Толстому. Это были умы, по которым Хьюго мерил современную философскую мысль, современное искусство и приходил к выводу об их ущербности. Борода была скорее седая, чем черная, а от уголков рта сбегали совсем белые пряди, словно Хьюго ел сметану. Волосы, напротив, были коротко острижены и зачесаны назад, что подчеркивало форму черепа, похожего на купол римского храма. Уилл смотрел на отца, думая о том, что он выглядит как диктатор. Потом губы Хьюго шевельнулись, и он едва слышно сказал:

— Значит, ты вернулся.

Глаза его открылись и нашли Уилла, сделав знак приблизиться.

— Дай-ка я на тебя посмотрю.

Уилл покорно шагнул на свет.

— Годы тебя не пощадили. Это солнце виновато. Уж если шляешься по миру, носи шляпу.

— Я это запомню.

— Где ты скрывался на этот раз?

— Я не скрывался, па. Я...

— Я думал, ты совсем меня бросил. Где Адель? Она здесь? — Он потянулся за очками на ночном столике, но неловко сбросил их на пол. — Чертовы очки.

— Они целы, — сказал Уилл, поднимая очки с пола.

Хьюго надел их одной рукой. Уилл знал, что помогать ему не надо.

— Где она?

— Ждет у двери. Она хотела дать нам несколько драгоценных минут.

И теперь, как ни удивительно, Хьюго не смотрел на Уилла — изучал складки на одеяле, морщины на руках. Вид у него был совершенно отсутствующий.

— Драгоценных минут? — переспросил он. — Это американизм?

— Вероятно.

— И что же он означает?

— Боже мой... — вздохнул Уилл. — С места в карьер...

— Нет-нет, мне просто интересно, — сказал Хьюго. — Драгоценные минуты.

Он вытянул губы.

— Глупое выражение, — сдался Уилл. — Не знаю, почему оно пришло мне в голову.

Хьюго, почувствовав себя в безвыходном положении, уставился в потолок.

— Может, позовешь сюда Адель? Мне нужно, чтобы она привезла кое-какие туалетные принадлежности...

— Кто это сделал?

— ...зубную пасту и еще кое-что...

— Папа, кто это сделал?

Хьюго помолчал, губы его шевелились, словно он жевал хрящик.

— С чего ты решил, что я знаю? — спросил он.

— Зачем все время возражать? Мы не на занятиях. И я не твой ученик. Я твой сын.

— Почему ты так долго не возвращался? — спросил Хьюго, снова посмотрев на Уилла.

— Ты ведь знал, где меня найти.

— Ты был бы рад моему приезду?

Хьюго не отвел глаза.

— Может, не столько я, — четко выговорил он. — Мать очень расстраивало твое молчание.

— Элеонор знает, что ты здесь?

— С какой стати я стал бы ей сообщать? И Адель вряд ли это сделала. Они друг дружку ненавидели.

— Может, стоит ей сказать?

— Зачем? — резонно возразил Хьюго. — Я не хочу ее здесь видеть. Между нами не осталось любви. У нее своя жизнь. У меня своя. Единственное, что у нас общего, это ты.

— Ты говоришь это, словно обвиняешь.

— Нет. Просто ты так слышишь. Некоторые дети скрашивают неудачные браки. Но ты не из таких. Я тебя в этом не виню.

— Так мы вернемся к тому, о чем я спросил?

— О чем?

— Кто это сделал?

Хьюго снова стал смотреть в потолок.

— Я читал твою статью в «Таймс» года полтора назад...

— Что с тобой, черт возьми?..

— ...что-то о слонах. Это ты написал?

— Подписано моим именем.

— Я думал, может быть, это сделал за тебя какой-нибудь писака. Полагаю, ты думал, что создаешь нечто поэтическое, но, боже мой, как ты мог поставить свое имя под этой писаниной?

— Я описывал то, что чувствовал.

— Ну конечно, — сказал Хьюго устало и обреченно. — Если ты так чувствуешь, значит, это истина.

— Я тебя разочаровал.

— Нет-нет. Я никогда не питал надежд в отношении тебя, как же я могу разочароваться?

В его словах была такая безмерная горечь, что у Уилла перехватило дыхание. Все это не имеет значения. Все в конечном счете дерьмо собачье.

— Правда?

— Господи боже мой, да. — Он посмотрел на Уилла с напускным удивлением. — Разве не об этом ты вопил все эти годы?

— Я не воплю.

— Как ни назови. Для большинства это негромкий визг. Может, поэтому он и не дает результата. Может, поэтому твоя возлюбленная мать-земля...

— Пусть она идет в задницу...

— Нет, сначала ты, я настаиваю.

Уилл, уступая, поднял руки.

— Хорошо, ты победил, — сказал он. — У меня нет желания с тобой препираться. Поэтому...

— А, брось.

— Я позову Адель, — закончил разговор Уилл, отворачиваясь от кровати.

— Подожди...

— Чего ждать? Я приехал не для того, чтобы выслушивать твои иронические замечания. Если не хочешь говорить мирно, давай вообще не будем разговаривать.

Он был почти у двери.

— Подожди, я сказал, — потребовал Хьюго.

Уилл остановился, но оборачиваться не стал.
— Это был он, — сказал Хьюго очень тихо.
Уилл бросил взгляд через плечо. Отец снял очки и смотрел куда-то перед собой.
— Кто?
— Не будь таким тупым, — устало сказал Хьюго. — Ты знаешь кто.
Уилл почувствовал, как сердце забилось сильнее.
— Стип? — спросил он.
Хьюго не ответил. Уилл повернулся лицом к кровати.
— Это сделал с тобой Стип?
Молчание. А потом — еле слышно, едва не с почтением:
— Это твоя месть. Радуйся.
— На кой черт?
— На тот, что больше у тебя такой возможности не будет.
— Я спрашиваю, на кой черт ты ему сдался?
— Ах, это. Чтобы добраться до тебя. Почему-то для него это важно. Он признался в любви к тебе. Можешь делать с этим что хочешь.
— Почему ты не сообщил полиции? Ты должен был им сказать.
Хьюго заговорил, только когда Уилл вернулся к кровати.
— А что я должен был им сказать? Я не хочу быть замаранным и самой малой частью этой... связи... между тобой и этими существами.
— В этих отношениях нет ничего сексуального, если ты этого боишься.
— Мне плевать на твои предпочтения в спальне. *Humanī nil a me alienum puto*. Теренций...
— Я знаю эту цитату, па, — устало сказал Уилл. — «Ничто человеческое мне не чуждо». Но она не имеет отношения к данному случаю.
Хьюго прищурил опухшие глаза.
— Ты ведь ждал этого момента? — сказал он, скривив губы. — Ты чувствуешь себя хозяином положения. Приехал сюда, делаешь вид, будто хочешь помириться. Но на самом деле тебе нужна месть.
Уилл открыл было рот, чтобы возразить, но передумал и сказал правду:
— Может быть, ты в чем-то прав.
— Так что твое время наступило, — сказал Хьюго, уставясь в потолок. — Ты прав. Теренций тут ни при чем. Эти... существа, они не люди. Ну вот. Я и сказал. Пока лежал здесь, много думал о том, что это значит.
— И?
— В конечном счете ничего особенного это не значит.
— Думаю, ты ошибаешься.
— Ну конечно, что еще ты мог сказать.
— Во всем этом есть нечто необычное. Ожидание в конце.
— Как человек, который ждет конца, я не вижу в этом ничего, кроме унылого существования и застарелой боли. Кто бы они ни были, они не ангелы. И не покажут тебе чудес. Переломают кости, как переломали мне.
— Может, они не знают, кто они на самом деле, — ответил Уилл, осознавая в этот момент, что в этом-то и заключается суть того, во что он верил. — О господи, — пробормотал он словно самому себе. — Да. Они знают, кто они такие, не больше, чем мы.
— Это какое-то откровение? — сказал Хьюго самым ироничным тоном, на какой только был способен.
Уилл не стал отвечать на этот циничный вопрос.
— Ну? — настаивал Хьюго. — Откровение? Потому что если ты что-то о них знаешь, то я — нет. И хочу услышать, что тебе известно.
— Какая разница? К тебе это не имеет ни малейшего отношения.
— Разница в том, что у меня будет больше шансов выжить, когда я встречу их в

следующий раз, потому что буду знать, с чем имею дело.

— Больше ты их не увидишь, — сказал Уилл.

— Ты говоришь это так уверенно.

— Ты сказал, что Стипу нужен я, — ответил Уилл. — Я упрощу ему задачу. Сам пойду к нему.

На лице Хьюго появилось выражение непритворной тревоги.

— Он тебя убьет.

— Это будет не так-то просто.

— Ты не знаешь, что он собой представляет..

— Знаю. Можешь мне поверить. Прекрасно знаю. Мы провели вместе последние тридцать лет. — Он прикоснулся к виску. — Он обитал в моей голове, а я — в его. Как русские матрешки.

Хьюго посмотрел на сына, на его лице снова появилось испуганное выражение.

— И откуда ты такой взялся на мою голову? — сказал он, глядя на Уилла, словно перед ним была ядовитая змея.

— Полагаю, благодаря зачатию, отец.

— Господь знает, я пытался наставить тебя на путь истинный. Но теперь вижу: у меня не было ни малейшего шанса. Ты с самого начала был поражен до глубины твоей ничтожной душонки гомосексуализмом, безумием, извращением.

— Гомосексуалом я был еще во чреве, — спокойно заметил Уилл.

— И не говори об этом с такой чертовой гордыней!

— А, так вот оно — худшее из зол, — возразил Уилл. — Я гомосексуалист — и мне это нравится. Я безумен — и меня это устраивает. И я до глубины своей ничтожной душонки извращенец, потому что я умираю и претворяюсь в нечто новое. Ты этого еще не понял. И возможно, никогда не поймешь. Но именно это и происходит.

Хьюго смотрел на Уилла не отрываясь. Он так сжал губы, что, казалось, больше никогда не произнесет ни слова. И уж точно ни слова не скажет Уиллу. Но этого и не потребовалось, по крайней мере сейчас, потому что раздался тихий стук в дверь.

— Можно? — спросила Адель, просовывая голову в палату.

— Заходите, — разрешил Уилл и перевел взгляд на Хьюго. — Воссоединение семейства в основном закончилось.

Адель подошла к кровати и поцеловала Хьюго в щеку. Он принял поцелуй молча, не сделав ответного движения, что совсем не огорчило Адель..

«Сколько раз она его так целовала?» — подумал Уилл.

Хьюго принимал ее поцелуи как должное.

— Я принесла тебе зубную пасту, — сказала она, роясь в сумочке.

Положила тюбик на тумбочку у кровати. Уилл увидел яростный огонек в глазах отца — естественно, его поймали на склерозе: он собирался попросить то, что уже просил. Адель ни о чем таком не подозревала — Уилл видел, как она счастливо болтает в присутствии Хьюго, как рада за ним ухаживать, разглаживать простыни, подбивать подушки, хотя он не выказывал ни малейшей благодарности.

— Ну, я вас оставляю, — сказал Уилл. — Пойду покурю. Буду ждать вас в машине, Адель.

— Хорошо, — сказала она, погруженная в заботы о предмете своей любви. — Я быстро.

— Счастливо, па, — сказал Уилл.

Он не ждал и не получил ответа Хьюго снова изучал потолок остекленевшим взглядом человека, у которого на уме более важные мысли, чем о своем ребенке, которому лучше бы и не родиться.

Уйти из палаты было все равно что оставить поле боя. Исход стычки оставался неясен, но каким бы мучительным ни был состоявшийся разговор, он заставил Уилла облечь в слова мысль, которая не имела или почти не имела смысла до событий последних дней: Джекоб и Роза, невзирая на все их необыкновенные качества, не знают самих себя. Они не знают, кто они и что они. Те «я», которым приписывались их деяния, были вымыслом. Он начал верить, что в этом и состоит загадка их мучительных взаимоотношений со Стипом. Джекоб являлся не одним человеком, а многими. Не многими, а никем. Он порождение фантазии Уилла, точно так же, как Уилл и Господин Лис — создания Стипа. Процессы творения, возможно, были разные, но факт остается фактом. А эта мысль неизбежно порождала еще одну загадку: если в этом кружке не было никого, кто тем или иным образом не зависел бы от воли другого, то можно ли сказать о них, что они разделяемые существа, или же они — один беспокойный дух: Стип Отец, Уилл Сын, Господин Лис нечистый дух? В таком случае роль Девы Матери отводилась Розе, и это несколько кощунственное предположение вызвало у него улыбку.

Бредя по унылым коридорам к выходу, Уилл понял, что Стип с самого начала признался: он не ведает своих корней. Разве он не говорил о себе как о человеке, который не помнит родителей? А позднее, рассказывая об озарении, он создал идеальный образ собственного исчезновения: его тело терялось в водах Невы; Джекоб в волке, Джекоб в дереве, Джекоб в птице?..

Под открытым небом стало прохладно, воздух был прозрачный и чистый. Уилл закурил и стал размышлять, что делать дальше. Часть того, что говорил Хьюго, не лишена смысла. Стип теперь и в самом деле опасен, и Уилл должен быть настороже, имея с ним дело. Но он не мог поверить, что Стип просто хочет его убить. Они слишком тесно связаны, их судьбы переплелись. Это произошло не по желанию Уилла — подтверждением были собственные слова лиса. Если в странном кружке это животное было агентом Стипа (а Уилл в этом не сомневался), то оно выражало его надежды. А когда животное говорило об Уилле как о своем освободителе, то разве за этим не скрывалось пожелание Уиллу раскрыть загадку происхождения Джекоба и Розы?

Он закурил вторую сигарету, а когда закончилась и она, зажег третью — он отчаянно нуждался в никотиновой эйфории, чтобы мысли прояснились. Уилл знал, что единственный способ разрешить загадку — это поговорить со Стипом откровенно. Отправиться к нему, как он сказал Хьюго, и молиться, чтобы стремление Стипа к самопознанию перевесило его страсть к убийству. Уилл знал эту страсть, знал, как пролитая кровь обостряет чувства. Та самая рука, что держала сейчас сигарету, когда-то загоралась, сжимая нож. Радовалась злу, которое способна причинить. Он и сейчас мог представить тех птиц, как они сидели нахохлившись в развилке замерзших ветвей, как мигали глазами-бусинками...

«Они видят меня».

«А ты тоже смотри на них».

«Я смотрю».

«Обездвижь их взглядом».

«Я обездвиживаю».

«А теперь кончай дело».

Он почувствовал, как дрожь удовольствия прошла по спине. Даже по прошествии стольких лет, повидав много такого, что по жестокости и масштабу далеко превосходило эти маленькие убийства, совершенные им самим, он продолжал чувствовать запретное наслаждение. Но были и другие воспоминания, по-своему не менее сильные. Теперь он вызвал одно из них и поставил между собой и ножом: Томас Симеон, который стоит посреди распустившихся бутонов и протягивает один-единственный лепесток.

«У меня здесь святая святых, Ковчег Завета, Чаша Грааля, сама Великая тайна — вот здесь, на кончике мизинца. Посмотри!»

Ведь это тоже было частью загадки. Не метафизические идеи Симеона, а суть более простого разговора между этими двумя. Отказ Симеона вернуться в общество Рукенау, несмотря на все попытки Джекоба; обещание, данное Стипом, защищать художника от его

патрона; разговор о демонстрации силы между Рукенау и Стипом, завершившийся, насколько помнил Уилл, такими благородными, беззаботными словами о независимости от Стипа. Что он тогда сказал? Что-то о том, что не знает, кто его создал? Он снова уперся в то же самое: в это признание. Воспоминания Уилла о разговоре между Стипом и Симеоном были куда обрывочнее, чем память о ноже, но создалось впечатление, что Рукенау в отличие от Розы и Джекоба знал об их происхождении. Верны ли его воспоминания?

Уилл начал жалеть, что не может вызвать Господина Лиса и расспросить его. Нет, он не считал, что это существо знает ответы на вопросы о Рукенау; в это он не верил. Но язвительные манеры и туманные замечания сделали лиса в глазах Уилла чем-то вроде лакмусовой бумажки, с помощью которой он может проверить свои предположения.

«Это свидетельствует об отчаянии, — подумал Уилл. — Если человек обращается за советом к воображаемой лисе, значит, с ним не все в порядке».

— Ты тут не замерз?

Он повернулся и увидел Адель, которая шла к нему по парковке.

— Я в порядке, — сказал он. — Как там Хьюго?

— Устроен на ночь, — сказала она, довольная тем, что хорошо подоткнула под Хьюго одеяло.

— Пора домой?

— Пора домой.

Мысли его были заняты другим, и по пути к дому он не мог поддерживать разговор с Аделью, но она как будто и не возражала. Адель блаженно болтала о том, что Хьюго стало гораздо лучше, чем вчера, что он всегда был такой крепкий (даже и не простужался почти). И он быстренько выздоровеет, Адель в этом не сомневалась, в особенности когда она заберет его домой, где ему будет удобнее и где она сможет за ним ухаживать. В больнице все чувствуют себя не в своей тарелке. Да что говорить, даже ее подружка, которая работала медсестрой, говорила, что нет хуже места, где болеть, чем больница, там даже воздух насыщен микробами. Нет, дома ему будет гораздо лучше, тут его книги, виски и удобная кровать.

Дорога домой вела через Халлардс-Бек, где на протяжении двух миль она шла вдоль унылых вересковых пустошей. Здесь не было ни огней, ни жилищ, ни деревьев. Адель болтала о Хьюго, а Уилл смотрел в темноту, спрашивая себя не без холодка виноватого удовольствия, далеко ли сейчас Роза и Джекоб. Может быть, где-то здесь, в ночи: Роза охотится на зайцев, а Джекоб разглядывает затянутое тучами небо. Им не нужно спать по ночам, они не испытывают усталости, свойственной обычным мужчинам и женщинам. Они не увянут, не потеряют своего странного совершенства. Они принадлежат тому виду или состоянию, которое каким-то неведомым образом противится недугам и даже смерти.

Он должен их бояться, потому что незащищен перед ними. Но Уилл не боялся. Некоторое беспокойство он испытывал, но не страх. И, несмотря на все его размышления на парковке, несмотря на все вопросы без ответов, в каком-то уголке сердца он находил странное удовольствие в том, что загадка так сложна. Внутренний голос подсказывал, что раскрытие тайны, которая лежит в начале его жизни, не принесет радости, если она настолько банальна, что даже его заурядный ум может ее разгадать. Может быть, лучше умереть в сомнениях, зная, что остается непонятое откровение, чем преследовать прозаическую банальность и осознать ее.

IV

Спал он без сновидений в той самой комнате с потолочными балками, которая когда-то

была его спальней. На окне висели новые занавески, а на полу лежал новый коврик, в остальном же комната практически не изменилась. Тот же шкаф с зеркалом на внутренней стороне двери — с тем самым зеркалом, в котором он бесчисленное количество раз наблюдал, как его детские черты сменяются юношескими, разглядывал появляющиеся на теле волосы, восхищался способностью своего члена становиться твердым. Тот же комод, в котором он держал маленькую коллекцию журналов с фотографиями атлетов (украденных в газетном киоске в Галифаксе). Та же кровать, на которой он вдыхал жизнь в фотографии и мечтал, чтобы эти тела вживую оказались с ним рядом. Короче говоря, это было место его сексуального взросления.

У этой истории была и еще одна часть, пусть и малая, но она напомнила о себе на следующее утро.

— Ты помнишь моего сына, Крейга? — спросила Адель, вынуждая человека, который что-то делал под раковиной, выглянуть и сказать: «Привет».

Конечно, Уилл помнил его. Крейг являлся ему в снах, когда он лежал в коме: потливый парнишка, который на несколько часов разбудил в одиннадцатилетнем Уилле чувство, которому он не мог дать названия. Конечно, это было желание. Но то, что какое-то время казалось привлекательным в Крейге-мальчишке, — его ухмылка, потливость, избыточный вес, — теперь утратило обаяние. Он пробормотал неразборчивое приветствие.

— Крейг выполняет в деревне разовые работы, — сообщила Адель. — Водопроводные, кровельные. У него свой маленький бизнес, верно я говорю?

Крейг опять пробормотал что-то. Странно было видеть, как этот взрослый мужчина (на целый фут выше Адели) переминается с ноги на ногу и краснеет, пока матушка перечисляет его достижения. Наконец он проворчал «Ну, ты закончила?» — и вернулся к своей работе.

— Тебе надо поесть, — сказала Адель Уиллу. — Я приготовлю яичницу с беконом, может, еще почки и кровяную колбасу?

— Нет, спасибо. Ничего не надо. Я только выпью чаю.

— Дай-ка я тебе приготовлю хотя бы пару тостов. Надо ведь что-то поесть. — Уилл знал следующий вопрос. — У тебя разве нет подружки, чтобы тебе готовила?

— Обхожусь сам.

— Мэри, жена Крейга, отлично готовит, правду я говорю, Крейг? — Ворчание вместо ответа. — А ты никогда не думал жениться? Видать, при твоей работе трудно вести нормальную жизнь.

Она продолжала болтать, заваривая чай. Сказала, что сегодня утром уже звонила в больницу: Хьюго прекрасно провел ночь, это была лучшая ночь после несчастья.

— Я подумала, вечером мы могли бы его навестить.

— Я не против.

— А что ты собираешься сегодня делать?

— Пройдусь до деревни.

— Познакомишься заново, — сказала Адель.

— Что-то вроде этого.

2

Выйдя из дома около десяти, Уилл пребывал в тихой панике. Он, конечно, знал пункт назначения: здание Суда. Если только его догадка не ошибочна, он найдет там Джекоба и Розу, они, удобно устроившись, уже ждут его. Эта перспектива вызвала в Уилле противоречивые чувства. Неизбежную тревогу, даже страх. Стип жестоко избил Хьюго и вполне способен сделать то же самое — а то и что похуже — с ним самим. Но эти опасения перевешивали предвкушение и любопытство. Каково это — снова увидеть Стипа по прошествии стольких лет? Быть рядом с ним мужчиной, а не мальчиком, посмотреть ему в глаза?

За годы странствий у Уилла было несколько встреч, по которым он мог представить, как

это будет: он встречался с мужчинами и женщинами, имеющими такую же власть, какой наделены Джекоб и Роза. Жрица из Эфиопии, чья речь, невзирая на множество религиозных символов, висевших у нее шее (христианских и не только), напоминала поэтический поток сознания, и это наводило на мысль, что она черпает вдохновение из источника, установить который непросто. Шаман из Сан-Лазана (Уилл наблюдал, как он раскачивается и поет перед алтарем, заваленным маргаритками) угостил его священными грибами — теонанакатлами, или божественной плотью, чтобы его путешествие закончилось благополучно. Оба были личности незаурядные, и Уилл вполне мог представить, что их уста изрекают такие же мрачные мудрости, какие он мог услышать от Стипа.

День был спокойный и прохладный, тучи полностью закрыли небо. Уилл неторопливо дошел до развилки — когда-то с этой точки ему было видно здание Суда. Но не теперь. Деревья, которые тридцать лет назад торчали хилыми прутиками, теперь стали разлапистыми и закрывали перспективу. Он остановился, только чтобы прикурить еще одну сигарету, и двинулся дальше. Позади была, наверное, уже половина пути, когда Уилл начал подозревать, что допущение, сделанное им на развилке, было ошибочным. Хотя деревья в самом деле стали большими и живая изгородь подросла, но теперь-то он точно должен видеть крышу Суда. Уилл пошел дальше, и по мере приближения к концу пути подозрения переросли в уверенность. Здание Суда снесли.

Не было нужды перебираться через живую изгородь, чтобы оказаться в поле, над которым раньше возвышался этот дом. Теперь тут были ворота, через которые, как решил Уилл, вывозили строительный мусор. Но луг пахать не стали, и он зарос сорняками. Уилл перелез через ворота (их, по-видимому, не открывали много лет) и пошел по высокой траве, пока не оказался у остатков фундамента. Между камней пробивались трава и полевые цветы, но Уилл смог понять планировку здания, пройдя по этому остову. Вот тут был коридор, который вел в зал заседаний. Здесь он нашел заблудившуюся овцу. В этом месте стояло судейское кресло, а вот тут — да-да, именно тут — Джекоб поставил стол...

«Живя или умирая...

...помоги ему, Господь; помоги, Господь, им обоим...

...мы питаем огонь».

Как давно это было. Но все же он стоял там, где уже был когда-то, и словно опять стал мальчишкой. Блеклый воздух вокруг сгущался, будто горение огня подпитывалось мотыльками. Слезы навернулись Уиллу на глаза, слезы раскаяния за содеянное, жалости к себе — ведь в своем сердце он так и не искупил грехи. Трава и камни под ногами исчезли. Уилл знал, что если разрыдается, то не сможет держать себя в руках.

— Не делай этого, — сказал он, отирая слезы с глаз.

Сегодня он не имеет права идти на поводу у скорби. Завтра — может быть: когда он встретится со Стипом и разыграет свою мрачную игру, то позволит себе расслабиться. Но не теперь, в открытом поле, где его слабость легко заметить.

Он поднял голову, обвел взглядом холмы и живую изгородь. Может быть, он уже опоздал. Возможно, Стип наблюдает за ним, как крылатый хищник, оценивающий, насколько серьезно ранен зверь, и ждет (сколько раз точно так же приходилось ждать самому Уиллу) момента истины, когда объект наблюдения зальется слезами отчаяния и покажет свое истинное лицо. В поисках названия для второй книги Уилл составил список слов, имеющих отношение к смерти, и изучал их целый месяц, а то и больше, мысленно переставляя так и сяк, пока не выучил наизусть. И вот теперь они сами собой пришли на ум.

«Конь бледный и пляска смерти», «Мертвец и кляча», «Глиняное ложе», «Последний приют», «Дом в конце пути»...

Последнее было главным претендентом на название: оно описывало могилу, в которой вот-вот должны были оказаться герои его фотографий, как место неминуемого возвращения. Думать об этом сейчас, когда он стоял в миле от отцовского дома, было тяжело. У Уилла возникло чувство обреченности.

«Хватит цепляться за отчаяние», — сказал он себе.

Нужно было уходить отсюда. И быстро. Он перемахнул через ворота и, не оглядываясь, двинулся по дороге решительной походкой человека, у которого больше нет дел там, откуда он ушел. Сигареты кончились, и он направился в деревню — купить пачку. Уилл с радостью увидел, что на улицах полно народа. Ему было приятно попадаться на глаза людям, занятым обычными делами: они покупали овощи, трепали языком, покрикивали на детей. В газетном киоске он услышал ленивый разговор о Празднике урожая. Женщина за прилавком (явно дочь миссис Моррис, которой во времена юности Уилла принадлежал киоск) говорила, что она не против того, чтобы людей завлекали в церковь всякими трюками, но когда службу превращают в развлечение, тут она категорически возражает.

— А что такого, если будет и развлечение? — спрашивала ее покупательница.

— Я думаю, так мы покатаемся по наклонной, — ответила мисс Моррис. — Дальше у нас начнутся танцы в проходах между скамей.

— Все лучше, чем спать во время службы, — заметила, хохотнув, другая женщина и, взяв плитку шоколада, отошла.

Этот разговор был не таким безобидным, как могло показаться, потому что мисс Моррис кипела от злости, когда повернулась к Уиллу.

— Он вызывает разногласия? Я имею в виду Праздник урожая, — сказал Уилл.

— Не-е, — ответила она, слегка недовольная собой, — просто Фрэнни всегда знает, как меня завести.

— Фрэнни?

— Да.

— Фрэнни Каннингхэм? Я сейчас вернусь за сигаретами...

Он выскочил из киоска, посмотрел направо и налево в поисках женщины, которая только что прошла мимо. Она уже была на противоположной стороне улицы — шла, на ходу откусывая от шоколадки.

— Фрэнни! — крикнул он и, уворачиваясь от машин, бросился наперехват.

Она услышала свое имя и теперь смотрела на него. По выражению ее лица было ясно, что она его не узнает, а вот он (теперь, когда увидел ее лицо анфас) узнал Фрэнни. Она слегка располнела, каштановые волосы сильно поседели. Но прежние выражение напряженного внимания и веснушки никуда не исчезли.

— Мы знакомы? — спросила она, когда он добежал до тротуара.

— О да, — усмехнулся он. — Фрэнни, это я, Уилл.

— Боже мой... — выдохнула она. — Я не... то есть... ты же был..

— В киоске. Да. Мы прошли мимо друг друга.

Она распростерла объятия, и Уилл прижался к ней, обнимая с такой же радостью, с какой она обнимала его.

— Уилл, Уилл, Уилл, — повторяла Фрэнни. — Вот это замечательно. Да, но какое несчастье с твоим отцом.

— Ты знаешь?

— Все знают, — сказала она. — В Бернт-Йарли нет тайн. Ну конечно, это не совсем так. — Она посмотрела на него едва ли не с озорством. — И потом твой отец вроде как знаменитость. Шервуд каждый день видит его в пабе — он там выступает с речами. Как у него дела?

— Идет на поправку, спасибо.

— Это здорово.

— А Шервуд?

— Ну, Шервуд... У него бывают плохие времена, бывают хорошие. Мы по-прежнему живем вместе. В том же доме на Самсон-стрит.

— А родители?

— Папа умер. В ноябре будет шесть лет. А в прошлом году нам пришлось положить маму в хоспис. У нее болезнь Альцгеймера. Несколько лет мы ухаживали за ней дома, но она очень быстро стала терять рассудок, и Шервуд так из-за нее переживал.

— Похоже, ты с ним воюешь?
— Ну да, — пожала плечами Фрэнни. — Сражаемся. Зайдешь ко мне перекусить? Шервуд будет рад тебя видеть.
— Это не доставит тебе неудобств?
— Тебя столько времени не было, — с упреком сказала Фрэнни. — Это Йоркшир. Здесь друзья никогда не доставляют неудобств. Ну, если по правде, — добавила она, озорно блеснув глазами, — почти никогда.

V

До дома Каннингхэмов было всего пятнадцать минут ходьбы, но, дойдя до дверей, они уже избавились от первоначальной скованности и разговаривали легко, как старые друзья. Уилл коротко рассказал Фрэнни о событиях в Бальтазаре (она читала об «этом происшествии», как она его назвала, — Шервуд нашел статью в журнале), а Фрэнни подготовила его к встрече с Шервудом, поведав вкратце историю болезни брата. Ему поставили диагноз «острая депрессия», сказала она, он страдал этим, вероятно, с самого детства. Отсюда его повышенная эмоциональность, периоды хандры, вспышки ярости, неспособность сосредоточиться. И хотя теперь Шервуд принимает таблетки, чтобы это как-то регулировать, но полностью он никогда не излечится. Ему придется нести эту ношу до конца дней.

— Знаешь, мне становится легче, когда я думаю об этом как об испытании, — сказала она. — Господь хочет, чтобы мы показали Ему, насколько выносливы.

— Интересная теория.

— Я уверена, тобой Он доволен, — сказала она хотя и шутливо, но не без серьезности. — Ну, то есть, если кто прошел огонь, воду и медные трубы, так это ты. В каких только ужасных местах ты не побывал.

— Ну, это не совсем то, если делаешь все по доброй воле, — возразил Уилл. — У тебя с Шервудом ведь нет выбора.

— Не думаю, что у кого-то из нас есть выбор, — заметила она.

Теперь Фрэнни говорила вполголоса.

— В особенности у нас. Как подумаешь о том, что случилось... тогда. Мы были детьми. И не знали, с чем имеем дело.

— А сейчас знаем?

Она посмотрела на него взглядом, в котором не было и намека на радость.

— Я думала... может, тебе это покажется глупым... но я думала, что мы встретили кого-то вроде дьявола в ином обличье.

Она нервно рассмеялась.

— Это глупо. — Смех заглох сразу, как только она увидела, что Уилл не смеется вместе с нею. — Правда?

— Я не знаю, кто он такой.

— Был, — тихо сказала она.

Уилл отрицательно покачал головой.

— Есть, — пробормотал он.

Они подошли к калитке.

— О господи, — сказала Фрэнни с дрожью в голосе.

— Может, мне не стоит заходить к тебе.

— Нет-нет, обязательно. Только об этом больше не надо говорить. При Шервуде. Он расстраивается.

— Понятно.

— Я много об этом думаю. После всех этих лет продолжаю прокручивать в голове те события. Пару лет назад даже попыталась докопаться до сути того, что произошло.

— И?

Она покачала головой.

— Я сдалась. Это беспокоило Шервуда, да и у меня голова пошла кругом. Я решила, что лучше забыть об этом.

Она отперла калитку и пошла к парадной двери по дорожке, которая по обеим сторонам была обсажена лавандой.

— Прежде чем войдем в дом, — остановил ее Уилл, — Расскажи, пожалуйста, что случилось с Судом.

— Его снесли.

— Это я видел.

— Это сделала Марджори Доннели. Ее отец был тем человеком, который...

— ...который был убит. Я помню.

— Ей пришлось здорово постараться, чтобы это сделать. Тут объявился какой-то Комитет по сохранению наследия, и они заявили, что здание имеет историческую ценность. В конце концов она наняла десяток специалистов по сносу из Галифакса (по крайней мере, так я слышала, может, это и неправда). И мне говорили, что они пришли с кувалдами посреди ночи и так там все порушили, что пришлось снести здание из соображений безопасности.

— Молодец Марджори!

— Пожалуйста, не говори об этом.

— Не буду.

— Слушая меня, ты мог подумать, что Шервуду хуже, чем есть на самом деле, — сказала она, шаря в сумочке в поисках ключа. — Нет, большую часть времени он вполне нормальный. Но иногда его заклинивает, и он погружается в такое отчаяние, как будто ему уже никогда из него не выбраться.

Фрэнни нашла ключ и отперла дверь. Переступив через порог, позвала Шервуда. Ответа не последовало. Уилл вошел в дом, а она поднялась по лестнице посмотреть, нет ли там брата.

— Наверное, пошел прогуляться, — сказала она, спускаясь. — Он много гуляет.

Следующий час или около того они провели за разговором. На столе был холодный цыпленок, томаты и чатни домашнего приготовления, беседа их становилась все громче. Энтузиазм Фрэнни и ее добросердечие совершенно очаровали Уилла: она стала красноречивой и сострадательной женщиной. Фрэнни рассказывала свою историю, а он ощущал прежде всего ее сожаление, что она не смогла покинуть этот дом и зажить собственной жизнью, без Шервуда и его проблем. Но Фрэнни никак не выражала этого сожаления, и Уилл знал: она бы расстроилась, если б узнала, что он почувствовал что-то подобное. Она исполняла свой христианский долг, заботясь о Шервуде, — ни больше ни меньше. Если это и в самом деле было испытание, как Фрэнни сказала у калитки, то она с успехом его выдерживала.

Но они говорили не только о событиях в Бернт-Йарли. Фрэнни с немалым интересом расспрашивала Уилла о подробностях его жизни и увлечениях, и, хотя поначалу он скрытничал, ее бесхитростная настойчивость взяла верх. Он рассказал ей в несколько выхолощенной версии о своих эмоциональных похождениях, переплетая их с сокращенной историей своей карьеры: Дрю, Патрик и Кастро, книги, медведи и Бальтазар.

— Ты помнишь, как всегда хотел убежать? — спросила она. — В самый первый день, когда мы встретились, ты сказал, что убежишь. И убежал.

— Но совсем не сразу.

— Главное, что убежал, — сказала она, сверкнув глазами. — Все мы в детстве мечтаем, но большинство забрасывает мечты. А ты отправился путешествовать по миру, как и говорил.

— А ты когда-нибудь уезжала?

— Да нет, в общем-то. Шервуд не любит путешествовать. Он начинает нервничать. Пару раз мы были в Оксфорде, а еще ездим в Скиптон — навестить маму в хосписе, но он чувствует себя гораздо лучше здесь, в деревне.

— А ты?

— Когда он счастлив, я тоже счастлива, — просто ответила Фрэнни.

— И вы никогда не говорите о том, что случилось?

— Очень-очень редко. Но оно все равно всегда с нами. Я думаю, так будет до самого конца.

Она понизила голос, словно боялась, что стены услышат и передадут ее слова Шервуду.

— Я все еще вижу сны про Суд. Они гораздо живее любых других снов. Иногда иду по этому дому одна — ищу его дневник. Заглядывая в комнаты, зная, что он возвращается и мне нужно торопиться.

Выражение лица Уилла, видимо, очень точно отражало его мысли, потому что она добавила:

— Но ведь это только сон.

— Нет, — ответил он. — Я так не думаю.

Она приложила руку ко рту.

— О господи...

— Тебя с Шервудом это не касается, — сказал Уилл. — Вы двое можете чувствовать себя совершенно...

— Он здесь?

— Да.

— Ты уверен?

— Да.

— Откуда ты знаешь?

— Это из-за него Хьюго попал в больницу. Стип безжалостно избил его.

— Но зачем?

— Он хотел передать мне послание. Хотел, чтобы я вернулся сюда и мы закончили начатое.

— Он получил свой треклятый дневник, — сказала Фрэнни. — Что еще ему нужно?

— Разделения, — сказал Уилл.

— С чем?

— Со мной.

— Не понимаю.

— Это трудно объяснить. Мы с ним соединены. Я знаю, это звучит нелепо, когда мы сидим здесь с тобой и пьем чай, но он так никогда меня и не отпустил. — И Уилл добавил потише: — А может, это я его так никогда и не отпустил.

— Ты поэтому ходил в Суд? Чтобы найти его?

— Да.

— Господи, Уилл, он же мог тебя убить.

— Думаю, мы слишком близки, а потому убить меня он не сможет, — сказал Уилл.

Фрэнни помолчала, переваривая сказанное.

— Слишком близки? — переспросила она.

— Если он прикоснется ко мне, то сможет увидеть больше, чем хочет.

— Есть еще Роза, которая в состоянии сделать за него грязную работу.

— Верно, — согласился Уилл.

Вообще-то Уилл до сих пор не рассматривал этот вариант, но такое вполне возможно. Роза доказала, что обладает всеми навыками убийцы, и случилось это всего в полумиле отсюда. Если Стип не пожелает иметь дело с Уиллом, он может просто показать этой женщине на его шею и таким образом покончить с ним.

— Ты знаешь, что Роза произвела очень сильное впечатление на Шервуда? — продолжала Фрэнни. — Ему после этого много лет снились кошмары, в которых она присутствовала. Мне так и не удалось из него вытянуть, что там случилось, но она оставила на нем свою метку.

— А ты? — спросил Уилл.

— Что я?

— У меня был Стип. У Шервуда — Роза.

— Ах вот ты о чем... У меня был дневник, чтобы занимать мои мысли.

— И что — занимал?

Она кивнула, глядя куда-то мимо него, словно представляя себе вещь, которую потеряла.

— Я так и не разгадала его тайну, и это много лет меня мучило. Ты когда-нибудь видел, что в нем?

— Нет.

— Он был прекрасен.

— Правда?

— О да, — сказала она с восхищением. — Он делал в нем зарисовки животных. Совершенно великолепные. А на противоположной странице, — Фрэнни сделала вид, словно держит в руках книгу, разглядывая ее содержание, — строчка за строчкой шли записи.

— О чем?

— Они были не на английском. И вообще мне не удалось понять, на каком языке. Не греческий, не санскрит, не иероглифы. Я скопировала несколько значков, но так и не смогла их расшифровать.

— Может, это просто бессмыслица. Что-нибудь выдуманное.

— Нет, — сказала она. — Это был язык.

— Откуда ты знаешь?

— Я нашла его еще в одном месте.

— Где?

— Понимаешь, такая странная штука. Лет шесть назад, как раз после смерти папы, я поступила на вечерние курсы в Галифаксе, ну, чтобы как-то сдвинуться с мертвой точки. Учила французский и итальянский — можешь себе представить? Думаю, я сделала это из-за дневника. В глубине души мне все еще хотелось его расшифровать. И вот там я познакомилась с одним человеком, и мы подружились. Ему было за пятьдесят, и он был такой внимательный — думаю, это самое подходящее слово. После занятий мы болтали часами. Звали его Николас. У него была великая страсть — восемнадцатый век, который меня ну совершенно не интересовал, но Николас пригласил меня домой. Совершенно необычный дом. Я словно шагнула на двести пятьдесят лет назад. Светильники, обои, картины — все из той эпохи. Думаю, он был немного чокнутый, но так, слегка. Он говорил, что родился не в том веке.

Она посмеялась над глупостью всего этого.

— Как бы там ни было, но я три или четыре раза была у него в гостях и просматривала книги из его библиотеки — у него было собрание книг, брошюр, журналов, всего около тысячи семисот экземпляров. И вот я нашла там одну книжечку с рисунком, на котором были некоторые из буковок, что я видела в дневнике Стипа.

— С объяснениями?

— Не то что с объяснениями, — сказала она уже не так живо. — Вообще-то я была разочарована. Николас подарил мне эту книжечку. Она была в лоте, который он купил на аукционе, и эти картинки его не слишком интересовали, поэтому он сказал, что я могу ее взять.

— И она все еще у тебя?

— Да. Наверху.

— Я бы хотел взглянуть.

— Предупреждаю тебя — это сплошное разочарование, — сказала Фрэнни, вставая из-за стола и направляясь в коридор. — Я часами сидела над ней, но в итоге пришла к выводу, что лучше бы мне никогда не видеть этой дурацкой книжечки. Я на минутку.

Она пошла наверх, оставив Уилла бродить из угла в угол гостиной. В отличие от недавно покрашенной кухни эта комната была словно музей ушедших родителей. Простая мебель без

малейшего намека на красоту, ухоженные растения в горшках (герань на окне, гиацинты на столе), коврик на полу, обои и занавески, не подходившие по цвету и орнаменту. На каминной полке по обе стороны от массивных часов стояли фотографии всех членов семейства, улыбающихся из далекого лета. В одну из рамок вставлена пожелтевшая открытка с молитвой. На ней — два четверостишия.

Един с небесами вверху, Боже,
С землею внизу себя не делю,
Един с семенами, что сею, Боже,
Един с сердцами, что люблю.

Обрати мой прах в землю, Боже,
В воздух дыхание обрати,
Обрати мою похоть в любовь, Боже,
А смерть мою в жизнь преврати.

Было что-то душевное в простоте этой молитвы, в выраженной надежде на единение и превращение. Она по-своему тронула Уилла.

Он поставил рамочку назад на каминную полку, когда услышал, как открылась, а потом тихонько закрылась входная дверь. Мгновение спустя в комнате появился плохо выбритый мужчина, тощий и мрачный, с редкими неухажеными волосами, ниспадающими почти до плеч. Он уставился на Уилла сквозь круглые очки.

— Уилл, — сказал он с такой уверенностью, словно ожидал встретить его здесь.

— Боже мой, ты меня узнал!

— Конечно, — сказал Шервуд.

Он направился к Уиллу, протягивая руку.

— Я следил за твоим восхождением к вершинам славы. — Он пожал Уиллу руку, ладонь у него была липкая, пальцы — тонкие. — А где Фрэнни?

— Наверху.

— А я ходил прогуляться, — сказал Шервуд, хотя никто его ни о чем не спрашивал. — Люблю гулять.

Он выглянул в окно.

— Часа не пройдет, как начнется дождь.

Он подошел к барометру рядом с дверью гостиной и постучал по нему.

— Может, и ливень, — добавил Шервуд, глядя на прибор поверх очков.

«У него привычки человека лет на двадцать — тридцать старше, — подумал Уилл. — Он из юности оказался в старости, миновав средний возраст».

— Ты к нам надолго?

— Все будет зависеть от состояния отца.

— Как он?

— Уже лучше.

— Это хорошо. Я встречаю его иногда в пабе. Вот уж кто заядлый спорщик, так это твой батюшка. Он как-то дал мне почитать одну из своих книг, но я не сумел через нее продаться. Ну я и сказал ему: мудрено для меня слишком, вся эта философия, а он на это ответил, что тогда, может, для меня еще есть надежда. Ты представь только: для меня еще есть надежда. Я сказал, что верну ему книгу, а он: выкинь, мол, ее. Ну, я и выкинул.

Шервуд ухмыльнулся.

— В следующий раз, когда я его увидел, и говорю: «Выкинул я вашу книгу», а он поставил мне выпивку. Скажи я кому, что сделал это, меня бы назвали дурачком. Впрочем, меня и без того так называют. Вон идет Дурачок Каннингхэм, — сказал он с усмешкой. — Меня это устраивает.

— Правда?

— Ну да. Так безопаснее. То есть люди к тебе не пристают, если думают, что ты напился вдрызг. Ну да ладно... Так мы еще встретимся? А я пойду — ноги нужно попарить.

Он повернулся, но тут появилась Фрэнни.

— Здорово, — обратилась она к Шервуду. — Увидеть Уилла через столько лет.

— Здорово, — без особого энтузиазма сказал Шервуд. — Ну, еще встретимся.

На лице Фрэнни появилось недоуменное выражение.

— И ты не хочешь остаться — поговорить?

— Вообще-то и мне уже пора, — сказал Уилл, посмотрев на часы.

Он не лукавил: пообещал Адели, что сегодня они пораньше съезжают в больницу.

— Вот эта книга, — сказала Фрэнни, передавая Уиллу тоненькую, с коричневатой обложкой книжку, явно обеспокоенная поведением брата. — Может, еще заглянешь, Уилл? Я позвоню тебе завтра, и, может быть, ты придешь, когда у Шервуда будет настроение пообщаться.

С этими словами она поднялась наверх узнать, чем недоволен Шервуд.

Уилл вышел из дома. Тучи сгустились и потемнели. Дождь, как и предсказывал Шервуд, мог начаться в любую минуту. Уилл ускорил шаг, листая страницы книги, которую дала ему Фрэнни. Бумага была жесткая, как картон, а шрифт слишком мелкий, чтобы читать на ходу. Иллюстрации черно-белые и плохого качества. Разобрать удалось только титул, и слова, которые прочел Уилл, заставили его остановиться. Книга называлась «Мистическая трагедия». А подзаголовок — «Жизнь и творения Томаса Симеона».

VI

1

Вернувшись домой, он сразу стал изучать книгу. Размерами она была как брошюра: сто тридцать страниц текста с десятью маленькими иллюстрациями и шестью на всю страницу. Книга представляла собой, как сообщала ее автор Кэтлин Двайер, «краткий очерк о жизни и творчестве почти забытого художника».

Томас Симеон, родившийся в первом десятилетии восемнадцатого века, был чрезвычайно одаренный человек. Вырос он в Суффолке, в бедной семье. На его художественное дарование первым обратил внимание местный викарий, который, бескорыстно желая помочь данному Богом таланту дарить радость как можно большему числу людей, устроил что-то вроде выставки работ юного Симеона в Лондоне. Две акварели, написанные пятнадцатилетним мальчиком, приобрел граф Честерфильд, и это положило начало карьере Томаса. Последовали заказы; серия рисунков, изображающих лондонские театры, имела успех; юный художник пробовал писать портреты (они были приняты с меньшим энтузиазмом), а потом, когда Симеону оставался месяц до восемнадцатилетия, появилась работа, которая составила ему репутацию художника-мистика: диптих для алтаря собора Святого Доминика в Бате. Картины эти утрачены, но, судя по отзывам современников, они произвели настоящий фурор.

«В письмах Джона Галлоуэя, — писала Двайер, — мы находим свидетельства о жаркой дискуссии, вызванной появлением этих картин. Их сюжет был самый обыкновенный: в левой части была изображена сцена в раю, в правой — Голгофа.

"Всем, кто их видел, — пишет Галлоуэй в письме к отцу 5 февраля 1721 года, — казалось, что Томас своими ногами ходил по тому же прекрасному саду, что и Адам, и в красках изобразил увиденное; а потом сразу отправился туда, где умер Спаситель, и там написал картину столь же безутешную, насколько первая была наполнена светом Божественного присутствия".

Но не прошло и четырех месяцев, как тон Галлоуэя изменился. Он больше не был уверен в том, что видения Симеона так безупречны. "Я все время думал, что в душе моего

дорогого Тома поселился сам Господь Бог, — писал Галловей, — но, возможно, он оставил открытой ту дверь в своей груди, через которую впустил Бога, потому что мне кажется, что иногда туда проникает и Дьявол, который денно и нощно сражается со всем лучшим, что есть в Томе. Я не знаю, кто одержит победу в этой войне, но опасаясь за душевное здоровье Тома"».

Еще тут были страницы, посвященные ухудшению душевного состояния Симеона во время работы над диптихом, но Уилл не стал их читать. У него оставался час до запланированной Аделью поездки в больницу, и он хотел успеть пролистать тоненькую книжицу до конца. Но, перейдя к следующей главе, Уилл обнаружил, что язык Двайер стал более витиеватым, когда та перешла к наиболее противоречивым результатам своих исследований. Если отбросить словесные пассажи и оценивающие суждения, суть сводилась к следующему: поздней осенью 1722 года Симеон пережил кризис веры и, возможно (хотя надежных документальных свидетельств не было), предпринял попытку самоубийства. Он разошелся с Галловеем, который был его товарищем с отроческих лет, и уединился в убогой студии на окраине Блэкхита, где пристрастился к опию. До этого все было вполне предсказуемо. Но потом, как сообщала в своей вымученной манере Двайер, появилась «...фигура, которая, тонко играя на чувствах уже погрязшего в пороке художника, втоптала в грязь эту золотую юность, обещавшую великое будущее. Звали его Жерар Руkenaу; современники оставили о нем противоречивые воспоминания: "трансценденталист великолепною мастерства и мудрости"; не кто иной, как сэр Роберт Уолпол, писал о нем: "истинная модель того, чем он должен стать, когда закончится этот век". Один из свидетелей замечает, что услышать его речь было все равно что "выслушать Нагорную проповедь, произнесенную сатиром; она одновременно задевает тебя за живое и отталкивает, он словно в один момент трогает самые высокие и самые низменные струны твоей души".

Это был человек, — теоретизировала Двайер, — который мог понимать противоречивые импульсы, раздиравшие нежную душу Симеона. Этот отец-исповедник быстро стал его единственным наставником, вытащив из ямы самоотречения, в которую тот свалился, и оградив от творческого влияния, которое могли оказать на него более благоразумные друзья».

В этом месте Уилл отложил книгу, чтобы обдумать прочитанное. Хотя теперь у него было несколько описаний Руkenaу, они практически отменяли одно другое, а это означало, что он не слишком продвинулся вперед в понимании этой фигуры. Руkenaу был человек, обладавший властью и влиянием, — это, по крайней мере, ясно. И он несомненно оказал очень сильное воздействие на Стипа. «Живя или умирая, мы питаем огонь» — может быть, это слова из проповеди сатира? Но не было ни малейшего намека на источник его власти и природу его влияния.

Уилл вернулся к тексту, пропустил несколько абзацев, в которых предпринималась попытка включить работы Симеона в тот или иной эстетический контекст, — он искал сведения о влиянии Руkenaу на жизнь художника. Долго искать не пришлось. У Руkenaу, похоже, были свои планы относительно капризного гения Симеона, и вскоре он попытался их реализовать. Он хотел, чтобы художник написал серию работ, «отражавших, — писала Двайер, — трансцендентальные представления Руkenaу о связи человечества с актом Творения, а именно четырнадцать картин, посвященных истории строительства (некой сущностью, известной только как нилотик) Домуса Мунди. В буквальном переводе с латыни — "Дома мира". Известна лишь одна из этих картин, и, возможно, только она и сохранилась, что косвенно подтверждает подруга Руkenaу, некая Долорес Крукшанк, которая вызвалась написать комментарий к его теории; в марте 1723 года она писала, что "с одной стороны, было педантическое желание Жерара точно отразить его философские воззрения, с другой — эстетическая невралгия Симеона, а потому число вариантов этих картин превзошло число вариантов самого Человечества, и все они уничтожались из-за какой-то ничтожной погрешности в концепции или исполнении"».

Единственная сохранившаяся картина воспроизводилась в книге, хотя и в ужасном

качестве. Это была черно-белая картинка, к тому же размытая, но подробностей хватало, чтобы заинтриговать Уилла. Похоже, на ней была изображена ранняя стадия строительства: обнаженная, бесполоя фигура, которая на иллюстрации выглядела чернокожей (но с таким же успехом могла быть синей или зеленой), склонялась к земле, откуда во множестве торчали тонкие стержни, словно обозначающие периметр жилища. Ландшафт за фигурой представлял собой бесплодную голую землю под пустынными небесами. Из трех трещин в земле вырывался огонь,верху поднимались столбы черного дыма, и это только усиливало чувство запустения. Что до значков, о которых говорила Фрэнни, они были высечены на камнях, разбросанных по этой дикой местности, словно их расшвыряли с небес, как подсказки для одинокого каменщика.

«Что мы можем сказать об этом необыкновенном образе? — спрашивала автор книги. — Его герметизм¹ нас разочаровывает, мы жаждем объяснения и не находим его». Похоже, не находила его и сама Двайер. На протяжении двух абзацев она безуспешно пыталась провести параллели с иллюстрациями из алхимических трактатов, но Уилл чувствовал, что эта задача ей не по силам. Он перешел к следующей главе, оставив непрочитанной оставшуюся часть оккультистских рассуждений Двайер, и уже прочел половину первой страницы, когда его позвала Адель. Уилл не хотел закрывать книгу, еще меньше ему хотелось навещать Хьюго во второй раз, но чем скорее он выполнит свой долг, уговаривал он себя, тем скорее вернется к смутному миру Томаса Симеона. Поэтому он положил книгу на стул и, спустившись по лестнице, присоединился к Адели.

2

Хьюго пребывал в заторможенном состоянии. После ланча у него начались боли — обычное явление, заверила медсестра, но этого было достаточно, чтобы на десерт ему принесли анальгетики. От лекарств он стал вялым и в течение четверти часа, что провели у него Уилл и Адель, говорил медленно и путано, глядя на них затуманенным взглядом. Да что там, большую часть времени он вряд ли осознавал, что в палате его сын, и это устраивало Уилла. Только к концу посещения взгляд Хьюго остановился на Уилле.

— А ты что сегодня делал? — спросил он, словно обращаясь к девятилетнему мальчишке.

— Встречался с Фрэнни и Шервудом.

— Подойди ближе. — Хьюго поманил его слабым пальцем. — Я тебя не ударю.

— У меня и в мыслях не было, — сказал Уилл.

— Я тебя ни разу в жизни не ударил. Тут был полицейский, который сказал, что я тебя бил.

— Не было никакого полицейского, па.

— Был-был. Прямо здесь. Такой хам. Сказал, что я тебя бью. А я тебя пальцем не тронул.

Он, похоже, был оскорблен в лучших чувствах.

— Все дело в таблетках, которые тебе дают, — терпеливо объяснил Уилл, — У тебя от них небольшое помутнение. Никто тебя ни в чем не обвиняет.

— И что — не было никакого полицейского?

— Не было.

— Я мог бы поклясться, — сказал он, встревоженно оглядывая палату. — Где Адель?

— Пошла поменять воду в цветах.

— Мы тут одни?

— Да.

Хьюго приподнялся над подушкой.

¹ Религиозно-философское течение, первоисточниками которого являются труды, приписываемые Гермесу Трисмегисту, древнеегипетскому жрецу. Сторонники герметизма полагают, что понимание той или иной причинной связи может дополняться магическим воздействием на желания адепта тайного учения.

— И я...ставляю себя дураком?
— То есть?
— Говорю... всякие глупости?
— Нет, па, ничего такого ты не говоришь.
— Ты мне скажешь, если что? — спросил он. — Скажешь. Ты скажешь, потому что мне будет больно, а тебе это нравится.

— Это не так.
— Тебе нравится смотреть, как люди мучаются. Ты унаследовал это от меня.
Уилл пожал плечами.
— Можешь в это верить, если хочешь, па. Я с тобой спорить не буду.
— Ну да. Потому что знаешь, что проиграешь. — Хьюго постучал себя по лбу. — Видишь, никакого помутнения. Я разгадал твою игру. Ты вернулся, когда я стал слаб и растерян, потому что решил, что положишь меня на лопатки. Ничего подобного. Мне и половины моих мозгов хватит, чтобы расправиться с тобой. — Он снова улегся на подушку и тихо добавил: — Я не хочу, чтобы ты сюда приходил.

— Бога ради, па.
— Я серьезно, — сказал Хьюго, отворачиваясь от Уилла. — Поправлюсь и без твоих забот.

Уилл был рад, что отец смотрит в другую сторону. Меньше всего он хотел, чтобы Хьюго видел, какое действие оказывают его слова. Они словно застряли у него где-то в груди.

— Хорошо, — сказал Уилл. — Если ты так хочешь.
— Да, хочу.

Уилл еще мгновение смотрел на него с какой-то слабой надеждой, что Хьюго скажет что-нибудь, извинится. Но он сказал все, что хотел.

— Я позову Адель, — пробормотал Уилл, отходя от кровати. — Она захочет попрощаться. Береги себя, па.

Хьюго никак не отреагировал — ни словом, ни жестом. Уилл, потрясенный, молча вышел и отправился на поиски Адели. Он не стал посвящать ее в предмет их разговора, просто сказал, что будет ждать в приемной. Адель ответила, что сейчас говорила с доктором и тот настроен очень оптимистично в отношении Хьюго. Еще неделя — и его можно будет забрать домой. Замечательно.

Дождь уже шел. Не муссонный — обычный унылый дождь. Уилл не стал прятаться. Он стоял, подняв лицо к небу, чтобы капли охлаждали горевшие глаза и раскрасневшиеся щеки.

Появилась Адель. Она, как всегда после посещения больного, пребывала в волнении. Уилл вызвался сесть за руль, уверенный, что сможет сэкономить минут пятнадцать на возвращении и вернуться к Симеону до наступления темноты. Адель продолжала болтать, пока они ехали, главным образом о Хьюго.

— Благодаря ему вы счастливы? — спросил Уилл.
— Он превосходный человек, — ответила она, — и все эти годы был так добр ко мне. Когда умер мой Дональд, я думала, у меня уже не будет ни одного счастливого дня. Думала, все кончилось. Но знаете, жизнь есть жизнь. Поначалу было тяжело, потому что я чувствовала себя виноватой: вот, живу, когда его уже нет. Я думала, это несправедливо. Но со временем все проходит. И Хьюго мне помог. Мы сидели и разговаривали, и он сказал, что в жизни есть маленькие радости и я не должна от них отказываться. Не стоит пытаться понять, для чего все это было, потому что это пустая трата времени. Это было так забавно — слышать от него такие слова. Я всегда думала, что философы сидят и рассуждают о смысле жизни, а тут Хьюго говорил, что не стоит терять на это время.

— И его слова пошли вам на пользу?
— Они мне помогли. Я, как он и говорил, не стала отказываться от маленьких радостей. Пока Дональд был жив, я столько работала...
— Вы и сейчас немало работаете.

— Теперь все иначе, — сказала она. — Если я что-то где-то не уберу, то особо не переживаю. Ну, осталась где-то пыль. Придет день — и я сама стану пылью.

— Вы его убедили ходить в церковь?

— Я сама туда больше не хожу.

— А прежде ходили — два раза по воскресеньям.

— А теперь не испытываю потребности.

— Это Хьюго вас уговорил?

— Меня невозможно уговорить делать или не делать что-то, — сказала Адель слегка настороженно.

— Я не хотел...

— Нет-нет, я тебя поняла. Хьюго — человек неверующий и таким и умрет. Но я видела, какие страдания достались моему Дональду. Это было ужасно. Ужасно видеть его в таком состоянии. И я знаю, люди говорят, что Господь так испытывает твою веру. Что ж, может, моя вера не прошла испытания, потому что после этого мое отношение к церкви изменилось.

— Бог вас обманул?

— Дональд был хороший человек. Не такой умный, как Хьюго, но добрый сердцем. Он заслуживал лучшего. — Она помолчала с минуту и добавила: — Нам приходится справляться почти со всем, что выпадает на нашу долю. Ничего определенного нет.

VII

Остаток вечера Уилл провел с Томасом Симеоном, погружившись в жизнь художника, словно спасаясь от собственной. Размышлять о том, что случилось в больнице, не имело смысла. Пройдет немного времени, два-три раза он поговорит по душам с Адрианной и тогда сможет трезво оценить то, что произошло. А пока лучше делать вид, что ничего не было. Он свернул самокрутку, подтащил стул к открытому окну и сел за книгу, убаюкиваемый стуком дождя по крыше и карнизу.

Он пропускал те места, где Двайер лила воду об оккультизме, явно плавая в этом вопросе, и переходил к относительно ясному изложению биографических данных. На сцене снова появился Галловей, верный друг Симеона, который, «руководствуясь дружескими чувствами» («Что произошло между ними?» — спрашивал себя Уилл), собирался вырвать Томаса из рук его патрона — Рукунау, «чье пагубное влияние чувствовалось во внешности и поведении Томаса». Галловей вроде бы вступил в заговор с целью спасти душу Симеона от Рукунау. Судя по тому, что писала Двайер, это была попытка физического похищения:

«Вместе с двумя сообщниками, Пиерсом Варти и Эдмундом Маупертиусом (последний раньше был приверженцем Рукунау, но потом разочаровался и сильно озлобился), Галловей составил заговор с целью "освобождения" (как он писал об этом позднее) Симеона; все было продумано в мельчайших деталях, в соответствии с военным прошлым Галловей. Ничего неожиданного не произошло. Симеон был найден в одной из верхних комнат особняка Рукунау в Ладлоу, где, по словам Галловей, они "обнаружили его в достойном сожаления состоянии — от его прежде лучезарной внешности не осталось и следа. Но его не удалось убедить оставить этот дом, он говорил, что работа, которой они заняты с Рукунау, слишком важна и он не может оставить ее незаконченной. Я спросил его, что это за работа, и он ответил, что наступает век Домуса Мунди и он, Симеон, будет свидетелем и хронистом этого события, он запечатлеет его славу в красках, чтобы папы и короли поняли, какими мелочными делами занимаются, оставили войны и козни и заключили вечный мир. "И как; же это произойдет?" — спросил я его. Он сказал, что это сделают его картины, потому что на них все это очевидно".

Но обнаружена была только одна из этих картин, и, похоже, Галловей взял ее с собой, покидая дом Рукунау с друзьями-заговорщиками. Каким образом он убедил Симеона уйти с ними, не сообщается, но Рукунау явно предпринимал попытки вернуть Симеона, а Галловей выдвинул против Рукунау обвинения, вынудив его скрываться. Как бы то ни было, тут

Рукенау исчезает из этой истории, и жизнь Симеона (которому осталось всего несколько лет) делает последний головокружительный поворот».

Уилл прервался, чтобы спуститься и пошарить в холодильнике, но мыслями оставался в том странном мире, из которого только что вынырнул. Ничто из происходящего здесь и сейчас (ни заваривание чая, ни приготовление сэндвича, ни пронзительный смех из телевизора в соседней комнате, ни шутки комика, срывавшего аплодисменты) не могло отвлечь его от образов, проходивших перед его внутренним взором. Хорошо, что он видел Симеона собственными глазами, живого и мертвого. Видел безысходную красоту этого человека, которая настолько свела с ума Галловей, что тот пустился в сферы, где его рациональный ум не находил опоры, попытался предотвратить гибель друга. Было что-то нежно-романтическое в привязанности этого человека к Симеону, который явно принадлежал к людям иного склада. Галловей не понимал его и не имел ни малейшего шанса понять, но это не имело значения. Связь между ними ни в коей мере не основывалась на интеллектуальной общности. Не было между ними и невысказанной гомосексуальной любви — все грязные подозрения тут следует отринуть. Галловей был другом Симеона и не мог спокойно смотреть, как гибнет близкий ему человек, — вот такое простое и трогательное объяснение.

Уилл с едой вернулся к книге, не замеченный Аделью, и, снова обосновавшись у окна (он закрыл его: с наступлением вечера похолодало), продолжал читать с того места, где остановился. Он знал или по меньшей мере думал, что знает, чем закончится эта история, — объединенным и расклеванным трупом в лесу. Но как он туда попал? Этому были посвящены последние тридцать страниц.

Пока Двайер воздерживалась от личных оценок, предпочитая приводить чужие, например свидетельства о Рукенау, правда, и в этом случае она дотошно цитировала как его сторонников, так и противников. Но теперь стал слышен и ее собственный голос, не без католических ноток.

«Именно в эти последние годы, — писала она, — когда Симеон оправлялся от нечестивого влияния Жерара Рукенау, мы видим искупительную силу его Мистики. Очистившись встречей с безумием, он обуздал амбиции, вернулся к своим трудам и обнаружил, что, расставшись с желанием осуществить некую великую миссию, он обогатил свое воображение. В более поздних его работах, а все это были пейзажи, рука художника служит более великому Творению. Картина, названная "Тучная земля", сначала представляется грустной вечерней пасторалью, но при более пристальном рассмотрении оказывается настоящим праздником самых разных форм жизни...»

Он перевернул страницу, чтобы рассмотреть репродукцию картины, о которой шла речь. Она была гораздо менее странная, чем работа по заказу Рукенау. По крайней мере, на первый взгляд: пологое поле с уходящими за горизонт рядами снопов, освещенных луной. Даже на этой низкого качества репродукции мастерство Симеона бросалось в глаза. Повсюду прятались животные: в снопах, в тени снопов, в кроне дуба, в плаще жнеца, спящего под деревом. Даже на пятнистом небе таились чьи-то свернувшиеся фигуры, похожие на спящих звездных детей.

«Здесь, — писала Двайер, — мы видим более умудренного Симеона, который едва ли не с детским удовольствием изображает тайную жизнь вселенной, приглашая нас заглянуть в его полускрытый bestiary».

Но Уилл чувствовал, что эта картина — не просто некая оптическая иллюзия. В ней было ожидание чего-то сверхъестественного, все живые существа (кроме жнеца) прятались, затаив дыхание, словно в предчувствии чего-то неминуемого.

Уилл на минуту вернулся к тексту Двайер, но она перешла к поиску предшественников Симеона в живописи, и он после нескольких предложений бросил чтение и вернулся к иллюстрации, чтобы изучить ее внимательнее. Что же так заинтриговало его в этой картине? Если бы он увидел ее случайно, ничего не зная о художнике, то прошел бы мимо, не удостоив

повторного взгляда. Она казалась слишком вычурной со всеми этими приукрашенными животными, выглядывающими из норок. Вычурной и неестественной: снопы стоят ровно, как солдаты на параде, листья собраны в спиралевидные кисти. В природе все иначе. В самой мирной сцене непредвзятый взгляд может увидеть скрытый и жестокий мир грубых форм, пребывающих в ожесточенном и бесконечном конфликте. И все же Уилл чувствовал какую-то близость с картиной, словно он и ее создатель одинаково смотрели на мир, хотя факты и говорили о противоположном.

Разочарованный тем, что так и не сумел разобраться в своем восприятии картины, Уилл вернулся к тексту Двайер, пропустив обзорную часть (к счастью, короткую) в поисках биографических подробностей. Что бы она ни говорила об умудренном Симеоне, факты его жизни свидетельствовали о том, что он не нашел мира в своей душе.

«В период с августа 1724 по март 1725 года он переезжал не менее одиннадцати раз. Дольше всего на одном месте он жил с ноября по декабрь, проводя это время в монастыре в Данджнессе. Неясно, отправился ли он туда, чтобы принять постриг. Если и так, то эта блажь быстро прошла. В середине декабря он пишет Долорес Крукшанк (которая тремя годами ранее была среди близких друзей Руkenaу, но теперь, освободившись от его влияния, жила своей жизнью) письмо, в котором сообщает: "Я собираюсь оставить эту несчастную страну и переехать в Европу, где, я надеюсь, мне удастся найти души, которые более сочувственно воспримут мое видение мира, чем те, с которыми я сталкивался на этом слишком рациональном острове. Я повсюду искал наставника, который мог бы направить меня, но нахожу только затхлые мозги и еще более затхлую риторику. Мне представляется, что мы каждый миг должны изобретать религию, как мир изобретает себя, потому что единственно постоянно непостоянство. Встречали вы когда-либо теолога, который знает эту простую истину? Или, если знает, осмеливается высказать вслух? Нет. Среди ученых мужей это считается ересью, поскольку ее признание означает, что нужно отказаться от убеждений, а тогда они не смогут помыкать нами, говоря: это так, а вот это не так. Мне представляется, что цель религии в том, чтобы сказать: все вещи существуют. Вещь, созданная воображением, и вещь, которую мы называем истинной. Видимая вещь и вещь, которая пока не видна. ВСЕ ОНИ СУЩЕСТВУЮТ. Был некто, известный нам обоим, который учил этой истине, но я был слишком высокомерен, чтобы постичь ее. Каждый час моей жизни я сожалею об этой своей глупости. Я сижу здесь, в этом крохотном городке, смотрю на запад в сторону островов и тоскую по нему, как потерявшаяся собака. Но я не имею мужества отправиться к нему. Я думаю, он убьет меня за мою неблагодарность. Но я бы не стал винить его в этом. Меня сбили с толку желавшие мне блага друзья, но разве это может служить оправданием? Я должен был пооткусывать им пальцы, когда они пришли за мной. Должен был задушить их под грудой их молитвенников. Но теперь уже поздно.

Прошу вас, напишите мне о нем, если вам что-нибудь известно, чтобы, глядя на острова, я мог представлять его. Это утешило бы меня"».

Написано было сильно, но не вызвало сочувствия у Уилла. Он прокладывал себе путь в этом мире, отказываясь от любой опеки, а потому жажда иметь учителя, выраженная так страстно, наводила его на мысль о том, что Симеон говорит о физическом желании, и казалась несколько несообразной. Такого же мнения придерживалась и Двайер, которая писала:

«Это было свидетельство того, что Симеон переживал глубочайшее психологическое потрясение. Но за этим стояло нечто большее. Гораздо большее. Во втором письме к Крукшанк, написанном из Глазго менее чем неделю спустя, буйное воображение Симеона переходит все границы:

"Я слышал от одного источника, что Человек с Западных островов наконец-то сумел обратить к своей цели своего золотого зодчего, и теперь фундамент рая заложен. Что это за источник, спросите вы? Я вам отвечу, хотя, возможно, вы и посмеетесь надо мной. Ветер. Вот кто приносит мне вести. Да, у меня имеются туманные указания из других источников, но ни одному из них я не верю так, как ветру, который приносит мне по ночам такие сведения обо

всем, сделанном нашим Неизменным, что я начинаю слабеть от бессонницы и теперь вот перебрался в этот грязный шотландский городишко, где ветер не приносит таких ошеломляющих вестей.

...Но что проку в сне, если я просыпаюсь в том же состоянии, в котором преклонил голову? Я должен набраться мужества и вернуться к нему. По крайней мере, так я думаю в эту минуту. В следующую мое мнение на сей счет может быть противоположным. Вы понимаете, как я сейчас живу? Меня одолевают противоречивые чувства по любому поводу, словно я разделен так же верно, как его зодчий. С помощью этого трюка он и обратил к своим целям это существо, и я спрашиваю себя, не посеял ли он такое же разделение в моей душе в наказание за мое предательство. Думаю, он на это способен. Мне кажется, ему доставило бы удовольствие знать, что я наконец-то иду к нему и чем ближе подхожу, тем сильнее ополчаюсь против себя самого".

Тут мы видим, — писала Двайер, — первое появление суицидальных мотивов. Сведений о каком-либо ответе от миссис Крукшанк не имеется, а потому мы должны предположить, что она решила; Симеон зашел так далеко, что она уже бессильна ему помочь. И только один раз, в последнем из его четырех шотландских писем, говорит он о своем искусстве:

"Сегодня у меня родился план, как разыграть блудного сына. Я отвезу портрет моего Неизменного на его остров. Я слышал, этот остров называется Житница, и поэтому изображу его на картине среди зерна. Я отдам ему ее со словами мольбы: пусть мой дар охладит его гнев. Если так оно и будет, я буду принят в его доме и стану с радостью до самой своей смерти исполнять его указания. Если нет, можете считать, что я погиб от его руки. В любом случае это мое письмо — последнее".

Это жалобное письмо, — заметила здесь Двайер, — было вообще последним в его жизни. Но это не последние имеющиеся у нас сведения о нем. Он прожил еще семь месяцев, переезжая то в Ват, то в Линкольн, то в Оксфордшир, где жил милостью друзей. Он даже писал картины, три из которых уцелели. Ни одна из них не отвечает тому описанию картины с зерном, о которой он говорит в письме к Долорес Крукшанк. Нет сведений и о том, что он плывал на Гебридские острова в поисках Рукенау.

Наиболее вероятным представляется версия, что он совсем отказался от этого плана и отправился на юг от Глазго в поисках более уютного пристанища. В какой-то момент во время этих переездов его нашел Джон Галловей и дал ему заказ написать дом, в котором он живет теперь с молодой женой (он женился в сентябре 1725 года). Вот что пишет Галловей в письме к отцу:

"Мой добрый приятель Том Симеон сейчас трудится — увековечивает наш дом, и я надеюсь, картина будет великолепной. Я уверен, что из Томаса может получиться отличный художник, если он отбросит некоторые из своих возвышенных представлений. Клянусь, если бы он мог, то нарисовал бы ангела, который благословляет каждый листик и стебелек травы, потому что, как он мне сказал, он днем и ночью во все глаза глядит, чтобы увидеть их — ангелов. Я думаю, он гениален. И наверное, безумен. Но это доброе безумие, которое ничуть не оскорбляет Луизу. Она даже ответила мне, когда я ей сказал, что он ищет ангелов, что ее ничуть не удивляет, почему он так и не нашел ни одного: от него исходит такой яркий свет, что затмевает их, и они прячутся от стыда"».

«Ангел, благословляющий каждый листик и стебелек травы» — вот сильный образ, подумал Уилл.

Устав от прозы Двайер, от ее догадок и допущений, он вернулся к «Тучной земле» и принялся заново исследовать иллюстрацию. Разглядывая ее, он понял связь между этим образом и собственными фотографиями. Это были сцены «до» и «после», форзацы к тексту всеобщего уничтожения между ними. А автор текста? Конечно, это был Джекоб Стип. Симеон зафиксировал мгновение до появления Стипа: вся жизнь застыла в страхе перед неминуемым явлением Стипа. Уилл зафиксировал момент «после»: предсмертная агония жизни, тучная земля стала местом запустения. Они были в каком-то смысле соавторами, вот

почему его взгляд все время возвращался к иллюстрации. Картина была написана его братом по всему, кроме крови.

Раздался легкий стук в дверь, и появилась Адель, чтобы сообщить, что она идет спать. Он посмотрел на часы и удивился: без двадцати одиннадцать.

— Доброй ночи, — сказал Уилл. — Приятных сновидений.

— Спасибо. И тебе того же.

Она ушла, оставив его с заключительными тремя или четырьмя страницами жизни Симеона. В последних абзацах не нашлось ничего значительного. Исследования Двайер зашли в тупик: последние сведения относились ко времени приблизительно за месяц до смерти Симеона.

«Он умер в июле — может, немного раньше или позже — 1730 года, — писала она. — Как сообщалось, он проглотил достаточно красок, чтобы отравиться. По крайней мере, эта версия получила наиболее широкое распространение. Но раздавались голоса, которые ее опровергают. Например, в анонимной эпитафии в "Ревью", напечатанной через четыре месяца после смерти Симеона, есть недвусмысленный намек: "У художника было меньше причин умирать, чем у некоторых людей — заткнуть ему рот". А Долорес Крукшанк в письме Галловею, написанном приблизительно в то же время, замечает: "Я пыталась связаться с врачом, который осматривал труп Томаса, потому что до меня дошли слухи, что этот врач обнаружил странные и малозаметные повреждения тела, словно на него перед смертью было совершено нападение. И я подумала о тех «невидимых», которых он, по вашим словам, так боялся, когда вы забирали его из дома Рукунау. Может быть, они напали на него? Но этот врач, некто доктор Шоу, бесследно исчез. Никто не знает, где он".

В конце случилась одна странность. Хотя Джон Галловей договорился, что его агенты заберут тело и перевезут в Кембридж, где со всеми почестями должны были состояться похороны, его люди, придя за останками, обнаружили, что те исчезли. Поэтому место упокоения Томаса Симеона остается неизвестным. Но автор этих строк считает, что, вероятно, его тело по суше и воде было вывезено на Гебриды, куда удалился Рукунау. Поскольку Рукунау придерживался нетрадиционных религиозных верований, вряд ли Симеон захоронен в освященной земле. Скорее всего, он лежит в каком-то неизвестном месте. Остается только надеяться, что его покой ничто не нарушает, труды его жизни завершились, прежде чем он успел оставить заметный след в искусстве своего времени.

Джон Галловей был убит в 1734 году случайным выстрелом во время военных учений в Дартмуре. Пиерс Варти и Эдмунд Маупертиус, помогавшие Галловею похитить Симеона из дома Рукунау, умерли молодыми: Варти съела чахотка, а Маупертиус был арестован за контрабанду опиума в Париже и умер от разрыва сердца в полицейском участке. Только Долорес Крукшанк достигла отведенного ей Библией возраста, более того, она умерла в девяносто один год. Большая часть опубликованной здесь переписки находилась в собственности ее наследников.

Что касается Жерара Рукунау, то, невзирая на четыре года непрерывных усилий автора этих строк обнаружить, кто скрывается под этим именем, они ни к чему не привели, и сведения, приведенные на этих страницах, являются практически исчерпывающими. В Ладлоу не удалось найти дом, из которого Галловей предположительно похитил Симеона, как не было обнаружено писем, статей, завещания или других юридических документов с этим именем.

В некотором роде ничто из этого и не имеет значения. Наследство Симеона...»

Здесь Уилл снова поплыл, потому что Двайер опять пыталась втиснуть работы Симеона в эстетический контекст. Симеон — сюрреалистический пророк, Симеон — метафизический символист, Симеон — художник-натуралист. А потом текст оборвался, словно она не смогла найти слов и просто поставила точку.

Он отложил книгу и посмотрел на часы. Была половина второго. Усталости он не чувствовал, несмотря на все события этого дня. Он спустился вниз поискать какую-нибудь еду в холодильнике. Найдя миску с рисовым пудингом, который считался вершиной

поварского искусства Адели, Уилл прихватил ложку и удалился в гостиную. Рецепт за прошедшие годы ничуть не изменился: пудинг был по-прежнему сочным и мягким. Уилл подумал, что Патрик пришел бы в восторг от такой еды, и при этой мысли снял телефонную трубку и набрал его номер. Ответил не Патрик — Джек.

— Привет, Уилл, — сказал он. — Как поживаешь?

— В порядке.

— Ты позвонил как раз вовремя. У нас тут маленькое собрание.

— По какому поводу?

— Ну, ты знаешь... всякое. Здесь Адрианна. Хочешь с ней поговорить? — Со странной спешкой он передал трубку Адрианне.

Ее голос звучал далеко не оптимистически.

— Что с тобой? — спросил он.

— Ничего. Просто у нас серьезный разговор. Как у тебя дела? Помирился с отцом?

— Не-а. Этого и не случится. Он откровенно сказал, что больше не хочет, чтобы я приходил.

— Значит, ты собираешься вернуться домой?

— Пока нет. Не волнуйся — я буду тебе звонить, так что ты сможешь устроить большую вечеринку по поводу моего приезда.

— Думаю, тебе уже хватит вечеринок, — сказала она.

— Ого. С кем это ты говорила?

— Догадайся.

— С Дрю?

— В точку.

— И что он сказал?

— Он думает, что ты спятил.

— Ты, конечно, встала на мою защиту.

— Ты и сам это можешь сделать. Хочешь поговорить с Патом?

— Да. Он рядом?

— Рядом. Правда, он... сейчас немного не в себе.

— Болезнь?

— Нет, просто переволновался немного. У нас был нелегкий разговор, а он не в лучшей форме. Но я дам ему трубку, если это срочно.

— Нет-нет. Я перезвоню завтра. Передай, что я его люблю, хорошо?

— А меня?

— Всегда.

— Нам тебя не хватает.

— Хорошо.

— До скорого.

Повесив трубку, он почувствовал боль разделения — такую острую, что перехватило дыхание. Он представил их сейчас — Патрика и Адрианну, Джека и Рафаэля, даже Дрю. Они занимались своими делами, а над холмом сгустился туман и в заливе гудели корабли. Как просто — собраться сейчас и ускользнуть отсюда, оставив Хьюго выздоравливать, а Адель — носиться с ним. Через день он снова окажется среди своих, где его любят.

Но там он не будет в безопасности. Он может забыть на несколько дней обиды, которые претерпел в этом месте. Чтобы прогнать воспоминания, он может устраивать гулянки, пока не впадет в протрацию. Но сколько продлится это беспмятство? Неделю? Месяц? А потом он станет принимать душ или увидит мотылька на окне — и история, которую он оставил незаконченной, вернется и будет его преследовать. Он в рабстве — это не вызывало ни малейших сомнений. Его разум и эмоции слишком вовлечены в эту тайну, и он не может просто взять и уехать. Может быть, вначале он был всего лишь проводником, как назвал его Джекоб, неразумным медиумом, по которому текли воспоминания Стипа. Но за прошедшие годы он стал чем-то большим. Эхом Симеона, создателем фотографий, которые показывали

руку вредителя в действии. Он не мог избежать этой роли, сделать вид, будто он обычный человек. Он заявил себя умеющим видеть, а с этим пришла и ответственность.

Что ж, пусть будет так. Он станет наблюдать, как наблюдал всегда, пока история не закончится. Если он выживет, то станет свидетельствовать о событиях, каких еще никто не видел: он расскажет историю почти полного исчезновения, увиденную глазами выжившего. Если нет... если он будет убит той самой рукой, которая сделала его свидетелем, каким он был... то он, по крайней мере, будет знать, кто этот убийца, а зная это, возможно, успокоится.

VIII

Анальгетики, которыми пичкали Хьюго, не давали ему спокойно спать. Он лежал, словно на катафалке, в слабо освещенной комнате, и к нему приходили воспоминания, чтобы отдать ему дань. Некоторые были туманны — не более чем шепот и мелькание. Но большинство — четкие, его глазам под тяжелыми веками они казались более реальными, чем эти дуры медсестры, которые время от времени заходили проверить его состояние. Большинство из воспоминаний казались счастливыми: безмятежные послевоенные годы, когда его звезда только начала восходить. После публикации в 1949 году его первой книги «Ошибки мышления» наступил период в три-четыре года, когда он был идиолом всех английских философов, выбивающихся из традиционного течения. В двадцать четыре года он опубликовал книгу, которая бросала вызов доктринам не только логического позитивизма (все метафизические исследования несостоятельны, поскольку не могут быть подтверждены), но и экзистенциализма (главные императивы философского учения — бытие и свобода). Позднее ему пришлось отречься от большей части того, что он написал в первой книге, но теперь это не имело значения. Он забыл свои сомнения и помнил только прекрасные возвышенные времена. Дебаты с Сартром в Сорбонне (той весной он встретил Элеонор); вечеринка в Оксфорде, когда он сделал отбивную из Айера;¹ слова бывшего наставника, который сказал, что его ждет великая судьба и если он будет следовать цели, то изменит направление европейской мысли. Все это была абсолютная чепуха, но он с радостью погружался в нее сегодня, наслаждаясь позолоченными фантомами, которые подплывали к его кровати, чтобы выказать свое уважение (среди них был и Сартр, как всегда похожий на лягушку, следом шла Симона).² Некоторые из этих визитеров просто улыбались и кивали ему, один или два были слишком пьяны и не могли вымолвить ни слова, но многие были не прочь небрежно поболтать с ним — ничего существенного, пустые слова. Но он снисходительно слушал, зная, что они хотят одного — произвести впечатление.

А потом еще тише, чем самые тихие из его гостей, подошел тот, кто не принадлежал этим счастливым воспоминаниям, а с ним его подруга. Они встали в изножье кровати, глядя на него.

— Уходите, — сказал Хьюго.

Женщина (ее спутник вроде бы называл ее Розой, когда он столкнулся с ними там, на темной дороге) сочувственно его разглядывала.

— У вас усталый вид.

— Я хочу, чтобы вернулись те, другие сны, — сказал он. — Черт возьми, вы спугнули их.

Так оно и было. Палата опустела — остались только эти двое: улыбающаяся красавица и ее сухопарый, болезненного вида спутник.

— Я же говорю: уходите! — повторил Хьюго.

— Мы вам не снимся, — ответила Роза.

«О господи», — подумал он.

— Если только, конечно, все, что с нами происходит, не сон.

¹ Альфред Джулс Айер (1910—1989) — английский философ-неопозитивист.

² Симона де Бовуар (1908—1986) — французская писательница и философ, спутница жизни Жана Поля Сартра (оба выступали против института брака).

— Не... утруждайтесь, — сказал Хьюго. — Я бы такой софистики не спустил даже студенту-первокурснику.

Он не успел закончить предложение, как уже пожалел, что взял такой тон. Он лежал на спине в кровати, мысли путались — не лучшее время для того, чтобы разговаривать высокомерным тоном.

— С другой стороны... — начал было он.

— Я уверена, что вы правы, — сказала женщина, сама себя ущипнув. — Я чувствую себя вполне реальной. — Она улыбнулась и коснулась своей груди. — Хотите потрогать?

— Нет, — поспешно сказал он.

— А мне кажется, хотите, — сказала она, подходя к кровати сбоку. — Вот — потрогайте.

— Ваш приятель что-то помалкивает, — сказал Хьюго, надеясь ее отвлечь.

Она бросила взгляд на Стипа, который, появившись в палате, ни разу не шелохнулся. Его руки в перчатках вцепились в металлическую спинку кровати, и в сумрачном свете он казался таким хрупким, что чем больше Хьюго смотрел на него, тем меньше опасался. Таинственная сила, которую тот продемонстрировал на дороге, казалось, покинула его, и хотя он не сводил глаз с Хьюго, это был взгляд человека, которому не хватало силы воли перевести глаза на что-то другое.

«Возможно, — подумал Хьюго, — мне нечего бояться. Может быть, удастся вытянуть из них правду».

— Он не хочет присесть? — спросил Хьюго.

— Может, и правда сядешь, Джекоб? — сказала Роза.

Стип хмыкнул и, отступив к жесткому стулу у двери, сел.

— Он не болен? — спросил у женщины Хьюго.

— Нет, просто взволнован.

— Есть какие-то причины?

— Возвращение сюда, — ответила она. — Мы здесь оба становимся слишком чувствительными. Вспоминаем прошлое. А начав вспоминать, не можем остановиться. Уходим назад, хотим того или нет.

— Куда назад? — недоуменно спросил Хьюго, задавая вопрос небрежным тоном, чтобы не сложилось впечатление, что его очень интересует ответ.

— Мы точно не знаем, — сказала Роза. — И это беспокоит Джекоба гораздо больше, чем меня. Думаю, вам, мужчинам, это нужнее, чем нам, женщинам.

— Я об этом не думал, — ответил Хьюго.

— А он денно и ночью мучается вопросом: чем мы были, перед тем как стать тем, что мы есть, если вы следите за моими словами.

— За каждым из них, — улыбнулся Хьюго.

— Какой великолепный мужчина, — заметила она.

— Вы шутите, — оцетинился Хьюго.

— Вовсе нет. Я всегда говорю то, что думаю. Можете спросить у него.

— Это правда? — Хьюго обратился к Стипу.

— Правда, — ответил тот бесцветным тоном. — У нее есть все, что мужчина может желать в женщине.

— А у него есть все, что я когда-либо желала в мужчине, — сказала Роза.

— Она сострадательная, заботливая...

— Он жестокий, суровый...

— Она любит душить...

— И ты тоже, — отметила Роза.

Стип улыбнулся.

— У нее с кровью получается лучше, чем у меня. И с детьми. И с лекарствами.

— А у него лучше — со стихами. И ножами. И географией.

— Она любит луну. А я предпочитаю солнечный свет.

— Он любит играть на барабане. А я люблю петь.

Она нежно посмотрела на него.

— Он слишком много думает, — сказала она.

— Она слишком чувствительна, — сказал Джекоб, глядя на Розу.

Они замолчали, устремив глаза друг на друга. И, глядя на них, Хьюго испытал что-то похожее на зависть. Он никогда никого не знал так, как эти двое знали друг друга, и не открывал никому свое сердце, чтобы кто-то мог узнать его. Напротив, он гордился тем, что его душа — потемки, что он — тайна за семью печатями, от всех отдален. Каким же он был дураком.

— Ну, вы видите? — сказала наконец Роза. — Он просто невозможен.

Она изобразила раздражение, снисходительно улыбаясь возлюбленному.

— Ему не нужно ничего, кроме ответов. А я говорю ему: отдайся течению, насладись им. Так нет же, ему нужно познать суть вещей. «Для чего мы здесь, Роза? Зачем мы родились?» — Она бросила взгляд на Хьюго, — Что, опять софистика?

— Нет, — сказал Стип, усмехаясь. — Я тебе не позволю так говорить.

Он встал и посмотрел на Хьюго.

— Вы, может быть, и не признаете это, но и в вашей голове крутится тот же вопрос. И не говорите, что это не так. Этот вопрос мучит всякое живое существо.

— Вот в этом я сомневаюсь, — вставил Хьюго.

— Вы не видели мир нашими глазами. Не слышали нашими ушами. Вы не знаете, как он стонет и рыдает.

— Попробуйте провести здесь одну ночь, — сказал Хьюго. — Я наслушался рыданий...

— Где Уилл? — неожиданно спросил Стип.

— Что?

— Он хочет знать, где Уилл, — пояснила Роза.

— Ушел, — ответил Хьюго.

— Он навещал вас?

— Да, приходил. Но я не смог его вынести и сказал, чтобы он уходил.

— За что вы его так ненавидите? — спросила Роза.

— Я его не ненавижу. Просто он мне не интересен, только и всего. У меня, знаете ли, был другой сын...

— Да, вы говорили, — напомнила Роза.

— Я его любил больше жизни. Вы таких ребят не видели. Его звали Натаниэль. Я говорил?

— Нет.

— Он был замечательный.

— И как Уилл к этому отнесся? — спросил Стип. Хьюго слегка нахмурился: его отвлекли от воспоминаний.

— К чему — к этому?

— К тому, что вы его прогнали.

— А бог его знает. Он всегда себе на уме. Я никогда не знал, о чем он думает.

— Это он унаследовал от вас, — заметила Роза.

— Может быть, — согласился Хьюго. — Так или иначе, но он не вернется.

— Он придет к вам еще раз, — сказал Стип.

— Я уверен, что нет.

— Поверьте мне — придет, — сказал Стип. — Это его долг.

Он бросил взгляд на Розу, которая осторожно присела на краешек кровати Хьюго и положила руку ему на грудь.

— Что вы делаете? — спросил он.

— Успокойтесь.

— Я спокоен. Что вы делаете?

— Это как благодать, — сказала она.

Хьюго обратился к Стипу:

— Что это она несет?

— Он придет отдать вам долг, Хьюго... — ответил Стип.

— Это что такое?

— ...и он будет слаб. Мне нужно, чтобы он был слаб.

Хьюго теперь слышал стук у себя в висках, но становился спокойнее.

— Он и без того слаб, — проговорил он слегка заплетающимся языком.

— Как плохо вы его знаете, — сказал Стип. — Он столько всего повидал. Много чему научился. Он опасен.

— Для вас?

— Для моей цели.

Даже в этом полудремотном состоянии Хьюго понял, что они подошли к самому важному — к цели Стипа.

— И... в чем же именно... она... состоит? — спросил Хьюго.

— Познать Бога, — ответил Стип. — Когда я познаю Бога, я пойму, для чего мы родились, — она и я. Мы будем взяты в вечность и исчезнем.

— И Уилл мешает вам?

— Он отвлекает меня, — сказал Стип. — Он распускает слухи, будто я Дьявол...

— Ну-ну, — сказала Роза, словно успокаивая его. — Ты опять впадаешь в паранойю.

— Распускает! — с неожиданной яростью сказал Стип. — Что такое эти его треклятые книги, если не обвинения? Каждый снимок, каждое слово — как нож! Нож! Вот сюда! — Он ударил себя кулаком в грудь. — А ведь я был готов полюбить его!

— Был-был, — подтвердила Роза.

— Я бы холил его, сделал бы его моим идеальным дитятей.

Стип поднялся со стула и двинулся к кровати. Взгляд его был устремлен на Хьюго.

— Вы его никогда не понимали. Вот что обидно. Для него. Для вас. Вы были так ослеплены той смертью — не видели, кто живет рядом с вами, под самым вашим носом. Такой прекрасный человек, такой отважный, что я должен его убить, прежде чем он окончательно погубит меня.

Стип перевел взгляд на Розу.

— Давай кончай с этим, — сказал он. — На него не стоит тратить слова.

— Кончай с этим? — переспросил Хьюго.

— Ш-ш-ш, — сказала Роза. — Выкиньте все из головы. Так будет легче.

— Может быть, для вас... — сказал он и попытался сесть.

Но ей было достаточно легонько надавить ему на грудь, чтобы он остался на прежнем месте. Стук его сердца становился громче, веки — тяжелее.

— Ш-ш-ш, — повторила она, словно обращалась к беспокойному ребенку, — не двигайтесь...

Она чуть наклонилась — он почувствовал ее тепло, дыхание, и ему захотелось свернуться калачиком в ее объятиях.

— Я сказал, — тихо произнес Стип, — что он увидит вас еще раз. Но вы, Хьюго, его не увидите.

— О боже... нет...

— Вы его не увидите.

Он снова попытался встать с кровати, и на этот раз она позволила ему приподняться — достаточно, чтобы подвести под него руку и теснее прижаться к нему. Она стала напевать — тихую, усыпляющую колыбельную.

«Не слушай ее, — сказал он себе, — не поддавайся».

Но звук ее голоса был такой нежный, такой спокойный и утешительный, что Хьюго захотелось свернуться в объятиях этой женщины и забыть о хрупкости своих костей, об ожесточенности сердца; захотелось засопеть и прикинуть губами к ее наполненному молоком соску...

Нет! Это означало смерть! Он должен противиться ей. Его мышцам не хватало силы, чтобы освободиться. Он мог надеяться только на одно: что ему удастся втиснуть какую-нибудь важную мысль между его жизнью и той песнью, что она пела, — что угодно, только бы не раствориться в ее объятиях.

Книга! Да, он будет думать о книге, которую сможет написать, когда освободится от этой женщины. Книга, которая затронет души людей и изменит их. Что-нибудь исповедническое, может быть, написанное со свойственным ему сарказмом. Что-нибудь острое и язвительное, как можно более далекое от этой сладкой песенки. Он напишет правду: о Сартре, об Элеонор, о Натаниэле...

«Нет, не о Натаниэле. Не хочу думать о Натаниэле».

Но было слишком поздно. Образ Натаниэля появился перед его мысленным взором, а вместе с ним — колыбельная, полная сладкой грусти. Слов он до конца не понимал, но суть была ясна. Это были слова утешения, они предлагали закрыть глаза и перенестись отсюда в страну за границами сна, куда отправляются играть все дети мира.

Его веки так отяжелели, что он смотрел сквозь щелочки. Но все же ему был виден Стип, который наблюдал за ним от изножья кровати и ждал, ждал...

«Я не доставлю тебе этого удовольствия — не умру», — подумал Хьюго.

И с этой мыслью перевел взгляд на любовницу Стипа. Ее лица он не смог увидеть, но чувствовал полноту ее груди рядом со своей головой и все еще отваживался питать надежду. Он будет трахать ее в своем воображении, да, именно этим он и займется: преградит своей эрекцией дорогу смерти. Он разденет эту женщину мысленным взором, уложит ее, она будет рыдать под его напором, пока горло ее не начнет так саднить, что она не сможет петь колыбельную. Он начал двигать бедрами под одеялом.

Она перестала петь.

— Ну... — пробормотала она, — что же ты делаешь?

Она сдвинула в сторону блузку и обнажила грудь, ублажая его. Его непослушный рот принялся искать ее сосок, нашел и вобрал в себя. Ее рука отправилась под простыни, под резинку его пижамных штанов и нежно прикоснулась к нему. Он вздрогнул. Он совсем не это планировал. Совсем не это. Он все еще был ребенком, невзирая на то, что она ласкала, все еще младенцем, растекался в ее объятиях, как масло.

Какую-нибудь другую историю! Быстро. Он должен родить какую-нибудь высокую и взрослую мысль, чтобы ускорить биение своего сердца. Иначе все кончится. Этика? Нет, не годится. Холокост? Нет. Демократия, справедливость, крушение цивилизации? Нет, нет, нет. Не было ничего достаточно мрачного и великого, чтобы спасти его от этой груди, от ласкающих пальцев, от легкости, с какой он лежит здесь, позволяя сну забирать его в темноту. Он слышал, как сердце колотится у него в висках. Чувствовал, как сгущается и замедляется кровь в жилах. Но ничего не мог с собой поделать. Да и не хотел. Веки дрогнули и закрылись, губы потеряли сосок, и он полетел вниз, вниз, вниз, и летел, пока дальше уже некуда было падать.

IX

Уилла разбудил телефонный звонок, но к тому времени, когда он вырвался из объятий сна, звонок прекратился. Он сел в кровати, нашарил часы — начало пятого. Прислушался: что-то говорила Адель, он не уловил слов, которые перешли в рыдания. Включив лампу, он нашел нижнее белье, натянул его и вышел на лестницу, когда она уже вешала трубку. Он знал, что она скажет, еще до того, как Адель повернула к нему заплаканное лицо. Хьюго умер.

Если это может их немного утешить, сказал дежурный врач, когда они вошли в больницу, то умер он спокойно, во сне. Вероятно, сердечная недостаточность — что поделаешь, человек его лет, после такого избиения. Но завтра они скажут точно. А пока не

хотят ли они взглянуть на него?

— Конечно, я хочу его увидеть, — сказала Адель, вцепившись в руку Уилла.

Хьюго все еще оставался в кровати, там, где разговаривал с ними двенадцать часов назад, под голову ему подложили подушку, борода лежала на груди, как вязаное полотенце.

— Ты должен попрощаться первым, — сказала Адель, пропуская Уилла вперед.

Сказать ему было нечего, но он все равно подошел к телу. Во всей этой сцене было что-то искусственное: простыня разглажена слишком ровно, тело лежит слишком симметрично, так почему бы и ему не сыграть роль? Не склонить голову, не изобразить скорбь? Но он, стоя там и глядя на руки с маникюром и вены на веках, чувствовал только презрение, исходившее от этого человека все прошедшие годы, пренебрежение и отвращение. Он больше никогда этого не услышит, но и не будет искать способы избежать, и понемногу это станет источником боли.

— Вот и все, — сказал он вполголоса.

Даже теперь, понимая всю нелепость таких ожиданий, он опасался, что отец откроет лукавый глаз и назовет его идиотом. Но Хьюго ушел туда, куда уходят печальные отцы, и оставил сына наедине с его смятением.

— Прощай, па, — пробормотал Уилл и, отвернувшись, пропустил Адель на свое место.

— Хотите, чтобы я остался с вами? — спросил он ее.

— Я бы лучше побыла одна, если не возражаешь. Хотела бы сказать несколько слов — между им и мной.

Уилл оставил ее, спрашивая себя, что же Адель скажет, когда он выйдет. Будут ли это слезливые признания в любви, теперь ничем не скованные, когда можно не опасаться его окрика? Или просто тихий разговор: она возьмет его руку и мягко упрекнет за то, что он ушел так неожиданно, поцелуй в щеку и слово прощания? Мысли об этом тронули его гораздо сильнее, чем вид мертвого тела. Преданная Адель, шепчущая на руинах, Адель, которая на исходе жизни прилепилась к отцу, сделав его удобство целью своей жизни, а его привязанность к ней — подтверждением правильности ее действий.

Предположив, что она задержится у Хьюго, он не пошел на ярко освещенную парковку, а направился к боковой двери, выходившей в скромный больничный сад. Там было достаточно света, который проливался из окон, и он без труда нашел дорогу к скамейке под деревом, на которую и сел, намереваясь немного поразмышлять. Прошло несколько минут, и он услышал какое-то движение в кроне. Потом несколько осторожных трелей — птицы торопили приход дня. На востоке появился тончайший лоскут холодного серого цвета. Уилл смотрел на него, как смотрит на минутную стрелку часов ребенок, чтобы заметить ее движение, но каждый раз стрелка крохотными приращениями обманывает глаз. Вокруг было и еще кое-что. Розовые кусты и гортензии, стена, поросшая плющом; темнота оставалась еще слишком густой, и он не смог разглядеть расцветку цветов. Но с каждой минутой все становилось светлее, словно снимок, проявлявшийся в ванночке, и он стал понемногу различать тона. В какой-нибудь другой день это могло бы захватить Уилла с его зрением, жадным до зрелищ. Но сейчас он не находил удовольствия ни в цветах, ни в зарождающемся дне.

— И что теперь?

Он посмотрел в направлении голоса. У поросшей плющом стены стоял человек. Нет, не человек — Стип.

— Он мертв, и теперь ты никогда не поладишь с ним, — сказал Стип. — Я знаю... ты заслуживаешь лучшего. Он должен был любить тебя, но не мог найти любовь в своем сердце.

Уилл не шелохнулся. Он сидел и смотрел, как Стип приближается. Душа Уилла разделилась на две части: одна пребывала в страхе, другая — в предвкушении блаженства. Ведь для этого он и приехал сюда. Не в надежде на примирение с отцом, а за этим.

— Сколько лет прошло? — сказал Стип. — Мы с Розой никак не могли вспомнить.

— Разве это не записано в твоей книжечке?

— Эта книга для мертвых, Уилл. Ты пока не числишься среди них.

— Почти тридцать лет.

— Неужели? Тридцать. Ты сильно изменился, а я нет. И это трагедия для нас обоих.

— Я просто вырос. В этом нет ничего трагического. — Он встал, и это движение остановило Стипа. — Зачем ты до полусмерти избил моего отца?

— Он тебе сказал об этом?

— Сказал.

— Значит, должен был сказать и зачем.

— Не могу поверить, что ты такой мелочный. Ты лучше. Он был беззащитный старик.

— Если бы я никогда не трогал беззащитных, то ничего бы не трогал, — сказал Стип.

— Ты наверняка помнишь, каким проворным может быть мой маленький ножик.

— Помню.

— Я гроза всего живого.

— Ты преувеличиваешь, — сказала Роза, выплывая из тени за Стипом. — Мне нечего бояться.

— Сомневаюсь, — заметил Стип.

— Слушай его, — продолжала Роза. — Мне жаль твоего отца. Ему нужна была капелька нежности — только и всего...

— Роза, — предупредил Джекоб.

— ...и я побаюкала его немного. Он был так спокоен.

Признание было сделано с такой легкостью, что Уилл сначала даже не понял, что услышал. Потом до него дошло.

— Ты убила его.

— Не убила, — сказала Роза. — Убийство — жестокая вещь, а я не была с ним жестока. Она улыбнулась, ее лицо светилось в темноте.

— Ты же видел, как он выглядит, — добавила она. — Каким умиротворенным он был в конце.

— Я так легко не уйду, — сказал Уилл, — если у вас это на уме.

Роза пожала плечами.

— Тебе будет хорошо. Сам увидишь.

— Помолчи, — оборвал ее Стип. — Ты позабавилась с папочкой. А сынок принадлежит мне.

Роза смирив его желчным взглядом, но ничего не сказала.

— Она говорит правду о Хьюго, — продолжил Стип. — Он не страдал. И ты тоже не будешь страдать. Я пришел сюда не для того, чтобы мучить тебя, хотя, видит Бог, уж ты-то меня помучил...

— Начал это ты, а не я.

— Но ты не уступал, — сказал Стип. — Любой другой давно бы сдался. Завел жену, чтобы любила его, детей, собак — что угодно. Но не ты — ты не уступал, преследовал меня, пил мою кровь.

Он говорил сквозь стиснутые зубы и весь дрожал.

— Это должно прекратиться. Здесь. Сейчас Оно прекратится здесь.

Стип расстегнул пиджак. Нож висел на ремне, ждал его пальцев. Ничего удивительного в этом не было: Стип пришел сюда в роли палача. Уилла удивило другое: с каким спокойствием он сам отнесся к этому. Да, Стип опасен, но разве не опасен и он, Уилл? Одно прикосновение плоти к плоти — и он унесет Стипа далеко от этого серого утра, назад в лес, возможно, туда, где лежит с выклеванными глазами Томас Симеон. Туда, где семенит лис; Господин Лис, животное, которое многому его научило. Эта мудрость теперь была при нем. Она сделала его коварным. Она сделала его скрытным.

— Тогда прикоснись ко мне, — сказал он Стипу, протягивая руку врагу, как Симеон, показавший лучезарный лепесток. — Попробуй. Прикоснись. И посмотрим, что будет.

Стип остановился, мрачно глядя на Уилла.

— Ты же сказал, что он будет слаб, — с улыбкой заметила Роза.

— Я сказал: помолчи.

— У меня такие же права...

— Заткнись! — взревел Стип.

— Почему бы нам не поговорить об этом, как цивилизованным людям? — спросил Уилл. — Мне этот кошмар нужен не больше, чем тебе. Я хочу отпустить тебя. Клянусь.

— Это не в твоей власти, — сказал Стип. — У тебя в голове дыра, сквозь которую входит мир. Может, ты унаследовал ее от своей психованной матушки. Малость телепатических способностей. Это не играло бы никакой роли, имей ты дело с обычным человеком.

— Но я имею дело с необычным.

— Да.

— Ты нечто иное. И она тоже.

— Верно...

— Но вы не знаете, кто вы?

— Ты похож на отца больше, чем думаешь, — заметил Стип. — Оба ищите ответы, когда жизнь висит на волоске.

— Ну? Так знаете или нет?

Ответила Роза — не Стип:

— Согласись, Джекоб. Мы не знаем.

— Может, я могу помочь, — предложил Уилл.

— Нет, — ответил Стип. — Ты меня не убедишь — я тебя все равно не пощажу. Так что не трать время. Я не так уж боюсь собственных воспоминаний, я смогу выносить их достаточно долго и перережу тебе горло, не вздрогнув. — Он извлек клинок из кожаных ножен. — Это была не твоя ошибка, признаю. Ошибся я. Я был один, и мне нужен был напарник. Я сделал неудачный выбор. Все очень просто. Будь ты обычным ребенком, после этих приключений пошел бы своим путем. Но ты увидел слишком много. Почувствовал слишком много.

Его голос слегка охрип от эмоций, но не от гнева, вовсе не от гнева.

— Ты... взял меня... в свое сердце, Уилл. А это мне не подходит.

Свет был достаточно ярким, а Стип подошел близко, и Уилл увидел, что он просто болен от нетерпения. Лицо бледное и тревожное, красота, несмотря на бороду и куполообразный лоб, стала почти женственной, расцвела почти буйным цветом в его губах, глазах, кривизне скул в ущерб остальному. Он поднял нож, и, когда сверкнула сталь, Уилл вспомнил чувство, которое испытал, когда нож оказался в его руке. Тяжесть. Как удобно он лег в руку. Как тянул за собой пальцы, торопил сделать дело. Если Стип подойдет на расстояние удара, надежды на спасение не останется. Нож найдет жизнь Уилла и заберет ее с такой быстротой, что Уилл даже не почувствует, как она его покинет.

Он посмотрел налево в поисках калитки, ведущей из сада. До нее было десять или двенадцать ярдов. Если он бросится туда, Стип перехватит его в три прыжка. Единственная надежда была на то, что ему удастся остановить Стипа, а единственным средством было имя.

— Расскажи мне о Рукенау, — сказал он.

Стип остановился, его лицо — сейчас он был не в состоянии скрывать чувства — выражало неприкрытое удивление. Рот открылся, но он не сказал ни слова. Заговорила Роза:

— Ты знаешь Рукенау?

Но Стип уже пришел в себя и смог произнести:

— Невозможно.

— Тогда как же...

— Это не имеет значения, — сказал Стип, решив не отвлекаться и сделать то, что задумал. — Я не хочу о нем слышать.

— А я хочу, — сказала Роза, направляясь к Стипу. — Если ему что-то известно, мы должны дознаться, что именно.

Она обошла Джекоба и встала между Уиллом и ножом. По крайней мере, это уже что-то

— не видеть перед собой клинка.

— Что ты знаешь о Руkenaу?

— Немного того, немного сего, — сказал Уилл, стараясь говорить как можно небрежнее.

— Ну, видишь? — сказал Стип. — Ничего он не знает.

Уилл увидел, как тень сомнения пробежала по лицу Розы.

— Лучше все мне сказать, — вполголоса посоветовала она. — И быстро.

— Тогда он меня убьет, — ответил Уилл.

— Я смогу его убедить, и он тебя отпустит, — сказала она, переходя на шепот. — Если ты можешь доставить весточку Руkenaу... Передай: я хочу к нему вернуться...

Уилл увидел лицо Стипа за плечом Розы. Пока он ждал, но его терпение было на исходе. Если Уилл сейчас же не предоставит более веских доказательств, нож вонзится в него. Он глубоко вздохнул и выдал единственную достоверную информацию, которой владел.

— Вернуться в Дом, ты хочешь сказать? — спросил он. — В Домус Мунди?

Глаза у Розы расширились.

— Боже мой, он и в самом деле что-то знает. — Она повернула голову к Стипу. — Ты слышал, что он сказал?

— Это его фокусы, — ответил Стип. — Он нашел это в моей голове.

— Ну, так далеко ты меня не впускал, — возразил Уилл.

Горящие глаза Розы снова были устремлены на Уилла.

— Я хочу вернуться туда, — сказала она. — Увидеть...

Она не успела закончить. Стип схватил ее под локоть и оттащил от Уилла. Ее реакция была мгновенной. Она вывернула руку из пальцев Джекоба и ударила его по лицу почти небрежным движением. От удара Стип пошатнулся. Он отступил, как показалось Уиллу, скорее от удивления, чем от боли.

— Не смей ко мне прикасаться! — брызгая слюной, сказала она Стипу и повернулась к Уиллу, чтобы закончить разговор. — Быстро говори, что тебе известно. Если поможешь мне, я помогу тебе. Клянусь.

Уилл видел, что она говорит правду.

— Я тебе говорила, я не жестока, — продолжала она. — Это Джекоб желал смерти твоего отца, не я. Он хотел, чтобы ты ослабел от горя.

Стип у нее за спиной проворчал что-то, но она не обратила на это внимания.

— Зачем нам быть врагами? Мы оба хотим одного и того же.

— И что же это?

— Исцеление, — сказала она.

И тут Стип снова схватил ее, теперь грубее, и оттолкнул в сторону. На сей раз она не ударила его, а развернулась с проклятием на губах. Что случилось потом? Все происходило так быстро, что разобрать что-то было невозможно. Уилл увидел нож между ними — он двигался, как и тогда, в роще на холме, словно молния, от которой нет спасения. Потом он исчез из вида — его загородило тело Розы, а когда она повернулась, Уилл увидел, что рукоять торчит из ее груди. Он услышал хриплый выдох, перешедший в рыдание, увидел, как она обратила лицо к Стипу, который в тот же миг опустил взгляд туда, куда вонзился нож. Издав еще один рыдающий вздох, Роза оттолкнула своего убийцу. Он отступил с пустыми руками, и она несколько мгновений стояла, пошатываясь, потом подняла руки, чтобы схватить клинок, который по-прежнему торчал из ее груди.

Пальцы Розы нащупали рукоять, и она с криком, который наверняка разбудил всех пациентов больницы, вытащила его из собственной плоти и бросила на землю. За клинком устремилась какая-то странная жидкость, обильно смочившая ее блузку и юбку. Она с любопытством смотрела на эту субстанцию. Потом, подняв голову, чтобы снова взглянуть на Джекоба, на нетвердых ногах двинулась к нему.

— Ах, Джекоб, — рыдая, выговорила она. — Что ты наделал?

— Нет-нет, — сказал он, качая головой, по его щекам катились слезы. — Это не я...

— Держи меня! — сказала она, разбрасывая руки и падая в его сторону.

По его выражению было ясно, что он не хочет к ней прикоснуться, но у него не оставалось выбора. Он сделал шаг ей навстречу, чтобы поймать, раскинул руки, повторяя ее движение, как в зеркале, потом замкнул; инерция ее падения увлекла их обоих — они упали на колени. Он больше не говорил о своей невиновности, просто опустил голову на ее плечо и, рыдая, снова и снова повторял ее имя.

Уилл не хотел видеть конец этой сцены. У него было время, чтобы сбежать, и он воспользовался им, подальше обойдя эту парочку на пути к калитке. Вдруг он увидел орудие убийства: нож лежал на росистой траве там, куда его уронила Роза. Инстинкты Уилла сработали быстро, не оставив места сомнениям. Одним движением он подобрал нож, тяжесть которого заряжала восторгом руку. Только выйдя за калитку и почувствовав себя в безопасности, он решился посмотреть на Розу и Джекоба. Пара оставалась в том же положении. Они так и стояли на коленях, Стип прижимал к себе женщину. Рыдал ли он? Уиллу показалось, что рыдал. Но трели птиц, поднимавшихся отовсюду по своим дневным делам, были такие громкие, что скорбные звуки тонули в них.

Х

Обстоятельства требовали, чтобы Уилл тренировал свое умение лгать, и он довел его до совершенства, чтобы обманом получать разрешение пробираться в места, доступ в которые был запрещен, снимать то, что не должен был видеть. Этот навык хорошо послужил ему после происшествия в больничном саду. Сначала в больнице, через считанные минуты после сцены с ножом, когда он подписывал бумаги, разрешавшие привязать бирку к ноге отца и увезти тело, потом в машине с Аделью, когда они возвращались домой, — на протяжении всего этого времени он напускал на себя расстроенный и угнетенный вид, усомниться в искренности которого было невозможно.

Он, конечно, не повторил Адели признания, которое сделала Роза. Какой в этом смысл? Пусть верит, что ее возлюбленный Хьюго мирно умер во сне. Зачем тревожить эту женщину правдой со всеми ее нелепыми подробностями. К тому же правда вызывала вопросы, на которые у Уилла не было ответов. По крайней мере, пока. В саду было сказано достаточно для того, чтобы он стал лелеять надежду, что ему удастся раскрыть тайну. Слова, сказанные Розой о Рукенау, из которых выходило, что он живое существо (видимо, столь же неподвластное годам, как сама Роза и Стип), и представление о том, что он каким-то образом может исцелить ее боль (может, она предчувствовала рану, которую вот-вот должна получить?), стали двумя новыми составляющими этой истории. Он пока не свел воедино все части головоломки, но непременно сделает это. Уилла еще не покинуло чувство, охватившее его в саду: что Господин Лис с его искрометным нравом остался в нем. И он вынюхает правду, сколько бы трупов ни было навалено сверху.

Это, несомненно, опасно: жестокие намерения, которые Стип вынашивал перед рассветом, теперь стократно умножились. Уилл больше не был ошибкой выбора, мальчишкой с дырой в голове, выросшим в слишком прилипчивого взрослого. Он не только владел информацией (малой толикой информации, но Стипу это было неизвестно), но еще и видел, как была ранена Роза. И словно всего этого было мало, Уилл теперь еще и завладел ножом. Ведя машину, он чувствовал, как нож постукивает по груди — он лежал во внутреннем кармане. Джекоб заявится если не за чем другим, то уж за ножом — точно.

Понимая это, Уилл хотел как можно скорее расстаться с Аделью. Стип явно не испытывал ни малейшей жалости к людям, которые оказывались между ним и его жертвой. Если Адель окажется на его пути, ее жизнь не будет стоить ломаного гроша. К счастью, ее слезы высохли, по крайней мере на время: она перебирала, что нужно сделать. Связаться с похоронной конторой, купить гроб, сказать викарию в церкви Святого Луки, чтобы организовал службу. Они с Хьюго нашли миленький участок у западной стены кладбища,

сообщила она Уиллу. Странно, подумал Уилл, что человек, презиравший религию, отказался от кремации и предпочел лежать среди богобоязненных деревенских стариков. Возможно, Хьюго сделал это ради Адели, но и это удивительно: он пренебрег собственными чувствами, потворствуя ее желаниям. В особенности в том, что касалось этого последнего решения. Может быть, он питал к ней более глубокие чувства, чем казалось Уиллу.

— Он оставил завешание, это я знаю, — говорила Адель. — Оно у нотариуса в Скиптоне. Как его... мистер... Напьер. Точно. Напьер. Думаю, связаться с ним должен ты, как ближайший родственник.

Уилл сказал, что сейчас же это сделает.

— Но сначала завтракать, — сказала Адель.

— Может, вам лучше на несколько часов пойти к сестре, — сказал Уилл. — Зачем вам готовить...

— Именно это я и хочу делать — готовить, — твердо сказала она. — В этом доме я была счастливее, — когда она говорила это, они подъезжали к воротам дома, — чем в каком-либо другом месте. И именно здесь я хочу быть сейчас.

Уилл прекрасно помнил ее упрямство и понимал, что дальнейшие уговоры лишь укрепят Адель в ее решении. Лучше уж позавтракать и обдумать ситуацию не на пустой желудок. Уилл подозревал, что у него есть несколько спокойных часов, прежде чем Стип сделает следующий ход. Джекобу нужно куда-то деть тело Розы, если она, конечно, мертва. Если же Роза осталась жива, можно предположить, что он станет ее выхаживать. По меньшей мере рана ее очень серьезна, к тому же ее нанесло оружие, обуреваемое жаждой убийства. Но срок жизни Розы уже многократно превзошел срок жизни простого смертного (она побывала на берегах Невы двести пятьдесят лет назад), а потому убить ее не так просто, как человеческое существо. Может быть, сейчас она уже в шаге от выздоровления.

Иными словами, он знал очень мало, а предсказать мог еще меньше. Что делать в таких обстоятельствах, если не есть? Это был рецепт Адели, и, ей-богу, он действовал. И у него, и у нее на душе полегчало, пока она готовила и подавала завтрак, вполне подходящий для потенциального самоубийцы: бекон, колбаса, яйца, почки, грибы, томаты и жареные хлебцы.

— Ты когда вчера уснул? — спросила она за едой.

Он ответил, что не раньше половины второго.

— Сегодня тебе надо немного поспать, — сказала она. — Два часа — это для кого хочешь мало.

— Может, попозже выкрою время, — ответил он, хотя и понимал, что придется выбирать между усталостью и необходимостью быть начеку.

Подкрепившись, выпив чаю и выкурив две сигареты, он ради душевного спокойствия Адели позвонил нотариусу Напьеру. Тот выразил соболезнования и подтвердил, что документы были подготовлены два года назад, и если Уилл не будет оспаривать волю отца, то все деньги Хьюго и, конечно, дом достанутся Адели Боттралл. Уилл ответил, что у него нет ни малейшего желания оспаривать волю отца, и, поблагодарив Напьера за быстрый ответ, отправился сообщить эту новость Адели. Он нашел ее у дверей кабинета Хьюго.

— Думаю, лучше тебе посмотреть его бумаги, — сказала она. — Ну, на тот случай, если... ой, я не знаю... что-нибудь от твоей матери. Всякие конфиденциальные вещи.

— Нам не обязательно делать это сегодня, Адель, — мягко сказал Уилл.

— Да-да, я знаю. Но когда придет время, мне было бы удобнее, если бы их посмотрел ты.

Он обещал посмотреть и сообщил о своем разговоре с Напьером.

— Не знаю, что мне делать с домом, — запричитала она.

— Не думайте об этом сейчас, — сказал Уилл.

— У меня голова кругом, когда доходит до этих юридических вещей, — сказала Адель таким тихим голосом, какого он у нее еще не слышал. — Я пугаюсь, когда слышу разговоры адвокатов.

Он взял ее за руку. Тонкие пальцы были холодны, а кожа мягкая-мягкая, словно и не

было столько лет стирок и уборок.

— Адель, — сказал он, — отец был очень педантичный человек.

— Да, мне это в нем нравилось.

— Так что вам нечего волноваться...

Она вдруг перебила его:

— Знаешь, я его любила.

Эти слова, казалось, удивили ее не меньше, чем Уилла. В глазах Адели стояли слезы.

— Он сделал меня... такой счастливой.

Уилл обнял ее, и она с благодарностью приняла этот жест утешения, зарыдала у него на плече. Он не стал оскорблять ее горе банальностями. Она любила этого человека всем сердцем, а теперь он ушел, и она осталась одна. Тут не нужно слов. Утешение, которое Уилл мог ей дать, он дал своим объятием. Уилл легонько покачивал ее, а она плакала.

Он повидал траур в самых разных его проявлениях. Снимал слонов у трупов их погибших сородичей, когда каждое движение выражало скорбь. Обезьян, обезумевших от горя, вопящих, как родственники, оплакивающие покойника. Зебру, обнюхивающую жеребенка, убитого дикими собаками, ее голова клонилась к земле под тяжестью утраты. Жизнь жестока к тем, кто привязан к близким, потому что любые связи рано или поздно прерываются. Любовь может быть гибкой, вот только жизнь — штука хрупкая. Она трескается, крошится, а земля занята своим делом, и небо остается таким, как прежде, словно ничего не случилось.

Наконец Адель оторвалась от него и вытерла слезы скомканным платком.

— Ну, слезами горю не поможешь, — шмыгнув носом, сказала она и прерывисто вздохнула. — Жаль, что у вас с Хьюго отношения не сложились. Уж я-то знаю, каким он мог быть, можешь мне поверить. Но он бывал и замечательным, когда чувствовал, что можно бросить этот выпендрей. Со мной ему это было не нужно. Я в нем души не чаяла, и он это знал. И конечно, ему это нравилось. Всем мужчинам это нравится.

Она громко хмыкнула, и на мгновение Уиллу показалось, что она опять заплачет, но Адель справилась со слезами.

— Схожу к викарию, — сказала она, изображая слабое подобие улыбки. — Нужно подумать, какие псалмы петь.

Когда она ушла, Уилл открыл дверь кабинета и заглянул внутрь. Шторы были задернуты не до конца, и на запыленный стол и протертый ковер падали солнечные лучи. Уилл вошел в кабинет, вдохнул запах книг и застоялого сигаретного дыма.

Это была крепость Хьюго — кабинет великого человека и великих мыслей, как он любил говорить. Книжные стеллажи, занимавшие две стены от пола до потолка, заставлены книгами. Здесь все: Гегель, Кьеркегор, Хьюм, Витгенштейн, Хайдеггер, Кант. В юности Уилл заглядывал, в один-два из этих томов — последняя слабая попытка завоевать симпатии Хьюго, но их содержание было таким же непонятным, как математические формулы. На старинном столике слева от окна размещалась вторая знаменитая коллекция этой комнаты: дюжина, а то и больше бутылок солодового виски — все редкие сорта, и все они вкушались, когда дверь в кабинет была закрыта и Хьюго оставался здесь один. Уилл представил отца, как тот сидит в потертом кожаном кресле за столом, потягивает виски и размышляет.

«Может быть, виски помогало ему понимать эти слова, — подумал Уилл, — может, его ум продирался сквозь дебри Канта быстрее, смоченный односолодовым напитком?»

Он подошел к столу, на котором стояла третья коллекция — медные пресс-папье, штук семь или восемь, прижимавшие стопки бумаг. Если и уцелели какие-то письма от Элеонор, то они должны быть где-то в столе, в одном из ящиков. Но Уилл сомневался в их существовании. Даже если предположить, что его родители когда-то были влюблены и обменивались страстными *billet-doux*,¹ Уилл не мог представить, чтобы Хьюго хранил их, когда они расстались.

Посреди стола на бюваре лежала пачка бумаг. Уилл пролистал их. Похоже, это записки

¹ Любовные записки (*фр.*) .

к лекции, каждое второе слово поставлено под сомнение, перечеркнуто, переписано, части текста снабжены такими мелкими примечаниями, что прочесть невозможно. Он раздвинул шторы пошире, чтобы в кабинет проникало больше света, сел за отцовский стол и стал изучать эти клочки бумаги, пытаясь собрать их воедино, чтобы понять смысл.

«Мы ежедневно имеем дело с мерзостными фактами нашей животной природы, — писал Хьюго, — настолько проникаясь (неразборчиво) самоограничениями, что даже не замечаем их. Мы не исследуем экскременты в горшке или соплю в носовом платке по нравственным или этическим (вместо "этическим" сначала было написано "духовным", но потом зачеркнуто) соображениям».

Следующий абзац вычеркнут целиком, слова заштрихованы — так велико было желание стереть их. Следовавший дальше текст написан четче, но все равно довольно загадочен:

«Мы можем допустить, что слезы несут в себе меру эмоциональной нагрузки. В определенных (неразборчиво) пот может быть (неразборчиво) Но поскольку научные методологии становятся все более изощренными, приборы диаграммируют и ("калибруют" или "фиксируют", одно из двух) нюансы явленного мира с точностью, которая десять лет назад показалась бы невероятной, мы вынуждены переосмыслить наши допущения. Химические маркеры — соки, истекающие из наших органов и плоти как реакция на эмоциональную активность, — могут быть обнаружены во всех отходах нашей жизнедеятельности».

Кроме того, он нацарапал три вопросительных знака, словно выражая сомнение в приведенных фактах. Но тем не менее продолжал развивать этот тезис:

«Иными словами, эмоции оседают в самой отвратной материи наших локальных параметров, и скоро чувствительность измерительных инструментов достигнет таких высот, что мы сможем точно определять эмоциональный источник этих химических маркеров. Короче говоря, мы будем иметь возможность определять состав: слизи, в которой присутствуют следы зависти, образцов пота, в котором наличествует свидетельство нашего гнева, кучки экскрементов, которая может быть истолкована как любовь».

Извращенное остроумие этих рассуждений вызвало у Уилла улыбку — особенно позабавила последняя фраза, мысль за мыслью восходящая к кульминации в неизбежном столкновении возвышенного и низменного. Неужели Хьюго и в самом деле говорил это ученикам? Если так, подумал Уилл, то зрелище, вероятно, было захватывающее — увидеть, как до них доходит суть услышанного.

Затем следовали два с половиной вымаранных абзаца, после чего Хьюго повел свою аргументацию в еще более невероятном направлении. Язык становился все ироничнее.

«Как мы должны понимать и толковать эти добрые вести? — писал он. — Это курьезное соответствие между эмоциями, перед которыми мы преклоняемся, и выделениями из нашего организма? Может быть, передавая эти химические маркеры в живую и чувствительную матрицу мира, которую мы не отказываем себе в удовольствии называть нейтральной, мы оказываем на нее влияние такого рода, о каком еще не догадались ни наши ученые, ни наши философы? И более того, потребляя заново в виде еды продукты этой теперь уже нечистой реальности, не продолжаем ли мы и цикл эмоционального потребления, пусть и на уровне, который в настоящий момент не может быть инструментально зафиксирован; иными словами, не лакомимся ли мы, так сказать, салатом, приправленным чужими эмоциями?»

Давайте же признаем, что наши тела по меньшей мере представляют собой нечто вроде рыночной площади, на которой эмоции есть и средство платежа и потребляемый товар. А если мы позволим себе более смелый взгляд, представим, что территория, которую мы называли нашей внутренней жизнью, неким образом (каковой мы пока не в состоянии проанализировать или определить количественно) влияет на наш так называемый внешний, или наружный, мир, влияет столь малозаметно, но так всепроникающе, что различие между тем и другим, которое зависит от четкого определения не наделенного разумом

материального мира и нас, его мыслящих, подверженных эмоциям властелинов, становится более чем сомнительным. Возможно, грядущий вызов состоит не в том, что "основа расшаталась", как выразил это Йейтс,¹ а в том, что стираются границы. Все, что составляло определяемое завистью проявление наших человеческих качеств (наших интимных, внутренних "я"), на самом деле есть публичное зрелище, которое проявляется так универсально и так обыденно, что мы никогда не сможем отойти на достаточное расстояние, чтобы отделиться от того самого бульона, в котором варимся».

«Странные мысли», — подумал Уилл, кладя листы назад на бювар.

Хотя слово «духовное» было скрупулезно вымарано из текста, его воздействие сохранилось. Несмотря на ироничный юмор и чопорный лексикон, было видно, что текст написан человеком, который пытается найти путь к Божественному видению, который чувствует, хотя это и не доставляет ему удовольствия, что все его философствования — на пустом месте и пора уже их бросить. Либо так, либо он написал это мертвецки пьяным.

Уилл бездельничал уже слишком долго. Пора заняться делами, и в первую очередь повидать Фрэнни и Шервуда. Нужно рассказать им о том, что произошло в больнице, на тот случай, если Стип станет их искать. Вернувшись в гостиную, Уилл обнаружил, что Адель разговаривает по телефону — с викарием, решил он. Дожидаясь конца разговора, он взвешивал, что лучше: поговорить с Каннингхэмами по телефону или идти в деревню и разговаривать лицом к лицу. Когда Адель закончила, он уже принял решение. О таких вещах не говорят по телефону — он пойдет в деревню.

Адель сказала, что похороны назначены на половину третьего в пятницу — через четыре дня. Теперь, зная время похорон, она могла подумать о цветах, машинах и еде. Адель уже составила список тех, кого собиралась пригласить. Не хочет ли Уилл добавить кого-нибудь? Он сказал, что не сомневается: она пригласила всех, кого нужно, и если она будет заниматься делами, то он хочет на часок-другой сходить в деревню.

— А пока меня нет, я прошу вас запереть дверь, — сказал он ей.

— Зачем?

— Не хочу, чтобы в дом проникли... посторонние.

— Я тут всех знаю, — беспечно сказала Адель и, увидев, что это его не убедило, добавила: — А что тебя беспокоит?

Он предвидел этот вопрос и приготовил жалкую ложь. Он слышал, как в больнице две сестры говорили о каком-то человеке, который обманными разговорами проникает в чужие дома. Он описал Стипа, хотя и в самых общих чертах, чтобы не вызвать у нее подозрений. Уилл не был уверен, что убедил ее, но это не имело значения: если удалось посеять в ней достаточные опасения, чтобы, увидев Стипа, она не впустила его в дом, это его уже устраивало.

XI

1

Он не пошел прямо в дом Каннингхэмов — заглянул в газетный киоск, чтобы купить сигареты. Пока Уилл разбирал бумаги в кабинете, Адель успела поговорить еще с кем-то, кроме викария, потому что мисс Моррис уже знала о кончине Хьюго.

— Он был превосходный человек, — сказала она. — Когда похороны?

Он сказал: в пятницу.

— Я закрою киоск. Хочу отдать последний долг. Его будет не хватать здесь, вашего отца.

Фрэнни была дома, занята по хозяйству: фартук, волосы кое-как подколоты, в руке тряпка и аэрозоль с полиролью. Она с обычной теплотой встретила Уилла, пригласила в дом,

¹ Слова из стихотворения Уильяма Йейтса «Второе пришествие».

предложила кофе. Он отказался.

— Мне нужно поговорить с вами обоими, — сказал он. — Где Шервуд?

— Его нет, — ответила она. — Исчез сегодня рано утром, я еще спала.

— Такого раньше не было?

— Случалось, когда он неважно себя чувствовал. Он уходит на холмы, пропадает там целыми днями — просто гуляет. А что? Что-то случилось?

— Боюсь, много чего. Ты не присядешь?

— Что, так плохо?

— Не знаю пока, плохо ли, хорошо, — сказал он.

Фрэнни сняла передник, и они сели в кресла у холодного камина.

— Постараюсь как можно короче. — И Уилл уложил в пятиминутный рассказ все события, произошедшие в больнице.

Она коротко выразила соболезнование, узнав о смерти Хьюго, а потом молча слушала, пока он не дошел до того, какое впечатление произвело на Розу и Джекоба имя Руkenaу.

— Я помню это имя, — сказала Фрэнни. — Оно есть в книге. Руkenaу нанял Томаса Симеона. Но какое это имеет отношение к счастливой парочке?

— Они больше уже не счастливая парочка. — Уилл досказал оставшуюся часть истории.

Выражение ее лица с каждой минутой становилось все удивленнее.

— Он ее убил? — спросила она.

— Не знаю, мертва она или нет. Но если не мертва, это чудо.

— Боже мой. Что же теперь будет?

— Вообще-то Стип наверняка хочет закончить то, что начал. Он может дожидаться темноты, может...

— Просто постучать в дверь.

Уилл кивнул.

— Ты должна взять самое необходимое и быть готовой к отъезду, как только появится Шервуд.

— Думаешь, Стип придет сюда?

— Может быть. Он уже был здесь прежде.

Фрэнни бросила взгляд на входную дверь.

— О да... — вполголоса сказала она. — Мне это все еще снится. Отец в кухне. Шер на лестнице, а у меня в руках книга, которую я не хочу отдавать...

За последние минуты она заметно побледнела.

— У меня нехорошее предчувствие, Уилл. По поводу Шервуда.

Она поднялась и сплела пальцы.

— Что, если он с ними?

— Почему ты так думаешь?

— Потому что он так и не забыл Розу. Да что там — он все это время думал о ней, я абсолютно уверена. Он признался всего раз или два, но она никогда не выходила у него из головы.

— Тем больше причин собраться и быть готовыми к отъезду, — сказал Уилл, вставая. — Я хочу, чтобы мы уехали, как только появится Шервуд.

Она направилась — Уилл за ней — в холл.

— Ты говорил, что не уверен, плохие это новости или хорошие, — заметила Фрэнни на ходу. — Мне кажется, плохие.

— Но не для меня, — сказал Уилл. — Я тридцать лет жил в тени Стипа, а теперь свободен от него.

— Если он тебя не убьет, — добавила Фрэнни.

— И все равно я буду свободен.

Она посмотрела на него.

— Неужели все так ужасно?

— Как есть, так и есть, — ответил Уилл, пожав плечами. — Знаешь, я не жалею, что повстречался с ним: благодаря ему я стал тем, кто я есть. Неужели я должен сожалеть о том, что я — это я?

— Уверена, многие сожалеют. О том, что они — это они, я хочу сказать.

— Я не из их числа. Я достиг в жизни гораздо большего, чем рассчитывал в молодости.

— А теперь?

— Теперь я должен двигаться дальше. Я чувствую, это уже происходит. Во мне начинается какое-то движение.

— Я хочу, чтобы ты мне рассказал.

— Думаю, мне не найти слова, — сказал Уилл, улыбнулся и, увидев ее недоумение, добавил: — Я... взволнован. Знаю, это странно звучит, но так оно и есть. Я боялся, что все это никогда не кончится. А теперь это происходит.

Она отвела глаза и поспешила вверх по лестнице.

— У тебя есть способы защищаться от него? — крикнула Фрэнни с лестничной площадки.

— Да, есть.

— Ты мне не скажешь?

— Да есть одна штука, — сказал он и, сунув руку в карман, прикоснулся к ножу — впервые после того, как поднял его с земли.

Пальцам передались вибрации необыкновенной истории этого клинка, и он понял, что должен убрать руку, но его плоть отказывалась повиноваться. Пальцы обхватили липкую рукоять и мгновенно стали рабами исходившего от ножа упоения. Ах, сколько зла может причинить этот нож...

Убить Стипа не составит труда — вонзить клинок глубоко в эту несчастную плоть, чтобы остановилось сердце. А если у него нет сердца, нож будет колоть и колоть, оставляя раны, пока от него не останутся одни дыры, из которых вытечет жизнь.

— Уилл? — окликнула с лестницы Фрэнни.

— Да?

— Ты меня слышишь? Я тебе кричу.

Окунувшись в жестокость ножа, он не слышал ни слова.

— Что-то не так? — откликнулся он, распахивая пиджак.

Пальцы никак не могли оторваться от рукояти, костяшки побелели.

— Я хочу выпить чашку чая, — крикнула Фрэнни.

Контраст был такой нелепый — нож в его руке весь в соках Розы и желание Фрэнни выпить чашку чая, — что Уилл вырвался из воспоминаний. Он расцепил пальцы и запахнул пиджак, словно захлопнул ящик Пандоры.

— Я заварю, — сказал он и направился на кухню.

От каждого шага по телу расходились волны боли.

Поначалу он не понял почему. И, только вымыв руки под холодной водой, сообразил, что его беспокоят шрамы, оставленные медведицей, словно организм в наказание за то, что Уилл не дал ему насладиться клинком, вспомнил о старых болячках.

Он понял, что нужно быть осторожнее. С ножом придется держать ухо востро. Если он когда им и воспользуется, последствия могут быть серьезными.

Уилл вымыл руки и занялся приготовлением чая, слыша, как возится наверху Фрэнни. Он принес в ее жизнь угрозу катастрофы, но, судя по уверенному поведению Фрэнни, она не ждала особых неприятностей. Фрэнни, как и он, была меченой. Меченым был и Шервуд. Может, не так сильно, как он, но, с другой стороны, кто знает? Если бы Шервуд не пал жертвой Розы, то, может быть, его состояние с возрастом улучшилось бы и Фрэнни была бы свободна от своих обязанностей перед ним. Может, встретила бы кого-нибудь. Вышла замуж. Жила бы счастливой жизнью, более полной, чем определила ей судьба.

Он наливал в эмалированный чайник кипяток, когда услышал, как открылась и закрылась парадная дверь.

— Это ты, Шервуд? — раздался сверху голос Фрэнни.
 Уилл не заявил о себе — притаился на кухне. Фрэнни спускалась по лестнице.
 — Я начала беспокоиться.
 Шервуд пробормотал в ответ что-то — Уилл не разобрал.
 — Вид у тебя ужасный, — сказала Фрэнни. — Что случилось, черт возьми?
 — Ничего...
 — Шервуд?
 — Просто я себя неважно чувствую, — сказал он. — Пойду к себе — лягу.
 — Нет. Мы должны уехать.
 — Я никуда не поеду.
 — Шервуд, мы должны уехать. Стип возвращается.
 — Нас он не тронет. Ему нужен Уи...
 Он остановился на полуслове и посмотрел в сторону кухонной двери, где появился Уилл.
 — Что — Роза все еще жива? — спросил Уилл.
 — Я не понимаю, о чем ты говоришь, — сказал Шервуд. — Фрэнни, о чем это он? Нам никуда не нужно уезжать. Уилл пришел, чтобы, как всегда, доставить неприятности.
 — Кто тебе это сказал?
 — Это очевидно, — ответил Шервуд, глядя в пол, а не сестре в глаза. — Он всегда этим занимался.
 — Где она, Шервуд? — спросил Уилл. — Он ее похоронил?
 — Нет! — закричал Шервуд. — Это моя женщина, и она жива!
 — Где она?
 — Я тебе не скажу. Ты сделаешь с ней что-нибудь плохое.
 — Ничего я с ней не сделаю, — сказал Уилл, выходя из кухни.
 Это движение испугало Шервуда. Он неожиданно повернулся и метнулся к двери.
 — Постой! — закричала Фрэнни, но он ничего не хотел слушать.
 В мгновение ока Шервуд оказался на улице. Уилл бросился следом. По дорожке к распахнутой калитке, потом налево и опять налево, Шервуд, осмотрительно избегая улицы, где его бег замедлят машины, направлялся за дом. Уилл бежал, крича ему вслед, чтобы он остановился, но тщетно. Шервуд был довольно ловок, и Уилл понимал: если он вырвется на открытое пространство, погоня будет проиграна. Но Фрэнни перехитрила брата. Она выбежала из задней двери прямо на Шервуда и ухватила его с такой силой, что он не успел высвободиться до того, как подбежал Уилл.
 — Успокойся. Успокойся, — повторяла Фрэнни.
 Но Шервуд, не обращая на нее внимания, яростно обрушился на Уилла.
 — Зачем ты вернулся?! — закричал он. — Ты все испортил! Все!
 — Ну-ка, возьми себя в руки, — резко сказала Фрэнни. — Я хочу, чтобы ты глубоко вздохнул и успокоился, а не то покалечишь кого-нибудь. Слушай... давай вернемся в дом и поговорим, как цивилизованные люди.
 — Пусть сначала отпустит меня, — потребовал Шервуд.
 — А ты не удерешь? — спросила Фрэнни.
 — Не удеру, — горько ответил Шервуд.
 — Обещаешь?
 — Я не ребенок, Фрэнни! Если я сказал, что не убегу, значит, не убегу.
 Уилл отпустил его. То же самое сделала и Фрэнни. Шервуд не шелохнулся.
 — Довольны? — мрачно сказал, он и, ссутулившись, поплелся в дом.

Они наконец оказались в доме, и Уилл предоставил Фрэнни задавать вопросы. Что касается Шервуда, то Уилл для него враг, и если вопросы будет задавать он, ответов не

дождешься. Фрэнни начала с пересказа сокращенной версии того, что узнала от Уилла. Шервуд все это время молчал, уставившись в пол, но когда она сказала, что Хьюго убили Стип и Макги — что Фрэнни проницательно замалчивала (сначала просто сказав, что Хьюго мертв) почти до конца своего монолога, — Шервуд не мог скрыть потрясения. Разговаривая в прошлый раз с Уиллом, он сказал, что симпатизировал Хьюго, и теперь занервничал, а когда Фрэнни рассказала об участии в этом Розы, глаза у Шервуда стали влажные.

— Я только хотел спасти ее от Стипа. Она беспомощна, — вымолвил он наконец.

Теперь он смотрел на сестру, в глазах блестели слезы.

— Зачем ему убивать ее, если она не пыталась освободиться? Она ведь и не хочет ничего другого.

— Может, нам удастся ей помочь, — сказал Уилл. — Где она?

Шервуд снова повесил голову.

— По крайней мере, расскажи нам, что случилось, — мягко попросила Фрэнни.

— Я встретил ее несколько дней назад в холмах, когда гулял там. Она сказала, что ищет меня, что ей нужна моя помощь. Она спросила, не могу ли я найти для нее какое-нибудь место, где можно спать: ведь Суда больше нет. Я знал, что ее нужно опасаться, но мне не было страшно. Я так часто представлял себе, что снова ее увижу. Воображал, что встречу ее именно так, как и случилось, — там, под солнцем. Она казалась такой одинокой. И совсем не изменилась. И она сказала, что счастлива снова видеть меня. Это как встреча со старым другом, сказала она, и еще она надеется, что я чувствую то же самое. Я ответил, что так и есть. Сказал, что могу снять для нее номер в гостинице в Скиптоне, но она ответила: нет, Стип отказывается останавливаться в гостиницах, опасается, что кто-нибудь может запереть дверь, пока он спит. Я не понимаю, что это значит, но так она сказала. До этого она ни разу не упомянула Стипа, и я почувствовал разочарование. Я думал, может, она вернулась одна. Но по тому, как она просила меня, я видел, что она его боится. И тогда я сказал, что знаю одно место, куда они могут пойти. И отвел ее туда.

— А ты видел Стипа? — спросила Фрэнни.

— Потом уже видел.

— Он тебе не угрожал?

— Нет. Вел себя тихо, и вид у него был больной. Я ему почти сочувствовал. Я видел его всего раз.

— А сегодня утром? — спросил Уилл.

— Сегодня утром я его не видел.

— Но ты видел Розу.

— Я ее слышал, но не видел. Она лежала в темноте. И сказала, чтобы я уходил.

— Как она говорила?

— Слабым голосом. Но не похожим на голос умирающей. Она бы попросила меня о помощи, если бы умирала.

— Но не в том случае, если бы понимала, что уже слишком поздно, — сказал Уилл.

— Не говори так, — оборвал его Шервуд. — Ты две минуты назад сказал, что мы можем ей помочь.

— Я ни в чем не могу быть уверен, пока не увижу ее, — ответил Уилл.

— Где она, Шер? — спросила Фрэнни.

Шервуд снова смотрел в пол.

— Да бога ради, ничего мы ей не сделаем. Ну, в чем дело?

— Я... просто... ни с кем не хочу ее делить, — тихо проговорил Шервуд. — Она была моей маленькой тайной. Мне хочется, чтобы так и оставалось.

— Значит, пусть она умирает, — раздраженно сказал Уилл. — Ты ведь ни с кем не хочешь ее делить. Хочешь, чтобы она умерла?

Шервуд отрицательно покачал головой.

— Нет, — пробормотал он и добавил еще тише: — Я провожу вас к ней.

XII

Счастье всегда вызывало у Джекоба желание испытать нечто противоположное. Пребывая в блаженном состоянии после очередной удачной резни, Стип неизменно отправлялся в какой-нибудь культурный центр, чтобы посмотреть трагедию, а еще лучше — оперу, чтобы всколыхнуть те чувства, которые он обычно держал под спудом. Затем он предавался страстям, как: излечившийся алкоголик, оставленный среди бочек бренди, запах которого он вдыхает до беспамятства.

Но, в отличие от счастья, отчаяние требовало чего-то подобного. Когда он, как теперь, был поглощен этим чувством, его природа толкала Стипа на поиски чего-то похожего. Другие искали для ран исцеления. А он хотел одного: натирать их солью снова и снова.

До этого дня у него под рукой всегда было целебное средство. Когда отчаяние становилось невыносимым, Роза отводила его от края пропасти и восстанавливала равновесие. Чаще всего ее лекарством был секс — сиськи-письки, как она это называла в игривом настроении. Но сегодня Роза сама была причиной его отчаяния. Она умирала от его руки, и рана оказалась слишком глубока — неисцелима. Он уложил ее в темноте ветхого домишки и, по ее просьбе, оставил одну.

— Я не хочу, чтобы ты был рядом, — сказала она. — Убирайся с глаз моих.

И он ушел. Прочь из деревни, вверх по склону холма. Он искал место, где его отчаяние усилится. Ноги сами знали, куда его нести: в рощу, где этот проклятый мальчишка показывал ему видения. Стип знал: там он найдет пищу для своего отчаяния. Как он жалел, что его нога ступила когда-то на этот клочок земли — не было на планете другого места, которое вызывало у него такое горькое чувство. Задним умом он понимал: первая его ошибка заключалась в том, что он дал нож Уиллу. А вторая? В том, что он не убил мальчишку, когда понял, что тот — проводник. Что за странное сочувствие снизошло на него в ту ночь — отпустил этого выродка живым, зная, что голова Уилла наполнена украденными воспоминаниями?

Но даже и эта глупость не стоила бы ему так дорого, если б мальчишка не вырос гомосеком. А тот взял и вырос. А поскольку его не волновала проблема продолжения рода, он стал куда более сильным врагом... нет, не врагом, чем-то позамысловатее... Вот если бы он женился и стал отцом... Стип всегда чувствовал себя неловко в компании гомосексуалистов, но при этом испытывал к ним, почти против воли, симпатию. Как и он, они вынуждены сочинять самих себя, как и он, они поглядывали на свое племя словно со стороны. Но он бы с удовольствием посмотрел на уничтожение всего клана, если б это могло воспрепятствовать его встрече с Уиллом.

В пятидесяти ярдах перед рощей он остановился и, оторвав взгляд от ботинок, огляделся. Приближалась осень, он ощущал в воздухе ее ранящий дух. В это время года он часто уходил гулять, прерывая свои труды на неделю-другую, чтобы обследовать английскую глубинку. Невзирая на экономические бедствия, страна хранила свои святыни — путнику нужно лишь смотреть во все глаза. Он долгие годы бродил по Англии из конца в конец, общаясь с духами еретиков и поэтов; ходил прямыми дорогами, по которым ушли последователи Бёме,¹ и слышал, как они саму землю называют ликом Божьим; он слонялся по Малверн-Хиллс, где Ленгленду было видение о Петре-пахаре;² шагал по склонам курганов, где в усыпальницах из земли и бронзы покоились языческие вожди. Не у всех этих мест было благородное прошлое. Некоторые имели скорбную историю. Поля и рощи, где верующие умирали за Христа. Алдхам-Коммон, где был сожжен Роуланд Тейлор, добрый приходской священник из Хадлея,³ его костер сложили из веток живой изгороди, которая все еще зеленела здесь. И Колчестер, где дюжина или более душ были сожжены в одном костре

1 Якоб Бёме (1575—1624) — немецкий теософ, христианский мистик.

2 Уильям Ленгленд (ок. 1330 — ок. 1400) — английский поэт XIV века, автор поэмы «Видение о Петре-пахаре».

3 Роуланд Тейлор (1510—1555) — английский священник, сожженный на костре во время так называемых Марианских гонений — преследований протестантов.

за грех молитвы. Бывал он и в менее известных местах, которые нашел только потому, что слушал внимательно, как муха у рта умирающего. В местах, где неизвестные мужчины и женщины погибли из-за любви или за веру. Или за то и другое. Он часто завидовал мертвецам. Стоя как-то в сентябре на вспаханном поле и слушая карканье ворон из крон худосочных деревьев, он подумал о простодушии тех, чей прах смешан с грязью, прилипшей к его ботинкам, и пожалел, что не родился с более незатейливым сердцем.

Он больше не посетит эти места — ни этой осенью и никогда. Его жизнь, курьезный пример стабильности, менялась — с каждым днем, с каждым часом. Он, конечно, заткнет рот Раджонсу, но это не исправит положения. Роза все равно умрет, а он останется один на один со своим отчаянием и станет погружаться в него все глубже и глубже. А поскольку уже никто не сможет замедлить это падение, он остановится лишь тогда, когда падать дальше будет некуда. И тогда он погибнет, скорее всего от своей собственной руки, и его видение мертвой земли будет передано в другие, менее достойные руки.

«Это не имеет значения», — подумал он, снова зашагав в сторону рощи.

Многие люди служили тем же идеалам, хотя и не подозревали об этом. Он в свое время имел сомнительное удовольствие встречаться с целым сонмом таких людей. Среди них было несколько спятивших военных, множество душевнобольных, несколько человек, точно знавших, как называется творимое ими зло и просто получавших от этого удовольствие. Но большинство — и говорить с ними было куда интереснее, чем с остальными, — ни в коей мере не были жестокими лично, они сидели в своих офисах, словно вежливые бухгалтеры, организуя погромы и этнические чистки в фискальных и политических целях. У них могли быть разные характеры, но все они были его союзники и, ведомые амбициями, являлись истребителями видов в той же мере, что и он. Одни делали это ради прибыли, другие — во имя свободы, третьи — просто потому, что могли это делать. Их причины по большому счету его не волновали. Важны были не причины, а последствия. Он хотел, чтобы мир пришел в упадок, чтобы семья вымирала за семьей, племя за племенем, от огромных до крохотных, и для достижения этой цели всегда были нужны автократы и технократы. Но если они оказывались неразборчивы в средствах, грубы и часто не осознавали, какой ущерб наносят, он вел свою борьбу против жизни с величайшей точностью: изучал жертвы, как наемный убийца, знакомился с их привычками и убежищами. Из тех, кого он приговаривал к смерти, спастись удавалось немногим. Он не знал чувства лучше того, которое испытывал, сидя рядом с жертвой, записывая в дневник подробности ее смерти и зная, что, когда тлен сожрет труп, только у него останется свидетельство того, как канул в вечность этот вид.

Вот этого уже никогда не будет. И этого. И этого.

Он уже дошел до края рощи. Порыв ветра зашелестел в кронах деревьев, переворачивая на земле солнечные монетки. Он осторожно вошел в лесок, и в это время налетел новый порыв ветра, сорвавший несколько первых листьев. Он направился прямо к тому месту, где в ту далекую зиму сидели птицы. В развилке ветвей осталось весеннее гнездо, заброшенное за ненадобностью (птенцы уже стали на крыло), но все еще целое. Стоя на том месте, куда упали птицы, он с отталкивающей легкостью вспомнил видения, которые заставил его вытерпеть Раджонс...

Симеон, залитый солнечным светом, за день до смерти отказывался ответить на зов хозяина, даже в отчаянии сохраняя красноречие. А потом та же сцена мгновение спустя. Мертвый Симеон под деревьями, его телом уже полакомились...

Стип испустил тихий стон, прижал ладони к глазам, стараясь прогнать эту сцену. Но она не уходила, пульсировала под его веками, словно он видел ее впервые во всех жестоких подробностях: следы когтей на щеке и лбу Томаса, оставленные птицами, которые выклевали ему глаза; помет у него на бедре — это опорожнился какой-то зверь, обнюхивая тело: золотая кудряшка в паху, странным образом уцелевшая, тогда как мужское достоинство, произрастающее из этого места, было оторвано, осталось кровавое месиво, но тот хохолок сохранился.

Он не думал, что, убив проводника, избавится от усиливающейся боли. Теперь он

пребывал в рабстве, которое поглотит его окончательно. Но когда он сдастся на милость победителя, то сделает это в здравом уме. Среди его мыслей не будет чужаков, устремляющихся туда, где его скорби саднят сильнее всего. Он умрет в одиночестве в чреве своего отчаяния, и никто не узнает, какими были его последние мысли.

Пора было идти. Он достаточно долго откладывал этот миг, боясь собственной слабости. Ему хотелось бы, спускаясь по склону холма, держать в руке нож, который был знаком с ремеслом резни даже лучше, чем он, Джекоб. Но это не так уж важно. Убийство — старое искусство, более старое, чемковка лезвий. Он найдет средство для свершения деяния, прежде чем его настигнет этот миг. Веревка. Молоток. Подушка.

А если откажут эти инструменты, у него всегда остаются его руки. Да, пожалуй, руки лучше всего. Это честно и просто, и, как и его ошибка, будет связано с деянием, плоть против плоти. Ему доставляла удовольствие безукоризненность этого решения, а в нынешнем его состоянии от маленьких удовольствий, каким бы способом они ни доставались, отказываться не стоит.

XIII

После смерти Делберта Доннели в Бернт-Йарли не было мясной лавки, а после разрушения Суда не осталось и самих Доннели. Его дочь Марджори с семьей переехала в Истдейл, а вдова отправилась в Литам Сент-Аннс вести светский образ жизни. Лавка поменяла нескольких владельцев — в ней размещалась парикмахерская, потом комиссионный магазин, потом овощной, а теперь там опять была парикмахерская. А вот дом Доннели так и не был продан. И не по каким-то сомнительным причинам (никто не говорил, что Делберт бродит по голому полу, чавкая пирожками со свининой), просто дом был уродливый, неприглядный, к тому же за него просили слишком высокую цену. Но для покупателя, желающего уединения, это было идеальное приобретение: дом окружали заросли бирючины высотой в семь футов, когда-то бывшие предметом гордости и радости Делберта. Кое-кто говорил, что если бы он уделял своей внешности столько внимания, сколько живой изгороди, то был бы первым красавцем в Йоркшире. Что ж, Делберт теперь под землей на кладбище выглядел, вероятно, еще непригляднее, чем обычно, а его изгородь буйно разрослась.

— Как ты догадался привести сюда Розу? — спросила Фрэнни Шервуда, когда он толкнул калитку.

Он виновато посмотрел на сестру.

— Я заглядывал сюда время от времени, с тех пор как дом опустел.

— Зачем?

— Не знаю. Чтобы побыть наедине с самим собой.

— Значит, все время, когда я думала, что ты гуляешь в холмах, ты был здесь?

— Не всегда. Но часто. — Он ускорил шаг, обгоняя Фрэнни и Уилла. — Я должен войти без вас. Не хочу, чтобы вы ее напугали.

— Фрэнни в любом случае должна остаться здесь, — сказал Уилл. — Но один ты туда не пойдешь. Там может быть Стип.

— Тогда мы пойдем туда втроем, — сказала Фрэнни. — И никаких «но», «и» и «если».

Сказав это, она зашагала по гравийной дорожке к входной двери — мужчинам оставалось лишь догонять ее. Дверь оказалась открытой, и внутри было относительно светло. Источником света являлось не электричество, а две зияющие дыры в крыше. Большая, шириной футов в шесть, образовалась после бурь, бушевавших в прошлом феврале. Порывы ветра, достигавшие скорости девяноста миль, сорвали шиферные листы, а ледяные дожди раздолбили доски в труху. Теперь дневной свет попадал внутрь.

— Где она? — шепотом спросил Уилл у Шервуда.

— В столовой, — ответил тот, кивая в сторону коридора.

Там было три двери, но Уиллу не пришлось гадать. Из-за самой дальней раздался голос

Розы. Он прозвучал слабо, но сомневаться в том, какие чувства передавал этот голос, не приходилось.

— Не приближайтесь ко мне. Я не хочу, чтобы кто-то ко мне приближался.

— Это не Джекоб, — сказал Уилл, подходя к двери и распахивая ее.

На окне были ставни, почти закрытые, и в комнате царил полумрак. Но он сразу увидел ее, она полулежала спиной к стене справа от камина. Вокруг валялись мешки. Она села, когда он вошел, хотя далось ей это с трудом.

— Шервуд? — сказала Роза.

— Нет, Уилл.

— Я раньше так ясно слышала. Значит, он пока тебя не нашел?

— Пока не нашел. Но я готов к встрече.

— Не обманывай себя. Он тебя убьет.

— И к этому я тоже готов.

— Глупо, — пробормотала она, покачив головой. — Я слышала женский голос...

— Это Фрэнни. Сестра Шервуда.

— Позови ее сюда, — попросила Роза. — Мне нужна помощь.

— Я тебе помогу.

— Нет, не поможешь. Нужно, чтобы это сделала женщина. Позови ее.

Уилл вышел в коридор. Шервуд стоял рядом с дверью — весь нетерпение.

— Она зовет Фрэнни, — сказал Уилл.

— Но я...

— Она так хочет. — И Уилл обратился к Фрэнни: — Она говорит, ей нужна помощь. Не думаю, что она позволит нам отвезти ее к доктору. Но постарайся ее убедить.

У Фрэнни это не вызвало энтузиазма, но, поколебавшись несколько мгновений, она скользнула в комнату мимо Шервуда и Уилла.

— Она умрет? — спросил Шервуд очень тихо.

— Не знаю, — ответил Уилл. — Она прожила долгую жизнь. Может быть, пришло время.

— Я не дам ей умереть, — сказал Шервуд.

Фрэнни вернулась к двери.

— Мне нужны марля и бинты. Шервуд, сходи домой, принеси что найдешь. В доме водопровод еще работает?

— Да, — сказал Шервуд.

— Не пробовала убедить ее показаться врачу? — спросил Уилл.

— Это бесполезно. И потом, не думаю, что врач сможет ей помочь.

— Что, так плохо?

— Дело не в том, что плохо. Странно. Я таких ран в жизни не видела. — По ее телу прошла дрожь. — Не знаю, смогу ли заставить себя прикоснуться к ней еще раз.

Она бросила взгляд на Шервуда.

— Ну, ты идешь?

Он был похож на собаку, которую выгоняют с кухни, на ходу оглядываясь через плечо, чтобы ничего не пропустить. Наконец добрался до парадной двери и вышел.

— И что мы будем делать, когда ее забинтуем? — поинтересовалась Фрэнни.

— Позволь мне поговорить с ней.

— Она сказала, что не хочет видеть ни тебя, ни Шервуда.

— Придется ей потерпеть, — сказал Уилл. — Извини.

Фрэнни пропустила его, и Уилл шагнул в комнату. Там теперь было темнее, чем несколько минут назад. И теплее. Оба эти изменения, предположил он, вызваны действиями Розы. Поначалу он даже не увидел ее — такой плотной стала тень у камина. В темноте он пытался сообразить, где она, но тут услышал ее голос:

— Уходи.

По голосу он определил ее местонахождение. Роза переместилась на четыре или пять

ярдов, в самый дальний от двери угол комнаты. Ставни, находившиеся слева от нее, по-прежнему были приоткрыты, но дневной свет доходил лишь до подоконника — дальнейшее его проникновение останавливали испускаемые ею миазмы.

— Нам нужно поговорить, — сказал Уилл.

— О чем?

— Что я могу для тебя сделать? — спросил он самым примирительным тоном, на какой только был способен.

— Я убила твоего отца, — тихо сказала она. — А ты хочешь мне помочь? Ты мне простишь мою подозрительность?

— Ты находилась под влиянием Стипа, — сказал Уилл, делая осторожный шаг в ее сторону.

Но и этого шага оказалось достаточно, чтобы атмосфера вокруг него сгустилась. Хотя он во все глаза смотрел в тот угол, где была она, мрак напоминал фотографию, сделанную при недостаточном освещении: серое зернистое пятно.

— Под влиянием Стипа? Я? — Она рассмеялась в темноте. — Раскинь мозгами. Я ему нужна больше, чем он мне.

— Правда?

— Чистая правда. Он без меня свихнется. Если уже не свихнулся. Я помогала ему стоять на твердой земле.

Уилл, пока она говорила, почти вдвое сократил расстояние между ними, но при этом по-прежнему ее не видел.

— На твоём месте я бы не подходила ближе, — предупредила Роза.

— Почему?

— Я распадаюсь на части. Видел, как распускают вязанье? Тебе здесь сейчас опасно находиться.

— А Фрэнни?

— С ней ничего не будет. Женщины не столь к этому чувствительны. Если ей удастся меня запечатать, может, я еще и проживу дня два.

— Но ты не поправишься?

— Я не хочу поправляться! Я хочу найти путь назад, к Рукунау, там я буду счастлива...

— Она издала протяжный судорожный вздох. — Ты спрашивал, что можешь сделать для меня.

— Да...

— Отвези меня к нему.

— Ты знаешь, где он?

— На острове.

— На каком острове?

— Думаю, я этого никогда не знала. Но ты ведь знаешь, где он...

— Нет, не знаю.

— Но в саду...

— Я блефовал.

Из угла комнаты послышался звук движения, и в лицо Уилла ударила теплая волна. Он почувствовал легкую тошноту и мучительное искушение отступить к двери. Но поборол это желание, а темнота перед ним в это время рассеялась, и он стал видеть Розу. Она была похожа на призрак того, чем была раньше. Прежде роскошные волосы ниспадали по обе стороны лица, глаза запали. Руками она зажимала рану, но не могла скрыть ее необычность. Он увидел на ее пальцах пылинки какого-то светлого вещества, одни отливали золотом, другие осели на ее теле, приклеились к грудям, третьи взлетали, как искры над костром, и, истощаясь в полете, исчезали.

— Значит, ты не можешь доставить меня к Рукунау? — уточнила она.

— Прямо к нему я тебя доставить не могу, — признался Уилл, — Но это не значит...

— Очередная ложь...

- У меня не было выбора.
- Все вы одинаковы.
- Он хотел меня убить.
- Невелика потеря, — ехидно сказала она. — Одним лжецом больше, одним меньше.

Уходи!

- Выслушай меня...
- Я услышала все, что хотела, — отрезала она, отворачиваясь.

Уилл машинально двинулся к ней, собираясь еще раз воззвать к ее разуму. Она краем глаза уловила его движение и, вероятно решив, что он наступает на нее с недобрыми намерениями, резко развернулась. В это мгновение яркие пятнышки на ее руках ожили. Они словно обезумели и через мгновение слились в одну яркую нить, устремившуюся прочь от ее тела. Она летела с такой скоростью, что Уилл не успел увернуться, и, задев его плечо, эта нить змеей взлетела к потолку. Контакт был мимолетный, но достаточный, чтобы Уилл потерял равновесие. Он пошатнулся, ноги настолько ослабели, что не могли удержать тело. Он упал на колени, испытывая какую-то эйфорию, источником которой было то место, где нить коснулась его плоти. Он почувствовал или вообразил, что почувствовал, как энергия этой нити распространяется по телу, проходя по сухожилиям, нервам, костному мозгу, высвечивает их; кровь заиграла, чувства обострились...

Теперь он видел нить на потолке — там она опять разделилась (словно ожерелье крохотных жемчужин, которые, сорвавшись с основы, опровергали закон тяготения) и затрещала. Эти жемчужины разлетелись во всех направлениях, те, что послабее, разорвались в одно мгновение, более сильные сначала ударились о стену, а потом погасли.

Уилл смотрел на них, как на метеоритный дождь, запрокинув голову и широко раскрыв рот. И только когда все они погасли, он снова перевел взгляд на их источник. Роза отступила в свой угол, но глаза Уилла под воздействием сияния обрели необъяснимую силу: за мгновение до того, как сияние прекратилось, он увидел Розу так, как не видел никогда прежде. Внутри ее он созерцал существо из полированной тени — темное, лоснящееся и изменчивое. Существо, удерживаемое под контролем благодаря всему тому, чем она стала за прошедшие годы, как картина, настолько испорченная накопившейся на ней грязью и рукой неумелого реставратора, что ее красота стала невидимой. И с той же несомненностью, с какой его разоблачающий взгляд различил самую ее суть, взгляд Розы в свою очередь увидел в нем что-то необыкновенное.

- Скажи мне, — проговорила она, понизив голос, — когда ты стал лисом?
- Я? — переспросил он.

— Он шевелится в тебе, — ответила Роза, вглядываясь в него. — Я его отчетливо вижу.

Он опустил взгляд на свое тело, отчасти предполагая, что сила, исходящая от нее, вызвала в нем какие-то перемены. Нелепица, конечно: он видел все ту же бледную потную плоть. Еще больше его разочаровало, что остатки света рассеиваются. Он чувствовал, как его покидает этот дар, и уже оплакивал его.

— Стип был прав насчет тебя, — сказала она. — Ну ты и типчик. В тебе так трепыхается призрак, а ты еще не сошел с ума.

— Кто тебе сказал, что я не схожу с ума? — спросил Уилл, вспоминая нелепый путь, который и сделал его владельцем этого призрака. — Ты знаешь, что я вижу что-то в тебе?

- Если видишь, то отвернись, — сказала Роза.
- Не хочу. Оно прекрасно.

Полированное существо все еще оставалось видимым, но уже исчезало; его нездешнее изящество растворялось в израненной плоти Розы.

— Боже мой, — пробормотал Уилл. — Я только теперь понял. Я уже видел его прежде. Это тело, что внутри тебя.

Несколько мгновений она молчала, словно не могла решить, имеет ли смысл дать втянуть себя в этот разговор. Но это оказалось сильнее ее.

- Где видел? — спросила она.

— На картине Томаса Симеона. Он назвал его нилотик.
Ее пробрала дрожь при звуках этого слова.
— Нилотик? — переспросила Роза. — Что это такое?
— Это означает «живущий на Ниле».
— Я никогда... — Она тряхнула головой и начала снова: — Я помню остров, но не на реке. По крайней мере, не на этой реке. На Амазонке, да. Мы со Стипом были на Амазонке — убивали там бабочек. Но на Ниле... никогда... — Голос ее становился все глуше, и остатки ее второго «я» исчезли из вида. — И все же... в том, что та говоришь, есть истина. Что-то движется во мне, как в тебе движется лис...
— И ты хочешь знать, что это такое.
— Это знает только Руkenaу. Ты отведешь меня к нему? Ты лис. Ты найдешь его по запаху.
— И ты думаешь, он объяснит?
— Я думаю, если он не сможет, то не сможет никто.

Фрэнни сидела на нижней ступеньке лестницы, читала пожелтевшую и сильно помятую газету, которую нашла в одной из комнат.

— Как она? — спросила Фрэнни.
Он оперся о дверной косяк — ноги все еще подгибались от слабости.
— Она хочет найти Руkenaу. Больше ни о чем не желает думать.
— А где он?
— Если он вообще существует, то где-то на Гебридах, как сказано в книге. Но она не знает, на каком острове.
— Хочешь, чтобы мы отвезли ее туда?
— Не мы — я. Если ты сможешь сделать перевязку, я заберу ее отсюда.
Фрэнни сложила газету, швырнула на пыльный пол.
— А что, по-твоему, есть на этом острове?
— В худшем случае — много птиц. В лучшем? В лучшем — Руkenaу. И Домус Мунди, уж бог его знает, что это такое.

— И значит, ты предлагаешь, чтобы я оставалась здесь, пока ты будешь его искать? — сказала Фрэнни с улыбкой. — Нет, Уилл. Это и моя судьба. Я присутствовала, когда все это начиналось. И я увижу, как оно кончится.

Уилл не успел ответить — входная дверь распахнулась, и вошел Шервуд с пакетом.
— Я скупил все бинты, какие смог найти, — сказал он, передавая пакет Фрэнни.
— Хорошо, — сказал Уилл. — План, значит, такой. Я возвращаюсь в дом отца и говорю Адели, что должен уехать...
— Куда это ты собрался? — насторожился Шервуд.
— Фрэнни тебе объяснит, — ответил Уилл, молча уговаривая свои все еще слабые ноги двигаться.

Он прошел мимо Шервуда к выходу.
— Пожалуйста, скорее, — сказала Фрэнни. — Я не хочу быть здесь, когда...
— Можешь не говорить, — отозвался Уилл. — Обещаю, я не задержусь.
Он, прихрамывая, вышел из двери и направился по тропинке на улицу. Хотелось побегать босиком. Или обнаженным. Когда-то именно так он и представлял себя на пути к Джекобу в здании Суда: он идет, и огонь в нем превращает снег в пар. Но по пути домой он скрывал желания мальчика и лиса. Их время придет. Но пока еще рано.

XIV

Адель была не одна. Перед домом стояла сверкающая машина, а в доме находился ее хозяин — энергичный, даже веселый тип по имени Морис Шиллинг, владелец похоронной конторы. Уилл отвел Адель в сторону и сказал, что должен уехать на день-другой. Она, конечно, хотела узнать, куда он направляется. Он старался лгать как можно меньше. Заболела одна его знакомая, и он поедет в Шотландию — посмотрит, что может для нее сделать.

— Но к похоронам ты вернешься? — спросила Адель.

Уилл пообещал вернуться.

— Мне неловко оставлять вас одну.

— Ну, если человеку нужна помощь, — сказала Адель, — то ты должен ехать. Я тут сама со всем управлюсь.

Он отпустил ее к мистеру Шиллингу, а сам пошел наверх — одеться. Он сидел на кровати, зашнуровывая ботинки, и бросил случайный взгляд в окно как раз в ту минуту, когда солнце пробилось сквозь тучи и позолотило склон холма. Он оставил шнурки и уставился в окно, дух его воспарил при виде этой красоты. Это не сон о жизни, подумал он, не теория, не фотография. Это сама жизнь. И что бы ни случилось дальше, у нас был этот момент — у меня и солнца. Потом тучи снова сомкнулись, и золото исчезло. Уилл принялся зашнуровывать ботинки, собирать вещи, чувствуя, что его глаза влажны от благодарности за дарованные ему откровения. Видения в Беркли, визиты лиса, прикосновения нити Розы — каждое было своего рода пробуждением, словно он вышел из комы с жаждой познания, которую невозможно насытить единственной трансформацией. Сколько раз придется ему пробуждаться, пока он не обретет все знания, доступные человеку? Десяток? Сотню? Или это может продолжаться бесконечно, этот подъем духа, кожа с его снов начнет опадать, но под нею будут обнаруживаться лишь новые и новые сны.

Внизу мистер Шиллинг все еще вел беседу о цветах, гробах и ценах. Уилл не стал прерывать их переговоры (Адель умела торговаться), проскользнул в кабинет отца, чтобы захватить атлас. Все книги большого размера лежали на отдельной полке, так что долго искать не пришлось. Это было все то же потрепанное издание, которое он помнил с детства, — атлас доставали каждый раз, когда Уиллу нужно было делать домашнее задание по географии. Большая его часть уже устарела. Границы передвинулись, города были переименованы или уничтожены. Но Внешние Гебриды, конечно, остались на месте. Если за них когда-то и велась война, то мирные договоры были подписаны не одно столетие назад. Острова не имели особого значения — скопление цветных точек на бумажном море.

Довольный находкой, он выскользнул из кабинета и, сняв с вешалки у двери кожаную куртку, вышел из дома, слыша песнопения мистера Шиллинга об удобствах гроба с мягкой обивкой.

2

— Тебе нечего опасаться, — сказала Роза, когда Фрэнни вернулась к ней с бинтами.

Однако интуиция говорила совсем другое. Удушающее тепло, колючий воздух, то, как звук испытываемой Розой боли отдавался в досках пола, — все вместе создавало впечатление, будто над ней висит невидимый грозовой фронт, и никакие слова Розы не могли убедить Фрэнни, будто ей нечего опасаться вблизи этой женщины. Страх подгонял ее. Она сказала Розе, чтобы та пальцами сжала рану, потом приложила к ней, как к обычной ране, марлю и закрепила ее кусками пластыря длиной около фута. После этого она замотала тело женщины бинтом, хотя и понимала, что это до нелепости лишнее. Фрэнни уже заканчивала, когда Роза положила руку на ее плечо и произнесла слово, которое Фрэнни больше всего боялась услышать.

— Стип.

— О боже, — сказала Фрэнни, глядя на свою пациентку. — Где?

Глаза у Розы были закрыты, но глазные яблоки двигались под веками.

— Его еще нет здесь, — сказала она. — Пока. Но он возвращается. Я это чувствую.

— Тогда нам нужно уходить.

— Не бойся его, — сказала Роза, и ее веки взметнулись. — Зачем доставлять ему такое удовольствие?

— Потому что мне страшно, — призналась Фрэнни.

Во рту у нее вдруг пересохло, сердце громко застучало.

— Но он такое нелепое существо, — сказала Роза. — Всегда был таким. Знаешь, в прежние времена он бывал галантным и благородным. Иногда даже любящим. Но по большей части — мелочным и занудным.

Несмотря на охватившую ее тревогу, Фрэнни не смогла удержаться и задала напрашивающийся вопрос:

— Почему же ты оставалась с ним столько времени, если он такое ничтожество?

— Потому что мне больно разделяться с ним, — ответила Роза. — Всегда менее мучительно остаться, чем уйти.

«Не такой уж необычный ответ», — подумала Фрэнни.

Она слышала такое от многих женщин.

— Но теперь ты уходишь, — сказала она. — Мы уходим. И пошел он к черту.

— Он пойдет следом, — отозвалась Роза.

— Пойдет, так пойдет. — Фрэнни направилась к двери. — Но сейчас я не хочу с ним встречаться.

— Ты хочешь, чтобы здесь был Уилл.

— Да, я...

— Ты думаешь, он тебя спасет?

— Может быть.

— Ему это не по силам. Поверь мне. Он не сможет. Он ближе Джекобу, чем сам это понимает.

Фрэнни, дойдя до двери, развернулась.

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, что они — части друг друга. Он не может спасти тебя от Джекоба, потому что и себя не может спасти.

Переварить это в настоящий момент Фрэнни было непросто, но над этими словами стоило подумать.

— Я Уилла не брошу, если ты это имеешь в виду.

— Просто не полагайся на него, — предупредила Роза. — Только и всего.

— Не буду.

Она открыла дверь и отправилась на поиски Шервуда. Он сидел на ступеньке крыльца, обдирая кору с прутика. Она не стала его звать — кто знает, может, Стип где-то рядом, — а пошла к нему, чтобы вывести из полузабытья. Фрэнни прикоснулась к брату и увидела красные круги у него вокруг глаз.

— Что с тобой? — спросила она.

— Роза умирает? — Тыльной стороной ладони он вытер сопли.

— Ничего, выживет, — ответила Фрэнни.

— Нет, — сказал Шервуд. — Я это нутром чувствую. Я ее потеряю.

— Что это ты рассопливился? — пожурела Фрэнни.

Она забрала у него ободранный прутик и выбросила, ухватила Шервуда за руку и подняла на ноги.

— Роза думает, что Стип где-то поблизости.

— О господи.

Он бросил взгляд в сторону улицы. Фрэнни уже успела туда посмотреть — там было пусто. По крайней мере, пока.

— Может, нам лучше выйти через заднюю дверь, — предложил Шервуд. — Там сад и калитка, через которую можно попасть на Капперс-лейн.

— Неплохая мысль, — одобрила Фрэнни, и они вместе вернулись в дом, прошли по

коридору туда, где стояла Роза.

— Мы выходим через...

— Я слышала, — сказала Роза.

Шервуд через кухню уже добрался до задней двери и теперь пытался ее открыть. Дверь заело. Он осыпал ее проклятиями, пинал, пробовал снова. Пинки помогли или проклятия, но дверь открылась, хотя петли громко запротестовали, а прогнившее дерево у ручки грозило рассыпаться. За дверью была зеленая стена — кусты и деревья, которые прежде были маленьким раем семейства Доннели, а теперь превратились в джунгли. Фрэнни не стала медлить. Она устремилась в эту чашу, продираясь сквозь нее, поднимая неторопливые облачка семян. Роза на нетвердых ногах, хрипло дыша, двинулась следом.

— Я вижу калитку! — крикнула Фрэнни Шервуду.

Она была в пяти-шести шагах от нее, когда Роза сказала:

— Мои мешки! Я оставила мои мешки.

— Забудь о них! — посоветовала Фрэнни.

— Не могу, — ответила Роза, повернулась и пошла назад к дому. — В них моя жизнь.

— Я их притащу, — сказал Шервуд, радуясь, что от него может быть польза.

Он устремился к дому, а Фрэнни крикнула вслед, чтобы он поторапливался.

Когда он исчез, наступило какое-то странное спокойствие. Две женщины казались такими маленькими среди окружавших их подсолнухов и гортензий, в пышных розовых бутонах жужжали пчелы, на платане верещали дрозды. На несколько мгновений они нашли здесь прибежище и чувствовали себя в безопасности.

— Я подумала... — сказала Роза.

Фрэнни повернулась к ней. Роза, не мигая, смотрела на солнце.

— Что?

— Может, лучше просто лечь здесь и умереть. — По лицу Розы блуждала улыбка. — Лучше не знать... Лучше даже не спрашивать...

Она уцепилась руками за бинты и потянула.

— Лучше истечь...

— Не надо! Бога ради! — Фрэнни оторвала ее руки от бинтов. — Ты не должна этого делать.

Роза не отводила глаз от солнца.

— Не должна? — переспросила она.

— Не должна, — подтвердила Фрэнни.

Роза пожала плечами, словно ее попытка сорвать бинты была всего лишь минутным капризом, и опустила руки.

— Обещай, что больше не будешь этого делать, — потребовала Фрэнни.

Роза кивнула. Непосредственное выражение ее лица было почти детским.

«Господи, до чего она странное существо, — подумала Фрэнни. — То в страх вгоняет, мечет громы и молнии, то с сарказмом говорит о родстве Джекоба и Уилла, а то — сама невинность, дитя, жалующееся, когда его наказывают. И все это проявления истинной Розы, каждое по-своему указывает на то, кем была эта женщина в жизни; хотя, вероятно, самое подлинное "я" Розы находится под бинтами, стремится истечь...»

Только теперь, когда с этой маленькой слабостью было покончено, мысли Фрэнни вернулись к Шервуду. Что он копается, черт возьми? Сказав Розе, чтобы оставалась на месте, Фрэнни направилась в дом, на ходу окликая Шервуда. Ответа не последовало. Она пересекла кухню, вошла в коридор. Входная дверь все еще была открыта. Ни снизу, ни сверху не доносилось ни звука.

А потом он вдруг появился перед ней, вышел, едва не падая, из комнаты Розы, глаза широко раскрыты, рот распахнут.

Шервуд испустил тихий стон. Следом за ним шел Стип, сжимая руками его шею. Они появились так неожиданно, что потрясенная Фрэнни отшатнулась в ужасе.

— А ну, отпусти его! — закричала она на Стипа.

При звуках ее пронзительного голоса каменное выражение на лице Джекоба словно треснуло, и он, к немалому ее удивлению, отпустил Шервуда. Стон затих, и Шервуд — ноги под ним подкосились — стал падать лицом вперед. Фрэнни не смогла его удержать, и он упал, распростерся на полу, увлекая ее за собой — она хлопнулась на колени рядом.

Только теперь Стип заговорил.

— Это не он, — сказал он тихо.

Фрэнни подняла на него взгляд, виновато подумав (несмотря на ужас и смятение, охватившие ее), что в ее памяти сохранился другой Стип. Он не был тем дьяволом отталкивающей наружности, какого она воображала, когда вспоминала того, кому передала дневник. Он был красив.

— Кто вы такие? — сказал Стип, глядя на брата и сестру.

— Уилла здесь нет, — ответила Фрэнни. — Он уехал.

— О господи... — пробормотал Стип, отступив по коридору.

Он отошел, может быть, ярда на три, когда Роза произнесла:

— Еще одна ошибка?

Фрэнни не стала оборачиваться. Все ее внимание было приковано к Шервуду, который по-прежнему лежал на полу и ловил ртом воздух. Она подвела руку под его голову и слегка приподняла ее.

— Как ты? — спросила она.

Он уставился на нее, губы двигались, пытаясь ответить, но ему это не удавалось. Он снова и снова облизывал губы, потом попытался еще раз, но не смог выдавить ни звука.

— Ну, ничего, — сказала Фрэнни. — Все будет в порядке. Сейчас мы с тобой выйдем на свежий воздух.

Даже теперь она полагала, что ее вмешательство спасло брата. Крови на нем не было, никаких следов нападения. Просто нужно увести его из этого ужасного места туда, где подсолнухи и розы. Стип не станет их задерживать. Он обознался в темной комнате, решил, что перед ним Уилл. Теперь он понял свою ошибку и не станет их преследовать.

— Ну, — сказала она Шервуду, — давай вставать.

Она вытащила руку из-под брата и подвела под него обе, чтобы помочь Шервуду сесть. Но он лежал, устремив взгляд на ее лицо и облизывая губы.

— Шервуд, — сказала Фрэнни, предпринимая еще одну попытку.

Теперь она почувствовала, как дрожь прошла по его телу. И в эту же минуту он перестал дышать.

— Шервуд! — Она стала его трясти. — Не надо.

Вытащила из-под него руки, открыла ему рот, собираясь делать искусственное дыхание. Роза что-то говорила у нее за спиной, но Фрэнни не слышала. Да и не хотела слышать сейчас. Она прижалась ртом к его губам и сделала выдох, нагнетая воздух в его легкие. Потом надавила ему на грудь, чтобы вышел воздух, снова выдохнула. Фрэнни повторяла это снова и снова. Но в нем не было признаков жизни. Ни малейших. Его несчастное тело просто перестало жить.

— Это невозможно, — сказала Фрэнни, поднимая голову.

Глаза жгло, но слезы еще не подошли. Она четко видела убийцу Шервуда: он стоял в коридоре на том же месте, куда отступил. Будь у нее в руке пистолет, она выстрелила бы ему в сердце.

— Ты сволочь, — сказала Фрэнни голосом, похожим на рычание. — Ты его убил. Ты его убил.

Стип не ответил. Он просто смотрел на нее пустым взглядом, и это только подстегнуло ее. Перешагнув через тело Шервуда, Фрэнни двинулась к Стипу, но тут Роза схватила ее за руку.

— Не делай этого... — попросила она, отталкивая ее назад, к кухне.

— Он убил его...

— И тебя убьет, — сказала Роза. — И тогда вы оба будете мертвы, и чего ты этим

добьешься?

Фрэнни сейчас не хотела слушать доводы разума. Она попыталась вырвать руку, но Роза, несмотря на рану, не отпускала ее. Наступило мгновение жуткой тишины, когда все замерли. Потом послышался звук шагов по гравии, и мгновение спустя в дверях возник Уилл. Стип ленивым движением повернулся в его сторону.

— Не подходи, — крикнула Фрэнни Уиллу. — Он...

Она никак не могла произнести эти слова.

— ...убил Шервуда.

Взгляд Уилла переместился с лица Стипа на тело Шервуда, потом снова на Стипа. Одновременно он сунул руку в карман и демонстративно вытащил нож.

— Мы уходим, — очень тихо сказала Роза Фрэнни. — Мы тут ничего не сможем сделать... Давай... предоставим это мальчикам?

Фрэнни не хотела уходить. Не хотела оставлять Шервуда, лежавшего на полу с остекленевшими глазами. Она хотела закрыть их и положить его куда-нибудь, по крайней мере укрыть. Но в глубине души она знала, что Роза права ей нет места в той сцене, что должна разыграться в коридоре. Уилл уже сказал, насколько приватный у него разговор со Стипом, даже если это разговор со смертельным исходом. Фрэнни нехотя позволила Розе взять ее под руку и повести к задней двери, а оттуда — в разросшийся сад.

Пчелы, конечно, по-прежнему гудели в пышных цветочных клумбах. Мелодичное пение дроздов, как и раньше, доносилось с платана. И конечно, все было иначе, чем три минуты назад, и уже никогда не будет прежним.

XV

Все очень просто. Шервуд, бедняга Шервуд, умер, лежал, распростертый, на полу, а его убийца стоял перед Уиллом, и в руке Уилла был нож, дрожавший от нетерпения быть пущенным в дело. Нож не испытывал никаких угрызений в связи с тем, что прежде его владельцем был Стип. Он хотел одного: чтобы его пустили в дело. Немедленно, сейчас же! И пусть плоть, в которую он вонзится, принадлежит человеку, который относится к ней как к святыне. Имело значение одно: сверкать и блистать сталью, делая дело; подняться и упасть; и опять подняться с красным лезвием.

— Ты пришел, чтобы вернуть мне нож? — спросил Стип.

Уилл с трудом подыскивал слова: его ум был занят желанием ножа показать свое мастерство. Как он, нож, срежет уши и нос Стипа, сведет всю его красоту к кровавому месиву. Он еще видит тебя? Вырежи ему глаза! Его крики утомляют тебя? Отрежь ему язык!

Это были ужасные мысли, омерзительные мысли. Уилл не хотел их. Но они возвращались.

Стип лежит на спине, обнаженный. А нож вскрывает ему грудь — один взмах, другой, обнажилось бьющееся сердце. Ты хочешь взять его соски на память? Пожалуйста. Может, кое-что еще, более интимное? Закуску для лиса...

Уилл даже не успел осознать, что делает, как его рука взметнулась вверх, и нож в ней восторженно запел. Еще секунда — и он бы до костей содрал кожу с лица Стипа, если бы тот не схватился за лезвие рукой. Ах, как он вонзился в плоть — даже в плоть Стипа. Идеально очерченные губы Джекоба искривились от боли, а между его идеальными зубами прорвалось шипение; тихое шипение перешло в выдох — он выдыхал последнюю толику воздуха.

Уилл попытался вырвать нож из руки Стипа. Лезвие наверняка должно было рассечь его ладонь и освободиться. Кромки слишком острые — не удержать. Но клинок оставался на месте. Уилл дернул сильнее. По-прежнему никакого движения. Он потянул, но Стип держал крепко.

Взгляд Уилла переметнулся с ножа на лицо врага Стип с того момента, как выдохнул, задерживал дыхание. Он смотрел на Уилла, рот приоткрыт, словно он собирался заговорить.

Потом он, конечно, вздохнул. Но это было не обычное дыхание, не простой забор

воздуха. Стип повторял то, что случилось на холме тридцать лет назад, но только на этот раз хозяином положения был он, распуская по ниточке окружающий мир. И этот мир исчез в мгновение ока, пол, казалось, распался под их ногами, и Стип с Уиллом словно зависли над бархатной бесконечностью, соединенные одним только клинком.

— Я хочу, чтобы ты поделился этим со мной, — вполголоса сказал Стип, словно речь шла о хорошем вине и он приглашал Уилла выпить из его бокала.

Темнота под их ногами сгущалась; роился прах, отступал и наступал. Но в остальном вокруг них была темнота. И наверху — темнота. Ни туч, ни звезд, ни луны.

— Где мы? — выдохнул Уилл, снова переводя взгляд на Стипа.

Лицо Джекоба уже не было таким монолитным, как прежде. Ровная кожа лба и щек стала зернистой, а мрак за его спиной, казалось, сочится из глаз.

— Ты меня слышишь? — спросил Уилл.

Но лицо, на которое он смотрел, продолжало терять целостность. И теперь, хотя Уилл и знал, что это только видение, в нем стала нарастать паника. Что, если Стип бросит его здесь, в этой пустоте?

— Останься, — услышал он собственный голос, словно говорил ребенок, который боится остаться один в темноте. — Пожалуйста, останься...

— Чего ты боишься? — спросил Стип.

Темнота почти полностью окутала его лицо.

— Можешь мне сказать.

— Я не хочу потеряться, — ответил Уилл.

— Тут ни я и никто другой тебе не поможет, — сказал Стип. — Если только мы не найдем дорогу к Господу. А это довольно трудно в такой сумятице. В этой отвратительной сумятице.

Хотя его образ практически исчез, голос сохранился, мягкий и вкрадчивый.

— Ты прислушайся к этому шуму...

— Не уходи.

— Прислушайся, — повторил Стип.

Уилл слышал шум, о котором он говорил. Это был не какой-то единичный звук — тысяча, тысяча тысяч звуков, устремившихся на него одновременно отовсюду. Он не был назойливым, как не был приятным или музыкальным. Он был непреходящим. А его источник? Он тоже находился во всех направлениях. Прилив множества бледных неразличимых форм, ползущих к нему. Нет, не ползущих — рождающихся. Существа тужились и извергали из себя младенцев, которые уже в миг рождения раскидывали ноги, чтобы быть осемененными, и, прежде чем их пары-осеменители откатывались от них, начинали тужиться, чтобы извергнуть из себя новое поколение. И так без конца, без конца в омерзительных множествах, их перемешивающиеся пiski, вздохи и рыдания и создавали тот шум, который, по словам Стипа, заглушил Бога.

Уиллу нетрудно было понять, что происходит перед ним. Именно это и видел Стип, глядя на живых тварей. Не их красоту, исключительность, а убийственную, оглушающую плодовитость. Плоть, которая порождает плоть, шум, который порождает шум. Понять это было нетрудно, потому что в самые темные мгновения Уиллу приходили те же мысли. Он видел, как человеческий прилив накатывает на любимые им виды тварей (на животных, слишком диких или слишком мудрых, чтобы идти на компромисс с агрессором), и желал, чтобы чума поразила каждое человеческое чрево. Слышал этот шум и желал легкой смерти всем этим орущим глоткам. А иногда даже нелегкой. Он понимал. О боже, он понимал.

— Ты все еще там? — спросил он Стипа.

— Еще здесь... — откликнулся тот.

— Пусть оно сгинет.

— Именно это я и пытался сделать все прошедшие годы, — ответил Стип.

Поднимающийся прилив жизни почти захлестнул их, всё рождающиеся и рождающиеся формы суетились у ног Уилла.

- Хватит, — сказал Уилл.
- Теперь ты понимаешь мою точку зрения?
- Да.
- Громче.
- Да! Понимаю. Вполне.

Этого признания оказалось достаточно, чтобы ужас прекратился. Прилив отступил, а еще через мгновение исчез, и Уилл снова остался висеть в темноте.

— Здесь лучше? — спросил Стип. — В такой тишине у нас есть надежда узнать, кто же мы такие. Тут нельзя ошибиться. Тут всё — само совершенство. Ничто не отвлекает нас от Бога.

- И ты хочешь, чтобы весь мир стал таким? — пробормотал Уилл. — Пустым?
- Не пустым. Очищенным.
- Готовым к тому, чтобы начаться снова?
- Ну уж нет.

— Но он начнется, Стип. Ты можешь вынудить всех спрятаться на какое-то время, но непременно пропустишь какой-нибудь уголок, забудешь приподнять какой-нибудь камень. И жизнь вернется. Может быть, не в человеческой форме. Может, в более совершенной. Но это будет жизнь, Джекоб. Ты не можешь убить весь мир.

— Я сведу его к одному лепестку, — весело ответил Джекоб.

Уилл услышал насмешку в его голосе.

— И там будет Бог. Точно. Я увижу Его. Так я пойму, для чего был создан.

Его лицо снова стало обретать прежнюю форму. Появился широкий бледный лоб над сосредоточенными встревоженными глазами, великолепный нос, еще более великолепный рот.

— А что, если ты ошибаешься? — спросил Уилл. — Что, если Бог хотел, чтобы мир наполнился жизнью? Десятками тысяч разновидностей лютиков? Миллионом видов жуков? Ни одна живая тварь не похожа на другую. Что, если так? Что, если ты — враг Бога, Джекоб? Что, если ты... Дьявол, только не знаешь об этом?

— Я бы знал. Хотя я пока и не вижу Его, Бог живет во мне.

— Что ж, — сказал Уилл, — Бог живет и во мне.

И эти слова, хотя они еще ни разу не срывались с его языка, были истиной. Бог теперь был в нем. И всегда был. В глазах Стипа светился гнев библейского пророка, но в Уилле тоже обитало Божество, пусть Оно и говорило устами лиса и любило жизнь, — Уилл даже не догадывался, что ее можно так сильно любить. Божество, которое за прошедшие годы являлось ему в бесчисленном разнообразии форм. Да, некоторые из них были жалкие, но некоторые — блистательные. Слепой белый медведь на горе мусора; двое детей в разрисованных масках, улыбающийся Патрик, спящий Патрик, Патрик, говорящий о любви. Камелии на подоконнике и небеса Африки. Его Бог был там, повсюду, приглашал его постичь душу вещей.

Почувствовав, как в Уилле нарастает уверенность, Стип привел единственный оставшийся у него аргумент.

— Я поселил в тебе жажду смерти, — сказал он. — Поэтому ты принадлежишь мне. Мы оба можем жалеть об этом, но так оно и есть.

Как мог Уилл отрицать это, если нож все еще был у него в руке? Отведя взгляд от лица Стипа, он нашел глазами оружие, следуя от плеча Стипа вдоль его руки до кулака, который по-прежнему сжимал клинок, потом дальше — к своей руке, вцепившейся в рукоятку.

И тогда, увидев нож, он отпустил его. Сделать это было просто. Вред от этого ножа не станет больше из-за Уилла — ни на одну рану.

Последствия его поступка проявились мгновенно. Темнота тут же исчезла, и вокруг возник материальный мир: коридор, тело, лестница, ведущая к проломленной крыше, через которую проникал солнечный свет.

А перед ним — Стип, который смотрел на него со странным выражением лица. Потом

по его телу прошла дрожь, и пальцы чуть разжались, отпуская клинок, и тот выпал из его руки. Нож глубоко врезался в его плоть, и рана сочилась, но не кровью, а тем же веществом, что истекало из тела Розы. Рана была меньше, а потому оказались тоньше и нити, но жидкость имела тот же яркий оттенок. Нити неторопливо обтекали пальцы Стипа, и Уилл машинально протянул руку, чтобы прикоснуться к ним. Нити почувствовали его и потянулись навстречу. Он слышал, как Стип запрещает им делать это, но слишком поздно. Контакт уже произошел. Он снова почувствовал, как эта материя проходит в него и насквозь. Но на этот раз он был готов к тем откровениям, которые она обещает, и материя его не разочаровала. Лицо перед ним разоблачилось, его плоть выдала тайну, скрытую под ней. Он заранее знал ее. Та же странная красота, какую он увидел в Розе, была и внутри Стипа: нилотик, нечто, высеченное из вечности.

— Что такое сделал Рукенау с вами двумя? — спросил он вполголоса.

Существо внутри Стипа смотрело на Уилла, оно было похоже на пленника, отчаянно стремящегося к свободе.

— Скажи мне, — настаивал Уилл.

Но существо молчало. И при этом хотело говорить; Уилл видел это желание в его глазах — оно жаждало рассказать свою историю.

— Попробуй, — сказал он.

Оно наклонило к нему голову. Их рты оказались в трех-четыре дюйма друг от друга, но существо ничего не говорило.

«Да и не могло сказать», — подумал Уилл.

Пленник слишком долго молчал и теперь не мог так быстро обрести голос. Но пока они так близко друг к другу, пока глаза смотрят в глаза, Уилл не хотел упускать шанс. Он подался вперед еще на дюйм, и нилотик, поняв, что сейчас произойдет, улыбнулся. И тогда Уилл поцеловал его в губы — легонько, почтительно.

Существо ответило на поцелуй, прижав свой прохладный рот ко рту Уилла.

В следующий момент, как и в случае с Розой, нить света вырвалась из него и исчезла. И тут же опустился занавес, закрывая то, что под ним, и лицо, которое целовал Уилл, оказалось лицом Стипа.

Джекоб оттолкнул его от себя с криком отвращения, словно он несколько мгновений разделял с Уиллом его транс и только теперь понял, что было освящено силой внутри его. Он подался назад, принял к стене, крепко сжав в кулак раненую руку, чтобы предотвратить ток этой предательской жидкости. Тыльной стороной ладони он тер губы. Замешательство и сомнения исчезли. Вперившись в Уилла безумным от ярости взглядом, он нагнулся и поднял нож, лежавший между ними. Уилл понял, что больше разговоров не будет. Стип не станет рассуждать о Боге и прощении. Он хочет одного: убить человека, который только что его поцеловал.

Уилл, хотя и знал, что надежды на примирение нет, неторопливо отступал к двери, разглядывая Стипа. Их следующая встреча закончится смертью одного из них — сейчас, вероятнее всего, ему представился последний шанс посмотреть на человека, стать братом которого он желал с такой страстью. Поцелуй, которым они обменялись, ничего не значил для человека, уверенного в себе. Но Стип в себе никогда не был уверен. Как и многие из тех, кого наблюдал и желал Уилл за свою жизнь, Стип жил в страхе, что его выведут на чистую воду и тогда обнаружится, что его мужские достоинства — всего лишь убийственная фикция, пшик, за которым скрывается куда более странная душа.

Больше смотреть Уилл не мог, еще пять секунд — и нож вонзится в его горло. Он развернулся и покинул дом, прошел по дорожке на улицу. Стип не последовал за ним. Уилл решил, что он какое-то время будет взвешивать «за» и «против», приводя мысли в убийственный порядок, и только после этого пустится в последнюю погоню.

Непременно пустится. Уилл поцеловал пребывающий в Стипе дух, а ни одна оболочка не сможет простить такого рода преступление. Она, эта оболочка, придет к нему с ножом в руке. В этом не было ни малейших сомнений.

Часть шестая ОН ВХОДИТ В ДОМ МИРА

I

Уилл вышел из дома Доннели как пьяный и пребывал в таком состоянии около часа. Он отдавал себе отчет в том, что происходит: он сел в машину Фрэнни, Роза полулежа разместилась за ним, и они понеслись из деревни с такой скоростью, будто их преследовал сонм падших ангелов. Он односложно отвечал на вопросы Фрэнни, противясь ее попыткам вывести его из этого помрачения. «Он не ранен?» — спросила она. «Нет», — ответил он. «А Стип? Что со Стипом?» «Жив», — ответил он. «Ранен?» — спросила она. «Да», — ответил он. «Рана смертельна?» «Нет», — ответил он. «Жаль», — сказала она.

Несколько времени спустя они остановились у автосервиса, и Фрэнни вышла из машины, чтобы позвонить по телефону. Ему было все равно кому. Но, вернувшись на водительское место, она тем не менее сказала ему об этом. Она позвонила в полицию — сообщила, где лежит тело Шервуда. Глупо, что не догадалась сделать это раньше, сказала она. Может быть, они схватили бы Стипа.

— Никогда, — сказал Уилл.

Они поехали дальше в молчании. По ветровому стеклу застучал дождь, крупные капли тяжело бились о стекло. Он опустил стекло до половины, и в лицо ему ударили струи, он ощутил их запах — терпкий, металлический. Холод начал медленно выводить его из транса. Онемение в руке, державшей нож, стало проходить, и теперь ладонь и пальцы чувствовали боль. Прошло еще несколько минут, и он стал обращать внимание на дорогу, хотя ничего примечательного вокруг не было. Шоссе, по которым они ехали, не были забиты транспортом, но и не совсем пустовали, погода — не дурная, но и не отличная. Иногда набежавшая тучка проливалась дождем, иногда над ними голубело чистое небо. Все было обнадеживающе обыденным, и он попытался отделаться от воспоминаний о видении Стипа, воображая себя сторонним наблюдателем. В машине слева ехали две монахини и ребенок; женщина за рулем красила помадой губы; он увидел, как разбирают мост, увидел поезд, который одно время бежал параллельно шоссе, за его окнами — лица мужчин и женщин, они смотрят наружу стеклянными глазами. Потом он увидел дорожный указатель: до Глазго на севере оставалось сто восемьдесят миль.

А потом вдруг Фрэнни сказала:

— Прошу прощения. Нам придется остановиться.

Она остановила машину на обочине и вышла. Уиллу пришлось потратить немало сил, чтобы подняться. Наконец это ему удалось. Снова шел дождь, капли больно ударяли по голове.

— Тебя... тошнит? — спросил он Фрэнни — это была первая не односложная фраза, произнесенная им с того момента, как они выехали из деревни, и далась она нелегко.

— Нет, — сказала Фрэнни, отирая с лица капли дождя.

— Тогда что случилось?

— Я должна вернуться. Я не могу... — Она затрясла головой, злясь на себя. — Я не должна была его оставлять. И о чем я думала? Ведь он мой брат.

— Он умер, — сказал Уилл. — Ему теперь ничем не поможешь.

Фрэнни прижала руку ко рту, продолжая трясти головой. По ее щекам текли слезы вперемешку с дождем.

— Если хочешь вернуться, — сказал Уилл, — вернемся.

Рука Фрэнни упала.

— Я не знаю, чего хочу.

— А чего бы хотел Шервуд?

Фрэнни с несчастным видом посмотрела на скрюченную фигуру на заднем сиденье.

— Он бы из кожи вон вылез, чтобы угодить Розе. Почему — одному Богу известно, но именно это Шервуд и сделал бы. — Она перевела на Уилла полный бесконечного отчаяния взгляд. — Знаешь, я ведь большую часть своей взрослой жизни потратила на него. Наверное, могу сделать для него и это — последнее. — Она вздохнула. — Но это уж точно последнее, черт возьми.

За баранку теперь сел Уилл.

— Куда мы едем? — спросил он.

— В Обан, — ответила Фрэнни.

— А что в Обане?

— Оттуда ходят паромы на острова.

— Откуда ты знаешь?

— Я едва не поехала туда пять или шесть лет назад. С группой из церкви. Экскурсия на Иону.¹ Но поездку пришлось отменить в последний момент.

— Шервуд?

— Конечно. Он не хотел оставаться один. Вот я и не поехала.

— Мы так и не знаем, на какой остров нам надо. Я взял старый атлас из дома. Ты не пробежишься по названиям с Розой — может, она что-то вспомнит? — Уилл бросил взгляд через плечо. — Ты не спишь?

— Никогда, — ответила Роза слабым голосом.

— Как себя чувствуешь?

— Устала.

— Повязка держится? — спросила Фрэнни.

— На месте. Не бойтесь, я не умру у вас на руках. Буду держаться, пока не увижу Руkenaу.

— А где твой атлас? — спросила Фрэнни.

— У тебя за спиной, — ответил Уилл.

Она пошарила рукой сзади и достала атлас.

— А ты не думаешь, что Руkenaу мог умереть? — спросил Уилл у Розы.

— У него не было планов умирать.

— Планы планами, а умереть он мог.

— Тогда я найду его могилу и лягу рядом, — сказала она. — И может быть, его прах простит меня.

Фрэнни нашла Гебриды в атласе и стала читать названия, начиная с Внешних Гебрид:

— Льюис, Харрис, Северный Уист, Южный Уист, Барра, Бенбекула...

Потом пошли Внутренние:

— Малл, Колл, Тайри, Айлей, Скай...

Ни одно из них не было знакомо Розе. Фрэнни сказала, что некоторые острова слишком малы и не обозначены на карте. Может быть, один из них им и нужен. В Обане они купят более подробную карту и попробуют еще раз. Роза не особенно на это надеялась. Она сказала, что плохо запоминает названия. Это всегда было сильной стороной Стипа. Но у нее хорошая память на лица, тогда как он...

— Не будем о нем говорить, — сказала Фрэнни, и Роза замолчала.

Они поехали дальше. Через Озерный край к шотландской границе и, когда день пошел на убыль, вдоль судостроительных верфей Клайдбанка, по берегу озера Лох-Ломонд и дальше через Лусс и Крианларих до Тиндрума. За несколько миль до Обана на Уилла вдруг нахлынуло что-то почти возвышенное — он почувствовал принесенный ветром запах моря. Столько лет прошло, а студеной, острый запах соли все еще брал за живое, вызывая в памяти детские мечты о дальних странах. Он, конечно, давно воплотил эти мечты в реальность: мало

¹ Или, в переводе с гэльского, остров Святого Колумбы, один из Гебридских островов.

кто так поездил по миру, как он. Но близость моря и дальние горизонты все еще манили его, и сегодня, когда солнце клонилось к закату, он знал почему. За этим скрывалось нечто более сокровенное — мечты об идеальных островах, где можно встретить идеальную любовь. Неудивительно, что дух его воспарил, когда дорога через городок, расположенный на крутом склоне, привела их в гавань. Здесь у Уилла впервые возникло ощущение, будто физический мир находится в гармонии с более глубоким смыслом, и его томление стало приобретать конкретные формы. Вот перед ним заполненная людьми набережная, с которой они отправятся в путь дальше, вот Маллский пролив, взгляд скользит по его бурным водам дальше, в море. То, что лежит за этими водами, вдали от маленькой уютной гавани, — не просто остров: возможно, там его духовное путешествие завершится, там он, может быть, узнает, зачем Господь заронил в него это томление.

II

Уилл предполагал, что Обан окажется ничем не примечательным портовым городом, но Обан его удивил. Хотя к тому времени, когда они нашли путь на набережную, уже опустилась ночь, в городе и гавани кипела жизнь. Последние за лето туристы глазели на витрины магазинов или искали, где можно перекусить и пропустить стаканчик. На открытой площадке мальчишки гоняли мяч. Небольшая флотилия рыболовных лодок выходила в море в ожидании ночного прилива.

Добравшись до ярко освещенной пристани, они увидели отходивший паром. Уилл затормозил у касс, которые закрывались на ночь. Строгого вида женщина сказала, что следующий паром отойдет в семь утра и что предварительный заказ не нужен.

— Вы сможете погрузиться в шесть часов, — добавила она.

— С машиной?

— Да, с транспортом. Но утренний паром обходит только Внутренние острова. Вам куда нужно?

Уилл сказал, что еще не решил. Она дала ему буклет с ценами и расписанием и глянцевою брошюрку с путеводителем по островам, на которые заходит паром «Каледониан Макбрейн». Повторила, что первый паром отходит в семь, и закрыла окошко.

Уилл вернулся к машине и увидел, что в ней никого нет. Фрэнни он нашел на причале — она смотрела, как уходят в море рыбацкие лодки. Она сказала, что Роза пошла прогуляться, отказавшись от ее услуг, когда Фрэнни предложила ее проводить.

— И куда она пошла? — спросил Уилл.

Фрэнни показала на дальний причал, выдававшийся в пролив.

— Думаю, глупо о ней волноваться, — сказал Уилл. — Я имею в виду, она может о себе позаботиться. И все же...

Он посмотрел на Фрэнни, которая глядела на темную воду, бьющуюся о причальную стенку в семи или восьми футах внизу.

— Ты, кажется, не на шутку задумалась, — заметил он.

— Да не то чтобы задумалась, — ответила Фрэнни, немного смутившись, словно ей стыдно было в этом признаться.

— Расскажи.

— Представь себе, я думала о проповеди.

— О проповеди?

— Да. К нам в церковь три воскресенья назад приезжал один викарий. Очень хороший викарий. Он говорил о... как это он сказал?... священной миссии в миру. — Она подняла глаза на Уилла. — Вот и это путешествие в таком роде. По крайней мере, для меня. Мы словно паломники. Я говорю глупости?

— Ну, ты говорила глупости и похлеще.

Она улыбнулась, продолжая смотреть на воду.

— И бог с ними. Слишком долго я была благоразумной.

Она снова посмотрела на него. Ее задумчивость прошла.

— Знаешь что? Есть хочу — умираю.

— Может, снимем номер в гостинице?

— Нет. Я за то, чтобы поесть и поспать в машине. Когда отходит паром?

— Ровно в семь, — сказал Уилл и добавил, обреченно пожав плечами: — Мы даже не знаем, туда ли он идет, куда нам надо.

— Я все равно предлагаю ехать. Уехать и никогда не возвращаться.

— Разве пилигримы не возвращаются?

— Только если им есть для чего спешить домой.

Они двинулись по набережной на поиски места, где можно поесть.

— Роза думает, что тебе нельзя доверять, — сказала Фрэнни.

— Это еще почему?

— Потому что все твои мысли — о Стипе. Или о тебе самом и Стипе.

— Когда она тебе это сказала?

— Когда я ее перевязывала.

— Она сама не знает, что говорит, — сказал Уилл.

Какое-то время они шли молча, миновали пару влюбленных, которые стояли у причальной стенки, шептались и целовались.

— Ты мне расскажешь, что произошло в доме? — спросила наконец Фрэнни.

— По-моему, это вполне очевидно. Я пытался его убить.

— Но не убил.

— Я ведь сказал: пытался. Но он схватился за нож и... и тут передо мной мелькнуло то, чем, как мне кажется, он был, перед тем как стать Джекобом Стипом.

— И что же это такое?

— То, что нарисовал Симеон. Существо, которое построило Домус Мунди для Рукенау. Нилотик.

— Думаешь, Роза такая же?

— Кто знает? Я пытаюсь собрать воедино части пазла. Что мы знаем? Что Рукенау был мистиком. И я полагаю, он нашел эти существа...

— На Ниле?

— У этого слова именно такое значение, насколько мне известно. У него нет мистического смысла.

— И что? Ты думаешь, они в буквальном смысле построили дом?

— А ты?

— Не обязательно, — сказала Фрэнни. — Церковь может быть из камней и со шпилем, но она может быть и полем, и берегом реки. Любым местом, где собираются люди, чтобы поклоняться Богу.

Было очевидно, что она много думала об этом, и Уиллу понравились ее выводы.

— Значит, Домус Мунди может быть... — Он искал подходящее слово. — Местом, где собирается мир?

— Такая формулировка не имеет особого смысла.

— Это, по крайней мере, говорит о том, что не следует все понимать буквально, черт возьми. О чем тут речь? Не о стенах и крыше...

Он пожал плечами, подыскивая слова, но на этот раз нашел — их подсказала (кто бы мог подумать!) Бетлинн.

— Инициировать перемены, вызывать видения.

— И ты думаешь, именно это и пытается сделать Стип?

— Думаю, в своей извращенной манере — да.

— Ты ему сочувствуешь?

— Это тебе Роза сказала?

— Нет, я просто пытаюсь понять, что произошло между вами.

— Он убил Шервуда и стал моим врагом. Но если бы у меня в руке был нож, а Стип

стоял здесь передо мной, я не смог бы его убить. Теперь не смог бы.

— Я так и думала, что ты это скажешь, — проговорила Фрэнни.

Она остановилась и показала на другую сторону дороги.

— Смотри — рыба с картошкой фри.

— Прежде чем мы перейдем к рыбе с картошкой фри, я хочу закончить этот разговор.

Мне важно, чтобы ты мне доверяла.

— Я тебе доверяю. Так мне кажется. Пожалуй, я бы предпочла, чтобы ты был готов убить его на месте — после того, что он сделал. Но это не по-христиански с моей стороны. Дело в том, что мы обычные люди...

— Нет, не обычные.

— Я обычная.

— Тебя бы здесь не было...

— Обычная. — Она гнула свое. — Правда, Уилл, я совершенно обычный человек. Когда я думаю о том, что здесь делаю, в меня вселяется страх перед Господом. Я не готова к этому. Ничуть. Каждое воскресенье я хожу в церковь. И слушаю проповеди. И изо всех сил стараюсь в течение семи следующих дней быть хорошей христианкой. Это предел моего религиозного опыта.

— Но об этом-то и идет речь, — сказал Уилл. — И ты это знаешь.

Фрэнни смотрела куда-то мимо него.

— Да, я знаю, что речь об этом. Просто не знаю, готова ли я.

— Если бы мы были готовы, ничего подобного с нами не случилось бы. Думаю, мы должны бояться. По крайней мере, немного. Чувствовать себя не в своей тарелке.

— О господи, — выдохнула Фрэнни. — Да, мы такие.

— Когда мы только начали говорить, я был не прочь перекусить, — сказал Уилл. — А теперь я голоден как волк.

— Так мы можем поесть?

— Да.

В закусочной у них было прекрасное занятие. Свежий окунь или свежий скат? Большая порция картошки фри или громадная? Бутерброд с чем? Соль? Уксус? И наверное, самое важное: есть прямо здесь (вдоль стены под зеркалом с нарисованной рыбой стояли пластиковые столики) или завернуть еду во вчерашнюю «Скоттиш таймс» и съесть на причале? Они выбрали первый вариант. Сидя за столиком, проще рассматривать брошюры, которые Уиллу дала кассирша. Но следующие пятнадцать минут, пока они ели, о брошюрах никто не вспомнил. И только когда Уилл заморил червячка, он стал листать «Путеводитель по островам». Это было не слишком обстоятельное описание. Дежурные восторги по поводу островных красот — чистые берега, бесподобная рыбалка, захватывающие пейзажи... Были тут и миниатюрные схемы каждого острова, иногда с фотографиями. Скай называли «островом, прославленным в песнях и легендах». На Бьюте был «наиболее впечатляющий викторианский особняк в Британии». Тайри, «чье название означает "житница островов", — настоящий рай для любителей птиц».

— Есть что-нибудь интересное? — спросила Фрэнни.

— Все как обычно, — сказал Уилл.

— У тебя кетчуп на губах.

Уилл вытер губы и вернулся к брошюре. Что-то в описании острова Тайри привлекло его внимание. «Тайри — самый плодородный из островов Внутренних Гербид, житница островов».

— В меня больше не лезет, — сказала Фрэнни.

— Посмотри-ка сюда.

Уилл развернул брошюру и пододвинул к Фрэнни.

— Куда?

— Там, где написано про Тайри. — Она пробежала глазами текст. — Тебе это что-нибудь говорит?

— Нет, ничего. Птицы... белые песчаные берега. Все это очень мило, но...

— Житница островов! — вдруг сказал Уилл, хватая путеводитель. — Вот оно — житница!

Он встал.

— Мы куда?

— В машину. Нам нужна твоя книга про Симеона!

Пока они ели, улицы опустели, туристы вернулись в гостиницы, чтобы пропустить еще рюмочку перед сном, влюбленные улеглись в постель. Вернулась Роза. Она сидела на мостовой, прислонившись к причальной стенке.

— Остров Тайри тебе что-нибудь говорит? — спросил ее Уилл.

Роза отрицательно покачала головой.

Фрэнни достала книгу из машины и перелистывала ее.

— Я помню много упоминаний об острове Рукунау, — сказала она. — Но ничего конкретного тут не сказано.

Фрэнни передала книгу Уиллу. Он пошел к причальной стенке и сел.

— Пахнешь умиротворяюще, — заметила Роза. — Вы ели?

— Да. Тебе тоже надо было принести?

Она снова помотала головой.

— Я пощусь. Хотя и неплохо было бы отведать рыбки, которую ловят с пристани.

— Сырой? — спросила Фрэнни.

— Сырой лучше всего, — ответила Роза. — Стип всегда так ловко ловил рыбу. Он входил в воду и щекоткой вводил их в ступор...

— Вот оно! — сказал Уилл, размахивая книгой. — Нашел.

Он пересказал отрывок Фрэнни. Надеясь снова найти уголок в сердце Рукунау, Симеон собирался написать символическую картину, изображающую его патрона среди зерна, как подобает на его острове.

— Вот она связь — в этих словах! — воскликнул Уилл. — Остров Рукунау — это Тайри. Житница, как и говорил Симеон.

— Ну, это довольно ненадежное свидетельство, — заметила Фрэнни.

Но Уилл был полон энтузиазма.

— Это то самое место. Я знаю, что это оно.

Бросив книгу Фрэнни, он достал из кармана расписание.

— Завтра утром паром на Колл и Тайри через Тобермори. — Он усмехнулся. — Наконец-то нам повезло.

— Судя по твоим воплям, ты знаешь, куда нам надо? — спросила Роза.

— Думаю, да, — ответил Уилл и присел рядом с ней на корточки. — Вернулась бы ты в машину. Вряд ли тебе полезно здесь сидеть.

— Я хочу, чтобы ты знал: некий добрый самаритянин пытался дать мне деньги на ночевку, — сказала она.

— И ты их взяла.

— Как хорошо ты меня знаешь, — криво усмехнувшись, сказала Роза и, разжав кулак, показала монетки.

Роза не слишком сопротивлялась и в конце концов согласилась вернуться в машину, где они втроем провели остаток ночи. Уилл даже не надеялся, что сможет уснуть, сложившись на водительском сиденье, однако уснул и проснулся только раз, когда напомнил о себе мочевого пузырь. Уилл как можно тише вышел из машины, чтобы облегчиться. Было четверть пятого, и паром «Клеймор» уже стоял у пристани. На палубе и на набережной работали люди, грузились, готовились к раннему отплытию на острова. Город спал, на набережной никого не было. Уилл обильно помочился в водосточный желоб под пристальными взглядами трех-четырех чаек, ночевавших на причальной стенке. Он догадался, что скоро начнут возвращаться рыбацкие лодки и птицам достанутся потроха на завтрак. Закурив сигарету и

извинившись перед чайками, он сел на причальную стенку и стал смотреть на темную воду, не освещенную портовыми огнями. Он, как ни странно, был доволен судьбой. Холодный запах воды, горячий, пряный дымок, наполнявший легкие, моряки, готовившие «Клеймор» к короткому путешествию, — вот из чего состояла его радость. Как и то существо, которое он чувствовал в себе, глядя на воду: дух лиса, чьи чувства обостряли восприятие Уилла и который давал ему немой совет: радуйся, старина. Наслаждайся дымком, тишиной и шелковистой водой. Наслаждайся не потому, что все это мимолетно, а потому, что оно есть.

Уилл докурил и вернулся в машину — юркнул на сиденье, не разбудив Фрэнни, которая привалилась головой к окну. От ее ровного дыхания запотевало холодное стекло. Роза, казалось, тоже спит, но он не был уверен — возможно, она притворялась, и это подозрение укрепилось, когда он стал дремать: Уилл услышал, как у него за спиной она что-то нашептывает. Он не смог различить слова, к тому же усталость мешала сосредоточиться, но, когда пришел сон, наступило просветление, как случается в такие минуты, и он кое-что разобрал. Она называла имена. И то, с какой неясностью Роза их произносила, перемежая перечень то вздохом, то словами «ах, мой маленький», навело Уилла на мысль, что это не люди, с которыми она сталкивалась в жизни. Это ее дети. И Уилл провалился в сон: Роза перед рассветом вспоминает своих мертвых детей, повторяет в темноте их имена, словно молитву без текста, только с именами святых, к которым она обращена.

III

Стип, занимаясь работой по убийству совокупляющихся пар, всегда предпочитал первым убить самца. Если он имел дело с последними представителями вида (что и являлось его великой и славной миссией), убийство обоих было рутинной. Чтобы покончить с видом, достаточно убить одного. Но ему для порядка нравилось убивать двоих и начинать с самца. На то было несколько причин. В большинстве видов самец более агрессивен, и из соображений самозащиты казалось разумным сначала избавиться от него, а потом уже от его половины. Еще, согласно наблюдениям Стипа, самки, потеряв пару, чаще склонны проявлять скорбь, и убивать их в этом состоянии намного легче. Самец же в большей степени способен на месть. Причиной почти всех серьезных повреждений (кроме двух), полученных им за долгие годы, были самцы, которых он неблагоразумно решал убить после самок: они набрасывались на него с суицидальным самоотречением. Полтора века спустя после уничтожения последней большой гагарки на скалах Сент-Килда у него все еще оставался шрам на предплечье — след от нападения самца. А в холодную погоду побаливало бедро: его лягнул самец голубой антилопы, увидевший, как у него на глазах истекает кровью самка.

Это были два болезненных урока. Но хуже шрамов и плохо сросшихся костей — воспоминания о тех самцах, которые по недосмотру перехитрили его и ушли живыми. Случалось это редко, но если случалось, он предпринимал героические усилия по поимке беглецов, доводя Розу до безумия своим упорством. Да пусть, говорила она ему, как всегда исходя из практических соображений. Пусть умрет в одиночестве.

Но именно это его и бесило. Стипу невыносима была мысль о том, что норовистое животное гуляет на свободе в поисках себе подобного и в конце концов возвращается на место, где погибла его пара, — узнать, не осталось ли тут чего, что напомнило бы о ней: запаха, пера, обломка кости. Именно при таких обстоятельствах он несколько раз настигал беглецов: поджидал их на роковом месте и убивал там, где они тосковали. Но несколько удавалось уйти с концами, и они умерли не от его руки — вот это становилось источником его депрессии. Он месяцами представлял их себе, видел во сне. Воображал, как они бродят неприкаянные, дичая. А по прошествии одного-двух сезонов, так и не встретив особей своего вида, теряют волю к жизни. Покусанные блохами и с торчащими костями, они становились призраками саванны, или леса, или дрейфующей льдины, пока не сдавались и умирали.

Он всегда знал, когда это происходило; по крайней мере, был убежден, что знает. Он ощущал смерть животного всеми потрохами, словно подошел к неминуемому концу некий

физический процесс, не менее реальный, чем пищеварение. Еще одно шумное существо ушло в небытие (и в его дневник), исчезло навсегда.

Вот этого уже никогда не будет. И этого. И этого...

Он держал путь на север, и его мысли не случайно обращались к этим бродягам. Теперь он чувствовал, что и сам принадлежит к числу презренных выроdkов. Он, словно существо, утратившее надежду, возвращался в землю предков. Конечно, он не искал напоминаний об утраченной паре. Роза жива (он ведь шел по ее следу), и уж он-то не будет скорбеть над ее останками, когда она умрет. И все же, невзирая на охватившее его желание избавиться от нее, эта перспектива вызывала в нем чувство одиночества.

Ночь выдалась неважная. Машина, которую он угнал в Бернт-Йарли, сломалась в нескольких милях от Глазго, и он бросил ее, собираясь угнать что-нибудь понадежнее на ближайшей станции техобслуживания. Прогулка вышла та еще: два часа ходьбы по шоссе под холодным дождем. Он подумал, что в следующий раз нужно угнать непременно японскую машину. Ему нравились японцы, как и Розе. Их изящество, изобретательность. Он любил их машины и их жестокость. Восторгался очаровательным безразличием, с которым они относились к лицемерным запретам. Нужны акулы плавники для супа? Они брали их, а остальное выбрасывали в море. Нужен китовый жир для ламп? Черт возьми, они охотились на китов, а тех, у кого из-за этого сердце обливалось кровью, посылали рыдать куда подальше.

На станции техобслуживания он увидел новенький сверкающий «мицубиси» и, довольный приобретением, поехал дальше в ночь. Но мрачные мысли не покидали его. Снова нахлынули воспоминания об убийствах. Почему он все время к ним возвращается? Причина проста: в нем заперто воспоминание еще более мрачное. Но оно не хочет там оставаться. Хотя он пытался изгнать его кровью и отчаянием, одна и та же мысль возвращалась снова и снова...

Уилл поцеловал его. Господи милостивый, его поцеловал гомосек, который теперь будет этим хвастаться. Как такое могло случиться? Как? И хотя он оттирал рот, пока губы не начали саднить, с каждым прикосновением они все отчетливее вспоминали тот поцелуй. Может быть, какая-то постыдная часть его самого находила наслаждение в этом паскудстве?

Нет. Нет. Нет в нем такой части. В других — может быть. В более слабых. Но не в нем. Просто его застали врасплох. Он ожидал удара, а получил грязь. Будь на его месте кто помельче, он выплюнул бы этот поцелуй в лицо оскорбителю. Но для такого чистого человека, как он, человека, который не терпит сомнений и двусмысленностей, этот поцелуй хуже любого удара.

Неудивительно, что он до сих пор чувствует его на себе. И будет чувствовать, пока не сожмет в пальцах кожу, срезанную с губ своего врага.

К шести утра он достиг Думбартона. Небо на востоке стало проясняться. Начинался новый день, очередной круг обычных дел для человеческого стада. Он видел утренние ритуалы на улицах, по которым проезжал. Люди поднимали шторы, чтобы разбудить детей, забирали с крыльца бутылки с молоком для утреннего чая. Ранние птички, еще полусонные, спешили на автобусную остановку или на вокзал. Они понятия не имели, куда катится мир. А если б кто им сказал, не дали бы себе труда понять. Они просто хотели прожить еще один день, чтобы автобус или поезд доставил их вечером домой в добром здравии.

Он смотрел на них, и настроение у него улучшалось. Какие же они шуты гороховые! Невозможно смотреть на них без смеха. Он проехал через Хеленсбург и Гарелоххед, движение на узкой дороге становилось все плотнее. Наконец он добрался до города, который, как он давно понял, и являлся пунктом его назначения: Обан. Часы показывали без четверти восемь. Он узнал, что паром отошел по расписанию.

Уилл, Фрэнни и Роза погрузились на «Клеймор» в половине седьмого. Хотя объятия утреннего воздуха были холодноваты, они с радостью вышли подышать из машины, в которой на исходе ночи стало душно. Начинался отличный день — солнце поднималось по безоблачному небу.

— Лучшего дня для плавания не придумаешь, — заметил моряк, крепивший их машину. — На море будет гладь, как в пруду, до самых островов.

Фрэнни и Уилл пошли ополоснуть лицо после сна. Удобства были скромные, но оба после умывания посвежели. Они вернулись на палубу и обнаружили Розу на носу «Клеймора». Из всех троих она выглядела наименее усталой. Ее бледность не казалась нездоровой, а глаза горели — и не скажешь, что ранена.

— Я посижу здесь, — сказала она, будто старушка, которая не хочет быть обузой для компании. — Вы могли бы позавтракать.

Уилл спросил, не принести ли ей что-нибудь, но она сказала: не надо, обойдется. Они оставили ее в одиночестве (сначала совершив короткую прогулку на корму, чтобы посмотреть на уходящую вдаль гавань и город в лучах солнца), спустились в столовую и взяли овсянку, тосты и чай.

— Если я когда-нибудь вернусь в Сан-Франциско, меня там не узнают, — сказал Уилл. — Сметана, масло, овсянка... Можно не проверять сосуды — я прямо вижу, как они обрастают бляшками.

— А как люди развлекаются в Сан-Франциско?

— Ох, не спрашивай.

— Нет, я хочу знать заранее, прежде чем приеду к тебе погостить.

— Так ты собираешься ко мне приехать?

— Если не возражаешь. Может, на Рождество. Там тепло на Рождество?

— Теплее, чем здесь. Дожди, конечно, бывают. И туманы.

— Но тебе там нравится?

— Когда-то я думал, что это настоящий рай, — признался Уилл. — Конечно, город изменился за годы, что я там живу.

— Расскажи, — попросила Фрэнни.

Эта перспектива его не обрадовала.

— Не знаю, с чего начать.

— Расскажи о твоих друзьях. О твоих... любимых? — Она произнесла это слово нерешительно, словно не была уверена, что выбрала нужное. — Это все так не похоже на то, что я знаю.

И он за чаем и тостами устроил ей экскурсию по Бойз-тауну. Для начала краткая географическая справка; потом несколько слов о доме на Санчес-стрит, о людях из ближнего круга. Конечно, об Адрианне (с примечанием про Корнелиуса), Патрике и Рафаэле, Дрю, Джеке Фишере, он даже совершил короткую прогулку на другой берег, чтобы рассказать о Бетлинн.

— Ты вначале сказал, что город изменился, — напонила Фрэнни.

— Да. Многие из тех, с кем я тогда познакомился, умерли. Люди моего возраста. И моложе. Много похорон. Многие в трауре. Такие вещи меняют взгляд на жизнь. Начинаешь думать: а может, все это не стоит выеденного яйца.

— Ты сам в это не веришь, — сказала Фрэнни.

— Я не знаю, во что верю. Моя вера не похожа на твою.

— Наверное, трудно, когда вокруг столько смертей. Это как вымирание вида.

— Мы никуда не придем, — сказал Уилл убежденно, — потому что ниоткуда не пришли. Мы случайные явления. Появляемся в обычных семьях. И будем появляться. Даже если чума убьет всех гомосексуалов на планете, это не будет вымиранием, потому что голубые младенцы рождаются каждую минуту. — Он усмехнулся. — Знаешь, это и есть магия.

— Боюсь, ты меня не так понял.

— Да я просто валяю дурака, — рассмеялся Уилл.

— А что тут смешного?

— Это, — сказал он, медленно раскидывая руки и обводя стол, Фрэнни и столовую. — Мы сидим здесь и разговариваем. Странная беседа за овсянкой. Роза там, наверху, прячет свое истинное «я». Я здесь, внизу, рассказываю о себе.

Он подался к ней.

— Не кажется ли тебе это немного смешным?

Фрэнни смотрела на него непонимающе.

— Извини. У меня крыша поехала.

Разговор прервал официант — человек с красным лицом, его произношение сначала показалось Уиллу неразборчивым. Официант спросил, можно ли убирать стол, и они пошли на палубу. За время завтрака ветер усилился, и серо-голубые воды пролива, хотя еще и не обросли бурунами, уже пенились. Слева были холмы острова Малл, красноватые от вереска, справа — склоны большой Шотландии, поросшие лесами погуще, здесь и там на более высоких холмах виднелись признаки человеческого жилья, в большинстве случаев — скромного, изредка — великолепного. За паромом следовал хвост из серебристых чаек, которые ныряли в море и поднимались на поверхность с кусочками пищи — кухонными отбросами. Насытившись, птицы расселись на спасательных шлюпках и ограждениях парома, их крики стихли, и теперь они глазками-бусинами разглядывали своих попутчиков-пассажиров.

— Легкая у них жизнь, — заметила Фрэнни, когда еще одна откормленная чайка уселась среди товарищей. — Успей на утренний паром, позавтракай и садись на обратный.

— Они такие проныры, эти чайки, — отозвался Уилл. — Все будут есть. Только посмотри на эту. Что у нее в клюве?

— Свернувшаяся овсянка.

— Правда? Вот черт, действительно.

Фрэнни не смотрела на чайку, она разглядывала Уилла.

— Это выражение на твоем лице... — сказала она.

— Что с ним?

— Я думала, ты уже устал от животных.

— Ничуть.

— Ты всегда был таким? Вряд ли.

— Не всегда. Этим я обязан Стипу. Конечно, у него были далеко идущие планы. Сначала видишь — потом убиваешь.

— А потом записываешь в дневник, — добавила Фрэнни. — Все чисто и аккуратно.

— И тихо.

— Разве тишина так уж важна?

— О да. Он считает, что так мы лучше слышим Бога.

Фрэнни задумалась.

— Думаешь, он родился сумасшедшим? — спросила она наконец.

Теперь задумался Уилл.

— Я не думаю, что он родился.

Паром приближался к Тобермори — первой и последней остановке перед выходом из пролива в открытое море. Они наблюдали за подходом с носа, где все еще сидела Роза. Тобермори был небольшой городок, почти целиком уместившийся на набережной. Паром простоял у причала не больше двадцати минут (достаточно, чтобы выгрузить три машины и сойти на берег трем пассажирам) и снова тронулся в путь. Когда они вышли за северную оконечность Малла, волнение стало заметнее, волны ошетились белой пеной.

— Надеюсь, хуже не станет, — сказала Фрэнни. — А то у меня начнется морская болезнь.

— Мы в коварных водах, — заметила Роза.

Это были ее первые слова с той минуты, как Фрэнни и Уилл к ней присоединились.

— Проливы между Коллом и Тайри печально известны.

— Откуда ты знаешь?

— Да поговорила вон с тем молодым шотландцем — Хеймишем, — сказала она, показывая на моряка, который стоял, опершись о перила, в десяти ярдах от того места, где сидела Роза.

— Да он совсем мальчишка — еще и бриться не начал, — сказал Уилл.

— Ревнуешь? — усмехнулась Роза. — Не волнуйся. Я не буду его соблазнять. Не в теперешнем состоянии. Хотя видит бог — он красавчик. Ты так не думаешь?

— Для меня слишком юн.

— Такого понятия — слишком юн — не бывает, — сказала Роза. — Если член стоит — значит, уже не юн. Я всегда исходила из такого принципа.

Фрэнни покраснела от ярости и смущения.

— Ты отвратительна — ты это знаешь? — сказала она, отвернулась и пошла прочь по палубе.

Уилл отправился следом, чтобы ее успокоить, но она не хотела успокаиваться.

— Вот так она и Шервуда зацепила, — сказала Фрэнни. — Я это всегда подозревала. И вот, пожалуйста, еще и похваляется.

— Она не говорила о Шервуде.

— Да зачем ей об этом говорить? Боже, какая мерзкая. Сидит там и вожделеет пятнадцатилетнего мальчишку. Я больше не буду иметь с ней никаких дел.

— Потерпи еще несколько часов, — попросил Уилл. — Мы привязаны к ней, пока не найдем Рукунау.

— Она так же, как и мы, не знает, где его искать, — заметила Фрэнни.

Уилл ничего не сказал, но в душе готов был с ней согласиться. Он надеялся, что Роза сможет собраться с мыслями, а морской переход каким-то образом вызовет у нее воспоминания — подготовит к тому, что ждет их впереди. Но если она что-то и чувствовала, то умело это скрывала.

— Может, пришло время поговорить с ней по душам, — сказал Уилл.

— У нее нет души, — откликнулась Фрэнни. — Она просто грязная, старая... сам знаешь кто.

Она посмотрела на Уилла.

— Иди, поговори с ней. Ответов не получишь. Только ко мне пусть не подходит.

С этими словами Фрэнни пошла на корму. Уилл двинулся было за ней, чтобы попытаться успокоить, но передумал. Она имеет право испытывать отвращение. Сам он не испытывал негодования по отношению к Розе, хотя она и убила Хьюго. Он задумался над этим, возвращаясь на нос. Может быть, в его натуре какой-то изъян, который и гасит в нем отвращение?

Уилл остановился — его внимание привлекли две чайки, спикировавшие прямо перед ним и подравшиеся из-за хлебной корки, напившейся водой. Одна из птиц опорожнилась в полете. Это была злобная, шумная схватка, они клевали друг друга и били крыльями. Ответ пришел, пока он наблюдал. Он и на Розу смотрел так же, как на этих чаек. Да что там — точно так же за все прошедшие годы он смотрел на тысячи животных. Он не давал нравственных оценок действиям Розы, потому что к ней они неприменимы. Судить ее по человеческим законам бесполезно. Она принадлежит человеческому роду не больше, чем эти дерущиеся чайки. Возможно, в этом ее трагедия; но, как и у чаек, в этом ее красота.

— Я всего лишь пошутила, — сказала Роза, когда он вернулся и сел рядом. — У этой женщины нет чувства юмора.

«Клеймор» делал разворот, и им стал открываться вид на плоский остров.

— Хеймиш говорит, это Колл, — сказала Роза.

Она встала и облокотилась о перила.

Этот ничем не примечательный остров резко контрастировал с лесистыми зелеными склонами Малла.

— Ну, ты ничего не узнаешь? — спросил Уилл Розу.

— Нет. Но мы же не сюда собрались. Это соседний остров. Тайри гораздо плодороднее. Остров зерна — так его называли.

— И это тебе Хеймиш сказал? — Роза кивнула. — Полезный малый.

— Мужчины тоже могут быть полезными. Но знаешь, что я хочу сказать? — Она бросила на Уилла настороженный взгляд. — Ведь ты живешь в Сан-Франциско?

— Да.

— Я люблю этот город. Там на Кастро-стрит был бар трансвеститов, куда я частенько заходила, когда останавливалась в городе. Забыла его название, но когда-то он принадлежал очень милой пожилой королеве. Его звали Ленни или как-то так. Это тебе интересно?

— Пожалуй. Представляю тебя со Стипом в баре трансвеститов.

— Нет-нет, Стип никогда туда не ходил. Его бы наизнанку вывернуло. Но мне нравилось быть в обществе мужчин, которые изображают из себя женщин. Мой милый viados в Милане. Боже мой, некоторые из них были так красивы!

Уилл подумал, что если разговор за завтраком был странным, то этот — еще страннее. Меньше всего он ожидал, что Роза во время путешествия будет рассуждать о трансвеститах.

— Я никогда не понимал, что в этом интересного, — сказал Уилл.

— А я всегда любила такие штуки, которые не являются тем, чем кажутся. Когда человек отказывается от собственного пола, надевает корсет, пользуется косметикой и изображает нечто противоположное тому, что он есть, потому что это затрагивает какую-то струну в его сердце... По-моему, в этом есть какая-то поэзия. — Она улыбнулась. — И я научилась притворяться у некоторых из этих мужчин.

— Ты хочешь сказать, притворяться женщиной?

Роза кивнула.

— Понимаешь, я ведь тоже переодетая, — с немалой долей самоуничижения сказала она. — Меня зовут не Роза Макги. Я услышала это имя в Ньюкасле, кто-то на улице окликнул женщину: «Роза, Роза Макги». И я подумала: вот подходящее имя для меня. Стип взял себе имя с рекламного щита. Импортёр пряностей — вот кем был исконный Стип. Джекобу понравилось имя, и он его позаимствовал. Думаю, он убил этого человека.

— Убил ради имени?

— Скорее просто ради удовольствия. В молодости он был такой жестокий. Думал, что быть жестоким — это обязательно для его пола. Возьми любую газету — сразу видно, что представляют собой мужчины.

— Не каждый мужчина убивает ради удовольствия.

— Да нет, он научился не этому, — сказала Роза устало и раздраженно. — Я от убийства получаю не меньше удовольствия, чем он... Нет, он научился делать вид, будто делает это с какой-то целью.

— Сколько вам было лет, когда он учился? Вы были детьми?

— Нет-нет, мы никогда не были детьми. По крайней мере, я этого не помню.

— И кем же ты была, до того как решила стать Розой?

— Не знаю. Мы были с Рукенау. Не думаю, что нам нужны были имена. Мы были его инструментами.

— Строили Домус Мунди? — Она отрицательно покачала головой. — Так ты все же помнишь, что вы были с ним?

— Почему я должна это помнить? Разве ты помнишь, кем был, до того как стал Уиллом Рабджонсом?

— Я очень смутно помню, как был ребенком. По крайней мере, мне кажется, что помню.

— Может, и у меня возникнет такое чувство, когда я попаду на Тайри.

«Клеймор» был теперь ярдах в пятнадцати от пристани Колла, и с легкостью человека,

который делал это бесчисленное количество раз, капитан пришвартовал судно. Внизу началась суета — съезжали на берег машины, сходили пассажиры. Уилл почти не обращал на это внимания. У него оставались вопросы к Розе, и он хотел задать их теперь, когда она разговаривалась.

— Ты говорила что-то о том, как Джекоб учился быть мужчиной...

— Разве? — спросила она рассеянно.

— Но он уже был мужчиной. Ты сама сказала.

— Я сказала, что он не был ребенком. А это не одно и то же. Он должен был научиться вести себя так, как это делают мужчины, и точно так же я должна была научиться вести себя как женщина. Нам это обучение далось нелегко. Ну... по крайней мере, его часть. Помню, однажды я подумала, как бы мне хотелось держать на руках ребеночка, как мне нравится нежность и колыбельные. А Стипу все это не нравилось.

— Что же нравилось Стипу?

— Я, — ответила она с лукавой улыбкой. — По крайней мере, так мне казалось, и этого было достаточно. Так бывает. Женщины понимают это. Мужчины — нет. Мужчинам нужна определенность. Чтобы все было определено и устойчиво. Списки, карты, история. Все для того, чтобы знать, на каком они свете, кто они такие. Женщины иные. Нам нужно меньше. Я была бы счастлива иметь детей от Стипа. Видеть, как они растут, а если бы они умирали, рожать новых. Но они всегда погибали сразу после рождения. Он уносил их, чтобы избавить меня от страданий, чтобы я не видела. А это говорит о том, что он заботился обо мне.

— Наверное.

— Я всем им дала имена, хотя они и прожили всего несколько минут.

— И всех помнишь?

— О да, — сказала она, отворачиваясь. — До единого.

«Клеймор» был готов к отплытию. Отдали концы, двигатель заработал ровнее, начался последний этап их путешествия. Только когда они отошли от берега на некоторое расстояние, Роза повернулась к Уиллу. Он прикуривал сигарету.

— Я хочу, чтобы ты кое-что понял о Джекобе, — сказала она. — Он не был варваром всегда. Вначале — да, он был настоящий дьявол. Но что его вдохновляло? Спроси у любого мужчины, что делает его мужчиной, и список получится не очень красивый. Но мое влияние за долгие годы смягчило его...

— Роза, он уничтожил целые виды...

— Животных. Какое это имеет значение? У него были такие хорошие мысли в голове, такие благочестивые. И вообще об этом написано в Библии. Нам дано властвовать над птицами небесными...

— ...над всяким животным, пресмыкающимся по земле.¹ Да, знаю. Значит, у него были благочестивые мысли.

— И он любил доставлять мне удовольствие. Конечно, у него были минуты помрачения, но всегда находилось время для музыки и танцев. И цирка. Я любила цирк. Но со временем он утратил чувство юмора. Перестал быть обходительным. А потом стал терять и меня. Мы продолжали путешествовать вместе, и случалось так, что все вроде было как в прежние времена, но мы охладевали друг к другу. Да что говорить — в ту ночь, когда ты нас встретил, мы как раз собирались расстаться. Поэтому он и стал искать спутника. И нашел тебя. Если бы этого не случилось, сегодня мы бы не были там, где оказались, — ни один из нас. В конечном счете, все взаимосвязано. Ты думаешь, что это не так, но я знаю: это так.

Она перевела взгляд на воду.

— Пожалуй, пойду поищу Фрэнни, — сказал Уилл. — Скоро прибываем.

Роза не ответила. Оставив ее у перил, Уилл нашел Фрэнни на палубе у правого борта — она сидела с чашкой кофе и сигаретой.

— Не знал, что ты куришь.

— Я не курю, — сказала Фрэнни. — Просто захотелось. Хочешь кофе? Ветер

¹ Бытие, 1:28.

промозглый.

Он взял у нее пластиковую чашку и отхлебнул.

— Я пыталась купить карту, но киоск закрыт.

— Купим на острове, — сказал Уилл. — А вот, кстати, и он...

Он встал и подошел к перилам. Пункт их назначения был уже виден. Полоска земли, такая же безликая, как и Колл. О скалистые берега бились волны. Фрэнни поднялась и встала рядом. Вместе они смотрели, как приближается остров. «Клеймор» сбавил ход, чтобы пройти по мелководью.

— Не слишком приветливый вид, — заметила Фрэнни.

Издалека вид у острова и в самом деле был довольно суровый. Море билось о темные утесы, поднимавшиеся из воды до самых полей. Но вдруг ветер переменился и принес благоухание цветов, их медовый аромат смешался с запахом соли и водорослей.

— О господи, — восторженно пробормотала Фрэнни.

Теперь, когда «Клеймор» приближался к пристани, он двигался медленно и осторожно. А очарование острова становилось все очевиднее. Воды, по которым шел паром, были уже не черные и глубокие, а бирюзовые, как в Карибском заливе, они простирались до серебристо-белых песчаных берегов. На пустынном побережье, у кромки прилива, паслись коровы, решившие полакомиться водорослями. Пусто было и в поросших травой дюнах, переходивших в сочные островные луга, которые и были источником запаха вики, армерии, клевера; на просторных пастбищах здесь и там виднелись домики с белеными стенами и яркими крышами.

— Беру свои слова назад, — сказала Фрэнни. — Здесь прекрасно.

Показалась деревенька Скариниш — всего два ряда домов. На пристани было оживленнее, чем на Колле: посадки на «Клеймор» ожидали два десятка человек, грузовик с продуктами и трактор с прицепом для перевозки скота.

— Пожалуй, пойду за Розой, — сказал Уилл.

— Дай мне ключи от машины. Встретимся внизу.

Уилл нашел Розу на носу, все на том же месте у перил, она разглядывала людей на пристани.

— Узнаешь что-нибудь? — спросил он.

— Не глазами. Но... мне это место знакомо.

Паром со скрипом ткнулся в причал, с берега и с палубы слышались приветственные крики.

— Пора, — сказал Уилл и повел Розу в трюм.

Фрэнни уже сидела в машине. Уилл сел рядом на пассажирское сиденье, а Роза скользнула на заднее. В ожидании, пока откроются ворота парома, они молчали, чувствуя неловкость. Но долго ждать не пришлось. Через несколько минут солнечный свет затопил трюм. Один из членов экипажа был за регулировщика, он подавал команды машинам, которые одна за другой съезжали на берег. На пристани вышла еще одна задержка, подольше, пока грузовик освобождал дорогу для выезжающих из парома машин: он совершил маневр с ревущим мотором, но без спешки. Наконец пробка рассосалась, и Фрэнни выехала по пристани к деревне. Она оказалась в точности такой, какой они увидели ее с моря: маленькие аккуратные домики с крошечными огороженными садиками, обращенными к воде, и несколько старинных сооружений: одни требовали ремонта, а другие и вовсе стояли в руинах. Тут было и несколько магазинов, почта и небольшой супермаркет — окна заклеены рекламными плакатами, извещающими о скидках, и эти безмолвные призывы казались слишком громкими в таком тихом месте.

— Ты собирался купить карту, — сказала Фрэнни Уиллу, останавливая машину у супермаркета. — И шоколадку! — крикнула она вслед. — И что-нибудь попить!

Он появился через пару минут с двумя пакетами. «В дорогу», — объяснил Уилл. В пакетах было печенье, шоколад, хлеб, сыр, две большие бутылки воды и маленькая — виски.

— А что насчет карты? — спросила Фрэнни, когда он выгружал все это на сиденье

рядом с Розой.

— Voila, — сказал он, вытаскивая из кармана небольшую сложенную карту и двенадцатистраничный путеводитель по острову, написанный местным учителем и по мере сил проиллюстрированный его женой.

Через плечо он передал путеводитель Розе с просьбой полистать — может, она увидит места или названия, которые покажутся ей знакомыми. А карту развернул на коленях. Изучать было особенно нечего. Остров двенадцати миль в длину, а в самом широком месте — до трех. На нем три холма: Бейн-Хоу, Бейн-Бхиг-Бхейл-Мхулинн и Бен-Хайниш, вершина последнего — самая высокая точка острова. Еще несколько небольших озер и с десяток деревень (на карте обозначенных как поселки) по побережью. Дороги, что имелись на острове, соединяли эти поселки (в самом большом было девять домов) по кратчайшему маршруту, который благодаря ровному ландшафту обычно выглядел как почти прямая линия.

— Откуда же начать, черт побери? — выразил вслух свое недоумение Уилл. — Половину этих названий я даже не могу выговорить.

Но в них была какая-то величественная поэзия: Бейлфуил и Бейлфетриш, Бейл-Мхедхонах и Корнейгмор, Вол, и Готт, и Кенавара. Они и в переводе не теряли очарования: Бейлфуил — Город болота, Хелиполл — Священный город, Бейл-Удхейг — Город Волчьего залива.

— Если ни у кого нет предложения получше, я бы начал отсюда, — сказал Уилл, показывая на Бейл-Мхедхонах.

— Почему ты так решил? — спросила Фрэнни.

— Ну, он почти в середине острова...

И в самом деле, перевод этого названия звучал весьма прозаически и обозначал именно это: Срединный город.

— И там есть кладбище. Вот, смотри.

К югу от деревеньки был нарисован крест, а рядом написано: Кнок а'Хлейдх, что в переводе означало «Христианское место захоронений».

— Если Симеон похоронен здесь, мы можем начать с поисков его могилы.

Он повернул голову к Розе. Она отложила путеводитель и смотрела в окно таким неподвижным взглядом, что Уилл отвернулся, не желая мешать ее размышлениям.

— Поехали, — сказал он Фрэнни. — Можно ехать берегом до Кроссапола. А там повернем направо — в глубь острова.

Фрэнни тронулась с места, и если бы здесь было какое-то движение, то влилась бы в поток. Через минуту они уже были на окраине Скариниша, на открытой дороге, прямой и пустой: можно было ехать с закрытыми глазами и все равно попасть в Кроссапол.

V

На Гебридах были места, имевшие важное историческое и мифологическое значение. Здесь проходили сражения, скрывались принцы, сочинялись легенды, которые и сейчас завораживают слушателей. Тайри к таким не принадлежал. На острове не то чтобы совсем ничего не происходило, но в лучшем случае он был лишь примечанием к событиям, которые разворачивались в других местах.

Наиболее очевидное подтверждение — подвиги святого Колумбы, который в свое время проповедовал учение Христа на Гебридах и на нескольких островах основал центры богопочитания и учености. Но благодать обошла Тайри стороной. Этот добрый человек оставался на острове ровно столько, сколько нужно было, чтобы проклясть скалу в заливе Готт, согрешившую перед ним: она перетерла якорную веревку его лодки. Будет сие место отныне пусто, заявил он. Скалу переименовали в Маллахдайг, или Малая Проклятая скала, и на ней с тех пор не росло никаких водорослей. Единоверец Колумбы святой Брендан во время короткого посещения острова пребывал в более благодушном настроении и благословил один из холмов, но если его благословение и наделило какой-то благодатью это

место, то никто этого не заметил — никаких откровений или исцелений здесь не происходило. Третьим заезжим мистиком был святой Кеннет, благодаря которому в дюнах у поселения Килкеннет (названного так в надежде, что святой тут задержится) построили часовню. Но уловка не удалась. Кеннет отбыл — его ждали великие дела, и дюны (которые больше подчинялись ветру, чем метафизике) со временем погребли под собой часовню.

В нескольких легендах вообще не упоминалось о святом Колумбе и компании, тем не менее они сохранились в местном фольклоре, хотя по сюжету были удручающе банальны. Так, колодец на окраине Бьенн-Ху назывался Тобар-нан-наой-бео, или Колодец девяти жизней, поскольку он чудесным образом обеспечивал креветками вдову и восемь сирот. В Воле, в пруду недалеко от берега, в безлунные ночи можно было увидеть призрак утонувшей когда-то девочки. Теперь он пел призывные песни, заманивая в воду живые души. Короче говоря, ничего необыкновенного: острова в два раза меньше Тайри могли похвастаться легендами, куда более впечатляющими.

Но здесь ощущалось присутствие какой-то таинственной силы, которой не было ни на одном другом острове, и это явление, если бы святой Колумба обратил на него внимание, могло бы превратить его из тихого созерцателя в пророка с горящими глазами. Но чудо еще не проявилось, когда святой галопом объезжал острова, а если бы и проявилось, то, скорее всего, ему бы его не показали, потому что те немногие островитяне, которые мельком видели это чудо (а таковых среди ныне живущих было восемь), никогда не говорили о нем даже с близкими. Это стало великой тайной их жизни, неким невидимым явлением, которое в то же время своей значимостью могло поспорить с солнцем, и они своей болтовней не желали умалять его очарования. Мало того, многие и сами не раздумывали о том, что им явилось, потому что боялись исчерпать ту энергию, которая их восхищала. Некоторые, по правде говоря, возвращались на то место, где все произошло, в надежде на второе откровение, и хотя при повторных посещениях ничего такого никто из них не видел, они обрели уверенность, которая до последнего часа наполняла их жизнь смыслом: то, что им не удалось увидеть, видело их. Они перестали быть простыми смертными, которые, прожив жизнь, уйдут в мир иной. Божество на вершине холма на Кенаваре опознало их и тем самым вовлекло в танец бессмертия.

Потому что оно обитало в самой сути острова, это божество. Оно было в песке, пастбищах, море и ветре, и те души, которые оно опознало, стали неистребимой частью этих составляющих вечности. Будучи опознанным, чего может бояться мужчина или женщина? Ничего. Разве что тех неприятных ощущений, что сопутствуют смерти. Но, избавившись от телесной оболочки, они поселятся там, где обитает божество, и будут опознавать другие души, как опознаёт оно, и их слава умножится. Когда в летние ночи северное сияние затянет своим занавесом стратосферу, они будут присутствовать при этом. Когда киты в восторге всплывут на поверхность через промоины во льду, они всплывут вместе с ними. Они будут с полярными чайками, и зайцами, и с каждой звездой, которая мерцает на Лох-эн-Эйлен. Это божество присутствовало во всем. В песчаных пастбищах по соседству с дюнами, или махейрами на гэльском. И в сочных влажных лугах в глубине острова, где сытная трава и от этого молоко у коров как сливки.

Оно, это божество, не отягощало себя горестями и тяжкими трудами тех мужчин и женщин, которые никогда его не видели, но оно вело им счет — знало, когда кто приходит и уходит. Оно знало, кто похоронен на кладбищах в Киркаполе и Воле. Знало, сколько каждый год рождается младенцев. Время от времени оно даже наблюдало за приезжими. Не потому, что они были так же интересны, как полярные чайки или киты (они и не были), а потому, что среди них могла найтись душа, способная навредить ему, божеству. Это было не исключено. Оно давно смотрело на мир и видело, как с небес исчезают звезды. Оно было не долговечнее их.

— Остановите машину, — сказала Роза.
Фрэнни остановилась.

— В чем дело? — спросил Уилл, поворачиваясь к Розе.

Он увидел, как ее глаза наполняются слезами, а на губах появилась улыбка, как у Девы Марии. Она нащупала дверную ручку, но от рассеянности не могла на нее надавить. Уилл мгновенно выскочил из машины и открыл дверь. Они были на пустом участке дороги, справа — неогороженное пастбище, на котором паслись несколько овец, а слева — полоска цветущего луга, переходящая в пологий берег. Над всем этим парили и метались по небу крачки. А гораздо выше держал курс на запад самолет, отражая свет земли от посеребренного брюха. Уилл увидел все это за какое-то мгновение — что-то присутствующее в воздухе обострило его чувства. В нем зашевелился лис, поднял к небу морду и почувствовал то, что чувствовала Роза.

Он не стал спрашивать ее, что это. Просто ждал, пока она окинет взглядом горизонт.

— Рукенау здесь, — сказала она наконец.

— Живой?

— О да, живой. Господи боже, живой. — Ее лицо потемнело. — Не знаю только, каким он стал по прошествии всех этих лет.

— Где мы можем его найти?

Она на секунду задержала дыхание. Фрэнни уже вышла из машины и хотела заговорить, но Уилл прижал палец к губам. Роза тем временем пошла от машины в сторону пастбища. Там было столько неба — громадного пустого неба, которое раскинулось перед глазами Уилла, сияющими его охватить.

«Чем я занимался все эти годы, — подумал он. — Какие-то фотографии на задворках мира! Сплошная ложь. Стоять под таким вот небом, а видеть не его, а какие-то крохи страдания. Нет, хватит».

— Что случилось? — услышал он голос Фрэнни.

— Ничего. А что?

Еще до ее ответа он понял, что у него, как и у Розы, глаза наполнились слезами. Он улыбается и плачет одновременно.

— Все хорошо, — сказал Уилл.

— Ты не заболел?

— Никогда не чувствовал себя лучше, — ответил он, вытирая слезы.

Роза как будто закончила свое созерцание и теперь возвращалась к машине. Приблизившись, она показала на юго-запад.

— Оно ждет нас.

VI

Держа карту перед собой, с Розой в качестве живого компаса на заднем сиденье, Уилл быстро разобрался, куда они направляются. К Кин а'Бхарра, или Кенаваре, — к мысу на юго-западной оконечности острова, описанному в путеводителе как «скала, с обеих сторон отвесно поднимающаяся из океана, еще круче на самой оконечности мыса, с вершины которого виден маяк Скерривор, знаменующий собой последнее деяние рук человеческих, за которым до самого горизонта плещет волнами один лишь Атлантический океан». Брошюрка предупреждала: «Это единственное место на нашем замечательном острове, которое было свидетелем трагедий. Внимание орнитологов в течение многих лет привлекало огромное разнообразие птиц на скалах и уступах Кенавары, но, к сожалению, скалы опасны даже для самых опытных альпинистов, и несколько гостей острова погибли, сорвавшись с утесов, когда пытались добраться до недоступных гнезд. Красоту Кенавары лучше всего можно оценить с безопасных берегов вокруг мыса. Попытка забраться на мыс даже при свете дня и в прекрасную погоду чревата серьезными травмами, а то и чем похуже...»

Добраться туда и в самом деле было нелегко. Дорога вела сквозь поселок из десятка домов, которые на карте были обозначены как деревня Баррапол, а оттуда — вниз, к западному берегу острова, где на расстоянии около четверти мили от берега она

разветвлялась: хорошая дорога уходила направо к Сундейгу, а ведущая налево переходила в тропинку, пересекавшую кочковатую поляну. Судя по карте, и эта дорога заканчивалась через сотню ярдов, но они проехали, сколько могли, вдоль берега. Пункт назначения находился менее чем в полумили: холмистый полуостров, изрезанный оврагами, отчего он казался не частью суши, а тремя или четырьмя холмами с уходящими в море трещинами и обнажившейся породой.

Тропинка окончательно исчезла, но Фрэнни продолжала ехать к мысу, осторожно переваливаясь с кочки на кочку. Перед машиной бежали зайцы, в страхе забавно прыгая из стороны в сторону. Овца, что паслась вдали от стада, метнулась вбок, выпучив глаза.

Песка становилось все больше, из-под задних колес вылетали комья.

— Думаю, скоро придется остановиться, — сказала Фрэнни.

— Пойдем пешком, — предложил Уилл. — Ты как, Роза, сможешь?

Она пробормотала, что сможет, но, когда вышла из машины, стало ясно, что ее физическое состояние ухудшилось за последние четверть часа. Кожа утратила сияние, белки глаз слегка пожелтели. Руки у нее дрожали.

— Тебе плохо? — спросил Уилл.

— Ничего, справлюсь, — ответила она. — Просто... возвращение сюда...

Роза устремила взгляд в сторону Кенавары, и Уиллу показалось, что сделала она это неохотно. Живая, улыбающаяся женщина, которая шагала к машине на дороге у Кроссапола, исчезла, и он не мог понять почему. А Роза не собиралась говорить об этом. Несмотря на столь болезненное состояние, она двинулась к утесам, шагая впереди Уилла и Фрэнни.

— Пусть идет первая, — шепнул Уилл.

Они продолжили путь к Кенаваре. С каждым шагом причины неважной репутации мыса становились очевиднее. Справа о берег бились волны, но их ярость казалась несравнимой с яростью волн, которые обрушивались на утесы. Из пены и брызг, словно рождаясь из волн и сразу обретая крылья, поднимались тысячи птиц, их крики служили пронзительным контрастом реву волн.

Не все птицы заявляли права на утесы, как на свой дом. Лишь одинокая крачка пролетела над ними со злобным криком, а видя, что люди продолжают движение, спикировала, словно собираясь клюнуть, и пролетела в нескольких дюймах над их головами. Фрэнни закричала и стала махать руками, отпугивая крачку:

— Чертова птица! Оставь нас в покое!

— Она защищает свою территорию, — сказал Уилл.

— А я защищаю свою голову, — отрезала Фрэнни. — Пошла вон! Сгинь! Чертово отродье!

Птица продолжала атаку еще минут пять, пока они не дошли почти до самого подъема на мыс. Роза по-прежнему шла впереди, даже не оборачиваясь.

— Куда, интересно, она идет? — сказала Фрэнни.

Они не видели никаких признаков человеческого присутствия на мысу — ни ограждения, ни выложенных в линию камней, ни даже щита, предупреждающего о том, что дальше идти опасно. И тем не менее Уилл не сомневался, что это место — обитель Рукенау (и, весьма вероятно, место упокоения Томаса Симеона). Ему не нужно было подтверждения от Розы — он чувствовал это через собственное тело. Кожу пощипывало, в зубах, в языке и в глазных яблоках пульсировала боль, кровь стучала в ушах, и ее биение заглушало шум волн и крики птиц.

Неровности рельефа сгладились, и теперь ветер с океана набросился на них, порывы были такие сильные, что приходилось идти, наклоняясь вперед.

— Хочешь, держись за меня! — крикнул Уилл Фрэнни.

Она отрицательно покачала головой.

— Смотри, осторожнее! — Он старался перекричать шум ветра. — Тут не безопасно.

Это было мягко сказано. На мысу оказалось множество ловушек: поросшая травой упругая земля вдруг отвесно обрывалась в темноту, из которой доносился рев моря. Сама

травы была скользкой от мельчайших брызг, поднимавшихся из трещин, она скрипела под ногами, пока они спешили за Розой, которая шла увереннее, чем ее спутники, и расстояние между ними все увеличивалось. Несколько раз Уилл и Фрэнни теряли ее из вида, если приходилось спускаться в провалы. Некоторые были довольно крутыми, и Фрэнни предпочитала садиться на землю и скользить вниз, цепляясь за траву. И все время над ними кружили птицы. Чайки и чистики, буревестники и моевки, даже ворона — они взмывали вверх, чтобы посмотреть, что тут происходит. Ни одна не пыталась напасть. Это были их бесспорные владения, и птицы ничего не боялись. Жалкие людишки, цепляющиеся побелевшими пальцами за скалы и комья земли, не угрожали их владычеству.

Фрэнни все же вцепилась в руку Уилла и подтянула его к себе, чтобы он услышал сквозь крики птиц:

— Куда подевалась Роза, черт ее возьми? Мы ее не потеряли?

Уилл обвел взглядом мыс впереди. Никаких следов Розы и в самом деле не было видно. До окончательности оставалось не больше пятисот ярдов, но там было достаточно мест, где она могла скрыться: то земля уходила вниз, образуя подтопленные ямы, то виднелась обнажившаяся порода рядом с трещинами или расселинами.

— Постой тут одну минуту, — сказал Уилл и отступил немного туда, откуда они пришли, к самой высокой точке — поросшему лишайником камню высотой футов десять.

Уилл стал карабкаться на камень. Он никогда не был скалолазом — слишком неуклюжим уродился, а теперь несколько бессонных ночей не могли не сказаться на его силе и координации. В общем, это восхождение далось Уиллу нелегко: добравшись до верхушки, он был весь в поту и тяжело дышал. Он оглядел мыс впереди, стараясь ничего не пропустить, хотя голова у него кружилась. Никаких следов Розы не было видно. Он уже хотел спускаться, когда ярдах в ста среди темных скал заметил что-то светлое.

— Я вижу ее! — крикнул он и, кое-как соскользнув вниз, повел Фрэнни к этому месту.

Глаза его не обманули. Роза лежала на земле, лицо у нее посерело, зубы стучали. Желтоватый оттенок белков стал почти золотым. Она подняла на них глаза. Взгляд был не вполне человеческий, и какое-то глубинное отвращение (животный страх перед чем-то неестественным) удержало Уилла на некотором расстоянии.

— Что случилось? — спросил он.

— Я поскользнулась — только и всего, — ответила Роза.

Неужели и голос ее изменился? Да, решил он, изменился.

Или дело в том, что она говорила словно ему в ухо, шепотом, тогда как на самом деле лежала на расстоянии трех ярдов?

— Помоги мне встать, — потребовала Роза.

— Он здесь? — спросил Уилл.

— Кто «он»?

— Рукунау.

— Я сказала: помоги мне встать.

— Сначала я хочу услышать ответ.

— Это не твое дело.

— Слушай, ты бы даже не попала сюда... — начал было Уилл.

Она посмотрела на него взглядом, который, не будь она так ослаблена, потряс бы его до глубины души. Этот взгляд стал спасительным напоминанием о том, что хотя он за последние два дня видел с полдюжины ипостасей Розы Макги (некоторые из них — даже кроткие), все они — фальшивка. Истинную Розу (с пожелтевшими белками и голосом, который проникал прямо в голову) ничуть не заботило, как она здесь оказалась и чем обязана людям, которые доставили ее сюда. Это существо хотело одного — попасть в Дом Мира, и было слишком слабым, чтобы тратить время на вежливость.

— Помоги мне встать, — повторила она, протягивая к Уиллу руки.

Он не шелохнулся. Просто вглядывался в ее лицо — ждал, когда нетерпение выдаст Розу. Так и случилось. Она ничего не могла с собой поделать — ее взгляд устремился мимо

него туда, где она хотела быть. Она снова потребовала, чтобы он помог ей встать.

Уилл проследил направление ее взгляда — мимо камней, лежавших между ними, и покрытой дерном вершиной утеса, на место, которое с этого расстояния казалось ничем не примечательным — так, лоскут болотистой почвы. Она сразу разгадала его хитрость и снова стала давить на него.

— Ты не осмелишься пойти туда без меня!

— Ты так думаешь?

Она обратила свою ярость на Фрэнни.

— Женщина, скажи ему! Скажи, чтоб не смел входить в Дом без меня!

— Может, тебе лучше остаться с ней? — спросил Уилл Фрэнни.

Та не стала возражать. По выражению ее лица было ясно, что атмосфера этого места выбила ее из колеи.

— Обещаю, что внутрь без тебя не войду.

— Я бы тебе не советовала, — сказала Фрэнни.

— Если она попробует фокусничать — кричи.

— Можешь не сомневаться — ты меня услышишь.

Уилл перевел взгляд на Розу. Она перестала возражать и теперь лежала спиной к камням, уставившись в небо. Со стороны могло показаться, что ее глаза — это зеркала, в которых отражаются солнце и тени от облаков. Уилл с мучительным чувством отвернулся.

— Не приближайся к ней, — посоветовал он Фрэнни и двинулся к тому месту среди камней.

VII

Уилл был рад, что Роза не идет следом, рад, что он один. Нет, один он никогда не был. С ним шел и лис, словно его второе «я». Лис был подвижнее, и иногда Уилл чувствовал, как энергия лиса подталкивает его туда, куда не осмеливаются шагать усталые ноги. Но лис был и осторожнее. Его взгляд метался из стороны в сторону: нет ли здесь какой опасности, нос стал необыкновенно чувствителен к запахам. Но признаков опасности не обнаруживал. Как не было и никаких примет дома или руин, хотя Уилл был уже в пятнадцати ярдах от этого места.

Уилл оглянулся на Фрэнни и Розу, но он успел спуститься так низко по крутому склону, что не увидел их. Справа, не больше чем в ярде от того места, где он поставил ногу на гулявший камень, между черных скал шла расщелина, в которую мог бы протиснуться человек.

«Один неверный шаг, — подумал Уилл, — и конец».

Вот было бы прискорбное окончание путешествия, которое заняло столько лет, после того как он преодолел столько миль, путешествия, начавшегося с холма и убежавшего зайца, с пламени свечи и десятка мотыльков, с ледяной пустыни Бальтазара и окровавленной медведицы, готовой заключить его в объятия.

Еще несколько ярдов, несколько секунд — и он окажется на пороге, путешествие закончится. Придет понимание, откровение, конец его терзаниям.

Перед Уиллом был клочок ярко-зеленого дерна, сверкающий каплями росы и желтыми цветами вики. За ним — кусок обнажившейся скальной породы, который птицы облюбовали для того, чтобы поедать добычу: площадка была забросана разломанными панцирями крабов и загажена белым пометом. Дальше шли камни, в пространство между которыми так внимательно смотрела Роза.

Чтобы добраться до этого места оттуда, где стоял Уилл, не требовалось больших усилий. Но Уилл не торопился; он дрожал от усталости и возбуждения. Без всяких происшествий он миновал зеленый лоскуток, хотя трава под ногами была скользкая, как лед. Потом, оставив позади расщелину, двинулся вверх по скальному обнажению. Он без труда вскарабкался на два-три ярда, но чем выше поднимался, тем явственнее ощущалась

предательская усталость. Глаза усиленно моргали, он стал хуже видеть. Руки и ноги онемели. Уилл понимал, что дело далеко не в изнеможении. Тело реагировало на внешние воздействия, какая-то энергия в воздухе или в земле подталкивала организм к предательству. Перед глазами все расплывалось, и тошнота начала подниматься к горлу. Чтобы прогнать это ощущение, он плотно закрыл глаза, и на оставшуюся часть подъема доверился той силе, что еще оставалась в руках. Это было опасное предприятие — с учетом того, что за спиной была расщелина, в которую он провалится, если сорвется. Но риск оправдан. Еще три перехвата — и он оказался на вершине, стряхнул с ладоней осколки крабьих панцирей.

Уилл открыл глаза. Зрачки слегка успокоились в темноте под веками, но, как только ударил свет, снова судорожно задергались. Он вытянул руки, упираясь в камни по обе стороны и пытаясь сосредоточиться на зеленом лоскуте между ними. Потом, прижимая онемевшие руки к камням, стал пробираться к безветренному коридору.

Отказывали уже не только зрение и осязание. К бунту присоединились уши. Хор круживших в небе птиц и рев волн слились в общий шум, который перекачивался в черепной коробке, словно ком грязи. Более или менее отчетливо он слышал только рваные звуки своего дыхания: вдох и выдох, вдох и выдох. Он понимал, что в таком состоянии вскоре не сможет двигаться дальше. Еще три-четыре шага — и онемевшие ноги подогнутся. Или перемкнет в голове. Дом включил защиту, и она его не пропускает.

Он заставил почти отказывающиеся конечности сделать еще шаг, опираясь на камни, чтобы снять нагрузку с ног. Сколько еще отделяет его от зеленой площадки, конечной цели его пути? Он не знал. Да и вопрос это риторический. Ему никогда туда не добраться. Но все же в нем еще тлел честлюбивый замысел, который заставлял вконец ослабевшие мышцы двигаться.

Может, еще шаг. Еще два. Может, ему все-таки удастся выбраться на открытое пространство.

— Давай же, — бормотал он себе под нос так же хрипло, как и дышал. — Двигайся...

Эти хрипы помогли. Непослушные ноги пронесли его еще на шаг, потом еще. Вдруг в лицо снова ударил ветер. Уилл добрался до конца коридора и вышел на открытое место.

Поскольку выбора не оставалось, он убрал руки с камней и опустился на колени. Земля под ним напиталась влагой; холодная вода плеснула в пах и на живот. Он покачался несколько мгновений и опустился вперед, на руки. Перед глазами все расплывалось: зеленоватая дымка вместо земли, сероватая сверху — вместо неба. Он уже хотел закрыть глаза, когда в середине этого смазанного поля различил четкую полоску. Она была тонкая, но резкая, будто к глазам, несмотря на дерготню, вернулись прежние способности. Уилл с поразительной четкостью видел каждую травинку. И позолоченные солнцем кромки облаков, когда они проплывали над этим местом.

«Она открыта, — подумал он. — Дверь приоткрыта, и я смотрю в нее. Смотрю в Дом, построенный нилотиком».

Что же, если ноги отказываются нести его туда, он доберется на четвереньках, черт побери. Начав ползти, Уилл вспомнил торжественное обещание, которое дал Фрэнни, и почувствовал укол совести за то, что нарушает слово. Но это его не остановило. Сейчас он больше всего на свете хотел быть там. Безусловно, больше, чем сдержать обещание. Может быть, больше, чем сохранить жизнь и здравомыслие.

Не отводя глаз от приоткрытой двери, он пополз по грязи туда, где было оно, и, оставив все, на что надеялся, во что верил, что понимал, вошел в Дом Мира.

VIII

В последний раз Фрэнни видела Уилла, когда тот пытался взобраться на скалу за расщелиной. Потом ее внимание отвлекла Роза, которая начала жалобно стонать и срывать бинты. Когда Фрэнни снова посмотрела в сторону Уилла, его уже не было. Сначала она подумала, что он забрался на скалу и сейчас идет по коридору к подъему, который находится

дальше. Как она ни пыталась найти Уилла взглядом, но так и не смогла. Постепенно перед ее мысленным взором возникла мрачная картина за ту минуту, что она пробовала остановить Розу, срывающую бинты, Уилл потерял равновесие и свалился в расщелину. Чем больше она вглядывалась, стараясь его разглядеть, тем вероятнее казалось ей это предположение. Она не слышала крика, но, когда стоит такой птичий гомон, чему удивляться?

Страшась того, что может предстать ее взору, она бросила Розу и пошла за Уиллом вдоль расщелины, выкрикивая его имя:

— Где ты? Бога ради, отзовись! Уилл!

Ответа не было. Но она и не видела следов его падения — ни крови на камнях, ни вырванной с корнем травы. Правда, это было слабое утешение. Она понимала, что он мог соскользнуть в расщелину, не оставив ни малейшего следа: провалился между скал в непроницаемую темноту.

Фрэнни почти добралась до расщелины — того места, где она в последний раз видела Уилла. Что теперь? Вскрабкаться наверх и посмотреть — может, он присел отдохнуть у дальнего утеса? Конечно, так и следует поступить. Но что-то снова привлекло ее внимание к расщелине, и Фрэнни заглянула в пропасть, боясь теперь выкрикнуть его имя, боясь, что он ответит из тьмы.

И тут она увидела его — или ей показалось, что увидела: он лежал в расщелине на глубине около двадцати футов. Сердце ее бешено забилося. Она опустилась на колени и подползла к самому краю, чтобы убедиться в том, что видит. Сомнений не осталось. На камнях на дне расщелины лежал человек. Никого, кроме Уилла, там быть не могло. Она позвала его, но он не шелохнулся. Может быть, он уже умер. Или просто потерял сознание. Фрэнни поняла, что нельзя терять время, надеясь на чью-то помощь: полчаса до машины, двадцать минут, чтобы найти телефон, а сколько придется ждать спасателей? Она должна что-то предпринять сама. Спуститься в расщелину и помочь ему. Пугающая перспектива. Она никогда не отличалась ловкостью, даже девчонкой, и хотя сложение позволяло ей спуститься в эту темноту, но если она оступится, то полетит в пропасть и, переломав кости, окажется рядом с Уиллом. И тогда это точно будет конец для них обоих. К зловещей репутации мыса прибавятся еще две жертвы.

Но выбора не было. Она не могла оставить Уилла умирать. Просто нужно отбросить страхи и приступить к делу. Прежде всего она должна найти наиболее безопасный маршрут для спуска. Фрэнни прошла назад вдоль расщелины в сторону моря и наконец нашла место, где расщелина сужалась так, что она могла спускаться, упираясь ногами и руками в обе стены. Вариант не идеальный (идеальным вариантом была бы лестница с большой подушкой внизу), но лучше ничего не найти. Она села на поросшую травой кочку и спустила ноги за край расщелины. Потом, не давая себе времени усомниться в рациональности того, что делает, соскользнула с кочки. После нескольких головокружительных мгновений, когда ее ноги не находили опоры, а тело скользило вниз, она нащупала уступ на противоположной стене, на который и встала. Она сделала несколько неловких движений — нужно было развернуться так, чтобы оказаться лицом к кочке, с которой она соскользнула. Наверное, существовало с десятков более простых способов сделать это, но она в этот момент плохо соображала и ничего другого ей не пришло в голову.

Прежде чем совершить следующий маневр, Фрэнни посмотрела вниз, чего делать не следовало. Мышцы свело, и она почувствовала, как на ладонях и под мышками выступил пот с характерным запахом страха.

«Возьми себя в руки, Фрэнни, — строго сказала она себе. — Ты можешь».

Она глубоко вздохнула и продолжила спуск. Неуверенно переступая шаг за шагом, но больше не совершая ошибки и не глядя вниз, по крайней мере на самое дно, отыскивая в стене трещины и щели, которые могли бы служить опорой.

Только раз, когда показалось, что кто-то ее зовет, она подняла голову, помедлила мгновение — не повторится ли крик. Он повторился, только это был голос не человека, а птицы, почти человеческого тембра Фрэнни продолжала спускаться, решив не смотреть

наверх, услышит она крик или нет. Сюда, в щель между двух стен, которая становилась все уже, проникало меньше и меньше света. Она сказала себе, что будет смотреть только туда, куда попадают ноги и руки, пока не доберется до Уилла и не подумает о подъеме.

Розу давно перестало заботить, что думает или делает Фрэнни, но ее заинтриговало, пусть и не слишком, зачем это женщина полезла в расщелину. Может, она слишком близко подошла к Домусу Мунди и у нее закипели мозги? Если и так, пожар был не бог весть какой силы. Ну да невелика потеря. Теперь женщина исчезла и уже не вернется. А значит, Роза осталась одна. Она запрокинула голову на камень в птичьем помете и уставилась в небо. Солнце скрылось за тучами, по крайней мере с человеческих глаз. Но она все еще могла его видеть. Или только воображала, что может: яркий шар, горящий в величественной пустоте.

Роза поймала себя на том, что думает: «Может быть, мой дом там?» Когда она перестанет быть Розой, что случится скоро, очень скоро, когда жизнь уйдет из ее истерзанного тела, может быть, она поднимется, как дым, и устремится к солнцу? А может быть — в межзвездную темноту. Да, так было бы лучше. Навсегда потерянное в темноте безымянное существо, которое прожило слишком много земных жизней и утратило тягу к жизни и свету.

Но прежде чем она уйдет, может быть, в ее силах добраться до порога Рукенау? Постучать и спросить его: «Для чего все это было? Для чего я жила?»

Если она хочет это сделать, то должна поторопиться: те силы, что у нее еще оставались, быстро таяли. Роза думала, что, открой она рану, жизнь вспыхнет в ней ярче напоследок, как если бы ее ударили бичом по спине. Нет, решила Роза, она только еще сильнее разбередит ее, а сил и так осталось всего ничего.

Она оторвала глаза от солнца и с трудом села. И тут инстинкты подсказали ей сведения, которые она и рассчитывала получить: нога Стипа ступила на остров. Она не сомневалась, что так оно и есть. Они со Стипом когда-то чувствовали друг друга на огромном расстоянии. Роза знала, что такое его близость. Он в пути. Добравшись сюда, он сотворит невиданное зло, а у нее нет или почти нет защиты против него. Она могла только заставить тело служить своим целям и надеяться, что доберется до дверей раньше. Может быть, Рукенау выступит в роли судьи, может, признает Стипа виновным и остановит на полпути. А может быть, Дом пуст, и они войдут туда, как воры в разграбленный дворец, ожидая увидеть великолепие, но не найдя ничего. Эта мысль доставила ей извращенное удовольствие: после этой отчаянной гонки они оба останутся с пустыми руками. И она может умереть и отправиться в межзвездную тьму. А он будет жить и жить, а в нынешнем своем состоянии он боится смерти, и это будет его наказанием за то, что он служил посредником смерти: обреченный на вечное существование, он будет жить, и жить, и жить.

IX

Джекоб получал немалое удовольствие, бродя среди крепких рыбаков Обана, словно гавань была берегом Галилеи, а он искал учеников. После недолгих поисков он нашел одного — человека под семьдесят по имени Хью, который за скромную плату готов был доставить приезжего на Тайри. О сумме они быстро договорились и отправились в путь около половины девятого, следуя по проливу маршрутом «Клеймора». Паром был, конечно, гораздо мощнее лодчонки Хью, но зато им не нужно было делать остановки, а потому они прибыли в маленькую гавань Скариниша всего два часа спустя после парома.

Путешествие освежило и придало Джекобу сил. Он не спал, но, глядя на море, впал в задумчивое настроение. Он никогда не понимал, почему море часто считают женским началом. Да, в женском теле случаются приливы, которых нет у мужчин. Да, море — место зарождения жизни. Но еще оно величественно и бесстрастно, пусть и неторопливо в своей работе против земли, зато неумолимо. Нет, это у земли, теплой и плодородной, женская судьба — это место выкармливания. Пучины принадлежат мужчинам.

Такие мысли одолевали его по пути. И когда он шагнул из лодки на пристань, его разум пребывал в приятном убаюкивающем состоянии, словно он закончил запись в дневнике и готов открыть чистую страницу.

Джекоб решил не угонять машину в конце путешествия. Остров невелик, и, хотя он сомневался, что тут достаточно полицейских, сейчас было не время рисковать: что, если его задержит представитель закона? Он зашел на почту и спросил у обходительной девицы за прилавком, не знает ли она, как нанять такси. Девица ответила, что знает: единственное такси на острове принадлежит ее деверю Ангусу, и она с удовольствием ему позвонит. Она позвонила, а потом сообщила Джекобу, что такси прибудет через четверть часа. Ангус приехал не через четверть часа, а позже, на двадцатилетнем «фольксвагене», и спросил Стипа, куда его отвезти.

— На Кенавару, — сказал Джекоб.

— Вы имеете в виду Баррапол?

— Нет, я имею в виду утесы.

— Туда я вас отвезти не могу, — ответил Ангус. — Там нет дороги.

— Ну, тогда как можно ближе.

— Я и говорю — Баррапол, — сказал Ангус.

— Отлично. Пусть будет Баррапол.

По дороге он задавался вопросом: что бы с ним стало, если б он никогда не покидал острова? Никогда не взял бы человеческое имя, не делал бы вид, что он — нечто иное, чем является на самом деле, и таким образом предал бы свою истинную природу. Если б он вместо этого скрылся от вопрошающих глаз на Уисте, или Харрисе, или на каком-нибудь птичьем базаре, таком же безымянном, как он сам? Нашел бы он тишину, которая ему необходима, и в этой тишине — Бога? Он сомневался. Даже здесь, на этом суровом острове, слишком много жизни, слишком много отвлекающих факторов. Рано или поздно страсть делать существующее несуществующим, страсть, которая гнала его по миру, так или иначе заявила бы о себе.

Его водитель, конечно, оказался разговорчивым. Он хотел знать, откуда приехал Джекоб и где собирается остановиться. Знает ли он Арчи Андерсона из Баррапола? Джекоб, как мог, отвечал на вопросы, продолжая тем временем, словно в нем было два существа, думать о Боге и безымянности. Одно — человеческое, которого он так долго изображал, разговаривало с водителем, другое жило под этой маской. Существо, покинувшее остров, чтобы убивать. Существо, которое возвращалось домой. Он уже был виден, его дом. Длинный мыс Кин а'Бхарра, где Рукенау заложил фундамент своей империи. Несмотря на разговор, состоявшийся между ними в Скаринише, Ангус спрашивал, не высадить ли его у какого-нибудь дома в Барраполе. Он там всех знает, сказал он (что было нетрудно: домов там не набиралось и дюжины): Иен Финдли и его жена Джин, Маккинноны, Гектор Камерон.

— Довезите меня до конца дороги, — сказал Джекоб. — А там уж я сам доберусь.

— Вы уверены?

— Уверен.

— Ну, кто платит, тот и заказывает музыку.

Джекоб вышел там, где дорога переходила в тропинку, и заплатил Ангусу в два раза больше, чем тот просил. Обрадовавшись нежданному заработку, Ангус поблагодарил и предложил визитку с номером своего телефона на случай, если Джекобу понадобится такси на обратный путь. Он явно был очень горд тем, что у него есть визитка, на которой напечатано его имя (Ангус сообщил, что заказал их в Обане), и Джекоб любезно принял из его рук визитку и, поблагодарив, начал путь к Кенаваре. Выражение непритворного удовольствия на лице водителя, предлагавшего визитку, оставалось в памяти Джекоба долго после того, как машина исчезла из вида, оставив его среди прыгающих зайцев.

«Ах, — подумал он, — что за счастье испытать еще раз прилив такой простой гордости, хотя бы только раз».

Он сунул визитку в карман, понимая, что она ему никогда не понадобится. Обратного

пути не будет: из Дома Мира не возвращаются.

Х

Скользкая трава ушла из-под ног Уилла, затянутое тучами небо наверху исчезло. Он вошел в большую комнату, стены которой были словно из спекшейся земли, она слабо поблескивала, будто все еще оставалась влажной. Их с Фрэнни теоретические рассуждения об отвлеченной или метафизической природе Домуса Мунди оказались далеки от действительности. Дом представлял собой осязаемую реальность, насколько об этом могли судить успокоившиеся теперь чувства Уилла: стены, темнота, теплый застоялый воздух, заполнявший ноздри смесью зловонных запахов. Здесь шло гниение: что-то разлагалось, издавая тошнотворно-сладковатый аромат, что-то — кисловатый, от которого ощущалось жжение в пазухах. Долго искать источник вони Уиллу не пришлось. В помещении было полно всевозможного мусора, в том числе лежавшего в куче у стены слева — она достигала в высоту семи или восьми футов. Уилл подошел, чтобы внимательнее ее рассмотреть, задаваясь вопросом, почему здесь светло. Окон в помещении не было, но он увидел тоненькие трещинки в стенах, сквозь которые и просачивался свет.

«Но не дневной», — подумал Уилл.

Свет был теплый, но не обжигающий, как огонь костра или пламя свечи. Еще одна загадка — сама груда мусора, которую он разглядывал. Хотя большую ее часть составляла комковатая масса неопределенных форм, словно сюда вывалили содержимое какого-то гигантского очистного сооружения, он увидел и несколько веток. Может, этот мусор прибывало к берегу, а Рукунау зачем-то складывал все в доме? Это не местные растения, на острове не растут деревья. А ветки немаленькие. Самые крупные — толщиной с руку Уилла.

Отвернувшись от кучи, он прошел к арке, которая вела в соседнее помещение. Обстановка здесь была не менее обескураживающая. Те же земляные стены и потолок, слишком высокий — толком не разглядеть, — но явно сделанный из того же неприглядного материала.

«Если этот дом строился, чтобы быть отражением мира, — подумал Уилл, — то планета в плачевном состоянии».

Эта мысль возбудила в нем подозрение. Что, если его разговор с Фрэнни все же отражал действительность и это вонючее место — зеркало, которое Домус Мунди держал перед собственной душой? Если он и узнал что-то за недели после выхода из комы, то суть этого знания сводилась к тому, что взаимоотношения между его разумом и воспринимаемой реальностью изменчивы. Они напоминали ветреных любовников в разгар страстного романа: каждый постоянно переоценивает свою страсть в свете того, что, по его мнению, чувствует другой. И вот он здесь, в месте столь хитроумном, что невнимательный глаз может его и не заметить. Его вере не нужно совершать немыслимые кульбиты, чтобы он проникся убеждением: да, в таком месте могут быть и более изощренные способы защиты. А что надежнее против незваного гостя, если не мрак его собственного разума?

Уилл размышлял над тем, как проверить это предположение, как проникнуть за эту гниющую грудой и найти находящуюся за ней силу, если только таковая и в самом деле существует. Он думал, одновременно разглядывая все вокруг. Среди непонятных груд он увидел несколько кучек обычного мусора. В одном углу лежали обломки стула, рядом — перевернутый стол, а в его центре — остатки кострища. Он подошел к столу — может, удастся найти какой-то ключ к разгадке. За этим столом когда-то ели. Среди пепла лежала недоеденная рыба, а рядом — разные фрукты: два яблока, апельсин и еще не высохшее манго, разломанное надвое и надкусанное. Если предположить, что это его фантазия, то, может быть, он видит некие порочные воспоминания о его сладострастной пирушке с Дрю?

Он опустился на корточки, разглядывая эти свидетельства, взял ту часть манго, что покрупнее, и понюхал. Сок был липкий, аромат — сладковатый. Если это иллюзия, то дьявольски достоверная. Он швырнул огрызок в пепел и встал, оглядывая комнату: что еще

тут можно обследовать? Уилл понял, что упустил очевидное — сами стены. Он подошел к стене и стал рассматривать землю. Как он и подозревал, местами она была влажная, словно загноившаяся. Он дотронулся до одного из таких влажных мест — на пальцах осталась грязь. Дотронулся еще раз, вдавливая пальцы в землю. Они вошли на полдюйма и могли бы проникнуть глубже, но рука вдруг остановилась: он ощутил покалывание в запястье, потом в предплечье. Уилл отдернул руку, сразу вспомнив, где испытал это чувство. Нечто похожее в мышцах он ощутил, когда был с Розой в доме Доннели. И позднее — во время схватки со Стипом. Эта яркая материя была главной составляющей всех троих: Розы, Джекоба и Домуса Мунди.

Уиллу снова захотелось насладиться этим чувством, но не было времени на подобные глупости. У него есть цель, и он не должен забывать о ней. Он отошел от стены и вгляделся в нее внимательнее. Те места, где его пальцы оставили вмятины, светились приятным светом.

«Это не может быть фантазией моего разума», — подумал он.

Эта уверенность была внезапной и неколебимой. Земля и скрытый в ней свет, рыба и фрукты, лежавшие среди пепла, — все это реально. С этой новой уверенностью Уилл направился к ближайшей двери (в помещении их было три) и вошел в узкий, но чрезвычайно высокий коридор, который в одну сторону был так завален мусором, что пройти по нему не представлялось возможным. Уилл направился в другую сторону, прошел ярдов двадцать, соображая. Либо дом заполнял все пространство на вершине Кенавары, внутри утесов, либо был сооружен в обход всех законов физики и занимал объем, не вмещающийся во внешние границы. Уилл уже собирался свернуть в другое помещение, когда в дальнем конце коридора услышал рыдания. Пospешив на звук, он прошел через небольшой холл, а оттуда — в самое большое из всех помещений, которые уже обнаружил. Оно же и самое замусоренное. Груды отходов были здесь повсюду, и большая их часть тоже не поддавалась определению. Но он увидел и свидетельства того, что кто-то пытался навести здесь порядок. Стол со стоящими вокруг стульями, жалкое гнездышко из прутьев и листьев в одном углу — как ему показалось, подушка была свернута из одежды...

Уиллу не пришлось долго искать хозяина — он стоял на коленях в дальнем углу от двери, в которую вошел Уилл. Перед ним на полу был выложен замысловатый узор из мусора, и он, рыдая и прижав руки к лицу, разглядывал его.

Уилл прошел половину расстояния до человека, когда тот поднял глаза. Увидев Уилла, он вскочил на ноги, уронив руки от лица, покрытого грязью, с дорожками, которые промыли на нем слезы. Человек был в жалком состоянии, и о его возрасте трудно было судить, но Уилл предположил, что ему нет и тридцати. Очки на изможденном лице, спутанная борода и усы, которые давным-давно не стригли, как и сальные волосы. Одежда так же неопрятна, как и он сам, потрепанная рубаша и джинсы прилипли к грязному телу. Он смотрел на Уилла со смесью страха и недоверия.

— Откуда вы взялись? — спросил он.

Судя по произношению, под всей этой грязью скрывался хорошо образованный англичанин.

— Я пришел оттуда — снаружи, — сказал Уилл.

— Когда?

— Несколько минут назад.

Человек приблизился к Уиллу.

— И каким путем вы прошли? — спросил он и понизил голос. — А обратную дорогу найти сможете?

— Да, конечно, — ответил Уилл.

— Боже мой, о боже мой, — стал причитать человек, и дыхание его участилось. — И это не обман?

— Зачем мне вас обманывать?

— Чтобы я оставил ее. — Он прищурился, подозрительно глядя на Уилла. — Вы хотите, чтобы она принадлежала только вам?

— Кто?

— Диана! Моя жена! — Его подозрения явно переходили в уверенность. — Так вот оно что. Значит, Рукенау так понимает шутки, пытается отвести меня искушением? Почему он так жесток? Я ведь сделал все, о чем он просил. Все-все. Почему он не может просто отпустить нас?

Его вопросы перешли в утверждения.

— Я никуда не уйду без нее. Вы меня слышите? Я отказываюсь. Если на то пошло, я лучше сгнию здесь. Она моя жена, и я не оставлю ее...

— Мне ясно, — сказал Уилл.

— Я вполне серьезно...

— Говорю вам: я понимаю.

— И если он хочет заставить меня...

— Вы можете помолчать одну минуту?

Человек умолк и моргнул, глядя на Уилла из-за очков и по-птичьи склонив голову.

— Я вошел сюда три минуты назад. Клянусь. Так мы можем просто поговорить?

Человек, казалось, был несколько смущен своим поведением.

— Значит, это место и вас поймало, — вполголоса сказал он.

— Нет, — ответил Уилл. — Оно меня не поймало. Я пришел сюда по собственной воле.

— И зачем вам это понадобилось?

— Чтобы найти Рукенау.

— Вы искали Рукенау? — переспросил человек таким тоном, будто подобные поиски были равносильны безумию.

— Да. Вы знаете, где он?

— Может быть, — ответил он раздраженно.

Уилл подошел ближе.

— Как вас зовут?

— Теодор.

— Друзья называют вас Теодор?

— Нет. Они зовут меня Тед.

— Можно, я тоже буду называть вас Тед? Не возражаете?

— Нет. Чего тут возражать?

— Хорошее начало. Меня зовут Уилл. Или Билл. Или Билли. Что угодно, только не Уильям. Уильям — это я ненавижу.

— Я... я ненавижу — Теодор.

— Рад, что с этим мы разобрались. Послушайте, Тед, нужно, чтобы вы мне верили. Больше того, мы должны верить друг другу, потому что оба попали в одну и ту же переделку.

— Тед кивнул. — Так вот, почему бы вам не рассказать мне о... — Он хотел сказать «о Рукенау», но в последнюю минуту передумал и вместо этого сказал: — О вашей жене.

— О Диане?

— Да. О Диане. Вы сказали, она где-то здесь? — Опять опущенные глаза и нервный кивок. — Но вы не знаете где?

— Знаю... приблизительно...

Уилл понизил голос.

— Ее сцапал Рукенау?

— Нет.

— Так помогите мне, — попросил Уилл. — Где она?

Тед сжал губы, глаза сощурились за грязными стеклами. Снова птичий взгляд на Уилла. Потом он, видимо, решил, что должен говорить, и выложил всю правду:

— Мы не собирались сюда. Просто гуляли там, по утесу. Я любил наблюдать за птицами еще до женитьбы и убедил Диану пойти со мной. Мы не делали ничего запрещенного. Просто гуляли и наблюдали за птицами.

— Вы не местный житель?

— Нет. У нас был отпуск. Мы переезжали с острова на остров. У нас было что-то вроде второго медового месяца.

— И сколько вы уже здесь?

— Я не совсем уверен. Думаю, мы попали сюда двадцать первого.

— Октября?

— Нет. Июня.

— И с тех пор не выходили?

— Один раз я совершенно случайно нашел дверь. Но разве я мог уйти, оставив Диану? Я не мог этого сделать.

— А кто-нибудь еще здесь есть?

Тед перешел на шепот.

— О да. Тут есть он...

— Рукунау?

— И другие тоже. Люди, которые попали сюда, как Диана и я, и так и не смогли выбраться. Я время от времени слышу их. Один поет псалмы. Я пытался составить карту... — сказал он, бросая взгляд на выложенный перед ним мусор.

Прутики и камушки, маленькие горки мусора — это явно была его попытка воссоздать Дом в миниатюре.

— Скажите мне, что это такое, — сказал Уилл, опускаясь на корточки рядом с картой.

Он чувствовал себя как заключенный, планирующий побег с сошедшим с ума товарищем по несчастью. Гордое выражение на лице Теда, который присел с другой стороны карты и стал объяснять, только усиливало это впечатление.

— Мы находимся здесь, — сказал он, показывая на точку в лабиринте. — Я сделал это место своей базой. Этот маленький камушек — человек, который поет псалмы. Как я уже сказал, я его никогда не видел, потому что, стоит мне приблизиться, он убегает.

— А это что? — спросил Уилл, привлекая внимание Теда к большому пространству, пересеченному бечевками.

— Это комната Рукунау.

— Значит, мы совсем рядом? — спросил Уилл, оглядываясь на дверь, которая, как он предположил, ведет к Рукунау.

— Вам нельзя туда ходить, — сказал Тед. — Клянусь, нельзя.

Уилл поднялся.

— Вам не обязательно идти со мной, — сказал он.

— Но вы должны помочь мне найти Диану.

— Если вы знаете, где она, почему не выкрали ее сами?

— Потому что место, где она находится... Нет, это чересчур для меня... — У него был смущенный вид. — Меня... переполняют...

— Что вас переполняет?

— Эмоции. Свет. То, что приходит мне в голову. Даже Рукунау не может совладать с этим.

Уилла разбирало любопытство. Если он правильно понимает болтовню Теда, то в Доме есть еще некая часть, которая отвечает описанию, услышанному им от Джекоба много лет назад. «Он величественный, — сказал Джекоб Симеону. — И если бы мы были вместе, то могли бы пойти глубоко-глубоко внутрь, увидеть зародыш зародыша. Клянусь тебе».

Предположительно, там и находилась жена Теда. Глубоко внутри, куда не могут войти слабодушные, не заплатив высокую цену за нарушение границы.

— Сначала я должен поговорить с Рукунау, — сказал Уилл. — Потом мы пойдем и отыщем ее. Обещаю.

Глаза Теда вдруг наполнились слезами, и он выразил свою благодарность, как только это может сделать трезвый англичанин: схватил Уилла за руку и пожал ее.

— Я должен дать вам оружие, — сказал он. — Ничего особенного у меня нет — только несколько заостренных палочек. Но это лучше, чем ничего.

— Зачем нам оружие?
— Здесь масса животных. Их слышно через стены.
— Я рискну пойти так.
— Вы уверены?
— Абсолютно. Спасибо.
— Как вам угодно, — сказал Тед и подошел к небольшому запасу палочек у его ложа.
— Я отложу две на случай, если вы передумаете.

И он вышел из своего святилища. В соседней комнате было гораздо темнее, и Уиллу потребовалось несколько мгновений, чтобы сориентироваться.

— Не торопитесь, — сказал он Теду, который сразу направился через сумеречное пространство к дальней арке.

Догоняя Теда, он споткнулся обо что-то и упал в темноту лицом вперед. Мусор, в который он ткнулся, оказался опутанным колючей проволокой. Уилл оцарапал лицо и бок, порвал брюки, поранил ногу. Он закричал от боли и стал сыпать проклятиями, когда попытался встать. Тед помогал ему выпутаться, когда раздался низкий скрежет, заставивший его замереть.

— О боже, нет, — выдохнул Тед.

Уилл поднял голову. Теперь в комнату проникал свет, более теплый, чем свечение стен, и источником его оказалась дверь, открывшаяся на другом конце комнаты. Она была в два человеческих роста высотой и в фут или больше толщиной, ее громада передвигалась с помощью системы канатов и противовесов. В помещении за дверью горел огонь, может быть, и не один; по воздуху перемещались какие-то формы, извиваясь в дыму. И из этого дыма раздался вопрос, заданный ленивым голосом:

— У тебя есть что-нибудь для меня, Теодор?

По выражению лица Теда было ясно, что он готов пуститься наутек. Но он боялся это сделать, памятуя о печальном опыте.

— Подойди ко мне, — сказал говоривший. — Оба подойдите. И брось свои палки, Теодор.

Тед в отчаянии затряс головой и, оставив оружие, направился к двери — он был сейчас похож на собаку, поджавшую хвост в ожидании удара.

Уилл поднялся на ноги и быстро оценил ущерб. Ничего существенного — всего несколько царапин. Тед уже был у двери, шел, склонив голову. Уилл не испытывал такого почтения. Голова его была высоко поднята, глаза горели. Он миновал холл и, обогнав Теда у порога, предстал перед Жераром Рукенау.

XI

Хотя, по идее, спуск Фрэнни должен был становиться легче по мере приближения ко дну трещины, но дальше от солнца камни становились все более скользкими, а количество уступов, на которые можно поставить ногу, уменьшалось. Несколько раз она едва не упала, и если бы не разворачивалась так, что плечи упирались в стены, то непременно рухнула бы вниз.

«Если выживу, — подумала она, — на память останется множество царапин».

Была еще одна проблема: тут оказалось гораздо темнее, чем она предполагала. И достаточно было поднять голову (что она и сделала, хотя внутренний голос отговаривал), чтобы понять почему. За время спуска тучи сгустились, а остававшийся в зоне видимости кусок неба стал свинцово-серым. Фрэнни чувствовала, что собирается дождь, но тогда без того нелегкий подъем станет почти невозможным. Однако сожалеть о сделанном уже поздно. Она спустилась, избежав серьезных повреждений, и, может быть, ей удастся найти более легкий маршрут для подъема вместе с Уиллом.

Фрэнни прижималась к стенкам расщелины, пока не почувствовала под ногами твердую землю. И сразу огляделась в поисках Уилла, но ей мешал выступ в стене. Фрэнни

двинулась к нему, на ходу окликая Уилла и сама себя успокаивая. Уилл не отзывался, и она опасалась худшего. Он разmozжил голову, сломал шею, она увидит его таким же безжизненным, как камни, на которых он лежит. Готовя себя к такому зрелищу, Фрэнни нырнула под выступ и в нескольких ярдах увидела тело, из-за которого она и решилась на этот треклятый спуск. То был не Уилл. Господи милостивый, это не Уилл! Да, перед ней человеческое тело, но оно лежит здесь давно и превратилось в мумию. Фрэнни, конечно, испытала чувство облегчения, но в то же время разозлилась на себя за то, что потратила столько времени и сил. Скрепя сердце она внимательнее осмотрела труп. Под частично сгнившей одеждой виднелась плоть табачного цвета. Особенно жуткий вид был у головы: высохшая кожа плотно облежала череп, губы натянулись, обнажив жемчужные зубы.

«Может быть, это Руkenaу, — подумала Фрэнни. — Может, он умер и его похоронили или просто спрятали в этой расщелине его последователи или богобоязненные островитяне, которые опасались опустить эти кости в освященную землю».

Она обошла тело кругом, надеясь отыскать разгадку. И наконец смогла опознать мертвеца среди лохмотьев обнаружилось с полдюжины кисточек, перевязанных бечевкой и запечатанных чем-то, похожим на сургуч. Фрэнни застонала. Это не Руkenaу — перед ней тело Томаса Симеона. Она смутно помнила, что говорилось об этом в книге. Тело было похищено, вспомнила Фрэнни, и кто-то, может быть, та же Двайер, выдвинул предположение, что его увезли на север и похоронили на острове Руkenaу. Значит, так оно и было. Станный и отчасти жалкий конец странной и жалкой жизни: мумия, пышно разодетая и спрятанная, будто тайное сокровище.

Что ж, ответ на один вопрос уже найден. Но возникает другой: если здесь, в расщелине, лежит не Уилл, то где же он, черт побери? Он не откликнулся, когда она звала, значит, вполне вероятно, попал в переделку. Вот только где его искать?

Начался дождь, и, судя по тому, как струи хлынули в расщелину, это был настоящий ливень. Глупо пробовать подняться наверх в том же месте. Она должна найти другой способ. До моря далеко, поэтому Фрэнни решила пойти к началу расщелины — может, там отыщется удобный подъем. Если нет, она пойдет в другую сторону, хотя волны с такой силой бьются о мыс, что выйти на поверхность там и не быть смытой в море вряд ли возможно. В общем, выбор невелик, но она сама впуталась в эту историю, сама и выпутается.

С этой мыслью Фрэнни двинулась к началу расщелины. Она не прошла и нескольких ярдов, как стало светлее, расстояние между стенами расширилось, и дождь теперь капал прямо на нее. Было холодно, но Фрэнни вспотела, пока спускалась, и теперь подставила лицо дождю, чтобы немного остыть. И тут она услышала голос Стипа.

— Ты только посмотри на себя.

Хотя жизнь в Розе едва теплилась, она не осталась там, где ее покинула Фрэнни, и мучительно медленно отползла к камням в начале расщелины. Она вконец ослабела: лежала и не могла пошевелиться. Здесь ее и нашел Стип. Он держался на расстоянии, лишь один раз подошел ближе, чтобы убрать ее руку от лица, и снова отступил, как будто слабость Розы была заразной болезнью.

— Отведи меня внутрь, — пробормотала она.

— С какой стати?

— Потому что я умираю и хочу быть там... Хочу в последний раз увидеть Руkenaу.

— Он не захочет тебя видеть в таком состоянии, — сказал Джекоб. — Раненую, на последнем издыхании.

— Пожалуйста, Джекоб. Самой мне туда не добраться.

— Я вижу.

— Помоги мне.

Джекоб обдумал ее слова.

— Думаю, лучше этого не делать. Нет, я пойду один.

— Как ты можешь быть таким жестоким?

— Ты ведь предала меня, любимая. Убежала с Уиллом, заставила меня нестись следом, как собачонку.

— У меня не было выбора, — возразила Роза. — Ты бы меня сюда не привез.

— Верно, — согласился Стип.

— Хотя Господь знает... После всего, что мы выстрадали вместе... после всех скорбей... — Она отвернулась от Стипа, задрожав еще сильнее. — Я так часто думала, если бы у нас родились здоровые дети, возможно, с годами мы стали бы добрее, а не еще более жестокими.

— Господи, Роза, — сказал Стип с нескрываемым презрением. — Неужели ты все еще веришь в это вранье? У нас были здоровые дети.

Она не пошевелилась, но глаза остановились на Джекобе.

— Нет, — пробормотала Роза. — Они были...

— Здоровые, полные сил малютки...

— Ты говорил — без мозгов...

— Все до одного совершенно полноценные.

— Нет...

— Я тебя осеменял, чтобы ты была счастлива, а потом убивал их, чтобы не путались под ногами. Неужели ты никогда не понимала этого?

Она ничего не сказала.

— Глупая, глупая женщина.

Теперь Роза заговорила.

— Мои дети... — пробормотала она так тихо, что он не разобрал слов.

— Что ты сказала? — спросил Джекоб, подаваясь к ней.

Роза не сказала — она прокричала:

— Мои дети!!!

Этот звук сотряс камни, на которых она лежала. Джекоб хотел отступить, но она стала сильной от горя и смогла до него дотянуться. Крик был не единственным ее оружием. Когда она вцепилась в Стипа левой рукой, то правой стала срывать бинты с раны, и лучики света брызнули из нее, словно стремясь его поглотить...

Фрэнни в расщелине едва успела зажать уши ладонями, как на ее голову обрушился град мелких камешков и влажной земли. Она подобралась к самому началу расщелины, чтобы лучше слышать разговор наверху, а теперь раскаивалась. От крика Розы ей стало совсем плохо. Она развернулась и, подчиняясь скорее инстинкту, чем разуму, двинулась прочь, поскользываясь на камнях. Она преодолела только шесть или семь ярдов, когда порода, сдвинутая с места этим ее криком, стала обрушаться и камнепад усилился...

Видя свет, исходящий из груди Розы, Стип поднял руки, чтобы защитить лицо, опасаясь, что Роза ослепит его. Но лучи света устремились не к лицу, не к сердцу, не к паху. Они искали его руки, точнее, рану на ладони, оставленную его же ножом.

И тогда закричал он. Его страх и ярость Розы образовали энергию такой силы, что обрушилась земля.

В небесах перестали кружить птицы, устремившиеся в гнезда. Тюлени нырнули в набегающие волны, чтобы не слышать этого крика. В дюнах скакали прочь зайцы, опасаясь за свою жизнь, а коровы на лугу от ужаса стали ронять в траву лепешки. В домах и барах Баррапола, Кроссапола и Бейлфуила и на дорогах между ними мужчины и женщины, занятые обычными делами, вдруг замерли. Те, что были не одни, обменялись тревожными взглядами, а кого этот крик застал в одиночестве, побежали к людям.

Но все прекратилось так же неожиданно, как началось.

Однако лавина в расщелине по инерции набирала силу. Катящиеся камни становились все крупнее по мере того, как проседала земля. В воздухе стояла пыль, и Фрэнни ничего не видела. Она почти дошла до места упокоения Томаса Симеона и остановилась там в

ожидании, когда расщелина перестанет сотрясаться от одного конца до другого.

Наконец камнепад стал стихать, пыль оседала. Фрэнни не торопилась возвращаться, опасаясь нового крика сверху и нового обрушения. Но ни того ни другого не последовало, и она снова двинулась к началу расщелины. Несмотря на пыль, там стало гораздо светлее. Порода обрушилась, образовав беспорядочную насыпь из камней, земли и дерна. По крайней мере, теперь Фрэнни могла выбраться на поверхность, если б решилась выбрать такой опасный маршрут. Она смотрела наверх, но ничего не могла разглядеть. Если не считать струек земли, бегущих по склонам, все было неподвижно.

Фрэнни остановилась, чтобы обдумать подъем, и двинулась в путь. Подъем был легче спуска, но простым его назвать было нельзя. Каждый шаг мог вызвать камнепад. Дождь тем временем продолжал идти, и земля превращалась в жидкую грязь. Преодолев треть пути, Фрэнни решила двигаться дальше на четвереньках и через несколько мгновений была вся в грязи. Но это не имело значения, главное — не упасть назад. К тому же, если одна из точек опоры окажется ненадежной, у нее останется еще три.

Когда до вершины оставалось два-три ярда, Фрэнни почувствовала, как что-то коснулось ее ноги. Она посмотрела вниз и, к своему ужасу, увидела Розу — та была почти погребена под землей, а вытянутой рукой вслепую схватила Фрэнни за щиколотку. Такого выражения лица Фрэнни не видела ни у кого: рот распахнут, как у выброшенной на берег рыбы, а золотые глаза, несмотря на сильный дождь, смотрели не мигая.

— Стип? — выдохнула Роза.

— Нет. Это я, Фрэнни.

— А Стип упал?

— Не знаю. Я не видела.

— Подними меня, — потребовала Роза.

Судя по тому, как лежали ее ноги, у нее сломано немало костей. Но Розе, судя по всему, это было безразлично.

— Подними меня, — повторила она. — Мы пойдем в Дом. Ты и я.

Фрэнни сомневалась, что у нее хватит сил тащить Розу куда-то еще, когда они выберутся наверх. Если она и окажет ей эту маленькую услугу, то больше ничего делать не собирается. Роза все равно умрет: дыхание у нее учащенное, по телу проходят судороги. Фрэнни подползла ближе к Розе и стала откапывать ее ноги. Бинты сорваны с раны, в нее набилась грязь, и все же в ее глубине мерцало то же сияние, которое Фрэнни видела в доме Доннели.

— Это Стип с тобой сделал? — спросила она.

Невидящий взгляд Розы был устремлен в небеса.

— Он обманом лишил меня детей.

— Я слышала.

— Он обманом лишил меня моей жизни. И заплатит за это.

— Ты слишком слаба.

— Теперь моя сила в моей ране, — сказала Роза. — Он боится того, что сломано во мне...

На ее лице появилась жуткая улыбка, словно оскал самой смерти.

— Потому что моя рана нашла то, что сломано в нем...

Фрэнни даже не пыталась понять смысл ее слов. Просто откапывала Розу из-под земли, а потом пыталась усадить ее так, чтобы вытащить наверх. Просунув руки ей под мышки, Фрэнни, к своему удивлению, ощутила странный приток сил. Она теперь в состоянии сделать то, что минуту назад казалось невыполнимым. Фрэнни подхватила Розу на руки и поволокла по склону. Пейзаж наверху напоминал поле сражения. В земле открылись новые трещины, расходившиеся во все стороны от того места, где Розу нашел Джекоб.

— Посмотри налево... — сказала Роза.

— Ну?

— Видишь открытую площадку?

- Да.
- Неси меня туда. Дом там.
- Я ничего не вижу.
- Он умеет скрываться из вида. Но он там. Поверь мне. И ждет нас.

XII

Звук обрушения был слышен в Домусе Мунди, но Уилл не обратил на него внимания: он был захвачен масштабом зрелища, которое разворачивалось прямо перед ним. Точнее, над ним. Потому что именно там решил обустроить свой дом Жерар Рукунау, сатир-проповедник собственной персоной. Это довольно просторное помещение вдоль и поперек пересекали канаты и платформы, самая нижняя висела на уровне чуть выше человеческого роста, а самая высокая терялась в сумраке под сводчатым потолком. Местами узловатые канаты были закреплены так тесно и были так завалены всевозможными обломками, что образовали почти монолитные перегородки, а в одном месте — некое подобие камина, поднятого к потолку. Эту необычную картину дополняли разбросанные всюду предметы старинной мебели, возможно перевезенной из того самого таинственного дома в Ладлоу, из которого Галловой освободил своего друга Томаса Симеона. Эта коллекция включала несколько стульев, подвешенных на разной высоте, два или три небольших стола. Была тут и платформа, заваленная подушками и постельным бельем, — видимо, здесь Рукунау преклонял голову на ночь. Хотя тросы и ветви, которые пошли на сооружение всего этого, были просто грязные, а мебель, несмотря на все ее достоинства, выглядела еще хуже, орнамент узлов, перегородок и платформ был прекрасен в мигающем свете бледного пламени, поднимавшегося из чаш, расставленных в этой паутине, словно звезды в некой странной тверди.

Из точки футах в сорока над головой Уилла, у вершины плетеного камина, донесся голос Рукунау:

— Скажи, Теодор, кого ты ко мне привел?

Голос показался Уиллу музыкальнее, чем когда Рукунау звал их. Его действительно одолевало любопытство: что за незнакомец появился в его владениях?

— Его зовут Уилл, — сказал Тед.

— Это я уже слышал, — заметил Рукунау. — И он ненавидит, когда его зовут Уильям. Что вполне разумно. Но еще я слышал, что ты ищешь меня, Уилл, и это меня интересует гораздо больше. Как получилось, что ты ищешь человека, который так долго жил вдали от людей?

— Остались еще несколько человек, которые говорят о тебе, — сказал Уилл, глядя в скрывающиеся во мраке высоты.

— Ты не должен этого делать, — шепнул Тед. — Голову надо держать склоненной.

Уилл не послушал совета и продолжал смотреть вверх, на переплетение канатов. И был вознагражден. Рукунау начал спускаться через многочисленные наслоения своего висячего мира, словно канатоходец, ступая с одного ненадежного насеста на другой. При этом он продолжал говорить:

— Скажи-ка, Уилл, тебе известны мужчина и женщина, которые производят этот шум за моими стенами?

— А там есть какой-то мужчина? — спросил Уилл.

— О да, есть.

Уилл знал, что к Дому может прийти только один мужчина, и молил Бога, чтобы Фрэнни убралась с его пути.

— Да, мне они известны, — ответил он Рукунау. — Но кажется, ты знаешь их лучше.

— Возможно. Хотя выгнал их отсюда довольно давно.

— Не скажешь, почему ты это сделал?

— Потому что он не вернул мне моего Томаса.

— Томаса Симеона?

Рукунау приостановился.

— Ай-ай-ай, — сказал он. — Тебе и в самом деле кое-что известно обо мне?

— Хотелось бы узнать побольше.

— Томас в конце концов ко мне вернулся. Ты это знаешь?

— После смерти, — сказал Уилл.

Это была всего лишь догадка, основанная на рассуждениях Двайер. Но если ему удастся выдать себя за человека осведомленного, думал Уилл, возможно, получится вызвать Рукунау на откровенность. И похоже, Двайер была права в своих выводах, потому что Рукунау вздохнул.

— Да, он и правда вернулся ко мне мертвецом. Думаю, жизнь отчасти покинула меня, когда его положили среди камней. У него в мизинце было больше Божьей благодати, чем есть во всем моем существе. Или когда-то было.

После молчания, во время которого Уилл, по-видимому, должен был обдумать услышанное, Рукунау продолжил спуск. Уилл пристально его разглядывал. Он увидел одеяния, которые когда-то были элегантными, но теперь, как и все в Доме, покрылись коркой грязи. Только лицо и руки были бледны, но какой-то нездешней бледностью, делавшей его похожим на бескровную куклу. Однако двигался он уверенно и со зловещей грацией, поэтому Уилл не мог оторвать взгляд, несмотря на его непрезентабельный вид и неестественную белизну лица.

— Скажи-ка мне, — проговорил Рукунау, спускаясь, — откуда ты знаешь этих людей?

— Ты называешь их нилотиками.

— Почти. Но не совсем, — сказал Рукунау и снова помедлил.

Теперь он был футом в десяти над головой Уилла, на сплетенной из веток платформе. Рукунау присел на корточки и стал разглядывать гостя сквозь плетенку, словно рыбак — свой улов.

— Я думаю, что ты, несмотря на всю твою проницательность, не до конца понял их природу.

— Ты прав, — сказал Уилл. — Для этого я и пришел сюда. Чтобы выяснить.

Рукунау подался вперед еще немного, отодвинув в сторону покрытые коркой грязи канаты, чтобы лучше видеть собеседника, — благодаря этому и Уилл смог разглядеть его. Не только зловещие движения придавали ему сходство со змеей. Кожа отливала каким-то лотовым блеском. И полное отсутствие волос. У Рукунау не было ни бровей, ни ресниц, ни малейшего намека на щетину на щеках и подбородке. Если это кожное заболевание, то никаких неудобств Рукунау, похоже, не испытывал. Напротив, всем своим видом излучал здоровье: глаза светились, зубы сверкали необыкновенной белизной.

— Так ты пришел сюда из любопытства? — спросил он.

— Частично да.

— И из-за чего еще?

— Роза... умирает.

— Сомневаюсь.

— Умирает. Клянусь тебе.

— А самец? Джекоб? Он тоже болеет?

— Не так, как Роза, но да... болен.

— Тогда, — Рукунау задумался на мгновение, — мы, пожалуй, продолжим этот разговор без молодого Теодора. Пойди, мой мальчик, принеси мне что-нибудь подкрепиться.

— Слушаюсь, сэр, — затравленно ответил Тед.

— Постой, — сказал Уилл, схватив его за руку и снова повернувшись к Рукунау. — Тед хочет попросить тебя кое о чем.

— Да-да, его жена... — устало сказал Рукунау. — Я слышу, как ты денно и ночью рыдаешь из-за нее. Но к сожалению, ничем не могу тебе помочь. Она больше не хочет тебя видеть. Вот тебе и весь сказ. Не принимай это слишком близко к сердцу. Она стала рабыней этого треклятого места.

— Так тебе здесь не нравится? — спросил Уилл.

— Нравится? — переспросил Рукунау, и маска вежливости исчезла с его лица. — Это моя тюрьма, Уилл. Ты это понимаешь? Мое чистилище. Нет, вернее сказать, мой ад.

Он наклонился, вглядываясь в лицо Уилла.

— Но, глядя на тебя, я думаю: а не послан ли ты каким-нибудь милостивым ангелом, чтобы освободить меня?

— Думаю, выйти отсюда не так уж трудно, — сказал Уилл. — Тед говорит, что нашел путь к входной двери без...

Рукунау оборвал его срывающимся от негодования голосом.

— А что, по-твоему, случится со мной, если я выйду за эти стены? Я сменил не одну кожу в этом Доме, Уилл. И таким образом обманул старуху с косой. Но как только я выйду за пределы этого гнусного места, моему бессмертию конец. Я думал, такому мудрецу, как ты, это должно быть понятно. Скажи мне, кстати, как теперь называют нас, магов? «Некромант», мне кажется, звучит очень уж театрально. А «доктор философии» бесконечно устарело. Откровенно говоря, я думаю, такого слова, которое бы меня устраивало, просто нет. Мы отчасти метафизики, отчасти демагоги.

— Я не принадлежу ни к тем, ни к другим.

— Да, но в тебе, я смотрю, обитает какой-то дух, — заметил Рукунау. — Какое-то животное.

— Может, спустишься и убедишься сам?

— Я бы никогда не смог этого сделать.

— Почему?

— Я уже тебе сказал. Этот Дом — нечто отвратительное. Я поклялся, что моя нога не коснется его. Никогда.

— Но ведь ты сам его построил.

— Откуда тебе это известно? — спросил Рукунау. — Джекоб, что ли, рассказал? Послушай-ка меня. Если это Джекоб, то ему известно меньше, чем он думает.

— Я тебе расскажу все, что знаю и откуда я это узнал, — пообещал Уилл. — Но сначала...

Рукунау ленивым взглядом скользнул по Теду.

— Да-да, его никудышная жена. Посмотри на меня, Теодор. Так-то лучше. Ты уверен, что хочешь оставить службу у меня? Я хочу знать, неужели это такое тяжкое бремя — принести мне фрукт или рыбку?

— Мне показалось, ты говорил, что ни разу не покидал Дома? — спросил Уилл Теда.

— Нет-нет, он не выходит наружу, — ответил за него Рукунау. — Он заходит внутрь, да, Теодор? Он ходит туда, куда ушла его жена. Вернее, подходит настолько близко, насколько хватает храбрости.

Уилла эти слова сбили с толку, но он постарался не выказать недоумения.

— Если ты в самом деле хочешь уйти, — продолжал Рукунау, — я не буду возражать. Но предупреждаю, Теодор: у твоей жены на этот счет может быть иное мнение. Она отправилась в самое сердце Дома, и то, что она там увидела, ее очаровало. Я не могу воздействовать на глупость такого рода.

— Но если мне удастся уговорить ее вернуться? — спросил Тед.

— Тогда, если твой новоявленный защитник останется вместо тебя, я не буду препятствовать — идите куда хотите. Что ты на это скажешь, Уилл? Справедливая сделка?

— Нет, — ответил Уилл. — Но я принимаю ее условия.

Тед просиял.

— Спасибо, — сказал он Уиллу. — Спасибо. Спасибо. Спасибо.

Потом обратился к Рукунау.

— Это означает, что я могу идти?

— Конечно. Найди ее. Если она согласится идти с тобой — бога ради. Но, откровенно говоря, я в этом сомневаюсь...

Но эти слова не стерли улыбку с лица Теда. Через мгновение он исчез, метнувшись через комнату. Еще не добежав до двери, Тед стал выкрикивать имя жены.

— Она с ним не пойдет, — повторил Рукунау, когда Тед вышел. — Домус Мунди покорил ее. Что он может этому противопоставить?

— Свою любовь.

— Миру наплевать на любовь. Он вращается в самом себе, независимо от наших чувств. Тебе это известно.

— Но может быть...

— Что «может быть»? Продолжай, скажи мне, что у тебя на уме.

— Может быть, мы недостаточно демонстрировали ему свою любовь.

— Неужели ты думаешь, что мир от этого подобрел бы? — удивился Рукунау. — Неужели море выбросило бы меня на берег, если бы я стал тонуть? Или чумная крыса не укусила бы меня, потому что я заявил о своей любви? Уилл, не будь ребенком. Миру все равно, что Теодор чувствует к своей жене, а его жена слишком покорена величиим этого проклятого места — она даже не посмотрит на него снова. Такова горькая правда.

— Не понимаю, что здесь такого привлекательного.

— Конечно не понимаешь. Потому что я много лет старался сделать его непривлекательным, замазывая грязью и экскрементами. Многие из них — мои собственные. Человек за двести семьдесят лет производит целую гору нечистот.

— Значит, это ты замазал стены?

— Поначалу я делал это собственными руками. Позднее, когда люди по ошибке стали забредать сюда, я поручил это им. Многие умерли за этим занятием. Боюсь, что...

Он замолчал и встал со своего насеста.

— О-па, — сказал он. — Начинается.

— Что?

— Сюда только что вошел Джекоб Стип.

В голосе Рукунау слышалась едва заметная дрожь.

— Тогда расскажи мне, что ты знаешь о нем, — сказал Уилл. — И побыстрее.

XIII

Оказавшись в Доме, Стип оценил замысловатый маршрут, который привел его сюда. Возможно, он вернулся в Домус Мунди все же не для того, чтобы погибнуть. По крайней мере, не сразу. Может быть, он вернулся сюда, чтобы удовлетворить собственные амбиции. Роза была права, обвиняя его в том, что он получает удовольствие от убийства. Да, так всегда и было. И всегда будет. Такова одна из его мужских наклонностей: он любил охоту; кровопускание и убийство совершал с такой же естественностью, с какой опорожнял мочевой пузырь. А теперь, вернувшись в Дом, он получит возможность удовлетворить свой аппетит, как никогда прежде. Когда Уилл и Роза будут мертвы, а с ними и Рукунау, он сядет в самом сердце Домуса Мунди и займется настоящим делом. Дельцам, которые вертят миром из своих офисов, папам римским, которые позволяли детям умирать голодной смертью, властителям, разрушавшим города от нечего делать, он покажет такое, что они удивятся. Он будет бесстрастнее бухгалтерских счетов и более жестоким, чем генерал в ночь *coup d'etat*.¹

Как же он не понимал раньше, насколько все просто? Ну разве это не глупость с его стороны? А скорее трусость, боязнь снова предстать перед человеком, который обрел над ним такую власть. Что ж, больше он не боялся. Теперь он не будет терять время на ножи (исключая, может быть, Рукунау — этого придется заколоть). Имея дело с остальным миром, он будет гораздо умнее. Он отравит дерево, пока оно еще семя, чтобы погибли все, кто стал бы от него кормиться. Он искалечит плод в материнском чреве и заразит урожай грибом еще до того, как он взойдет. Ничто не избежит гибели — ничто; и со временем все подойдет к концу, все, кроме Бога и его самого.

¹ Государственный переворот (*фр.*) .

Он понял, что вся его предыдущая жизнь была подготовкой к этому возвращению, а заговоры, что строили против него эта женщина и этот гей, даже тот поцелуй, тот гнусный поцелуй, — все это были способы привести его, ни о чем таком не подозревающего, к порогу Дома.

Войдя внутрь, он был поражен, как изменилось это место. Он опустился на четвереньки и поскреб землю: она была покрыта слоем экскрементов — человеческих и звериных вперемежку. То же самое было на стенах. И на потолке. Весь дом, такой великолепный во время строительства, такой светлый, оказался погребен под слоями грязи. Все это, конечно, проделки Рукунау. Стип не удивился. Невзирая на метафизическую болтовню, Рукунау в глубине души был глупым и испуганным человечишкой. Разве не потому он отправил Джекоба за Томасом, что ему нужен был взгляд художника, чтобы понять, что же он сотворил? И вместо того, чтобы понять это, — что он сделал? Покрыв красоту Домуса Мунди грязью и дерьмом.

«Бедный Рукунау, — подумал Джекоб. — Бедный Рукунау из рода человеческого».

И эта мысль стала криком, отдававшимся от стен, мимо которых Джекоб шел в поисках своего прежнего хозяина.

— Бедный Рукунау! Ах, бедный, бедный Рукунау!

— Он зовет меня...

— Не обращай внимания, — сказал Уилл. — Я должен знать, кто он такой.

— Ты уже знаешь. Ты сам упомянул это слово. Он нилотик.

— Это местонахождение, но не описание. Мне нужны подробности.

— Я знаю легенды. Знаю молитвы. Но не знаю ничего, что было бы похоже на правду.

— Говори, что знаешь. Чем бы это ни было.

Рукунау злобно посмотрел на него, и сначала показалось, что он ничего не скажет, но потом потекли слова, и их было не остановить. Он не делал пауз, чтобы можно было задать вопрос или попросить уточнить. Он изливал душу.

— Я незаконнорожденный сын человека, который строил церкви, — начал Рукунау. — В свое время он создал величественные сооружения для поклонения Богу. И когда я вырос — хотя меня и не воспитывали в лоне семьи, — я нашел его и сказал: «Я думаю, что унаследовал частичку твоего гения. Позволь мне последовать твоему примеру. Я хочу стать твоим учеником». Конечно, ничего этого он мне не позволил. Я был незаконнорожденный. Я не имел права находиться с ним в обществе, смущая его и его покровителей. Он прогнал меня. И вот, покинув дом отца, я сказал себе: «Пусть будет так. Я сам проложу себе дорогу в жизни и построю такой храм, что Бог будет приходить только туда, забыв обо всех тех, что построил мой отец, и все его великолепные церкви опустеют».

Я научился магии, стал довольно ученым человеком. И, думаю, предметом восторженного поклонения. Меня это мало волновало. Я ждал, что через год или два весь мир будет поклоняться мне. И я отправился путешествовать в поисках тайной геометрии, которая делает священные места священными. Я осматривал храмы Греции. Я отправился в Индию посмотреть, что построили индусы. А по пути домой посетил Египет, взглянул на пирамиды. Там я услышал рассказы о существе, строившем храмы; как гласит легенда, с их алтарей священник одним взглядом может охватить все, что создал Господь.

Несмотря на всю нелепость этих рассказов, я отправился вверх по Нилу в поисках этого безымянного ангела. Я был готов воспользоваться теми навыками магии, которым научился, чтобы привести это существо к повиновению. И в пещере недалеко от Луксора я нашел существо, которое назвал нилотик. Я привез его сюда и с помощью Симеона стал составлять план шедевра, которое нилотик должен был построить. План места настолько священного, что все церкви моего отца обратятся в руины, а имя его будут произносить с презрением. — Он горько рассмеялся над собственной глупостью. — Но конечно, это для всех нас оказалось непосильной задачей. Симеон бежал и сошел с ума. Нилотик стал нетерпелив и оставил

меня, хотя я и стер все его прежние воспоминания и без моей помощи он был обречен оставаться в неведении. А я... Я остался здесь... исполненный решимости довести начатое до конца. — Он покачал головой. — Но довести до ума этот мир невозможно, верно я говорю?

Его рассказ был прерван еще одним криком Стипа.

— Думаю, он с тобой не согласится, — заметил Уилл.

— Почему я боюсь? — продолжал Рукунау. — У меня не осталось желания жить.

Он посмотрел на Уилла с удручающей яростью во взгляде.

— О господи, не пускай его ко мне.

— Раньше ты умел приводить его к повиновению, — напомнил Уилл. — Сделай это и теперь.

— Как я могу сделать с ним то, что уже сделано! — крикнул Рукунау. — Ты должен придумать свои слова, чтобы убедить его.

И, запаниковав, он начал еще проворнее забираться наверх по канатам. Но не успел подняться и на несколько ярдов, как Уилл услышал шаги Стипа. Он оглянулся и увидел его. Вид у Джекоба был гораздо хуже, чем в доме Доннели. Мокрый от дождя и покрытый грязью от ботинок до головы, с горящими глазами, он весь дрожал. И у него был вид человека, чьи часы сочтены.

Даже голос утратил очарование.

— Так он рассказал тебе нашу историю, Уилл? — спросил Джекоб.

— Отчасти.

— Но тебе по-прежнему хочется знать больше. И ты готов умереть, лишь бы удостоиться этой чести. — Он покачал головой. — Нужно было вам обоим оставить меня в покое. Чтобы я жил и умер в неведении.

— Ты жаждал прикосновения, — сказал Уилл.

— Неужели? — спросил Стип, словно готов был согласиться. — Может, и так.

Паутина наверху шевельнулась, и Стип почти с театральной медлительностью поднял голову. Рукунау успел ретироваться на самый верх.

— Тебе там не спрятаться, — сказал Стип. — Ты не ребенок. Не будь глупцом. Спускайся.

Он вытащил нож из кармана.

— Не заставляй меня карабкаться к тебе.

— Оставь его, — сказал Уилл.

— Пожалуйста, не суйся в чужие дела, — попросил Джекоб раздраженно. — Посмотри лучше, какие огоньки. Иди — посмотри. Пока еще можешь. А я скоро вернусь.

Он говорил с Уиллом как с ребенком.

— Иди! — вдруг выкрикнул Стип и, протянув руку, ухватился за сетку. — Рукунау! Спускайся!

Он с невиданной силой затряс сетку. Комья грязи полетели на их головы; канаты затрещали и порвались в нескольких местах. Сверху рухнул на пол освободившийся стул.

Слова Уилла не могли его успокоить, а это значило, что у Уилла нет выбора. Он подошел к Джекобу и положил ладонь ему на шею.

На этот раз не последовало ни вздоха, ни сотрясающей землю дрожи. Только ослепляющая пыль мучительно-красного цвета, в которой Уилл в одно мгновение увидел тысячи геометрических фигур, громадных, как соборы. Они двигались, некоторые раскрывались, как бутоны, а из них вылетали горящие знаки того языка, на котором были сделаны записи в дневнике Стипа и надписи на картинах Симеона. Уилл понял, что это не воспоминания Джекоба. Это мысли нилотика или какой-то его части: набор математических вероятностей, гораздо более впечатляющих, чем роща, или лис, или дворец на Неве.

Ловя ртом воздух, он убрал руку и на нетвердых ногах отошел от Джекоба. Но это скопление форм не сразу покинуло его голову, они продолжали двигаться перед его мысленным взором еще несколько секунд, ослепляя. Если бы Стип решил нанести ему удар в эту минуту, Уилл оказался бы уязвимым, как овца в загоне. Но перед Стипом стояла более

неотложная задача. К тому времени, когда зрение Уилла восстановилось, он увидел, что Джекоб перестал трясти сеть и начал карабкаться вверх. Поднимаясь, он кричал Рукенау: «Не бойся! Рано или поздно это случится со всеми! Живя или умирая, мы питаем огонь!»

XIV

Из всех странных вещей, которые пришлось наблюдать Фрэнни во время этого путешествия, ни одна не потрясла ее сильнее, чем то, как они с Розой вошли в Домус Мунди. Только что она стояла среди травы и небес (как это простодушно воспринимали ее органы чувств), а через секунду оказалась в темном вонючем месте, где не светит солнце и нет моря. Это ее ужаснуло. Фрэнни порадовалась, что с ней Роза, иначе она наверняка бы запаниковала.

«А это место меньше всего подходит для того, чтобы терять контроль над собой», — подумала Фрэнни.

Когда они оказались в Доме, Роза сказала, что ее можно отпустить, и, сделав несколько неуверенных шагов, подошла к ближайшей стене. Провела рукой по поверхности, слегка наклонилась, потянула носом.

— Дерьмо, — сказала она. — Он покрыл стены дерьмом.

Она повернулась к Фрэнни.

— Тут везде так?

— Везде, где я вижу.

— И на потолке?

Фрэнни подняла голову.

— Да.

Роза рассмеялась.

— В прежние времена было иначе? Что говорит твоя память? — спросила Фрэнни.

— Я не очень доверяю памяти, но думаю, что, когда я была здесь в последний раз, этот дом не был похож на сточную канаву. Наверное, это проделки Рукенау.

Она стала ощупывать стену пальцами и отдирать комья. Фрэнни увидела, что под экскрементами был источник света, его лучи словно начинали рябить, когда Роза снимала слой за слоем, будто он чувствовал, что кто-то пытается до него добраться. Это не было иллюзией. По мере того как Роза очищала стену, свет становился все явственнее. Лучи были разные по яркости: сверкающие стрелы — бирюзовые и оранжевые. Запекшиеся нечистоты не могли противостоять этой энергии теперь, когда та почувствовала близость освобождения. То, что совсем недавно было тонкой струйкой, становилось потоком. Трещины расходились в разные стороны от того места, с которого Роза начала свою работу.

Фрэнни с удивлением смотрела на происходящее и не в первый раз за время путешествия пожалела, что Шервуда нет рядом и он этого не видит. Тем более что это делала Роза — женщина, которая была для него идиолом. Фрэнни почувствовала себя осененной благодатью.

И по мере того как обнажалась тайна, скрытая Рукенау, она стала догадываться об истоках этой тайны. Цвета, сверкающие и светящиеся в стене, были началом всех живых существ. Пока что не было ничего определенного, но и признаков оказалось достаточно: мерцание полос на пульсирующем боку, сверкание голодных глаз, размах крыльев. Стало очевидно, что сдержать их непросто. Эти существа слишком полны жизненных сил, слишком нетерпеливы. Самые бойкие уже просачивались в помещение, оформлялись в воздухе, словно ласточки, улетающие от пламени.

— Поддержи меня, — попросила Роза, и Фрэнни покорно это сделала, хотя и не глядя: так она была поглощена зрелищем зарождающихся форм.

— Мы должны найти Рукенау, — сказала Роза, вцепившись тонкими пальцами в плечо Фрэнни.

Роза подняла руку и коснулась ее лица.

— Ты смотришь на мир?
— То, что здесь происходит, и есть мир?
— Это Домус Мунди, — напомнила Роза. — И что бы ты сейчас ни видела, это только цветочки. А теперь идем. Мне еще понадобится твоя помощь.

Нести ее теперь не требовалось: жизненных сил у Розы явно прибавилось, когда она перешагнула порог Дома. Но зрение вернулось не полностью, и Фрэнни нужна была ей как поводыр, что та с удовольствием и делала. Когда они прошли в следующую комнату, весть об освобождении уже обогнала их. Высохшие частицы нечистот стали опадать по мере того, как в потолке появлялись трещины, и в этой комнате было светлее, чем в предыдущей, сияние из трещин проливалось повсюду. Все это сопровождалось усиливающимися звуками, хотя поначалу они были неясными: бормотание, в котором изредка можно было различить более отчетливый звук. Может быть, рев слона, пение кита, визг обезьяны на трясущемся дереве...

Но Роза услышала что-то, близкое ее сердцу.

— Это Стип.

И действительно, в кипящем море звуков стал слышен человеческий голос. Роза ускорила шаги, с каждым вздохом с ее губ срывалось имя:

— Джекоб, Джекоб, Джекоб.

Уилл не знал, что происходит между Рукенау и Стипом, — они были слишком далеко от него, и канаты мешали смотреть, — но последствия он видел. Вся эта сложная структура не была рассчитана на борьбу, которая сейчас на ней происходила. Канаты вырывались из крепежа в стене, обрушивая град земляных комьев. Их сменяли движение и свет, лучи которого освещали картину разрушения. Те места, где мебель была особенно тяжелой, ломались первыми. С треском рухнул стол, который увлек за собой две самые крупные платформы — они щепками разлетелись по сотрясавшемуся полу. Здесь тоже появились трещины, и столбы взбаламученных лучей добавились к общему рассеянному свету. Больше чем к свету — к жизни. Именно это и видел Уилл в бликующих цветах: биение и мерцание живых тварей.

Канаты и платформы продолжали падать, и наконец он увидел Джекоба и Рукенау. Он подумал, что именно так их мог бы изобразить Томас Симеон: два призрака, сошедшиеся в поднебесье в схватке не на жизнь, а на смерть. Рукенау ни за что не покорится судьбе. Он ловко избегал Стипа. Но Джекоб не собирался упустить добычу. Он неожиданно упал на колени, ухватился за один из оборванных канатов, на котором они оба раскачивались, и затряс его с такой силой, что Рукенау нырнул головой вниз. Уилл видел, как взметнулась рука Джекоба с зажатым в ней ножом навстречу груди врага, и хотя оружия он не различил, но по воплю, сорвавшемуся с губ Рукенау, понял, что удар достиг цели. Рукенау начал падать, но успел схватить своего палача, они полетели вниз вместе и, прорвав сеть, рухнули на пол.

Дом Мира сотрясся. Роза остановилась и издала тихое рыдание.

— О господи... — выдохнула она. — Что же ты наделал?

— Что случилось? — спросила Фрэнни.

Ответа она не получила, но теперь, чтобы понять, где Стип, ей не нужна была Роза, потому что она сама слышала этот безошибочно узнаваемый голос.

— Ну что, конец тебе? — говорил он. — Конец?

Роза плелась впереди Фрэнни, которая прошла за ней через узкую дверь в забитый мусором коридор. Роза несколько раз падала на пути к цели, но тут же вставала, а теперь из коридора попала в хаос, где обитал Рукенау. Фрэнни следовала за ней по пятам.

Уилл краем глаза уловил движение и смутно осознал, что кто-то вошел, но не мог оторвать взгляд от двух фигур, чтобы понять, кто именно.

Джекоб поднялся на ноги и стал выдираться из канатов, в которых запутался, когда

падал. А вот у Рукунау уже не было шансов подняться. Хотя он был жив, все тело подергивалось, нож Джекоба торчал из груди, а кровь обильно текла из раны. Грязные жилет и рубашка пропитались кровью, вокруг расплзалась лужа.

Уилл был вне поля зрения Джекоба, но знал, что долго это не продлится. Стоит нилотику бросить взгляд в его сторону, и он тут же займется Уиллом и закончит свою работу. И хотя отвести взгляд было нелегко, он все же отвернулся и пошел прочь, выбрав ту дверь, через которую Тед отправился на поиски жены. И только добравшись до двери, решил оглянуться и посмотреть, кто же только что вошел. Он увидел Фрэнни и Розу. Но они не смотрели на него — их взгляды были прикованы к Рукунау, который корчился на полу.

Наконец это зрелище утомило Джекоба, и он поднял глаза на Уилла. Очень медленно покачал головой, словно говоря: неужели ты думал, что сможешь уйти от меня? Уилл не стал ждать, когда это существо набросится на него. Он побежал.

Процесс, начавшийся в комнате Рукунау, распространялся повсюду: стены сбрасывали слои нечистот, под которыми обнажалась жизнь. Но Уилл понял, что происходит и что-то еще, более пугающее. Стены, из чего бы они ни были сделаны, стали прозрачными. Он видел справа и слева комнаты, в которых еще не успел побывать: их тоже достигла весть об освобождении. Дом заявлял о своем величии. Неудивительно, что Джекоб задрожал, вспомнив ледяной дворец Еропкина; именно это он смутно вспоминал в той морозной спальне. Сооружение исключительной прозрачности, рядом с которым ледяной дворец казался жалким и ничтожным.

Перед Уиллом теперь было место, о котором суеверно упоминал Рукунау, когда говорил о том, как потерялась жена Теда. Увидев перед собой источник — сердце, он испытал то же чувство, что и на Спрюс-стрит, только в сотни раз сильнее. Известия о мире приходили к нему, как вспышка света из разошедшихся туч, набирающая силу по мере того, как тучи рассеиваются. Наверное, он скоро ослепнет. Но пусть будет что будет. Он станет смотреть, пока глаза видят, и слушать, пока уши слышат.

Откуда-то сзади донесся окликающий его голос нилотика:

— Зачем ты убегаешь? Здесь тебе негде спрятаться.

Так оно и было. Теперь не осталось ни малейшей возможности скрыться. Но это невеликая цена за ту благодать, что он получил в этом чудесном месте. Он оглянулся — Стип был всего в двадцати ярдах. Уиллу показалось, что внутри человеческого тела он видит двигающуюся форму нилотика, словно разложившуюся плоть Стипа настиг процесс, охвативший все вокруг.

Уилл подумал, что с его собственным телом происходит то же самое. Он чувствовал, как лис, *vulpes vulpes*,¹ дает о себе знать у него внутри, словно начинается охота. Последнее первобытное изменение перед бегством в огонь. А почему нет? В мире подобные чудеса совершаются ежедневно, ежеминутно: яйцо — в цыпленка, семя — в цветок, личинка — в муху. А теперь: человек — в лиса? Возможно ли это?

«О да, — ответил Дом Мира. — Да, и да, и всегда да...»

Роза остановилась недалеко от Рукунау, дожидаясь, когда закончатся судороги. Наконец это случилось. Теперь он лежал неподвижно, только грудь еле-еле вздымалась, глаза устремились на нее.

— Не... подходи... ко... мне... — сказал он.

Роза восприняла его слова как намек приблизиться и стала в ярде от Рукунау. Казалось, он боится, что она причинит ему вред, потому что, собрав остатки сил, он закрыл лицо руками. Но Роза не делала попытки к нему прикоснуться.

— Я так давно здесь не была, — сказала она. — А кажется, всего год или два. Это потому, что мы подошли к концу всего? Наверное, так и есть. Мы подошли к концу, и ничто из того, что было раньше, уже не имеет значения.

Ее слова как будто нашли отклик у Рукунау: в его глазах показались слезы.

¹ Лисица обыкновенная (лат.) .

— Что я сделал с тобой? — сказал он. — О боже.

Он закрыл глаза, и слезы побежали по щекам.

— Я не знаю, что ты сделал, — ответила Роза. — Я только хочу, чтобы все кончилось.

— Тогда ступай к нему. Иди к Джекобу — он тебя исцелит.

— Что ты хочешь этим сказать?

Руkenaу снова открыл глаза.

— Что вы — две половинки одной души, — сказал он.

Она не поняла, покачала головой.

— Понимаешь, вы доверяли мне, говорили, что такого общества, как я, у вас не было двести лет. — Он отвел от нее глаза и стал смотреть куда-то вверх. — А завоевав ваше доверие, я вас усыпил, произнес заклинания и разрушил ваше сладкое единение, разделив вас на две части. Ах, как я гордился собой, казался себе Богом. «И сотворил мужчину и женщину».

Роза издала низкий стон.

— Так Джекоб — это часть меня? — сказала она.

— А ты — часть его, — пробормотал Руkenaу. — Ступай к нему и исцели вас обоих, пока он не совершил столько зла, что и сам не сможет сосчитать.

В коридоре перед Уиллом на корточках стоял человек, прижав ладони к глазам, словно чтобы не видеть того, что открывается взгляду. Конечно, это был Тед.

— Что ты здесь делаешь, черт побери? — сказали ему Уилл и лис.

Тот не отважился отвести ладони от глаз. По крайней мере, пока Уилл этого не потребовал.

— Тут нечего бояться, Тед, — сказал он.

— Вы шутите? — спросил Тед, открывая глаза ровно настолько, чтобы убедиться, что перед ним Уилл. — Вы только посмотрите: дом рушится на наши головы.

— Значит, тебе нужно как можно быстрее найти Диану. Но ты ее не найдешь, если будешь здесь сидеть. Вставай и иди, бога ради.

Пристыженный Тед поднялся на ноги, правда, глаза только слегка приоткрыл. Но и так он не мог сдержать дрожь, проходившую по его телу при виде того, что срывается со стен.

— Что это такое? — выговорил он сквозь рыдания.

— Хватит болтать! — оборвал его Уилл, зная, что Стип с каждой секундой приближается. — Шевелись.

Даже если б у них было время обсудить происходящее, Уилл сомневался, что для этого существовало какое-то объяснение, понятное обоим. Уилл знал одно: нилотик построил непостижимый дом. Какими средствами он это сделал, было выше его понимания, но в конечном счете это не имело такого уж большого значения. Перед ним было творение высшего существа — вот единственное, что было важно. Благородный каменщик создал храм, равному которому не освящал ни один жрец. Хотя глаза Уилла едва различали то, что делалось кругом, он знал, что видит. Тигра и навозного жука, комариное крылышко и водопад. Возможно, вовсе не Дом, а его мозг смел все различия, мозг, который разрушился бы от избыточности того, что содержалось в этих разбухающих сгустках жизни, если бы осознал их во всех подробностях.

— Это такое... величественное безумие... — выдохнул он, шагая рядом с Тедом к источнику.

Вдруг из этого безумия возникла фигура: это была женщина, в одной руке она держала ветку, отяжелевшую от винных ягод, а другой сжимала огромную семгу, которая билась и переливалась, словно ее только что выудили из реки.

— Диана? — неуверенно сказал Тед.

Это была она. Увидев мужа, косматого, в слезах, Диана уронила свои находки и пошла к нему, раскинув руки.

— Тед? — спросила она, словно не веря своим глазам. — Это ты?

В других обстоятельствах она показалась бы обычной женщиной. Но свет любил ее. Он прилипал к ней, как и ее влажные одежды, обтекал пышные груди, играл в паху, на губах и в глазах.

«Неудивительно, что это место так ее привлекало, — подумал Уилл. — Благодаря ему она засияла, а оно щедро дарило ей благодать».

Эта женщина, конечно, не была вечной, так же как рыба и винные ягоды. Но в пространстве между рождением и небытием жизнь под названием Диана обрела красоту.

Тед побоялся обнять ее. Он стоял, глядя на то, что видел перед собой.

— Ты моя жена? — спросил он.

— Да, я твоя жена, — ответила она.

Все это ее явно забавляло.

— И ты пойдешь со мной отсюда? — спросил он.

Она бросила взгляд туда, откуда пришла.

— А ты уходишь?

— Мы все уходим.

Диана кивнула.

— Да, пожалуй... Я пойду с тобой, — сказала она. — Если ты этого хочешь.

— Ах! — Он схватил ее за руку и обнял. — Боже мой, Диана. Спасибо. Спасибо.

«Мы должны торопиться, — пробормотал лис в голове Уилла. — Стип совсем рядом».

— Мне нужно идти, — сказал он и похлопал Теда по плечу, проходя мимо.

— Не ходите туда, — предостерегла Диана. — Вы потеряетесь.

— Этого я не боюсь.

— Но это невыносимо. Поверьте мне — невыносимо.

— Спасибо за предупреждение, — сказал он ей, на ходу ухмыляясь Теду.

И двинулся в самое сердце Дома.

XV

1

Фрэнни не пошла за Стипом с Розой. Она осталась в комнате Рукенау, удивленно наблюдая за стенами, которые избавлялись от наслоений. Это было не самое безопасное место: корка со стен, канаты и мебель все время падали сверху. Но она и не пыталась найти укрытие, ей хотелось рискнуть и остаться здесь. Увидеть все до конца, каким бы сильным ни стал этот диковинный дождь.

Ее присутствие не осталось незамеченным. Когда Роза ушла, Рукенау повернул голову к Фрэнни и, остановив на ней плавающий взгляд, спросил, нашла ли Роза Джекоба. Пока нет, ответила Фрэнни. Она видела, как та, о ком спрашивал Рукенау, шествует между обнажающихся стен за Джекобом. Видела и Джекоба, который шел, заливаемый ярким светом. Но в первую очередь ее интересовал Уилл, находившийся дальше от нее, чем эти двое, но благодаря какой-то иллюзии — то ли места, то ли зрения — она видела его резче, чем Джекоба и Розу, его силуэт четко просматривался в обретающем прозрачность воздухе.

«Я теряю его, — подумала Фрэнни. — Он уходит от меня, и больше я его никогда не увижу».

Человек, лежавший перед ней на земле, заговорил:

— Подойди ближе. Как тебя зовут?

— Фрэнни.

— Фрэнни. Послушай, Фрэнни, ты можешь немного приподнять меня? Я хочу видеть моего нилотика.

Разве она могла ему отказать? В таком состоянии он не причинит ей зла. Фрэнни опустила на колени и подвела под него руку. Он был тяжелый и весь липкий от крови, но

она чувствовала в себе силу и не была брезгливой, а потому без труда приподняла Рукенау, чтобы он мог смотреть сквозь покровы Дома.

— Вы видите его? — спросила Фрэнни.

Он выдавил кровавую улыбку.

— Я их вижу. А третий кто — Тед или Уилл?

— Это Уилл.

— Кто-нибудь должен его предупредить. Он не знает, чем рискует, заходя так глубоко.

В холодной топке мира Уилл услышал голос Стипа, который его окликнул. Было время, когда он восторженно обернулся бы на этот зов, был бы счастлив увидеть это лицо. Но сейчас повсюду было гораздо более привлекательное зрелище: существа, очертания которых еще не определились, на его глазах обретали форму. Стайка рыб-попугаев бросилась ему в лицо, волна фламинго окрасила небо, он шел вдоль поля, по колено погружаясь в скопление выдр и гремучих змей.

— Уилл, — снова позвал Стип.

Он не обернулся.

«Если это существо заколет меня сзади — так тому и быть. Я умру, видя перед собой праздник жизни».

Камень перед ним раскололся надвое, и оттуда хлынуло множество цыплят и обезьян; вокруг него выросло дерево, словно он был его устремляющимся кверху соком, и, выбросив над ним крону, расцвело полосатыми кошками и черными воронами.

И, впитывая в себя все это, он ощутил руку Стипа на своем плече, его дыхание на своей шее. В последний раз Джекоб произнес его имя. Он ждал *coup de grace*,¹ а дерево становилось все выше и, сбросив свои великолепные плоды, зацвело снова.

Рокового удара не последовало. Рука Стипа соскользнула с его плеча, и Уилл услышал голос лиса:

— Нет, я думаю, тебе стоит на это посмотреть.

Он не послушался бы никакого другого голоса. Оторвав на мгновение глаза от открывшегося перед ним зрелища, он бросил взгляд в сторону Стипа. Тот больше не смотрел на Уилла. Он и сам развернулся и пристально смотрел на фигуру, которая двигалась за ним следом по всему Дому. Это была Роза, но она менялась на глазах. Уиллу показалось, будто она стала необыкновенно красивым лоскутным ковром. Конечно, та женщина, которую он знал прежде, с изысканными чертами и соблазнительными формами, все еще была видна, но сияние, которое исходило из нее в доме Доннели, а теперь обильно истекало из ее раны, стало гораздо заметнее, и в этом свете все ярче проявлялось то, что было у нее внутри.

Уилл услышал голос Стипа:

— Не подходи ко мне.

Но в нем не было ни категоричности, ни уверенности, что его требование будет выполнено. Роза по-прежнему приближалась к нему, медленно, с любовью: руки раскинуты и чуть приподняты, словно в подтверждение невинности ее намерений. И возможно, это и была невинность. А может быть, ее последний самый коварный обман: изобразить уступчивую жену, купающуюся в лучах света, отдающуюся на его милость. Если так, то ее уловка сработала. Он не стал защищаться, позволил свету окутать его и растворился в нем.

Уиллу показалось, что он видит, как дрожь проходит по телу Стипа, словно тот вдруг понял, что обманут, и попытался стряхнуть с себя наваждение. Но было слишком поздно. Тот человек, которым он был, перестал существовать, его истончающуюся форму расплосовывал свет, обнажая зеркальное отражение лица, с которого исчезали последние признаки сходства с Розой. Уилл видел, как ее человеческое лицо улыбается, растворяясь, и теперь глазам Уилла предстал нилотик во всем его несравненном совершенстве, он двигался через круговое слияние света, чтобы соединиться с тем, что было внутри Стипа. Это и была

¹ Удар милосердия (*фр.*) , при котором смертельно или тяжело раненного и не оказывающего сопротивления противника добивают, чтобы прекратить его мучения.

последняя разгаданная тайна. Джекоб и Роза не были разными существами, каждый из них — часть нилотика, забывшая, чем она была когда-то. Они жили среди людей, присвоив себе чужие имена, они научились жестоким повадкам, свойственным своему полу, наблюдая за окружающим миром. Раздельно они существовать не могли, а будучи рядом, испытывали мучения оттого, что их близость недостаточна.

«Нет, ты посмотри, что ты сделал...» — услышал Уилл в своей голове голос лиса.

— Что я сделал?

«...ты освободил меня».

— Постой, не уходи пока.

«О господи, Уилл, мне нужно идти».

— Побудь со мной немного. Останься. Прошу тебя.

Он услышал, как лис вздохнул.

«Ну, что ж, — сказал зверь, — разве что ненадолго...»

Рукунау задрожал.

— Они теперь одно? — спросил он. — Я что-то плохо вижу.

Фрэнни онемела от удивления. Одно дело слышать, как Рукунау рассказывает о том, что он разделил нилотика, и совсем другое — увидеть, как все вернулось на свои места.

— Ты меня слышишь? — повторил Рукунау. — Они теперь одно?

— Да, — пробормотала она.

Рукунау осел у нее на руках.

— Господи милостивый, какие преступления я совершил против этого существа, — сказал он. — Ты простишь меня?

— Я? — не поняла Фрэнни. — Вам ни к чему мое прощение.

— Я приму прощение, кто бы его ни дал, — ответил Рукунау. — Пожалуйста.

Он был при смерти, голос звучал так слабо, что Фрэнни с трудом разбирала слова. Она понимала, что он просит о последней услуге. И если она может его утешить, то почему бы не сделать это? Она приникла к Рукунау, чтобы он расслышал.

— Я прощаю вас, — сказала Фрэнни.

Он едва заметно кивнул, и на мгновение его взгляд застыл на ее лице. Потом глаза Рукунау перестали видеть, и его жизнь закончилась.

Полосы света, в которых воссоединился нилотик, стали рассеиваться, и это существо повернулось к Уиллу и посмотрело на него. Уилл подумал, что Симеон неплохо изобразил нилотика. Он смог передать изящество этого существа. Вот только нездешняя гармония пропорций не удалась Симеону, этот легкий налет инаковости, немного пугавший Уилла: не захочет ли это существо причинить ему зло?

Но когда оно заговорило, все страхи исчезли.

— Мы прошли вместе такой долгий путь, — сказала оно медоточивым голосом. — Что ты собираешься делать теперь?

— Я хочу пойти немного дальше, — сказал Уилл, бросая взгляд через плечо.

— Не сомневаюсь, — сказал нилотик. — Но поверь мне: это будет неблагоприятно с твоей стороны. Каждый шаг, сделанный вглубь, приближает нас к сердцу мира. Ты перестанешь быть самим собой, а в конечном счете потеряешь себя.

— Меня это не волнует.

— Но это волнует тех, кто тебя любит. Они будут скорбеть о тебе сильнее, чем ты можешь представить. Я не хочу быть в ответе за самую малую слезинку.

— Мне бы увидеть еще немного, — сказал Уилл.

— Что значит «немного»?

— Решай сам, — сказал Уилл. — Я поговорю с тобой и поверну назад, когда ты скажешь, что пора.

— Я не вернусь назад. Я собираюсь уничтожить дом и начну с его сердца.

— И куда пойдешь потом?
— Прочь. От мужчин и женщин.
— Разве еще остались такие места?
— Ты удивишься, узнав, как их много, — сказал нилотик и, миновав Уилла, двинулся в глубь тайны.

Нилотик не запретил Уиллу следовать за ним, а приглашения ему и не требовалось. Он осторожно двинулся по пятам нилотика, словно рыба, идущая на нерест вверх по реке, через пороги, которые Уиллу не удалось бы преодолеть живым, если б нилотик впереди него не рассекал воду. Но он и так быстро осознал правоту нилотика. Чем дальше они уходили, тем больше Уиллу казалось, что идет он не среди отражений мира, а по самому миру, его душа превратилась в благодатную нить, ведущую в тайны этого мира.

Он вместе со сворой тяжело дышавших собак лежал на холме, оглядывая долины, где паслись антилопы. Он маршировал с колонной муравьев и трудился без устали в муравейнике, пересчитывая яйца. Он танцевал брачный танец с шалашницей и спал на теплом камне с такими же ящерицами, как он. Он был облаком. Он был тенью облака. Он был луной, которая отбрасывала тень облака. Он был слепой рыбой. Он был косяком рыб. Он был китом. Он был морем. Он был властелином всего, что видел. Он был гельминтом в помете хищника. Он не скорбел, зная, что его жизнь продлится еще день или час. Он не задавал себе вопрос, откуда он взялся. Он не хотел быть иным. Он не молился. Он не надеялся. Он просто был. И был. И был. И в этом была радость — в бытии.

Где-то на пути, вероятно, среди облаков, среди рыб, он потерял из вида своего проводника. Существо, которое в человеческой инкарнации было и его мучителем, и его создателем, ускользнуло и исчезло из его жизни навсегда. Он смутно почувствовал его уход и понял, что это знак: остановиться и повернуть назад. Нилотик доверил Уиллу самому решать свою судьбу, и на плечах Уилла лежала ответственность не злоупотреблять этим подарком. Не ради него самого, а ради тех, кто будет скорбеть, если его потеряет.

Это была трезвая мысль. Но эмоции захлестывали Уилла, и он не мог руководствоваться доводами разума. Как отвернуться от всего этого великолепия, если он увидел лишь самую малость?

И он пошел дальше, туда, куда осмеливались ходить лишь те, кто мог с закрытыми глазами найти путь домой.

2

«Я свидетельница», — подумала Фрэнни.

Вот что я должна делать теперь: наблюдать, что происходит, и запоминать, чтобы все рассказать, когда это дивное зрелище исчезнет.

А оно непременно исчезнет. С каждым мгновением это становилось все очевиднее. Первым признаком того, что Дом скоро обрушится, были хлынувшие на нее струи холодного дождя. Потолок в комнате Рукунау стал пропадать, а живые формы, сошедшие с него, — исчезать. Они не растаяли, просто исчезли, и на их месте возникла более привычная обстановка. Правда, у Фрэнни появилось искушение поверить, что они сохранились вокруг, просто ее органы чувств перестали их воспринимать. Она не слишком расстроилась. Хотя серые тучи, проливающиеся таким же серым дождем, вдохновляли гораздо меньше, чем исчезнувшее великолепие, зато они были гораздо привычнее. Но Фрэнни не хотела сосредотачиваться на дожде, боясь, что пропустит что-то удивительное.

Стены отступали, как и потолок, исчезала слой за слоем мерцающая прозрачность. Эта клубящаяся серебряной жизнью стена была укрощена до обычного моря, другая, зеленая и сверкающая, — до короны Кенавары. Только что здесь были птицы — полярные чайки, бакланы, вороны, а под ногами ее глаза различали жизни глубоко под землей: это были семена, черви, но скоро и это видение исчезло, и теперь Фрэнни смотрела на жижу экскрементов, в которую дождь превратил обломки Дома.

«Запомни это, — сказала она себе, стоя на коленях в грязи. — Всех этих существ, видимых и невидимых, вокруг и повсюду, — запомни. В твоей жизни будут дни, когда тебе захочется вернуть это ощущение, постигнуть, что все, исчезнувшее с лица земли, на самом деле никуда не исчезло — просто стало невидимым».

На вершине утеса вместе с ней оказалось больше людей, чем она могла предположить; Фрэнни решила, что все они освободились из Домуса Мунди. Тут был старик, который стоял под дождем ярдах в двадцати от нее и выкрикивал приветствия небесам. Тут была женщина на несколько лет старше ее, и она уже шла с мыса в глубь острова, словно опасаясь, что если не уйдет с утеса, то снова окажется в заточении. Тут была молодая пара — они бесстыдно обнимались и целовались со страстью, которую не мог охладить даже ледяной дождь.

И еще она увидела Уилла. Значит, он не ушел туда, куда отправилось существо, построившее Дом. Остался здесь и теперь стоял, глядя в море стеклянными глазами. Она поднялась и направилась к нему, бросив взгляд на Рукенау. Фрэнни удивилась тому, что увидела. Плоть Рукенау, покинувшая колыбель Дома, теперь сдалась его истинному возрасту. Кожа растрескалась, и сильный дождь сбивал ее с высохших мышц. Кровь текла из тела, которое напоминало куклу, сделанную ребенком из папье-маше и раскрашенную, а потом, когда игра наскучила, выброшенную в грязь. На ее глазах провалилась грудь, а внутренности стали желеобразными. Фрэнни отвела взгляд, зная, что, когда посмотрит на Рукенау в следующий раз, напитавшаяся влагой земля уже примет его.

«Что ж, это не самый плохой способ исчезнуть», — подумала она и двинулась к Уиллу.

Он смотрел не на море, как показалось ей сначала. Хотя его глаза были широко открыты, а когда она позвала, Уилл издал гортанный звук, который она поняла как ответ, его мысли были где-то далеко: что-то полностью захватило его внимание.

— Пожалуй, нам пора, — сказала Фрэнни.

На этот раз Уилл вообще не отреагировал, но, когда она взяла его под руку, пошел с ней (не вслепую, хотя и ничего не видя перед собой), через грязь и дождь к лугам.

Когда они добрались до машины, дождь над островом уже прошел и направился дальше — в сторону Америки. Приближался вечер. В домах Баррапола виднелся свет, а между рваными кромками туч появились звезды. Без возражений со стороны Уилла она усадила его на пассажирское сиденье (он словно пребывал в трансе, реагируя только на самые простые просьбы), потом дала задний ход, пока машина не выехала на дорогу и сквозь быстро сгущающиеся сумерки поехала в Скариниш. Завтра будет паром, и к вечеру они вернутся на большую землю, а на следующее утро (если она поедет ночью) — домой. Думать о том, что будет потом, Фрэнни не хотелось, все мысли крутились вокруг чашки чая на своей кухне и теплой постели. Только вернувшись домой, она станет думать о том, что видела, чувствовала и выстрадала после возвращения в ее жизнь мужчины, который сейчас сидел рядом на пассажирском сиденье.

XVI

Следующий день прошел так, как Фрэнни и предполагала. Они провели нелегкую ночь в машине у Скариниша, а в полдень погрузились на паром курсом на Обан. Единственной проблемой по пути на юг была усталость, с которой Фрэнни справлялась с помощью огромного количества кофе. Но усталость все равно одолевала, и, когда Фрэнни наконец добралась домой в четыре часа ночи, мысли у нее путались. Что до Уилла, то он так и пребывал в трансе после разрушения Дома. Фрэнни знала, что он отдает себе отчет в ее присутствии, так как отвечает на вопросы, если они простые («Хочешь сэндвич?», «Хочешь чашечку кофе?»), но видел он перед собой совсем не тот мир, который видела она. Уилл с трудом нащупывал протянутую ему чашку, а потом все равно проливал половину на себя. Если она давала ему еду, он ел механически, словно его тело совершало движения без помощи разума.

Фрэнни знала, что именно не выходит у него из головы. Он все еще оставался в плену у

Дома или воспоминаний о нем. Она старалась не упрекать Уилла за его отстраненность, но это было нелегко, когда насущные проблемы требовали напряжения всех сил. Фрэнни чувствовала себя брошенной — другого слова у нее не находилось. Уилл не обращал внимания на окружающий мир, а она была напугана, на грани изнеможения, и от этого плохо соображала. Когда люди узнают, что она вернулась, ей придется отвечать на вопросы, трудные вопросы. Фрэнни хотелось, чтобы Уилл помог ей сформулировать ответы. Но никакие слова не могли вывести его из этого состояния: он смотрел куда-то перед собой и видел сны о Домусе Мунди.

Но впереди было еще худшее предательство. Когда Фрэнни проснулась на следующее утро, проведя четыре блаженных часа в собственной постели, то обнаружила, что кушетка, на которую она положила Уилла, пуста: он ушел, оставив входную дверь настежь открытой. Фрэнни пришла в ярость. Да, он был свидетелем многого из того, что происходило в Доме, но ведь и она видела кое-что, однако не отправилась бродить куда-то посреди ночи.

После завтрака она позвонила в полицию, чтобы сообщить о своем возвращении. Они приехали через три четверти часа и забросали ее вопросами о том, что произошло в доме Доннели. Полицейским казалось странным ее бегство с места смерти Шервуда, возможно, они даже посчитали это признаком помешательства, но не доказательством ее вины. У них уже было три подозреваемых: двое неместных, которых видели вблизи дома Доннели за два или три дня до убийства. Она была рада назвать их, дать подробное описание. Да, она уверена, что это была та самая пара, мучившая Уилла, ее брата и ее саму много лет назад. Полиция в первую очередь хотела знать, что могло связывать Шервуда и этих двоих, которые обосновались в доме Доннели. Она ответила, что не знает. Она последовала туда за братом, собираясь отвести его домой, но, войдя, увидела напавшего на него Стипа. Она пустилась за ним в погоню. Да, это было глупо. Конечно, конечно. Но она потеряла голову от потрясения и злости. Они должны ее понять. Она могла думать только об одном: найти человека, который убил ее брата, и отомстить.

Детективы хотели знать, как далеко ей удалось за ним проследить. Тут она откровенно солгала. Только до Лейк-Дистрикта, сказала Фрэнни. Там она их потеряла.

Наконец тот детектив, что постарше, по имени Фаради, стал задавать вопросы, которых она давно ждала.

— Какое отношение ко всему этому имеет Уилл Рабджонс, черт побери?

— Он поехал со мной, — ответила она просто.

— А с какой стати? — спросил детектив, внимательно на нее глядя. — Ностальгия?

Фрэнни ответила, что не понимает, к чему он клонит, и на это детектив сообщил, что, в отличие от обоих его коллег, ему известно, что здесь случилось много лет назад. Именно он тогда пытался вытянуть правду из Уилла. Ему это не удалось, признался он. Но хороший полицейский — а он считает себя хорошим полицейским — никогда не закрывает дело, если остались вопросы. А в этом деле оставалось столько вопросов, сколько ни в одном другом из тех, что он вел. Поэтому он еще раз спрашивает: что же произошло, что заставило их с Уиллом снова встретиться в этом деле? Фрэнни изобразила непонимание, чувствуя, что Фаради, невзирая на всю настойчивость, не стал ближе к разгадке, чем тридцать лет назад. Возможно, у него и есть подозрения, но, если они похожи на правду, вряд он поставит в известность своих коллег. Истина была слишком далека от обычного хода следствия, она находилась там, куда люди вроде Фаради отваживались заглядывать только в глубине души. Хотя он продолжал настаивать, она давала лишь обтекаемые ответы, и в конце концов детектив сдался, не желая самостоятельно составлять общую картину этой головоломки. Он, конечно, хотел знать, где сейчас Уилл, но Фрэнни честно сказала, что не знает. Он исчез из ее дома сегодня утром и теперь может находиться где угодно.

Ничего не добившись, Фаради предупредил, что этот допрос не последний. Придется проводить опознания, когда или если преступники будут обнаружены. Фрэнни пожелала ему

удачи, и он удалился. Остальные последовали за ним.

Допрос продолжался почти весь день, остатки которого она посвятила скорбному занятию — организации похорон Шервуда. В хоспис в Скиптоне она отправится завтра, узнает у врачей, стоит ли сообщать печальную весть матери. А пока нужно переделать множество дел.

В начале вечера, услышав стук, она открыла дверь и увидела Хелен Моррис — надо же! — которая пришла выразить ей соболезнования. Хелен никогда не была ей близким другом, и у Фрэнни закралось подозрение, что та заявила, чтобы что-нибудь вынюхать, но она все же обрадовалась. Пусть это мелочь, но Фрэнни было приятно, что Хелен, одна из самых строгих женщин в деревне, не посчитала зазорным провести с ней несколько часов. Что бы люди ни думали о происшествии в доме Доннели, никто не считал Фрэнни виноватой в смерти брата. И ей пришло в голову, что, пожалуй, она должна пойти навстречу Хелен и другим, кто ломает голову над этой загадкой. Что, может быть, через месяц-другой, когда она почувствует себя увереннее, как-нибудь во время воскресной службы расскажет им всю печальную и прекрасную правду. Может, если она сделает это, никто не захочет с ней разговаривать. Может, она станет местной сумасшедшей. И может, такую цену стоит заплатить.

XVII

Выбравшись на холмы, Уилл пошел дальше по холодным склонам, а мысли его были далеко. Он погружался в пучину океана и плавал там с существами, которые еще не были известны науке и названы. Его, словно крошечное насекомое, переносило через горные вершины, и племена, обитавшие внизу, считали, что в горах обитают божества. Но теперь он знал правду. Создатели мира вовсе не удалились на горные вершины. Они повсюду. Они были камнями, деревьями, столбами света и дающими росток семенами. Они были изломанными сущностями, умирающими сущностями и всем, что возникало из умирающих и изломанных сущностей. И он был там, где были они. Лис, Бог и существо между ними.

Он не испытывал ни чувства голода, ни сонливости, хотя на его пути попадались животные, которых донимало и то и другое. Иногда ему казалось, что он присутствует в снах спящих животных. В снах об охоте. О совокуплениях. Казалось, что и он сам — сон, сон животного о человеке. Возможно, собаки во сне лаяли, почуяв его, а цыпленок в яйце начинал беспокоиться, когда Уилл приносил ему весть о свете. А может быть, он был всего лишь оболочкой собственных робких мыслей, в которых родилось это путешествие, чтобы не возвращаться, никогда не возвращаться в город Раджонса и в дом Уилла.

Время от времени он пересекал лисью тропу, но скорее шел дальше, чтобы животное не успело попрощаться с ним и исчезнуть. Но где-то на пути — кто знает, сколько дней прошло? — он увидел существо на заднем дворе дома, показавшегося ему знакомым. Оно сунуло голову в кучу мусора и с энтузиазмом ее перерывало. Уилл знал места и получше, а потому не хотел останавливаться и уже собирался отправиться дальше, но тут лис поднял грязную морду.

— Помнишь этот двор?

Уилл не ответил.

Он давно ни с кем не разговаривал, и ему не хотелось начинать. Но у лиса готов был ответ.

— Это дом Льюиса. Поэта, — напомнил лис.

Уилл не забыл этот двор.

— Ты здесь, если верить слухам, видел енота, который делал то же самое, что я теперь. Наконец Уилл нарушил молчание.

— Да, видел, — сказал он.

— Видел. Но ты здесь не поэтому.

— Не поэтому, — согласился Уилл, осознавая важность момента.

— А знаешь почему?

— Да, боюсь, что знаю.

Сказав это, он вышел со двора на улицу. Было начало вечера, небо еще освещало зарево на западе. Он прошел по Кумберленду в Ноу-Вэлли, потом по 19-й и на Кастро-стрит. На тротуарах уже было полно народа, и он решил, что сегодня пятница или суббота — день, когда люди после рабочей недели позволяют себе расслабиться в городе.

Он не знал, в какой ипостаси здесь прогуливается, но скоро и это стало ясно. Он был никто. Он был ничто. Он шел вверх по Кастро, но ни один человек не удостоил его взглядом, даже презрительным. Он шел незамеченным среди красавчиков и любителей красавчиков (а кто здесь не был тем или другим?), среди туристов, приехавших посмотреть, что такое гомосексуальный рай, среди темных личностей, проверяющих свои штаны и отражения в окнах, среди королей навеселе, которые высказывались по поводу всего, что видели, среди несчастных больных, которые вышли на улицу, потому что опасались, что больше не увидят ни одной веселой ночи. Он прошел через эту толпу, как призрак, которым он, вероятно, и стал, и ноги принесли его наконец к дому на самой вершине, где жил Патрик.

«Я пришел, чтобы увидеть, как он умирает», — понял Уилл.

Он оглянулся: не обнаружится ли где следов лиса, но эта лживая тварь, приведя его сюда, теперь куда-то исчезла — и носа не показывала. Он остался один на один с тем, что ему предстояло. Уилл поднялся по ступеням и оказался в холле. Здесь он остановился на минуту, собираясь с мыслями. В последнее время он не заходил в человеческие жилища — это было первое, и оно показалось ему похожим на гробницу: безмолвные стены, крыша, закрывающая небо. Ему захотелось развернуться и выйти, снова оказаться на открытом воздухе. Но когда он двинулся вверх по лестнице к квартире Патрика, воспоминания стали возвращаться. Когда-то, поднимаясь по этой лестнице, он начинал раздевать Патрика — ему так не терпелось это сделать, что он не мог дождаться, когда тот вставит ключ в скважину своей двери; он перешагивал через порог и вытаскивал рубаху любовника из брюк, расстегивал на нем ремень, говоря Патрику, как он прекрасен, как все в нем совершенно — грудь, соски, живот, член. На Кастро не было еще такого красавца; и никто другой не желал его в ответ с такой страстью.

Он уже был у двери, вошел, направился к спальне. Там кто-то жалобно плакал. Он помедлил, прежде чем войти, боясь того, что может увидеть. Потом услышал голос Патрика.

— Пожалуйста, прекрати, — мягко сказал он. — Это так угнетает.

«Я не опоздал», — подумал Уилл и, открыв дверь, вошел в комнату.

У окна стоял Рафаэль, послушно вытирая слезы. Адрианна сидела на кровати, глядя на своего пациента, перед которым стояла тарелка с ванильным пудингом. Состояние Патрика заметно ухудшилось после отъезда Уилла в Англию. Он еще больше похудел, бледность приобрела болезненный оттенок, глаза, обведенные синими кругами, запали. Ему нужно было выспаться — он с усилием держал глаза открытыми, лицо осунулось от усталости. Но Адрианна настаивала, чтобы он сначала поел, что он и делал, добросовестно выскребывая ложкой тарелку, чтобы не осталось сомнений — он съел все.

— Я доел, — сказал он наконец.

Голос звучал не слишком четко, Патрик клевал носом, словно мог уснуть с ложкой в руке.

— Ну-ка, давай я заберу это у тебя, — сказала Адрианна.

Она взяла тарелку и ложку и положила на прикроватный столик, где выстроились пузырьки с лекарствами. Уилл видел, что на некоторых нет крышечек. Все были пусты.

У Уилла от нехорошего предчувствия сжалось сердце. Он посмотрел на Адрианну, которая, несмотря на стоическое выражение лица, с трудом сдерживала слезы. Нет, она уговаривала Патрика доесть не какой-то обычный ужин. И в этой тарелке был не простой пудинг.

— Как ты? — спросила она Патрика.

— Хорошо... Голова немного кружится, а так хорошо. Это не лучший из пудингов,

какие мне доводилось есть, но бывали и похуже.

Голос у него стал тонкий, напряженный, но он изо всех сил старался говорить ровно.

— Это неправильно, — сказал Рафаэль.

— Не заводи свою пластинку, — сурово оборвала Адрианна.

— Это то, чего я хочу, — твердо сказал Патрик. — Если тебе это не по нутру, можешь уйти отсюда.

Рафаэль посмотрел на него, по лицу Патрика было видно, какие противоречивые чувства его одолевают.

— И сколько... это продлится?

— Зависит от организма, — сказала Адрианна. — Так мне говорили.

— У тебя есть время выпить бренди, — заметил Патрик.

Его глаза закрылись ненадолго, потом открылись снова, будто он пробудился после пятисекундного сна. Он посмотрел на Адрианну.

— Это будет странно... — начал он сонным голосом.

— Что будет странно?

— Мое отсутствие, — ответил он с заторможенной улыбкой.

Рука, которой он деловито разравнивал морщинку на простыне, соскользнула с одеяла и схватила руку Адрианны.

— Мы много говорили за прошедшие годы... о том, что после...

— Говорили, — подтвердила она.

— И я узнаю... раньше тебя...

— Завидую.

— Конечно завидуешь.

Было слышно, что с каждой секундой говорить ему все труднее.

— Я не могу это выносить, — сказал Рафаэль, подходя к изножью кровати. — Я не могу это слышать.

— Ничего страшного, детка, — сказал Патрик, словно утешая его. — Ты для меня столько сделал. Больше любого другого. Пойди покури. Со мной все будет в порядке. Правда-правда.

Его перебил звонок в дверь.

— Кого это еще несет? — удивился он, почти как прежний Патрик.

— Не нужно отвечать, — сказал Рафаэль. — Это могут быть полицейские.

— И это может быть Джек, — возразила Адрианна, поднимаясь с кровати.

Зазвонили снова, на этот раз настойчивее.

— Кто бы это ни был, — добавила она, — просто так он не уйдет.

— Сходи, детка, — обратился Патрик к Рафаэлю. — Кто бы там ни был — не впускай. Скажи, что я диктую мемуары.

Он усмехнулся собственной шутке.

— Ступай, — повторил Патрик, когда зазвонили в третий раз.

Рафаэль направился к двери, но, прежде чем выйти из комнаты, оглянулся на человека в постели.

— А что, если это полиция?

— Тогда, если ты не откроешь, они могут вышибить дверь, — сказал Патрик. — Так что иди — покажи им, почем фунт лиха.

Рафаэль вышел, и Патрик откинулся на подушки.

— Бедный мальчик, — сказал он, закрывая глаза. — Ты ведь о нем позаботишься?

— Ты знаешь, что позабочусь, — заверила Адрианна.

— Он не готов к этому.

— А кто из нас готов?

Патрик сжал ее руку.

— Ты молодец.

— А ты?

Он поднял тяжелые веки.

— Я пытался придумать... что сказать, когда придет время. Хотел что-нибудь такое... ну, сильное. Афористичное.

Он угасал — Уилл видел это, речь Патрика становилась все неразборчивее, взгляд — когда он снова открыл глаза — туманным. Но он еще мог слышать голоса от входной двери.

— Кто это? — спросил он у Адрианны. — Джек?

— Нет... похоже, это Льюис.

— Я не хочу его видеть, — сказал Патрик.

Но Рафаэль с трудом удерживал Льюиса. Он как мог старался уговорить его уйти, но тот не слушал.

— Может, тебе стоит ему помочь, — предложил Патрик.

Адрианна не шелохнулась.

— Иди-иди, — настаивал он, хотя силы покинули его. — Я пока никуда не собираюсь. Только... не уходи надолго.

Адрианна встала и поспешила к двери, одновременно желая остаться с Патриком и не пустить Льюиса, который может смутить душевное спокойствие ее пациента.

— Я на минутку, — пообещала она и исчезла в коридоре, оставив дверь приоткрытой.

Уилл услышал, как она сразу, еще не дойдя до входной двери, начала кричать Льюису, что сейчас не время приходить без предупреждения, черт его побери, а потому, бога ради, пусть уходит.

Потом Патрик очень тихо произнес:

— Откуда ты... черт возьми, взялся?

Уилл посмотрел на него и, к своему удивлению, понял, что мутный недоуменный взгляд Патрика устремлен на него, а на лице брезжит едва заметная улыбка. Уилл подошел к кровати и посмотрел на Патрика.

— Ты меня видишь?

— Да, конечно... я тебя вижу, — ответил Патрик. — Ты пришел с Льюисом?

— Нет.

— Подойди ближе. А то по краям расплываешься.

— Дело не в твоих глазах — дело во мне.

Патрик улыбнулся.

— Мой бедный расплывчатый Уилл. — Он не без усилий проглотил слюну. — Спасибо, что пришел. Мне никто не говорил, что ты прийдешь... Если бы знал, я бы подождал еще... чтобы мы могли поговорить.

— Я сам не знал, что приду.

— Ты не считаешь меня трусом? — спросил Патрик. — Мне... просто была невыносима... мысль о медленном умирании.

— Нет, ты совсем не трус, — ответил Уилл.

— Хорошо. Вот о чем я думал. — Он глубоко и протяжно вздохнул. — У меня был такой трудный день... и я устал.

Его веки медленно опускались.

— Ты побудешь со мной немного?

— Сколько скажешь, — ответил Уилл.

— Тогда... вечно, — сказал Патрик и умер.

Все случилось очень просто. Только что Патрик был здесь, но в следующую секунду его уже не было, осталась только оболочка, а чудо исчезло.

Уилл едва дышал от горя. Он подошел к Патрику, погладил его по лицу.

— Я любил тебя, старина. Никого так не любил. — И добавил шепотом: — Даже Джекоба.

Разговор в коридоре закончился, и Уилл услышал, что Адрианна возвращается в спальню, на ходу обращаясь к Патрику. Все в порядке, сказала она, Льюис отправился домой сочинять сонет. Потом открыла дверь, и на мгновение, когда заглянула в комнату, создалось

такое впечатление, что она видит Уилла, который стоит у кровати; она даже произнесла было его имя. Но здравый рассудок убедил Адрианну, что ее чувства ошибаются, Уилл не может здесь находиться, и она умолкла на полуслове, устремив взгляд на Патрика. Она испустила тихий вздох — в равной мере вздох облегчения и скорби. Закрыла глаза, и Уилл догадался, что она молча приказывает себе успокоиться, быть такой, какой она была всегда — скалой во времена эмоциональных бурь.

Рафаэль оставался в коридоре за дверью спальни, откуда он и окликнул Адрианну.

— Лучше сам зайди и посмотри на него, — сказала она.

Ответа не последовало.

— Все хорошо. Кончилось. Все кончилось.

Потом она подошла к кровати, села и погладила Патрика по лицу.

Впервые, покинув Домус Мунди, Уилл пожалел, что он не в своем теле, не рядом с ней у кровати, не может хоть как-то ее утешить. Оставаться здесь и дальше невидимым было неловко, он чувствовал себя вуайеристом. Уилл подумал, что лучше уйти, оставить живых скорбеть, а мертвого — покоиться. Похоже, он не принадлежит ни к одному племени, и эта неприкаянность, которая вполне его устраивала, пока он путешествовал по миру, теперь не удовлетворяла, а лишь обостряла чувство одиночества.

Он прошел в коридор мимо Рафаэля, который стоял у двери спальни, не в силах войти. Уилл достиг входной двери, спустился по лестнице и вышел на улицу. Он знал, что Адрианна сделает все, что нужно. Она всегда была чувствительной и прагматичной в равной мере. Если Рафаэль попросит, она его убаюкает, сделает так, чтобы тело можно было смело передать врачам, когда те приедут, тщательно удалит все свидетельства самоубийства, а если кто спросит, что произошло, солжет, не моргнув глазом, так что никто не заподозрит неладное.

Что до Уилла, то он не мог отвлечься от мыслей, чем-нибудь занявшись. Перед ним простиралась зловеще опустевшая улица, которая всегда была дорогой к дому Патрика. И всегда будет дорогой к дому Патрика, но это утратило всякий смысл.

«Что теперь?» — спрашивал он себя.

Уилл хотел исчезнуть из этого города, войти в ту реку, где не знают боли и откуда он был вытащен, в тот поток, в котором потери не могут его коснуться и он сможет плыть неизменным. Но как он попал туда?

«Может быть, стоит вернуться к дому Льюиса?» — подумал он.

Возможно, лис, через козни которого он попал на эту печальную тропу, все еще возится в куче мусора, и Уилл сможет убедить его запустить процесс в обратную сторону, стереть воспоминания и вернуть его в поток бытия.

Да, именно это он и сделает — вернется в Кумберленд.

На улицах было многолюднее, чем обычно, и на пересечении Кастро и 19-й, заполненной пешеходами, Уилл увидел знакомое лицо. Это был Дрю, который в одиночестве шел через толпу, стараясь всем показать свою довольную физиономию, хотя это не слишком ему удавалось. Он дошел до угла и, похоже, не мог решить, куда пойти дальше. Люди на ходу толкали его, торопясь в какой-нибудь бар, некоторые оглядывались, но, не видя на его лице ответной улыбки, отворачивались. Его, казалось, ничто не волновало. Он просто стоял в людском потоке, пока завсегдатаи баров торопились по своим вечерним делам.

Уилл пошел туда, хотя собирался идти другой дорогой. Он легко двигался в толпе. Когда до угла оставалось яров двадцать, Дрю решил, что не готов к вечернему разгулу, развернулся и пошел назад тем же маршрутом. Уилл последовал за ним, не совсем понимая, зачем это делает (в своей теперешней ипостаси он не мог ни утешить Дрю, ни попросить прощения), просто не хотел его упускать. Толпа стала гуще, и хотя теперь Уилл мог без сопротивления проходить сквозь нее, все же он не был до конца в этом уверен. Он продвигался вперед осторожнее, чем это было необходимо, и почти потерял Дрю из вида. Но он подгонял своего призрака — вперед, сквозь толпу мужчин и женщин (и тех немногих, кто забрел сюда случайно), окликая Дрю, хотя и понимал, что не имеет ни малейшего шанса быть услышанным. «Постой! — кричал он. — Дрю, пожалуйста, погоди».

Когда Уилл побежал и люди вокруг него слились в сплошную массу, он вспомнил другую погоню — он тогда гнался за лисом, а вокруг мелькали деревья, и свет пробуждения ждал его на финишной линии. На этот раз он не пытался замедлить бег, как в тот первый раз, не старался оглянуться через плечо на улицу и толпу в страхе, что не увидит их снова. Он был рад, что покидает эти места.

Дрю вынырнул из толпы на перекрестке и теперь был не дальше, чем в десяти ярдах от Уилла. Он шел домой, глядя себе под ноги. Но когда расстояние между ними сократилось, Дрю, казалось, услышал что-то и, подняв голову, оглянулся на Уилла — третья и последняя душа, для которой Уилл стал на миг видимым в тот вечер. Дрю с радостным ожиданием стал вглядываться в толпу. Лицо его оживилось, и тут Кастро, толпа и ночь, в которой они оба были, уплыли на запад, и Уилл проснулся.

XVIII

Он был в лесу, лежал головой на том самом месте, куда упали птицы. Хотя в Калифорнии все еще была ночь, здесь, в Англии, наступил день, прохладный день поздней осени. Преодолевая боль в суставах, Уилл сел. Легкость пробуждения заглушила смятение, которое он испытывал, покидая Патрика. Вокруг была настоящая помойка. Недоеденные фрукты, ломти хлеба — все уже начинало подгнивать. Если, предположил Уилл, это были остатки его трапез, то он оставался здесь довольно долго. Он коснулся подбородка и обнаружил на нем недельную щетину. Протер глаза и встал. Левая нога занемела, и Уиллу потребовалось время, чтобы вернуть ее в нормальное состояние. Сквозь голые ветки он поглядывал на небо.

Над холмами уже кружили птицы. Он знал, как это здорово — иметь крылья. За последнее время Уилл побывал в орлиных головах и в головах колибри, пьющих цветочный нектар. Но это блаженное время прошло. Он совершил путешествие (или его дух), а теперь вернулся в себя, чтобы оставаться в мире как человек. Да, здесь была скорбь. Не стало Патрика. Погиб Шервуд. Но была и работа, к которой призывал его лис, — священная работа.

Он всем своим весом встал на ногу и захромал прочь от этого замусоренного логова под деревом к краю рощи. Ночью подморозило, и хотя солнце пробивалось сквозь тучи, его лучи были слишком слабы, чтобы растопить ледок, поблескивающий на склонах и полях, на дорогах и крышах. Пейзаж, уходивший вверх и вниз, напоминал картину гениального миниатюриста, прописавшего все микроскопические прожилки папоротника и тончайшие детали облака, — их можно было разглядеть во всех мельчайших и достоверных подробностях, словно они только и ждали сторонних глаз, которые увидят все это.

Как долго стоял он на краю рощи, впиваясь глазами в эту картину? Достаточно, чтобы разглядеть с десятков незначительных сценок внизу. К кормушкам гнали коров; на веревке висело белье; почтальон делал утренний обход. А немного спустя четыре черные машины медленной процессией потянулись от Самсон-стрит к церкви Святого Луки.

— Шервуд... — пробормотал Уилл и, все еще хромя, двинулся вниз по склону, оставляя на тронутой ином трава ярко-зеленую тропинку.

Начал звонить церковный колокол, и его звук разносился по холмам, наполняя долину известием: человек умер. Узнайте, что от нас ушла добрая душа и мы, потеряв ее, стали беднее.

К тому времени, когда похоронная процессия достигла ворот церкви на дальней стороне долины, Уилл спустился лишь до половины склона. Чтобы добраться до места, ему, усталому и хрому, понадобится не менее получаса. Но он подозревал, что, даже если и доберется туда в таком состоянии, его не встретят с распростертыми объятиями. Может, Фрэнни и будет рада, хотя и в этом Уилл не был уверен. Остальных, кто пришел проститься с Шервудом, грязный хромящий Уилл у края могилы только отвлечет от их скорбного дела — отдать дань уважения покойному. Потом, когда гроб засыпят землей, он выберет время посетить кладбище и проститься с Шервудом. А теперь лучшее, что он может сделать в память о нем,

так это держаться от кладбища подальше.

Гроб вытащили из задней двери катафалка и теперь заносили в церковь, провожающие входили следом. Первой за гробом, как ему показалось, шла Фрэнни, хотя на таком расстоянии он не мог разглядеть ее лица. Уилл смотрел, как прихожане исчезают в церкви, а водители присаживаются поболтать у церковной стены.

Только теперь Уилл продолжил спуск. Он решил вернуться в дом Хьюго, принять ванну, побриться, переодеться, чтобы к возвращению с похорон Адели (а она наверняка пошла на кладбище) выглядеть более или менее прилично.

Но, спустившись к подножию холма, он отвлекся — так необычно выглядела улица: она была совершенно пуста. Уилл подумал, что может потратить несколько минут, и двинулся через мост.

Колокол давно перестал звонить, и в долине стало тихо. Но когда, пораженный воцарившейся тишиной, он шел по улице, сзади раздался какой-то звук. Уилл оглянулся и увидел на мосту лису — она стояла, наострив уши, помахивая хвостом, и смотрела на него. Ничто в ее облике не говорило о том, что это Господин Лис или кто-то из его бесчисленного потомства, кроме самого факта присутствия здесь этой лисы, что не оставляло сомнений. Уилл, конечно, видел и более ухоженных зверей, но лис мог бы ответить ему тем же. У них обоих последние дни прошли довольно бурно, оба они пообтрепались и немного тронулись рассудком. Но у них оставались их уловки, их аппетиты. Они продолжали жить и были готовы к следующему дню.

— Ты куда направляешься? — спросил Уилл лиса.

Звук его голоса, нарушивший тишину, спугнул животное, и оно, мгновенно развернувшись и набирая скорость, бросилось прочь через мост и вверх по склону, хотя причины бежать, кроме как ради удовольствия, у него не было. Уилл смотрел на лиса, пока тот не достиг вершины холма. Лис перебирал ногами, пока не исчез из вида.

На вопрос Уилла был дан ответ: «Куда я направляюсь? Неужели не ясно — ухожу туда, где смогу быть ближе к небу».

Уилл еще несколько мгновений смотрел на склон и тропинку, прислушиваясь к словам, сказанным Господином Лисом, когда тот впервые появился у его кровати.

«Просыпайся, Уилл, — сказал он. — Сделай это ради собак, если уж на то пошло. Только просыпайся».

Что ж, вот он и проснулся. Наконец-то. Время видений закончилось, по крайней мере на какое-то время, исчез и тот, кто их вызывал, чтобы Уилл донес до своего племени крупницы обретенной мудрости. Чтобы рассказал, что видел и чувствовал в сердце Домуса Мунди. Чтобы по достоинству оценил то, что ему стало известно, и использовал это по назначению — для исцеления.

Мысленным взором Уилл окинул отцовский дом, представил пустой кабинет, где на столе выцветали листы последней непрочитанной лекции, так же мысленно перевел глаза на церковь, кладбище, где теперь хоронили Шервуда, и наконец вернулся на деревенскую улицу.

Дух этого места останется в его памяти навсегда. Куда бы ни привели его дороги жизни, он унесет с собой эти картинки вместе с печалью и амбициями, одолевавшими его здесь. Но, несмотря на все их значение, не позволит им ни на минуту отвлечь его от его миссии. Он будет следовать примеру лиса, который удалился туда, где может быть самим собой.

Отвернувшись от опустевшей деревни, от церкви и дома, он пошел вдоль реки и по тропе, петлявшей у самого берега. Начал возвращение к своему единственному и истинному дому — к миру.